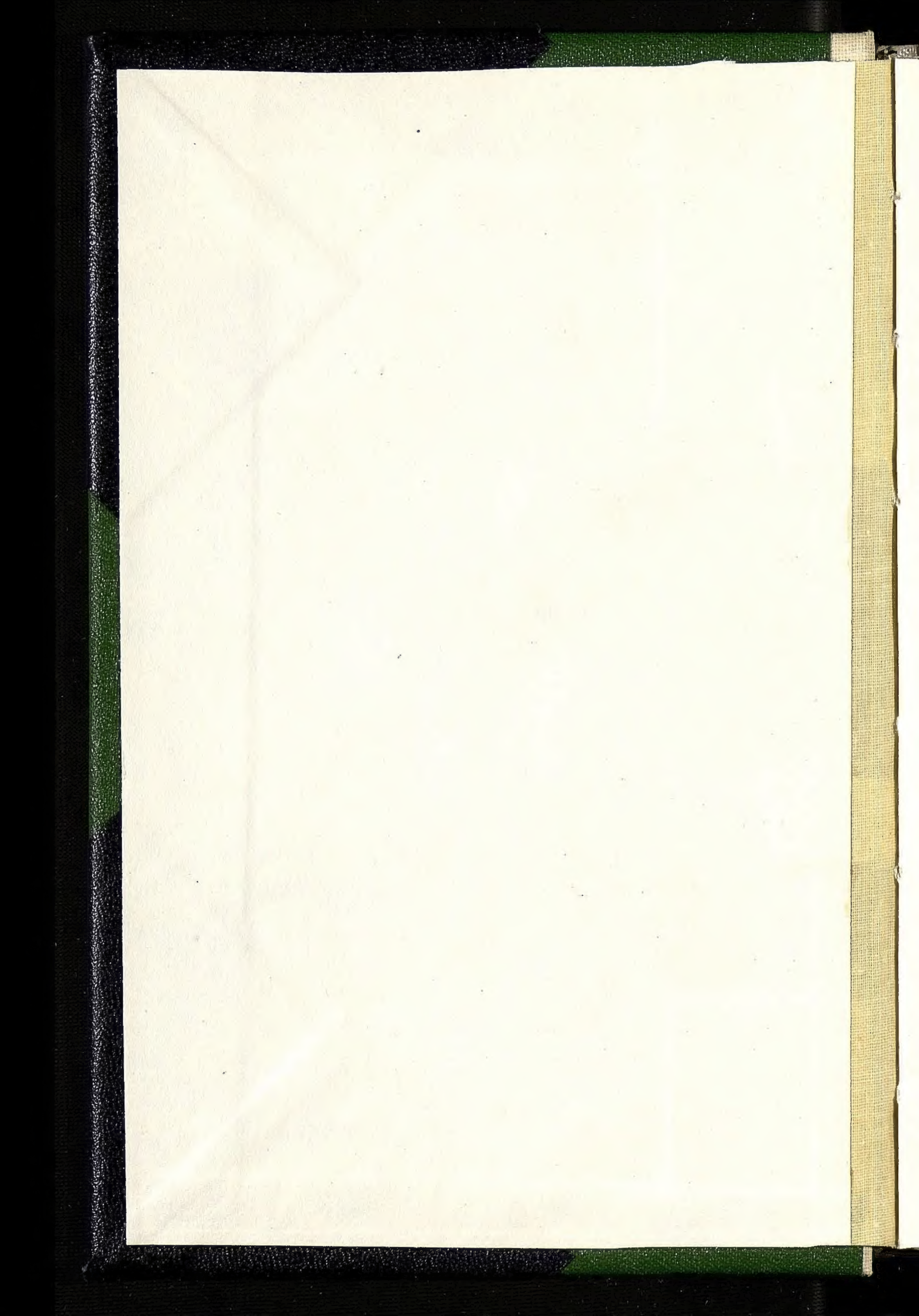
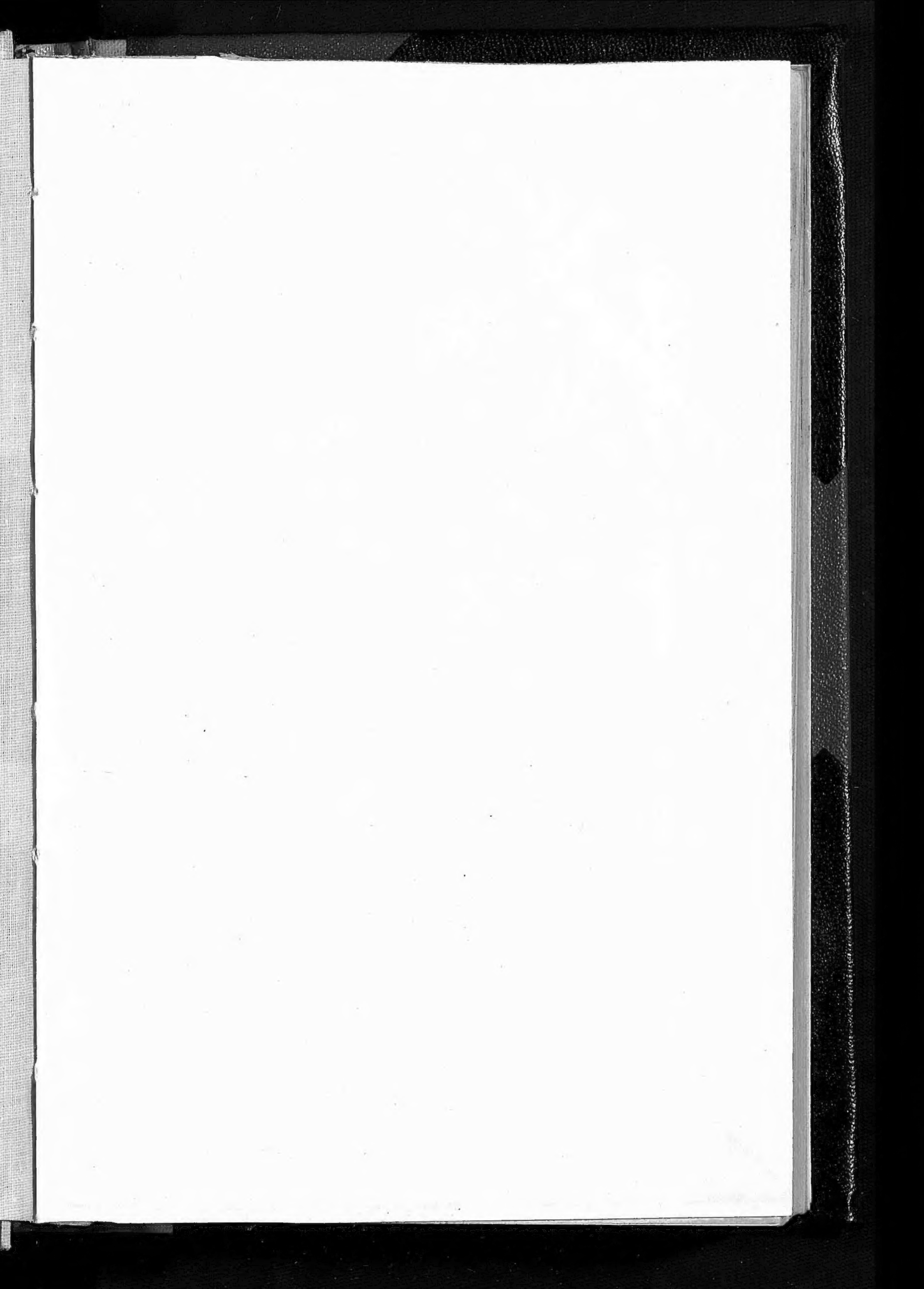
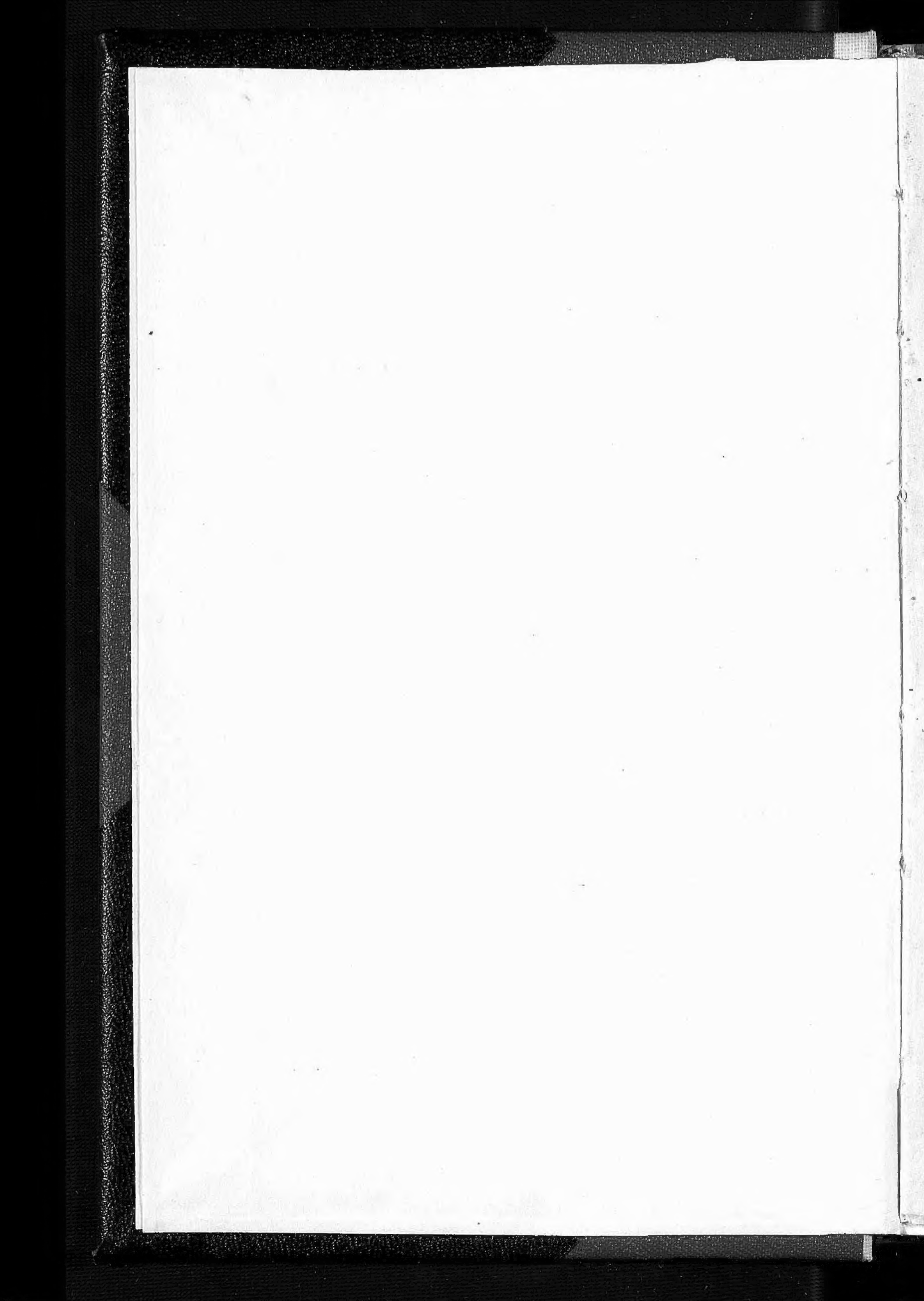
K35 5/20
-1-

К35 5/20
К35 5/20

УСТРОЙСТВО И УПРАВЛЕНІЕ

ГОРОДОВЪ РОССІИ.

ТОМЪ I.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР

ВВЕДЕНІЕ.

ГОРОДА РОССІИ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

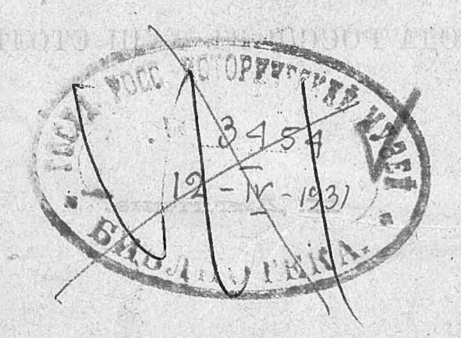
И. Дитятина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Меркульева, Графскій пер., домъ № 5.
1875

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР -М

3454-31

МУЗЕЙ П. И. ЩУКИНА.

Предлагаемая книга составляетъ только первую часть предпринятаго авторомъ труда. Во вторую часть войдетъ изслѣдованіе о городскомъ устройствѣ въ XIX в., начиная съ царствованія императора Павла и кончая настоящимъ временемъ. Во второй части авторъ думаетъ дать гораздо болѣе мѣста сравнительному методу; поэтому, значительная доля этой части будетъ посвящена западно-европейскому городскому устройству.

Какъ въ настоящемъ томѣ авторъ имѣлъ въ виду не города всего русскаго государства XVIII ст., а лишь тѣ, въ которыхъ вводились городскія сословныя учрежденія Петра Великаго и которыхъ касалась Жалованная Грамота городамъ Екатерины II, такъ и во второмъ томѣ своего труда онъ ограничится лишь городами, въ которыхъ введены были возстановленныя екатерининскія учрежденія на которые распространялось городовое положеніе 1857 года и въ которыхъ вводится новое иоложеніе 1870 года.

---

14 декабря 1874 года.

ВВЕДЕНІЕ.

Очеркъ исторіи происхожденія городскаго самоуправленія въ Западной Европѣ.

ГЛАВА I.

Значеніе западно-европейскихъ городовыхъ общинъ вообще и теоріи германистовъ и романистовъ объ ихъ происхожденіи.

Громадная литтература по такъ называемой философіи государственнаго права или права вообще, имѣла своимъ предметомъ до самаго послѣдняго времени исключительно только, съ одной стороны, отдѣльную личность, съ другой, государство. Этими двумя элементами общественной жизни людей, исчерпывалось все содержаніе науки государственнаго права; ея главная задача состояла въ установленіи понятія государства, въ изложеніи ученія объ его происхожденіи, цѣляхъ и устройствѣ съ одной стороны, въ установленіи правъ и обязанностей по отношенію къ государству отдѣльной личности—съ другой. Иначе и быть не могло. Конецъ XVII и весь почти XVIII вѣкъ—время такъ называемаго просвѣщеннаго абсолютизма; время, когда все исходило изъ государства, когда правительственная регламентація всѣхъ сторонъ общественной жизни касалась самыхъ мелкихъ изгибовъ ея, когда отдѣльная личность имѣла слишкомъ мало значенія; ея положеніе было самымъ безпомощнымъ. Теоретики этого времени, изслѣдовавшіе политическій строй — были дѣтьми своего вѣка и находились подъ сильнымъ вліяніемъ современнаго имъ положенія вещей; все вниманіе ихъ сосредоточивается на двухъ явленіяхъ: они видятъ только безсильную личность и государство-исполина; всѣ силы своей логики

они направляютъ къ одной цѣли — къ спасенію личности; свобода личности—ихъ главная цѣль и задача; они ратуютъ за ея права, возстаютъ противъ ея угнетенія; вся сила ихъ логики направлена къ этой цѣли; средство къ достиженію этой цѣли они видятъ въ той же государственной власти и только въ ней; отсюда ученіе раціоналистовъ о происхожденіи, цѣляхъ и формахъ государства. Ратоборствующіе увлеклись преобладающимъ духомъ времени, просмотрѣли единственно вѣрное средство совмѣстить, примирить свободное состояніе отдѣльной личности съ сильной государственной властью; они не замѣтили того средства, къ которому всегда и вездѣ прибѣгала отдѣльная личность какъ къ средству спасенія; они игнорировали то, чему обязано своимъ происхожденіемъ само государство, что существовало до него и существуетъ въ немъ; они просмотрѣли общество, всегда стоявшее между отдѣльною личностью и государствомъ.

Между тѣмъ самая жизнь никогда не игнорировала этого элемента. Исторія всякаго народа начинается съ того момента, когда въ немъ развивается духъ общенія, союзности, если можно такъ выразиться. Общество предшествуетъ государству: оно—первая ступень историческаго развитія народа; но оно не погибаетъ на второй ступени этого развитія въ государствѣ: оно продолжаетъ существовать въ послѣднемъ, служа посредствующимъ звеномъ между имъ и отдѣльнымъ лицомъ. Едва-ли можно найти хоть одинъ моментъ въ исторіи развитія того или другаго государства Европы, въ который между государствомъ и отдѣльнымъ лицомъ не существовало бы этого посредствующаго звена. Такой моментъ не мыслимъ. Община всегда стояла между личностью и государствомъ [1]).

Государство можетъ въ тѣ эпохи своего развитія, когда всѣ интересы частные и общественные поглощаются интересами государственными или личными интересами главы государства и партіи, на которую онъ опирается, лишь обратить общественный союзъ въ слугу себѣ, въ орудіе государства, сжать его, искалечить пожалуй, но уничтожить, разрушить его оно едва-ли въ состояніи. Если о Наполеонѣ I и говорятъ, что онъ создалъ порядокъ вещей, при

---

[1]) Я здѣсь разумѣю лишь одинъ видъ общества — политическо-земскую общину.

которомъ Франція представляла собою колосса государство и пигмея личность, то это не больше какъ иллюстрація политики, стремленій этого императора, но ни какъ не изображеніе самой дѣйствительности: Наполеонъ сжалъ общину, на сколько хватило силъ, административнымъ прессомъ, но онъ не разрушилъ ее.

Въ исторіи развитія Западно-Европейскаго государства самую видную роль играла община городская. Роль этой общины была слишкомъ велика въ исторіи цивилизаціи вообще, чтобъ на нее можно было не обратить вниманія при изученіи дѣйствительной жизни, при изученіи исторіи развитія общественно-государственнаго строя. Благодаря такому значенію городской общины, мы встрѣчаемся, въ Западной Европѣ, въ особенности въ Германіи, не смотря на полное отсутствіе теоретическаго изученія общества, какъ элемента государственной жизни, съ солидной литтературой спеціальныхъ историческихъ изслѣдованій о городѣ.

Совершенно понятно, что вниманіе изслѣдователей историческаго развитія общественно-государственной жизни остановилось именно на этомъ видѣ общиннаго союза: городъ XII и XIII вѣка слишкомъ быстро и пышно развился въ городъ—государство. Городское населеніе, это пресловутое tiers-état, давно игравшее въ исторіи развитія западно-европейскаго государства важную роль, сдѣлавшееся въ концѣ XVIII вѣка «всѣмъ», стоитъ въ слишкомъ неразрывной связи съ городомъ; исторія роста этого сословія слишкомъ сильно связывается съ исторіей роста города, чтобъ можно было, изучая это сословіе, игнорировать историческую судьбу города.

Видя въ исторіи третьяго сословія ни больше, ни меньше, какъ «исторію развитія и прогресса всего гражданскаго общества запад. Европы со времени паденія запад. Римской имперіи до нашихъ дней» [1]), нельзя не видѣть громаднаго значенія въ исторической судьбѣ колыбели этого сословія—города, исторія устройства котораго является, по мнѣнію Маурера, ничѣмъ инымъ какъ результатомъ развитія и взаимныхъ соотношеній сословій; но это устройство не

---

[1]) *Aug. Thierry*: Essai sur l'histoire du tiers état: (изд. 1856 г.). *Его же* Consider. sur l'hist. de France (5-ое изд.).

Guizot замѣчаетъ, что о третьемъ сословіи можно сказать qu'il est le pays même. (L'hist. de la civ. en Fr. IV. 194).

только результатъ взаимныхъ соотношеній сословій, но въ свою очередь и сильный регуляторъ этихъ соотношеній.

Играя огромную роль въ культурномъ отношеніи, въ исторіи развитія цивилизаціи вообще, городъ и его населеніе играли не меньшую роль и въ исторіи развитія государства, какъ политическаго организма, въ исторіи развитія понятія верховной власти съ ея правами.

Средневѣковой городъ, получивъ въ XII в. значеніе общины, пользующейся почти всѣми правами государственной власти, представляя собою государство въ государствѣ, занявъ, въ качествѣ независимаго организма, опредѣленное мѣсто въ феодальномъ строѣ, городъ двоякимъ путемъ вліяетъ на развитіе государства, верховной власти. Во первыхъ, въ качествѣ политической силы, городъ помогаетъ развитію государственной власти, ея усиленію, принимая дѣятельное участіе въ борьбѣ съ враждебными ей элементами—феодалами и папской властью. Какъ участвовалъ городъ въ этой борьбѣ, было-ли участіе его въ ней сознательно, руководился-ли онъ въ этомъ случаѣ именно желаніемъ помочь верховной власти, послужить ей, или онъ участвовалъ въ борьбѣ лишь ради своихъ ближайшихъ интересовъ, и помощь его обусловливалась цѣлями, такъ сказать, корыстными — другой вопросъ. Важно и неоспоримо одно: борьба города съ феодалами за феодальные же права сильно повліяла на современный общественный строй. Уже простой фактъ враждебныхъ отношеній города къ феодаламъ ослаблялъ послѣднихъ въ извѣстной степени, и дѣлалъ изъ города eo ipso союзника верховной власти въ ея борьбѣ съ тѣми же феодалами.

Это значеніе и роль городской общины не только признаны всѣми изслѣдователями средневѣковой исторіи западной Европы, но едва-ли даже не преувеличены ими [1]).

Кончивъ борьбу съ феодалами, и освободившись отъ ихъ власти и вліянія, городская община, какъ независимый политическій организмъ, уже въ силу одного этого обстоятельства, стала во враждебныя отношенія къ своей прежней союзницѣ, верховной власти, имѣвшей цѣлью, если можно такъ выразиться, всеобщую нивеллировку передъ лицомъ своего авторитета. Началась новая борьба,

---

[1]) *Gui ot:* Hist. de la civilis. en Fr. IV. 193.

въ которой городъ, хотя и былъ сломленъ, но все-таки успѣлъ, не вездѣ впрочемъ въ одинаковой степени, принять участіе въ ограниченіи королевской власти, въ развитіи государственнаго строя, придавъ ему конституціонный характеръ. Эта послѣдняя роль города наиболѣе ярко и характерно обрисовывается въ Англіи, гдѣ городское населеніе, вмѣстѣ съ остальными элементами государства, получаетъ право представительства въ парламентѣ еще въ XIII вѣкѣ.

Во вторыхъ, не меньшую, если еще не большую роль игралъ средневѣковой городъ въ исторіи развитія государственнаго строя другою своею стороною: своимъ внутреннимъ развитіемъ, развитіемъ своего устройства и управленія. Здѣсь, въ средневѣковомъ городѣ, завоевавшемъ не только право самоуправленія, но и право политической самостоятельности, выработалась администрація, прототипъ государственной. Въ средневѣковомъ городѣ, какъ увидимъ далѣе, впервые создается, въ лицѣ Городскаго Совѣта, понятіе о верховной власти, общей, единой для всѣхъ, живущихъ въ районѣ города [1]); вмѣстѣ съ этимъ, здѣсь впервые выработывается и понятіе о законѣ, равно обязательномъ для всѣхъ, на кого простирается компетенція городскихъ властей [2]). Здѣсь же, благодаря быстрому развитію городской жизни, очень рано выдѣляются всѣ функціи верховной власти; законодательная, судебная и административная; здѣсь эти функціи впервые перестаютъ быть достояніемъ частнаго права, получивъ общественный, публичный характеръ [3]). Въ городѣ несравненно раньше, чѣмъ въ государствѣ, появляются въ зародышѣ постоянныя войска, въ формѣ наемныхъ, къ помощи которыхъ разбогатѣвшее торгово-промышленное населеніе городовъ прибѣгало не въ одной Италіи, гдѣ такое важное значеніе играли condotieri съ ихъ дружинами. Въ городахъ выработывается правильное финансовое управленіе; общіе доходы и расходы, система налоговъ, займовъ. Въ XII, даже въ концѣ XI стол., городское хозяйство, напр., итальянскихъ городовъ, ведется на совершенно правильныхъ началахъ [4]). Имперія ни о чемъ подобномъ еще и

---

[1]) *Laurent*: Hist. du dr. des gens. VII. 4 1.
[2]) *Aug. Thierry*: Cons. sur l'hist. de Fr. 186.
[3]) *Laurent*: ibid. 440—441.
[4]) *Hüllmann*. Städte IV.

не помышляла. Словомъ, въ средневѣковомъ городѣ впервые вырабатывается административная организація, объемъ ея вѣдомства, почти во всѣхъ деталяхъ.

Все это не могло не имѣть сильнаго вліянія на развитіе тѣхъ же сторонъ въ государствѣ, въ составъ котораго, лишившись своихъ верховныхъ правъ, вошла впослѣдствіи городская община. Ог. Тьери въ своемъ опытѣ исторіи третьяго сословія замѣчаетъ, что въ свободныхъ городахъ мы видимъ учрежденія, которыя изъ мѣстныхъ должны были стать политическими, что въ этихъ городахъ родилась и выработалась государственная администрація [1]. Онъ заходитъ даже такъ далеко въ этомъ отношеніи, что увѣряетъ, будто и великая революція 1789 года по отношенію къ администраціи не создала ничего новаго [2].

Эта вторая сторона вліянія средневѣковаго города на развитіе государственнаго строя особенно рельефно очерчена Гирке въ его капитальномъ трудѣ «Нѣмецкое общественное право» въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «нашъ современный юридическій и политическій строй вытекъ изъ средневѣковаго міросозерцанія лишь чрезъ посредство городовъ. Въ городахъ впервые общественное право отдѣлилось отъ частнаго, въ нихъ впервые признано единство и неотчуждаемость перваго, въ нихъ же создалось понятіе о единствѣ власти и управленія, понятіе о равно для всѣхъ обязательномъ законѣ; короче, въ городѣ впервые выработалось понятіе о государствѣ... Военное, полицейское и финансовое управленіе государства развивалось прямо по образцу городскихъ учрежденій. Понятіе самоуправленія, высшая идея о необходимой связи правъ и обязанностей, идея, которую въ настоящее время стараются осуществить въ государствѣ и возстановить въ общинахъ, были признаны въ средневѣковомъ городѣ высшимъ принципомъ его общественной жизни» [3].

Иначе и быть не могло. Между всѣми элементами средневѣковаго феодальнаго строя, лишь городская община представляла собою

[1] Стр. 32. Тоже самое онъ повторяетъ и въ своихъ Consid. sur l'hist. de Fr. (Ch. VI, 185), говоря, что традиціи административнаго режима родились въ городахъ.

[2] Cons. sur l'hist. de Fr. 186.

[3] Томъ I, стр. 300—301.

то, что можно, съ современной намъ точки зрѣнія, назвать государствомъ; только въ ней мы находимъ всѣ элементы послѣдняго; только въ ней высоко выступаютъ интересы общества, интересы всѣхъ, какъ нѣчто совершенно особое, отличное отъ интересовъ отдѣльнаго, частнаго лица. Лишь только образовался выборный Городской Совѣтъ, лишь только всѣ общественныя должности стали выборными, о частно-правовомъ характерѣ этихъ должностей не можетъ быть и рѣчи; лица, занимавшія эти должности, являлись органами, представителями всего городскаго населенія, защитниками и охранителями правъ и интересовъ этого населенія.

Только въ стѣнахъ средневѣковаго города общественная жизнь проявлялась въ такихъ сложныхъ комбинаціяхъ, такъ многосторонне развивалась, что необходимо вызывала самую сложную, разнообразную административно-полицейскую дѣятельность.—Здѣсь не достаточно было одной охраны, извнѣ и внутри, тишины и безопасности, охраны одного правоваго порядка; жизнь скоро предъявила самыя разностороннія, самыя разнообразныя требованія, которыя должны были и могли удовлетворяться лишь органами общественнаго управленія и лишь общественными средствами [1]) Что же представляетъ собою государство въ эту пору развитія и процвѣтанія городовъ? — Небольше какъ совокупность независимыхъ феодаловъ, ничѣмъ не соединенныхъ между собою, кромѣ чисто внѣшней, формальной связи, роль которой играетъ, стоящій во главѣ ихъ, представитель верховной власти, король или императоръ, пользующійся почти исключительно номинальными, почетными правами, осуществить которыя онъ не имѣетъ средствъ, кромѣ своихъ личныхъ. Населеніе государства почти не знаетъ этого представителя верховныхъ правъ; оно знаетъ лишь своего феодальнаго владѣльца, на землѣ котораго живетъ и который, пользуясь неограниченнымъ правомъ надъ нимъ, совершенно устраняетъ собою верховную власть. При такомъ состояніи общества, объ администраціи въ настоящемъ, государственномъ смыслѣ слова, не могло быть рѣчи нигдѣ, кромѣ свободнаго города.

---

[1]) Подробное описаніе круга дѣятельности общественнаго городскаго управленія у *Hüllmann*'a: Städte IV и у *Maurer* Städte-verfassung. III; у послѣдняго изложеніе der Angelegenheiten занимаетъ 34 параграфа — почти пятую часть всего тома.

Если таково значеніе средневѣковаго города въ исторіи развитія западно - европейскаго государства, то сама собою становится понятной важность вопроса о его возникновеніи и историческомъ развитіи, вопроса о причинахъ его возникновенія и развитія, какъ особаго пункта поселенія вообще. Еще гораздо большую важность имѣетъ вопросъ объ образованіи въ XII и XIII вѣкѣ населеніемъ большинства городовъ такъ называемой коммуны, общины, такъ какъ, собственно говоря, только съ того времени какъ городъ получилъ характеръ общины, характеръ города-государства, онъ начинаетъ играть ту роль, о которой я до сихъ поръ говорилъ.

Благодаря такой важности, вопросъ этотъ и сосредоточилъ на себѣ главнымъ образомъ вниманіе ученыхъ изслѣдователей исторіи города. Возникла цѣлая литтература какъ по исторіи города вообще, такъ и по исторіи отдѣльныхъ городовъ. Какъ при разъясненіи всякихъ вопросовъ, изслѣдователи даннаго далеко не пришли къ однимъ и тѣмъ же результатамъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, главное вниманіе изслѣдователей сосредоточивается на самомъ важномъ періодѣ исторіи развитія городовъ, на періодѣ возникновенія, въ XII вѣкѣ, борьбы городовъ съ ихъ феодальными владѣльцами за свободное, независимое управленіе собственными дѣлами. Прежде всего напрашивался вопросъ — гдѣ причины внезапнаго, съ перваго взгляда, порыва городскаго населенія, къ самостоятельности, къ освобожденію изъ подъ власти феодаловъ. Вопросъ самостоятельности, самобытности общиннаго движенія прежде всего сдѣлался предметомъ споровъ. Есть ли это движеніе непосредственный результатъ историческаго хода развитія средневѣковой жизни, ея естественный продуктъ или оно ничто иное, какъ только возобновленіе, воскрешеніе того, что завѣщала среднимъ вѣкамъ римская цивилизація и что было лишь временно задушено гнетомъ феодализма; есть ли это движеніе и, какъ результатъ его — общинное городовое устройство — явленіе новое, оригинальное или же только проявленіе, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, стараго муниципальнаго строя, созданнаго римской имперіей въ послѣдніе годы ея существованія?

Въ послѣднемъ смыслѣ рѣшаютъ вопросъ о развитіи свободнаго общинно-городскаго устройства изыскатели, принадлежащіе къ школѣ такъ называемыхъ романистовъ, по мнѣнію которыхъ не только

гражданское частное право западной Европы стоитъ въ неразрывной связи съ римскимъ правомъ, но и общинное устройство средневѣковаго города есть ничто иное, какъ овеществленіе, если можно такъ выразиться, традицій, сохранившихся въ памяти городскаго населенія о римскомъ муниципальномъ устройствѣ временъ имперіи; ничто иное какъ вылившіеся въ пышную форму остатки этого устройства, уцѣлѣвшіе послѣ нашествія варваровъ.

Другая школа изслѣдователей, школа германистовъ держится перваго взгляда. По ученію этой школы независимое городское устройство и управленіе въ средніе вѣка не имѣетъ ничего общаго съ римскимъ муниципальнымъ устройствомъ, и вытекаетъ непосредственно изъ чисто германскаго духа союзности, единенія; есть непосредственный результатъ исторіи развитія этого духа въ средневѣковомъ феодальномъ строѣ. Мнѣніе этой послѣдней школы въ настоящее время пользуется преобладающимъ, если не исключительнымъ господствомъ, какъ совершенно согласное съ дѣйствительнымъ ходомъ исторіи развитія средневѣковаго города.

Прежде чѣмъ приступить къ самому очерку исторіи развитія западно-европейскаго города, я считаю далеко не лишнимъ остановиться нѣсколько времени на теоріи романистовъ о происхожденіи свободнаго городскаго устройства и управленія. Во первыхъ, эта теорія поддерживается такими учеными историками, какъ Гизо, Тьери, и облекается въ такую изящную, привлекательную форму, въ какую способны облекать свои мысли и мнѣнія эти талантливые ученые; понятно, что благодаря такимъ авторитетамъ науки, увлекательной формѣ ихъ сочиненій, распространенности языка, на которомъ написаны эти сочиненія, теорія римскаго происхожденія городскаго устройства далеко еще не можетъ считаться отжившей, потерявшей всякое значеніе, а потому для моей цѣли — указать, что общественный городской строй западной Европы, есть ничто иное какъ продуктъ средневѣковой феодальной жизни, продуктъ постепеннаго развитія торгово-промышленнаго населенія городовъ; результатъ энергической борьбы этого населенія съ феодалами, словомъ, естественный продуктъ самой жизни, ея развитія; для этой цѣли, говорю я, для меня очень важно остановиться подробнѣе на искусственной теоріи романистовъ и по мѣрѣ силъ устранить

ее на основаніи данныхъ, добытыхъ изслѣдователями германской школы.

Между изслѣдователями романистами по данному вопросу необходимо различать двѣ, рѣзко выдающіяся школы: къ одной изъ нихъ я отношу всѣхъ изслѣдователей французовъ, къ другой — нѣмцевъ. Отличіе этихъ двухъ школъ (не во взглядахъ на самый вопросъ, которые у обѣихъ въ сущности одинаковъ) выражается во первыхъ въ цѣляхъ, ради которыхъ та и другая придерживается общаго обѣимъ школамъ взгляда. Ученые французской школы рѣдко являются въ данномъ случаѣ безпристрастными изыскателями исторической истины; большинство изъ нихъ не хотятъ принять историческую дѣйствительность такъ, какъ она есть; они стараются подогнать ее подъ свои личныя симпатіи, не имѣющія ничего общаго съ прошлымъ исторіи. Многіе изъ нихъ берутся за изученіе средневѣковаго города не какъ безпристрастные историки, а какъ люди той или другой политической партіи, которые стараются въ историческомъ прошломъ найти факты, могущіе подкрѣпить ихъ политическія симпатіи и антипатіи; они стараются заранѣе составленную à priori программу обосновать, утвердить историческими данными [1]). Здѣсь все равно, въ сущности, къ какой партіи принадлежитъ изслѣдователь; во всякомъ случаѣ онъ мало приноситъ пользы дѣлу.

Одинъ изъ лучшихъ историковъ Франціи, Ог. Тьерри, самъ сознается въ такомъ характерѣ нѣкоторыхъ своихъ историческихъ изслѣдованій. Въ первомъ письмѣ sur l' histoire de France онъ говоритъ, что желаніе содѣйствовать по мѣрѣ силъ къ торжеству конституціонныхъ идей заставило его въ 1817 году искать въ исторіи доказательствъ и оправданій своихъ политическихъ убѣжденій [1]).

Само собою понятно, что при такомъ отношеніи къ исторіи

---

[1]) *Savigny*: Gesch. des röm. Rechts. I (изд. 2) 13, 14 и 16. *Hegel*: Gesch. der Städte-verfassung in Italien II. 335—337.

[2]) *Laurent* довольно оригинально объясняетъ стремленіе французскихъ историковъ произвести общинное устройство средневѣковаго города изъ римской муниципіи аналогіей между французскимъ и римскимъ геніями: обоимъ обща страсть къ единству и равенству. Hist. du dr. des gens. VII. 449.

эти писатели едвали могутъ развить вполнѣ убѣдительно и ясно свои доводы и историческія соображенія въ пользу тѣсной связи средневѣковой городской общины съ римской муниципіей; всѣ ихъ доводы слишкомъ проникнуты политической тенденціей, чтобы могли показаться достовѣрными. Другое дѣло ученые нѣмецкой школы. Подозрѣніе въ политическомъ пристрастіи, въ заднихъ цѣляхъ, чуждыхъ самому дѣлу, по отношенію къ изслѣдователямъ этой школы едвали можетъ имѣть мѣсто. Но они страдаютъ другимъ недостаткомъ: пристрастіемъ, если можно такъ выразиться, къ идеѣ, ими развиваемой; излишней односторонностью въ развитіи опредѣленной мысли [1]. Во вторыхъ, какъ увидимъ, различіе школъ выражается и въ характерѣ самыхъ доводовъ и доказательствъ: французы являются болѣе смѣлыми, но гораздо легче вооруженными, чѣмъ германскіе ученые, бойцами по данному вопросу.

Изъ французскихъ писателей школы романистовъ я остановлюсь лишь на писателяхъ XIX вѣка, спеціально занимавшихся вопросомъ о возникновеніи общиннаго устройства средневѣковыхъ городовъ [2].

Самыми послѣдовательными и односторонними романистами изъ французовъ являются Raynouard и Leber. Оба они исходятъ, или лучше, доказываютъ одно и то же положеніе, что римскія

---

[1]) Лоранъ замѣчаетъ по поводу теоріи Савиньи, что этотъ ученый долженъ былъ, какъ представитель исторической школы, доказать наличность римскихъ институтовъ и въ общественно-политическихъ учрежденіяхъ. Ibid.

[2]) Писатели XVIII вѣка, касавшіеся такъ или иначе даннаго вопроса: *Dubos* Hist. crit. de la mon. francaise; *Moreau* Princ. de morale et discours sur l'histoire de Fr.: *Mably* Observ. sur l'hist. de France *Montlosier*, уже въ началѣ XIX в. разобраны у *Aug. Thierry*, въ его Cons. sur l'hist. de Fr., у *Béchard:* Droit munic. au mayen âge. I liv. V, ch. 1; у *Савиньи* I. § 101 и во введеніи.

Къ писателямъ, спеціально занимавшимся даннымъ вопросомъ въ XIX в. относятся: *Leber:* Hist. crit. du droit municipal. 1828; *Raynonard:* Hist. du dr. munic. en France 1829. *Aug. Thierry:* Lettres sur l'hist. de Fr. XIII—XVII. *Его же*: Consid. sur l'hist. de Fr. ch. VI; *Его же* Essai sur. l'hist. du tiers état. *Guizot*: Hist. de la civilis. en Fr. IV, lec. XVI—XIX. *Его же*: Ист. цивил. въ Европѣ, лек. VII. *Béchard:* Dr. munic. au moyen âge.

муниципальныя учрежденія не исчезали во Франціи никогда; сохранившись до XII даже до XIII в. [1]), они вылились въ это время въ общинное устройство французскаго города, которое такимъ образомъ, есть ничто иное, какъ реставрація римскаго муниципальнаго устройства, лишь временно исчезнувшаго подъ гнетомъ феодализма [2]). Тотъ и другой признаютъ существованіе римскихъ традицій муниципальнаго устройства одинаково на всемъ пространствѣ Франціи. Этимъ и ограничивается сходство ихъ теорій; дальше, какъ публицисты, сторонники различныхъ политическихъ партій, они сильно расходятся въ своихъ взглядахъ. *Raynouard*'у стороннику либеральной, оппозиціонной партіи необходимо доказать положеніе, что свобода, какъ выражается К. Гегель—исконное достояніе народа, а деспотизмъ — чадо новаго времени; поэтому онъ старается доказать, что сохраненіе римскихъ муниципальныхъ учрежденій, ихъ реставрація — дѣло самаго народа, населенія городовъ; она — результатъ борьбы городовъ съ феодалами, королевская же власть относилась къ городскому движенію почти пассивно: она ограничивалась лишь санкціей выработаннаго и существовавшаго раньше [3]). Иначе смотритъ на вопросъ какъ, какимъ путемъ реставрировались муниципальныя учрежденія, какую роль играла въ этой реставраціи королевская власть, Leber, политическія симпатіи котораго, какъ монархиста, лежатъ на другой сторонѣ; онъ уже стремится доказать, что всякое политическое право французскаго народа есть ничто иное, какъ эманація королевской власти [4]). Поэтому, хотя римскія муниципальныя учрежденія и оставлены Хлодвигомъ въ городахъ, но оставлены лишь въ силу его доброй воли, въ силу политическихъ соображеній о пользѣ, а никакъ не въ силу легальной необходимости [5]); благодаря такому значенію королевской власти оставшіеся въ городахъ муниципальные должностные лица

---

[1]) *Raynouard* утверждаетъ, что Хлодвигъ ничего не измѣнилъ въ городскомъ управленіи завоеванной имъ Галліи, почему римскія муниципальныя учрежденія и существовали sous les trois dynasties de nos rois. t. I. 285 и 290; t. II, liv. IV, ch. 1.

[2]) *Leber:* 153, 165 и 261; *Raynonard* II, 291—297.

[3]) Hist. du dr. municip. II. 251; 291—294; 319.

[4]) Hist. crit. du dr. municipal. 51.

[5]) Ibid. 99.

являются ничѣмъ инымъ, какъ помощниками королевскихъ чиновниковъ. Понятно, съ этой точки зрѣнія, что лишь только феодализмъ разростается до полной независимости, лишь только королевская власть умаляется до нуля, римскія городскія учрежденія должны погибнуть [1]), и на оборотъ — вымираетъ феодализмъ, воскресаетъ королевская власть, муниципальное городское устройство должно воскреснуть. Людовикъ VI возстановляетъ и поддерживаетъ (а не санкціонируетъ только) муниципальную свободу [2]).

Далеко не такими односторонними и крайними романистами, какъ Leber и Raynouard, являются Гизо и Ог. Тьерри. Они спаслись отъ крайнихъ увлеченій, какъ благодаря талантамъ, такъ и учености и въ особенности, вѣроятно, благодаря знакомству съ нѣмецкой литературой по данному вопросу, знакомству, совершенно чуждому первымъ двумъ ученымъ. Благодаря тѣмъ же условіямъ они болѣе свободны и отъ политической тенденціозности.

Въ своихъ лекціяхъ по исторіи цивилизаціи въ Европѣ Гизо, вскользь впрочемъ, говоритъ объ остаткахъ римскихъ муниципальныхъ учрежденій, ссылаясь на Hüllmann'а и Савиньи; вслѣдъ затѣмъ онъ прибавляетъ, что остатки эти постепенно исчезали, пока, наконецъ, города, постепенно падая, не вошли, въ періодъ торжества феодализма, въ составъ феодовъ [3]). Въ читанныхъ вслѣдъ затѣмъ лекціяхъ по исторіи цивилизаціи во Франціи Гизо останавливается гораздо подробнѣе на вопросѣ о городахъ, посвящая ему цѣлыхъ четыре лекціи; здѣсь вопросъ объ остаткахъ римскихъ муниципальныхъ учрежденій разсматривается уже не мимоходомъ, какъ въ предъидущихъ лекціяхъ; Гизо уже категорически утверждаетъ, что «римское муниципальное начало не погибло вмѣстѣ съ имперіей», что оно живетъ во Франціи въ IX, X и даже XI столѣтіи; въ подтвержденіе этого положенія онъ ссылается на того же Raynouard'а, причемъ, однако, не принимаетъ мнѣнія послѣдняго во всей его полнотѣ, признавая фактъ римскихъ остатковъ неоспоримымъ лишь для южной Галліи, «гораздо болѣе римской, чѣмъ Галлія сѣверная» [4]); только здѣсь, на югѣ Франціи, причи-

---

[1]) Hist. crit. du dr. municipal. 112, 132 и 133.

[2]) Ibid. 153.

[3]) Истор. цивил. въ Европѣ. 2 изд. 117.

[4]) Hist. de la civil. en France (изд. Didier 1859 t. IV. 202, 214—218).

ны свободнаго городскаго устройства коренятся въ остаткахъ римскаго муниципальнаго режима; въ остальной же Франціи такими причинами, по мнѣнію Гизо, были: или добровольное, свободное дарованіе правъ и привилегій горожанамъ со стороны сеньоровъ и королей; или завоеваніе этихъ правъ самими горожанами съ оружіемъ въ рукахъ [1]); при этомъ надо замѣтить, что даже по отношенію къ югу Франціи Гизо не высказывается такъ рѣшительно и безаппелляціонно, какъ Raynouard; онъ откровенно сознается, что точныхъ документовъ и доказательствъ о существованіи здѣсь римскихъ муниципальныхъ учрежденій нѣтъ: что встрѣчаются лишь имена римскихъ магистратовъ, безъ всякаго указанія на содержаніе этихъ именъ, на тѣ понятія, для которыхъ они служатъ названіемъ; здѣсь же, впрочемъ, это отсутствіе доказательствъ авторъ, не желая отказаться отъ своего положенія, остроумно объясняетъ тѣмъ, что «южные города, сохранивъ римскій режимъ, не чувствовали необходимости описывать муниципальную организацію», какъ явленіе для нихъ слишкомъ заурядное [2]).

Почти того же взгляда на данный вопросъ держится и Ог. Тьерри, лишь мотивируя его нѣсколько обстоятельнѣе, чѣмъ Гизо; и онъ, какъ этотъ послѣдній, въ сущности опирается на изслѣдованія Raynouard'а, хотя и не ограничивается одними ими. Въ своихъ письмахъ объ исторіи Франціи, вышедшихъ въ началѣ 20-хъ годовъ, Ог. Тьерри ограничивается лишь нѣсколькими замѣчаніями о римскомъ происхожденіи городской свободы. Въ XIV письмѣ онъ высказываетъ, въ видѣ общаго положенія, мысль, что общинное движеніе XII вѣка имѣло своимъ очагомъ древніе муниципальные города вездѣ, гдѣ они существовали со временъ Римлянъ и что самое соціальное равенство и goût du travail промышленнаго слоя городскаго населенія есть ничто иное, какъ остатки древней римской цивилизаціи [3]). Излагая далѣе исторію борьбы Реймса съ епископомъ, Ог. Тьерри замѣчаетъ, что это одинъ изъ городовъ, сохранившихъ и по завоеваніи Галліи Франками муниципальную организацію, полученную имъ отъ Римлянъ. Все это, однако,

---

[1]) Ibid. 208—209.
[2]) Ibid. 214—215.
[3]) Lettres sur l'hist. de Fr. XIV 203—204.

не мѣшаетъ автору высказаться, что магистратъ, это завѣщаніе Римлянъ средневѣковому городу, потерялъ всякое политическое и административное значеніе, обратившись въ учрежденіе исключительно судебное съ очень притомъ ограниченной компетенціей; что римская курія при второй династіи замѣнилась скабинами; а архіепископъ обратился въ феодальнаго владѣльца города [1]).

Въ своихъ Considerations sur l'histoire de France и Essai sur l' histoire du tiers état, Ог. Тьерри останавливается на данномъ вопросѣ подробнѣе, и приходитъ къ убѣжденію, что римскія гражданскія и политическія учрежденія въ томъ видѣ, какъ сложились они при императорѣ Константинѣ Великомъ, являются источникомъ всей французской цивилизаціи, такъ какъ въ городахъ, этихъ хранилищахъ римскихъ нравовъ, нашествіе варваровъ не уничтожило римской администраціи; однако эти традиціи о римской цивилизаціи сохраняются далеко не одинаково въ городахъ всей Франціи: города южной Франціи и отчасти центральной полосы ея остались наиболѣе вѣрными этимъ традиціямъ; на сѣверѣ же они почти совершенно подавлены Германскимъ началомъ гильдій. Такимъ образомъ вся Франція по отношенію къ сохраненію римскихъ муниципальныхъ учрежденій должна быть раздѣлена на три полосы: южную, гдѣ римскія традиціи наиболѣе сильны, сѣверную, гдѣ они почти вовсе исчезли и среднюю, центральную, гдѣ городское устройство составляетъ нѣчто среднее между южнымъ, римскимъ и сѣвернымъ, германскимъ и гдѣ римское начало, стало-быть, существуетъ, хотя и въ слабой степени [2]).

Позднѣйшій французскій изслѣдователь муниципальнаго права въ Средніе вѣка, *Béchard*, держится относительно происхожденія общин-

---

[1]) Ibid. XX. 293.

[2]) Essai sur l'hist. du tiers état: II, 12, 21, 28 и 30. Consid. sur l'hist. de Fr. 162—172 и 184. Теорію Гизо и Тьерри усвоиваютъ: *Schäffner* — Gesch. der Rechtsverf. Fankreichs t. II. гл. 25 стр. 537 и 26; стр. 554 (2 изд.), а также *Warnkönig* и *Stein* въ ихъ Französische Staats-und Rechtsgeschichte t. I. B. III; cap. III; 142—146 и 263—264. Ея же держится и *А. Смирновъ:* „Коммуна средневѣковой Франціи"; начало I главы; что не мѣшаетъ ему высказать здѣсь же взглядъ, что общинное движеніе коренится „въ цѣломъ строѣ общественныхъ и экономическихъ отношеній"... 29.

наго устройства средневѣковаго города взгляда Raynouard'а, смягченнаго нѣсколько теоріей Гизо и Тьерри. Онъ признаетъ во Франціи, какъ и вообще въ Европѣ, въ смѣшеніи оба начала—римское и германское [1]). Этотъ ученый уже неограничивается, подобно предшествовавшимъ, одной Франціей; его изслѣдованіе (I томъ) обнимаетъ всю Западную Европу въ періодъ среднихъ вѣковъ, подобно изслѣдованіямъ большинства нѣмецкихъ романистовъ, къ ученію которыхъ я и перехожу.

Однимъ изъ первыхъ поборниковъ теоріи римскаго происхожденія устройства городовъ Средневѣковой Европы изъ ученыхъ Германіи является *Эйхорнъ*. Уже въ извѣстной исторіи нѣмецкаго права, (появившейся первымъ изданіемъ въ 1808 году) этотъ ученый высказываетъ мысль, что въ существованіи римскаго городскаго устройства во многихъ городахъ Германіи нельзя сомнѣваться [2]). Спустя семь лѣтъ Эйхорнъ издастъ спеціальное изслѣдованіе о разсматриваемомъ вопросѣ, помѣщенное въ Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft за 1815 и 1816 года [3]). Въ этомъ изслѣдованіи онъ уже подробно и обстоятельно развиваетъ мысль, что вольности и льготы городовъ, обратившія устройство ихъ изъ крѣпостнаго, зависимаго отъ феодальнаго владѣльца, въ свободное, могутъ быть произведены изъ римскаго устройства нѣкоторыхъ нѣмецкихъ городовъ. Но Эйхорнъ еще не рѣшается возвести свое мнѣніе на степень категорическаго утвержденія и распространить свое положеніе о римскомъ происхожденіи городскаго устройства на всѣ города; то и другое дѣлаютъ *Гауппъ* и *Савиньи*; послѣдній утверждаетъ уже безусловно, что римскія муниципальныя учрежденія существуютъ послѣ переселенія народовъ во всей Западной Европѣ [4]).

На чемъ же основываютъ свои взгляды названные романисты

---

[1]) Droit municipal au moyen âge. t. 1, l. 1, ch. V и l. V. ch. 1.

[2]) Deutsche Staats und Rechtsgeschichte I. 190 (Ausgabe 4. 1834 г.). Я ничего не говорю о взглядѣ *Gemeiner*'а, высказаннаго въ его соч. Ursprung der Stadt Regensburg, 1817 г., съ которымъ я не могъ познакомиться непосредственно и за которымъ К. Гегель не признаетъ никакого научнаго достоинства относительно даннаго вопроса.

[3]) Ueber den Ursprung der städtischen Verfarssung in Deutschland.

[4]) Geschichte des röm. Rechts im Mittelalter. I. 290 (изд. 1834).

обѣихъ школъ: французской и нѣмецкой; что за факты и доводы выставляютъ они въ подтвержденіе этихъ взглядовъ?

Я уже замѣтилъ по поводу романистовъ французской школы, что самостоятельныя доказательства изъ нихъ приводитъ лишь одинъ Raynouard; Гизо прямо опирается на этого изслѣдователя и Савиньи; тоже въ сущности дѣлаетъ и Тьерри, приводя очень немногіе собственные мотивы и доводы, отличающіеся болѣе общимъ, теоретическимъ характеромъ, чѣмъ фактичностью. Доводы же и доказательства Raynouard'а отчасти однородны съ доказательствами, выставляемыми учеными нѣмецкой школы, отчасти же не достаточно строго научны, чтобъ на нихъ нужно было останавливаться [1]). Я прямо обращаюсь и главнымъ образомъ останавливаюсь на теоріи и ея историческихъ основаніяхъ писателей нѣмецкой школы. Изъ этихъ писателей наиболѣе солиднымъ, наиболѣе послѣдовательнымъ, рѣшительнымъ, а главное, наиболѣе сильно вооруженнымъ, съ цѣлымъ арсеналомъ доводовъ выступаетъ *Савиньи* въ своей знаменитой «исторіи римскаго права въ средніе вѣка». Доводы этого ученаго, лишь дополняемые доводами другихъ, я и буду имѣть въ виду какъ при изложеніи самой теоріи, такъ и при опроверженіи ея [2]).

Не смотря на массу, повидимому неопровержимыхъ, доводовъ въ пользу существованія римскихъ муниципальныхъ учрежденій въ Средніе вѣка, не смотря на изобиліе остатковъ этихъ учрежденій, отысканныхъ романистами почти повсюду въ Западной Европѣ; эти ученые все таки не могли спокойно отнестись къ факту великаго переселенія варваровъ; они нашли необходимымъ попытаться доказать недовѣрчивымъ умамъ, какимъ образомъ могли уцѣлѣть эти «остатки» послѣ нашествія варваровъ, все предававшихъ на своемъ пути огню и мечу, не дававшихъ пощады никому и ничему; почему Вандалы, Лангобарды или Гунны, эти, все разрушающія

[1]) Самъ *Савиньи* заподозрѣваетъ безукоризненность *Raynouard*'а въ пользованіи источниками и замѣчаетъ, что его положенія вѣрны лишь въ общемъ. Gesch. des röm. Rechts. I. 16. Тоже, еще рѣзче высказываетъ и К. Гегель. Gesch. der Städteverfas. in Italien. II. 335—36.

[2]) Въ критическихъ замѣчаніяхъ на теорію романистовъ я руковожусь главнымъ образомъ сочиненіями: *K. Hegel:* Geschichte der Städteverf. in Ital. и *Bethmann-Hollweg:* Ueber den Ursprung der lombardischen Städtefreiheit.

дикія орды, прониклись уваженіемъ къ римскимъ муниципіямъ и ихъ населенію? Доказать и объяснить это обстоятельство дѣйствительно было необходимо.

Цивилизація Западной Римской Имперіи, ея муниципальныя учрежденія, могли ждать извѣстной доли уваженія отъ Вестготовъ, Остготовъ, Бургундовъ, племенъ издавно освоившихся съ римской цивилизаціей, римскими учрежденіями; представители этихъ племенъ еще во времена паденія республики живали въ Римѣ. Во времена же имперіи они составляли цѣлыя дружины въ Римѣ, получая за службу земли въ предѣлахъ римскаго государства; а наканунѣ паденія Западной Римской имперіи германскія имена изъ этихъ племенъ встрѣчаются не только между сенаторами и патриціями, но даже и императорами. Остготы долгое время жили въ сосѣдствѣ съ Восточной Римской имперіей и поддались сильному вліянію ея цивилизаціи; ихъ король Теодорихъ получаетъ воспитаніе при дворѣ восточнаго императора. Нѣтъ ничего удивительнаго, что племена, отдѣльные члены которыхъ считали высшею степенью почета произвести себя непосредственно отъ римлянина; племена, предводители которыхъ ликовали, получивъ какой либо почетный титулъ отъ Римскаго императора; нѣтъ ничего, говорю, удивительнаго, если такія племена относились съ почтеніемъ къ римскому политическому строю, оставляя его почти неприкосновеннымъ. Сохраненіе римскихъ государственныхъ и муниципальныхъ учрежденій у этихъ племенъ нечего особенно и доказывать; этого факта не отрицаютъ даже и противники романистовъ, какъ напр., К. Гегель, который государственное устройство у Остготовъ и Бургундовъ признаетъ прежнимъ, римскимъ [1]).

Не таковы должны были быть отношенія къ римскимъ учрежденіямъ, римскому государственному и муниципальному строю со стороны, напр., Гунновъ, Вандаловъ, Лангобардовъ, Англосаксовъ. Чтобы увѣрить въ существованіи римскихъ муниципій, даже вообще городовъ, какъ просто населенныхъ пунктовъ, послѣ нашествія этихъ племенъ, нужны уже доказательства и доказательства солидныя. Положимъ, господство Гунновъ, Вандаловъ было въ Европѣ не осо-

---

[1]) Geschichte der Städteverfas in Ital. I, стран. 109 и вся вообще гл. IV; II 310—22.

бенно долговременно, но и его, мнѣ кажется, было достаточно, чтобы стереть съ лица земли многое изъ плодовъ римской цивилизаціи. Но господство Лангобардовъ, этихъ грубыхъ, жестокихъ, «настоящихъ варваровъ», какъ выражается Грановскій, уже не было кратковременно, оно уже не могло не отозваться на римскихъ учрежденіяхъ [1]). Какимъ образомъ могли уцѣлѣть отъ набѣговъ варваровъ, передъ которыми все бѣжало, какъ свидѣтельствуетъ Григорій Турскій, которые опустошали земли, раззоряли и грабили города [2]), эти раззоренные и разграбленные города съ ихъ учрежденіями?

Романисты стараются представить эти доказательства. Однимъ изъ главныхъ они выставляютъ положеніе, что варвары-Лангобарды и другія германскія племена вовсе не были такъ дики, какъ думаетъ большинство и какъ о томъ свидѣтельствуютъ современники, что они вовсе не ставили себѣ цѣлью упорное, безпощадное истребленіе всего римскаго; что они вовсе не старались объ обращеніи въ рабство или полномъ германизированіи завоеванныхъ римлянъ, что всему этому подвергались лишь отдѣльные индивиды, но никакъ не цѣлая нація; мало того, обѣ націи, говорятъ романисты,— римляне, завоеванные, и германцы, завоеватели, остаются, живя на одной территоріи, совершенно различными по своимъ нравамъ и правовымъ отношеніямъ: отношенія римлянъ опредѣляются римскимъ правомъ, Лонгобардовъ—варварскимъ, въ силу всеобщаго господства личныхъ правоотношеній въ Средніе вѣка. [3]).

Савиньи не останавливается и на этомъ. Онъ увѣряетъ, что положеніе римлянъ при варварахъ было даже лучше, чѣмъ во времена имперіи, при чемъ ссылается на такой авторитетъ, какъ сочиненіе *Salvianus*'а De goubernatione Dei [4]). Такое состояніе завоеванныхъ римлянъ, по мнѣнію Савиньи лучше всего выясняется при изученіи ихъ отношеній къ поземельной собственности, кото-

---

[1]) *Кудрявцевъ* называетъ Лангобардское завоеваніе самымъ насильственнымъ и самымъ безпощаднымъ изъ завоеваній, которымъ подвергалась Италія. Судьбы Италіи. 289.

[2]) Характеръ завоеванія Лангобардовъ—по Григорью Турскому—очерченъ у *Кудрявцева*. Ibid 131—133.

[3]) *Savigny* I. 115—117; 290 и 416.

[4]) Ibid. 290 прим. а.

рыя не особенно круто измѣнились и при Лангобардахъ; эти варвары вовсе не лишили римлянъ поземельной собственности, «хотя отдѣльныя лица и могли потерять ее» [1]. Если свобода личности и собственности завоеванныхъ римлянъ доказана, то по мнѣнію Савиньи, доказывать существованіе римскихъ муниципальныхъ учрежденій при Лангобардахъ не стоитъ и труда: ихъ существованіе есть въ такомъ случаѣ необходимый фактъ [2]. Но тѣмъ не менѣе и доказательству этого «необходимаго факта» онъ посвящаетъ нѣсколько параграфовъ, къ которымъ я обращусь позже.

Приблизительно тоже, только по отношенію къ Франкамъ, высказываетъ и Тьерри. По его мнѣнію варвары, не смотря на всю ихъ дикость и грубую силу, не въ состояніи были разрушить все, что они нашли въ Галліи, и все разрушенное обновить: христіанскія учрежденія, римское право и городская администрація сохранились отъ разушеній [3]; тѣмъ болѣе, что кара завоеванія не въ одинаковой мѣрѣ постигла всю Галлію: самому безпощадному разрушенію подверглась только сѣверная часть ея. Къ завершенію своего взгляда оба писателя, на основаніи извѣстій Тацита, высказываютъ мнѣніе, что въ городахъ-то именно и сохранилось римское населеніе съ его нравами и правоотношеніями, такъ какъ «вольнолюбивые» варвары-завоеватели бѣжали города, какъ чумы: въ стѣнахъ его негдѣ было разгуляться ихъ дикой мощи.

Замѣчательно, что итальянскіе писатели, на отечество которыхъ Савиньи и романисты вообще особенно указываютъ, какъ на страну, гдѣ городская свобода и ея гарантіи XII в. являются непосредственнымъ наслѣдіемъ римскихъ муниципальныхъ учрежденій, итальянскіе писатели, говорю я, упорнѣе всѣхъ другихъ отвергаютъ теорію романистовъ. Они единогласно утверждаютъ, что завоеваніе Лангобардовъ было однимъ изъ самыхъ опустошительныхъ и безпощадныхъ и что варвары-завоеватели лишили завоеванныхъ римлянъ, какъ ихъ личной свободы, такъ и поземельной собственности. Все это говорятъ тѣ писатели, изслѣдованія которыхъ, по утверж-

---

[1]) Ibid. 405. Вообще §§ 118 и 119. Это положеніе признаетъ доказаннымъ и *Bethmann-Hollweg* 5.

[2]) *Savigny* § 120.

[3]) Consid. sur l'hist. de Fr. 135 и 140. Essai sur l'hist. du tiers état 12.

денію самаго Савиньи, отличаются полнымъ безпристрастіемъ, совершеннымъ отсутствіемъ политической тенденціозности; писатели, цѣли которыхъ—исключительно научныя. Такого отношенія къ теоріи Савиньи придерживаются какъ старые [1]), такъ и новые [2]) писатели итальянской школы. Одинаково съ итальянскими учеными отнеслись къ этой теоріи и почти всѣ новѣйшіе германскіе ученые изслѣдователи средневѣковаго городскаго быта. Во главѣ этихъ ученыхъ, по тщательности и полнотѣ аргументовъ, стоитъ Карлъ Гегель, сынъ знаменитаго философа, написавшій спеціальное изслѣдованіе о городахъ сѣверной Италіи [3]).

Карлъ Гегель, опровергая доводы романистовъ, не настаиваетъ, подобно Мауреру съ Арнольдомъ, на слишкомъ очевидномъ фактѣ безпощаднаго раззоренія варварами завоеванной страны, хотя изслѣдованіе и прочное установленіе э т о г о факта освободило бы его отъ дальнѣйшихъ объясненій. Онъ идетъ шагъ за шагомъ за доводами Савиньи и опровергаетъ ихъ, солидно вооруженный документами и историческими фактами; посвящая дѣлу цѣлую главу (третью) перваго тома своего сочиненія Geschichte der Staedteverfassung in Italien.

Основываясь на изученіи эдикта Ротари, изданнаго лишь семдесятъ лѣтъ спустя послѣ нашествія Лангобардовъ, Гегель опровергаетъ мнѣніе Савиньи, что завоеванные римляне въ личномъ и имущественномъ отношеніяхъ оставались свободными послѣ завоеванія

---

[1]) См. *Savigny* I. 410—13.

[2]) К. *Hegel* I. 312—16.

[3]) Большинство новѣйшихъ изслѣдователей по данному вопросу, не пускаясь въ подробныя изысканія, ограничиваются простымъ замѣчаніемъ, что отъ римскихъ городовъ въ Германіи и другихъ странахъ Западной Европы не осталось ничего, кромѣ развалинъ, таковы: *Maurer*: Gesch. der Städteverf. I: 5, 34; *Arnold*: Verfassungsgesch. der deutsch. Freistädte. I. 5. *Mascher*: das deuts. Gewerbewesen. 30. *Otto Gierke*: das deutsche Genossensch. I. 250. *Hüllmann*: Staedte, II. 257—262, 270. *Van Praet*: sur l'origine des com. flamandes. Гораздо подробнѣе на данномъ вопросѣ останавливается, *Leo*: Geschichte der italien. Staaten и Entwickelung der Verfarssung der lombard. Staedte; онъ прямо утверждаетъ, что римское городское населеніе обратилось или въ колоновъ, или въ несвободныхъ ремесленниковъ. Спеціально занимается даннымъ вопросомъ, посвятивъ ему добрую половину книги, *Bethmann-Hollweg*: 1—60.

и доказываетъ, наоборотъ, что римляне, во первыхъ, обратились въ несвободныхъ землевладѣльцевъ, а во вторыхъ уже не составляли при Лангобардахъ отдѣльной націи, опредѣляющей свои правоотношенія по началамъ своего, римскаго права. Упомянутый эдиктъ совершенно игнорируетъ римлянъ, какъ особый народъ; онъ имѣетъ въ виду подданныхъ вообще-subjecti-короля, безъ всякихъ разграниченій; желаніе улучшить судьбу этихъ подданныхъ и высказываетъ Ротари во введеніи къ своему эдикту. Подъ это общее понятіе подданныхъ подводитъ К. Гегель и римлянъ, на томъ основаніи, что еслибы послѣдніе составляли исключеніе, то въ законѣ Ротари непремѣнно заключалась бы оговорка, какъ это имѣетъ мѣсто по отношенію къ такъ называемымъ Wargangi, единственнымъ жителямъ лангобардской территоріи, правоотношенія которыхъ опредѣлялись по ихъ собственнымъ, нелангобардскимъ законамъ и то не иначе, какъ по непосредственному королевскому разрѣшенію. Трудно допустить, чтобы законъ, дѣлающій оговорку о подобномъ исключеніи, ничего не упомянулъ о цѣломъ слоѣ населенія, правоотношенія котораго опредѣлялись по началамъ чуждаго завоевателямъ права [1]. Составляя одно цѣлое съ Лангобардами по отношенію къ источнику права, римляне слились съ ними, послѣ того какъ они приняли православіе, и въ религіозномъ отношеніи; а общая государственная власть, подчиненіе общему государственному управленію, чего не отрицаетъ въ другихъ, долго существовавшихъ государствахъ германскихъ завоевателей, и Савиньи [2] объединилъ завоевателей и покоренныхъ и въ политическомъ отношеніи [3]. А если во всѣхъ этихъ отношеніяхъ римляне не выдѣлялись изъ общей массы всего населенія, если они не составляли особой націи со своими особыми законами, то

---

[1] I. 386—93; 413, 420 и 429. Авторъ доказываетъ, что даже духовенство римское жило по лангобардскому праву 444. Во франкскомъ королевствѣ римляне въ одинаковомъ положеніи—въ VI ст. — какъ сословномъ, такъ и политическомъ, съ франками. II. 347. На основаніи этихъ же самыхъ фактовъ совершенно обратное мнѣніе, сходное съ мнѣніемъ Савиньи, высказываетъ *Грановскій* (Пол. собр. соч. II. 185—186).

[2] I. 289.

[3] Hegel. I. 371 и 382.

аргументъ Савиньи о необходимости существованія особыхъ римскихъ муниципальныхъ учрежденій падаетъ самъ собою.

Но при такомъ единствѣ римлянъ и Лангобардовъ по отношенію къ общей государственной власти, къ общему закону, истекающему изъ этой власти, личныя и сословныя права римлянъ далеко не были одинаковыми съ таковыми же правами Лангобардовъ. Изъ этаго же эдикта Ротари видно, что положеніе римлянъ представляло собою нѣчто среднее между положеніемъ свободныхъ и рабовъ. Они не составляли свободныхъ общинъ, а находились подъ защитой и покровительствомъ патроновъ — Лангобардовъ, по отношенію къ которымъ связывались извѣстными обязательствами; такое состояніе полусвободныхъ сильно ограничивало римлянъ въ свободномъ распоряженіи имуществомъ [1]). Такимъ образомъ и вторая половина положенія Савиньи едвали состоятельна.

Наконецъ, какимъ образомъ возможно примирить между собою, какъ это дѣлаетъ Савиньи, лангобардское государственное устройство съ римскимъ муниципальнымъ; какимъ образомъ можно допустить существованіе извѣстныхъ центровъ, построенныхъ совершенно на иныхъ началахъ, въ средѣ военнаго государства, господствующій классъ котораго составляетъ войско? Какъ можно предположить римское муниципальное устройство въ городахъ, которые являются не болѣе какъ составными элементами этого военнаго государства, мѣстопребываніемъ органовъ верховной власти, управляющихъ даннымъ округомъ, состоящимъ изъ города съ окрестностями? [2])

Прежде чѣмъ перейти отъ этихъ общихъ доводовъ Савиньи къ его спеціальнымъ доказательствамъ существованія остатковъ муниципальныхъ учрежденій у варваровъ Средневѣковой Европы, я остановлюсь еще нѣсколько времени на доводахъ Эйхорна и Гауппа, носящихъ тоже болѣе или менѣе общій характеръ. Я уже замѣтилъ выше, что Эйхорнъ источникомъ общинно-городскаго устройства считаетъ въ сущности римскія муниципальныя вольности. По его мнѣнію свободное городское устройство XII вѣка вытекаетъ изъ двороваго, крѣпостнаго права — Hofrecht, не непосредственно, но

---

[1]) *Hegel.* 398—401.

[2]) *Hegel.* 445—486.

благодаря тому, что въ это право, такъ сказать, привходятъ городскія вольности и льготы первоначальнаго римскаго устройства нѣкоторыхъ нѣмецкихъ городовъ [1]); иными словами, источникомъ свободнаго городскаго устройства Средневѣковой Германіи являются въ концѣ концовъ, по мнѣнію Эйхорна, римскія муниципальныя учрежденія, сохранившіяся въ нѣкоторыхъ городахъ Германіи. Одинъ изъ такихъ немногихъ городовъ онъ видитъ въ Кёльнѣ, такъ называемый Richerzechheit котораго Эйхорнъ признаетъ ничѣмъ инымъ, какъ ordo, куріей, римскаго города временъ имперіи. Изъ этого ordo—Richerzechheit'а впослѣдствіи выработался консульскій городской совѣтъ. Сходство кёльнскаго Richerzechheit'а съ римскимъ ordo Эйхорнъ находитъ въ томъ, что то и другое учрежденіе пользовались, по его мнѣнію, полицейской властью. Эти римскія учрежденія перешли изъ Кёльна во всѣ тѣ города, привилегіи которыхъ такъ или иначе заимствованы изъ этого города [2]). Мнѣніе Эйхорна о кёльнскомъ Richerzechheit'ѣ принимаютъ Гауппъ и Ог. Тьерри [3]). По мнѣнію Гауппа тѣ изъ германскихъ городовъ, которыхъ существованіе восходитъ къ римскимъ временамъ опередили по внутреннему развитію всѣ остальные [4]); къ такимъ городамъ принадлежитъ Кёльнъ, въ которомъ въ XIII столѣтіе мы встрѣчаемъ уже сложную администрацію [5]); въ этомъ городѣ древняя римская община, курія, оставалась свободною, хотя и не абсолютно независимою, каковою она сдѣлалась впослѣдствіи, подкрѣпившись германскимъ элементомъ городскаго населенія [6]); въ другихъ же городахъ, основаніе которыхъ восходитъ къ римскимъ временамъ, какъ напр., въ Страсбургѣ, эта римская

---

[1]) Zeitschrift fur gesch. Rechtswissenschaft. Bd. I. 2.6—247.

[2]) *Ibid.* II. 193; 206—233.

[3]) Ог. Тьерри, въ Cons. sur l'hist. de France. 157, высказавъ мысль, что и въ рейнскихъ городахъ, tant de fois mises à feu et à sang, существовали остатки римскихъ учрежденій, — приводитъ какъ примѣръ, Кёльнъ, гдѣ издавна—un corps de citoeyns notables, совершенно сходный съ римской куріей.

[4]) Ueber deutsche Staedtegründung. 83.

[5]) Ibid. 84.

[6]) Ibid. § III прим. 31 стр. 56 и стр. 90.

курія обратилась въ несвободную [1]), не переставая, однако, быть носительницей римскихъ традицій.

Взгляды только что названныхъ ученыхъ потеряли почву изъ подъ ногъ, лишь только ихъ исходный пунктъ, что Richerzechheit Кольна есть римская курія, былъ разбитъ. А онъ потерпѣлъ это очень скоро. Въ 1831 году вышло сочиненіе Wilda — das Gildewesen im Mittelalter; авторъ этого сочиненія обстоятельно доказалъ, что Richerzechheit есть явленіе чисто германскаго происхожденія, что это ничто иное, какъ summum convivium, цехъ, общество богатыхъ, наиболѣе значительныхъ горожанъ [2]).

Перехожу къ спеціальнымъ, непосредственнымъ, какъ ихъ называетъ *Савиньи*, доводамъ и указаніямъ на существованіе римскаго муниципальнаго устройства въ Западной Европѣ до самаго общиннаго движенія. И доказательства этого рода приводятся во всей ихъ полнотѣ только у того же Савиньи.

Въ первомъ томѣ своей исторіи римскаго права въ Средніе вѣка Савиньи приводитъ цѣлый рядъ разнообразныхъ доказательствъ остатковъ римскихъ городскихъ учрежденій во Франкской монархіи [3]); въ Италіи вообще и спеціально въ Римѣ [4]). Эти остатки — Сенатъ или ordo, курія и куріалы [5]). Всѣ приводимыя здѣсь доказательства сводятся въ сущности на простое существованіе во всякаго рода дошедшихъ до насъ источникахъ римскихъ словъ — senatus, ordo, curiales, consules, defensores и др.; о самомъ понятіи, которое заключали въ себѣ эти слова во времена римлянъ и въ Средніе вѣка, романисты не говорятъ. А эти римскія названія дѣйствительно въ изобиліи встрѣчаются въ памятникахъ, напр., завѣщаніяхъ, дарственныхъ записяхъ и т. п., дошедшихъ отъ VI, VII даже X и XII столѣтій; въ неменьшемъ количествѣ встрѣчаются они и у писателей того времени. Я уже замѣтилъ, что романисты

---

[1]) Ibid. § III. пр. 31.

[2]) 177—179: какъ доказательства Вильда приводитъ: 1) этимологію слова—Zeche der Reichen; 2) Richerzechheit часто въ источникахъ называется римскимъ именемъ fraternitas, именемъ спеціально усвоеннымъ для германскихъ гильдій.

[3]) § 94—102.

[4]) § 105—131.

[5]) И *Raynouard* не мало собираетъ такихъ доказательствъ въ IX и X главахъ перваго тома своей Hist. du dr. munic. en France.

слишкомъ дорожили этого рода доказательствами, они слишкомъ мягко и снисходительно относились къ нимъ. Отношеніе къ нимъ противной школы гораздо серьезнѣе, гораздо болѣе проникнуто критическимъ духомъ; ихъ не удовлетворяли одни слова, одна форма, они постарались заглянуть внутрь послѣдней; они постарались уяснить, что въ Средніе вѣка понималось и могло пониматься подъ этими римскими названіями.

Не мало труда и способностей посвятили этому дѣлу К. Гегель и Бетманъ-Гольвегъ, и пришли къ слѣдующимъ результатамъ.

Во первыхъ, что касается Сената, то онъ въ самомъ Римѣ, по образцу котораго устроивались всѣ города римскаго государства, давно уже потерялъ значеніе мѣстнаго, муниципальнаго органа. Характеръ его начинаетъ измѣняться еще при Константинѣ Великомъ, когда онъ изъ мѣстнаго муниципальнаго обращается въ государственное, законодательное учрежденіе, въ имперскій Сенатъ; имя, званіе сенатора обращается въ простой титулъ, многіе изъ носившихъ который жили въ провинціи, никогда не заглядывая въ Сенатъ [1]). Этотъ общегосударственный характеръ римскій Сенатъ не теряетъ и при Остготахъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ это время носитъ характеръ органа мѣстнаго самоуправленія. Въ VI столѣтіи Сенатъ окончательно сходитъ со сцены; въ X в. ниразу не упоминается самаго имени; въ XI в. онъ снова выступаетъ на сцену, а въ XII, именно въ 1143 году, онъ установленъ въ Римѣ, какъ городское, мѣстное учрежденіе, о которомъ по свидѣтельству одного современника, римляне потеряли всякое воспоминаніе [2]). Такимъ образомъ учрежденіе въ Римѣ Сената, какъ органа городскаго самоуправленія совпадаетъ со временемъ возникновенія въ лангобардскихъ городахъ и городахъ Средневѣковой Европы вообще свободнаго городскаго устройства и является, какъ и въ этихъ

---

[1]) Сенаторами Григорій Турскій называетъ не однихъ только *куріаловъ*, т. е. городскихъ жителей, а и жителей провинціи. *Hegel* II 350—52.

[2]) *Gotfried Viterb.* His temporibus (XII в.) Romani coeperunt innovare senatum, qui longis ante temporum curriculis ita cessaverat, ut nec mentio ejus Romae haberetur. *Laurent* Hist. du dr. des gens VII 456 прим. 2. *Hegel* I. 267—291. *Laurent* Hist de dr. des gens VII. 456: au douzième siècle, le senat fut retabli.

городахъ, результатомъ развитія общественной и политической жизни городскаго населенія Рима, результатомъ долгой борьбы его за вольности со своимъ епископомъ—папой [1]), представляя собою явленіе совершенно **новое**, не имѣющее ничего общаго съ Сенатомъ послѣднихъ временъ имперіи.

То, чѣмъ Сенатъ былъ въ Римѣ, **куріи** представляли собою въ остальныхъ городахъ римскаго государства, почему ихъ судьба и судьба куріаловъ въ средніе вѣка—таже, что судьба Сенаторовъ и Сената [2]). Съ VII вѣка и куріалы теряютъ свое прежнее значеніе. Самое имя curiales у писателей XI и XII вѣковъ употребляется въ очень разнообразныхъ значеніяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ римскимъ. Все разнообразіе значеній этого слова обусловливается разнообразіемъ значенія понятія **curia**, замѣняющаго собою нѣмецкое понятіе **hof** [3]). Съ тѣмъ, что куріалы теряютъ свое первоначальное значеніе соглашается и Савиньи [4]), который высказываетъ мнѣніе, что они обратились въ простыхъ сборщиковъ государственныхъ доходовъ; но высказавшись такимъ образомъ противъ выставляемой имъ самимъ теоріи, онъ торопится избѣжать такого самоотрицанія, и утверждаетъ, что куріалами являются въ это время такъ называемые **boni homines** [5]), которые только и были по его мнѣнію у германцевъ полноправными гражданами, каковыми были въ свое время и декуріоны. Авторъ совершенно забываетъ громадное различіе въ значеніи и роли тѣхъ и другихъ въ качествѣ органовъ городскаго управленія. Въ Равеннѣ и Римѣ Савиньи ищетъ, и находитъ декуріоновъ въ консулахъ XII столѣтія, опять на томъ только основаніи, что послѣдніе, какъ въ этихъ городахъ, такъ и вообще въ Ломбардіи и Германіи, были членами городскаго совѣта, т. е. полноправными гражданами [6]). Но и противъ этого слѣдуетъ замѣтить: во первыхъ, что Савиньи беретъ консуловъ уже XII вѣка, неимѣющихъ ничего общаго съ древне-

---

[1]) *Hegel* II. cap. VIII.
[2]) *Hegel* I. 267.
[3]) Ibid. I. 296—304 и II. 349.
[4]) Gesch. des röm. Rechts I. § 129.
[5]) Ibid. §§ 128—130.
[6]) Gesch. des röm. Rechts. I. стр. 369—370.

римскими консулами, кромѣ имени, съ чѣмъ соглашается даже Ог. Тьерри [1]); во вторыхъ, если бы онъ даже ссылался на существованіе консульскаго званія въ болѣе ранній періодъ времени, то ему можно было бы замѣтить, что и консульскій титулъ, подобно сенаторскому, еще со времени Константина Великаго почти потерялъ свое древне-римское значеніе, обратившись просто въ почетный титулъ—consules honorati; оставались только консулы на Востокѣ; но уже Юстиніанъ Великій перестаетъ назначать ихъ, вслѣдъ за тѣмъ консульское достоинство переносится на особу императора, въ лицѣ котораго и исчезаетъ. Остается одинъ почетный титулъ, который во время Григорія Великаго продается въ Константинополѣ чуть не съ публичнаго торга [2]), который папа могъ отдавать въ наслѣдственное владѣніе и который въ XI и XII вѣкахъ во Франціи и Германіи носили коронные вассалы и имперскіе князья. Неужели и въ этомъ — остатки римскихъ учрежденій? Таже судьба постигла и сословіе патриціевъ [3]).

Какъ доказательство существованія въ Средніе вѣка Сената, ordo, курій, Савиньи приводитъ массу указаній изъ писемъ и посланій епископовъ и папъ къ городамъ [4]). Обращаясь къ своему стаду, пастырь обыкновенно дѣлилъ его въ своемъ посланіи на овецъ и козлищъ, относя къ первымъ clero et o r d o, а къ послѣднимъ — p l e b s. Въ o r d o этихъ пастырскихъ посланій романисты хотятъ видѣть римское ordo decurionum; противники ихъ доказываютъ, наоборотъ, что здѣсь подъ ordo разумѣются просто наиболѣе значительные, богатые слои общества — n o b i l e s l a i c o s, optimates, притомъ, не только одного города, но и всего церковнаго округа, эпархіи, т. е. здѣсь, стало быть, разумѣлись и вас-

---

[1]) Cons. sur l'hist. de France. ch. VI. 162.

[2]) Этимъ обстоятельствомъ совершенно вѣрно объясняетъ *Bethmann-Hollweg* возможность соединенія званія консула съ званіемъ tabellio и др. низшими должностями.—Ueber den Ursprung der lomb. Staedtefr. 201 пр. 4—между тѣмъ это соединеніе званій Савиньи приводитъ въ подтвержденіе с в о е г о мнѣнія I. 368—369.

[3]) *Hegel.* I. 305—315 и *Bethmann-Hollweg* 201.

[4]) Gesch. des röm. Rechts. I. 318 и 421—426.

салы, которыхъ романистамъ, на основаніи ихъ мнѣнія, тоже придется отнести къ ordo [1]).

Прежде чѣмъ кончить съ теоріей романистовъ, я остановлюсь на одномъ ихъ доводѣ, особенно поддерживаемомъ Ог. Тьерри. Доводъ этотъ состоитъ въ томъ, что будто римскія городскія вольности всегда жили въ воспоминаніяхъ городскаго населенія, составляя постоянную надежду горожанъ, угнетенныхъ феодальной тираніей, какъ краснорѣчиво выражается Леберъ. Какъ примѣръ такого храненія римскихъ традицій обыкновенно приводятъ городъ Реймсъ, жители котораго въ борьбѣ съ своимъ епископомъ с ъ г о р д о с т ь ю, какъ замѣчаетъ Ог. Тьерри, указываютъ на тотъ фактъ, что ихъ городское устройство восходитъ до временъ св. Ремигія, епископа римскаго, апостола Франковъ [2]). Этотъ фактъ и подалъ поводъ Ог. Тьерри высказать мысль, что «между понятіями, составлявши-

---

[1]) *Hegel*. II. 362; *Beth. Holl*. 14 и 18. *Laurent* Dr. des gens VII. 450—64. Романисты черпаютъ свои доказательства еще въ такъ называемыхъ f o r m u l a e, въ которыя облекались судебные процессы. Эти формулы дошли до насъ въ большомъ количествѣ: ихъ издано нѣсколько сборниковъ (Savigny I. § 96—98 и II. § 44). Дѣйствующими лицами въ этихъ формулахъ являются куріи, defensores... отъ VI и VII вѣка. *M-lle Lezardière* утверждаетъ, что въ этихъ формулахъ г р а ф ы представляютъ собою курію, defensor'овъ..., издавая свои эдикты въ римской формѣ. *Hegel* (II. 352—360) не идетъ такъ далеко, онъ не отрицаетъ существованія defensor'овъ въ Южной Франціи, но видитъ въ немъ чиновниковъ, подчиненныхъ графу и только; а въ формулахъ видитъ лишь форму, не имѣющую по содержанію ничего общаго съ римскимъ процессомъ... онъ приводитъ примѣры формулъ, въ которыхъ роль куріаловъ, defensor'овъ играли... должностныя лица германскаго происхожденія, съ германскими именами.

Очень важнымъ источникомъ, по отношенію къ данному вопросу считаетъ Савиньи такъ называемую Lex romana utinensis, названный такъ по мѣсту происхожденія, которымъ романисты считаютъ городъ U d i n e; на этомъ Lex строитъ Савиньи свою теорію общественныхъ отношеній римлянъ въ Ломбардіи (426 — 456 I). Но *Hegel* (II. 103—119) и *Bethm. Holl.* (23—50) вопервыхъ, находятъ этому закону другую родину, а во вторыхъ, утверждаютъ, что въ немъ изображается никакъ не римское, а просто франко-ломбардское устройство.

[2]) *Aug. Thierry*: Lettres XX. 292; Consid. 17; Essai sur l'hist. du tiers état 23—24. *Leber*. Hist. crit. du pouv. municip. I. 150. *Savigny* I. 321—3. *Raynouard* II. 177. *Смирновъ* 178.

ми основной фондъ идей средневѣковаго общества, не утерялась идея о римской свободѣ, равной для всѣхъ, идея, послужившая одной изъ главныхъ нравственныхъ опоръ горожанамъ въ ихъ борьбѣ съ феодалами.» Если всмотрѣться ближе въ приведенный фактъ, то едвали окажется возможнымъ согласиться съ выводами, дѣлаемыми изъ него романистами. Вопервыхъ, жители Реймса ссылаются только на апостола Франковъ (а не Галловъ временъ Римлянъ); вовторыхъ, на подобныя преданія, дошедшія при томъ до насъ черезъ благочестивыя руки духовенства, очень рискованно полагаться вообще и строить на нихъ какіе либо выводы. За какую соломенку не хватаются стороны во время борьбы? Въ данномъ случаѣ роль такой соломенки играетъ не столько, мнѣ кажется, древность времени, сколько славная въ исторіи Франковъ святая личность епископа Ремигія, крестившаго Хлодвига. Горожане хотятъ подѣйствовать на своего феодала-епископа авторитетомъ святости.

Не можетъ не показаться вообще нѣсколько страннымъ мнѣніе о горожанахъ первыхъ временъ средневѣковой Европы, какъ о хранителяхъ идеи о свободѣ, равной для всѣхъ. Мы увидимъ дальше, за что боролись города съ феодалами; насколько ими руководила идея о свободѣ, равной для всѣхъ, въ борьбѣ, напр., цеховъ съ патриціанскими родами. Тотъ же Ог. Тьерри очень мѣтко и, мнѣ кажется, въ высшей степени справедливо, опредѣляетъ эту свободу, какъ свободу матеріальную—свободу передвиженія, свободу торговли, свободу распоряженія собственнымъ имуществомъ, свободу d'être maître chez soi... [1]), свободу, за которую, прибавлю отъ себя, каждый классъ, слой населенія, борется лишь ради себя же самого, а ни какъ не для другихъ.

Эта вѣра романистовъ въ существованіе въ массѣ городскаго населенія традицій о римскихъ свободныхъ учрежденіяхъ, составляющая одинъ изъ очень цѣнимыхъ ими аргументовъ, тѣмъ болѣе становится непонятною, что всѣ они единогласно утверждаютъ тотъ фактъ, что въ эпоху полнаго развитія феодализма — VIII — X ст. — положеніе городскаго населенія было почти рабскимъ.

---

[1]) Lettres sur l'hist. de France XIV. 205.

Какъ же это рабское населеніе могло сохранять традиціи о свободѣ? [1])

Допустимъ, что римскія муниципальныя учрежденія дѣйствительно не исчезали во весь періодъ времени Среднихъ вѣковъ до самаго момента возстанія городовъ; допустимъ, что идея этихъ учрежденій дѣйствительно не умирала. Но вотъ вопросъ, что же содержала въ себѣ эта идея, кто собственно завѣщалъ ее Среднимъ вѣкамъ—республика или имперія?

Романисты, не обинуясь, называютъ эту идею, традиціи, идеей и традиціями свободы, de la liberté romaine, и видятъ въ ней залогъ новѣйшей цивилизаціи, «главную нравственную опору въ борьбѣ горожанъ съ феодалами»; но вмѣстѣ съ тѣмъ, они считаютъ эту идею ничѣмъ инымъ, какъ идеей тѣхъ гражданскихъ и политическихъ учрежденій, которыя создавались во времена имперіи, при Константинѣ Великомъ [2]) и завѣщаны ею своимъ варварамъ—наслѣдникамъ.

Постотримъ, что завѣщала имперія Среднимъ вѣкамъ; можно ли завѣщанную ею идею муниципальныхъ учрежденій принимать за идею свободы, равной для всѣхъ; видѣть въ ней нравственную опору въ борьбѣ за свободу?

Верховная власть римской имперіи, по вѣрному опредѣленію *Амедея Тьерри*, сложилась изъ двухъ элементовъ: элемента республиканскаго—народной воли, проявлявшагося въ Сенатѣ и подчиненныхъ ему магистратахъ и элемента деспотическаго, военнаго—фактическаго права солдатъ избирать предводителей [3]). Въ лицѣ первыхъ императоровъ оба эти элемента, такъ сказать, уравновѣшиваются: императоръ является въ одно и тоже время главою народа, его избранникомъ и предводителемъ солдатъ. Сенатъ и магистраты еще играютъ нѣкоторую роль за это время имперіи. Городское муниципальное устройство больше или меньше

---

[1]) Гизо, напр., описываетъ состояніе городовъ IX и X ст. самыми мрачными красками, что не мѣшаетъ ему, однако, вѣрить въ то, что „среди мрака и всеобщей анархіи идея римской муниципіи не умирала". Hist. de la civil. en Fr. IV 203—204. Истор. цив. въ Европѣ 117.

[2]) *Aug. Thierry*. Essai sur l'hist. du tiers état. 11.

[3]) Sur l'organisation de l'administration centrale dans l'empire romaine—Revue de legisl. et de jurispr. 1843 г. II. 264.

сохраняетъ то значеніе, тотъ видъ, въ какомъ оно завѣщано имперіи республикой. Но, по мѣрѣ расширенія, по мѣрѣ увеличенія преобладанія въ лицѣ императора втораго элемента—деспотическаго, военнаго надъ первымъ—республиканскимъ, личная воля императора замѣняетъ волю народа; по мѣрѣ того какъ въ формулѣ Ульпіана [1]), послѣдняя часть ея, объясняющая почему воля императора есть законъ, теряетъ всякій смыслъ и вся суть формулы концентрируется въ словахъ principi placuit, Сенатъ и магистраты теряютъ всякое значеніе; воля императора дѣлается всѣмъ. При такомъ значеніи и характерѣ императорской власти муниципальное устройство города должно было измѣнить свой прежній характеръ сообразно съ измѣненіями въ центральной администраціи. Свобода муниципій, устроенныхъ по образцу Рима, должна была пасть вмѣстѣ съ свободой вѣчнаго города.

Діоклеціанъ положилъ начало точному юридическому формулированію императорской администраціи, построенному на новомъ началѣ верховной власти. Константинъ Великій завершилъ начатое своимъ предшественникомъ.

Вотъ, мнѣ кажется, первая причина вымиранія свободной римской муниципіи; къ этой причинѣ, какъ ея неизбѣжный результатъ, присоединялась вторая—экономическая—невѣроятно неравномѣрное распредѣленіе поземельной собственности, поведшее къ полному уничтоженію средняго сословія [2]).

Возросшіе до невѣроятныхъ размѣровъ расходы центральнаго императорскаго правительства окончательно сломили муниципальное городское устройство.

Муниципіи ведутъ свое начало съ первыхъ дней римскихъ завоеваній. Завоеванныя области становились въ самыя разнообразныя отношенія къ завоевателю—Риму; муниципіями назывались лишь тѣ изъ нихъ, жители которыхъ пользовались правами римскихъ гражданъ; такъ что городское муниципальное право возникало, собственно говоря, вслѣдствіе окончательнаго вступленія города въ

---

[1]) Quod principi placuit, legis habet vigorem, ut pote cum, lege regia, quae de imperio ejus lata est., populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem conferat.

[2]) *Hegel* I. 35.

составъ римскаго государства, въ качествѣ полноправнаго члена его; а городское муниципальное устройство являлось ничѣмъ инымъ, какъ сколкомъ съ устройства самаго Рима. Въ такой муниципіи, состоящей изъ города и прилежащей къ нему территоріи, съ момента ея возникновенія происходило полное отдѣленіе ея политическихъ правъ и интересовъ отъ мѣстныхъ, муниципальныхъ; послѣдніе дѣлаются исключительнымъ достояніемъ мѣстнаго населенія, распоряжавшагося внутренними дѣлами своими вполнѣ независимо; первые же, т. е. политическіе права и интересы, переносились въ Римъ, и горожане мѣстныхъ муниципій участвовали въ нихъ черезъ посредство римскихъ комицій, въ которыхъ они могли подавать голоса.

Мѣстными, муниципальными органами являлись такъ называемые duoviri или quatvorviri, избираемые народомъ въ комиціяхъ на одинъ годъ; въ ихъ рукахъ сосредоточивалась вся администрація и юрисдикція. Другимъ существеннымъ элементомъ городскаго устройства является совѣтъ, Сенатъ, получившій впослѣдствіи названіе куріи. Члены этого совѣта избирались пожизненно и притомъ въ составъ его входили лишь имѣющіе опредѣленный цензъ. Юрисдикція дуумвировъ и кватворвировъ ограничивалась юрисдикціей римскаго претора, рѣшенію котораго подлежали всѣ уголовныя дѣла. Таково, въ общихъ чертахъ, муниципальное устройство въ періодъ римской республики. Оно было достояніемъ далеко не всѣхъ городовъ римскаго государства, какъ я уже замѣтилъ, а лишь собственно итальянскихъ городовъ, которые пользовались такъ называемымъ jus italicum, существовавшимъ до второй половины третьяго столѣтія. Уже и въ этотъ періодъ въ основаніе городскаго совѣта-Сената положено, слѣдовательно, начало чисто аристократическое.

Съ постепеннымъ развитіемъ деспотическаго характера императорской власти и администраціи, характеръ муниципій измѣняется. Вопервыхъ, вмѣстѣ съ римскими комиціями, Сенатомъ и магистратами, муниципіи лишаются своего чисто политическаго и государственнаго значенія и остаются не болѣе какъ органами мѣстнаго самоуправленія, что однако, очень вѣроятно (какъ думаетъ и К. Гегель), послужило имъ, по крайней мѣрѣ въ первое время, на пользу: лучшія силы ихъ не отвлекались болѣе на вели-

3

кую политическую сцену вѣчнаго города; граждане сосредоточиваютъ все вниманіе на мѣстныхъ интересахъ и нуждахъ. Званіе декуріона, члена куріи считается почетнымъ; но все это—не надолго. При императорѣ Адріанѣ вводится въ Италіи званіе консуляра съ цѣлью ограничить юрисдикцію городскихъ магистратовъ. При Маркѣ Авреліѣ выступаютъ на сцену такъ называемые juridici, какъ высшая судебная инстанція по отношенію къ городскому суду: юрисдикція городскихъ магистратовъ еще болѣе ограничивается; народныя собранія, комиціи, исчезаютъ. Государственныя нужды долго удовлетворялись, не затрогивая мѣстныхъ, муниципальныхъ доходовъ; но теперь эти нужды возрастаютъ до невѣроятныхъ размѣровъ: частыя неудачныя войны, чудовищные личные расходы императоровъ дѣлаютъ государственные доходы недостаточными; для увеличенія доходовъ, для установленія правильности сбора императоры организуютъ сильную, очень сложную, а потому невѣроятно дорогую, административную машину, которая легла новымъ гнетомъ на плеча народа. Дошла очередь до мѣстныхъ муниципальныхъ средствъ. Императоръ Константинъ Великій первый наложилъ на нихъ руку: муниципальныя средства и доходы обращены на удовлетвореніе государственныхъ нуждъ. Остается одинъ шагъ, чтобы и самую муниципальную организацію обратить въ одно изъ многочисленныхъ колесъ общаго государственно-административнаго механизма. Этотъ шагъ не замедлили сдѣлать: органы муниципальнаго управленія, мѣстные магистраты постепенно обращаются въ орудіе государственной власти. Понятно, что муниципальное устройство должно было преобразиться въ корнѣ, оно и преображается.

Не смотря на всю сложность административнаго механизма, его громадную стоимость, онъ все-таки не достигалъ тѣхъ цѣлей, въ виду которыхъ былъ созданъ. Муниципальные магистраты вводятся въ механизмъ общей администраціи: на нихъ, кромѣ мѣстнаго управленія, возлагается исполненіе многихъ чисто государственныхъ обязанностей, не имѣющихъ ничего общаго съ мѣстными интересами. Обративъ муниципальные магистраты въ своихъ агентовъ, верховная власть не могла разсчитывать на ихъ безукоризненность: она должна была найти средства гарантировать себя отъ злоупотребленій этихъ агентовъ. Такія средства найдены вопервыхъ, въ

отвѣтственности курiаловъ ихъ собственнымъ имуществомъ, во-вторыхъ—въ усиленiи надъ ними правительственнаго надзора, въ усиленiи вмѣшательства органовъ центральной власти въ мѣстныя муниципальныя дѣла.

Членъ курiи, сборщикъ государственныхъ податей, отвѣчаетъ теперь своимъ имуществомъ не только за свои собственныя злоупотребленiя и упущенiя, но и, если можно такъ выразиться, за общинную несостоятельность: если общественно-городскихъ средствъ не достаетъ на удовлетворенiе извѣстныхъ городскихъ потребностей, курiалъ обязанъ удовлетворить ихъ изъ собственнаго имущества; тѣмъ же имуществомъ отвѣчалъ курiалъ за недоборъ, недоимки по государственнымъ сборамъ; онъ уплачивалъ поземельный налогъ съ тѣхъ участковъ земли, которые подлежали налогу, но будучи пустыми, никѣмъ не оплачивались. Juridici ограничивали лишь юрисдикцiю городскихъ магистратовъ; теперь же курiя не можетъ издать почти ни одного постановленiя, которое не могло бы быть отмѣнено правителемъ провинцiи: всякiй актъ, имѣющiй цѣлью тѣмъ или инымъ способомъ уменьшить общественную собственность, требовалъ санкцiи мѣстнаго представителя центральной власти; никакая общественная постройка или починка не могла быть произведена безъ этой санкцiи.

Избранiе городскихъ магистратовъ, перешедшее, по уничтоженiи народныхъ комицiй, къ курiи и производившееся доселѣ безъ всякаго вмѣшательства со стороны правителя провинцiи, не требовавшее даже его утвержденiя, сдѣлалось теперь вполнѣ отъ него зависимымъ; онъ получаетъ право уничтожить всякое постановленiе курiи объ избранiи магистрата, опираясь лишь на жалобу избраннаго.

Въ виду той тяжелой имущественной отвѣтственности, которую несли декурiоны, само собою становится понятнымъ стремленiе верховной власти удержать курiю во чтобы то ни стало на извѣстномъ уровнѣ экономическаго благосостоянiя, понятны заботы и мѣры ея о томъ, чтобы члены курiи не разбѣжались, чтобы она была въ этомъ отношенiи постоянно «полна».

Въ составъ курiи обязательно входилъ всякiй обыватель, который обладалъ поземельной собственностью въ количествѣ, большемъ двадцати пяти югеровъ; все равно былъ ли владѣлецъ этой

собственности коренной житель города, его уроженецъ или только поселившiйся впослѣдствiи, пришлецъ (incola). Обязанность принадлежать къ курiи (о правѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи) дѣлается наслѣдственною, независящею отъ желанiя индивида, его доброй воли. Чтобы предупредить возможность выхода изъ курiи, издается рядъ законовъ, ограничивающихъ свободное распоряженiе поземельной собственностью: отчужденiя поземельнаго имущества не допускались безъ согласiя правительства; курiалы, умиравшiе бездѣтными, не могли распорядиться въ завѣщанiи болѣе, какъ одной четвертью своего имущества, остальныя три четверти оставались въ пользу курiи; вдовы или дочери курiаловъ, выходившiя замужъ за некурiаловъ, должны были отдавать въ пользу курiи четверть своего имущества, а позже мужья такихъ женъ просто должны были входить въ составъ курiи; если же эти вдовы и дочери курiала выходили замужъ за несвободнаго человѣка, то ихъ дѣти отъ этого брака должны были поступать въ курiю [1]), такъ какъ, по выраженiю императора Гонорiя и изъ женщинъ слѣдуетъ извлекать пользу для государства; еще во II-мъ вѣкѣ императоры вводили въ составъ курiи даже несовершеннолѣтнихъ; мало того, въ нее принимались незаконныя дѣти, даже дѣти, рожденныя въ кровосмѣшенiи [2]).

Еще понятнѣе, при такомъ значенiи курiи, всеобщее стремленiе членовъ ея всякими законными и незаконными путями избавиться изъ своего тяжелаго положенiя: старались попасть въ одинъ изъ трехъ привилегированныхъ классовъ—военный, духовный или служебный, члены котораго служили при дворѣ или въ провинцiи. Правительство въ свою очередь издаетъ рядъ законовъ, имѣющихъ цѣлью преградить курiаламъ всѣ пути отступленiя изъ ихъ кабальнаго положенiя. Поступать въ одинъ изъ трехъ, только что названныхъ, классовъ курiаламъ или запрещалось вовсе или дозволялось подъ условiемъ отдачи всего имущества въ пользу курiи. Многiе

---

[1]) *Hegel* I. 78.

[2]) Ibid. 60. Фактъ въ высшей степени знаменательный, показывающiй до чего велика была крайность, если рѣшались въ это, когда-то почетное, званiе возводить людей, которые по римскому взгляду не пользовались вполнѣ даже человѣческими правами.

изъ куріаловъ не только не останавливались передъ этимъ послѣднимъ условіемъ, но даже дѣлали больше; они жертвовали личной свободой, независимостью, поступая въ качествѣ колоновъ, въ обязательныя отношенія къ землевладѣльцамъ [1]). Такъ сладка эта муниципальная свобода, такъ дорога она пользовавшимся ею!

Положеніемъ куріи относительно центральной власти обусловливалось, въ свою очередь, положеніе избираемыхъ ею магистратовъ по отношенію къ ней самой: авторитетъ этихъ магистратовъ былъ въ высшей степени стѣсненъ; никакой расходъ не могъ быть произведенъ ими безъ разрѣшенія куріи. Курія опредѣляла время и мѣсто ярмарокъ и т. п. [2]). Выборъ новаго магистрата производился, собственно говоря, не куріей, а магистратомъ, отслужившимъ свой срокъ; выбывающій, за отвѣтственностью собственнымъ имуществомъ, предлагалъ куріи новаго; курія лишь утверждала [3]).

Вотъ въ чемъ состояла свобода завѣщанныхъ имперіей муниципальныхъ учрежденій! Здѣсь нѣтъ и намека, въ этой свободной муниципіи, на власть, на самоуправленіе. Она—ничего больше, какъ тяглая административная единица государства. Она и сама прекрасно сознавала свое безсиліе, когда установляла, въ IV ст., должность defensor'a, имѣющаго своимъ назначеніемъ защищать городъ и его населеніе отъ притѣсненій императорскихъ чиновниковъ. Но эта попытка была напрасна. Defensor былъ безсиленъ освободить курію, «этого наслѣдственнаго раба государства»; онъ не въ состояніи былъ преобразить это орудіе и вмѣстѣ жертву императорскаго деспотизма въ орудіе свободы и автономіи. Курія до самой смерти монархіи оставалась «тюрьмой, какъ выражается Гизо, въ которую пожизненно и наслѣдственно заключались декуріоны» [4]).

Таково было состояніе городскаго устройства во второмъ періодѣ римской имперіи «въ эпоху всеобщаго закрѣпощенія, эпоху полнаго умерщвленія нѣкогда живыхъ, полныхъ силы, органовъ государства; эпоху, когда лишь одно расположеніе властелина было источникомъ теплоты, согрѣвающей эти помертвѣвшие члены.»

---

[1]) *Hegel* I. 77—8.

[2]) *Guizot*. Essai sur l'hist. de Fr. 26.

[3]) *Hegel*. I. 43.

[4]) Fssai sur l'hist de Fr. 14.

Въ завѣщаніи этой-то эпохи, въ завѣщаніи такой-то муниципальной свободы, въ традиціяхъ объ этой свободѣ-рабства хотятъ видѣть романисты зачатки и корень великаго историческаго явленія Средневѣковой Европы, движеніе городовъ къ освобожденію изъ подъ власти феодаловъ! Въ томъ, что по выраженію Гизо, послужило раззоренію и гибели городовъ больше чѣмъ страшныя опустошенія варваровъ; въ томъ, что уничтожило всѣ зачатки третьяго сословія, хотятъ видѣть лучъ свѣта, прорѣзавшій въ XII ст. мракъ феодальнаго міра!

Согласимся даже съ тѣмъ, что остатки римскихъ муниципальныхъ учрежденій сохранились до самаго XII вѣка; но этого для объясненія результатовъ, вытекшихъ «изъ остатковъ» еще мало: романисты должны доказать, что эти остатки мгновенно переродились вслѣдъ за паденіемъ Западной Римской Имперіи, они должны доказать, что уже не остатки, а цѣльныя, вполнѣ сохранившіяся отъ истребленія варварами, муниципальныя учрежденія Восточной Римской Имперіи привели къ болѣе блестящимъ результатамъ, чѣмъ скудные остатки, завѣщанные Западной Римской Имперіей; они должны доказать, что Англія, гдѣ они сами не находятъ никакихъ остатковъ римскихъ муниципій, не произвела ничего похожаго на свободное городское устройство континентальныхъ государствъ Западной Европы.

А до тѣхъ поръ слѣдующія слова Карла Гегеля объ этихъ остаткахъ будутъ глубоко вѣрными и мѣгкими словами:... «за единственно возможное и естественное теченіе дѣлъ можно принять лишь положеніе, что сохранившіяся римскія учрежденія, подобно классическимъ дворцамъ, театрамъ, термамъ все болѣе и болѣе разрушались, пока совсѣмъ не исчезли съ лица земли, или пока не были примѣнены, если только оказывались на что либо годными, къ новымъ потребностямъ, новому порядку вещей» [1]). Къ посильной характеристикѣ этого новаго порядка я и обращусь.

---

[1]) Gesch. Staedteverf I. 294.

ГЛАВА II.

Возникновение западно-европейскихъ общинъ.

«Handel, Wohlstand und Reichtum sind vonjeher die Quelle politischer Freiheit gewesen».

Arnold: Verfassungs-geschichte der deutschen Freistädte. I. 147.

[1]) Двѣнадцатый вѣкъ составляетъ эпоху въ исторіи Западной Европы, эпоху самую знаменательную по событіямъ и ихъ послѣдствіямъ. Это вѣкъ такъ называемаго общиннаго движенія городовъ, вѣкъ освобожденія послѣднихъ, вѣкъ кризиса феодальнаго строя. Историческій фактъ возстанія городовъ, стремленіе ихъ къ свободному, независимому управленію, есть фактъ повсемѣстный въ

[1]) Предлагаемый очеркъ составленъ главнымъ образомъ на основаніи слѣдующихъ сочиненій: *Hegel*: Geschichte der Staedteverfassung in Italien. *Arnold*: Verfassungsgeschichte der deutschen Freistädte. *Maurer*: Geschichte der Staedteverfassung im Deutschland. *Otto Gierke*: das deutsche Genossenschaftsrecht I. §§ 29—39; II. §§ 21 — 32. *Mascher* das deutsche Gewerbewesen. *Huellmann:* das Staedtewesen im Mittelalter. *Его же* Ursprung der Stände im Mittelalter. 1830. *Aug. Thierry:* Lettres sur l'histoire de France (11 изд.). *Его же* Considerations sur l'histoire de France (5 изд.). *Его же* Essai sur l'histoire du tiers état. 1856 г. *Guizot:* Histiore de la civilisation en France t. IV (изд. 1859 г.). *Его же* Исторія цивилизаціи въ Европѣ гл. VIII (2-е рус. изд.). *Warnkoenig:* Flandrische Staats-und Rechtsgeschichte 1 и 2 томы; первыя двѣ книги на французскомъ языкѣ въ переводѣ *Gheldolf*'а; *Rud. Gneist:* Geschichte und heutige Gestalt der englischen Communalverfassung. Кромѣ того я пользовался: *Béchard:* Droid municipal au moyen âge. *Schaeffner:* Geschichte der Rechtsverfassung Frankreichs. 2 изд. t. II. *Warnkoenig* und *Stein:* Franzoesische Staats-und Rechtsgeschichte Bd. I. *Bethmann-Hollweg:* Ursprung der lombardischen Städtefreieit; *Eichhorn:* Deutsche Staats-Rechtsgeschichte (4 изд. 1835 г.). *Wilda:* das Gildewesen im Mittelalter. *Gaupp:* Ueber deutsche Staedtegrundung. *Van Praet:* Sur l'origine des communes flamandes; *De Bast:* Les institutions des communes dans la Belgique; *Cherbuliez*—de la démocratie en Susse; *Simond Sismondi:* L'histoire des république italiennes au moyen âge. *Смирновъ* Коммуна средневѣковой Франціи.

Западной Европѣ: не было ни одного государства, въ которомъ не имѣло бы мѣста это явленіе. Будучи фактомъ повсемѣстнымъ, движеніе городовъ является и фактомъ почти одновременнымъ: оно повсюду въ Европѣ совпадаетъ съ періодомъ времени между концомъ XI и началомъ XIII столѣтія. Такая повсемѣстность, такая одновременность, если можно такъ выразиться, этого громаднаго историческаго явленія невольно наталкиваетъ на мысль, что должны существовать и общія причины его вызвавшія, общія условія самаго возникновенія и постепеннаго развитія городовъ съ ихъ населеніемъ.

Какъ же объяснить себѣ иначе, что одинъ и тотъ же фактъ проявляется не только повсюду, не только въ одно время, но и почти въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ; мало того, приводитъ почти къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Одинаковые историческіе факты могутъ породить одинаковые результаты лишь при наличности одинаковыхъ условій возникновенія и развитія.

Въ чемъ же лежатъ условія эти, эти причины движенія городовъ?

Общинное устройство городовъ вводитъ въ феодальный строй Западной Европы новый элементъ, новую силу. Изслѣдовать условія и причины городоваго движенія, значитъ изучать условія и причины возникновенія и развитія этой новой общественной силы. Эта новая сила—городское свободное населеніе; слѣдовательно изслѣдованіе условій и причинъ городскаго движенія, въ концѣ концовъ сводится къ изслѣдованію условій и причинъ возникновенія и образованія свободнаго городскаго населенія. Общность и одинаковость причинъ и условій развитія этого населенія въ Западной Европѣ и есть причина общности такъ называемаго общиннаго движенія городовъ. Но кромѣ этой, такъ сказать внутренней причины явленія, присущей ему самому, есть еще одна всеобщая, внѣшняя причина—повсемѣстное и одновременное развитіе въ Западной Европѣ господства феодальныхъ отношеній. Вотъ, по моему мнѣнію, двѣ коренныя, главныя причины развитія свободнаго городскаго управленія; вопервыхъ, повсемѣстное и одновременное развитіе свободнаго торгово-промышленнаго населенія городовъ и вовторыхъ, всеобщее господство феодализма, не совмѣстнаго съ этимъ свободнымъ населеніемъ и стремившагося подчинить его себѣ.

Являясь въ началѣ не болѣе какъ деревней, отличавшейся отъ

другихъ деревень лишь защищавшими ее укрѣпленіями, городъ не выдѣлялся изъ массы остальныхъ населенныхъ мѣстъ ни фактически, по составу и характеру населенія, ни въ отношеніи административномъ. Но въ этомъ состояніи городъ оставался не долго. Какъ укрѣпленное мѣсто онъ привлекалъ къ себѣ не только населеніе, но въ немъ, съ развитіемъ общественной жизни, селились представители власти: городъ обращается въ главный пунктъ опредѣленнаго административнаго округа. Съ развитіемъ христіанства въ этихъ укрѣпленныхъ пунктахъ поселяется духовенство, епископы. Населеніе увеличивается и перерождается: городъ постепенно выдѣляется уже по характеру населенія изъ массы остальныхъ населенныхъ мѣстъ—селъ и деревень. Съ развитіемъ феодальной системы выдѣленіе и обособленіе города идетъ быстрыми шагами во всѣхъ отношеніяхъ: графы и епископы, обратившись въ независимыхъ феодальныхъ князей, сдѣлались владѣльцами городовъ, которыми и управляютъ на началахъ частнаго права; параллельно съ развитіемъ феодализма идетъ развитіе внутренней, общественной жизни города, благодаря постепенному, хотя и очень медленному, развитію торговли и промышленности; это внутреннее развитіе, какъ фактъ— несовмѣстно съ правами и властью феодала надъ городомъ и его населеніемъ: началась долгая, упорная борьба, въ большинствѣ случаевъ кровавая, но нерѣдко и безкровная. Горожане въ этой борьбѣ являются во всякомъ случаѣ стороной завоевывающей тѣми или иными средствами—мечемъ или кошелькомъ. Наканунѣ и въ періодъ самой борьбы изъ массы городскаго населенія выдѣляется въ качествѣ политической силы, извѣстный слой его, высшій по богатству и значенію классъ его—древніе роды, къ которымъ и переходитъ, въ результатѣ борьбы, власть изъ рукъ феодальныхъ владѣльцевъ. Въ періодъ господства этихъ «лучшихъ» родовъ, развивается въ массѣ населенія новая сила, которая стремится играть политическую роль—цехи; начинается второй періодъ борьбы—борьба внутренняя, борьба между слоями самаго населенія города; побѣду одерживаетъ эта новая сила труда и капитала.

Городское движеніе XII в. есть небольше какъ послѣдній актъ хода историческихъ событій: въ XII вѣкѣ сила городскаго населенія стала настолько значительна, что оно почувствовало себя въ состояніи вступить въ открытый бой. Самая сила эта развивалась исподо-

воль, издавна, съ самаго появленія города какъ укрѣпленнаго пункта.

Зачатки городскаго самоуправленія въ Западной Европѣ нельзя отнести дальше конца X или даже начала XI столѣтія; [1]) только съ этого времени едва замѣтно начинаетъ разыгрываться послѣдній актъ: горожане начинаютъ принимать участіе въ управленіи городомъ, которое впослѣдствіи совершенно переходитъ въ ихъ руки.

Чтоже представляетъ собою городъ до этого времени, до начала XI ст., въ чемъ коренятся причины, вызвавшія въ городскомъ населеніи тѣ стремленія, которыя проявляются въ немъ въ концѣ XI и началѣ XII столѣтія?

Уже говоря о теоріи романистовъ, я замѣтилъ, что въ исторіи развитія средневѣковаго города вопросъ о его возникновеніи, происхожденіи становится вопросомъ первостепенной важности. Только точно установивъ самый фактъ появленія города, какъ особаго центра общежитія; по возможности ясно опредѣливъ причины этого факта, можно будетъ уяснить себѣ самый ходъ развитія города: результатъ, къ которому пришелъ западно-европейскій городъ къ началу XIII стол., лежитъ въ зародышѣ въ населеніи города, въ состояніи послѣдняго въ самый моментъ образованія города, какъ укрѣпленнаго пункта.

Германскія племена варваровъ, полонивъ всю Европу, не оставили камня на камнѣ отъ городовъ-колоній, основанныхъ римлянами по Дунаю и Рейну; и осѣвъ разъ на всегда, послѣ великаго передвиженія, на опредѣленныхъ мѣстахъ, должны были сами положить начало городской жизни, которая появилась, какъ неизбѣжная ступень развитія общественной жизни всякаго народа, носящаго въ себѣ задатки цивилизаціи.

Карлъ Гегель въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія объ итальянскихъ городахъ опредѣляетъ въ нѣсколькихъ словахъ въ одно и тоже время причины и моментъ возникновенія города. Самыми важными и рѣшительными факторами въ исторіи города являются по его мнѣнію слѣдующіе три факта: вопервыхъ, обнесеніе извѣстнаго пункта стѣнами; вовторыхъ, особенности

---

[1]) *Maurer* (Staedte I. § 34) предполагаетъ существованіе городскаго самоуправленія въ X в. лишь вѣроятнымъ.

городской жизни и въ третьихъ, существованіе въ средѣ первоначальнаго населенія города общинъ свободныхъ людей [1]).

Дѣйствительно, эти три явленія и были повсюду факторами, положившими начало исторіи города. Первый моментъ въ этой исторіи — моментъ обнесенія опредѣленнаго пункта укрѣпленіями того или инаго рода. Насущная потребность въ укрѣпленныхъ убѣжищахъ проявляется у всякаго осѣдлаго народа съ того времени, какъ онъ только что перешелъ изъ кочеваго состоянія къ состоянію осѣдлому. Являются опредѣленные центры обнесенные рвами, земляными валами, стѣнами; сначала, быть можетъ, эти центры не служатъ даже мѣстомъ постояннаго пребыванія въ нихъ населенія: сюда сбѣгаются лишь жители деревень, подвергшихся нападенію непріятеля. Скоро эти пункты дѣлаются населенными центрами; количество такихъ укрѣпленныхъ мѣстъ постоянно увеличивается въ средѣ германскихъ племенъ, набѣги сѣверныхъ варваровъ и и азіатскихъ ордъ вызываютъ постройку цѣлаго ряда укрѣпленій: Генрихъ Птицеловъ не мало строитъ такихъ укрѣпленій на юго—западныхъ границахъ своего государства, для охраны послѣдняго отъ набѣговъ Венгровъ; набѣги Норманновъ на Францію и Италію, кладутъ въ этихъ странахъ основаніе многимъ городамъ. [2]) Понятно, что безопасность этихъ укрѣпленныхъ мѣстъ привлекала къ нимъ населеніе. Однако не всегда стѣны и укрѣпленія вообще появлялись раньше самаго населенія; не всегда городъ образовывался въ силу только, если можно употребить такое выраженіе, военно-стратегическихъ соображеній.

Такое происхожденіе города имѣло мѣсто лишь въ первое время осѣдлости, во время земледѣльческаго состоянія народа. Съ тѣхъ поръ какъ, благодаря появленію торговли и промышленности, выработывается особый слой населенія, города основываются уже по инымъ, совершенно чуждымъ военному, соображеніямъ; этими соображеніями, мотивами основанія городовъ являются соображенія и мотивы экономическія, торгово-промышленныя: города основываются въ мѣстахъ удобныхъ для развитія торговли и промышленности;

---

[1]) *Hegel*. II. 88

[2]) *Aug. Thierry:* Ess. sur l'hist. du tiers état. 22—3; *Sim Sismondi:* 38 и 369; *Varnkœnig:* Hist. de Fl. I. 128 и II. 179—180.

торговопромышленное населеніе ютится около монастырей, куда стекаются толпы поклонниковъ; оно селится на мѣстахъ временныхъ торговъ—ярмарокъ; оно обосновывается у стѣнъ замковъ, на развалинахъ римскихъ колоній [1]); въ послѣдствіи города основывались путемъ болѣе искуственнымъ: имъ клали основаніе феодалы съ цѣлями чисто финансовыми, привлекая къ себѣ торгово-промышленное населеніе всякаго рода привиллегіями. [2])

Но и въ этомъ случаѣ укрѣпленія появляются немного позже самаго поселенія: мирное торгово-промышленное населеніе болѣе чѣмъ кто либо нуждается въ безопасности, а безопасность въ средніе вѣка можно было купить лишь самозащитой. Играя въ началѣ роль основателя города, какъ особаго населеннаго центра, въ послѣдствіи городскія укрѣпленія играли одну изъ важныхъ ролей въ основаніи города — государства, въ завоеваніи горожанами правъ самоуправленія.

Населеніе первоначальныхъ городовъ, городовъ земледѣльческой эпохи, было совершенно тождественно съ населеніемъ деревень, какъ по роду занятій, такъ, разумѣется, и по образу жизни. Общественныя потребности были еще слишкомъ не сложны, чтобы вызвать спеціальныя классы населенія ради ихъ удовлетворенія. Всякій удовлетворяетъ почти всѣмъ своимъ потребностямъ самъ, своими средствами. Нѣсколько большія, чѣмъ у остальныхъ классовъ потребности духовенства и дворянства удовлетворяются руками рабовъ. Главное почти исключительное занятіе всего населенія, какъ сельскаго, такъ и городскаго—земледѣліе [3]). Города были тѣже деревни, только обнесенные рвами, валами и другими укрѣпленіями [4]), почему и населеніе получило названіе бюргеровъ, только потому, что жило въ Бургѣ, urbs или civitas [5]). Самая организація городскаго населенія въ первое время покоилась на тѣхъ же началахъ

---

[1]) *Maurer:* Staedte I. 48. *Varnkoenig:* Hist. de la Flandre I. 118.

[2]) *Maurer.* Staedte I. 70.

[3]) *Arnold.* I. 11. Въ Вормсѣ, Майнцѣ и Трирѣ въ VIII в. въ стѣнахъ самаго города, лежали Aecker и виноградники „земледѣліе было главнымъ занятіемъ жителей этихъ городовъ“, говоритъ авторъ.

[4]) *Maurer:* Staedte I. 30 и 103: „какъ только укрѣпленное мѣсто лишилось своихъ укрѣпленій, оно обращалось въ деревню.

[5]) Ibid. 131.

совмѣстнаго сожительства, началахъ владѣнія поземельной собственностью. О личномъ союзѣ, личной связи въ это время еще не можетъ быть и рѣчи; о ней, какъ основѣ городскаго устройства, можно говорить лишь послѣ побѣды цеховъ.

Иначе и быть не могло: возникновеніе городовъ, ихъ развитіе совпадаютъ со временемъ возникновенія и развитія феодализма, съ эпохой, когда всѣ отношенія опредѣлялись поземельной собственностью, распредѣленной почти исключительно между королемъ и феодалами. Свободный человѣкъ могъ поселиться на землѣ извѣстнаго владѣльца только на опредѣленныхъ условіяхъ, если и необращавшихъ его окончательно въ несвободнаго, то во всякомъ случаѣ въ человѣка, въ высшей степени зависящаго отъ владѣльца земли и свободное городское населеніе не ушло отъ этого положенія по отношенію къ королю или его вассаламъ; положеніе огромнаго большинства этого населенія фактически и юридически мало чѣмъ отличались отъ положенія рабовъ [1]). Населеніе города за этотъ періодъ не представляетъ еще, какъ въ исходѣ борьбы, одной общины, какъ совокупности всего населенія, городъ еще не былъ юридическимъ лицомъ; а поэтому было городское населеніе, городскіе обыватели, горожане въ этомъ смыслѣ, но не было еще единой городской корпораціи. Это городское населеніе представляло собою совокупность нѣсколькихъ, самыхъ различныхъ, общинъ [2]), не имѣвшихъ никакой юридической связи между собой. Эти общины или состояли изъ крѣпостныхъ, были владѣльческими общинами, или они были общинами свободныхъ людей, жившихъ на своихъ собственныхъ участкахъ земли или на владѣльческихъ. Эти послѣднія, свободныя общины и носили въ себѣ зародышъ будущаго развитія городскаго населенія не только до степени автономической общины въ смыслѣ земской единицы, но даже политически самостоятельнаго организма, обладающаго верховными правами; однако свободныя общины едва ли когда либо были исключительнымъ населеніемъ города [3]);

---

[1]) *Schaeffner:* II. 528; *Гизо* Истор. цив. въ Европѣ 117. *Varnkoenig* und *Stein:* Franz. Rechts-Staatsg. I. 145—146.

[2]) *Otto Gierke:* I. 255.

[3]) Впрочемъ *Maurer*, производя города исключительно изъ деревень, принимаетъ, что первые подобно послѣднимъ, дѣлились на свободные,

но съ другой стороны, едва ли существовалъ городъ, населеніе котораго составляли бы только одни несвободные: рабы и колоны.

Въ первый періодъ развитія феодальной системы, когда вассалы еще не обратились въ наслѣдственныхъ, совершенно независимыхъ отъ короля, владѣльцевъ своихъ феодаловъ, когда королевская власть еще пользовалась правами и прерогативами верховной власти, когда страна управлялась ея именемъ, ея представителями и чиновниками, городское населеніе еще не выдѣлялось въ административномъ отношеніи, находясь въ одинаковой зависимости съ сельскимъ отъ представителей верховной власти въ опредѣленномъ округѣ. Самый городъ въ это время не составлялъ еще особаго, административно-политическаго тѣла онъ входилъ еще въ составъ опредѣленной административной области—графства, сотни, составляя подраздѣленіе этой области или вообще часть ея, не всегда самостоятельную. Графъ, представитель верховной власти въ графствѣ, былъ вмѣстѣ представитель ея и въ городѣ; графъ управлялъ отдѣльными частями графства, а вмѣстѣ и городомъ, чрезъ посредство низшихъ чиновниковъ, назначаемыхъ королемъ или избираемыхъ самимъ населе-

---

владѣльческіе и смѣшанные. Къ первымъ онъ относитъ немногіе города, неподчиненные никакому землевладѣльцу и населенные исключительно свободными горожанами; къ нимъ онъ относитъ Кёльнъ и города, основанные auf freiem Reichsboden, а также и такъ называемые landesherrliche Staedte, къ которымъ относятся и епископскіе; ко вторымъ, владѣльческимъ, онъ относитъ города, самые многочисленные, происшедшіе изъ владѣльческихъ деревень; населеніе этихъ городовъ исключительно несвободное; къ городамъ третьяго рода принадлежатъ, согласно теоріи, тѣ, которые основаны или на владѣльческихъ, или на свободныхъ земляхъ и населеніе которыхъ состоитъ, какъ изъ свободныхъ общинъ, такъ и изъ крѣпостныхъ. 71—193.

Мнѣ кажется, что провести это дѣленіе абсолютно—болѣе чѣмъ трудно; не смотря на всю фактичность Маурера и въ этомъ вопросѣ, какъ во всѣхъ другихъ, дѣленіе, имъ предложенное едва ли можетъ быть принято. Наконецъ, оно едва ли и особенно важно: основное положеніе, что зародышъ свободнаго городскаго устройства въ свободныхъ общинахъ, остается непоколебленнымъ; всетаки, какъ выражается *Ot. Gierke*, не свободное населеніе ассимилировалось въ крѣпостное, а наоборотъ; и если гдѣ городское устройство возникло дѣйствительно изъ крѣпостныхъ общинъ, то всетаки подъ непосредственнымъ вліяніемъ свободныхъ. *Ot. Gierke*. I. 251—252.

ніемъ [1]). Такимъ образомъ, городъ, не выдѣляясь фактически, по составу и характеру населенія, не выдѣлялся и юридически изъ общей массы населенныхъ пунктовъ.

Такой порядокъ вещей держался лишь до распаденія Карловой монархіи и полнаго развитія феодальнаго строя, съ окончательнымъ установленіемъ котораго долженъ былъ рушиться. Эпоха распаденія Карловой монархіи, время неограниченнаго господства феодализма — самая мрачная эпоха въ исторіи Западной Европы; города подпадаютъ подъ власть феодаловъ, которые владѣютъ и управляютъ ими на правахъ частной собственности, по началамъ частнаго права: всѣ верховныя права надъ городскимъ населеніемъ переходятъ теперь въ руки феодала. Въ этотъ періодъ городъ постепенно выдѣляется изъ графства или сотни, перестаетъ быть ихъ составною частью въ административномъ смыслѣ и выработывается въ совершенно самостоятельное, особое цѣлое во внѣшнемъ, впрочемъ, чисто отношеніи. Постепенное развитіе такаго выдѣленія города лучше всего можно видѣть на исторіи развитія такъ называемыхъ иммунитетовъ, въ особенности въ епископскихъ городахъ, ранѣе другихъ выдѣлившихся въ такія самостоятельныя единицы.

Система иммунитетовъ есть ничто иное, какъ система выдѣленія опредѣленнаго района, опредѣленной территоріи, изъ подъ власти и вліянія, въ извѣстномъ отношеніи, королевскихъ чиновниковъ, общественныхъ властей; выдѣляемый участокъ или городъ передавался въ этомъ отношеніи въ вѣдѣніе феодала [2]). Въ первое время система иммунитетовъ служила въ рукахъ королевской власти средствомъ борьбы противъ крайняго развитія феодализма; въ ней королевская власть видѣла средство удержать нѣкоторые города, чрезъ посредство епископа или феодала, отъ обращенія ихъ въ частную собственность феодаловъ, быстро обращавшихся въ независимыхъ, наслѣдственнихъ владѣльцевъ феодовъ. Епископы съ одной стороны, стоятъ еще въ нѣкоторой зависимо-

---

[1]) *Rud. Gneist.* I. 104; *Gaupp:* § IV, 61. *Hegel:* I. 474, 486; II. 65; *Huellmann:* Staende. 484—485; *Aug. Thierry:* Essai sur l'hist. du tiers état. II. 117 — 118; *Ot. Gierke.* I. 253. Населеніе избирало при Карлѣ Великомъ общинныхъ судей, такъ называемыхъ Scabini. *Hegel.* II. 36—39; *Huellmann* Staedte. III. 285—292. *Béchard.* I. Liv I. Chap. VIII.

[2]) *Arnold.* I. 12.

сти отъ верховной власти; она пользуется значительнымъ вліяніемъ на ихъ назначеніе; съ другой стороны, епископы имѣютъ вліяніе на выборы короля (напр. въ Ломбардіи); и то и другое вмѣстѣ дѣлаетъ этихъ духовныхъ феодаловъ, въ глазахъ верховной власти, лицами въ высшей степени важными; она старается удержать ихъ на своей сторонѣ [1]), а чрезъ ихъ посредство и самые города. По своей сущности, иммунитетное состояніе вовсе не означало уничтоженіе всякой зависимости отъ королевской власти; землевладѣлецъ въ этомъ случаѣ замѣнялъ королевскаго чиновника, какъ посредникъ между населеніемъ города и верховной властью: онъ или его чиновники заступали мѣсто своихъ крѣпостныхъ, представляли ихъ, на королевскомъ судѣ, а свободныхъ жителей иммунитетнаго города доставляли въ этотъ судъ [2]); всетаки право иммунитета въ рукахъ епископа было первымъ шагомъ къ полному переходу верховныхъ правъ надъ городомъ въ его руки. Система иммунитетовъ, въ концѣ концовъ выродилась въ ту же феодальную систему: иммунитетъ постепенно теряетъ свой первоначальный характеръ, и епископъ мало по малу обращается въ верховнаго, независимаго владѣльца города, подобно остальнымъ феодаламъ. Получивъ права иммунитета, епископы постепенно получаютъ въ свое вѣдѣніе всю королевскую, частную поземельную собственность въ городѣ [3]), со всѣми слугами, министеріалами и крѣпостнымъ населеніемъ, находившимся при этой собственности; оставалось только получить власть надъ свободными общинами городскаго населенія; они достигаютъ и этого. Спачала получаютъ въ свое вѣдѣніе таможенныя, судебныя и другія пошлины съ этихъ общинъ, которыя такимъ образомъ, оставаясь свободными, несутъ повинности уже не въ пользу короля, а епископа. Скоро право чеканки монетъ переходитъ въ руки епископа. Пріобрѣтеніе всѣхъ этихъ правъ — второй, болѣе рѣшительный шагъ въ ходѣ развитія епископской власти; она не замедлила сдѣлать и третій — забрать въ свои руки верховную юрисдикцію надъ свободнымъ населеніемъ города, такъ что въ X ст., напр., въ Вормсѣ уже не до-

---

[1]) *Arnold.* I. 36; *Hegel.* II. 65—66.
[2]) *Bethmann-Hollweg:* 91 и *Arnold.* I. 15.
[3]) *Hegel.* II. 70; *Arnold.* I. 22—23.

пускается никакая другая власть, кромѣ власти епископа, въ лицѣ его фогта [1]). Верховная власть епископа надъ городомъ не обратила, однако, свободнаго населеніе послѣдняго въ крѣпостное: свободными общинами управлялъ особый отъ крѣпостныхъ епископскій фохтъ. Такимъ образомъ иммунитетныя права постепенно расширились до феодальныхъ; епископъ обратился въ такого же независимаго и сильнаго королевскаго вассала, какъ и всѣ остальные; онъ обладаетъ теперь всѣми верховными правами, перешедшими къ нему отъ графа [2]).

Въ X вѣкѣ всѣ города находятся въ одинаковомъ состояніи: все равно, были ли они королевскіе или владѣльческіе; тѣ и другіе одинаково подлежатъ своимъ владѣльцамъ на началахъ частнаго права. Полный переходъ верховныхъ правъ надъ городомъ въ руки епископа не былъ первымъ шагомъ къ освобожденію послѣдняго, какъ думаютъ Эйхорнъ [3]) и Ог. Тьерри [4]), по мнѣнію которыхъ власть епископа послужила дѣлу развитія городскаго самоуправленія тѣмъ, что о б ъ е д и н и л а населеніе города въ одно цѣлое, и что, сдѣлавшись суверенной, епископская власть, какъ выражается Ог. Тьерри, обратила самый городъ въ суверена. Мнѣніе это нуждается въ сильныхъ доводахъ, чтобы быть принятымъ; во первыхъ, епископская власть далеко не слила всѣхъ слоевъ населенія города въ одно цѣлое: такъ, свободныя и несвободныя общины оставались раздѣльными и теперь; онѣ подчинялись, хотя и назначаемымъ однимъ и тѣмъ же епископомъ, но тѣмъ не менѣе разнымъ судебнымъ чиновникамъ: несвободные подлежали юрисдикціи такъ называемаго монастырскаго фогта (Stiftvogt); свободные — городскаго (Stadtvogt) [5]); слѣдовательно, свободныя и несвободныя общины, не

---

[1]) *Arnold.* I. 33.

[2]) *Eichhorn:* Geschichte. II. 75. Не всѣ, однако, епископы достигли такого значенія; въ нѣкоторыхъ городахъ ихъ власть не ушла дальше власти, предоставлявшейся иммунитетами въ ихъ первоначальномъ значеніи; въ этихъ городахъ власть перешла въ руки графовъ. *Hegel.* II. 76—83; *Huellmann:* Staende. 322.

[3]) Zeitschr. fut geschichtl. Rechwissenschafts. I. 226—36.

[4]) Consid. sur. l'hist. de Fr. 15 2—153.

[5]) *Arnold.* I. 69; *Huellmann:* Staedte II. 315. *Его же* Staende 528. Однако, несмотря на это, Huellmann всетаки говоритъ, что городское

смотря на единство епископской власти, стояли въ сущности особнякомъ другъ отъ друга. Если же гдѣ такое сліяніе и произошло подъ властью епископа, то вовсе не въ пользу свободы, а исключительно во вредъ ей; городское свободное устройство развивалось никакъ не благодаря епископской власти, а скорѣе не смотря на нее, какъ выражается Гегель, на перекоръ ей, какъ это ясно видно изъ исторіи борьбы свободнаго городскаго населенія съ епископами; наконецъ, будь этотъ взглядъ вѣренъ, развитіе свободнаго городскаго устройства было бы въ такомъ случаѣ возможно лишь въ епископскихъ городахъ; и такимъ городамъ, какъ Гентъ и Брюгге суждено бы было только съ завистью смотрѣть на своихъ счастливыхъ сосѣдей; еслибы только они способны были дойти до сознанія преимущества этихъ сосѣдей. На самомъ же дѣлѣ мы этого не видимъ и Брюгге съ Гентомъ и безъ епископской власти пришли къ тѣмъ же, если еще не лучшимъ результатамъ, къ какимъ пришли и епископскіе города [1]).

Господство епископа надъ городомъ, какъ и господство всякаго вообще феодала, выдѣляло городъ и объединяло его лишь въ административномъ смыслѣ, придавъ ему только внѣшнее единство, какъ я уже замѣтилъ вскользь; единство, которое обратило городъ въ политико-административную единицу [2]), если можно такъ выразиться; о единствѣ населенія, объединеніи его въ одно цѣлое, не можетъ быть и рѣчи,—такое объединеніе настало несравненно позже.

Но не всегда въ этотъ періодъ городъ достигалъ и такого внѣшняго единства; не всегда и не всѣ города подчинялись власти лишь одного владѣльца — свѣтскаго или духовнаго; многіе города оказались въ еще болѣе тяжеломъ положеніи, въ положеніи объекта

управленіе возникло путемъ соединенія въ рукахъ епископа владѣльческой юрисдикціи съ верховной властью надъ свободными общинами.

[1]) *Aug. Thierry* въ тѣхъ же Cons. отчасти отказывается отъ только что приведеннаго взгляда, говоря, что феодальная власть епископовъ вызвала революцію. 158; а въ Lettres—XIII, 200—201—уже прямо высказываетъ мысль, что систематическая оппозиція даже мирной революціи въ городахъ велась только со стороны высшаго духовенства.

[2]) *Hegel.* II. 88.

власти двухъ и даже болѣе владѣльцевъ [1]). Чаще всего городъ дѣлился между епископомъ и графомъ.

Арнольдъ, въ своей исторіи нѣмецкихъ вольныхъ городовъ, опредѣляетъ характеръ власти епископа надъ городомъ эпитетомъ «отеческой», т. е. власти совершенно произвольной, предѣлы которой не опредѣлены никакимъ закономъ. Эпитетъ этотъ очень мѣтокъ и вѣренъ. Напр., въ Вормсѣ все несвободное населеніе города, въ составъ котораго входили какъ собственно епископскіе крѣпостные, такъ и бывшіе нѣкогда королевскими, составляло одно семейство св. Петра—«familia S. Petri» [2]), отцомъ котораго былъ епископъ; эта familia распадалась на отдѣльныя общины, союзы—societates, во главѣ которыхъ стояли епископскіе фогты [3]). Но вмѣстѣ съ этими несвободными общинами, въ составъ городскаго населенія, какъ я уже говорилъ, повсюду входилъ свободный элементъ, общины свободныхъ людей, которымъ Гегель придалъ такое значеніе, какъ одному изъ главныхъ моментовъ въ исторіи развитія средневѣковаго города; и эти общины не ушли изъ-подъ «отеческой» власти епископа, которая, однако, не смотря на всю свою силу, не успѣла эту категорію своихъ дѣтей ассимилировать въ первую. Свободныя общины не обратились окончательно въ крѣпостное состояніе и, какъ я уже не разъ указывалъ, подлежали даже особаго суду епископскаго фогта. Въ нѣкоторыхъ городахъ встрѣчаются даже шöффены, scabini, избираемые этими общинами изъ своей среды суды [4]). Однако эти свободныя общины обязывались въ теченіи нѣсколькихъ дней въ году исправлять опредѣленныя работы на епископа [5]). Тоже самое приблизительно представляли и города, состоявшіе въ рукахъ свѣтскихъ феодаловъ, по отношенію къ устройству и управленію.

---

[1]) *Amiens*, напр., принадлежалъ четверымъ principibus civitatis: 1) графу, 2) епископу, 3) кастелляну-намѣстнику короля и 4) викарію епископа. *Aug. Thierry:* Lettr. sur l'hist. de Fr. XIX, 274. *Смирновъ* 53—54.

[2]) I. 66—68.

[3]) *Bethm Hollweg:* 118.

[4]) *Hegel* утверждаетъ ихъ существованіе въ итальянскихъ городахъ до X вѣка. II. 102 и позже даже въ Кельнѣ, Магдебургѣ и др., Ibid. 419—422. Въ Амьенѣ viri authentici. *Смирновъ* 54.

[5]) *Hegel.* II. 95; *Arnold.* 70—71.

Таково было юридическое состояніе городскаго общества по отношенію къ владѣльцу въ эпоху крайняго развитія феодализма. Взглянемъ на фактическія отношенія къ этому обществу феодаловъ.

Авторитеты исторіи среднихъ вѣковъ описываютъ эти взаимныя отношенія и вообще состояніе города за этотъ періодъ самыми мрачными красками. Гизо въ своей исторіи развитія цивилизаціи въ Европѣ, опредѣливъ состояніе городскаго населенія между V и X столѣтіями какимъ то среднимъ состояніемъ между рабствомъ и свободой, прибавляетъ, что это населеніе было жертвой безпрерывныхъ притѣсненій, грабежей со стороны сильныхъ; что варварство, безурядица и постоянно возраставшія бѣдствія ускоряли запустѣніе городовъ; сами епископы, обратившись въ феодаловъ, говоритъ здѣсь же Гизо, пренебрегли своею муниципальною дѣятельностью; подъ этимъ вѣжливымъ «пренебрегли» историкъ предоставляетъ читателю разумѣть очень многое; словомъ, состояніе городовъ въ этотъ періодъ клонится все къ худшему и къ худшему [1]).

Стоитъ заглянуть въ превосходное описаніе Ог. Тьерри самой борьбы городовъ съ ихъ владѣльцами, и хаотическое состояніе ихъ наканунѣ этой борьбы, станетъ болѣе чѣмъ яснымъ. Это было состояніе полнаго безправія, время кулачнаго суда и расправы. Судъ, обратившись почти въ частное достояніе епископскихъ чиновниковъ, въ ихъ доходную статью, былъ ничѣмъ инымъ, какъ орудіемъ наживы въ рукахъ этихъ чиновниковъ: деньги—единственное средство оправданія въ это тяжелое время. Однимъ изъ документовъ, касающихся города Амьена, положеніе городскаго населенія за этотъ періодъ сравнивается съ положеніемъ Израильтянъ въ Египтѣ [2]). Горожане не могли найти управы на епископскихъ чиновниковъ у самихъ епископовъ; и эти духовные сановники вели себя не лучше своихъ чиновниковъ; часто назначенные изъ свѣтскихъ, еще не уходившихся людей, епископы оставались и въ санѣ пастырей тѣми же буйными, не знающими преградъ своимъ страстямъ, людьми, для которыхъ законъ не писанъ [3]).

---

[1]) Стр. 117.

[2]) *Смирновъ*. 54—55.

[3]) Въ началѣ XII в. назначенъ былъ въ Амьенъ епископомъ „искатель приключеній и фортуны“, референдарій Генриха I, короля англійскаго. Без-

Имѣя передъ глазами подобную картину состоянія городскаго общества въ эту эпоху, прежде всего приходишь къ убѣжденію, что городъ погибъ, погибло его торгово-промышленное населеніе въ самомъ зародышѣ; исчезли свободныя общины, слившись съ крѣпостными. Казалось бы дальнѣйшее развитіе невозможно: городъ можетъ быть спасенъ какимъ нибудь Deus ex machina, который возродилъ бы общество мгновенно. Городъ, однако, спасся, но спасся и возродился не благодаря такому Deus, а благодаря самому же городскому населенію, его энергіи и дѣятельности. Феодализмъ, не признававшій никакихъ другихъ общественныхъ отношеній, кромѣ вассальныхъ и рабскихъ, не могъ однако сломить, уничтожить свободныхъ городскихъ общинъ, входившихъ издавна въ составъ городскаго населенія; этихъ «остатковъ» того населенія, которое, по выраженію Лорана, составляло «тѣло націи». Эти то «остатки» и спасаютъ, городское общество отъ порабощенія; они то и являются тѣмъ элементомъ, который носилъ въ себѣ зародыши самоуправленія. К. Гегель справедливо придаетъ этому слою городскаго населенія такое громадное значеніе въ исторіи развитія города.

Укрѣпленное состояніе города, существованіе свободныхъ общинъ, вызываютъ новый факторъ въ исторіи развитія города; факторъ, названный, какъ мы видѣли, Гегелемъ, «особенностями городской жизни». Собственно говоря, начало развитія этихъ «особенностей» лежитъ уже въ самомъ фактѣ обнесенія деревни укрѣпленіями; ихъ дальнѣйшее развитіе—въ развитіи торговли и промышленности. Въ укрѣпленномъ мѣстѣ, бургѣ, все равно, на чьей землѣ онъ стоялъ, жили чиновники землевладѣльца, управлявшіе самымъ населеніемъ бурга, обязаннымъ защищать какъ самый бургъ, такъ и города; здѣсь же жили дворовые слуги и ремесленники [1]). Въ укрѣпленныхъ мѣстахъ поселяются короли, ихъ представители—графы; въ нихъ же основываютъ свои кафедры архіепископы и епископы. Они живутъ здѣсь въ своихъ замкахъ и дворцахъ, окруженные рабами, слугами, министеріалами и колонами. Въ составъ городскаго населенія посте-

---

чинства новаго епископа дошли до того, что онъ не задумался совершить убійство у алтаря. *Aug. Thierry:* Lettres sur l'hist. de Fr. XVI. 233—34. *Leber.* Hist. crit. du pouv. munic. 155.

[1]) *Maurer.* I. 470—471.

пенно вносятся и неземледѣльческіе элементы. Наличность высшихъ слоевъ администраціи духовной и свѣтской привлекаютъ вмѣстѣ съ защитой и безопасностью, доставляемыми городскими укрѣпленіями, массы населенія. Постепенно развиваются потребности, удовлетворить которыя домашними средствами уже невозможно; постепенно является необходимость въ классѣ людей, которые посвятили бы себя удовлетворенію этихъ потребностей. Города дѣлаются торговыми пунктами: въ нихъ открываются рынки и ярмарки, сначала временные, а потомъ и постоянные. Выработываются зачатки торгово-промышленнаго населенія, первыми представителями котораго являются евреи. Зародыши постепенно разростаются въ нѣчто почтенное.

Безпощадное развитіе феодализма не могло положить предѣла, не могло окончательно затормозить это развитіе торговли и промышленности и класса населенія ими занимающагося. Полагая всевозможныя преграды этому развитію, феодализмъ, въ тоже время, volens nolens, безсознательно, содѣйствовалъ ему. Потребности богатаго и празднаго феодала быстро ростутъ; нѣтъ уже болѣе возможности удовлетворять ихъ посредствомъ только рукъ раба; продуктовъ собственной страны становится недостаточно: вызывается усиленный обмѣнъ; торговыя операціи разростаются; ремесла развиваются, выходя изъ стѣнъ монастырей. Свободное городское населеніе обращается къ этимъ выгоднымъ занятіямъ. Торги и ярмарки разростаются; денежное хозяйство смѣняетъ естественное, первобытное; торговые обороты облегчаются; феодаламъ становится не выгодно содержать цѣлыя толпы крѣпостныхъ ремесленниковъ; эти послѣдніе постепенно освобождаются, входя въ составъ свободныхъ общинъ, образуя союзы ремесленниковъ, которые все ростутъ и ростутъ; занятіе тѣмъ или инымъ ремесломъ, хотя и не дѣлается почетнымъ, перестаетъ быть презираемымъ; населеніе города увеличивается.

Церковь, руководясь по преимуществу религіозно-нравственными цѣлями, феодалы и королевская власть—интересами финансовыми, личными, стараются, на сколько это возможно при феодальной безурядицѣ и безправіи, охранять и поощрять развитіе торговли и промышленности. Церковь стремилась къ этой цѣли, собственно косвеннымъ путемъ, пуская въ ходъ свое духовное оружіе—отлученіе;

она прибѣгаетъ къ этому оружію, чтобы призвать вѣрующихъ къ миру и согласію и если не прекратить безпрерывныхъ, страшныхъ войнъ, то по крайней мѣрѣ ограничить ихъ, лишить характера безпощадности, внезапности, установить хоть на нѣсколько дней міръ на землѣ. Церковь обращается уже не къ отдѣльнымъ лицамъ, а къ массамъ, ко всему населенію, взывая о раскаяніи и согласіи. Соборы XI вѣка сильно заняты вопросомъ о мирѣ, тишинѣ и порядкѣ [1]). Недостигнувъ цѣли этимъ путемъ, церковь обращается къ болѣе рѣшительному средству, знаменитому въ исторіи Среднихъ вѣковъ «миру божію»—Treuga Dei. Законъ «мира божія» запрещалъ въ извѣстные дни недѣли междоусобныя войны (съ вечера среды до утра понедѣльника) относя сюда и большіе праздники; но и этимъ однимъ «миръ божій» не ограничивался: имъ опредѣлялось, что извѣстныя лица должны пользоваться постояннымъ миромъ; къ этимъ лицамъ, кромѣ женщинъ и дѣтей, относились и купцы [2]). Какъ бы эти церковныя средства не были малодѣйствительны, все таки едва-ли можно лишать ихъ всякаго значенія.

Короли поощряли развитіе торговли и промышленности, старались ограждать купцовъ въ дорогѣ отъ опасностей нападенія, снабжая ихъ конвоемъ (Geleit); они принимали подъ свою защиту рынки; уничтожали на время торговыхъ дней такъ называемое Befehlungsrecht; сначала эта королевская защита распространялась лишь на королевскіе города (которыми короли владѣли на началахъ частной собственности), а потомъ и на всѣ [3]). Все это содѣйствуетъ свободѣ сношеній; этимъ правомъ сначала пользовались купцы, а потомъ оно постепенно сдѣлалось достояніемъ всего городскаго населенія [4]). Все это вмѣстѣ съ собственной живучестью, такъ сказать, торговли и промышленности, съ отвагой и энергіей

---

[1]) *Laurent:* Hist. du dr. des gens. VII. 172. *Béchard* придаетъ огромное значеніе Treuga Dei и указываетъ на фактъ совпаденія соборовъ, устанавливающихъ la paix de Dieu, съ временемъ изданія хартій городамъ. Dr. municip. au moyen age. I. 195.

[2]) *Laurent.* VI. 76 и прим. 3. Курсъ всеобщей Исторіи *Вебера*, II. 207 (изд. 2).

[3]) *Maurer:* I. 288—91, 333. *Mascher* das deutsche Gewerbewesen. 59.

[4]) *Maurer:* I. 322—23.

самихъ промышленниковъ, было причиной того, что торговля и промышленность не только не были убиты феодализмомъ, но еще сдѣлали значительный шагъ впередъ, сравнительно съ предшествовавшимъ періодомъ. Крестовые походы, развившіе новыя потребности, познакомившіе средневѣковое общество съ новыми продуктами, открывшіе новое поле дѣятельности торгово-промышленному сословію, имѣли громадное вліяніе на развитіе торгово-промышленнаго населенія средневѣковой Европы [1]), на развитіе города вообще. Города, лежавшіе при особенно благопріятныхъ условіяхъ относительно естественныхъ путей сообщенія — въ Ломбардіи, южной Франціи, Голландіи, по Рейну и Дунаю—достигаютъ замѣчательной степени богатства.

Такимъ образомъ постепенно развивалась новая сила, новый общественный элементъ, которому еще не было мѣста въ общественно-феодальной іерархіи и который долженъ былъ занять это мѣсто. Чувствуя свою силу, свое значеніе, свободное торгово-промышленное населеніе не могло оставаться въ тѣхъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ-феодаламъ, въ которыхъ оно стояло до сихъ поръ; оно не могло болѣе уживаться съ феодальнымъ гнетомъ; оно должно было свергнуть этотъ гнетъ и войти «въ составъ феодальнаго общества», въ качествѣ самостоятельнаго, независимаго члена, занять въ этомъ обществѣ мѣсто, аналогичное мѣсту, занимаемому вассалами. Оно и не замедлило сдѣлать это, лишь только почувствовало себя въ достаточной степени сильнымъ.

Этимъ стремленіемъ богатаго городскаго населенія выйдти изъ состоянія зависимости, занять соотвѣтствующее мѣсто въ феодальной іерархіи и объясняется повсемѣстное движеніе городскаго населенія, его борьба съ феодалами; въ этомъ стремленіи и кроется причина освобожденія городовъ изъ подъ власти послѣднихъ. Въ этомъ стремленіи, вызванномъ несовмѣстимостью торгово-промышленнаго движенія съ феодальной зависимостью и лежитъ, мнѣ кажется, разгадка великаго движенія XI и XII ст. «зародыши свободы,

---

[1]) Въ этотъ смыслѣ крестовые походы значительно содѣйствовали движенію городовъ, ихъ возстанію противъ феодаловъ, какъ это признаютъ: *Laurent:* VII, 445. *Huellmann:* Steadte I. 62 и 138 (здѣсь онъ вычисляетъ массу товаровъ ввозимыхъ съ востока); *Его же* Staende 612. *Van Praet:* sur l'orig. com. flamandes. 63.

торговли и независимости существовали повсюду; въ этомъ причина всеобщности революціи».

Пути, средства, которыми города осуществляли эти стремленія къ независимости, обусловливались многими, въ высшей степени разнообразными обстоятельствами; на ихъ характеръ съ одной стороны вліяли степень развитія торговли и промышленности города, степень силы и благосостоянія его населенія, съ другой—сила феодала, во власти котораго находился городъ. Этими двумя факторами, ихъ взаимнымъ соотношеніемъ обусловливались и степень свободы города и время его освобожденія. Города Италіи, Южной Франціи и порейнскіе были піонерами освобожденія.

Если причина движенія дѣйствительно лежала въ сознаніи торгово-промышленнымъ сословіемъ своей силы, своего значенія, если она—въ несовмѣстимости сильнаго сословія съ его подчиненнымъ, зависимымъ положеніемъ по отношенію къ феодальному владѣльцу города, то само собою становится понятнымъ, что если не единственными, то главными дѣятелями въ борьбѣ за свободное городское устройство и управленіе должны были явиться богатые и сильные классы торгово-промышленнаго населенія городовъ. Такъ это, какъ увидимъ дальше, и было на самомъ дѣлѣ.

Вопросъ о томъ, какую роль играли въ борьбѣ горожане, насколько ихъ роль была активна, какое участіе въ развитіи городскаго самоуправленія принимала королевская власть и феодалы; было ли свободное городское устройство результатомъ только значенія горожанъ какъ силы, или оно являлось въ значительной степени, какъ слѣдствіе добровольнаго октроированія городскихъ льготъ и привилегій со стороны верховной власти и феодаловъ; все это, мнѣ кажется, вопросы въ высокой степени важные въ исторіи западно-европейскаго города: громадная разница—добыто ли извѣстное политическое право сознательно, активно или же оно получено, благодаря октроированію, при совершенно пассивномъ, индиферрентномъ отношеніи къ нему получавшаго. Будь западно-европейскій городской строй на самомъ дѣлѣ результатомъ октроированія и только его одного, онъ былъ бы, во-первыхъ, явленіемъ совершенно непонятнымъ, а во вторыхъ, онъ никогда не былъ бы тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ и никогда не игралъ бы той роли, которую игралъ въ дѣйствительности.

Ог. Тьерри, излагая подробно исторію городовъ лишь сѣверной Франціи, видимо склоняется къ тому мнѣнію, что свободное городское устройство, основываясь на римскихъ и германскихъ началахъ, является исключительно результатомъ борьбы, революціи [1]); этотъ взглядъ, собственно говоря, ближе къ истинѣ, чѣмъ, напр., взглядъ Гизо, который различаетъ троякое происхожденіе городовъ или, какъ онъ выражается, буржуазіи, третьяго сословія; иными словами, онъ видитъ три рода причинъ возникновенія городскаго устройства — 1) римскій муниципальный режимъ, 2) уступки и привилегіи со стороны сеньоровъ, благодаря возрастающему богатству и вліянію городскаго населенія, 3) вооруженное возстаніе горожанъ [2]). Этимъ путемъ Гизо надѣется примирить всѣ мнѣнія и, кажется, напрасно надѣется. Мнѣ кажется, знаменитый историкъ смѣшиваетъ причины происхожденія городскаго устройства со средствами, которыя служили къ развитію этого устройства. Причина — одна, и онъ самъ ее опредѣляетъ здѣсь же, только лишая ее характера общности и обращая въ частную причину, это — influence de la richesse croissante, besoin que les seigneurs avaient de leur (горожанъ) services. Это то же самое, что я говорилъ о причинахъ городскаго движенія, лишь выраженное въ другой формѣ; то же самое «возрастающее значеніе богатства» лежитъ и въ основѣ третьей причины Гизо происхожденія городскаго устройства; только благодаря этому богатству, этой силѣ, значенію, горожане могли «вырвать,— какъ выражается историкъ,— значительную долю суверенитета у своихъ сеньоровъ».

Ог. Тьерри уже отказывается отъ своего односторонняго взгляда, основаннаго на томъ же смѣшеніи причины со средствомъ, въ своей Tableau de l'ancienne France municipale, гдѣ онъ, различая основаніе или «духъ» общинной революціи отъ «формъ» ея проявленія, говоритъ, что этотъ духъ, основаніе, fond, одинъ и тотъ же съ одного конца Франціи до другаго и есть ничто иное,

---

[1]) *Гизо* прямо и приписываетъ этотъ исключительный взглядъ Ог. Тьерри. Hist. de la civil. en France. IV. 199.

[2]) Hist. de la civil en France. IV. 208—209.

какъ «болѣе или менѣе горячее желаніе замѣнить власть феодаловъ избирательнымъ магистратомъ [1]).

Такимъ образомъ, оба великіе историка, выставляютъ въ сущности одну причину «возрожденія», какъ они выражаются, городовъ — силу и значеніе городскаго населенія, его стремленіе къ независимости.

При единствѣ причины, результаты достигались самыми разнообразными средствами. Въ выборѣ этихъ средствъ горожане руководились исключительно собственными интересами и пускали въ ходъ тѣ изъ нихъ, какія находили возможными и удобными въ данную минуту; они пользовались всѣмъ: и содѣйствіемъ королевской власти, и помощью феодаловъ—сосѣдей, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ; они прибѣгали къ возстанію, открытой борьбѣ, къ образованію союзовъ, часто прямо къ кошельку; послѣдній, въ качествѣ средства, игралъ чуть ли не первенствующую роль: онъ одинъ давалъ возможность заручаться союзомъ феодаловъ—сосѣдей, укромнять пылъ своихъ владѣльцевъ, получать санкцію добытыхъ правъ отъ верховной власти; онъ одинъ, наконецъ, дѣлалъ возможнымъ долгую, упорную борьбу.

Руководясь въ выборѣ союзниковъ лишь собственными, личными интересами, горожане никогда не держались ни одного изъ нихъ постоянно, систематически. Очень часто въ борьбѣ съ феодаломъ, владѣльцемъ города, жители послѣдняго обращались за помощью къ феодалу же [2]); при томъ каждый городъ имѣетъ въ виду лишь свои, такъ сказать, частно-городскіе интересы; интересы, общіе всѣмъ городамъ, городскому населенію цѣлаго государства, какъ третьему сословію, еще не существуютъ. Вотъ почему мы часто видимъ, что въ борьбѣ даннаго города съ своимъ феодальнымъ владѣльцемъ, помощникомъ, союзникомъ послѣдняго является сосѣдній городъ, такъ напр., германскіе города, принимая участіе въ борьбѣ претендентовъ на императорскій престолъ, раздѣляются между этими претендентами: одни становятся на сторону

---

[1]) Essai sur l'hist. du tiers état. II. 34—35.

[2]) Такъ жители Laons'a обращаются къ сеньору de Marle. *Aug. Thierry:* Let. sur l'hist. de Fr. XVII. 249. тоже дѣлаетъ Стразбургъ въ борьбѣ со своимъ епископомъ. *Arnold.* I 341.

одного, другіе другаго [1]); тѣми же исключительными интересами руководились по отношенію къ городскому движенію, какъ верховная власть, такъ и феодалы; послѣдніе не подозрѣвали въ этомъ движеніи общей для себя опасности и не съумѣли отнестись къ нему единодушно; это обстоятельство было однимъ изъ самыхъ благопріятныхъ условій для городовъ.

Тѣ же интересы, та же политика руководила горожанами въ ихъ отношеніи къ великой борьбѣ свѣтской и духовной властей; въ этой борьбѣ городъ зорко блюлъ лишь свои интересы, стремился къ своимъ цѣлямъ, становясь то на сторону императора, то на сторону папъ, смотря по тому, изъ содѣйствія которой сторонѣ можно было надѣяться извлечь больше выгодъ; города не упускали случая извлечь пользу и изъ борьбы претендентовъ на императорскую корону; они помогаютъ тому, на чью побѣду надѣются; часто мы видимъ, что они изощряются извлекать пользу даже изъ обѣихъ партій [2]); получая льготы и привилегіи отъ той и другой.

Едва ли возможно доказать, что верховная власть въ своихъ отношеніяхъ къ городамъ и наоборотъ, города въ отношеніи къ верховной власти руководились общими политическими соображеніями; что города стремились поддерживать верховную власть въ ея борьбѣ съ феодалами именно съ цѣлью усилить верховную власть; что верховная власть, наоборотъ, поддерживаетъ города въ ихъ стремленіяхъ, руководясь общею политическою цѣлью—усилиться и стать выше всякихъ частныхъ интересовъ. Едва-ли, говорю, все это возможно доказать въ виду тѣхъ историческихъ фактовъ, которые у насъ передъ глазами. Мы видѣли, чѣмъ руководились, напр., германскіе города, принимая участіе въ борьбѣ императорской власти съ папской, въ борьбѣ императоровъ съ феодалами. Тѣмъ же самымъ руководилась и верховная власть въ своей политикѣ по отношенію къ городамъ. Верховная власть не имѣетъ въ виду

---

[1]) Въ борьбѣ Филиппа Гогенштауфена съ Оттономъ IV, одни города на сторонѣ Филлиппа, другіе—Оттона IV.

[2]) Стразбургъ въ 1223 году заключаетъ союзъ съ епископомъ и Генрихомъ, королемъ римскимъ, сыномъ императора Фридриха II, противъ послѣдняго; въ 1236 г. городъ на сторонѣ Фридриха II, и получаетъ отъ него привилегіи. При избраніи Генриха Распэ городъ опять отпадаетъ отъ Фридриха II, *Arnold*. I. 332.

исключительно политическую цѣль—усилить города, поставить ихъ на свою сторону и съ ними вмѣстѣ начать борьбу съ феодалами; она вовсе не стремится къ этой цѣли систематически, и, руководясь чисто личными цѣлями, стоитъ въ борьбѣ городовъ съ феодалами то на той, то на другой сторонѣ [1]).

Стоитъ ближе вглядѣться въ отношенія, напр., французскихъ королей къ городскому движенію, чтобы согласиться съ Шеффнеромъ, по мнѣнію котораго короли играли въ борьбѣ городовъ роль простыхъ барышниковъ (*Schacherer*) [2]), руководившихся почти исключительно одними денежными интересами; короли становятся на ту или другую сторону, побуждаемые лишь соображеніемъ, которая изъ сторонъ даетъ бо́льшую сумму; они продаютъ свое участіе въ борьбѣ на вѣсъ золота [3]); не разъ случалось, что взявъ съ одной стороны, короли брали и съ другой [4]). Утверждать противное, приписывать коронѣ ясно сознанную, послѣдовательную политику по отношенію къ городамъ, значитъ не только отрицать историческіе факты, но и навязывать королямъ и императорамъ XII вѣка политическіе цѣли и планы, понятные намъ, но совершенно чуждые имъ [5]).

---

[1]) Въ борьбѣ Майнца съ епископомъ въ 1154 г. императоръ — противъ горожанъ. *Arnold.* I. 231; къ Вормсу, поддерживавшему Генриха IV въ его борьбѣ съ Григоріемъ VII, на оборотъ, императоры относятся въ высшей степени покровительственно.

[2]) Geschichte der Rechtsverfasung Frankreichs. II. 512.

[3]) *Aug. Thierry.* Lettres sur l'hist. de Fr. XIII. 197.

[4]) Ibid. XVI. 238—40. Лаонскіе депутаты, одаривъ богатыми подарками Людовика VI, получили отъ него санкцію общинной хартіи; проходитъ нѣсколько лѣтъ и Людовикъ уничтожаетъ свою санкцію, получивъ на этотъ разъ отъ епископа гораздо большую сумму, чѣмъ отъ городскихъ депутатовъ.

[5]) Этотъ же взглядъ высказываетъ и *Грановскій.* Собр. Соч. I 324—325 (Аббатъ Сугерій). Противоположный взглядъ поддерживается монархистами, съ легкой руки хартіи 1814 года, по словамъ которой „les communes ont dû leur affranchissement à Louis le Gros la confirmation et l'extension de leurs droits à S. Louis et à Philippe le Bel“. *Brequigny*—одинъ изъ самыхъ старыхъ изслѣдователей исторіи городовъ, смотря на городское устройство съ чисто юридической точки зрѣнія, придаетъ огромное значеніе санкціи хартій королевской властью; по его мнѣнію говорить объ общинномъ городскомъ устройствѣ можно лишь съ момента санкціи его королевской

Въ тѣхъ случаяхъ, когда королевская власть вмѣшивалась въ борьбу городовъ съ феодалами, становясь на сторону первыхъ, она очень рѣдко оказывала городамъ реальную помощь—войскомъ или деньгами; эти случаи были только счастливымъ исключеніемъ; въ огромномъ же большинствѣ случаевъ дѣло ограничивалось простой санкціей хартіи, выработанной горожанами и признанной феодалами, приложеніемъ къ ней королевской печати [1]).

Я уже замѣтилъ выше, что капиталъ играетъ громадную роль въ исторіи города; при помощи его горожане не только покупали союзниковъ и санкцію верховной власти, но даже прямо безъ всякой борьбы пріобрѣтали, путемъ купли, право самоуправленія; такъ, напр., магдебургцы купили у своего епископа въ концѣ XIII в. должности бургграфа и шультгейсса, и первую уничтожили вовсе, а вторую сдѣлали избирательною [2]). Ту же роль, хотя и менѣе прямымъ, непосредственнымъ путемъ, играетъ капиталъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣлецъ города, повидимому добровольно, выдаетъ принадлежащему ему городу опредѣленныя льготы и привилегіи. Такихъ добровольно изданныхъ владѣльцами хартій и привилегій не мало, особенно во Фландріи; вѣроятно эта-

---

властью. (*Aug. Thierry:* Cons. sur l'hist. de Fr. 75). Мнѣніе Брекиньи принимаетъ и *de Bast* (Les inst. des com. dans la Belgique); такое же важное, первенствующее значеніе въ дѣлѣ развитія городскаго устройства придаетъ королевской санкціи и *Leber*, по мнѣнію котораго еще до развитія феодализма, римскія муниципальныя учрежденія (мы видѣли, что онъ романистъ) были измѣнены au profit ou dans l'intéret du gouvernement royal (Hist. crit du dr. mun. 48) и что Франція реставраціей этихъ учрежденій, придушенныхъ феодализмомъ, обязана королевской власти, въ лицѣ Людовика VI, qui les a restituées aut villes qui les avaient perdues (Ibid. 153). Въ Германіи основателемъ городскаго самоуправленія считаютъ еще Генриха Птицелова. Опровержсніе этото взгляда—у *Laurent*, VII. 505—509. Изъ новѣйшихъ изслѣдователей держится этого взгляда *Béchard*, который приписываетъ „могущественное значеніе иниціативѣ королей въ дѣлѣ развитія такъ называем. institution de paix, т. е. общинныхъ учрежденій, и находитъ, что самое происхожденіе и характеръ городской общины XII и XIII вѣка — существенно монархическій. Dr. municip au moyen. âge. I. 195, 218—19.

[1]) *Aug. Thierry:* Let. sur l'hist. de Fr. XIII. 195. *Van. Praet* sur l'orig. de com. flam. 6.

[2]) *Hegel:* II. 422.

то многочисленность и была причиной, что Гизо видитъ въ этихъ хартіяхъ самостоятельный источникъ городской свободы. Какъ объяснить эту, плохо вяжущуюся съ интересами феодаловъ и королевской власти, политику добровольнаго согласія на городскія права и привилегіи, какимъ образомъ согласить эту политику съ политикой большинства феодаловъ; почему въ однихъ случаяхъ дается добровольно, почти тоже, что въ другихъ получается путемъ возстаній, кровопролитія? Эти льготы и привилегіи лишь юридически, по формѣ, были добровольными; по сущности же своей и они являлись, если не результатомъ насилія, то результатомъ силы, богатства городовъ, получавшихъ ихъ. Феодалы и короли, соглашавшіеся на выдачу льготъ безъ войны и насилія, соглашались на это волей-неволей, побуждаемые той же силой, которая, не согласись они на эти привилегіи, «вырвала» бы ихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Феодалы этимъ путемъ лишь избѣгали враждебныхъ столкновеній—не больше. Основывая города на своей землѣ, феодалы уже сразу обѣщали всякаго рода льготы и привилегіи будущему населенію ихъ, имѣя при этомъ одну цѣль—привлечь населеніе и заручиться его расположеніемъ, какъ силы, которая можетъ принести не мало и финансовыхъ выгодъ.

До роли и значенія политической силы поднялось не все городское населеніе вдругъ; до этого значенія постепенно поднимались лишь отдѣльные слои его, а потому и политическія права, права участія въ самоуправленіи города не сразу сдѣлались достояніемъ всего населенія города. Въ этомъ отношеніи въ исторіи западно-европейскаго города необходимо различать два періода: первый—отъ начала движенія до конца XIII и начала XIV в.; второй—отъ конца XIII до паденія городовъ, какъ политическихъ организмовъ, пользовавшихся верховными правами. Первый періодъ есть періодъ господства такъ называемыхъ древнихъ родовъ (alte Geschlechter), значеніе и сила которыхъ покоились на началахъ поземельной собственности; второй—періодъ господства цеховъ, политическая сила которыхъ лежала въ движимой собственности, въ капиталѣ. Первый походъ противъ феодаловъ открываютъ члены старыхъ, исконныхъ свободныхъ общинъ, члены древнихъ родовъ. Эти роды, благодаря поземельной собственности и оптовой торговлѣ, раньше всѣхъ другихъ достигаютъ такой степени благосостоянія, стоя на которой, они

могли уже вести образъ жизни, подобный феодаламъ. Они, поэтому, прежде другихъ сознали свое значеніе, прежде другихъ нашли феодальный гнетъ невыносимымъ для себя. Въ то время, какъ массы мелкаго торгово-промышленнаго люда, не смотря на свою количественную силу, оставались еще въ безправномъ состояніи, богатые, знатные роды горожанъ, опираясь на эти самыя массы, при ихъ вооруженномъ содѣйствіи, добиваются сначала участія въ городскомъ управленіи, а впослѣдствіи совершенно забираютъ его въ свои руки. Еще до начала открытаго возстанія, феодальные владѣльцы, сознавая силу этихъ родовъ, приглашали нѣкоторыхъ членовъ ихъ на свой собственый совѣтъ, составлявшійся обыкновенно изъ министеріаловъ [1]). Участіе въ городскомъ управленіи, какъ первоначальный результатъ движенія, было исключительнымъ достояніемъ родовъ; и гражданами въ смыслѣ полноправныхъ, считались лишь члены этихъ родовъ [2]). Съ постепеннымъ развитіемъ торговли и промышленности, слагается новый общественный элементъ, новая сила—цехи. Какъ только эта сила сознала свое значеніе, она не могла уже относиться спокойно къ своему политическому безправію; она начинаетъ заявлять о себѣ, требовать участія въ городскомъ управленіи. Роды, отживая свой вѣкъ, не хотятъ упускать власть изъ своихъ рукъ: начинается упорная, кровавая борьба съ ними цеховъ; побѣда остается за послѣдними; городское управленіе переходитъ въ руки цеховъ.

Я уже замѣтилъ, что по естественному ходу дѣлъ первыми въ дѣлѣ борьбы должны были выступить тѣ города, въ которыхъ всѣ условія сложились благопріятнѣе, чѣмъ въ другихъ, которые достигаютъ большей степени благосостоянія, при томъ, ранѣе другихъ. Такими городами являются города сѣверной Италіи.

---

[1]) *Arnold:* II. 73—74.

[2]) *Arnold:* I. 176 и 245; *Otto Gierke:* I. 258; *Hegel:* II. 143—145.

ГЛАВА III.

Развитіе городовъ въ Италіи.

Такіе города, какъ Генуя, Венеція, лежащіе у береговъ моря, представлявшаго собою въ началѣ Среднихъ вѣковъ единственный естественный торговый путь для сношеній съ неевропейскими народами, очень рано достигли высокой степени благосостоянія; они долгое время были главными, если не единственными рынками, на которые привозились всѣ восточные товары, и откуда эти товары расходились по всей западной Европѣ. Торгово-промышленное населеніе этихъ городовъ быстро развивается; является торгово-промышленная аристократія. Къ этому присоединяются въ высшей степени выгодныя политическія условія, которыми городская аристократія и не замедлила воспользоваться, чтобы захватить въ свои руки власть феодаловъ; города обращаются въ города-государства.

По распаденіи Карловой монархіи, Ломбардія представляетъ собою арену кровопролитныхъ войнъ между ея владѣтельными князьями, которые изъ вассаловъ императора обращаются въ независимыхъ владѣльцевъ. Эти владѣтельные князья ведутъ свои безпощадныя войны за императорскую корону; города, уже достигшіе извѣстной степени силы, играютъ не послѣднюю роль въ этихъ войнахъ; ихъ помощью дорожатъ князья. Занятые враждой, ослѣпленные блескомъ императорской короны, князья забываютъ о городахъ; они предоставляютъ ихъ самимъ себѣ: верховная власть въ городахъ постепенно переходитъ къ епископамъ почти повсюду въ Италіи [1]): они оказываются въ полной зависимости отъ этихъ духовныхъ феодаловъ. Однако, власть епископа не исключала совершенно участія населенія въ управленіи: scabini, избираемые населеніемъ города, встрѣчаются и въ этотъ періодъ и при томъ съ измѣнившимся значеніемъ: получивъ имя judices, они получаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, кажется, и административный характеръ [2]). Населеніе городовъ, между тѣмъ, не смотря на безпрерывныя вой-

---

[1]) *Bethm. Hollweg:* 98—109.

[2]) *Hegel.* II. 102: Scabini города Capo d'Istria участвуютъ въ заклю-

ны, или даже благодаря имъ, увеличивается; только въ нихъ, обнесенныхъ стѣнами и укрѣпленіями, можно было найти убѣжище и бо̀льшую или меньшую безопасность. Нашествіе арабовъ и венгровъ въ IX и X в. послужили косвеннымъ образомъ къ развитію городскаго самоуправленія: «предоставленные самимъ себѣ, города построили стѣны и укрѣпленія, составили собственную милицію» [1]: въ городахъ укрываются отъ общей безурядицы и многіе ленные владѣльцы, изъ которыхъ и образуется потомъ высшій слой населенія, городская поземельная аристократія [2]. Населеніе городовъ Ломбардіи за это время—до завоеванія ея Оттономъ—распадалось на слѣдующія группы: во-первыхъ,—milites—самые богатые и значительные свободные горожане, ленные поземельные собственники; они несли воинскую повинность натурою и дѣлились на capitanei, вассаловъ перваго разряда и valvassores, вассаловъ втораго разряда (arrières vassaux). Это были благородные, классъ полноправныхъ гражданъ; остальное населеніе отправляло денежную воинскую повинность и, находясь въ зависимомъ состояніи, не владѣло ленной поземельной собственностью, это—populus, plebeji [3]), вошедшіе впослѣдствіи въ составъ цеховъ.

Въ такомъ состояніи застало Ломбардскіе города во второй половинѣ X вѣка завоеваніе Оттона I.

Завоеваніе это, по крайней мѣрѣ въ первое время, едва ли не было полезно для городовъ Ломбардіи: безпрерывныя войны владѣтельныхъ князей за императорскую корону прекратились—настало время большей или меньшей безопасности; торговыя сношенія могли производиться съ меньшимъ рискомъ. Сторонники ученія о значеніи верховной власти какъ причины развитія городовъ придаютъ факту завоеванія Италіи Оттономъ гораздо большее значеніе; по ихъ мнѣнію Оттонъ I не только помогъ дальнѣйшему развитію городовъ косвенно, возстановивъ въ извѣстной мѣрѣ миръ и общественную безопасность, но и содѣйствовалъ ему прямо, непосредственно, своими

ченіи мира между этимъ городомъ и Венеціей. *Sim. Sismondi:* Hist. des républiques italiennes. I. 371.

[1]) *Sismondi:* I. 38.

[2]) Фактъ существованія въ городѣ класса ленныхъ владѣльцевъ—отличительная черта итальянскихъ городовъ.

[3]) *Hegel.* II. 143—46; *Bethm. Hollweg.* 132—37.

постановленіями, касающимися городовъ. Оттонъ I, по мнѣнію Савиньи, обратилъ городъ въ одно цѣлое, причемъ онъ имѣлъ въ виду чисто политическія цѣли—сломить могущество сильныхъ владѣтельныхъ князей [1]). Кромѣ тѣхъ соображеній, которыя я уже привелъ противъ такого взгляда на дѣло вообще, въ данномъ случаѣ въ частности можно замѣтить, что Оттону I навязывается очень недальновидная политика — заботы объ ослабленіи того, что уже само собою, въ силу естественнаго порядка вещей, ослабѣло и поддержки того, что было уже сильно само по себѣ, что грозило если не завоевателю, то его преемникамъ; гораздо понятнѣе и цѣлесообразнѣе политика императора Конрада II, который, относясь враждебно къ городамъ [2]), поддерживалъ противъ нихъ епископовъ.

Несмотря на мнимыя политическія права и привилегіи, дарованныя Оттонами, города, едва успѣло пройти пятьдесятъ лѣтъ, возстаютъ противъ благодѣтельствовавшихъ имъ императоровъ. Павія подаетъ примѣръ: этотъ городъ запираетъ свои ворота передъ императоромъ Конрадомъ, и не выпускаетъ его за стѣны. Прошло десять лѣтъ—возсталъ Миланъ съ епископомъ во главѣ: привилегіи императоровъ не удерживаютъ, стало быть, города на ихъ сторонѣ. Возгорѣвшаяся борьба между папской и императорской властями, въ лицѣ Григорія VII и Генриха IV служитъ въ высшей степени благопріятнымъ политическимъ условіемъ для городовъ: не становясь рѣшительно ни на ту, ни на другую сторону, города поддерживаютъ въ данное время обыкновенно ту изъ нихъ, которая сильнѣе, имѣетъ больше шансовъ на выигрышъ и отъ которой, слѣдовательно, союзникъ можетъ ждать большихъ выгодъ

---

[1]) Gesch. des roem. Rechts. I. 420—421 и III. 128 — 129; опровергаютъ эти мнѣнія—*Hegel.* II. 91, прим. 3 и *Bethm. Hollweg*—137; послѣдній замѣчаетъ по поводу объединенія города въ одну общину: es ist nirgends bezeugt und scheint mir ganz gegen die Analogie der mittelalterlichen Rechtsentwickelung.

[2]) *Hegel.* II. 139 и 140. Города получали при Оттонахъ и послѣ нихъ привилегіи; но эти привилегіи едвали имѣли какое нибудь значеніе (развѣ очень отдаленное) собственно для развитія городскаго устройства „они ничего не измѣнили въ общемъ политическомъ положеніи горожанъ“ замѣчаетъ Бетманъ Гольвегъ „сообщая имъ лишь личныя льготы“. 128 и прим. 2; 129—131.

для себя. Вотъ почему въ началѣ борьбы Генриха IV съ Григоріемъ VII города—на сторонѣ могущественнаго Гильдебранда, а не болѣе какъ черезъ нѣсколько лѣтъ, когда счастіе видимо стало на сторону Генриха IV, многіе изъ городовъ Ломбардіи перешли на сторону послѣдняго, за что и получили отъ него цѣлый рядъ льготныхъ грамотъ [1]). Епископы въ періодъ этой борьбы дѣйствуютъ согласно съ горожанами: интересы тѣхъ и другихъ совпадаютъ; епископы, не желая терять своего значенія и политической независимости, стоятъ не только противъ императоровъ, но и противъ папъ; они надѣялись удержать свою власть надъ городами, и жестоко ошиблись. Горожане совершенно ясно сознавали въ періодъ этой борьбы свое значеніе, свою силу: они шли во главѣ движенія, епископы слѣдовали за ними.

Въ борьбѣ съ Гогенштауфенами, принявшей всеобщій безпощадный характеръ, города Италіи выступаютъ уже несравненно болѣе сильными, чѣмъ они были доселѣ; торговля и промышленность, благодаря крестовымъ походамъ, сильно поднялись въ ломбардскихъ городахъ; ихъ экономическое значеніе возрасло въ сильной степени. Мы видѣли, какъ держались города въ предшествовавшей борьбѣ, изъ которой вышли побѣдителями. Въ этой новой, гигантской борьбѣ, въ борьбѣ на смерть, города стоятъ на сторонѣ папъ: ихъ интересы и цѣли совпадаютъ; и города, и папы стремятся къ одному и тому же—сломить власть императора, и города, и папа боролись за регаліи этой верховной власти, хотя каждый со своей точки зрѣнія [2]). Города были въ XII в. уже настолько сильны всѣ вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности, что, несмотря на всѣ неудачи начала войны, они не были сломлены навсегда; ихъ не могли сломить постановленія ронкальскаго съѣзда; разрушенный въ 1162 году почти до основанія, Миланъ, спустя немного лѣтъ, достигаетъ своего прошлаго благосостоянія и значенія. Города дождались Леньяно, добились Констанскаго мира, по смыслу котораго они являются совершенно независимыми городами—государствами, къ которымъ перешли всѣ верховныя права; въ ру-

---

[1]) *Hegel.* II. 133.

[2]) Былъ моментъ, когда папа и императоръ дѣйствовали, наоборотъ, противъ города. Арнольдъ Брешіанскій жертва такого союза.

кахъ императора остается лишь фиктивный надзоръ надъ ними. Въ чьихъ же рукахъ, въ рукахъ какого слоя городскаго населенія оказались эти верховныя права, политическая власть города; или быть можетъ, она въ рукахъ всего населенія; была ли эта власть въ рукахъ представителей городской аристократіи или же носила характеръ демократическій?

Параллельно съ внѣшней борьбой городовъ съ нѣмецкими императорами идетъ развитіе внутренней жизни ихъ; измѣняются сословныя отношенія населенія, измѣняются отношенія послѣдняго къ феодальной власти епископовъ; то и другое измѣненіе является результатомъ внутренней борьбы. Эта борьба ведется съ одной стороны совокупностью городскаго населенія съ владѣльцами города, съ другой отдѣльными слоями самаго населенія между собой.

Еще въ концѣ X вѣка—въ 980 году—при Оттонѣ II, жители города Милана, его благородные граждане (cives въ тѣсномъ смыслѣ слова) возстали противъ епископа; они заключили между собою союзъ—conjuratio; епископъ долженъ былъ бѣжать изъ города; однако, на этотъ разъ, дѣло все-таки кончилось миромъ: партія «благородныхъ», задобренная щедростью епископа, уступила. Черезъ пятьдесятъ шесть лѣтъ (въ 1136 г.)—новое возстаніе, въ которомъ опять принимаютъ участіе только высшіе слои населенія, а нисшіе даже поддерживаютъ епископа [1]). Нисшіе классы населенія возстаютъ лишь шестнадцать лѣтъ спустя, но это кровавое возстаніе почти ни къ чему не привело. Около этого же времени приблизительно—возстаніе въ Кремонѣ. Движеніе охватываетъ всю Ломбардію. Въ началѣ этой борьбы сословная рознь, какъ мы только что видѣли, рѣзко выступаетъ въ городахъ Ломбардіи; движеніе начинаютъ вездѣ высшіе слои; нисшіе первое время стоятъ даже во враждѣ съ этимъ слоемъ; понятно, что участіе въ управленіи дѣлается достояніемъ лишь высшихъ классовъ; эта сословная рознь пошла бы гораздо дальше, выступила бы гораздо рельефнѣе, еслибы въ XI стол. не явилось обстоятельство, придавшее внутренней борьбѣ партій совершенно иной характеръ; обстоятельство, замѣнившее интересы сословные—интересами религіозными и придавшее политическому движенію религіозный оттѣнокъ; реформы Григо-

[1]) *Bethm. Hollweg:* 143.

рія VII въ средѣ духовенства, его законъ о безбрачіи произвели расколъ не только въ самомъ духовенствѣ, но и отозвались на городскомъ населеніи, всегда и вездѣ принимавшемъ самое дѣятельное участіе въ религіозныхъ распряхъ; горожане дѣлятся на партіи: одни стоятъ на сторонѣ нисшаго духовенства, и ратуютъ противъ реформъ великаго папы, другіе—на сторонѣ послѣдняго, защищая его реформаціонные планы; на время эта религіозная вражда какъ бы заслоняетъ собою, отодвигаетъ на задній планъ, политическую; но скоро оба характера смѣшались съ преобладаніемъ притомъ политическаго. Въ это время въ средѣ городскаго населенія происходитъ замѣчательный переворотъ: религіозныя партіи не совпадаютъ съ сословными: религіозные интересы перевѣсивъ сословные, смѣшиваютъ между собою разные классы сословій, получаются такъ сказать амальгамированныя въ этомъ отношеніи партіи и движеніе получаетъ болѣе демократическій характеръ; сословія сливаются: часто мы видимъ во главѣ массы населенія, нисшихъ классовъ его, populus'а, представителя аристократіи [1]).

Результатомъ этой внутренней борьбы городскаго населенія съ епископомъ и отдѣльныхъ слоевъ его между собою было вопервыхъ, полное освобожденіе городовъ изъ подъ власти епископовъ, переходъ верховныхъ правъ отъ послѣднихъ въ руки первыхъ; вовторыхъ, сліяніе, объединеніе сословій, сословныхъ общинъ въ одну городскую общину. Городъ сталъ единымъ цѣлымъ не потому только, что подлежалъ власти одного лица, феодальнаго владѣльца, а потому, что, какъ совокупность всего населенія, онъ представляетъ собою съ этихъ поръ одно цѣлое, юридическое лицо, единство и цѣлость котораго олицетворяется въ представителяхъ города, его выборныхъ чиновникахъ, въ рукахъ которыхъ находится управленіе. Этими представителями города, его выборными чиновниками, были консулы.

Впервые о консулахъ упоминаетъ одна изъ современныхъ итальянскихъ хроникъ лишь въ 1117 году [2]). Въ концѣ XII стол. они встрѣчаются уже повсюду въ итальянскихъ городахъ, какъ представители верховной власти, совершенно независимые отъ епи-

---

[1]) *Hegel*. II. 151—155 и *Bethm. Hollweg*. 145—146.
[2]) *Hegel*. II. 159.

скопа [1]), всѣ верховныя права котораго переходятъ именно къ нимъ: они представители верховной юрисдикціи, предводители на войнѣ, они ведутъ дипломатическія сношенія [2]).

Несмотря на вліяніе религіозныхъ распрей на городское населеніе въ смыслѣ сліянія сословій, городское устройство, выработавшееся въ періодъ борьбы вовсе не носило на себѣ характера чисто демократическаго, хотя не было исключительно аристократическимъ; это было управленіе, основанное на томъ и другомъ началѣ, притомъ съ преобладаніемъ аристократическаго оттѣнка до конца XIV ст., когда на политическую сцену выступаетъ новая сила—цеховые ремесленники и мелкіе торговцы [3]).

Кажется, фактъ неоспоримый, что по избранію консулы являлись властью, опирающеюся на демократическій фундаментъ: они повсюду избирались всѣмъ населеніемъ, по одному отъ опредѣленной части, участка города, а не отъ сословія [4]). Юрисдикція ихъ распространялась точно также на всѣ слои населенія [5]). Но по отношенію къ пассивному избирательному праву, по отношенію къ тому слою населенія, который одинъ пользовался этимъ правомъ, консулы являлись учрежденіемъ чисто аристократическимъ почти во всѣхъ городахъ Ломбардіи [6]). Сисмонди категорически утверждаетъ, что высшіе классы городскаго населенія, nobles, сдѣлались исключительными обладателями не только должности консуловъ, но и всѣхъ важныхъ должностей [7]).

---

[1]) *Hegel*. II. 159. *Bethmann-Hollweg*. 157.

[2]) *Hegel*. II. 206—208.

[3]) *Hegel*. II. 164.

[4]) *Hegel*. II. 167 — 168. *Bethm. Hollweg:* 146. Городъ дѣлится на опредѣленные участки — compagnia, чисто территоріальные; населеніе каждаго участка избирало своего консула, число которыхъ обусловливалось, такимъ образомъ, количествомъ населенія города, его участковъ.

[5]) *Hegel*. II. 172. Вопросъ о происхожденіи консульской власти преемственно изъ какого нибудь юридическаго учрежденія, до нея существовавшаго, я оставляю въ сторонѣ, какъ не важный для моей цѣли. Эта сторона вопроса разбирается у *Bethm. Hol.* 147—51; *Hegel*. II. 163—64. *Savigny*. III. 116 и сл.

[6]) *Hegel*. II. 181—182; 199; 201—203. Во Флоренціи этими правами пользовались и купеческіе роды (Idid. 201); а въ Миланѣ такъ называемыя Mota изъ крупныхъ торговцевъ *Huellmann*. III. 103. (Staedte).

[7]) Hist. des rep. italiennes au moyen âge. I. 397. Тоже самое

Этотъ аристократическій характеръ въ томъ же смыслѣ господствуетъ и въ городскомъ Совѣтѣ; здѣсь онъ выражается не только въ томъ, что самый составъ Совѣта былъ чисто аристократическій, такъ какъ члены его избирались изъ самыхъ значительныхъ гражданъ, но и въ томъ, что какъ созваніе Совѣта, такъ и назначеніе въ члены его, зависѣло исключительно отъ консула, который созывалъ Совѣтъ лишь въ чрезвычайно важныхъ случаяхъ, притомъ—по собственному усмотрѣнію и изъ гражданъ пользовавшихся его, консула, личнымъ довѣріемъ (отсюда названіе Совѣта—credentia). Этотъ Совѣтъ является всеобщимъ учрежденіемъ въ итальянскихъ городахъ [1]).

Народное собраніе, существовавшее въ этотъ періодъ въ городахъ Ломбардіи, не могло придать управленію демократическій характеръ. Вопервыхъ, въ немъ участвовали лишь полноправные граждане, cives въ тѣсномъ значеніи слова, а вовторыхъ, это собраніе созывалось лишь въ чрезвычайныхъ, т. е. очень рѣдкихъ, случаяхъ и что гораздо важнѣе, оно созывалось самимъ консуломъ, который, такимъ образомъ, опредѣлялъ самую важность случаевъ, признавая такими лишь тѣ, въ которыхъ онъ не хотѣлъ рисковать отвѣтственностью передъ общественнымъ мнѣніемъ, для опредѣленія настроенія котораго и созывалъ народное собраніе (Parlament). Такимъ образомъ, главный центръ тяготѣнія городскаго управленія, въ концѣ концевъ—въ консулахъ, избираемыхъ хотя и всѣмъ населеніемъ города, но исключительно изъ среды высшаго сословія, въ рукахъ котораго, слѣдовательно— все управленіе; въ рукахъ этого сословія,ноблей—вся, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя администрація: оно вліяетъ на внѣшнія, дипломатическія сношенія, подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ и вліяніемъ издаются всѣ статуты, опредѣлявшіе общественныя отношенія городскаго населенія, установлявшія правила полиціи безопасности, занятія ремеслами и т. п. [2])

Въ этомъ видѣ организація общественныхъ властей въ итальян-

говоритъ *Huellmann* относительно родовъ въ Александріи. Staedte. III. 349.

[1]) *Hegel*. II. 214.

[2]) *Hegel*. II. 222.

скихъ городахъ оставалась до второй половины XII ст. — до времени ронкальскихъ постановленій въ 1154 году, когда побѣжденные города были поставлены подъ надзоръ императорскихъ чиновниковъ, Podesta; надзоръ, обратившійся въ непосредственное управленіе этихъ чиновниковъ. Podesta сдѣлались страшнымъ гнетомъ для городскаго населенія: власть консуловъ потеряла всякое значеніе; населеніе находилось въ теченіи нѣскольскихъ лѣтъ, можно сказать, въ осадномъ положеніи, уплачивая постоянную контрибуцію, подвергаясь страшнымъ поборамъ. [1])

Такое состояніе города не могли выносить долго: Миланъ возстаетъ годъ спустя послѣ Ронкальскаго сейма, хотя и неудачно; идетъ цѣлый рядъ возстаній, кончившійся Леньянской битвой, изъ которой города вышли побѣдителями; по Констанскому миру они возвратили всѣ свои права и привилегіи: верховная власть снова въ ихъ рукахъ; но въ ея организаціи произошло важное измѣненіе.

Коллегіальное учрежденіе консуловъ, въ которое организовалась верховная власть итальянскихъ городовъ до этого времени, замѣняется во второй половинѣ XII в. въ цѣломъ рядѣ ломбардскихъ и тосканскихъ городовъ единоличнымъ учрежденіемъ—должностью подесты [2]) Подеста не вытѣсняетъ однако окончательно консуловъ; онъ замѣняетъ лишь такъ называемыхъ общинныхъ консуловъ, т. е. консуловъ, въ рукахъ которыхъ была администрація [3]); консулы же судебные остаются [4]), не замѣняя, однако, подесты по отношенію къ высшей юридикціи, которая все-таки въ рукахъ послѣдняго. Такая замѣна коллегіальной власти единоличной вызвана отчасти злоупотребленіями консуловъ [5]), отчасти настоятельной потребностью въ періодъ борьбы именно въ единоличной власти, дѣйствующей быстро и энергично; въ первый періодъ до начала XIII вѣка, эта должность носила, именно благодаря такимъ

---

[1]) *Hegel*. II. 235—36: Миланцы выплачивали подестѣ $1/3$ своихъ доходовъ.

[2]) Появленіе этого учрежденія нельзя приписать ронкальскимъ постановленіямъ даже и по имени: въ Болоньѣ, напр., подеста встрѣчается еще въ 1151—53 годахъ.

[3]) *Hegel*. II. 207.

[4]) Ibid. 243.

[5]) *Huellmann* „Staedte“ III. 256.

временнымъ условіямъ, характеръ чрезвычайной должности, характеръ диктатуры. Понятно, что благодаря такому характеру власть подесты легко могла обратиться въ абсолютную власть деспота; для избѣжанія такого превращенія подеста вопервыхъ, избирается на очень короткій срокъ (часто всего на 6 мѣсяцевъ), а вовторыхъ, всегда изъ чужестранцевъ, не жителей города [1]), причемъ съ нихъ требовали строгой отчетности. [2])

Кромѣ ассесоровъ, находившихся при подестѣ въ качествѣ юрисконсультовъ, и стало быть, едвали имѣвшихъ какое либо ограничивающее вліяніе на его власть; при немъ состоялъ особый административный Совѣтъ—consilium. Этотъ Совѣтъ избиралъ всѣхъ чиновниковъ городскихъ, которые подчинялись, однако подестѣ. Совѣтъ этотъ ничто иное, какъ консульскій credentia и едвали имѣлъ большее вліяніе на управленіе, чѣмъ послѣдній.

Народное собраніе теперь теряетъ уже окончательно всякое значеніе: его собираютъ въ высшей степени рѣдко и притомъ неболѣе какъ для торжественнаго только обнародыванія новаго закона [3]); оно въ сущности замѣняется такъ называемымъ народнымъ Совѣтомъ, Большимъ Совѣтомъ, который носилъ уже характеръ исключительно аристократическій, составляясь изъ опредѣленнаго количества «избранныхъ» гражданъ; но и онъ созывался лишь въ очень важныхъ случаяхъ, какъ напр. для избранія подесты, для обсужденія новыхъ налоговъ, вопроса о войнѣ и мирѣ и т. п.

Такимъ образомъ, новая организація городскаго управленія представляетъ нѣчто дѣйствительно новое лишь по формѣ; по сущности же, подобно консульской, она построена на прежнемъ началѣ, чисто аристократическомъ; мало того, это начало въ новомъ устройствѣ проявляется гораздо сильнѣе, чѣмъ въ прежнемъ, консульскомъ; а между тѣмъ, торгово-промышленное развитіе городовъ сильно двинутое впередъ крестовыми походами, вызываетъ новую силу на политическую сцену — ремесленное населеніе, populus. Этотъ populus начинаетъ поднимать голову, сознавъ свою силу и

---

[1]) Иногда подестѣ запрещалось даже прочно основываться въ городѣ: поселять въ немъ свою семью.

[2]) *Huellmann* „Staedte" III. 269—72.

[3]) *Hegel*. II. 249.

значеніе въ борьбѣ съ императорами, въ борьбѣ, блестящій исходъ которой купленъ въ сущности его кровью; правительственная же организація съ консулами или подестой во главѣ слишкомъ чужда массѣ; послѣдняя начинаетъ требовать участія въ управленіи.

Городская аристократія, предчувствуя паденіе, напрягаетъ всѣ свои силы, пускаетъ въ ходъ всевозможныя пружины, чтобы оградить городское управленіе отъ вторженія populus'а, чтобы всецѣло сохранить его въ своихъ рукахъ; отсюда ея стремленіе лишить всякаго значенія народное собранія, аристократизировать, если можно такъ выразиться, возможно больше Совѣтъ и вообще все управленіе города; отсюда, напр., стремленія, осуществившіяся въ Венеціи, сдѣлать должность представителя верховной власти, если не наслѣдственной, то по крайней мѣрѣ пожизненной [1]) Но всѣ эти усилія не были въ состояніи удержать потока, съ страшной силой стремившагося проложить себѣ русло.

Въ формѣ цеховаго движенія потокъ этотъ охватываетъ въ концѣ XII ст. всю сѣверную Италію [2]).

Цехи выступаютъ здѣсь на политическую сцену при въ высшей степени благопріятныхъ для нихъ условіяхъ. Родовая поземельная аристократія, несмотря на всѣ юридическія мѣры, ею принимаемыя къ самосохраненію, фактически отживала свой вѣкъ; она сама себя лишала въ сущности того значенія, которымъ могла бы пользоваться, какъ обладательница власти, заразившись духомъ феодальнаго рыцарства; она такъ сказать забыла политическую злобу дня среди праздной жизни феодаловъ [3]). Великая борьба Гвельфовъ и Гибеллиновъ ускорила ея разложеніе; она раздѣлила ее на партіи, вступившія въ самыхъ стѣнахъ города въ кровавую борьбу между

---

[1]) *Hegel*. II. 252 въ Неаполѣ верховная власть сдѣлалась даже наслѣдственною.

[2]) Очеркъ исторіи цеховъ, какъ экономическихъ союзовъ, будетъ сдѣланъ дальше, при обзорѣ законодательства Петра Великаго о цехахъ; здѣсь же я буду говорить прямо и исключительно о политическомъ значеніи цеховъ.

[3]) *Huellmann* разсказываетъ, что городская аристократія XIII, XIV вѣка проводила все время на охотѣ, окружала себя толпами вооруженныхъ тѣлохранителей; словомъ, вела совершенно феодальный образъ жизни. Въ XIII ст. въ Миланѣ насчитывалось охотничьихъ собакъ до 6900 штукъ. Staedte II. 231—232.

собою; улицы города обратились въ арену борьбы. Мирное торгово-промышленное населеніе не могло переносить такого состоянія; оно должно было вмѣшаться, чтобы возстановить миръ и тишину въ стѣнахъ города; единственное средство для этого — добиться участія въ городскомъ управленіи. Мы видѣли, что еще въ XI ст. наиболѣе богатые изъ промышленниковъ, образовали такъ называемую Mota, которая слилась съ nobles городскаго населенія и участвовала въ управленіи. Теперь къ этому участію стремятся цехи, до сихъ поръ представлявшіе отдѣльныя, ничѣмъ общимъ несвязанныя, корпораціи; цехи вступаютъ въ видахъ общихъ политическихъ цѣлей въ союзы между собою [1]), и повсюду возстаютъ противъ городскихъ властей. Начинается безпощадная борьба между «государствомъ общинъ» [2]) и государствомъ del popolo», какъ выражается Гегель [3]). И въ этой борьбѣ слоевъ населенія мы видимъ тѣ же явленія, что и въ борьбѣ всего городскаго населенія съ феодальными владѣльцами: и теперь на первый планъ между цехами, въ качествѣ политическихъ піонеровъ, выступаютъ лучшіе, богатѣйшіе изъ нихъ; уже за ними идутъ остальные. Движеніе начинается въ средѣ ранѣе другихъ развившихся, въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ, цеховъ ткачей, крупныхъ торговцевъ, булочниковъ, мясниковъ. Понятно, что и власть, право участія въ управленіи города сдѣлалось достояніемъ только этихъ богатыхъ цеховъ. Такъ что торжество цеховъ въ сущности не было торжествомъ чистаго демократизма, какъ думаетъ Ог. Тьерри: въ этомъ случаѣ сословія порожденію замѣнены сословіями по занятію и капиталу, ничего больше. Духъ феодализма отразился и здѣсь. Въ началѣ XIII ст. цехи получаютъ право участвовать въ городскомъ управленіи [4]); къ концу XIII и началу XIV ст. власть

[1]) *Hegel*. II. 267.

[2]) Общинами до побѣды цеховъ вездѣ въ городахъ Западной Европы назывались общины родовъ, въ противоположность общинамъ не-полноправныхъ гражданъ.

[3]) Въ концѣ XIII и началѣ XIV ст. населеніе Модены дѣлится на двѣ части, два государства: народъ—popolo, съ своимъ главой (Volkshauptmann) и двумя Совѣтами около него съ одной стороны, и общины, во главѣ которыхъ — Podesta съ тѣми же Совѣтами. *Huellmann* — Staedte. III. 371.

[4]) Ibid. 365 и 375.

переходитъ окончательно въ ихъ руки: древняя городская аристократія должна была войти въ составъ цеховъ, если не хотѣла терять политическаго значенія и быть изгнанной изъ города.

Прошло немного времени и новое сословное устройство и управленіе городовъ Италіи успѣло обратиться не только въ аристократическое, но даже олигархическое: флорентинское городское управленіе обращается въ XIV в. въ самую суровую, самую крайнюю олигархію; въ то же положеніе попадаетъ Генуа, — не избѣжалъ этой участи и Миланъ: въ XV в. они—въ рукахъ диктаторовъ. Отдѣльныя попытки Colo di Rienze въ Римѣ, Саванароллы во Флоренціи не спасли этихъ городовъ отъ тираніи и паденія; это были попытки реформировать Средневѣковой строй по классическимъ образцамъ; это были реформы теоретиковъ, людей мысли, сломленныхъ людьми жизни и меча.

Сдѣлавшись въ концѣ XV и началѣ XVI в. жертвой сосѣднихъ государствъ, будучи покорены ими въ качествѣ самостоятельныхъ, независимыхъ государствъ же, города итальянскіе, падая въ качествѣ послѣднихъ, пали и какъ органы земской автономіи: въ нихъ слишкомъ тѣсно сливались двѣ различныя стороны: государственно-политическая и земская, причемъ первая совершенно поглотила вторую. Эта тѣсная связь поставила земскую автономію въ полную зависимость отъ политической самостоятельности города — государства. Палъ городъ государство, долженъ былъ пасть и городъ, какъ земское автономическая единица. А города Италіи, какъ государства, необходимо должны были пасть, сдѣлавшись жертвой такихъ могущественныхъ сосѣдей, какъ Германія, Франція и Испанія; города не могли составить федеральнаго союза: они были въ постоянной враждѣ, благодаря стремленіямъ наиболѣе сильныхъ изъ нихъ подчинить себѣ осталные на чисто феодальныхъ началахъ [1]). Вражда городовъ началась еще съ конца XI ст. и вмѣстѣ съ ихъ экономичекимъ ростомъ увеличивалась, благодаря чему они не могли соединиться въ одно цѣлое, даже въ виду общей опасности, какъ это случилось въ Нидерландахъ. Этой розни и гибели городовъ

---

[1]) *Hegel*. II. 209 и 213.

Итали не мало помогло ихъ олигархическое и диктаторское управленіе. Интересы олигарховъ и диктаторовъ стояли на первомъ планѣ.

ГЛАВА IV.

Движеніе городовъ въ Германіи.

Въ Германіи начало развитія городскаго самоуправленія едвали не слѣдуетъ отнести къ первой половинѣ XI в. [1]).

Еще въ періодъ полной, неограниченной власти епископовъ имѣлъ мѣсто Совѣтъ [2]); уже въ то время значеніе свободныхъ общинъ древнихъ родовъ городскаго населенія сознавалось настолько, что нѣкоторые изъ ихъ представителей приглашались владѣльцами городовъ въ свой Совѣтъ, который обыкновенно состоялъ изъ министеріаловъ и былъ ничѣмъ инымъ, какъ учрежденіемъ, вполнѣ подчиненнымъ власти феодальнаго владѣльца, составляемымъ по собственному усмотрѣнію послѣдняго и не пользующимся рѣшающимъ голосомъ. Въ XII ст. этотъ Совѣтъ обращается въ нѣчто совершенно новое по своей сущности: въ это время онъ является властью, если не освободившеюся отъ всякаго вліянія со стороны феодальнаго владѣльца, то стремящеюся къ освобожденію.

Города Германіи играютъ слишкомъ важную роль въ борьбѣ императоровъ съ феодалами, чтобы не быть въ состояніи сознать своихъ силъ, своего политическаго значенія [3]). Въ свою очередь, и враждующія стороны прекрасно сознали такое значеніе городовъ, и дорожили ими, какъ союзниками.

Епископскіе города, наиболѣе богатые, уже въ силу одного этого обстоятельства должны были придти къ сознанію своего значенія раньше другихъ; кромѣ того, благодаря вспыхнувшей откры-

---

[1]) Точно обозначить время появлянія выборнаго Совѣта едвали есть возможность. *Arnold*. I. 180; *Maurer*. I. 582.

[2]) *Arnold*. I. 172—73,

[3]) *Ot. Gierke* говоритъ, что лишь въ срединѣ XI ст. въ періодѣ борьбы и броженія „города пришли къ сознанію своего особаго интереса“ I. 262.

той борьбѣ папской власти съ императорской въ лицѣ Григорія VII и Генриха IV эти города раньше всѣхъ другихъ поставлены были въ такое положеніе, въ которомъ приходилось сознательно рѣшить вопросъ о той роли, которую имъ придется играть въ этой борьбѣ. Съ перваго взгляда вопросъ объ участіи въ борьбѣ рѣшался для епископскихъ городовъ въ высшей степени просто: ихъ владѣльцы уже въ силу своей общественной роли и сана должны были стать на сторону папы; помогая папѣ, защищая интересы папы, города тѣмъ самымъ защищали бы и интересы своихъ феодальныхъ владѣльцевъ, епископовъ, т. е. работали бы прямо къ нарушенію собственныхъ интересовъ; прямою выгодою было стать на сторону императоровъ; помогая имъ, они могли надѣяться нетолько вынудить епископовъ къ уступкамъ въ смыслѣ расширенія правъ самоуправленія, но и вовсе отнять у нихъ власть, если станетъ силъ и если императоры окажутъ достаточно сильную поддержку. Города и достигли бы этого, еслибы такъ было на самомъ дѣлѣ, еслибы императоры дѣйствительно руководились той политикой, которую навязываютъ имъ многіе ученые. Но такъ просто вопросъ рѣшался только съ перваго взгляда; на самомъ же дѣлѣ его рѣшеніе гораздо сложнѣе и запутаннѣе. Во-первыхъ, императоры, отлично сознавая громадное значеніе городовъ, какъ въ борьбѣ съ папой, такъ и съ феодалами, не держались, однако, по отношенію къ нимъ такъ, какъ бы слѣдовало въ видахъ этого сознанія; императоры помнили итальянскіе города; политика ихъ, такимъ образомъ, опредѣлялась двумя противоположными интересами: съ одной стороны — желаніемъ имѣть города на своей сторонѣ, съ другой — боязнью, чтобы они не достигли независимости ломбардскихъ городовъ. Этими противоположными интересами и объясняется колебаніе, какъ выражается Гегель, политики императоровъ относительно городовъ. Вотъ почему, лишь только горожане переступали извѣстные предѣлы въ своихъ отношеніяхъ къ феодальному владѣльцу — императоръ спѣшитъ стать на сторону послѣдняго, забывая противоположность интересовъ [1]). Съ другой

[1]) Напр., въ 1159 году жители Майнца убили своего епископа: императоръ осадилъ городъ и жестоко наказалъ его. Такъ же поступаетъ Фридрихъ II съ Стразбургомъ. *Arnold*. I. 231 и 325.

стороны и города, руководимые практическимъ инстинктомъ и собственными интересами, часто становились въ борьбѣ императоровъ съ папой на сторону своихъ естественныхъ враговъ—епископовъ, лишь только послѣдніе обѣщали городу тѣ или другія льготы [1]).

Разбогатѣвшіе города не упускали ни одного удобнаго случая извлечь пользу изъ того или другаго факта. Являлось нѣсколько претендентовъ на епископскую кафедру—городъ спѣшитъ стать на сторону того, отъ котораго надѣется больше получить [2]). Той же политики держатся они и въ тѣхъ случаяхъ, когда является нѣсколько претендентовъ на императорскую корону [3]). Но не слѣдуетъ, однако, думать, что германскіе города возставали противъ императорской власти въ принципѣ; въ императорской власти самой по себѣ они не видѣли для себя опасности, они видѣли ее лишь во владѣтельныхъ князьяхъ; а потому стремленія ихъ ограничиваются желаніемъ выдти изъ подъ власти князей; императорскую же власть, хотя и номинально только—они признавали всегда.

Первый городъ, возставшій противъ своего епископа—феодала, былъ Вормсъ: епископъ не хотѣлъ впустить въ городъ войска Генриха IV и приказалъ запереть ворота; населеніе возстало; епископъ и его слуги были изгнаны изъ города; за Вормсомъ слѣдуетъ Кёльнъ, Майнцъ, Аугсбургъ, возставшіе противъ выставленнаго папой и феодалами анти-короля [4]).

За такую преданность интересамъ императора жители Вормса получаютъ отъ Генриха IV въ 1074 году рядъ привилегій, не касающихся, впрочемъ, прямо, непосредственно, политическаго городскаго строя; онѣ подобно привилегіямъ итальянскихъ городовъ, изданнымъ Оттонами, вліяли на развитіе городскаго устройства лишь

---

[1]) Въ 1114 и 1115 годахъ Кёльнцы—на сторонѣ епископа; четыре года спустя они переходятъ на сторону императора. Въ борьбѣ Фридриха II съ папой Стразбургъ защищаетъ своего епископа. *Arnold*. I. 199 и 331.

[2]) Ibid. 319.

[3]) Въ борьбѣ Лотаря саксонскаго съ герцогомъ Швабскимъ города (Шпейеръ, Аугсбургъ, Регенсбургъ)—противъ императора. *Ibid*. 206—212.

[4]) *Ibid*. 149—157.

косвенно, возвышая благосостояніе города, устраняя нѣкоторыя препятствія къ свободной торговлѣ [1]).

Машеръ не преувеличиваетъ, говоря, что день возстанія Вормса былъ днемъ рожденія политической самостоятельности германскихъ городовъ. Дѣйствительно, этотъ шагъ, будучи первымъ проблескомъ сознанія политическаго значенія, силы, былъ первымъ актомъ въ исторіи борьбы германскихъ городовъ съ феодалами; лишь спустя добрую сотню лѣтъ послѣ этого перваго шага къ образованію независимаго, самостоятельнаго политическаго организма, городъ дѣйствительно достигъ независимости: только къ концу XII ст. германскій городъ образуетъ такой самостоятельный организмъ (Koerperschaft); создается особый органъ, который служитъ выраженіемъ его политической самостоятельности. Этимъ органомъ является городской Совѣтъ, учрежденіе, свободное отъ всякой подчиненности епископу, враждебное ему. Къ концу XII и началу XIII в. городской Совѣтъ вырабатывается во всѣхъ городахъ германской имперіи.

Въ 1156 году Фридрихъ I признаетъ за Вормсомъ всѣ политическія права, которыя этотъ городъ пріобрѣлъ въ теченіи столѣтней борьбы съ епископомъ. Льготная грамота Фридриха I санкціонируетъ положеніе города, какъ свободнаго государства, подъ защитой императора [2]). На городской Совѣтъ теперь переходятъ всѣ верховныя права, которыми до сихъ поръ обладалъ епископъ; всѣ административныя права въ силу этого—въ рукахъ городскаго Совѣта, даже право чеканки монеты, бывшее исключительнымъ правомъ богатой корпораціи монетчиковъ (Münzer) переходитъ въ вѣденіе Совѣта; однимъ словомъ, этотъ органъ городскаго самоуправленія является чѣмъ то въ родѣ государственной власти [3]). Въ концѣ XII и началѣ XIII ст. члены Совѣта получаютъ названіе

---

[1]) Вообще эти привилегіи уничтожали разнаго рода пошлины, сборы и тяготы въ пользу феодальныхъ владѣльцевъ. *Otto Gierke*. I. 263 и 264.

[2]) *Arnold*. I. 214. Городъ вошелъ въ составъ имперіи въ качествѣ самостоятельнаго политико-юридическаго лица, которое пользуется своими политическими правами подобно „князьямъ и владѣльцамъ", т. е. феодаламъ. Ibid. 220—221.

[3]) *Arnold*. I. 260, 270; 304—319.

консуловъ [1]). Предсѣдателемъ Совѣта вмѣсто епископскаго бургграфа теперь является императорскій чиновникъ, избираемый горожанами изъ среды родовъ, такъ называемый Schultheiss [2]); который, однако, скоро замѣняется бюргермейстеромъ, избираемымъ самимъ Совѣтомъ изъ среды министеріаловъ и патриціевъ [3]). Сложившись въ такой независимый организмъ, городъ далеко еще не достигъ къ концу XII ст. значенія на столько, чтобы стать вполнѣ самостоятельной «третьей силой между императоромъ и владѣтельными князьями». Императоры, хотя и вѣдаются съ городами, какъ съ новымъ, важнымъ общественнымъ элементомъ еще съ XI ст., но тѣмъ не менѣе не хотятъ видѣть въ этомъ общественномъ элементѣ того же, что они видѣли въ феодалахъ; исходя изъ началъ «политики колебанія», они часто стремятся подчинить этотъ новый элементъ, эту третью силу общественнаго феодальнаго строя феодаламъ [4]). Долго еще члены городскаго Совѣта, по избраніи ихъ горожанами, представлялись на утвержденіе владѣльца; очень часто еще встрѣчаются примѣры, что это право утвержденія обращается въ рукахъ владѣльца въ право назначенія членовъ Совѣта [5]); но всѣ эти попытки и стремленія феодаловъ вмѣстѣ съ политикой императоровъ не привели къ желаемой ими цѣли: они не могли уничтожить de facto то, что уничтожали de jure: жизнь брала свое. Еще до прекращенія линіи Гогенштауфеновъ города уже сформировались въ «третью силу», а въ періодъ междуцарствія, періодъ кулачнаго права и при императорахъ до Максимиліана I они настолько же подвинулись къ состоянію совершенно независимыхъ политическихъ организмовъ, насколько усилились феодалы. Но именно эти феодалы, владѣтельные князья, усилившіеся послѣ Гогенштауфеновъ почти до положенія независимыхъ государей и не допустили города Германіи до того состоянія, котораго достигли Ломбардскіе. Борьба городовъ уже въ качествѣ самостоятельныхъ, санкціонированныхъ организмовъ съ феодальными князьями не прекращалась до второй половины XVII ст.

---

[1]) *Ibid.* 303.

[2]) *Ibid.* 218, 282, 289.

[3]) *Ibid.* 299—301.

[4]) Дѣйствія Фридриха II противъ городовъ вообще представляютъ доказательство этого положенія.

[5]) *Maurer.* I. 596—601.

когда, въ результатѣ 30-лѣтней войны владѣтельные князья Германіи обратились въ независимыхъ государей.

Выработавшись въ политическомъ, внѣшнемъ отношеніи, въ одно цѣлое, войдя, въ качествѣ такого цѣлаго въ феодальный строй, германскій городъ далеко не представлялъ собою въ этотъ первый періодъ развитія самоуправленія такое же цѣлое, такой же единый организмъ и во внутреннемъ отношеніи, во внутренней жизни. Населеніе города и за этотъ періодъ не представляетъ еще одного цѣлаго по отношенію къ правамъ и обязанностямъ; рабы и крѣпостные постепенно исчезаютъ; все населеніе города свободно; но это свободное населеніе дѣлится на нѣсколько, рѣзко отличающихся одна отъ другой въ политико-юридическомъ отношеніи, группъ, общинъ. Городъ и теперь еще, какъ и въ предшествовавшій, феодально-владѣльческій періодъ, представляетъ одно цѣлое лишь въ пространственномъ, если можно такъ выразиться, отношеніи; и въ этомъ значеніи отличается отъ города въ личномъ отношеніи; территоріальное понятіе города отличается отъ понятія гражданства, какъ совокупности всего городскаго населенія [1]).

Хотя все населеніе города и носитъ названіе горожанъ (Bürger, civis), въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова; этимъ именемъ назывался всякій, живущій въ городѣ, независимо отъ его юридическаго и общественнаго положенія — рабъ, свободный, торговецъ, священникъ [2]); но этому понятію горожанина или гражданина въ обширномъ смыслѣ противополагалось понятіе гражданина, въ тѣсномъ смыслѣ. Подъ это понятіе подходили только такъ называемые полноправные граждане (Vollbürger), къ составу которыхъ принадлежали: вопервыхъ, бывшіе на службѣ у феодальнаго владѣльца (Dienstmannen und Ministerialen); вовторыхъ, древніе роды, патриціи [3]); только эти полноправные граждане и обладали до конца XIII и начала XIV ст. политической правоспособностью: только они могли быть избираемы въ члены городскаго Совѣта [4]) и во всѣ высшія общественно-городскія должности. Оно и понятно. Самое

---

[1]) *Otto Gierke.* I. 262.

[2]) *Maurer.* II. 194—268; и *Arnold.* I. 240—242.

[3]) *Arnold.* I. 245.

[4]) *Ibid.* 170—172 и II 189. *Huellmann.* Staedte II. 481—82.

противодѣйствіе неограниченной власти феодаловъ начали именно эти cives, въ тѣсномъ значеніи слова [1]). Роды и министеріалы, съ ними слившіеся, стояли въ первый періодъ борьбы во главѣ движенія городскаго населенія; низшіе слои его, неполноправные граждане, пользовавшіеся лишь пассивными правами — защитой общественныхъ властей (отсюда и названіе ихъ Schutzgenossen) выносили всю тяжесть борьбы на своихъ плечахъ, не сознавая еще своего политическаго значенія, работая въ интересахъ родовъ исключительно.

Почти до начала XIV ст. исключительно господствующимъ политическимъ классомъ городскаго населенія являлись роды вмѣстѣ съ бывшими министеріалами и городскими рыцарями вошедшими въ составъ ихъ. Эти роды, дѣйствовавшіе въ борьбѣ съ епископской властью и свѣтскими владѣльцами исключительно въ своихъ личносословныхъ интересахъ, стремятся, какъ справедливо замѣчаетъ Гирке, отождествить себя съ гражданствомъ, понятіе горожанъ или гражданъ въ тѣсномъ смыслѣ съ понятіемъ гражданъ въ обширномъ.

Необходимымъ условіемъ полноправности было обладаніе внутри города опредѣленнымъ количествомъ поземельной собственности [2]); такимъ образомъ, основнымъ началомъ, на которомъ покоится за этотъ періодъ городское устройство и управленіе, является начало недвижимой собственности [3]), т. е. начало чисто аристократическое.

Исключительное господство родовъ, поземельныхъ собственниковъ не могло долго имѣть мѣста; благодаря развитію торговли и промышленности въ періодъ господства родовъ поднимаютъ голову представители движимой собственности, капитала. Еще не успѣла закончиться борьба города съ его феодальными владѣльцами, какъ начинается борьба въ средѣ самаго городскаго населенія. Въ общественной и политической жизни города совершается теперь революція въ полномъ смыслѣ этого слова: начало поземельной собственности уступаетъ свое мѣсто въ политической жизни началу капитала и труда. Революція совершается постепенно, мирнымъ путемъ, едва

---

[1]) *Ot. Gierke.* I. 259; *Arnold.* I. 188.

[2]) *Arnold.* I. 243; *Maurer.* II. 513; *Huellmann*—Staedte. II. 197—99

[3]) *Ot. Gierke.* I. 269 и *Arnold.* I. 239.

замѣтно для глаза наблюдателя; возстаніе, насильственный переворотъ являются лишь естественнымъ результатомъ, послѣднимъ звеномъ въ цѣлой цѣпи измѣненія общественно-экономическаго строя городской жизни; съумѣй роды сознать эти измѣненія, съумѣй они во время уступить, дать мѣсто на политической сценѣ вновь выступающей силѣ, и насильственный переворотъ не имѣлъ бы мѣста.

Самое измѣненіе общественно-экономическаго строя идетъ двумя путями—отрицательнымъ и положительнымъ; съ одной стороны постепенно вырождаются, разлагаются господствующіе роды поземельныхъ собственниковъ; съ другой созидается новое начало—движимая собственность, капиталъ; появляется новое сословіе, въ качествѣ сильнаго общественнаго элемента, основывающаго всю свою силу, все свое значеніе, на капиталѣ.

Феодальный духъ заразилъ господствующіе классы городскаго населенія: занимаясь оптовой торговлей, ремеслами въ обширныхъ размѣрахъ [1]), они тѣмъ не менѣе являлись по образу жизни, какъ мы уже видѣли, феодалами; поземельный собственникъ, ленный владѣлецъ феодала перевѣшивалъ въ нихъ бюргера, купца или ремесленника [2]). Поземельная собственность, рента съ которой во всякомъ случаѣ не составляла всего ихъ дохода, была въ ихъ глазахъ всѣмъ; дошло до того, что они брали земли у свѣтскихъ и духовныхъ феодаловъ, на ленныхъ началахъ, обращаясь, такимъ образомъ, въ вассаловъ второй руки (Arrières vassaux.) [3]); постепенно занятіе торговлей и ремеслами начинаетъ казаться имъ несовмѣстимымъ съ ихъ общественнымъ положеніемъ: они страстно стремятся копировать феодаловъ въ ихъ образѣ жизни [4]).

Добившись политическаго значенія и власти, между прочимъ благодаря единству, роды очень рано, увлекшись своимъ положеніемъ, забыли это великое начало, на которомъ покоится значеніе каждой

---

[1]) *Arnold.* II. 193, 196. *Huellmann:* Staedte. I. 141 и II 230; *Его же* Stænde § 48. стр. 564—566; *Otto Gierke.* I. 320.

[2]) *Arnold.* I. 188 - 193.

[3]) *Ibid,* 194; *Huellmann.* Staedte. II. 230.

[4]) Они поступаютъ даже на придворную службу къ владѣтельнымъ князьямъ, какъ напримѣръ, въ Кольнѣ. *Huellmann:* Staedte. II. 230—232.

общественной группы; считая твердо и навсегда упроченнымъ за собою свое политическое вліяніе, патриціатъ начинаетъ распадаться на враждебныя партіи, ведущія упорную борьбу между собою на улицахъ и площадяхъ города [1]). Каждая партія старается забрать городское управленіе исключительно въ свои руки. Пища для борьбы самая изобильная. Совѣтъ пополняется посредствомъ кооптаціи: члены его замѣщаютъ самихъ себя, такимъ образомъ, участіе въ Совѣтѣ обращается почти въ наслѣдственное достояніе нѣсколькихъ семействъ; поглощенные личными цѣлями и интересами, роды совершенно забываютъ интересы города, интересы массы неполноправныхъ гражданъ, мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ. Злоупотребленія по суду и администраціи доходятъ до громадныхъ размѣровъ; мелкій людъ, не пользовавшійся политическими правами и экономическимъ достаткомъ, оказался въ самомъ плачевномъ, совершенно беззащитномъ состояніи; чтобы избѣгнуть этого состоянія неполноправнымъ горожанамъ оставалось одно средство—стать въ зависимыя, полукабальныя, отношенія кліентовъ къ богатымъ членамъ родовъ, которые дѣлались въ такомъ случаѣ ихъ защитниками передъ судомъ и вообще представителями передъ общественной властью [2]). Лучше всего нравственно-политическое настроеніе городскихъ властей обрисовывается въ тѣхъ фактахъ, которые служили почти вездѣ поводами къ возстанію цеховъ: такими поводами повсюду были страшныя злоупотребленія, напр. въ расходованіи общественно-городскихъ денегъ [3]).

Роды вмѣстѣ съ бывшими министеріалами составляли по мнѣнію Арнольда едвали болѣе $^1/_{25}$, $^1/_{20}$ части городскаго населенія, остальныя $^{19}/_{20}$, $^{24}/_{25}$ состояли изъ свободныхъ, неполноправныхъ гражданъ, лишенныхъ почти всякаго вліянія на городскія общественныя дѣла [4]). Эта масса населенія состояла изъ мелкихъ и средней руки торговцевъ и ремесленниковъ, которые пользовались лишь правомъ защиты, да и то, какъ мы видѣли, очень сомнительнымъ, и несли

---

[1]) *Maurer*. II. 527. *Mascher*. 173.

[2]) *Huellmann*. II. 229—230. *Arnold*. II. 191—193.

[3]) Въ Кёльнѣ эти злоупотребленія повели къ учрежденію особой комиссіи для наблюденія за общественной кассой. *Maurer*. II. 545; *Arnold*. II. 289—299.

[4]) *Arnold*. II. 189—190.

всякаго рода повинности въ пользу всего города, какъ натурой, такъ и деньгами. Этотъ то классъ населенія и представлялъ собою ту среду, изъ которой выдѣлилась новая общественная сила, явившаяся на политической сценѣ на смѣну отжившему патриціату. Какъ нѣкогда роды получили значеніе и силу, благодаря извѣстной степени богатства и, если можно такъ выразиться, союзности, такъ теперь торговцы и ремесленники завоевываютъ себѣ мѣсто въ общественно-политическомъ строѣ именно благодаря увеличенію средствъ, матеріальнаго благосостоянія, какъ результата развитія торговли и промышленности и соединенію въ особые союзы—цехи [1]). Благодаря богатству этотъ слой населенія сознаетъ свою силу, ненормальность своего полузависимаго состоянія, своего политическаго безправія; благодаря богатству и сознанію своей силы, онъ рѣшаетъ выдти изъ пассивнаго состоянія, добиться активныхъ правъ; цеховое союзное устройство эксплуатируется какъ средство къ достиженію этихъ цѣлей [2]).

Движеніе охватываетъ всѣ города Западной Европы: но и въ этомъ случаѣ, какъ во всякомъ революціонномъ движеніи, достигаетъ прочныхъ результатовъ лишь тотъ элементъ, который обладалъ коечѣмъ другимъ, помимо простой, такъ сказать, стихійной силы; эта послѣдняя сторона могущественна, иногда всесокрушительна, но недолговременна; она быстротечна. Массы, обладавшія этой стихійной силой остались почти непричемъ: власть и вліяніе оказались въ рукахъ далеко не всѣхъ цеховъ. Вырабатывается слой наиболѣе богатыхъ людей—нѣчто среднее между патриціатомъ, древними родами и нисшимъ населеніемъ; этотъ классъ въ періодъ возстанія часто превосходитъ по богатству даже членовъ рода, оставаясь по отношенію къ политическимъ правамъ въ положеніи безправныхъ Schutzgenossen, и это только потому, что ихъ богатства состояли не въ поземельной собственности, а въ капиталѣ движимомъ, въ деньгахъ. De facto движимая собственность, капиталъ, играетъ уже въ XII и XIII ст. громадную роль въ Средневѣковой Европѣ; понятно, что безправное положеніе обладателей

---

[1]) *Ot. Gierke.* I. 321—322.

[2]) И здѣсь я буду имѣть въ виду лишь политическое значеніе цеховъ.

этого рода собственности стало немыслимымъ въ соединеніи съ ихъ фактической ролью, въ торговопромышленной жизни города. Словомъ, движеніе цеховъ, охватившее Германію въ концѣ XIII и началѣ XIV ст., вызывается тѣми же самыми причинами, или, какъ выражается Арнольдъ, тою же самою побудительною силой (Triebkraft), которая въ XII в. привела къ уничтоженію власти феодальныхъ владѣльцевъ надъ городами, образованію городскаго Совѣта [1]; эта сила—стремленіе извѣстнаго слоя населенія, сознавшаго свое политическое значеніе свергнуть съ себя гнетъ господствующаго класса или захватить власть въ свои руки. Какъ тогда, такъ и теперь дѣйствіями и стремленіями выступающаго новаго элемента общества руководятъ личные соображенія и интересы, чѣмъ и опредѣляется ходъ событій, планъ борьбы; и цехи, какъ нѣкогда роды, не составляли постоянной систематической оппозиціи, обладающему политической властью патриціату; они часто становились на одну сторону съ нимъ въ борьбѣ, напр., съ епископами [2]) или императорами и за это содѣйствіе имъ получали извѣстную долю участія въ городскомъ управленіи.

Прежде чѣмъ добиваться политическихъ правъ, торгово-ремесленное населеніе старается освободиться изъ подъ вліянія, лучше опеки, родовъ; стать независимыми корпораціями съ опредѣленнымъ объемомъ правъ самоуправленія [3]), достигнувъ корпоративной самостоятельности, цехи не могли остановиться на этомъ первомъ шагѣ; вооружившись такимъ сильнымъ средствомъ, какъ корпоративная связь, союзность, цехи чувствовали себя въ силахъ идти дальше: они не хотятъ уже довольствоваться положеніемъ несущихъ лишь обязанности, платящихъ налоги и не пользующихся никакими политическими правами.

Эти стремленія цеховъ, ихъ политическое значеніе давно уже сознавалось какъ родами, такъ и императорами; еще въ концѣ XII ст. въ Вормсѣ встрѣчаются извѣстія о томъ, что изъ самыхъ вліятельныхъ и богатыхъ цеховъ, въ родѣ ткачей (Wollenweber), напр., избираются нѣкоторыя низшія общественныя должностныя

---

[1]) Смотр. также *Maurer*. I. 605.

[2]) *Ibid*. 606—608.

[3]) *Maurer* ibid; *Otto. Gierke*. I. 322 и пр. 44.

лица [1]), значитъ уже въ это время роды начинаютъ дѣлать уступки; но такія скромныя уступки далеко не соотвѣтствовали нескромнымъ притязаніямъ все болѣе и болѣе усиливающихся цеховъ. Они были очень нужны со своими капиталами патриціямъ, чтобы удовлетвориться подобными крохами. Финансовыя затрудненія вынуждали патриціатъ къ большимъ уступкамъ: за опредѣленную сумму онъ продаетъ часто цехамъ право участія въ городскомъ управленіи [2]). Благодаря такимъ фактамъ, сознаніе цеховъ о своей силѣ, своемъ правѣ на участіе въ управленіи, ростетъ въ высшей степени быстро.

Устрашенные стремленіями цеховъ, роды, стараясь избѣжать Сциллы, попадаютъ въ Харибду; они обращаются къ императорской власти съ ходатайствомъ о запрещеніи въ городахъ цеховъ и всякаго рода союзовъ (Innungen) [3]); но императоръ не останавливается только на запрещеніи цеховъ, онъ идетъ гораздо дальше, и сами роды отчасти попадаютъ въ капканъ, такъ услужливо поставленный ими для цеховъ; императорскій эдиктъ, запрещая всякаго рода союзы, запрещаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всякіе выборы въ городскіе должности безъ согласія и вѣдома епископовъ, вообще владѣльцевъ [4]). Такое отношеніе къ дѣлу императорской власти вмѣстѣ со стремленіями владѣльцевъ обратить городской Совѣтъ въ подчиненное себѣ учрежденіе, завладѣть, такимъ образомъ, снова управленіемъ города, какъ это было до XII ст. [5]), должно было такъ или иначе примирить интересы патриціата съ интересами цеховъ; роды волей неволей должны были уступать послѣднимъ. Въ этой новой борьбѣ цехи, какъ боевая сила, какъ капиталисты,

---

[1]) *Arnold.* I. 298: напр. такъ называемое Pedellen, которые представляли тяжущихся въ судѣ и исполняли рѣшеніе по нѣкоторымъ не крупнымъ дѣламъ. *Maurer.* II. § 313.

[2]) Въ Майнцѣ патриціи присуждены были въ XIV в. императоромъ къ уплатѣ огромной пени за возстаніе противъ епископа. Роды пригласили цехи къ участію въ уплатѣ этой пени, давъ имъ за это право участія въ Городскомъ Совѣтѣ. *Mascher.* 195.

[3]) Фридрихъ II издаетъ въ этомъ смыслѣ законъ въ 1212 году. *Mascher.* 108.

[4]) *Ibid.* и *Arnold.* II. 14.

[5]) Напр., епископъ Вормса, Генрихъ von Saarbruecken, старается обратить Совѣтъ сорока въ Совѣтъ 12 министеріаловъ; см. вообще исторію Вормса. *Arnold.* II. 19—104.

играютъ слишкомъ активную [1]) роль, чтобы могъ продолжаться дальше такой порядокъ вещей, при которомъ права и обязанности распредѣлялись такъ неравномѣрно; при которомъ первые составляли достояніе нѣсколькихъ, а послѣдніе лежали тяжелымъ гнетомъ на массахъ. Цехи требуютъ правъ. Начинается открытая, упорная борьба.

Одно изъ первыхъ правъ, полученныхъ цехами, было право вмѣшательства въ дѣла налоговъ и сборовъ. Завоевавъ одно право, цехи тянутъ руку за другимъ. Они пускаютъ въ ходъ всѣ средства для достиженія своихъ цѣлей, не останавливаясь даже передъ тѣмъ, чтобы стать на сторону епископа и съ его помощью сломить Совѣтъ [2]). Они обращаются за помощью, какъ, напр., въ Ульмѣ, къ свѣтскимъ владѣтельнымъ князьямъ; словомъ, и они держатся такой же политики, какой держались и роды въ XII ст. Они принимаютъ участіе въ борьбѣ претендентовъ на императорскій престолъ (Фридриха Австрійскаго съ Людовикомъ Баварскимъ) и являются уже настолько сильными, что помощь ихъ дастъ перевѣсъ той сторонѣ, на которой они стоятъ [3]).

Но главною силою цеховъ въ этой борьбѣ является, выражаясь словами Маурера, «сознаніе ими всеобщаго единства», единства цѣлей, необходимости достигать ихъ совокупными силами. Одинаково безправное положеніе, приблизительно одинаковое состояніе въ экономическомъ отношеніи привели къ этому сознанію. Во многихъ городахъ всѣ цехи заключаютъ союзы между собою—communitates fraternitatum и собираются въ одномъ мѣстѣ для обсужденія общихъ дѣлъ [4]); появилось даже особое должностное выборное лицо, въ качествѣ представителя всѣхъ цеховъ,—такъ называемый Oberzunftmeister, который подобно capitano del popolo городовъ Ломбардіи является предводителемъ народной партіи, партіи цеховъ, въ ихъ борьбѣ съ родами.

Въ концѣ XIII и началѣ XIV в. борьба цеховъ съ родами повсюду закончилась побѣдой первыхъ надъ послѣдними; однако ре-

---

[1]) *Ibid.* 300—301; *Maurer.* II. §§ 312, 322; *Mascher.* 189.

[2]) *Maurer.* II. § 313; II. 301—302.

[3]) *Mascher.* 187.

[4]) *Maurer.* II. 609. *Ot. Gierke.* I. 326.

зультаты этой побѣды далеко не вездѣ были одинаковы. Цехи всюду получили право участвовать въ городскомъ управленіи, но участіе это выливалось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Это разнообразіе достигнутыхъ цехами результатовъ, было слѣдствіемъ различныхъ мѣстныхъ условій и главнымъ образомъ, не вездѣ одинаковаго отношенія силы цеховъ къ силѣ и значенію родовъ; оно зависѣло отъ того: въ состояніи ли былъ новый общественный элементъ совершенно сломить отживающіе роды или послѣдніе были еще настолько въ силѣ, что не могли быть сбиты окончательно съ политическаго поприща, а только вынуждены къ опредѣленнымъ уступкамъ. Полное поглощеніе родовъ цехами произошло лишь въ очень немногихъ городахъ; но за то въ этихъ немногихъ городахъ роды, какъ таковые, уже не играли никакой политической роли, они не могли даже пользоваться правами полнаго гражданства до тѣхъ поръ, пока не входили въ составъ цеха и не сливались въ одну общую массу съ ремесленниками; для этого они или должны были сами составить цехъ, или войти въ составъ какого либо изъ существующихъ цеховъ [1]). Этотъ результатъ былъ самымъ блестящимъ исходомъ борьбы цеховъ съ родами, результатъ обусловленный самой высшей степенью силы и значенія цеховъ. Уже менѣе удачнымъ является исходъ борьбы въ тѣхъ городахъ, гдѣ роды не сошли окончательно съ политической сцены и гдѣ цехи получили участіе въ управленіи лишь наравнѣ съ древними родами; такъ что отъ тѣхъ и другихъ входило одинаковое число представителей въ составъ Городскаго Совѣта [2]). Наконецъ, наименѣе удачнымъ являлся исходъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ и послѣ борьбы роды остались преобладающей силой и цехи получили лишь большее или меньшее участіе въ городскомъ управленіи; къ такимъ городамъ можно отнести, напр., Франкфуртъ на Майнѣ, Нюрнбергъ, Мецъ.

Понятно, что отъ степени успѣха борьбы зависѣла и степень измѣненія самаго устройства и управленія города. Съ окончаніемъ борьбы цеховъ съ родами закончилось и развитіе внутренней обще-

---

[1]) *Maurer*. II. § 351 и § 358, стр. 704. *Mascher*. 192. Во многихъ городахъ аристократическіе роды изгоняются.

[2]) Цюрихъ, Шафгаузенъ, Шпейеръ до XV столѣтія.

ственной организаціи, дальнѣйшее развитіе городскаго самоуправленія. Моментъ побѣды цеховъ былъ высшимъ моментомъ, до котораго могла достигнуть эта организація городскаго населенія и его самоуправленіе къ концу Среднихъ вѣковъ. Съ этого момента начинается паденіе города: цеховая организація не носила въ себѣ началъ къ дальнѣйшему развитію. Въ этомъ случаѣ повторилось тоже, что мы видѣли въ XII и XIII ст. въ германскомъ городѣ; какъ тогда общественная сила, явившаяся освободительницей города изъ подъ власти феодала, выступаетъ въ первое время представительницей, носительницей начала самоуправленія, и казалось бы должна заключать въ себѣ задатки къ дальнѣйшему развитію этихъ началъ, какъ тогда эта сила не замедлила обратиться въ тормазъ этого развитія, такъ теперь цехи играютъ туже самую роль.

Отто Гирке въ своемъ нѣмецкомъ общественномъ правѣ видитъ въ развитіи города ничто иное, какъ постепенное обращеніе нисшихъ неполноправныхъ слоевъ городскаго населенія въ полноправныхъ; крѣпостныхъ и несвободныхъ—въ гражданъ; сначала эти неполноправные нисшіе слои населенія входятъ въ составъ древнихъ свободныхъ общинъ лишь пассивными членами, въ качествѣ Schutzgenossen, потомъ въ качествѣ сочленовъ, обладающихъ нѣкоторыми правами и наконецъ, въ качествѣ полноправныхъ гражданъ [1]). Въ общемъ это опредѣленіе вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительному ходу вещей. Но является невольно вопросъ: все ли населеніе города, всѣ ли нисшіе слои его достигли состоянія полноправныхъ гражданъ, пользующихся правомъ участія въ управленіи, по окончаніи борьбы цеховъ съ родами. При взглядѣ на данное Гирке опредѣленіе приходится дать отвѣтъ положительный; на самомъ же дѣлѣ онъ долженъ быть отрицательнымъ. Если цехи не только добились участія въ управленіи, но во многихъ случаяхъ просто захватили его въ свои руки, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что все торгово-промышленное населеніе городовъ пользовалось тѣми же правами.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что побѣда цеховъ дѣйствительно была значительнымъ шагомъ на пути развитія городскаго само-

[1]) Das deuts. Genossenschafts. I. 260.

управленія; она дѣйствительно ввела въ составъ полноправныхъ горожанъ новый элементъ, доселѣ не пользовавшійся политическими правами, но этотъ новый элементъ не былъ послѣднимъ по отношенію къ городскому населенію; съ самаго начала далеко не всѣ цехи приняли участіе въ управленіи городомъ; получившіе же право на это участіе, получившіе политическое значеніе, стараются всѣми силами задержать дальнѣйшее развитіе. Городской Совѣтъ, составляемый теперь или изъ однихъ представителей цеховъ, или и изъ членовъ родовъ, обращается въ учрежденіе чисто олигархическаго характера [1]). Совѣтъ этотъ во многихъ городахъ не ограничивается только завѣдываніемъ дѣлами общественно-городскими, но деспотически вмѣшивается и во внутреннія дѣла самихъ цеховъ [2]), вѣроятно съ цѣлью убить ихъ политическое значеніе. И цехи, подобно родамъ, достигши политической власти, начинаютъ пренебрегать тѣмъ, что составляло ихъ силу, дало имъ возможность достичь настоящаго положенія—занятіемъ ремеслами и торговлей. Они, какъ и роды, стараются вести образъ жизни подобный дворянскому; чтобы не допустить къ участію въ управленіе людей небогатыхъ издается постановленіе, что всякій вошедшій въ Совѣтъ членовъ Городскаго Совѣта, долженъ покинуть занятія промысломъ [3]); иными словами, къ участію въ управленіи допускаются лишь лица, настолько богатые, что могутъ жить только доходами съ капитала.

Такимъ образомъ, революція внесла лишь замѣну одного вида собственности—поземельной, другимъ—капиталомъ, деньгами. Почему какъ д о цеховаго движенія во главѣ городскаго управленія стояли крупные собственники, такъ и п о с л ѣ него; какъ д о, такъ и п о с л ѣ него массы городскаго населенія оставались въ сущности въ состояніи безправныхъ, или по крайней мѣрѣ неполноправныхъ. Обращеніе этой массы въ полноправныхъ XV вѣкъ завѣщалъ своимъ преемникамъ.

---

[1]) *Maurer*. II. 687; *ibid*. 721—723.

[2]) *Mascher:* 193 и 226. *Arnold*. II. 358: въ XV ст. Городской Совѣтъ обратился въ наслѣдственное учрежденіе, достояніе нѣсколькихъ фамилій; вооружился правомъ надзора надъ цехами, избираетъ цунфтмейстера.

[3]) Въ первой половинѣ XIV в. въ Бременѣ. *Maurer*. 221.

ГЛАВА V.

Города Франціи и Англіи. Паденіе городовъ.

Исторія развитія городовъ во Франціи въ общемъ аналогична съ исторіей германскихъ городовъ; разница лишь въ тѣхъ или иныхъ подробностяхъ, обусловливаемыхъ тѣми или иными особенностями исторіи французскаго народа.

Ближайшею и непосредственною причиною отличія исторіи развитія французскихъ городовъ отъ нѣмецкихъ являются, по моему мнѣнію, тѣ особыя условія, при которыхъ развивалась во Франціи королевская власть. Развитіе и усиленіе королевской власти было причиной быстраго паденія городовъ, какъ политически-самостоятельныхъ организмовъ, обладавшихъ правами верховной власти; это—съ одной стороны, съ другой—таже усилившаяся власть короля была причиной того, что цехи, игравшіе такую громадную политическую роль въ городахъ Италіи, Германіи, Голландіи, не имѣли почти никакого политическаго значенія во Франціи; въ очень немногихъ городахъ только они могли подняться за предѣлы простыхъ ремесленныхъ корпорацій, уйти дальше экономическихъ интересовъ.

Уже въ концѣ XIII в. королевская власть была настолько сильна, что съ этого времени не только падаютъ городскія общины, но и начинается ихъ общая регламентація авторитетомъ верховной власти короля [1]); регламентаціи особенно подвергаются цехи; это послѣднее обстоятельство и тормазитъ дальнѣйшее развитіе цеховъ, отрѣзая имъ путь къ достиженію политическаго значенія; а путь этотъ они уже начали пролагать: отъ половины XII ст. дошли до насъ извѣстія о томъ, что выборы въ общественно-городскія должности производились по цехамъ [2]); но въ это время цехи едва

---

[1]) *Guizot:* Hist. de la civ. en France IV 265—67. *Levasseur.* (L'hist. des classes ouvrières en France depuis la conquête de Jules César jusqu'à la revolution). I. 184—185.

[2]) *Aug. Thierry:* Es. sur l'hist du tiers état. II. 194. *Levasseur.* I. 182—83, пр. 4.

ли могли пользоваться большимъ политическимъ значеніемъ, такъ какъ верховная власть городской общины, мэръ и составлявшіе его Совѣтъ echevens'ы, были уже исключительно въ рукахъ нѣсколькихъ богатыхъ фамилій, причемъ выбывавшіе мэръ и эшевены пользовались правомъ представлять трехъ кандидатовъ на должность мэра [1]); избиратели отъ цеховъ избирали уже изъ этихъ трехъ кандидатовъ. Этотъ способъ избранія въ высшія общественныя должности, во многихъ городахъ принявшій въ высшей степени сложныя комбинаціи, вызванныя, разумѣется, желаніемъ устранить вліяніе на выборы массъ, указываетъ на тенденціи совершенно чуждыя всякаго демократизма и выражаетъ собою стремленіе обезпечить дѣйствительное право занимать высшія общественныя должности лишь за наиболѣе богатыми и вліятельными членами общины [2]). Еслибы цехи французскихъ городовъ успѣли, какъ это удалось имъ въ Германіи, обратить городское устройство Франціи въ цеховое, то и во Франціи повторилось бы тоже явленіе, какое мы видѣли въ концѣ XV и началѣ XVI ст. въ Германіи.

Другая особенность въ исторіи французскихъ городовъ въ томъ, что въ средѣ ихъ существовали такъ называемыя villes bateices, они же носили названіе буржуазій или превотальныхъ городовъ; послѣднее названіе происходитъ отъ слова prêvot—имя королевскаго чиновника, стоявшаго во главѣ городскаго управленія; такъ назывались города, находившіеся въ непосредственномъ вла-

---

[1]) *Aug. Thierry.* Ibid.

[2]) Гизо въ городовомъ общинномъ движеніи сѣверной полосы Франціи видитъ, въ противоположность городамъ южной полосы, гдѣ преобладало начало чисто аристократическое, преобладаніе начала демократическаго, на томъ лишь основаніи, что въ городахъ этой полосы выборъ высшаго производится низшими—du magistrat par la population (Hist. de la civil en Fr. (V. 249). Мнѣ кажется, что въ виду приведеннаго мною въ текстѣ факта представленія кандидатовъ отслужившими срокъ магистратами и такой сложной системы выборовъ, которую излагаетъ самъ же Гизо въ XVIII лекціи, слишкомъ рискованно дѣлать заключеніе о демократизмѣ городскихъ общинъ на сѣверѣ Франціи; наконецъ, есть факты, что и на югѣ (напр. въ Monpellier) выборы въ общественныя должности приблизительно производились также, какъ и въ сѣверныхъ городахъ; напр. Реймсѣ и Амьенѣ (см. Levasseur I. 183), а на югѣ по мнѣнію Гизо преобладало начало аристократическое.

дѣніи короля, никогда не достигавшіе политической самостоятельности общинныхъ городовъ и всегда управлявшіеся королевскими чиновниками [1]). Эти города никогда не достигали состоянія политически самостоятельныхъ организмовъ, состоянія государства въ государствѣ, состоянія городовъ, пользовавшихся всѣми тремя видами юрисдикціи (haute, moyenne et basse); высшая юрисдикція въ нихъ всегда оставалась въ рукахъ королевской власти, отправлявшей ее черезъ своихъ чиновниковъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что исторія этихъ городовъ, между которыми — такіе богатые и значительные, какъ Орлеанъ и Парижъ, совершенно опровергаетъ взглядъ, что развитіе Средневѣковаго города есть непосредственный результатъ развитія торговли и промышленности, развитія населенія, занятія и средства къ жизни, котораго составляли именно промыслы всякаго рода; но это лишь съ перваго взгляда.

Я говорилъ уже выше, что этого взгляда не опровергаютъ тѣ города въ Германіи, которые получили извѣстную долю свободы и самоуправленія, привилегіи разнаго рода отъ феодаловъ и королей повидимому по доброй волѣ тѣхъ и другихъ; я замѣтилъ уже, что добрая воля феодаловъ и представителей верховной власти являлась въ данномъ случаѣ по своей сущности волей вынужденной; сила, значеніе городовъ—вотъ причина этой доброй воли, въ этомъ лежитъ ея стимулъ. Не опровергаетъ этого взгляда и исторія развитія des villes bateices. Эти города пришли бы къ тѣмъ же результатамъ, къ какимъ пришли королевскіе и императорскіе города Германіи. Они уже и шли по пути къ этимъ результатамъ: они уже получили цѣлый рядъ привилегій, они уже достигли того, что король «давалъ обѣщанія», обязывался управлять ими на основаніи извѣстныхъ правилъ, принуждалъ соблюдать эти правила самихъ чиновниковъ, своихъ prevôts; мало того, королевскіе чиновники, вступая въ отправленіе своей должности по управленію городомъ, должны были клясться, что будутъ въ точности соблю-

[1]) *Béchard*. I. 225—26. *Scheaffner*. II. 529. *Raynouard*. II. 294. Наиболѣе полное установленіе опредѣленія между коммуной и bourgeoisie— у *Leber* p. I. ch. IV. 23.

дать обычаи этого города [1]). Оставалось сдѣлать послѣдній шагъ; но этого-то шага имъ и не удалось сдѣлать; они запоздали: королевская власть обогнала ихъ, ихъ попытки къ возстанію, попытки завоевать свободное общинное устройство были безуспѣшны: сильная королевская власть задушила ихъ.

Такимъ образомъ, города Франціи или вовсе не успѣли обратиться въ политически-самостоятельныя единицы, пользовавшіеся верховными правами, или, обратившись въ таковыя, скоро потеряли свое политическое значеніе, благодаря слишкомъ быстрому усиленію королевской власти. Въ концѣ XIII и началѣ XIV стол. города Франціи являются уже не болѣе, какъ мѣстными, земскими единицами.

Судьба городовъ Англіи, до завоеванія ея во второй половинѣ XI в. норманнами, едва ли во многомъ отличается отъ судьбы континентальныхъ городовъ.

Накапунѣ завоеванія, въ Саксонскій періодъ, города Англіи, подобно континентальнымъ, еще не выдѣлялись въ административномъ отношеніи изъ графства, составляя часть его и управляясь королевскими чиновниками-бургграфами, Port-reeves'ами [2]). Норманское завоеваніе не помѣшало юридическому выдѣленію городовъ въ смыслѣ административныхъ единицъ, самостоятельныхъ организмовъ, пользующихся правомъ самоуправленія, но оно задержало развитіе ихъ въ самостоятельно-политическіе организмы, пользующіеся верховными правами государственной власти. Власть Вильгельма Завоевателя и его преемниковъ была слишкомъ сильна, чтобы города могли обратиться въ государства — въ государствѣ. Фактъ завоеванія остановилъ развитіе феодализма въ Англіи въ томъ направленіи, въ какомъ онъ развивался на континентѣ; онъ не могъ

[1]) Art. 35 de cout. de *Lorris:* „Nous ordonnons que toutes les fois que le prévôt changera dans la ville, il jurera d'observer fidèlement ses coutumes; et de même feront les nouveaux sergents chaque fois qu'ils seront institués. *Guizot:* Hist. de la civ. en Fr. IV. 226 и вообще исторія Орлеана—ibid. 219—222.

[2]) *Rud. Gneist:* I. 104. *Philipps.* Engl. Reichs-und Rechtsgeschichte: 17. *Hom. Cox:* die Staatseinrichtungen Englands. 638.

на островахъ Великобританіи разцвѣсти такъ пышно, какъ тамъ. Этотъ важный фактъ, отразившись на всей исторіи Англіи, отразился на исторіи города ея; въ силу этого обстоятельства города, по крайней мѣрѣ большинство, оставались подъ непосредственной властью короля; это мы видимъ въ XII и въ началѣ XIII вѣка, когда лишь очень немногіе города, терявшіеся въ массѣ королевскихъ, были владѣльческими [1]); уже благодаря только своей немногочисленности, владѣльческіе города не могли играть большой роли; а наконецъ, и эти-то очень немногіе владѣльческіе города все-таки не могли достигнуть состоянія континентальныхъ городовъ, благодаря сравнительной слабости ихъ владѣльцевъ и зависимости послѣднихъ отъ сильной королевской власти.

Но не допустивъ города до политической независимости, королевская власть не могла помѣшать развитію его внутренней жизни, развитію торговли и промышленности; она даже поощряла то и другое, содѣйствуя тѣмъ самымъ развитію самоуправленія города въ его собственныхъ дѣлахъ и интересахъ. Въ то время, какъ графства теряютъ право избрать своихъ представителей, въ то время, какъ это право переходитъ отъ нихъ къ коронѣ, города и мѣстечки покупаютъ у послѣдней [2]) право «народной организаціи», какъ выражается Коксъ, своего управленія; королевская власть признаетъ за городами право избранія baillif, bourg- и port-reeve, оставляя за собою лишь право утвержденія въ этихъ общественныхъ должностяхъ [3]). Такимъ образомъ, англійскіе города, какъ отдѣльныя административныя единицы, выдѣлились еще въ XII вѣкѣ [4]), а такой городъ, какъ Лондонъ, достигъ этого гораздо раньше; онъ еще въ Саксонскій періодъ составлялъ самостоятельный округъ, подобный графству [5]).

---

[1]) *Rud. Gneist.* I. 112: въ нормандскій періодъ изъ 1500 хартій, касавшихся городовъ лишь 49 изданы не королемъ, а владѣльцами.

[2]) *Hom. Cox.* 638; *Kleinschrod.* Grossbritaniensgesetzgebung ueber Gewerb. 120.

[3]) *R. Gneist.* I. 106, 111 и 195. *Hom. Cox...* 638. *Béchard.* I. 398.

[4]) Только въ военномъ отношеніи большинство городовъ и гораздо позже входило въ составъ графства—Gneist. I. 194.

[5]) *Béchard.* I. 398.

Что касается внутренняго развитія англійскихъ городовъ, ихъ сословной организаціи, то въ этомъ отношеніи они представляютъ много общаго съ городами континента.

До XII в. основаніемъ полноправности гражданъ была недвижимая, поземельная собственность [1]); господствующимъ классомъ, полноправными гражданами были, слѣдовательно, только поземельные собственники; сословіе торговцевъ и ремесленниковъ, сословіе, если можно такъ выразиться, движимой собственности, капитала, сложившіеся въ цехи и гильдіи, за этотъ періодъ подчиняется власти городскихъ чиновниковъ, избранныхъ изъ сословія землевладѣльцевъ и лишь позже стремится выдти изъ этого зависимаго положенія и получить право участія въ управленіи общественными дѣлами [2]); и только съ этого времени имущественная основа городскаго самоуправленія измѣняется: мѣсто недвижимой собственности постепенно заступаетъ движимая—капиталъ.

Значеніе юридическаго лица города Англіи получаютъ лишь съ XV ст. [3]). Но съ этого же времени городское управленіе, какъ и на континентѣ, хотя и по другимъ причинамъ, аристократизируется быстрыми шагами; оно обращается даже въ олигархическое; дѣло въ томъ, что королевская власть, стремясь воспользоваться городами, какъ единицами, имѣющими своихъ представителей въ Парламентѣ, передаетъ управленіе города въ завѣдываніе особыхъ комиссій, которыя на первый разъ даже назначаются самимъ правительствомъ, а потомъ пополняютъ, измѣняютъ свой составъ путемъ кооптаціи, которая примѣнялась ко всѣмъ выборнымъ должностнымъ лицамъ города [4]). Эта политика королей по отношенію къ городамъ объясняется именно желаніемъ увеличить число своихъ сторонниковъ въ Палатѣ Общинъ, такъ какъ избраніе представителей отъ городовъ въ эту палату предоставлялось тѣмъ же городскимъ Совѣ-

---

[1]) *R. Gneist.* I. 108 и 111; по изысканіямъ изслѣдователей исторіи городовъ Англіи—*Meerewether*'а и *Stiphen*'а — городское устройство *до XIII* ст. не было въ тѣсной связи съ цехами и гильдіями.

[2]) *K. Gneist.* I. 202.

[3]) Въ 1439 г. — первая хартія, которая обращаетъ городъ Kingstown upon Hill въ юридическое лицо, инкорпорируетъ его. *Gneist.* I. 218; *Hom. Cox.* 639.

[4]) *R. Gneist.* I. 320—321.

тамъ или комиссіямъ. Такое отношеніе къ городамъ королевской власти, эта политика аристократизаціи городскаго управленія продолжается до 1686 г., съ котораго начинается поворотъ къ прежнему порядку вещей.

Хотя въ исторіи Англіи мы и не видимъ той упорной, кровавой борьбы городскаго населенія съ феодалами или верховной властью, борьбы, съ которой мы встрѣчаемся въ огромномъ большинствѣ городовъ материка Европы; хотя постепенное развитіе городовъ этой страны повидимому обусловливается исключительно королевскими хартіями, тѣмъ не менѣе было бы большимъ заблужденіемъ утверждать, что въ Англіи городское самоуправленіе создается только благодаря королевской власти; оно и здѣсь развивается скорѣе, не смотря на сильную королевскую власть, которая лишь сдерживаетъ это развитіе, руководитъ, пожалуй, имъ, регулируетъ ходъ его, сообразно своимъ цѣлямъ и планамъ; причины же и здѣсь, какъ на континентѣ Европы, лежатъ въ развитіи торговли и промышленности, въ богатствѣ и силѣ торговопромышленнаго населенія городовъ; здѣсь эти причины вырисовываются даже рѣзче и ярче, чѣмъ на континентѣ города. Не дойдя до положенія самостоятельныхъ политическихъ организмовъ, выработавъ лишь земское самоуправленіе, города идутъ неуклонно по этому пути, постоянно развиваясь, несмотря на сильную верховную власть, сначала въ лицѣ короны, потомъ—парламента.

Къ концу XV ст. борьба цеховъ съ родами закончилась во всѣхъ городахъ Европы. Въ Германіи съ окончаніемъ этой долгой борьбы города достигли наибольшей силы, наибольшаго блеска; съ этого же момента начинается и паденіе городовъ [1]. Прежде чѣмъ перейти къ причинамъ этого явленія, нелишнее сказать нѣсколько словъ о томъ, что̀ представляли собою европейскіе города въ періодъ ихъ процвѣтанія и полной независимости, самостоятельности.

Въ концѣ борьбы, наканунѣ, такъ сказать, паденія, городъ представлялъ собою совершенно независимый, самостоятельный организмъ, абсолютно выдѣлявшійся какъ во внутреннемъ такъ и во внѣ-

---

[1]) *Otto Gierke.* I. 327.

шнемъ отношеніяхъ; онъ представлялъ собою то, что на современномъ языкѣ принято называть юридическимъ лицомъ; притомъ политическимъ юридическимъ лицомъ; онъ представлялъ собою совокупность общинъ городскаго населенія, выражавшуюся въ общемъ учрежденіи—Совѣтѣ, общихъ должностныхъ лицахъ, управлявшихъ дѣлами города; всѣ должностныя лица, начиная съ бургмейстера и членовъ Совѣта, кончая, какъ замѣчаетъ Гирке, послѣднимъ сторожемъ—служатъ одному господину, знаютъ одну власть—городъ [1]), какъ единое цѣлое. Но такое значеніе города, какъ и всякой общины или союза общинъ значеніе юридическаго лица, можетъ быть двоякимъ: или городъ является самостоятельной единицей по отношенію только къ своимъ общиннымъ чисто мѣстнымъ дѣламъ; только въ этихъ дѣлахъ и интересахъ онъ является автономическимъ лицомъ, не касаясь интересовъ частныхъ лицъ съ ихъ индивидуальной или государственной точки зрѣнія, не представляя для нихъ верховной государственной власти; или же городъ является не только земской единицей, самостоятельно вѣдающей свои нужды, но и политическимъ тѣломъ, самимъ государствомъ, по отношенію къ которому отдѣльные жители его—ничто иное какъ подданные. То или другое изъ этихъ значеній города обусловливается состояніемъ въ данное время государства, силой верховной власти въ этомъ государствѣ; словомъ, степенью развитія общественно-государственной жизни: чѣмъ слабѣе государство и верховная власть, какъ олицетвореніе его, тѣмъ болѣе отдѣльныя составныя части его независимы политически, тѣмъ ближе эти части къ состоянію государства; тѣмъ необходимѣе и естественнѣе является обладаніе этими организмами верховною властью.

Города Средневѣковой Европы достигли втораго значенія, значенія государства въ государствѣ; это значеніе ихъ обусловливалось именно отсутствіемъ настолько сильной верховной власти, чтобы она могла служить уравновѣшивающимъ рычагомъ во взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ и элементовъ [2]). Верховная власть въ началѣ среднихъ вѣковъ, въ лицѣ импе-

---

[1]) *Otto Gierke*. I. 312.

[2]) Любой договоръ, conjuratio, составленный жителями города съ цѣлью борьбы съ вассалами, можетъ служить отличнымъ доказательствомъ, что

раторовъ и королей, была только тѣнью власти. Городамъ, въ ихъ борьбѣ съ сильными феодалами предстоялъ одинъ исходъ:—отнять у нихъ ихъ право на управленіе городомъ и взять его въ свои руки; а это право феодаловъ, какъ мы видѣли, было, благодаря той же слабости верховной власти, верховное неограниченное право. Освободившись изъ подъ власти феодальнаго владѣльца городъ долженъ былъ взять на себя верховную юрисдикцію, какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю, т. е. какъ судъ внутренній, судъ въ обыкновенномъ смыслѣ, такъ и судъ внѣшній—самозащиту, право войны; городъ долженъ былъ взять на себя и самое законодательство, опять таки внутреннее и внѣшнее—изданіе законовъ, касающихся внутреннихъ отношеній и заключеніе договоровъ съ другими городами или феодальными владѣльцами; на него же необходимо перешла и администрація какъ внутренняя такъ и внѣшняя: управленіе внутренними дѣлами и дипломатическія отношенія. И дѣйствительно, во всѣхъ городахъ Западной Среднѣвѣковой Европы, городская власть, не смотря на все разнообразіе ея организаціи, обусловливаемой, какъ я указывалъ, многими мѣстными условіями, не была только мѣстною земскою властью, но и носила на себѣ ясный характеръ политической, государственной власти [2]). Стоитъ заглянуть въ четвертый томъ сочиненія о городахъ въ Средніе вѣка Гюльмана, особенно въ третій томъ исторіи городскаго устройства Германіи Маурера, чтобы убѣдиться, какою массою общественныхъ дѣлъ управляло городское правительство въ качествѣ государственной власти: оно не только самостоятельно и независимо регулировало, издавая законы, такія стороны общественной жизни, какъ общественное образованіе, общественное здравіе, безопасность, пути сообщенія, занятіе ремеслами и торговлей, но оно же отправляло судъ (haute, moyenne et bassejustice) по матеріальному праву, регулируемому также городскою властью; оно вѣдало, военное дѣло, вѣдая защиту города отъ внѣшнихъ нападеній; въ его рукахъ — устройство и организація войска; оно облагаетъ налогами, опять таки въ качествѣ верховной государственной власти.

свергая власть феодала, города не могли найти защиты въ королевской власти, и должны были искать ее въ самихъ себѣ.

[1]) Я имѣю въ виду лишь города, успѣвшіе достигнуть независимаго общиннаго устройства.

Понятно, что такой порядокъ вещей могъ продолжаться лишь до образованія націи, государства. Все равно какимъ путемъ образуется это государство, какую форму приметъ въ немъ государственный строй; будетъ ли это, какъ въ Голландіи, федерація штатовъ или городовъ съ ихъ округами, или эта власть сложится въ сильную, почти деспотическую монархію; во всякомъ случаѣ города должны потерять свое государственное значеніе; если только они, какъ въ Италіи, сами, каждый, не обратится окончательно въ государства, они необходимо теряютъ всѣ верховныя и государственныя права, которыя переходятъ къ органамъ верховной, государственной власти. Лоранъ совершенно правъ, замѣчая, что для образованія государства необходимо было, чтобы и города, эти états dans l'état, пали [1]). Они должны были пасть вмѣстѣ съ другимъ явленіемъ Средневѣковой Европы—независимыми феодалами, съ которыми они представляютъ совершенно однородное явленіе; явившись въ результатѣ феодальнаго строя, они, какъ я уже замѣчалъ не разъ, сами не нарушили этого строя, а лишь вошли въ него, занявъ въ феодальной іерархіи мѣсто, совершенно аналогичное съ положеніемъ независимыхъ феодаловъ.

Пятнадцатый вѣкъ — поворотный пунктъ въ исторіи Западной Европы: на мозаикѣ феодальнаго строя появляется нѣчто несовмѣстное съ узорами этого строя: новый элементъ, новый узоръ, который не могъ мириться съ общимъ колоритомъ; элементъ, который долженъ былъ положить начало полному разрушенію феодальнаго міра. Растетъ сильная королевская, верховная власть, слагается то, что называютъ государствомъ. Нѣтъ причинъ останавливаться, хотя бы и коротко на исторіи этого явленія; для моей цѣли достаточно указать лишь на это явленіе, какъ на причину паденія городовъ въ смыслѣ политически-независимыхъ тѣлъ.

Мы видѣли, что во Франціи и Англіи именно благодаря болѣе раннему сложенію государства, верховной власти, города или вовсе не достигли политической независимости, какъ въ Англіи, или ея достигли очень немногіе, какъ во Франціи. Этотъ фактъ лучше

---

[1]) Hist. du dr. des gens. VII. 503.

всего иллюстрируетъ мысль о несовмѣстности понятія государства съ понятіемъ города—государства, какъ его составной части.

И въ Германіи города теряютъ свое политическое независимое состояніе со времени земскаго мира и окончательно потеряли его въ началѣ XVII стол., когда Германія распалась на отдѣльныя, самостоятельныя государства. Въ высшей степени важный въ исторіи нѣмецкаго народа актъ изданія «вѣчнаго земскаго мира» при Максимиліанѣ I (1495) и учрежденіе Имперскаго каммергерихта кладутъ начало новому порядку вещей и составляютъ первый, но очень рѣшительный, шагъ къ паденію политической независимости германскихъ городовъ: является власть, общая всѣмъ городамъ, имѣющая цѣлью охранять миръ и тишину; власть, имѣющая уже нѣкоторую возможность приводить въ исполненіе рѣшенія Имперскаго Суда; главная причина вызвавшая необходимость верховныхъ, политическихъ правъ въ рукахъ самаго города, теперь падаетъ: миръ и безопасность находятъ своихъ охранителей внѣ стѣнъ города, который eo ipso лишается важнѣйшаго изъ своихъ правъ; его независимость сильно колеблется. «То, что было счастіемъ для цѣлой Германіи, говоритъ Мауреръ, было несчастіемъ для свободы и независимости городовъ» [1]).

Въ Германіи нѣсколько позже, чѣмъ во Франціи съ Англіей, верховная власть усиливается; отдѣльные владѣтельные князья въ концѣ XV и XVI в. достигаютъ состоянія самостоятельныхъ государей; благодаря реформаціи они усиливаютъ, закругляютъ свои владѣнія; уже во второй половинѣ XVI в. мы видимъ ихъ на столько сильными, что ихъ религіей опредѣлялась религія ихъ подданныхъ: cujus regio, ejus est religio — одна изъ основныхъ статей Аугсбурскаго религіознаго мира 1555 года. Учрежденіе постоянныхъ войскъ въ Европѣ повсюду было однимъ изъ главныхъ моментовъ исторіи: абсолютизмъ находитъ въ организаціи постояннаго войска одно изъ могущественныхъ средствъ, а города— могилу своихъ вольностей и льготъ. Тридцатилѣтняя война окончательно сформировала верховную власть Германіи. Вмѣстѣ съ развитіемъ верховной власти, параллельно ему, городъ Средневѣковой Европы не только лишается своей политической независимости, но

[1]) Geschichte der staedteverf. IV. 124.

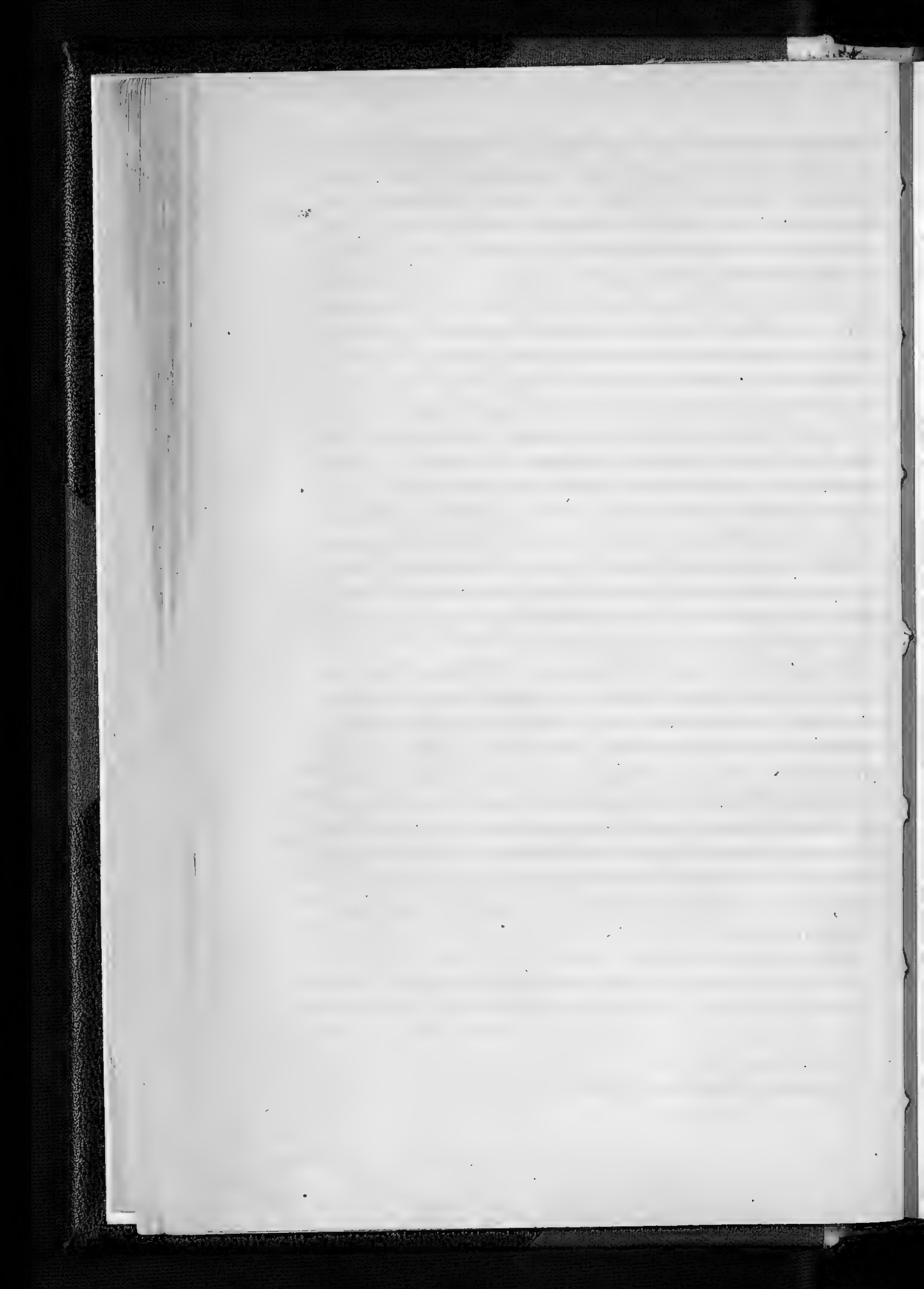
и внутреннее благосостоянie его, благодаря многимъ причинамъ, приходитъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ крайнiй упадокъ. Религiозныя войны XVI и XVII ст. страшно раззоряютъ ихъ, династическiя войны XVII ст. помогаютъ этому раззоренiю, важными торгово-промышленными пунктами остаются очень немногiе изъ нихъ. Олигархическое правленiе нѣсколькихъ фамилiй дѣлается для городскаго населенiя на столько тягостнымъ, что абсолютизмъ XVIII в., вторгаясь въ область мѣстнаго городскаго управленiя, едвали даже могъ возбудить неудовольствiе и ропотъ въ массѣ.

Теряя политическую самостоятельность, города потеряли и земскую автономiю, въ перiодъ крайняго развитiя просвѣщеннаго абсолютизма. Великая французская революцiя — новый поворотный пунктъ въ исторiи мѣстнаго самоуправленiя: чувство народнаго сознанiя едва успѣвъ заснуть, просыпается снова: идея самоуправленiя вообще умереть не успѣла; ее ждетъ великая будущностъ вездѣ въ Европѣ; тамъ, гдѣ ее сжимаютъ съ неестественными усилiями, она проявляется время отъ времени въ неменѣе неестественныхъ формахъ; тамъ, гдѣ ее только сдерживаютъ, регулируютъ, ради извѣстныхъ цѣлей и плановъ, она, хотя и не быстро, прогрессируетъ, не смотря на сдерживанье.

Независимо отъ того обстоятельства, на сколько ясно мнѣ удалось въ этомъ очеркѣ доказать, что развитiе Западно-Европейскаго города есть результатъ самой жизни городскаго населенiя, результатъ активной энергической дѣятельности этого населенiя, дѣятельности, никогда не умиравшей, не задушенный даже абсолютизмомъ XVIII в. фактъ этотъ самъ по себѣ остается исторической истиной; слова Тьерри, сказанныя имъ по отношенiю къ общинному движенiю Францiи, можно повторить вмѣстѣ съ нимъ по отношенiю къ исторiи Западно-Европейскаго города вообще, — «здѣсь все было дѣломъ купцовъ и ремесленниковъ, составлявшихъ населенiе городовъ». [1])

---

[1]) Lettres sur l'histoire de Fr. XIII. 194.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Русскій городъ до учрежденія Магистратовъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Русскій городъ до Петра Великаго.

Обращаясь къ исторіи русскаго города, прежде всего невольно останавливаешься на вопросѣ: игралъ ли городъ такую же громадную роль въ нашемъ отечествѣ, какую, по свидѣтельству Гирке и другихъ извѣстныхъ уже намъ писателей, онъ игралъ на западѣ Европы? Не прибѣгая даже къ спеціальному изслѣдованію, даже при поверхностномъ знакомствѣ съ русской исторіей, едвали можно долго колебаться при рѣшеніи этого вопроса. До начала XIII ст., времени завоеванія Руси монголами, нашъ городъ несомнѣнно игралъ активную, притомъ очень важную, роль въ политическомъ строѣ тогдашней Россіи; но со времени завоеванія ея татарами, а въ особенности начиная съ XIV ст., времени зарожденія Московскаго государства, положеніе дѣлъ измѣняется, и городъ теряетъ всякое значеніе. Едвали кто рѣшится утверждать, что русскій городъ, начиная съ этого времени, игралъ какую либо активную роль въ исторіи развитія самаго государства. Отрицая положительную роль нашего города въ развитіи политическаго строя, я не думаю, однако, отрицать его, если можно такъ выразиться, отрицательное значеніе въ нашей исторіи; наоборотъ, это его значеніе, по своимъ результатамъ, весьма велико. Отсутствіе города, какъ единаго земскаго организма, не могло не имѣть сильнаго вліянія на развитіе политическаго строя нашего отечества. Отсутствіе торгово-промыш-

леннаго населенія, съ его автономическими общинами, обладающими опредѣленными политическими правами, не могло не отозваться на этомъ развитіи. Благодаря такому факту и быть можетъ только ему, нашъ государственный строй принялъ тотъ, а не иной видъ, тѣ, а не другія формы.

Я уже замѣтилъ, что до XIII ст. нашъ городъ игралъ очень важную, активную, политическую роль; это время исторіи Россіи и составляетъ первый періодъ въ исторіи русскаго города. Второй періодъ составляетъ время отъ половины XIV ст. до конца XVIII; и наконецъ третій — отъ конца XVIII в. до нашего времени. Въ первый періодъ, періодъ удѣльно-вѣчевой, значеніе нашего города напоминало роль средневѣковыхъ муниципій на Западѣ: это былъ городъ—государство. Въ началѣ втораго періода, во время Московскаго государства, городъ теряетъ значеніе самостоятельнаго политическаго организма, а съ нимъ вмѣстѣ и земское—значеніе мѣстной автономической единицы. Изъ цѣльнаго политическаго организма онъ обращается въ конгломератъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ, тяглыхъ общинъ. Съ конца XVIII в., времени изданія Екатериной Великой Городоваго Положенія, — новый періодъ въ исторіи нашего города: съ этого времени онъ постепенно обращается въ особое единое цѣлое, въ отдѣльную, самостоятельную, земскую единицу, обладающую извѣстными автономическими правами.

Раздѣляя исторію нашего города на означенные періоды, я беру за основаніе такого дѣленія степень юридической обособленности города отъ волостнаго населенія и степень его автономіи, вмѣстѣ съ ея качествомъ (политическая или административная автономія). Другаго основанія для такого дѣленія, по моему мнѣнію, взять никакого нельзя. Въ очеркѣ развитія западно-европейскаго общиннаго управленія городовъ я взялъ за основаніе фактъ участія въ борьбѣ за самостоятельность общинную самаго населенія города или, лучше, характеръ борьбы — кто и съ кѣмъ ведетъ борьбу. Въ исторіи русскаго города и его населенія ни о какой борьбѣ не можетъ идти рѣчи: борьба здѣсь не имѣла мѣста, за исключеніемъ Новгорода и Пскова. Уже въ концѣ XIV ст. кончилась она, не приведя къ тѣмъ результатамъ, къ достиженію которыхъ была направлена. Въ двухъ только-что названныхъ городахъ, она

закончилась въ концѣ XV и началѣ XVI ст. О борьбѣ городскаго населенія съ представителями власти въ московскій періодъ нашей исторіи, о борьбѣ отдѣльныхъ слоевъ этого населенія между собою—лучшихъ съ худшими—посадскихъ, черныхъ сотенъ съ гостиными и суконными — можно говорить лишь въ совершенно особомъ, очень своеобразномъ смыслѣ, отличномъ отъ борьбы западно-европейскихъ городовъ. Это не была, какъ на западѣ, борьба активная, самостоятельная, борьба съ оружіемъ въ рукахъ. Это была борьба пассивная, борьба при посредствѣ жалобъ въ Московскіе приказы великому государю; борьба, участники которой пускаютъ въ ходъ, въ качествѣ оружія, кляузы и интриги, ябеды и захаживанія передъ московскими властями, которымъ борящіяся стороны предоставляютъ самое рѣшеніе борьбы тѣмъ или инымъ способомъ.

Въ сущности исторія нашего города есть ничто иное, какъ исторія регламентаціи, преобразованій торгово-промышленнаго городскаго населенія со стороны верховной власти. Ходъ этихъ преобразованій опредѣляется воззрѣніями, какія верховная власть имѣла на государственные интересы. До тѣхъ поръ, пока государственные интересы усматриваются только въ бездоимочномъ сборѣ «его государевыхъ прибылей и доходовъ», ради лучшаго обезпеченія государства, какъ высшей международной силы, до тѣхъ поръ и городское населеніе, подобно сельскому и служилому, организуется въ такую «храмину», всѣ связи и скрѣпы которой служили бы одной цѣли—внѣшнему усиленію государства. До тѣхъ поръ всякое устройство и переустройство города не могло состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ такомъ сочетаніи составныхъ его частей при которомъ они могли бы исправно нести всѣ подати и налоги и «тянуть во всѣ государевы службы». До тѣхъ поръ государству не было дѣла до того, въ какомъ состояніи находятся какъ отдѣльныя части «храмины», такъ и вся она. Государство заботилось лишь о томъ, чтобы все необходимое для него попадало въ его кассу. Если оно интересовалось городскимъ населеніемъ, то только развѣ численностью его, его полнотой, не обращая никакого вниманія на его качество. Уже въ первой половинѣ XVIII вѣка верховная власть постепенно приходитъ къ сознанію, что такого отношенія съ ея стороны къ городскому населенію — недостаточно, что всѣ средства, употребляемыя ею доселѣ къ бездоимочному сбору

«государевыхъ доходовъ», и исправному отбыванію его службъ, не достигаютъ своихъ цѣлей, что необходимо озаботиться о состояніи какъ физическомъ, такъ и нравственномъ податнаго, тяглаго субъекта. Съ этого времени характеръ регламентаціи измѣняется: государство, блюдя свои интересы, начинаетъ заботиться объ интересахъ самаго городскаго общества, старается поднять въ немъ уровень экономическаго и нравственнаго благосостоянія; а для этого оно постепенно слагаетъ съ него «государевы службы», и надѣляетъ его опредѣленной дозой автономическихъ правъ. Государство сознаетъ теперь, что общество можетъ и даже должно имѣть собственныя нужды и интересы, удовлетворить которые оно можетъ только само же. Государственная регламентація городскаго населенія идетъ уже въ направленіи расширенія правъ автономическаго удовлетворенія собственнымъ потребностямъ и интересамъ. Городъ изъ конгломерата ничѣмъ не связанныхъ общинъ постепенно обращается въ одно цѣлое, въ единый, болѣе или менѣе самостоятельный, въ земскомъ отношеніи, мѣстный организмъ, въ юридическое лицо, обладающее право идѣе способностью, для выраженія которыхъ оно имѣетъ свои органы.

Три момента въ исторіи развитія города, выставляемые, какъ мы видѣли, Карломъ Гегелемъ въ качествѣ главныхъ факторовъ этого развитія въ Западной Европѣ, играли ту же роль и въ исторіи нашего города. И у насъ, какъ въ Западной Европѣ, первымъ по времени изъ этихъ факторовъ является тотъ моментъ, когда опредѣленные пункты населенія обносятся укрѣпленіями того или инаго рода. Фактъ укрѣпленія даннаго мѣста, какъ я уже говорилъ объ этомъ во введеніи, привлекая на это мѣсто населеніе, вліялъ необходимо на характеръ населенія, его составъ. Здѣсь развивались, благодаря разнообразію населенія, и особыя условія совмѣстной общественной жизни, условія, имѣвшія громадное вліяніе на исторію развитія города. Благодаря только имъ, городъ получаетъ своеобразный ходъ развитія въ исторіи общественно-государственной жизни. Понятно, послѣ этого, что болѣе или менѣе твердое констатированіе этихъ двухъ [1]) фактовъ въ исторіи нашего города является самой существенной стороной въ историческомъ очеркѣ.

---

[1]) Наличность свободныхъ общинъ въ средѣ городскаго насе-

Вопросъ о времени появленія городовъ на Руси въ смыслѣ укрѣпленныхъ мѣстъ населенія далеко не одинаково рѣшенъ всѣми изслѣдователями нашей древней исторіи [1]). Само собою понятно, что опредѣлить точно не только годы, но даже вѣкъ появленія городовъ, какъ укрѣпленныхъ мѣстъ, нѣтъ никакой возможности; но мы обладаемъ въ достаточной степени солиднымъ матеріаломъ для того, чтобы рѣшить данный вопросъ, такъ сказать, въ болѣе общемъ, широкомъ смыслѣ: именно, существовали ли, напр., города до IX вѣка, со второй половины котораго, времени появленія, по преданію, варяжскихъ князей на Руси, у насъ обыкновенно принято начинать исторію Руси какъ государства, или же они появляются лишь съ этого времени?

Цѣлый рядъ писателей и лѣтописцевъ востока, Византіи и Западной Европы отъ періода времени VI—X вѣка свидѣтельствуетъ о существованіи городовъ на Руси задолго до IX вѣка, т. е. времени появленія варяжскихъ князей [2]). Всѣ эти писатели или прямо говорятъ о городахъ до девятаго вѣка, или же, какъ это дѣлаютъ Титмаръ Мерзебургскій и Адамъ Бременскій, описываютъ города Руси въ томъ состояніи, въ какомъ они существовали, напр., въ XI вѣкѣ. Но они описываютъ ихъ уже въ такомъ состояніи, въ какомъ они, по мнѣнію названныхъ писателей, могли, какъ напр., Кіевъ, соперничать съ тогдашнимъ Константинополемъ [3]); понятно, что въ теченіи какихъ-нибудь полутора столѣтій городъ не могъ изъ просто укрѣпленнаго только пункта подняться до сте-

---

ленія — самое главное условіе развитія западно-европейскаго города—у насъ не играетъ такой важной роли въ періодъ до-московскій, благодаря тому, что, за отсутствіемъ феодальной системы, у насъ и сельское и городское населеніе—одинаково свободны; а начиная съ московскаго періода наше городское населеніе закрѣпощено тяглу одинаково со всѣмъ остальнымъ населеніемъ Россіи.

[1]) Отдѣльныя мнѣнія писателей по этому вопросу см. у г. *Самоквасова*—„Древніе города Россіи“. стр. 2—14 и 129—162—собственное мнѣніе автора, который думаетъ, что „общественная жизнь русскихъ славянъ началась съ городовъ; изъ городовъ уже... славянское народонаселеніе Россіи разсѣялось въ селахъ и хуторахъ“. (145)

[2]) *Макушевъ:* Сказаніе иностранцевъ о бытѣ и правахъ славянъ. 113—116.

[3]) Ibid. 113, прим. 29 и 30.

пени такого города, который могли сравнивать со столицей Восточной Римской имперіей; на это нужно нѣсколько столѣтій, по крайней мѣрѣ. Нашъ лѣтописецъ на первыхъ страницахъ своей лѣтописи называетъ уже нѣсколько городовъ—Новгородъ, Кіевъ, Смоленскъ—которые существовали задолго до князей варяговъ. Мнѣ кажется, что уже приведенныхъ только фактовъ совершенно достаточно для того, чтобы признать существованіе на Руси городовъ до IX в. не только въ смыслѣ укрѣпленныхъ центровъ, но и въ смыслѣ особыхъ пунктовъ поселенія, отличающихся уже нѣсколько какъ по количеству населенія, такъ и по его качеству [1]). Позже, въ X, XI, XII и д. вѣкахъ основаніе многихъ городовъ приписывается лѣтописцемъ уже прямо князьямъ; многіе основывались на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Руси непосредственно нашими колонистами, выходцами съ юго-запада. Масса первоначальныхъ городовъ—крѣпостей, если можно такъ выразиться, должна была исчезнуть лишь, только исчезла необходимость въ укрѣпленіи въ данномъ мѣстѣ; оставались и развивались тѣ изъ нихъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ военно-стратегическими условіями существовало много другихъ, вызывающихъ постепенное развитіе города-укрѣпленія въ городъ, какъ поселеніе, отличающееся отъ остальныхъ и по количеству жителей и по ихъ общественному характеру. Такіе города-укрѣпленія развивались и росли приблизительно слѣдующимъ путемъ: около укрѣпленія, того, что нѣмцы называли **бургомъ**, у его стѣнъ и рвовъ постепенно осѣдали такъ называемые посады и слободы, жители которыхъ въ случаѣ опасности находили защиту и убѣжище въ **городѣ** (укрѣпленіи), который въ первое время едвали былъ населенъ кѣмъ-либо, кромѣ тѣхъ, специальная цѣль которыхъ—защита и охраненіе города. Можно даже думать, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изслѣдователями [2]), что до появленія дружины самый городъ не былъ никѣмъ населенъ и служилъ въ мирное, безопасное время мѣстомъ отправленія религіозныхъ обрядовъ, а въ

---

[1]) *Бѣляевъ:* Разсказы изъ рус. ист. I. 7. *Соловьевъ.* Исторія Россіи I. 53—56; *Погодинъ.* Изсл., Зап. и Лек. VII. 193. *Корсакъ.* Меря и Ростовское княжество. 59.

[2]) Мнѣніе о назначеніи первоначальныхъ городовъ укрѣпленій, дошедшихъ до насъ подъ именемъ **городищъ**, очень разнообразны. см. *Самоквасовъ.* „Древніе города Россіи“ 17—22.

военное въ него бѣжали жители посадовъ и ближнихъ селъ и запирались отъ врага. Съ появленіемъ на Руси дружиннаго элемента, городъ-укрѣпленіе обратился въ постоянное мѣстопребываніе князя или посадника съ дружиной. Только впослѣдствіи города-укрѣпленія слились съ посадами и были обнесены новыми укрѣпленіями, у которыхъ, если городъ продолжалъ рости, образовывались новые посады и слободы.

Такимъ образомъ города, съ которыми мы встрѣчаемся въ Россіи, напр., въ XVII в., составлялись по отношенію къ населенію, главнымъ образомъ, если не исключительно, изъ посадовъ, окружавшихъ укрѣпленіе.

Первоначальное населеніе города—посада, за исключеніемъ дружиннаго элемента, не могло представлять собою на столько рѣзкаго отличія отъ остальныхъ поселеній, чтобы образовать собою нѣчто особое, своеобразное; оно было за это время такимъ же по преимуществу, если неисключительно, земледѣльческимъ населеніемъ, какъ и все остальное населеніе тогдашней Руси. Такъ что городъ за это время былъ ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же селомъ или деревней, отличающейся отъ остальныхъ лишь окружающими ее укрѣпленіями [1]. Съ появленіемъ дружиннаго элемента въ составъ города—посада привходитъ новое начало, которое постепенно производитъ сильное измѣненіе въ самой общественно-городской жизни. Этотъ новый общественный классъ, посвятившій себя исключительно дѣлу войны, значительно вліяетъ на развитіе торговли и промышленности; болѣе сложныя и тонкія потребности князя и его бояръ дружинниковъ вызываютъ образованіе новаго слоя населенія: въ среду посадскихъ земледѣльцевъ постепенно просачивается торгово-промышленный элементъ [2]. Я говорилъ уже, что княжеская власть положила основаніе не малому числу городовъ; въ этихъ случаяхъ, князья-основатели, руководясь по преимуществу военно-административными соображеніями, закладываютъ на совершенно

---

[1]) *Погодинъ*: Изсл., Зам. и Лекціи. III. 504. *Соловьевъ:* Ист. Рос. I. 253; *Его же:* взглядъ на истор. устан. гос. пор. въ Россіи до П. В. 23. *Срезневскій* „чт. о лѣтоп.“ Зап. Им. Ак. Н. II. прил. № 3, 35. *Макушевъ.* 112.

[2]) *Бѣляевъ.* I. 110—111. *Соловьевъ.* Ист. Рос. I. 253.

новыхъ, ненаселенныхъ мѣстахъ городки, укрѣпленія, въ которыхъ сажаютъ своихъ представителей—посадниковъ, съ частью дружины. [1]) Понятно, что города этого послѣдняго рода образуются инымъ, обратнымъ путемъ, чѣмъ города перваго рода: тамъ дружинный элементъ приходитъ впослѣдствіи; здѣсь онъ появляется сначала; тамъ городъ, укрѣпленіе, появляется если не послѣ, то одновременно съ самымъ населеніемъ; онъ строится или послѣ или параллельно съ самой деревней, такъ что, началомъ, такъ сказать, зародышемъ города—посада служитъ деревенское населеніе, деревня. Города втораго рода, наоборотъ, имѣли своимъ зародышемъ сначала закладывавшееся укрѣпленіе съ его населеніемъ — «воями» дружинниками; уже потомъ около города — укрѣпленія появлялись посады и слободы земледѣльческаго и торгово-промышленнаго люда [2]). Однороднымъ способомъ основанія съ этимъ вторымъ, такъ сказать княжескимъ, является, въ большинствѣ случаевъ, болѣе поздній или одновременный съ нимъ способъ образованія городовъ выселенцами, русскими колонистами изъ юго и сѣверо-западной Руси въ сѣверо-восточную. Выселенцы Великаго Новгорода, его «повольники», положили основаніе многимъ городамъ путемъ заложенія укрѣпленій, городковъ, обратившихся впослѣдствіи въ города [3]).

Развитіе города въ тѣсной, непосредственной связи съ развитіемъ въ данной странѣ торговли и промышленности. Удѣльная рознь и усобица, почти непосредственно послѣдовавшія за появленіемъ варяжскихъ князей на Руси, понятно, не могли благопріятствовать развитію торгово-промышленнаго населенія, но они не могли, однако, и окончательно убить его въ зародышѣ: враждовавшіе князья-дружинники болѣе или менѣе щадили большіе города, опустошая по преимуществу села и деревни [4]). Приэтомъ,

---

[1]) *Иловайскій:* Исторія Рязанскаго княжества. 95.

[2]) Въ высшей степени вѣрно замѣчаніе одного изслѣдователя конца прошлаго столѣтія (*Крестинниковъ:* Исторія Холмогоръ. 1790 г.) что „древніе русскіе города имѣютъ двоякое начало: нѣкоторые—отъ строенія крѣпостей; другіе—отъ деревень. Предисл. III.

[3]) Такъ основана, напр., Вятка. *Н. Костомаровъ:* Сѣверно-рус. Народопр. I. 243—245. *Корсакъ:* Меря и Ростовское княжество: 82. *Бѣляевъ:* Разск. изъ рус. ист. I. 18—19.

[4]) *Бѣляевъ.* I. 208—10 и 230: „во все это время ни одинъ замѣчатель-

сами князья удѣльно-вѣчеваго періода, особенно второй половины его — по переходѣ исторической сцены на сѣверо-востокъ Руси — заботятся, на сколько это возможно при тогдашней безурядицѣ, объ умноженіи городскаго населенія, развитіи ремесла и торговли: отъ этого зависѣли ихъ богатство и сила. Часто князья заселяютъ во вновь основанныхъ ими городахъ цѣлыя слободы всякаго рода промышленниками и ремесленниками, не брезгая при этомъ и иноземцами [1]. Но все это вело лишь къ тому, что, какъ я только замѣтилъ, городское торгово-промышленное не было искоренено—и самое большее—едва замѣтно двигалось впередъ; говорить о «процвѣтаніи» городовъ за этотъ періодъ, какъ это дѣлаетъ Бѣляевъ, значитъ по меньшей мѣрѣ увлекаться. Если враждовавшіе князья и относились дѣйствительно болѣе или менѣе мягко къ городамъ и ихъ населенію, то отъ разношерстныхъ кочевниковъ южной Россіи, опустошавшихъ своими набѣгами пограничныя со степями княжества, едвали можно было ждать пощады; да наконецъ, сами князья не щадили сельскаго земледѣльческаго населенія а при такомъ положеніи вещей развиваться сколько нибудь быстро городъ не могъ: онъ былъ слишкомъ тѣсно связанъ съ «землей» вообще, чтобы раззореніе этой послѣдней не отозвалось на немъ; голодъ, моръ, вызывавшіеся этими «политическими бѣдствіями», какъ выражается Соловьевъ, а вмѣстѣ съ этимъ и полное отсутствіе за этотъ періодъ всякаго порядка и правосудія [2]) не могли содѣйствовать «процвѣтанію» городовъ, развитію въ нихъ торговли и промышленности; то, что удавалось князьямъ и горожанамъ насадить сегодня, съ корнемъ вырывалось завтра.

Едва стали затихать набѣги кочевниковъ юго-восточныхъ окраинъ Руси, едва начали слагаться вотчины—государства на сѣверо-востокѣ и юго-западѣ ея, какъ изъ степей Азіи появляется новый врагъ,

---

ный городъ не подвергался разграбленію". *Соловьевъ* (Исторія Рос. Ш. 21 и 41) опровергаетъ это мнѣніе Бѣляева; при этомъ говоритъ, однако, что въ періодъ времени до 1028 года изъ 100 съ небольшимъ случаевъ нападенія на города, только въ 29 случаяхъ, небольше, доходило дѣло до „взятія города на щитъ", т. е. разграбленія и избіенія его населенія.

[1]) *Соловьевъ:* Ист. Рос. Ш. 39. *Бѣляевъ.* I. 328: населеніе Даніиломъ Романовичемъ города Холма.

[2]) *Аристовъ:* промышленность древней Руси. 251—254.

страшнѣе всякаго кочевника, тревожившаго Русь доселѣ; врагъ, прошедшій вдоль и поперегъ почти всю тогдашнюю Россію, испепелившій и раззорившій все на своемъ пути. Раззоривъ Русь физически, въ экономическомъ отношеніи, татары сильно повліяли и на ея политическій строй: съ момента окончательнаго утвержденія ихъ господства городъ теряетъ всякое политическое значеніе.

Каково же было это политическое значеніе города до завоеванія Руси татарами? Въ какомъ отношеніи стоялъ городъ къ массѣ сельскаго населенія? Въ чемъ и какъ выражалось его отношеніе къ княжеской власти? Какъ и кѣмъ онъ управлялся? До появленія княжеско-дружиннаго элемента городъ, не выдѣляясь по составу и характеру своего населенія, едвали выдѣлялся и въ политическомъ отношеніи; онъ не представлялъ собою, за этотъ періодъ, отдѣльной, самостоятельной единицы, неимѣющей ничего общаго съ окружавшей его «землею», а являлся центромъ, «середой» этой земли: здѣсь совершались религіозные обряды, здѣсь производились судъ и расправа главою рода; здѣсь въ военное время сохранялось имущество всего окрестнаго населенія, сюда стекалось послѣднее въ минуты общей опасности [1]). Понятно, что при такомъ положеніи, значеніи города для окружающаго его сельскаго населенія, послѣднее не могло не тяготѣть къ нему, не стать въ извѣстныя, зависимыя отношенія [2]). Такимъ образомъ, городъ до княжескаго періода являлся политическимъ центромъ опредѣленной «земли», населеніе которой стояло къ нему въ зависимыхъ отношеніяхъ. Понятно, что эти отношенія не могли отличаться точностью и опредѣленностью, которыхъ не доставало и въ позднѣйшій, княжескій періодъ: все опредѣлялось самой жизнью, фактически. Власть городскаго вѣча, до княжескаго періода распространялась на сельское неселеніе и населеніе пригородовъ; этимъ, однако, не уничтожалась совершенно самостоятельность пригорода и села: въ томъ и другомъ имѣло мѣсто свое вѣче, свой сходъ [3]). Въ періодъ княжескій, удѣльно-вѣчевой, устанавливается нѣсколько большая опредѣленность въ отношеніяхъ города къ при-

[1]) *Бестужевъ-Рюминъ.* Русская Исторія. I. 46. Здѣсь авторъ, подобно Корсаку, примиряетъ всѣ мнѣнія о городахъ—городищахъ.

[2]) *Соловьевъ.* Исторія Рос. I. 55.

[3]) *Бѣляевъ.* I. 14 и 16.

городамъ и «землѣ» вообще; выясняются отношенія его къ князю, появленіе котораго съ дружиной значительно измѣняетъ политическое состояніе города. Онъ, какъ и прежде, остается «средоточіемъ» земли; онъ и теперь стоитъ во главѣ, такъ сказать, волости, княженія, на населеніе котораго переносится имя города: — кіяне полочане, смоляне и т. п.; но во-внутреннемъ строѣ самаго города происходитъ важное измѣненіе: въ него вносится новое начало въ лицѣ князя и его дружины, начало власти, чуждое вѣчу, часто ему враждебное. Но и этотъ, новый, представитель верховной власти, является представителемъ не города только, какъ отдѣльнаго цѣлаго, а волости, княженія, ему противополагается не вѣче отдѣльнаго даннаго города, а цѣлой земли, волости, во главѣ которой, какъ я только-что замѣтилъ, онъ стоитъ; вѣче главнаго города, являясь властью государственно-земскою, сталкивается съ властью князя; борьба между этими двумя властями, двумя началами: земскимъ, вѣчевымъ и княжескимъ, дружиннымъ, была неизбѣжна. Удѣльно-вѣчевой строй Руси — результатъ этой борьбы, въ которой элементъ княжеско-дружинный одержалъ побѣду, и пышно разцвѣлъ съ паденіемъ перваго элемента, земскаго. Вмѣстѣ съ паденіемъ вѣча, какъ олицетворенія народнаго земскаго начала, долженъ былъ пасть и городъ — государство: лишившись возможности выражать свою волю, онъ теряетъ всякое политическое значеніе, а вмѣстѣ съ нимъ—и земское, такъ какъ онъ не успѣлъ къ XIV в., времени усиленію московскихъ князей, выработаться на столько, чтобы быть въ состояніи выдѣлить интересы чисто мѣстные — изъ интересовъ политическихъ—государственныхъ и тѣ и другіе тѣсно сливались; власти мѣстныя и государственныя олицетворялись въ однихъ и тѣхъ же учрежденіяхъ и лицахъ, и потому, паденіе государства—города должно было повлечь за собою и паденіе города, какъ мѣстной автономической единицы.

Характеръ города въ удѣльно-вѣчевой періодъ, направленіе, въ которомъ онъ развивался за этотъ періодъ, наиболѣе полно выразились въ исторіи Новгорода и Пскова, развивавшихся при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ остальные города современной сѣверо-восточной и юго-западной Руси, ускользнувшихъ изъ подъ вліянія такихъ тяжелыхъ «политическихъ бѣдствій», какъ татарское завоеваніе. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, названные го-

рода имѣли возможность послѣдовательно, если и не до конца, то по крайней мѣрѣ до предѣловъ возможнаго, провести и развить начало государственно-вѣчеваго строя удѣльнаго періода. Эти два города служатъ яркимъ типомъ удѣльно-вѣчеваго города—государства; вотъ почему, я и останавливаюсь на нихъ нѣсколько времени, чтобы въ немногихъ словахъ опредѣлить значеніе города въ удѣльно-вѣчевой, до-московскій періодъ нашей исторіи, а вмѣстѣ указать и тотъ вѣроятный результатъ, котораго достигли бы всѣ города Руси того времени, еслибы развитіе ея политическаго строя, благодаря многимъ, сложнымъ причинамъ, не повернуло слишкомъ круто на новый путь.

Однимъ изъ первыхъ благопріятныхъ для развитія Новгорода и Пскова обстоятельствъ было, мнѣ кажется, то обстоятельство, что первые представители княжеской власти и дружиннаго элемента съ сѣвера воднаго пути «изъ варягъ въ Греки» перекочевали на югъ его; названные города, такимъ образомъ, оставались болѣе или менѣе внѣ сцены безпрерывныхъ войнъ удѣльно-вѣчеваго періода, вообще, сравнительно мало на нихъ отразившихся. Далѣе, избѣжавъ, какъ уже замѣтилъ, татарскаго погрома, Новгородъ могъ почти безпрепятственно идти по разъ проложенному пути быстраго развитія торговли; онъ, а за нимъ и Псковъ—дѣйствительно «процвѣтали».

До XII вѣка отношеніе Новгорода, его вѣча, къ князю едвали сколько нибудь отличались отъ подобныхъ же отношеній къ нему остальныхъ городовъ Руси; но съ первой половины XII ст. отношенія эти сильно измѣняются и притомъ—не въ пользу князя [1]). Съ этого времени перевѣсъ переходитъ на сторону вѣча, и политическій строй, опредѣлявшійся, какъ я уже замѣтилъ, во всѣхъ волостяхъ Руси взаимнымъ отношеніемъ началъ княжескаго и вѣчеваго, притомъ съ преобладаніемъ перваго, опредѣляется теперь въ Новгородѣ силой и властью вѣча, въ рукахъ котораго—верховная власть. Городъ дѣлается городомъ—государствомъ, господиномъ Великимъ Новгородомъ; а если князь и составляетъ еще необходимое звено въ его политической организаціи, то онъ является не больше, какъ представителемъ господина Великаго Новгорода, властью производною, властью, источникъ и ограниченія которой лежатъ въ волѣ

---

[1]) *Бѣляевъ*. II. 188. *Сергѣевичъ*: Вѣче и Князь. 364—365.

этого «господина», въ волѣ, выражающейся чрезъ посредство вѣча [1]). Князь, занимая столъ новгородскій, цѣлуетъ передъ вѣчемъ крестъ въ томъ, что будетъ княжить «по старинѣ и пошлинѣ». [2]) Вѣче является единственною первичною, такъ сказать, непроизводною, никѣмъ и ничѣмъ неограниченною властью, прямымъ выраженіемъ воли самаго господина Великаго Новгорода; властью, отъ которой зависятъ, которая избираетъ и назначаетъ всѣхъ остальныхъ представителей власти, не исключая и князя [3]). Взглянемъ, какъ организована эта верховная власть Новгорода; есть ли она власть только политическая, государственная или вмѣстѣ и земская; если она—власть того и другаго характера, то въ какомъ отношеніи другъ другу проявляются въ ней оба эти начала—земское и государственное, какъ выражаются они вообще въ организаціи всѣхъ общественныхъ властей Новгорода?

Обладая огромной территоріей, «землей», господинъ Великій Новгородъ являлся политическимъ центромъ этой территоріи, пунктомъ, къ которому тяготѣла вся эта «земля»; въ его рукахъ вся политическая, государственная власть этой «земли». [4]) Вѣче, какъ органъ этой власти, есть, поэтому, прежде всего учрежденіе государственное: оно избираетъ князя для всей новгородской земли, оно избираетъ посадника, власть котораго, какъ и князя, не ограничивается лишь предѣлами Новгорода, какъ города, какъ мѣстной земской единицы; вѣче же избираетъ владыку, какъ пастыря всей земли новгородской; [5]) однимъ словомъ, вѣче Великаго Новгорода не было властью только мѣстною, но и чисто государственною въ силу чего въ немъ могли участвовать не одни только жители Новгорода, но и его пригородовъ [6]). Но въ тоже самое время эта государственная,

---

[1]) *Никитскій* псковскаго князя прямо называетъ „только слугою вѣча", впрочемъ, главнымъ. Оч. внутрен. ист. Пскова. 120.

[2]) Собр. важн. памятн. *Утина и Лазаревскаго.* 124.

[3]) *Н. Костомаровъ.* Сѣвернорус. народопр. II. 35, 37. *Бѣляевъ.* II. 145—146. *Бестужевъ-Рюминъ*: Русская Исторія. I. 335.

[4]) *Никитскій*: Очеркъ внутрен. исторіи Пскова. 58. *Костомаровъ*: Сѣвернорус. народопр. II. 56, 62. *Бѣляевъ.* II. 185.

[5]) *Бѣляевъ.* II. 145 — 146, III. *Костомаровъ*: Сѣв. народопр. II. 37, 277.

[6]) *Бѣляевъ*: II. 153. Участіе пригородовъ въ Новгородскомъ вѣчѣ не

верховная власть всей земли новгородской, — была и земскою, мѣстною общественною властью. Если во всѣхъ, дошедшихъ до насъ, извѣстіяхъ о новгородскомъ общественномъ строѣ очень мало и рѣдко говорится о земскомъ, мѣстномъ бытѣ его, то потому, что эта сторона быта, его мѣстные общественные нужды и интересы находились еще въ зародышевомъ, если можно такъ выразиться, состояніи. Во вторыхъ — новгородцы и ихъ вѣче были слишкомъ заняты своею ролью властелина, своей государственной властью; интересы политическіе затирали здѣсь интересы мѣстно-общинные, которые имѣли возможность вполнѣ проявиться только въ дѣятельности пригородныхъ вѣчъ, обязанныхъ въ дѣлахъ государственныхъ подчиняться вѣчу новгородскому. [1]) Политическій, государственный духъ проникалъ и всѣ общественныя должности господина Великаго Новгорода; даже кончанскіе, уличанскіе и купецкіе общинные старосты — должностныя лица, казалось бы, уже по самому имени, чисто мѣстныя, общинныя — являются однако властями и съ характеромъ политически-государственнымъ [2]). Даже биричи и подвойскіе, прямое назначеніе которыхъ — исполненіе рѣшеній и приговоровъ вѣча и должностныхъ лицъ, имъ избранныхъ, нерѣдко являются въ роли общественно — государственныхъ дѣятелей [3]). Этотъ духъ государственности, если можно такъ выразиться, до того глубоко проникалъ въ общественный бытъ Новгорода, что даже отдѣльныя, территоріальныя общины его, также какъ и Пскова, облекались государственною властью; и ихъ власть простиралась за предѣлы мѣстныхъ общинныхъ интересовъ: къ концамъ Новгорода и Пскова приписывались части «земли» этихъ городовъ [4]).

Политическій строй Пскова, бывшаго сначала пригородомъ Великаго Новгорода, а потомъ поднявшагося до степени «молодшаго брата» его, господина Пскова, совершенно однороденъ со строемъ своего старшаго брата и онъ точно также является ничѣмъ инымъ

было однако явленіемъ точно опредѣленнымъ. Отсюда и разногласіе нашихъ изслѣдователей Новгородскаго быта. См. *Н. Костомаровъ*. II. 39.

[1]) *Бѣляевъ*: II. 153.

[2]) Ibid. 178, и 5.

[3]) Ibid. 181.

[4]) *Никитскій*: Очеркъ внутр. ист Пскова. 60. *Бѣляевъ*. III. 8.

какъ городомъ—государствомъ, въ которомъ государственные интересы преобладаютъ надъ всѣми остальными.

Такимъ образомъ, нашъ городъ до московскаго періода по сущности подобенъ средневѣковому городу Западной Европы: и тотъ и другой является городомъ-государствомъ, т. е. по преимуществу, если не исключительно организмомъ государственнымъ.

Самая организація верховной власти Новгорода и Пскова, ихъ вѣча, обусловливалась фактическимъ состояніемъ общества этихъ городовъ, составомъ ихъ населенія, характеръ котораго отражался и на властяхъ производныхъ, выборныхъ, начиная отъ посадника и кончая уличанскимъ старостою. Между исторически сложившимися слоями населенія этихъ двухъ городовъ—лучшими людьми или боярами, купцами и черными людьми—политическое значеніе и власть, какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Псковѣ, находились въ рукахъ первыхъ двухъ слоевъ—бояръ и купцовъ. Всевластное вѣче, участвовать въ которомъ могли всѣ жители Великаго Новгорода, имѣвшіе въ немъ осѣдлость, [1]) въ сущности было въ рукахъ бояръ, составлявшихъ, въ численномъ отношеніи меньшинство его; большинство же вѣча, «мужики» являлись не болѣе какъ сторонниками той или другой партіи бояръ. Партіи вѣчевыя по своей сущности были ничѣмъ инымъ какъ боярскими партіями, партіями лучшихъ людей, по отношенію къ которымъ черные люди стояли почти въ отношеніяхъ кліентовъ. Всѣ общественныя должности были въ рукахъ тѣхъ же «лучшихъ» людей: посадники, тысяцкіе, сотскіе, даже кончанскіе и уличанскіе старосты, избирались изъ бояръ [2]). Административный Совѣтъ, состоявшій при посадникѣ и тысяцкомъ, Совѣтъ, въ существованіи котораго не сомнѣвается Н. И. Костомаровъ [3]), составлялся также исключительно изъ бояръ, Herren, какъ называютъ ихъ нѣмецкіе источники [4]). Такимъ образомъ, вся общинно-политическая власть города-государ-

---

[1]) *Бѣляевъ*: II. 147; III. 100.

[2]) *Бѣляевъ*: II: 159, 161, 172 и 176.

[3]) Сѣв. рус. Народопр. II. 23. *Никитскій* вмѣстѣ съ *Соловьевымъ* (III. 28) тоже принимаютъ существованіе такого Совѣта. Никитскій утверждаетъ его существованіе какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Псковѣ. Оч. внутр. ист. Пскова. 142—144.

[4]) *Костомаровъ*. Ibid. *Никитскій*. 144.

ства находится въ рукахъ высшаго, самаго богатаго слоя новгородско-псковскаго населенія—бояръ, [1]) значеніе которыхъ основывалось на ихъ собственности, притомъ, собственности поземельной [2]). Поземельная собственность за этотъ періодъ составляла главную, если не исключительную основу политическаго значенія во всей тогдашней Руси [3]). Новгородъ и Псковъ, не смотря на значичительное развитіе въ нихъ торговли, не представляли собою въ этомъ отношеніи исключенія: поземельная собственность и въ нихъ давала, преимущественно передъ другими видами собственности, обладающимъ ею политическое значеніе; и если купцы этихъ городовъ получаютъ болѣе или менѣе важное значеніе въ политическомъ строѣ ихъ, то, я думаю, благодаря скорѣе тому обстоятельству, что они въ тоже время, въ большинствѣ случаевъ, если не всегда, были и поземельными собственниками, чѣмъ тому, что они были представителями капитала. Если значеніе купцовъ, представителей торговли, принимавшей иногда солидные размѣры, было, сравнительно съ значеніемъ бояръ, очень не велико въ политическомъ отношеніи, то о значеніи промышленниковъ не приходится и говорить; обработывающая промышленность, во всѣхъ видахъ ея находилась еще въ зачаточномъ состояніи и была занятіемъ и средствомъ къ жизни черныхъ людей.

Въ такомъ состояніи застало общественно-политическій строй господина Великаго Новгорода и его младшаге брата, Пскова, XV столѣтіе. Это было состояніе полнаго смѣшенія политической и мѣстно-земской сторонъ общественно-государственной жизни, состояніе города-государства, верховная власть котораго еще не успѣла болѣе или менѣе ярко очертиться и выработаться: въ рукахъ одного и того же учрежденія, одного и тогоже лица сливались всѣ составные элементы верховной власти: вѣче, князь, посадникъ являлись въ одно и тоже время—законодателями, судьями администраторами. Въ этомъ, такъ сказать, зачаточномъ состояніи пало новгородское государство, «осподинъ» Великій-Новгородъ, а вмѣ-

---

[1]) Имѣли нѣкоторое вліяніе зажиточные „пошлые“ купцы, входившіе въ составъ торговыхъ общинъ. *Бѣляевъ*. II. 69—74.

[2]) *Костомаровъ*. Ibid. 21—22.

[3]) *Сергѣевичъ*. Вѣче и Князь. 27.

стѣ съ нимъ — и Новгородъ — городъ, какъ мѣстная автономическая единица. Бывшій пригородъ Новгорода, его младшій братъ, Псковъ не ушелъ дальше своего старшаго брата, бывшаго господина, относительно фактическаго состоянія общества и взаимнаго отношенія политическихъ и мѣстныхъ интересовъ: и въ немъ тѣже слои общества, тѣже отношенія между ними [1]), тоже зачаточное состояніе промышленнаго слоя, слоя черныхъ людей. Но въ политической организаціи этого города - государства, нельзя, мнѣ кажется, не видѣть нѣкотораго шага впередъ: здѣсь мы видимъ что-то въ родѣ попытки раздѣленія властей; [2]) это послѣднее обстоятельство въ высшей степени важно, если только можетъ быть признано за неоспоримый фактъ: оно указываетъ, что Новгородъ и Псковъ, въ періодъ ихъ паденія, не стояли, если можно такъ выразиться, на точкѣ замерзанія относительно политическаго строя; оно указываетъ, что заключеніе объ этихъ городахъ - государствахъ, какъ окончательно неспособныхъ къ развитію и такъ сказать приговоренныхъ самою сущностью своего строя къ паденію—едва ли не слишкомъ смѣлы.

Вся разница между Новгородомъ и Псковомъ и остальными городами удѣльно-вѣчеваго періода, какъ я уже замѣтилъ, лишь въ томъ, что первые могли нѣсколько дольше просуществовать, развить въ себѣ то, что не успѣло развиться въ послѣднихъ; поэтому, не будетъ слишкомъ смѣлымъ предположеніемъ, что сущность политическаго строя всѣхъ городовъ удѣльно-вѣчеваго періода исторіи Руси—одна и таже и совершенно однородна съ сущностью этого строя въ Новгородѣ и Псковѣ и что ихъ развитіе, будь оно возможно, шло бы въ такомъ же духѣ и направленіи, какъ и политическое развитіе двухъ названныхъ городовъ. Но развитіе этой сущности было въ нихъ невозможно: княжеская власть одержала

---

[1]) Относительно этого вопроса два изслѣдователя Псковскаго быта— *Бѣляевъ* и *Никитскій* расходятся въ мнѣніяхъ. *Бѣляевъ* (Ш. 40—47) думаетъ, что политическая организація Пскова—болѣе демократическаго характера въ сравненіи съ организаціей Новгорода; что здѣсь бояре-землевладѣльцы имѣли гораздо меньше значенія, а купцы, наоборотъ, больше, чѣмъ тамъ. *Никитскій* же, (141, 146—147) наоборотъ, доказываетъ, что въ Псковѣ бояре имѣли тоже значеніе, что и въ Новгородѣ.

[2]) *Никитскій*: 137, и прим. 1.

полную, безусловную побѣду надъ властью вѣча, какъ органомъ народной воли [1]).

Если Новгородъ и Псковъ, независимый, государственно-вѣчевой бытъ которыхъ просуществовалъ до XV стол., не выработали адмистраціи настолько, чтобы городъ могъ выдѣлиться въ качествѣ самостоятельнаго мѣстнаго организма, автономической земской единицы, то, понятно, что должны были представлять собою города остальной Руси въ этомъ отношеніи. Если за этотъ періодъ и говорится иногда въ источникахъ о городѣ, какъ объ административномъ подраздѣленіи, округѣ, опредѣленной волости или княжества, то въ этомъ случаѣ подъ нимъ никакъ не слѣдуетъ понимать административный округъ состоявшій изъ города только съ его посадомъ; подъ городомъ въ этомъ случаѣ разумѣется цѣлый округъ, уѣздъ, состоявшій изъ самаго города и окружавшихъ его селъ и деревень; [2]) посадникъ, представитель князя, жившій въ городѣ, являлся властью не города только, а именно такого уѣзда, центромъ котораго были данный городъ [3]).

Состояніе Новгорода и Пскова наканунѣ ихъ паденія, какъ я не разъ замѣчалъ, было типомъ состоянія всѣхъ городовъ Руси до усиленія княжеской власти; эти два «осподина» были послѣдними могиканами стараго, до московскаго, политическаго строя, ру-

---

[1]) „Народъ и князь два одинаково существенныхъ элемента древнерусскаго общественнаго быта: съ одной стороны, народъ не можетъ жить безъ князя, съ другой—главную силу князя составляетъ тотъ же народъ". Этими словами проф. Сергѣевичъ начинаетъ первую главу своего извѣстнаго сочиненія „Вѣче и Князь". Развивая свою мысль дальше, авторъ говоритъ, что вѣче, какъ форма проявленія участія народа въ дѣлахъ общественныхъ, имѣло, стало быть, мѣсто вездѣ на Руси и во весь періодъ господства князей Рюриковичей. Едва-ли можно согласиться съ авторомъ по этому вопросу: изъ всѣхъ, собранныхъ имъ доказательствъ, можно вывести лишь одно: вѣче, за этотъ періодъ, существовало во всѣхъ городахъ — небольше; утверждать, что вѣче во всѣхъ городахъ имѣло одинаковое политическое значеніе, совершенно равное значенію князя, что отношеніе между вѣчевою и княжескою властью есть отношеніе равныхъ силъ во всѣхъ городахъ и до самаго московскаго періода — едва-ли справедливо.

[2]) *Сергѣевичъ*: Вѣче и князь 338 и 339 и прим. 15.

[3]) Ibid.

шившагося окончательно вмѣстѣ съ ихъ паденіемъ. Чѣмъ же оказался городъ въ періодъ московскій, въ періодъ полнаго объединенія Руси? Каждое княжество, и центръ его, городъ, теряютъ политическую самостоятельность; лишившись ея, городъ распался на его составныя части—отдѣльныя, мелкія общины; единственное связующее начало—вѣче, какъ выраженіе воли всего населенія—исчезаетъ; власть политическая, государственная переходитъ въ Москву, туда же переходятъ всѣ общіе, политическіе интересы, а мѣстныхъ нуждъ и интересовъ городское управленіе не успѣло выработать; въ этомъ отношеніи оно не пошло дальше образованія такихъ общинъ, какъ концы Новгорода и Пскова, подраздѣлявшіеся на улицы; каждая изъ этихъ общинъ организовалась болѣе или менѣе правильно, и имѣла свои вѣча, свои выборныя власти; но и эти общины, какъ мы видѣли, не были исключительно органами мѣстныхъ интересовъ, и онѣ стремились вліять на ходъ государственныхъ дѣлъ; ихъ собственныя нужды и интересы едва еще начинаютъ развиваться. Эти-то отдѣльныя общины, лишившіяся связующаго начала въ государственномъ вѣчѣ, стали лицомъ къ лицу съ центральной московской властью, которая не замедлила ими воспользоваться въ видахъ интересовъ государственныхъ; всѣ правительственныя мѣры московскаго періода и петербургскаго—до конца XVIII ст.—носятъ одинъ и тотъ же характеръ, имѣютъ въ виду одну и ту же цѣль — обратить эти общины, каждую въ отдѣльности, въ государственныя административно-тяглыя единицы, возложить на нихъ «службу государеву».

Единая для всей Руси власть московскаго князя, а потомъ царя, не могла содѣйствовать слiянію отдѣльныхъ общинъ городскаго населенія въ одну городскую общину; наоборотъ, всѣ мѣры власти, предпринимаемыя относительно городскаго населенія, должны были неминуемо вести къ полному разъединенію этихъ общинъ, именно благодаря тѣмъ цѣлямъ, къ которымъ направлялись ея мѣры.

Такое объединеніе возможно было только путемъ самодѣятельнаго, активнаго развитія городскаго торгово-промышленнаго населенія, возможнаго въ свою очередь лишь при развитіи торговли и промысловъ, а вмѣстѣ и благосостоянія въ средѣ городскаго насе-

ленія, какъ на это указываетъ исторія западно-европейскихъ городовъ.

А въ какомъ состояніи за московскій періодъ находились торговля и промышленность Россіи, въ какой степени городское-посадское населеніе этого времени обладали благосостояніемъ? Припомнимъ, что это было за время въ исторіи Россіи: это время — сложеніе единаго государства, время борьбы внутренней—московскаго князя съ удѣльными, съ «господами» Новгородомъ и Псковомъ; время борьбы съ врагами внѣшними — съ татарами, извлекавшими не мало соковъ изъ русской земли съ ея населеніемъ. Эта борьба ради объединенія и за независимость занимаютъ почти два вѣка. Слѣдующій за ними, XVI вѣкъ, не принесъ съ собой покоя: еще не успѣло московское княжество кончить объединеніе, едва успѣло оно стряхнуть съ себя тяжелый гнетъ татаръ, какъ должно было начать новую борьбу съ могущественнымъ сосѣдомъ на западѣ — Литвой-Польшей, борьбу, которая закончилась страшнымъ раззореніемъ всей Руси, раззореніемъ, отъ котораго Русь едва въ состояніи была оправиться въ теченіи XVII в.—Могли ли торговля и промышленность, эти могучіе и единственные рычаги-двигатели общественно-городской жизни, идти впередъ въ это тяжелое время постоянныхъ войнъ?

Мы знаемъ, чѣмъ кончилась борьба за объединеніе: она повела за собой паденіе такихъ городовъ, какъ Тверь, какъ Новгородъ со Псковомъ. Я не имѣю здѣсь въ виду ихъ политическаго паденія; я говорю о паденіи ихъ, какъ торговыхъ центровъ. Мы знаемъ, что сталось съ Новгородомъ и Псковомъ по переселеніи изъ нихъ въ Москву ихъ богатѣйшихъ представителей торговли. Набѣги татаръ, раззореніе ими самаго «сердца» Россіи, Москвы, даже послѣ Мамаева побоища, не могли не отразиться на состояніи торговли и промышленности. Смутное время не только задержало развитіе той и другой, но въ большинствѣ городовъ съ корнемъ вырвало самые зачатки ихъ: города обезлюдѣли. А между тѣмъ, слагавшееся государство нуждалось въ громадныхъ средствахъ: налоги и поборы росли съ каждымъ годомъ. Оно нуждалось не только въ деньгахъ, не только въ платежной силѣ подданныхъ, но и въ самыхъ людяхъ, въ ихъ личномъ трудѣ, и потому, лучшія земскія силы должно было отвлекать отъ мѣстныхъ общинныхъ интересовъ на

службу себѣ. Въ средѣ городскихъ торгово-промышленныхъ общинъ оно вербуетъ «лучшихъ» людей на службу государству, «ради береженія» доходовъ государевыхъ, которыхъ не щадили приказные люди, относившіеся одинаково безцеремонно какъ къ государевой казнѣ, такъ и къ собственности посадскихъ. Но и эти всякаго рода «излюбленные» государевы слуги, земскіе люди по выбору, ложились, какъ и «приказные», тѣмъ же гнетомъ на своихъ избирателей: оторванные отъ мѣстныхъ земскихъ нуждъ, интересовъ, несознавшіе ни того, ни другаго, они не понимали и не сознавали нуждъ и потребностей государства, и являлись не болѣе, какъ слугами, обремененными тяжелыми обязанностями, шедшими въ разрѣзъ съ ихъ личными интересами и благосостояніемъ. Понятно, какъ они относились къ этимъ обязанностямъ. Они, въ сущности, раззоряютъ то, что призваны созидать: къ непосильнымъ для населенія налогамъ и пошлинамъ государственнымъ присоединяются и не менѣе непосильные для него поборы этихъ «излюбленныхъ». Всѣ эти сборы и пошлины уходили на удовлетвореніе нуждъ исключительно государственныхъ—на ратное дѣло и администрацію, на содержаніе ратныхъ и приказныхъ людей. Земскія, мѣстныя нужды и потребности, не сознававшіеся самимъ обществомъ, не сознавались и правительствомъ. Торговля и промышленность не находили со стороны государства никакого поощренія и поддержки: пути сообщенія оставались въ первобытномъ состояніи. Въ то время, какъ въ Западной Европѣ этого времени мы видимъ торговлю и промысла въ полномъ развитіи, въ то время, какъ каждый западноевропейскій городъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлый рядъ всевозможныхъ средствъ къ облегченію торговыхъ сношеній и сдѣлокъ, рядъ учрежденій, непосредственно служащихъ торгово-промышленнымъ цѣлямъ; въ это время наше городское торгово-промышленное населеніе находилось въ самомъ безпомощномъ состояніи. Будучи само безсильно, со стороны государства оно не находило никакой поддержки, послѣднее заботилось о немъ лишь исключительно со своей узкой финансовой точки зрѣнія. Оно видѣло въ немъ исключительно податную и служебную силы, которыя всегда должны быть количественно въ «полнотѣ»; къ этой-то непосредственно цѣли — дабы общины посадскихъ не «истерялись» и направлены всѣ мѣры московскаго государства. Въ самой торговлѣ,

въ промышленности государство видѣло опять-таки не больше, какъ средство къ увеличенію собственныхъ доходовъ и регулировало то и другое, именно съ этой финансовой точки зрѣнія и сильно тормозило развитіе торговли и промышленности. Заставы и таможни для сбора пошлинъ ставились чуть не на каждомъ шагу; система откуповъ доходила до такихъ всеобъемлющихъ размѣровъ, что ужасала иногда само правительство, и оно старалось нѣсколько посдержать пылъ своихъ мѣстныхъ представителей [1]. Ко всему этому присоединяются монополіи и привилегіи иностранцевъ, особенно англичанъ, въ руки которыхъ переходитъ вся оптовая торговля сырыми произведеніями тогдашней Россіи и издѣліями западно-европейской промышленности; это обстоятельство вредитъ развитію внутренней торговли и промышенности едвали не болѣе всѣхъ остальныхъ. Если ко всему этому прибавить почти полное безправіе того времени: «насилія воеводъ и всякихъ сильныхъ людей, дурное состояніе правосудія» подъ сѣнью всеобщаго невѣжества, то будетъ совершенно понятно плачевное состояніе посадскаго населенія въ московскій періодъ нашей исторіи.

Если въ такомъ печальномъ состояніи находился торговый слой посадскаго населенія, то его промышленный, ремесленный классъ представлялъ собою еще болѣе жалкое явленіе. Потребности раззореннаго русскаго общества того времени, даже его высшихъ слоевъ, очень не велики, да и тѣ удовлетворялись почти повсюду, такъ сказать, домашними средствами: у бояръ—руками рабовъ холопей, въ нисшихъ слояхъ—своими собственными [2].

---

[1]) Вотъ что говоритъ объ откупахъ царская грамота 1639 г.: „въ городахъ, приписанныхъ къ приказу Новгородской чести, въ недавнее время взяты на откупъ квасъ, сусло, брага, ботвинья, хмѣльное, сѣнное трушенье, овесъ, деготь и другіе мелкіе промыслы, которыми въ городахъ живутъ, кормятся и тягло платятъ посадскіе и всякіе жилецкіе люди... которые теперь (благодаря этимъ откупамъ) оскудѣли... государь указалъ эти откупа отставить. Въ Псковѣ въ 1628 даже занятіе площадныхъ подъячихъ — на откупу. Ист. Росіи *Соловьева*: IX, 412. Въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича отъ 1654 говорится о томъ же разнообразіи откуповъ, „отъ которыхъ чинится безторжица и убытки великіе... понеже тіи откупщики враги богу и человѣку“. Др. рос. Вивл. Новикова. VIII. 102.

[2]) *Корсакъ*: О формахъ промышленности 101—102.

Благодаря такому состоянію въ государствѣ торговли и промышленности, посадское населеніе городовъ этого періода вовсе не состояло исключительно изъ торговцевъ и промышленниковъ. Значительную часть его составляли землепашцы [1]); отсюда понятно, и особенно если принять во вниманіе, что въ селахъ и даже деревняхъ имѣли мѣсто и промышленность, и торговля [2]), что городское населеніе за этотъ періодъ времени очень и очень немногимъ отличалось отъ сельскаго населенія какъ въ экономическомъ отношеніи, такъ и вообще по характеру и образу жизни, а стало быть и по развитію. Понятно, что при такомъ положеніи вещей города даннаго періода — отъ XIV до XVIII в. — не представляли собою, за исключеніемъ Москвы, да развѣ Новгорода и Пскова, чего-либо выдающагося ни по количеству ихъ населенія, ни по благосостоянію этого населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ни по внѣшему виду, благоустройству. Въ концѣ XV и началѣ XVI ст., какъ свидѣтельствуютъ писцовыя книги, были города, на посадахъ которыхъ число дворовъ, какъ напр. въ Копорьѣ, не шло дальше 12, самое населеніе которыхъ ограничивалось 12 же тяглыми душами [3]). Въ огромномъ большинствѣ городовъ число посадскихъ, торгово-промышленныхъ людей и земледѣльцевъ не шло дальше ста, двухсотъ человѣкъ [4]). Конецъ XVI и начало XVII ст., періодъ смутнаго времени, сильно повліяли на количество городскаго населенія, посады многихъ и многихъ городовъ за этотъ періодъ обратились «изъ-жива въ пусто» [5]). Большинство этого немногочис-

---

[1]) *Соловьевъ*: Русскій городъ въ XVII в.: въ 1681 г. миряне съ земскимъ старостой приговорили: „раздѣлить пахатную землю во всѣхъ шуйскихъ трехъ поляхъ... впредь на 10 лѣтъ“ Совр. 1853 г. № 1 стр. 17.

[2]) *Соловьевъ*: Ист. Рос. VII. 58.

[3]) Новгородскія писцовыя книги III. 494. Во второй половинѣ XVII в. существовали города, число посадскихъ въ которыхъ не превышало 10, 9, даже трехъ человѣкъ. *Соловьевъ*: Ист. Рос. XIII. Приложенія XIII. Въ этихъ же приложеніяхъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ городовъ, въ которыхъ нѣтъ ни души посадскихъ, а все населеніе ограничивается служилыми людьми, но это — исключительно города-крѣпости: *Козельскъ, Мценскъ* и др. *Ibid.*

[4]) Нов. Писц. кн. III—879,957. *Соловьевъ*: V. 232 (1855 г.) и прилож. къ XIII гл. *Хлѣбниковъ*: Вліяніе общ. на организацію гос. 82.

[5]) *Соловьевъ*: VII (1861 г.) 48 и IX (1859) 410—411. *Хлѣбниковъ*. Ibid. 75.

леннаго городскаго населенія не пользовалось даже и средней руки благосостояніемъ, рискуя не сегодня—завтра «въ конецъ погибнуть». Большинство городовъ и по внѣшнему виду отличалось отъ селъ и деревень развѣ только количествомъ избъ-хоромъ, да церквей и въ этомъ видѣ оставались до конца даннаго періода [1]). Понятно, послѣ этого, что такое жалкое посадское населеніе, хотя и отличавшееся нѣсколько по образу жизни и характеру вообще, не могло придать этому, нѣсколько отличному отъ сельскаго, состоянію своему «праваго выраженія, ни во внутреннемъ устройствѣ, ни въ своихъ отношеніяхъ къ государству»; оно не было для этого достаточно сильно; не обладало настолько развитіемъ и энергіей, чтобы создать потребности и найти способы къ удовлетворенію этихъ потребностей; всѣ его немногія силы и способности уходили на удовлетвореніе нуждъ государства.

Правительство и его мѣстные органы дѣлаются въ Россіи этого времени единственною живою силою, силою, обладающею какими-либо средствами, силою всенаправляющею и регулирующею, мало того, даже силою созидающею. Посмотримъ, что было сдѣлано этою силою относительно городовъ.

Всѣ государственныя должности XVII в. можно раздѣлить на двѣ категоріи — собственно приказныя и, если можно употребить такое выраженіе, общинно-приказныя, приказныя-выборныя, земскія. Посмотримъ, насколько каждая изъ этихъ категорій могла содѣйствовать и дѣйствительно содѣйствовала выдѣленію города, какъ особой единицы, особаго административнаго цѣлаго, имѣющаго своихъ особыхъ органовъ и представителей.

Начиная съ XIV в. имя посадниковъ, замѣщавшихъ собою князя въ волостяхъ въ удѣльно-вѣчевой періодъ, мы болѣе не встрѣчаемъ [2]); съ этого времени представители князя, органы мѣстнаго управленія уже носятъ названіе намѣстниковъ и волостелей до конца XVI и начала XVII в., когда имъ на смѣну явились воеводы [3]). Намѣстники съ волостелями оставались такими же мѣст-

[1]) *Соловьевъ*: V. 231 и 232; VII—49; XIII. 97.

[2]) *Сергѣевичъ*: Вѣче и Князь. 366.

[3]) Точно опредѣлить время установленія воеводскаго управленія едва-ли возможно. См. *Градовскій*: Ист. мѣст· упр. 287. *Дмитріевъ*: Ист. суд. инст. 74.

ными представителями центральной власти князя, а потомъ царя московскаго.

Въ города назначались намѣстники, но это не значило, что они являлись представителями князя только въ городѣ, какъ особомъ цѣломъ; они были мѣстными органами администраціи въ цѣломъ округѣ, въ которомъ городъ являлся лишь центромъ, гдѣ сосредоточивалась вся администрація округа [1]). Въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, какъ я уже замѣтилъ, намѣстниковъ замѣняютъ воеводы; порядокъ вещей однако остается тотъ же, и воевода, подобно своимъ предшественникамъ—посадникамъ и намѣстникамъ—остается администраторомъ лишь живущимъ въ городѣ, но распространяющимъ свою власть далеко за предѣлы его [2]).

Губные старосты, по характеру выборовъ чисто земскія всесословныя должностныя лица, и приказныя, государственныя—по характеру службы, явившіяся еще при Иванѣ Грозномъ и сдѣлавшіяся повсемѣстнымъ учрежденіемъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ [3]), будучи сначала органами полицейской, а потомъ и судебной власти, были опять-таки властью, никакъ не исключительно городскою, а уѣздною (губа совпадала съ уѣздомъ, говоритъ Чичеринъ), какъ по выбору, такъ и по территоріи, подлежащей ихъ власти [4]); а замѣняя впослѣдствіи во многихъ городахъ воеводу, они заступали послѣдняго, разумѣется, во всѣхъ отношеніяхъ, стало быть и въ административномъ, и притомъ, на всемъ пространствѣ, подлежащемъ вѣдомству воеводъ. Слѣдовательно, и учрежденіе земско-государственной тяглой должности губнаго старосты не повело къ выдѣленію города въ особое административное цѣлое [5]).

Всѣ выборныя должностныя лица этого времени были лицами,

---

[1]) *Сергѣевичъ*: 366. *Дмитріевъ*: Ист. суд. инст. 13. *Чичеринъ*: Обл. учр. 4.

[2]) *Чичеринъ*: Обл. учр. 88, 92. *Дмитріевъ*: 315.

[3]) *Чичеринъ*: Обл. учр. 451. *Дмитріевъ* считаетъ это учрежденіе повсемѣстнымъ со временъ Ивана же Грознаго. Ист. суд. инст. 53.

[4]) *Чичеринъ*. Обл. учр. 453.

[5]) Должностныя приказныя лица, подчиненныя воеводамъ, вѣдали обыкновенно часть города, какъ напр. прикащики до XVII ст. и городничіе въ XVII; тѣ и другіе вѣдали лишь городъ-крѣпость, Кремль; а объѣзжіе головы, вѣдали полицію безопасности въ городѣ. *Чичеринъ*: Обл. учр. 366—379.

подчиненными воеводамъ, и вѣдали или часть города, его сословныя и территоріальныя общины въ томъ или иномъ отношеніи; или же ихъ компетенція заходила за предѣлы города, простираясь и на уѣздныхъ людей; смотря по тому, какого рода была служба на нихъ возложенная: стояла ли она въ тѣсной, исключительной связи съ данной общиной, какъ напр., служба земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, вѣдавшихъ сборъ податей въ общинѣ, и мѣстныя общинныя повинности [1]); или же носила характеръ чисто государственный, какъ напр. должность таможенныхъ и вѣрныхъ головъ съ цѣловальниками; въ этомъ послѣднемъ случаѣ компетенція должностныхъ лицъ, по характеру выборовъ чисто мѣстныхъ, посадскихъ, выходила за предѣлы города-посада. Выборные изъ московскихъ торговыхъ людей гостиной и суконной сотень посылались головами къ сборамъ въ большіе города [2]): вообще, часто выборные одного города назначались въ другой; притомъ эти выборные городскихъ, посадскихъ людей часто посылались въ уѣздъ [3]); словомъ, эти выборныя должностныя лица не имѣли къ общинамъ, ихъ избиравшимъ никакихъ другихъ отношеній, кромѣ отношеній избираемыхъ къ избирателямъ, поставляющимъ ихъ къ извѣстному «государеву дѣлу».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что ни приказные, ни земско-выборные представители мѣстной администраціи разсматриваемаго періода не были администраторами города, какъ особой единицы; ни тѣ, ни другіе не вѣдали его, хотя бы въ объемѣ одной какой-либо отрасли тогдашней администраціи, какъ отдѣльное цѣлое: ихъ компетенція или не обнимала всего города, или уходила далеко за предѣлы его. Иначе и быть не могло. XVII вѣкъ—вѣкъ окончательнаго закрѣпощенія всѣхъ слоевъ населенія государственному тяглу, образованія изъ нихъ тяглыхъ сословій. Едва сложившемуся, раззоренному смутами самозванщины, государству нужны были громадныя средства: ему должны были служить всѣ и всемъ; все поглощалось «службой государевой»; служилые люди и крестьяне закрѣпощены этой службѣ, очередь стояла за посадскими людьми;

[1]) Ibid. 391, 506—507. Земскіе старосты и цѣловальники избирались лишь общинами посадскихъ черныхъ земель. 509—510.

[2]) *Чичеринъ:* Обл. учреж. 408.

[3]) Ibid. 410.

государство не замедлило закрѣпить и ихъ: понесло и городское население свое тягло, тягло государственныхъ службъ и повинностей, поглотившихъ всѣ его силы въ ущербъ мѣстнымъ нуждамъ и интересамъ. Закрѣпощая себѣ все населеніе, государство стремится имѣть дѣло не съ отдѣльными общинами, съ каждою порознь, а съ цѣлыми слоями населенія; оно стремится каждый слой, обращая его въ сословіе, обложить, такъ сказать, особыми, ему одному свойственными службами и повинностями: каждое сословіе несло свое особое, спеціальное тягло. Мѣстный представитель центральной приказной администраціи имѣлъ своей обязанностью не больше какъ наблюденіе, надзоръ за тѣмъ, чтобъ въ данной мѣстности, подчиненной его власти, каждое сословіе исправно тянуло свое тягло, исправляя «государевы службы», отбывая повинности. Воевода не только не объединялъ, такимъ образомъ, всего городскаго населенія въ одно цѣлое, но, напротивъ, вся его дѣятельность скорѣе направлялась на разъединеніе этого населенія. Будучи представителемъ центральной власти, онъ являлся eo ipso проводникомъ и хранителемъ началъ и принциповъ этой власти; слѣдя за строгимъ исполненіемъ каждымъ сословіемъ своихъ обязанностей въ уѣздѣ, воевода тоже самое дѣлалъ и въ городѣ: ему поручено было надзирать, чтобы ни посадскіе не шли въ служилые люди, за помѣщика и т. п., ни служилые люди и духовенство, не занимались промыслами на посадѣ и въ городѣ, не покупали посадскихъ земель и тѣмъ не обдѣляли бы ихъ; словомъ, воевода блюлъ цѣлость и полноту посадскихъ, служилыхъ людей, тѣхъ и другихъ отдѣльно, и не зналъ городскаго населенія въ его совокупности, города, какъ одного цѣлаго, какъ земской общины.

Эта дѣятельность воеводы, какъ я уже замѣтилъ, была только необходимымъ послѣдствіемъ дѣятельности центральной администраціи, которая, по отношенію къ городскому населенію, направлена была, какъ мы видѣли, къ разъединенію его путемъ установленія сословныхъ тяглъ. И въ самомъ дѣлѣ, образованіе городскаго — посадскаго тяглаго сословія, соединяя все торгово-промышленное населеніе Руси въ одно тяглое сословіе, тѣмъ самымъ образуетъ изъ посадскаго населенія каждаго города совершенно особую отъ остальнаго населенія группу, уничтожая этимъ всякую возможность объединенія всего городскаго населенія въ одну самостоятельную общину,

въ юридическое лицо. «Съ тѣхъ поръ, какъ служба стала тягломъ, лежавшимъ на цѣломъ сословіи, правительству уже нельзя было смѣшивать двухъ тяглъ—тягла служебнаго и чернаго. Одно тягло освобождало отъ другаго» [1]); вотъ почему, разъ установивъ сословно-тяглое начало, московское правительство должно было, оставаясь послѣдовательнымъ, упорно проводить его до конца и зорко слѣдить, чтобы каждое изъ сословій держалось строго—отдѣльно отъ другихъ; чтобы сословія эти не смѣшивались и тѣмъ не наносили государственнымъ интересамъ ущерба или по крайней мѣрѣ не производили путаницы въ финансово-тяглой и повинностно-служебной системѣ. Мало того, разъединяя населеніе уѣзда вообще, города въ частности, образованіе тяглыхъ сословій вообще, а система «государевъ службъ» въ особенности, разъединяло, дробило даже посадскія торгово-промышленныя общины и разъединяло ихъ двоякимъ путемъ. Во-первыхъ, существовавшее доселѣ только de facto различіе торгово-промышленнаго люда — на лучшихъ, середнихъ и молодшихъ обращается теперь изъ фактическаго въ юридическое: гости, купцы гостиной и суконной сотенъ, отличавшіеся до сихъ поръ отъ остальныхъ торгово-промышленныхъ людей посада лишь объемомъ производимой ими торговли, богатствомъ, пожалуй родовитостью, теперь являются людьми, рѣзко выдѣляющимися изъ всего посадскаго населенія по своимъ обязанностямъ, чисто государственнаго характера. Изъ нихъ образуется теперь родъ служилыхъ людей [2]) «царскихъ московскихъ и отъѣзжихъ службъ». Это обстоятельство совершенно почти выдѣляетъ ихъ, въ мѣстномъ отношеніи, изъ всей массы посадскаго населенія. Неся службы государевы, они освобождаются отъ службъ мѣстныхъ, мѣстнаго тягла [3]), и являются, въ этомъ отношеніи, привилегированнымъ сословіемъ, людьми «чинившимися» тѣмъ, что ихъ званіе, достоинство есть званіе и достоинство, дарованныя имъ самимъ государствомъ. Вотъ одинъ путь разъединенія самаго торгово-промышленнаго населенія. Другой путь этого разъединенія — скорѣе путь простаго раззоренія посадскихъ общинъ, — обращеніе ихъ «изъ жива въ пусто», что являлось ре-

---

[1]) *Градовскій:* Ист. мѣст. упр. 154—155.

[2]) *Плошинскій:* Город. или сред. состояніе рус. народ. 87, 114, 117. *Градовскій.* Ibid. 165, 167.

[3]) *Градовскій.* ibid. 156. *Хлѣбниковъ.* Вл. общ. на орган. гос. 78.

зультатомъ все того же государственно-тяглаго характера сословія торгово-промышленныхъ людей. Тяглый характеръ торгово-промышленнаго населенія посадовъ поставилъ это населеніе въ такое-же отношеніе къ ихъ общиннымъ обязанностямъ—тяглу, а правительство — въ такое же отношеніе къ этому населенію, какія мы видѣли въ городской муниципальной куріи временъ римской имперіи въ отношеніи ея членовъ къ ихъ правамъ и обязанностямъ и въ отношеніи императорской администраціи къ этой куріи. Проведеніе аналогіи между этими двумя общественно-государственными фактами едва-ли можетъ показаться дѣломъ рискованнымъ. И тамъ и здѣсь — одни и тѣже начала: и тамъ и здѣсь органы исключительно общественно-мѣстной жизни обращаются въ органы чисто государственной администраціи, которая и тамъ и здѣсь пользуется ими исключительно въ видахъ своихъ, государственныхъ интересовъ. Отсюда и тамъ, и здѣсь—одни и тѣ же послѣдствія—раззореніе городскаго населенія, какъ результатъ несоразмѣрной тяжести государственныхъ службъ и повинностей; уклоненіе, во всевозможныхъ видахъ, отъ исполненія обязанностей—какъ послѣдствіе раззоренія. Какъ члены курій римскихъ муниципій бѣгутъ куріи, бросая имущество, отказываясь отъ личной свободы, такъ наши посадскіе XVII ст., приводя въ исполненіе угрозу, ставшую обычной и неизбѣжной формулой всѣхъ челобитенъ того времени—«разбрестись розно»—не останавливаются ни передъ какими средствами; они не задумываются пожертвовать своей личной свободой и независимостью, лишь бы избавиться того тяжелаго гнета, которымъ ложилось на нихъ государственное тягло. Посадскіе не задумываются уходить съ посада не только къ землевладѣльцамъ, обращаясь въ крѣпостныхъ крестьянъ послѣднихъ, но шли даже въ закладчики и холопы [1]); болѣе общеупотребительнымъ и обыкновеннымъ средствомъ спастись отъ посадскаго тягла являлось поступленіе въ стрѣльцы, казаки, приказные и всякіе вообще служилые люди. Противъ этихъ однородныхъ явленій оба государства предпринимали и однородныя мѣры, направленныя къ удержанію во что бы то ни стало у насъ посадскаго населенія на одномъ мѣстѣ, а въ римской

---

[1]) *Соловьевъ.* Ист. Рос. IX. 392. *Онъ же:* Рус. гор. въ XVII ст. Соврем. 1853 г. № 1. *Градовскій.* Ист. мѣст. упр. 161 и 168.

имперіи — декуріоновъ въ составѣ куріи. Какъ тамъ запрещалось декуріонамъ вступать въ составъ тѣхъ сословій и въ тѣ должности, которыя eo ipso влекли за собою выходъ изъ состава куріи; какъ тамъ правительство стремилось сбѣжавшихъ водворить, такъ сказать, въ прежнее состояніе, такъ и у насъ посадскимъ людямъ запрещается переходъ во всякое другое состояніе. Какъ тамъ мы видѣли разныя ограничительныя мѣры противъ свободнаго распоряженія декуріоновъ своимъ имуществомъ, такъ и у насъ почти тѣ же мѣры прилагались къ посадскимъ людямъ [1]). Мало того, у насъ не только запрещался посадскимъ переходъ въ другія состоянія, но даже запрещалось переходить изъ одного посада въ другой [2]); такой переходъ могъ состояться лишь по распоряженію московскаго правительства, которое нерѣдко и переводило жителей изъ одного посада въ другой, пополняя, напр., гостиныя и суконныя сотни московскихъ торговыхъ людей [3]). Запрещеніе свободнаго перехода изъ одного посада въ другой было необходимымъ послѣдствіемъ тяглаго характера торгово-промышленныхъ общинъ городскаго населенія: оно одинаково было необходимо, какъ для правительства, такъ и для самихъ общинъ; первому было очень важно, чтобы община была «въ полнотѣ» и исправно несла возложенное на нее тягло; послѣднимъ было далеко не все равно — постоянно ли въ каждой изъ нихъ одинаковое число жилыхъ дворовъ: подати несла община, чѣмъ больше въ ней тяглыхъ жилыхъ дворовъ, тѣмъ ей легче отбывать эти подати; отсюда понятно, что переселеніе изъ одного посада въ другой вело за собою тѣмъ самымъ облегченіе одного посада и раззореніе другаго.

Московское правительство стояло въ заколдованномъ кругѣ: его цѣль—поднять городское населеніе на степень исправной, бездоимочной податной силы, на степень исправнаго слуги государя; средство для этого оно видитъ въ обращеніи его въ одно тяглое сословіе, прочно организованное; но это средство, какъ мы видѣли, вело въ концѣ концовъ къ раззоренію торгово-промышленнаго населенія. Вся дѣятельность правительства XVII в. по отношенію къ городскому

---

[1]) См. уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1649 г. Гл. XIX. *Градовскій.* ibid. 158 и 162.

[2]) *Градовскій:* ibid. 162. Улож. XIX. 19.

[3]) *Плошинскій.* Гор. или среднее сост. рус. нар. 117.

населенію исчерпывается съ одной стороны мѣрами, имѣющими въ виду организовать его въ одно всей Руси сословіе, которое вѣдалось бы въ «пристойномъ» приказѣ; съ другой—мѣрами, направленными къ залѣчиванію ранъ этого населенія, прорехъ, наносимыхъ ему предшествующими мѣрами.

XVII столѣтіе не съумѣло рѣшить этой нелегкой задачи, оно не успѣло ни организовать окончательно торгово-промышленнаго населенія Руси въ одно цѣлое, устроивъ для него «пристойный приказъ»; ни отыскать мѣры противъ раззоренія посадовъ, противъ обращенія ихъ «изъ жива въ пусто». Но, не рѣшивъ этой задачи окончательно, оно твердо установило тотъ путь, которымъ приходилось искать ея рѣшенія.

И такъ, XVII в. завѣщалъ великому преобразователю не «городъ» какъ единый организмъ, а городъ въ чисто территоріальномъ смыслѣ—какъ совокупность ничѣмъ несвязанныхъ, даже стремящихся къ разъединенію частей—служилыхъ людей всякаго рода, духовныхъ, посадскихъ-земледѣльцевъ и торговцевъ-промышленниковъ, тянувшихъ каждая свое тягло. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ вѣкъ завѣщалъ своему преемнику тяжелую, трудную задачу организаціи государственно—тяглаго сословія торгово-промышленнаго населенія Руси, задачу собрать во едино «разсыпанную храмину» этого люда, храмину, упорно и послѣдовательно слагаемую въ теченіи цѣлыхъ полутора вѣковъ. И великій преобразователь является строгимъ, неумолимымъ исполнителемъ завѣщаннаго ему: всѣ его реформы, по отношенію къ городскому населенію, являются ничѣмъ инымъ, какъ попыткой разрѣшить поставленную XVII вѣкомъ задачу и притомъ разрѣшить ее путемъ, намѣченнымъ тѣмъ же столѣтіемъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Бурмистерская палата и земскія избы.

ГЛАВА I.

Состояніе города въ началѣ царствованія Петра Великаго.

Въ началѣ царствованія Петра Великаго торговля и производительная промышленность Россіи находятся въ томъ же самомъ состояніи, въ какомъ мы видѣли ихъ въ царствованіе отца и брата Великаго преобразователя. Ни одно изъ золъ, препятствовавшихъ развитію этихъ могущественныхъ рычаговъ развитія общества и государства не было устранено. Потребности общества не увеличились: оно не стало богаче; главнымъ занятіемъ массъ населенія и теперешней Россіи вообще, а вмѣстѣ и посадскихъ людей въ частности остается по прежнему земледѣліе; хоть сколько нибудь сносныхъ путей сообщенія нѣтъ и теперь, и теперь эти дороги даже между такими городами, какъ Москва и Новгородъ шли дикой пустыней и находились въ первобытномъ природномъ состояніи. Они по прежнему не отличаются и безопасностью, которой не было въ самой столицѣ, мѣстопребываніи будущаго преобразователя; разбоемъ не брезгаютъ даже князья; помѣщики обвиняются въ «смертномъ убійствѣ» посадскихъ людей [1]). Конкуренція иностранцевъ какъ въ торговлѣ, такъ и въ промышленности также сильна и непреодолима, какъ и въ XVII ст., пожалуй еще сильнѣе: общество, быстро шагнувшее во внѣшней обстановкѣ, сразу опередило едва зарождавшіяся производительныя силы русскаго промышленнаго населенія, и должно было обращаться за удовлетвореніемъ своихъ потребностей къ западнымъ ремесленникамъ и промышленникамъ. У русскихъ купцовъ не ставало силъ тягаться съ богатыми компаніями иностранцевъ; послѣдніе затирали первыхъ [2]). Къ этому нужно при-

---

[1]) *Соловьевъ*. Ист. Рос. XIV. 299—300.

[2]) Мѣры противъ этого зла предпринималъ еще знаменитый Ординъ-Нащокинъ, въ бытность свою псковскимъ воеводой. Чтобы дать возмож-

бавить еще «всякіе большіе убытки и раззоренія» и въ тѣхъ скромныхъ промыслахъ, которыми занимался посадскій людъ; а эти убытки и раззоренія «во всякихъ промыслахъ» дѣйствительно были не малые.

Раззоряли посадскихъ воеводы и приказные тѣхъ приказовъ, въ которыхъ вѣдались города ихъ податями и повинностями; раззоряли ихъ своя же братья—всякаго рода выборные; раззоряли ихъ поборы непосильные, тягло тяжелое; раззоряли ихъ бѣглые съ посадовъ, «бѣльцы», врывавшіеся въ нихъ.

Воеводы и приказные лежатъ страшнымъ гнетомъ на посадскихъ; они всемъ берутъ; не только деньгами, но и пирогами и налимами, свѣчьми и лопатами; берутъ сами, берутъ дочери и жены. Они и угощаютъ не даромъ: отъ обѣда отказаться нельзя, а заплатить за него непремѣнно нужно; а послѣ обѣда необходимо по обычаю на похмѣлье идти и опять не съ пустыми руками [1]); все это поборы добровольные, рѣдко удовлетворявшіе карманъ воеводы. Находилъ онъ, что мірскіе люди скупы на пироги съ налимами, онъ не задумывался собрать все силой, притомъ собрать чуть не сторицей [2]); не останавливается онъ и на этихъ, такъ сказать, прямыхъ поборахъ, онъ прибѣгаетъ къ косвеннымъ: вмѣшивается въ выборы мірскими посадскими людьми ихъ выборныхъ; вмѣшивается очень безцеремонно: производитъ ихъ самъ, или, лучше, продаетъ выборныя должности съ аукціона—кто больше дастъ: «земскихъ старостъ къ мірскимъ сборамъ и цѣловальниковъ,

---

ность „маломочнымъ“ русскимъ купцамъ дѣйствовать независимо отъ иностранцевъ, выдававшихъ имъ ссуды, Ординъ-Нащокинъ предложилъ „лучшимъ“ псковскимъ торговымъ людямъ вѣдать маломочныхъ въ ихъ промыслахъ и торговлѣ; а деньги на эти промыслы выдавать изъ земской избы... *Соловьевъ:* Ист. Россіи. XIII. 117—118. Въ 1667 г. тотъ же Ординъ-Нащокинъ высказалъ мысль о необходимости поддержки лучшими торговыми людьми маломочныхъ по отношенію ко всей Руси. Онъ проводилъ эту мысль въ новоторговомъ уставѣ. *Ibid.* 124. Новоторговый уставъ. П. С. З. № 408. во введеніи.

[1]) *Соловьевъ*: ibid. 111—112.

[2]) *Ibid:* 113. „пріѣхалъ воевода и взялъ съ насъ.... 120 руб. деньгами, бралъ съ насъ всякій мѣсяцъ на хлѣбъ по 12 руб., да хлѣба по четверти ржи... да мяса... по 126 полтей“... Жаловался посадскій и всеуѣздный земскій старостишка.

и приставовъ... намъ, мірскимъ людямъ, выбирать не даетъ, выбираетъ самъ собою тѣхъ, кто ему больше дастъ», пишетъ въ своей челобитной отъ имени посадскихъ подъячій земской избы [1]); вмѣшивается онъ въ самую область вѣдѣнія этихъ выборныхъ—въ раскладку податей, мирволя богатымъ, лучшимъ, взваливая непосильное бремя на мелкій людъ [2]).

Не меньшимъ, если еще небольшимъ, гнетомъ ложились на посадскихъ и тѣ приказы, въ которыхъ вѣдались они разными податьми и повинностями; приказные люди не одного приказа, а цѣлой массы ихъ, кормились около посадскихъ, причиняя имъ, по сознанію самаго правительства «убытки не малые, волокиты сильныя». Одинъ приказъ вѣдалъ доходы съ бань, другой — питейный сборъ, третій—таможенныя и промысловыя пошлины; къ четвертому приписаны были цѣлые города со всѣми ихъ пошлинами и сборами, пятый вѣдалъ тотъ или другой разрядъ посадскихъ людей [3]).

Не отставали отъ приказныхъ и свои мірскіе выборные; и они пользовались всякимъ случаемъ погрѣть руки въ карманахъ своихъ избирателей, охраненіе интересовъ которыхъ было ихъ назначеніемъ [4]). Понятно, что при такомъ отношеніи къ дѣлу администраціи сильные «лучшіе» изъ посадскихъ жали и тѣснили «середнихъ» и «молодшихъ» насколько ставало ихъ силъ, на сколько имъ было выгодно это, въ раскладкѣ податей богатые никогда не оставались въ накладѣ; они всегда изощрялись взвалить на «худшихъ» людей больше чѣмъ на себя [5]). Прибавимъ ко всему этому страшные подати и налоги, повинности, отбываемыя натурою [6]), и станетъ понятенъ тотъ застой, въ которомъ находились торговля и

---

[1]) *Ibid.*

[2]) А. А. Э. Ш. 421; оп. г. Шуи. 317, 327.

[3]) *Котошихинъ:* гл. VI и VII. *Неволинъ*: Пол. Собр. Соч. VI. 145—148; *Пригары*. Город. обыв. при П. В. 79—80.

[4]) Акты города Шуи. 523.

[5]) *Соловьевъ*. Ист. Рос. XIII. 115: вологодскіе посадскіе люди бьютъ челомъ на земскихъ старостъ и всѣхъ лучшихъ богатыхъ людей въ томъ, что послѣдніе ихъ окладомъ и тягломъ не посиламъ загнели, а себя въ окладѣ облегчили".

[6]) *Соловьевъ*. Ист. Рос. XIII. 106—107.

промышленность; то жалкое положеніе, въ которомъ обрѣтались посадскіе люди. Понятно станетъ стремленіе этихъ людей, какъ и прежде, бѣжать съ посада, отбывая податей, оставляя свои дворы пустыми, взваливая свою подать на плеча остававшихся въ посадѣ. Эти бѣглые раззоряли въ конецъ посадскія общины; не менѣе раззорительнымъ для этихъ общинъ было и появленіе на посадской землѣ всякаго рода «бѣльцевъ», дворы которыхъ нельзя было втянуть въ общую раскладку; а на бѣду посадскимъ такіе бѣльцы врываются въ посады все чаще и чаще, благодаря все тому же тяжелому тяглу: «маломочные» посадскіе стараются, сбѣгая съ посада, запродать свои дворы обѣленнымъ, привилегированнымъ, которые, пользуются всякимъ случаемъ, кромѣ того, чтобы захватить землю около посадовъ, гдѣ и селятся. «Это— не тяглецы, не плательщики, это—раззорители, закладчики, заложились за архіереевъ и бояръ, торгуютъ и промышляютъ, а тягла не тянутъ, податей не платятъ» [1]). Эти раззорители, образуя иногда цѣлыя слободы около посадовъ, не принося доходовъ государству, раззоряли дѣйствительно посадскихъ торговцевъ и промышленниковъ, конкурируя съ ними во всякихъ промыслахъ, благодаря тому, что въ качествѣ архіерейскихъ или боярскихъ закладчиковъ, не несли посадскаго тягла.

При такомъ положеніи дѣлъ могло ли посадское торгово-промышленное населеніе дойти до сознанія единства, общественныхъ нуждъ и потребностей; оно не могло уйдти дальше сознанія тяжести своего положенія, стремленія избавиться отъ него самыми, такъ сказать, примитивными средствами въ родѣ «разбрестись съ посада», чѣмъ они и грозятъ правительству неоднократно. Такимъ образомъ, и въ рукахъ Петра оказалась все таже безотвѣтная, пассивная масса посадскаго населенія, не сознающаго ни своихъ общественныхъ, ни государственныхъ интересовъ; масса разрозненная, чуждая всякаго духа общенія, масса въ теченіе двухъ вѣковъ бывшая объектомъ всякихъ экспериментовъ со стороны правительства, масса, свыкшаяся съ такимъ положеніемъ, ожидающая всякаго облегченія только отъ правительства, обращающаяся къ нему со всякими невзгодами, даже съ пустыми мелочами. Этой пассивной массѣ

---

[1]) *Соловьевъ*. Ист. Рос. XIII. 101.

пришлось теперь испытать многое въ рукахъ Великаго, энергическаго экспериментатора, не останавливавшагося ни передъ какими средствами.

Нужды и потребности государства выростаютъ въ невѣроятныхъ размѣрахъ. Война азовская, сооруженіе флота, затѣваемая война съ шведами, требуютъ громадныхъ средствъ. Они требуютъ напряженія всѣхъ силъ народа; нужны люди, нужны деньги; и то и другое—на службу государству; интересы послѣдняго поглотили всякіе другіе интересы. Преобразователь видитъ одну цѣль:—создать могущественное государство со всѣми внѣшними признаками западно-европейскихъ государствъ. Къ этой цѣли направлены всѣ вообще преобразованія Петра, касающіяся какъ всей Руси вообще, такъ въ частности, ея торгово-промышленнаго, по преимуществу, городскаго населенія. Всѣ эти мѣры и преобразованія ео ipso должны были идти въ духѣ мѣръ правительствъ XVII ст., съ тою только разницею, что мѣры Петра, въ силу самаго его характера, должны были отличаться большей опредѣленностью, послѣдовательностью, пожалуй, суровой безпощадностью. Преобразователь шелъ по намѣченному его предшественниками пути твердо, неуклонно. Тяглыя сословія, почти организованныя въ XVII вѣкѣ, онъ организуетъ, закрѣпощаетъ окончательно. Каждое сословіе неукоснительно должно исполнять возложенную на него службу, отбывать подати и повинности. Служилое сословіе дворянъ, сельское крѣпостное населеніе, отбываютъ небывалую доселѣ воинскую повинность; торгово-промышленное населеніе должно давать государству денежныя средства; размѣры всего этого нужно усилить, по мѣрѣ усиленія нуждъ государства. Приступая къ усиленію платежей, приходилось задуматься: посадскіе «исхудали» и отъ прежнихъ; они не могли исправно вносить и ихъ. Стало быть, прежде чѣмъ увеличивать повинности этого сословія, необходимо было озаботиться, чтобы въ **прежнихъ** сборахъ «не чинилось доимокъ и большихъ недоборовъ». Какъ это сдѣлать? Царю, какъ и его предшественникамъ, казалось, что причина неисправности—«во всякихъ убыткахъ и раззореніяхъ», наносимыхъ посадскимъ мѣстной администраціей и московскими приказами, ему казалось, что съ устраненіемъ этого зла доходы увеличатся, онъ еще не понялъ, что необходимо возбудить самыя производительныя силы, увели-

чить платежныя средства посадскаго населенія. Сами посадскіе едва ли сознавали это: во всѣхъ своихъ челобитьяхъ они приписываютъ всѣ свои невзгоды злоупотребленіямъ воеводъ и выборныхъ, и только имъ однимъ.

Въ отвѣтъ на эти жалобы еще правительства XVII вѣка принимали всякаго рода мѣры, какъ частныя, такъ и общія, первыя состояли въ смѣнѣ и отставкѣ воеводъ, городовыхъ прикащиковъ, подъячихъ; замѣнѣ выборныхъ должностей приказными и наоборотъ; вторыя, т. е., болѣе общія, мѣры, какъ я уже говорилъ, состояли въ стремленіи организовать торгово-промышленное населеніе городовъ въ особое тяглое сословіе; причемъ имѣлись въ виду лишь цѣли исключительно государственныя, притомъ, по преимуществу финансовыя, мѣры, которыя, облегчая повидимому посадскихъ людей, принося имъ, какъ будто пользу, въ концѣ концовъ закрѣпощали ихъ къ мѣсту, тяглу и такимъ образомъ тормозили развитіе торговли и промышленности, а стало быть и города, налагая на то и другое крѣпкія путы.

Всѣ мѣры Петра относительно торгово-промышленнаго населенія, какъ я только-что замѣтилъ, носятъ этотъ же характеръ. До 1699 года, въ теченіи первыхъ десяти лѣтъ его царствованія, до изданія указа о Бурмистерской Палатѣ, мѣры эти отрывочны, случайны: занятый азовскими походами, созданіемъ флота, поѣздкой за границу, царь не имѣлъ времени заняться, какъ бы онъ хотѣлъ, посадскимъ населеніемъ; приходилось ограничиваться отдѣльными мѣрами, не отличающимися отъ подобнаго же рода мѣръ его предшественниковъ ни бо́льшей опредѣленностью, ни систематичностью, ни вообще новизной въ какомъ-либо отношеніи [1]).

---

[1]) Всѣ эти мѣры, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Плошинскій (гор. сост. рус. нар. 144) были ни чѣмъ инымъ какъ развитіемъ началъ положенныхъ и выработанныхъ уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича; служили дополненіемъ къ нему; такъ въ 1693 г. издается указъ, (П. С. З. № 1471) повторяющій положенія 5 и 15 статей XIX главы Уложенія; онъ говоритъ что „помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ и монастырскихъ крестьянъ и бобылей и бѣглыхъ людей и крестьянъ ни чьихъ на посадъ не принимать и въ тягло отнюдь не записывать“. Прошло пять лѣтъ и крестьяне уже допускаются къ торговлѣ и промысламъ, покрайней мѣрѣ на Москвѣ, но „всякія его государевы подати платя и службы служа“. Закладываться въ службу запрещено (П. С. З. № 1666). Это положеніе, мнѣ кажется,—ни что иное,

Недостаточность подобнаго рода мѣръ, даже для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя имѣются преобразователемъ, какъ и его предшественниками, въ виду, царь не могъ не сознавать. Эта недостаточность сознавалась еще гораздо раньше его.

Знаменитый дѣятель временъ Алексѣя Михайловича,召 Ординъ-Нащокинъ, еще во второй половинѣ XVII ст., сознавая несостоятельность колебательной политики правительства относительно посадскихъ торгово-промышленныхъ людей, политики замѣны началъ приказнаго и земскаго однаго другимъ, политики отдѣльныхъ мѣръ, предлагалъ въ Новоторговомъ Уставѣ 1667 года одну общую мѣру, которая изъяла бы все торгово-промышленное населеніе всѣхъ городовъ Руси изъ вѣдомства многихъ приказовъ съ ихъ безчисленными приказными; устранила бы вліяніе на нихъ воеводъ. Онъ предлагалъ мѣру, которая имѣла въ виду завершить дѣло цѣлыхъ полутора столѣтій: окончательно слить торгово-промышленное населеніе всей Руси въ одно цѣлое, организовать изъ него единое тяглое сословіе, которое вѣдалось бы въ особомъ учрежденіи, независимомъ отъ мѣстнаго представителя администраціи—воеводы, достаточно сильномъ для того, чтобъ защищать посадскихъ отъ притѣсненій этого представителя. Эта мѣра состояла въ учрежденіи особаго, спеціальнаго приказа, исключительнымъ дѣломъ котораго было-бы вѣдать купцовъ: «для многихъ волокитъ во всѣхъ приказахъ, купецкихъ людей пристойно вѣдать въ одномъ пристойномъ приказѣ,» говоритъ Ординъ, «гдѣ великій государь укажетъ своему боярину; этотъ бы приказъ былъ купецкимъ людямъ во всѣхъ порубежныхъ городахъ отъ иныхъ государствъ обороною, и во всѣхъ городахъ отъ воеводскихъ налогъ былъ имъ защитою и управою. Въ томъ же одномъ приказѣ давать судъ и управу, если купецкіе люди будутъ бить челомъ на другихъ чиновъ людей.» [1]) Но, этотъ проэктъ остался лишь проэктомъ: ав-

---

какъ распространеніе положенія 35 ст. XIX гл. уложенія, по которой „пріѣзжіе городовые тяглые люди, неся въ обоихъ городахъ тягло, могли торговать въ Москвѣ. Мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ указовъ, нормирующихъ какъ приказныя такъ и выборныя должности, установляющія ихъ обязанности, взаимныя отношенія и т. п. См. П. С. З. №№ 1442; 1468; 1503; 1476; 1509; 1548.

[1]) П. С. З. № 408, ст. 88.

торъ опередилъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ свое время. На практикѣ первую попытку осуществленія высказанной въ проэктѣ Ордина-Нащокина мысли, первый шагъ къ объединенію всего городскаго населенія въ одномъ учрежденіи, составляетъ введеніе въ 1681 году такъ называемой стрѣлецкой подати. Подать эта, замѣнивъ собою многіе другіе сборы, вопервыхъ, устранила во многихъ отношеніяхъ вмѣшательство воеводъ въ посадско-городскія дѣла, возложивъ завѣдываніе податьми на земское начальство; во вторыхъ, отдаетъ все посадское населеніе всей Руси въ вѣдѣніе одного учрежденія—Стрѣлецкаго Приказа. Но, отдавая посадское населеніе въ вѣдѣніе Стрѣлецкаго Приказа, указъ 1681 года не выдѣляетъ окончательно это населеніе изъ массы сельскаго: подать эта распространяется и на волости, по крайней мѣрѣ на сѣверѣ Россіи [1]).

То, что предшественники Петра только сознавали и пытались осуществить, то Петръ осуществляетъ; то, что до него являлось въ формѣ попытокъ, далеко не всеобъемлющихъ и послѣдовательныхъ, то онъ осуществляетъ вполнѣ, создавая дѣйствительно совершенно особое учрежденіе, въ вѣдѣніи котораго должна быть сосредоточена «разсыпанная храмина» всего торгово-промышленнаго сословія Россіи. Такое особое учрежденіе, «пристойный приказъ» Ордина-Нащокина, царь создаетъ въ своей Бурмистерской Палатѣ, учрежденіемъ которой, какъ мы увидимъ, онъ думаетъ достигнуть разомъ обѣихъ цѣлей поставленныхъ его предшественниками: устранить мѣстныя приказныя власти отъ вмѣшательства въ дѣла посадскихъ общинъ; объединить все торгово-промышленное посадское населеніе Руси въ одно цѣлое, въ одинъ сословный организмъ. Обѣ эти цѣли ясно сознаются преобразователемъ, не менѣе ясно высказываются; къ достиженію ихъ онъ стремится. Другой вопросъ достигъ ли онъ ихъ. Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ лишь болѣе или менѣе подробнымъ ознакомленіемъ съ самыми указами объ учрежденіи Бурмистерской Палаты и Земскихъ Избъ.

---

[1]) *Градовскій.* Исторія мѣстн. управ. 201—202. *Чичеринъ.* Облас. учрежд. 565.

ГЛАВА II.

Цѣль учрежденія Бурмистерской Палаты и Земскихъ Избъ.

Тридцатаго января 1699 года были изданы сразу два указа, касающіеся посадскихъ людей Россіи: указъ объ учрежденіи Бурмистерской Палаты въ Москвѣ и указъ объ учрежденіи въ городахъ Земскихъ Избъ [1]).

Указъ объ учрежденіи московской Бурмистерской Палаты начинается слѣдующими знаменательными словами, мотивирующими появленіе новаго установленія: «всѣ черныхъ сотенъ и слободъ посадскіе и купецкіе, и промышленные люди купецкими и всякими расправными дѣлами и его (Великаго государя) окладными доходами вѣдомы въ разныхъ приказахъ; и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ большіе убытки и раззоренье, а его Великаго государя съ нихъ окладные многіе доходы учинились въ доимкѣ, а пошлиннымъ сборамъ и инымъ поборамъ большіе недоборы» ... почему и велѣно сказать посадскимъ, что отнынѣ они будутъ вѣдаться во всѣхъ своихъ дѣлахъ выборными бурмистрами. Въ этихъ не многихъ словахъ содержится въ высшей степени многое: въ нихъ высказаны и причины образованія Бурмистерской Палаты съ Земскими Избами, и ихъ компетенція, объемъ власти, какъ по отношенію къ дѣламъ, подлежащимъ ихъ вѣдѣнію, такъ и лицамъ; изъ нихъ можно вывести заключеніе объ отношеніи новыхъ установленій какъ къ мѣстнымъ органамъ

---

[1]) Пол. Собр. Зак. № 1674 и № 1675. Эти два указа до 1719 года, года изданія Регламента Государственной Коммерцъ-Коллегіи, составляютъ собою главныя основныя узаконенія Петра Великаго относительно торговопромышленнаго населенія, а стало быть и городовъ Россіи; всѣ остальныя узаконенія Петра въ теченіе 20 лѣтняго періода времени представляютъ собою ничто иное, какъ или разъясненія и дополненія этихъ указовъ, изданныхъ въ слишкомъ общей формѣ, слишкомъ въ торопяхъ, не полно, а потому сейчасъ же послѣ изданія потребовавшихъ дополнительныхъ указовъ; или совершенно отдѣльныя, вызываемыя всякимъ отдѣльнымъ случаемъ, мѣры, часто противорѣчащія одна другой, еще чаще нарушающія общія начала, высказанныя въ названныхъ указахъ 1699 года.

центральной власти—воеводамъ, такъ и къ самой этой власти; въ нихъ же выражается и тотъ взглядъ преобразователя, которымъ онъ мотивируется во всѣхъ своихъ реформахъ въ теченіи двадцати лѣтъ, взглядъ исключительно государственно-финансовый.

Истинною причиною установленія Бурмистерской Палаты и Земскихъ Избъ вовсе не было только то обстоятельство, что, вѣдаясь въ разныхъ приказахъ, посадскіе торговые и промышленные люди терпятъ убытки и раззореніе, а то, что, благодаря этимъ убыткамъ, нарушаются государственно-финансовые интересы: государевы окладные доходы «учинились въ доимкѣ», въ пошлинахъ — недоборы, эти «доимки» и «недоборы», мотивировавшія дѣйствія правительствъ XVII в. служатъ единственнымъ мотивомъ мѣръ Петра въ данномъ случаѣ. Учрежденіе Бурмистерской Палаты и Земскихъ Избъ есть та радикальная мѣра противъ недоборовъ государственной «прибыли», необходимость которой, какъ мы видѣли, сознавалась въ XVII ст., но которая не могла быть приведена въ исполненіе, вѣроятно только благодаря несостоятельности правительства того времени. Эти причины въ тоже время являются и цѣлью преобразованій; однѣ и тѣже цѣли должны вызывать одинаковыя мѣры, средства къ ихъ достиженію. Дѣйствительно, Бурмистерская Палата Петра, по своей сущности — ничто иное какъ тотъ «пристойный Приказъ», о которомъ помышлялъ замѣчательный новаторъ царствованія Алексѣя Михайловича; разница лишь въ формахъ, въ которыя вылилось содержаніе при Петрѣ, и въ которыя оно должно была вылитъся по мысли Ордина-Нащокина и начало выливаться съ 1681 года. Пристойный Приказъ Петра основывается на началахъ сословно-выборныхъ; Приказъ Ордина — начисто старыхъ началахъ, преобладавшихъ въ XVII ст., началахъ приказныхъ; это— приказъ, который государь «укажетъ своему боярину». Эта-то форма пристойнаго для посадскихъ людей приказа, форма сословно-выборная, при томъ коллегіальная и оставляетъ дѣло Петра, но и то лишь по отношенію къ самому приказу, Бурмистерской Палатѣ, вѣдающей посадское населеніе; вообще же въ выборномъ началѣ и предшественники Петра видѣли чуть ли не единственное средство противъ раззоренія посадскихъ людей воеводами и приказными всякаго рода. Но начало это въ XVII ст. прилагалось, хотя часто и въ обширныхъ размѣрахъ; но не такъ послѣдовательно, какъ это

дѣлаетъ Петръ Великій: оно имѣло мѣсто лишь по отношенію къ общиннымъ, мѣстнымъ должностямъ и не проникало въ центральныя учрежденія, притомъ прилагалось только въ единоличной формѣ, а не въ коллегіальной.

Московская Бурмистерская Палата по смыслу указа объ ея учрежденіи, должна была играть двоякую роль: во-первыхъ, роль того «пристойнаго Приказа» который имѣлъ своимъ назначеніемъ вѣдать «всего московскаго государства посадскихъ и купецкихъ и промышленныхъ людей и черно-слободцевъ»; въ этой роли Бурмистерская Палата являлась, слѣдовательно, учрежденіемъ чисто государственнымъ, центральнымъ, общимъ для городскаго населенія всей Россіи. Во-вторыхъ, эта Палата играетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и роль чисто мѣстнаго, общинно-городскаго учрежденія, роль городской Земской Избы. Въ качествѣ учрежденія общегосударственнаго, центральнаго, Бурмистерская Палата замѣнила собою тѣ «разные Приказы», въ которыхъ вѣдались посадскіе и торговые и промышленные люди до нея; поэтому объемъ ея вѣдѣнія опредѣлялся объемомъ вѣдѣнія и власти замѣненныхъ ею Приказовъ: она вѣдала торгово-промышленное населеніе всего государства въ его «расправныхъ и челобитныхъ, и купецкихъ дѣлѣхъ»... и въ сборахъ доходовъ [1]), но вѣдала не прямо, а такъ сказать посредственно—чрезъ посредство городовыхъ Земскихъ Избъ. Всѣ пошлины, государевы доходы и поборы, собираемые земскими должностными лицами, подчиненными Земскимъ бурмистрамъ, шли въ Земскія Избы и уже отсюда — въ Бурмистерскую Палату [2]); черезъ эту Палату, или лучше, прямо изъ ней, за подписью и печатью президента и Бурмистровъ исходили всѣ указы Великаго Государя, касавшіеся торгово-промышленнаго населенія Россіи [3]). Мы увидимъ дальше, что Бурмистерская Палата, или, выражаясь языкомъ наказа нижегородскимъ Бурмистрамъ, ея президентъ и Бурмистры во всемъ вѣдали Земскихъ Бурмистровъ, обязанныхъ передъ нею строгой отчетностью [4]). Однимъ словомъ, Бурмистерская Палата, въ качествѣ

---

[1]) П. С. З. № 1671.

[2]) П. С. З. № 1675: „и на Москвѣ принимать у нихъ (мірскихъ выборныхъ людей) тѣ доходы указано будетъ выборнымъ же“.

[3]) П. С. З. № 1697.

[4]) П. С. З. №№ 1697, 1813, 1816, 1922.

государственнаго учрежденія является учрежденіемъ, вѣдающимъ чрезъ посредство мѣстныхъ Избъ все городское населеніе государства; это—обще-государственное сословное учрежденіе.

Какъ учрежденіе мѣстное, такъ сказать общинно-городское, Бурмистерская Палата или Ратуша (такъ стали называть ее съ 17 ноября 1699 года) была ничѣмъ инымъ, какъ Земскою Избою города Москвы, вѣдавшею дѣла мѣстныхъ торгово-промышленныхъ и купецкихъ людей.

Земскія Избы по мысли Законодателя должны были замѣнить собою Приказныя Избы и воеводъ, стоявшихъ во главѣ этихъ Избъ [1]); такимъ образомъ, компетенціей этого мѣстнаго представителя центральной власти и его Избы опредѣлялся объемъ вѣдомства Земской городской избы. Въ указѣ отъ 30 января 1699 года объемъ власти Земскихъ Избъ опредѣляется слѣдующими словами: «мірскимъ выборнымъ людемъ въ Земскихъ Избахъ вѣдать всякихъ чиновъ торговыхъ и промышленныхъ людей во всякихъ мірскихъ расправныхъ и челобитныхъ дѣлѣхъ въ сборѣхъ [2]). Этими словами указъ и ограничивается по отношенію къ данному вопросу; такъ что на основаніи его вовсе не легко опредѣлить власть Земскихъ Избъ и ихъ членовъ, Земскихъ Бурмистровъ. Но такое опредѣленіе легко сдѣлать на основаніи ряда указовъ, изданныхъ впослѣдствіи въ поясненіе и дополненіе названнаго.

Опредѣляя объемъ власти Земскихъ Бурмистровъ, я буду имѣть въ виду двѣ стороны этой власти: я постараюсь опредѣлить какъ великъ объемъ власти Земскаго Бурмистра по отношенію къ предметамъ, подлежащимъ его вѣдѣнію; во вторыхъ какъ онъ великъ по отношенію къ району, территоріи, на пространство которой простирается эта власть, какъ великъ районъ лицъ подлежащихъ его власти.

---

[1]) П. С. З. №№ 1697, 1699, 1731, 1715, 1760; см. также №№ 2472, 2610, 2611. *Пригары*. Городскіе обыват. при П. В. стр. 105.

[2]) П. С. З. № 1675.

ГЛАВА III.

Объемъ и характеръ власти Бурмистерской Палаты и Земскихъ Избъ.

Объемъ власти Земскихъ Бурмистровъ по отношенію къ предметамъ, подлежащимъ этой власти, въ общихъ чертахъ опредѣляется, кромѣ только что приведенныхъ словъ указа объ учрежденіи городскихъ Земскихъ Избъ, еще и тѣми причинами, какъ я уже замѣтилъ, тѣмъ зломъ, устранить которое преобразователь думалъ, учреждая Палату и Избы: онъ думалъ избавить торгово-промышленное населеніе московскаго государства отъ убытковъ и раззоренья и тѣмъ устранить «доимку въ его государевыхъ доходахъ» и всякіе недоборы [1]). Отсюда само собою понятно, что главная задача Земскихъ Избъ—сборъ государственныхъ доходовъ, сборъ исправный, «съ пополненіемъ» [2]). Эта общее опредѣленіе какъ я только-что замѣтилъ, развивается послѣдующими законодательными актами и между ними—въ особенности наказомъ нижегородскимъ бурмистрамъ и отвѣтами на запросы московскихъ гостей и жителей города Воронежа. Въ отвѣтахъ на запросъ воронежцевъ, также какъ и въ наказѣ нижегородскимъ бурмистрамъ, въ вѣдѣніе бурмистровъ Земской Избъ передаются сборы—таможенныхъ кабацкихъ и всякихъ денежныхъ доходовъ [3]); въ томъ же отвѣтѣ воронежцамъ законодатель выраженіе «всякіе денежные сборы», для избѣжаніи перечисленія, опредѣляетъ, говоря, что въ вѣдѣніе бурмистровъ переходятъ всѣ тѣ дѣла, которыя до сихъ поръ «были вѣдомы въ Приказѣ Большія Казны» [4]). Ознакомившись въ чемъ

---

[1]) П. С. З. № 1674.

[2]) Эта сторона дѣятельности бурмистровъ на столько преобладаетъ и выдается, что другая, очень важная, по отношенію къ самоуправленію, сторона ихъ дѣятельности—судебная—дѣла челобитчиковы—остается совершенно въ тѣни, не разработанной даже и въ отдѣльныхъ указахъ, послѣдовшихъ за указами 30 янв. 1699 года. Сколько на этомъ, столько и на томъ основаніи что это не входитъ въ планъ моего труда, я оставляю въ сторонѣ судебную власть какъ Земскихъ Избъ, такъ и Магистратовъ.

[3]) П. С. З. № 1686 и 1697.

[4]) П. С. З. № 1686.

вѣдалъ города Приказъ Большія Казны, мы ознакомимся вмѣстѣ съ тѣмъ и съ объемомъ власти, которая передается теперь въ руки Земскихъ Бурмистровъ. Приказъ Большія казны, кромѣ нѣкоторыхъ спеціальныхъ отраслей государственнаго хозяйства, какъ напр., горнаго и монетнаго дѣла, вѣдалъ, по выраженію Неволина, «гостей, гостиныя и суконныя сотни и мастеровъ серебряныхъ дѣлъ въ Москвѣ и торговыхъ людей многихъ городовъ»[1]) ихъ тягломъ, податьми и другими наборами; въ немъ вѣдались, кромѣ того, въ силу указа 1680 года, московская таможня, мѣрная и мытная избы, городовыя таможни, кружечныя дворы, кабаки.— конскія площадки, торговыя бани, харчевни и харчевенныя ряды[2]), т. е. какъ поясняетъ самъ же Неволинъ «всѣ доходы, какіе могли поступать въ государственную казну отъ сихъ заведеній»[3]).

Изъ всего этого ясно видно, что самая важная, по объему, сторона дѣятельности Земскихъ Избъ и Бурмистровъ — вовсе не носитъ характера мѣстной общинно-автономической дѣятельности и является дѣятельностью исключительно государственной; въ

---

[1]) *Неволинъ*: Пол. Соб. Соч. VI. 164.

[2]) Ibid. 164—165. См. также *Градовскій*: Истр. мѣст. упр. 236—237; *Хлѣбниковъ:* Вліяніе общ. на орг. госуд. 370,

[3]) Все это подтверждается потомъ цѣлымъ рядомъ указовъ: №№ 1715; 1750; 1773; 1813: наказъ брянскимъ бурмистрамъ; имъ поручается сборъ стрѣлецкихъ денегъ; 1816; 1819; 1922; 1956; 1966: мельничный сборъ; 1972; 1982; 2045: табачный сборъ; 2128. По ук. отъ 9 февр. 1710 года и соляной сборъ переданъ въ вѣдѣніе земскихъ выборныхъ; 2472; 2610; 2611. На земскихъ же бурмистровъ возлагаются и такія обязанности, какъ продажа, изобрѣтенной знаменитымъ прибыльщикомъ, Ал. Курбатовымъ, гербовой бумаги, выручка за которую отсылалась въ Оружейную Палату. П. С. З. № 1717 и 1286; въ вѣдѣніи Ратушъ состояло и „всякія крѣпости писать“ (П. С. З. № 1740); имъ же переданы въ 1699 г. изъ Приказа Большаго Дворца сборы „съ купчихъ, и закладныхъ и поступныхъ, и наемныхъ жилыхъ записей, съ дворовой продажи“. П. С. З. № 1698. Изъ указа 1701 года декабря 13 видно, что и почта между городами (Москва и Архангельскъ) вѣдается бурмистрами, которымъ велѣно послать указы о томъ, что „гоняютъ мѣшкотно“.—П. С. З. № 1882. Въ 1706 году, въ письмѣ къ Нарышкину, царь предписываетъ „подъ жестокимъ указомъ“, чтобъ бурмистры, вмѣстѣ съ воеводами, держали на линіи крѣпкіе караулы, чтобъ знали у кого какое оружіе. Такъ, и военное дѣло не миновало бурмистровъ, которые подчинились въ этомъ отношеніи воеводамъ и дворянамъ. *Голиковъ*, т. XIV и ст. 269, № 402,

роли блюстителей за всѣми этими сборами земскіе бурмистры являлись ничѣмъ инымъ, какъ органами центральной, правительственной власти, органами почти исключительно исполнительнаго характера, каковой носили всѣ сословно выборныя должностныя лица XVII вѣка. Сущность остается таже самая, измѣнена лишь форма: названіе головъ замѣнено названіемъ бурмистровъ, заимствованнымъ изъ городоваго устройства остзейскаго края. Передавая всѣ эти сборы въ вѣдѣніе Земскихъ Избъ, какъ учрежденія сословно-выборнаго, государство вовсе не имѣло въ виду интересы и нужды общинно-городскіе, которыхъ оно не сознавало; ни даже сословные, съ которыми оно вѣдалось по скольку это было въ интересахъ его самого; единственною, исключительною его цѣлью въ этомъ случаѣ и теперь, какъ раньше, было устранить «доимку» и недоборы» государственныхъ доходовъ. Мотивами передачи всѣхъ этихъ сборовъ изъ рукъ приказныхъ въ руки земскія, выборныя, Петръ выставляетъ прямо то обстоятельство, что воеводы и приказные» къ примноженію тѣхъ дѣлъ чинили нерадѣніе». [1])

Такимъ образомъ, служба Земскихъ Бурмистровъ является по своей сущности ничѣмъ инымъ, какъ сословнымъ тягломъ, обязанностью и очень тяжелой обязанностью, за нерадивое исполненіе которой грозитъ «лишеніе животовъ», а подчасъ и «батоги нещадные». Характеръ тягла этого—исключительно государственный, судя по роду дѣлъ, которыя, какъ мы видѣли, возлагаются на Земскія Избы: почти всѣ сборы, вѣдомые бурмистрами не имѣютъ никакого отношенія къ городу, какъ совокупности общинъ и очень малое къ торгово-промышленному сословію. Однимъ словомъ, земскія выборныя лица являются въ данномъ случаѣ простой замѣной, въ видахъ интересовъ исключительно государственныхъ, приказныхъ должностныхъ лицъ, нерадивая и раззоряющая служба которыхъ была слишкомъ невыгодна для государства. Дѣятельность по сборамъ всякаго рода пошлинъ и налоговъ не была, однако, исключительной и единственной дѣятельностью Земскихъ бурмистровъ; на нихъ возлагались и обязанности, стоявшія въ болѣе близкомъ отношеніи къ сословной общинѣ; обязанности, по характеру своему, могущія, пожалуй, быть отнесенными къ категоріи сословно-общин-

---

[1]) П. С. З. № 2087.

ныхъ правъ. Къ такимъ обязанностямъ я отношу обязанности—права раскладывать подати и налоги между отдѣльными членами сословныхъ общинъ и отдавать «въ оброкъ всякія статьи съ торгу». О правѣ раскладки податей и повинностей земскихъ выборныхъ ничего неговорится ни въ указѣ объ учрежденіи Бурмистерской Палаты, ни въ указѣ о Земскихъ городскихъ Избахъ, если только не разумѣть этого права подъ расправными и всякими дѣлами; но это право слѣдуетъ признать за общинами торгово-промышленнаго населенія во-первыхъ, въ силу того, что въ теченіи всего XVII ст. оно всегда признавалось за ними, а за это время царствованія Петра Великаго мы не имѣемъ ни одного указа, которымъ они лишались бы его и который переносилъ бы его на кого либо другого; мало того, почти наканунѣ учрежденія Бурмистерской Палаты и Земскихъ Избъ, менѣе чѣмъ за годъ до изданія указовъ, по этому поводу былъ изданъ указъ, спеціально трактующій о раскладкѣ и верстаньѣ податей и повинностей между собою усольцами—посадскими и уѣздными людьми [1]). Во-вторыхъ, въ концѣ 1706 года, стало быть послѣ семилѣтняго уже существованія палаты—Ратуши и Земскихъ Избъ, принимаются мѣры противъ того, что «едва не во всѣхъ городахъ» въ окладныхъ тяглахъ «налагаютъ пожиточные на убогихъ», отъ которыхъ обидъ многіе изъ убогихъ вышли въ стороны городовъ [2]). Понятно, что такого рода злоупотребленіе какъ притѣсненіе пожиточными «убогихъ», т. е. богатыми посадскими бѣдныхъ, возможно, какъ на это ясно указываетъ самый способъ выраженія указа, лишь при условіи, что распредѣленіе тягла зависитъ отъ самихъ посадскихъ; наконецъ, въ наказѣ нижегородскимъ Бурмистрамъ между обязанностями послѣднихъ называется и обязанность ихъ «облагать вновь» не платившихъ еще, т. е. не вошедшихъ въ тягло по первоначальной раскладкѣ «купецкихъ, торговыхъ, промышленныхъ, чернослободскихъ и пріѣзжихъ людей.» [3]) Такимъ образомъ, право раскладки податей и повинностей несомнѣнно принадлежало Земскихъ Бурмистрамъ. Но что представляло собою это право, какую роль играли Земскія выборныя

---

[1]) П. С. З. № 1639.
[2]) П. С. З. № 2127.
[3]) П. С. З. № 1697, сентября 12 за 1699 г.

должностныя лица, раскладывая подати и повинности? Прежде всего, нужно строго отличать право раскладки, отъ права обложенія. Первое есть ничто иное, какъ распредѣленіе между членами данной общины той валовой суммы, которую правительство наложило на всю общину, какъ тяглую единицу; второе — право общины, въ лицѣ ея представителей, такъ сказать, установить новый налогъ, установить его на собственныя нужды и потребности совершенно самостоятельно, независимо отъ правительства, которое только контролируетъ такое обложеніе, пользуясь для этой цѣли правомъ разрѣшенія. Послѣднее право составляетъ неотъемлемую характеристическую черту автономической общины, общины, обладающей правами самоуправленія, между которыми право самообложенія — одно изъ самыхъ важныхъ. Первое, т. е. право раскладки податей и повинностей государственныхъ едвали составляло въ исторіи нашего городскаго торгово-промышленнаго сословія, даже первый шагъ къ самоуправленію, къ развитію изъ сословно тяглой общины автономической единицы. Это право едвали даже можно назвать правомъ, это—скорѣе обязанность, возложенная государствомъ на выборныхъ членовъ общины нестолько въ виду интересовъ самой общины, сколько въ интересахъ государства. На это послѣднее обстоятельство лучше всего указываетъ колебательная политика московскаго государства по отношенію къ данному вопросу въ теченіе XVII ст. и даже XVIII. Правительство то устраняло воеводъ, и вообще приказное начало, совершенно отъ всякаго вмѣшательства въ дѣло раскладки податей и повинностей, то вмѣняло имъ въ обязанность наблюдать за раскладкой и даже прямо производить ее самимъ, въ виду злоупотребленій со стороны сословныхъ выборныхъ [1]); государство пробуетъ ту или другую мѣру, пускаетъ въ ходъ, то или другое начало исключительно въ виду исправнаго, бездоимочнаго сбора своихъ доходовъ. Понятно, что и въ качествѣ раскладчиковъ податей и повинностей земскіе выборные вообще и Земскіе Бурмистры, наблюдавшіе за этими раскладчиками, въ особенности, являлись скорѣе простыми агентами центральной власти, чѣмъ органами общины.

Такими же агентами являлись Земскіе Бурмистры и во второмъ

---

[1]) *Градовскій:* Ист. мѣст. упр. 322, 323. *Чичеринъ:* Обл. Учр. 193, 194.

случаѣ—по отношенію къ праву «отдавать всякія статьи въ оброкъ съ торгу», какъ выражается наказъ нижегородскимъ Бурмистрамъ, или отдавать нѣкоторые сборы на откупъ, какъ напр., ледоколъ и прорубное [1]), и въ этомъ случаѣ они являлись не представителями сословно городской общины, а государственной власти, и отдавали на откупъ оброчныя статьи не отъ лица общины, не пользовавшейся еще въ то время правомъ собственности (а лишь очень ограниченнымъ правомъ владѣнія) надъ городскими землями и угодьями и не имѣвшей своей казны, своихъ капиталовъ: деньги съ откуповъ или отдачи оброчныхъ статей шли въ государственную же кассу Приказа Большаго Дворца или расходовались лишь по указу его Великаго Государя. Иначе и быть не могло: всѣ подати и налоги были государственными, по своему назначенію, податьми и налогами, шедшими на удовлетвореніе нуждъ и потребностей государства, а не данной общины. Отсюда становится совершенно понятнымъ, что Земскія Избы не могли расходовать собранныхъ ими суммъ по собственному усмотрѣнію; онѣ должны были выдавать изъ нихъ «въ расходъ» не иначе какъ по указу Его Великаго Государя, изданному Бурмистерской Палатой (Ратушей) за печатью президента и Бурмистровъ [2]); въ случаѣ нарушенія этого правила Государь грозитъ Земскимъ Бурмистрамъ взысканіемъ съ нихъ «безъ пощады» вдвойнѣ выданной ими суммы [3]). Всѣ собранныя Земскими Избами суммы стекались въ московскую Ратушу, которая могла расходовать ихъ на тѣхъ же основаніяхъ, а оставшіяся за расходомъ суммы должны были пересылаться въ Приказъ Большія Казны [4]). Такимъ образомъ, не только отдѣльныя сословныя общины не имѣли собственнаго капитала, которымъ они могли бы распоряжаться на удовлетвореніе собственныхъ нуждъ, его не имѣло и цѣлое сословіе, центральное учрежденіе котораго, Ратуша, какъ и мѣстныя, Земскія Избы, являлось лишь органомъ, учрежденіемъ, исключительно государственнымъ.

Земскія Избы, замѣнивъ собою Приказныя Избы воеводъ, eo ipso,

---

[1]) П. С. З. №№ 1816; 1853; 2059; 2165.
[2]) Наказъ нижегор. Бурмистрамъ. П. С. З. № 1697.
[3]) Ibid.
[4]) П. С. З. № 1674.

какъ я уже замѣтилъ, должны были играть роль послѣднихъ, т. е. «агентовъ правительства, понуждавшихъ тяглецовъ къ исправному отбыванію тягла». Земскіе Бурмистры сами, непосредственно, не участвовали ни въ раскладкѣ податей и повинностей, ни въ сборѣ какъ ихъ, такъ и таможенныхъ, кабацкихъ и тому подобныхъ пошлинъ; все это они производятъ черезъ земскихъ старостъ, таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ, замѣнившихъ прежнихъ головъ и цѣловальниковъ. Дѣйствія этихъ выборныхъ были поставлены подъ ихъ непосредственный надзоръ [1]). Земскіе Бурмистры обязаны были «смотрѣть» надъ таможенными и кабацкими бурмистрами, отсылать ихъ въ урочное время въ Москву съ книгами [2]); свидѣтельствовать совершаемыя ими сдѣлки о покупкахъ и подрядахъ всякаго рода припасовъ [3]); контролировать ихъ вообще въ опредѣленные сроки; отсылать собранныя ими деньги въ Москву. Судя по этому, можно бы придти къ заключенію, что эти выборныя лица—ничто иное, какъ исполнительные органы Земскихъ Бурмистровъ; но къ такому заключенію можно придти лишь съ перваго взгляда, на самомъ же дѣлѣ, вопросъ объ отношеніяхъ этихъ единоличныхъ выборныхъ должностныхъ лицъ къ коллегіальному установленію—Бурмистрамъ Земской Избы не легко рѣшить на основаніи матеріала, заключающагося въ Полномъ Собраніи Законовъ.

Наказъ брянскимъ Бурмистрамъ опредѣляетъ эти отношенія такъ: «таможенные и кабацкіе Бурмистры «должны быть послушны» Земскимъ Бурмистрамъ и мірскимъ людямъ, выбравшимъ ихъ (таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ) [4]); выраженіе—«должны быть послушны», не можетъ быть толкуемо иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что бурмистры таможенные и кабацкіе должны безпрекословно исполнять приказанія Земскихъ Бурмистровъ, т. е. что первые—ничто иное, какъ простые исполнители распоряженій послѣднихъ. На такія отношенія, дѣйствительно, и указываютъ отчетность таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ пе-

---

[1]) Наказы нижегородскимъ и брянскимъ Бурмистрамъ. П. С. З. №№ 1697 и 1813.

[2]) П. С. З. № 1813.

[3]) Ibid. и № 1697.

[4]) П. С. З. № 1813.

редъ Земскими и даже ихъ отвѣтственность передъ ними: они должны были подавать «за руками» вѣдомости о таможенномъ и кабацкомъ сборѣ еженедѣльно въ Земскую Избу Бурмистрамъ, или, по крайней мѣрѣ, ежемѣсячно [1]). Земскіе Бурмистры ставили кабацкихъ и таможенныхъ даже на правежъ [2]); все это, какъ я уже замѣтилъ, указываетъ на полную подчиненность кабацкихъ и таможенныхъ бурмистровъ Земскимъ. Но съ другой стороны, напр., въ томъ же наказѣ нижегородскимъ Бурмистрамъ мы встрѣчаемся съ предписаніемъ Земскимъ Бурмистрамъ учинить съ общаго совѣта съ таможенными бурмистрами заставы крѣпкія.... иное что, къ пополненію сборовъ пристойно учинить съ общаго совѣта» [3]). Это опредѣленіе отношеній земскихъ и таможенныхъ съ кабацкими бурмистровъ стоитъ—въ явномъ противорѣчіи со всѣмъ тѣмъ, что мы только-что видѣли: тотъ, съ кѣмъ съ общаго совѣта рѣшаются такіе вопросы, какъ постройка новыхъ таможенныхъ заставъ, съ кѣмъ обсуждаются мѣры, «къ пополненію сборовъ», казалось бы не могъ стоять въ подчиненныхъ, зависимыхъ отношеніяхъ къ тому, кто съ нимъ совѣтуется. Но, мнѣ кажется, выраженію «съ общаго совѣта» не слѣдуетъ придавать большаго значенія, именно того, что Земскіе Бурмистры рѣшаютъ важные вопросы по таможенному и кабацкому дѣлу вмѣстѣ съ таможенными и кабацкими бурмистрами. Самое выраженіе—«съ совѣта», какъ мнѣ кажется, указываетъ на сущность дѣла: согласно этой сущности выраженія кабацкимъ и таможеннымъ головамъ и бурмистрамъ принадлежало лишь право совѣта, т. е. они, обсуждая вопросъ съ Земскими Бурмистрами, пользовались лишь правомъ совѣщательнаго голоса, а никакъ не рѣшительнаго, который и оставался только за Земскими Бурмистрами, которымъ указывалось въ данномъ случаѣ совѣтываться со своими подчиненными лишь какъ съ людьми, практически опытными, такъ сказать, спе-

---

[1]) П. С. З. №№ 1697 и 1813.

[2]) Приговоръ московской Ратуши отъ 13 марта 1700 г: „если имъ (головамъ) платить на Москвѣ не чѣмъ, то—отпускать домой, и править тое доимку Земскимъ Бурмистрамъ безъ всякаго милосердія. П. С. З. № 1777.

[3]) П. С. З. 1697; тоже самое повторяется въ наказѣ брянскимъ Бурмистрамъ. П. С. З. № 1813.

ціалистами дѣла, не болѣе; они могли и не принять во вниманіе совѣта этихъ опытныхъ людей, и рѣшить дѣло исключительно по собственному усмотрѣнію.

О земскихъ старостахъ и цѣловальникахъ на посадахъ за это время мы не имѣемъ никакихъ почти данныхъ, по которымъ можно бы было заключить объ ихъ обязанностяхъ и отношеніяхъ къ Земскимъ Избамъ. Однако, несомнѣнно, что эти представители Земскаго начала существовали послѣ учрежденія Земскихъ Избъ и Бурмистерской Палаты—Ратуши [1]). Такъ какъ, кромѣ того, мы не имѣемъ никакихъ законодательныхъ актовъ за это время, которые бы опредѣляли вновь характеръ и роль этихъ земскихъ должностныхъ лицъ, то едва ли будетъ рискованнымъ заключеніе, что то и другое оставалось въ томъ же видѣ, какой представляли собою земскіе старосты и цѣловальники на посадахъ въ теченіи XVII столѣтія, т. е. это были выборныя мірскія власти «для управленія земскими дѣлами», какъ выражается Чичеринъ, состоящими въ раскладкѣ податей и повинностей и ихъ сборѣ. Если принять во вниманіе отвѣтственность Земскихъ Бурмистровъ за «доимку» во всякаго рода сборахъ, ихъ право и даже обязанность вмѣшиваться въ выборы земскихъ должностныхъ лицъ, раскладку податей и повинностей, то едва ли можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ выводъ, что и земскіе старосты, «съ товарищи» стояли къ этимъ бурмистрамъ въ такихъ же точно отношеніяхъ, въ какихъ, мы видѣли, стояли къ нимъ таможенные и кабацкіе бурмистры, т. е., въ отношеніяхъ исполнительныхъ, подчиненныхъ агентовъ.

Въ чемъ состояли обязанности таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ, точно опредѣляется самымъ названіемъ этихъ должностныхъ лицъ: они были ничѣмъ инымъ какъ земскими выборными, поставленными спеціально къ государеву дѣлу», не имѣющему никакого прямаго отношенія къ посадскимъ сословнымъ торгово-промышленнымъ общинамъ. Земскіе же старосты и цѣловальники хотя и вѣдали дѣла уже прямо, непосредственно, касавшіяся об-

---

[1]) Фактъ ихъ существованія лучше всего подтверждается уже приведеннымъ нами указомъ, изданнымъ по поводу злоупотребленій земскихъ должностныхъ лицъ и именно веневскихъ земскихъ старостъ. П. С. З. № 1722.

щины, но все-таки дѣла эти лишь касались общины, оставаясь по существу все тѣми же государственными дѣлами. Такимъ образомъ, и въ качествѣ раскладчиковъ и сборщиковъ Земскіе старосты и цѣловальники являлись опять-таки ничѣмъ инымъ, какъ нисшими агентами правительственной власти, только вербуемыми изъ среды самихъ облагаемыхъ повинностями общинъ.

Изъ характера и рода дѣятельности новыхъ учрежденій, объема ихъ власти вытекаетъ, какъ необходимое заключеніе, слѣдующее: Бурмистерская Палата, впослѣдствіи Ратуша, въ качествѣ центральнаго учрежденія вѣдала не города, а лишь торгово-промышленное населеніе городовъ, и притомъ главнымъ образомъ вѣдала его въ финансово-государственномъ отношеніи, если можно такъ выразиться, т. е. вѣдало его по отношенію къ раскладкѣ и сбору всякаго рода податей, повинностей и пошлинъ. Земскія городовыя Избы, составленныя изъ Земскихъ Бурмистровъ и подчиненные имъ Земскіе старосты и цѣловальники, таможенные и кабацкіе бурмисты—мѣстныя учрежденія, вѣдавшія въ томъ же отношеніи, что и Бурмистерская Палата, торгово-промышленное населеніе даннаго посада; однимъ словомъ, весь этотъ механизмъ имѣетъ назначеніемъ вѣдать тяглое сословіе и притомъ, именно по отношенію къ государственному тяглу этого сословія.

ГЛАВА IV.

Взаимныя отношенія земскихъ городскихъ должностныхъ лицъ и учрежденій. Отвѣтственность Земскихъ Бурмистровъ.

Назначеніе и цѣль новыхъ учрежденій 1699 года ярко выразились и въ самой организаціи ихъ взаимныхъ отношеній. Мы уже видѣли, что нисшія отдѣльныя, единоличныя земскія выборныя должностныя лица на посадѣ стояли въ полной зависимости отъ Земскихъ Избъ, которымъ обязаны были отчетностью и отвѣтственностью за упущенія; въ подобномъ же отношеніи, въ свою очередь, стояли Земскія Избы къ Бурмистерской Палатѣ—Ратушѣ. Собирая разсыпанную храмину, законодатель старается связать ее помощью строгой іерархической зависимости вновь учреждаемыхъ установ-

леній другъ отъ друга; онъ уничтожаетъ старое начало, по которому почти всякая община въ лицѣ своего земскаго, выборнаго представителя пользовалась правомъ непосредственнаго сношенія съ центральными московскими учрежденіями, обходя мѣстнаго представителя центральной власти — воеводу. Поставивъ выборныхъ отъ общинъ въ полную зависимость отъ Земскихъ Избъ, Петръ ставитъ въ такое же положеніе относительно московской Ратуши Земскихъ Бурмистровъ, правильное отправленіе которыми «службъ» тѣмъ болѣе требовало гарантій: въ самомъ дѣлѣ, въ ихъ рукахъ — всѣ сборы и доходы опредѣленнаго округа; а руки эти, въ силу обязательнаго характера ихъ службы, не могли быть чище и вѣрнѣе рукъ приказныхъ; въ этомъ-то и лежитъ причина сложной системы отчетности Земскихъ Избъ передъ московской Ратушей и суровая отвѣтственность бурмистровъ.

Отношеніе Земскихъ Бурмистровъ къ Бурмистерской Палатѣ по своей сущности аналогична съ отношеніемъ воеводы къ приказу, вѣдавшему городъ, въ который посланъ воевода и назначавшему послѣдняго на его мѣсто; отношеніе это, въ общемъ смыслѣ, наказъ ниже городскимъ бурмистрамъ характеризуетъ въ слѣдующихъ словахъ: «и вѣдать ихъ (Земскихъ Бурмистровъ) московскому президенту (Ратуши) и Бурмистромъ» [1]. Неопредѣленное выраженіе «вѣдать» значило въ то время очень много: оно содержало въ себѣ понятіе о полной зависимости вѣдаемаго отъ вѣдающаго; на это указываютъ и подробности этого вѣдѣнія, излагаемыя въ томъ же наказѣ и въ цѣломъ рядѣ указовъ. Такъ, расходовать собираемыя деньги въ какой бы то ни было суммѣ Земскіе Бурмистры могли лишь по указу «Его Великаго государя», присланному изъ Ратуши за печатью ея президента и Бурмистровъ [2]. О всѣхъ сборахъ и доходахъ, поступающихъ въ Земскую Избу отъ земскихъ старостъ, таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ, Земскіе Бурмистры должны были, на основаніи еженедѣльныхъ донесеній названныхъ должностныхъ лицъ, составлять ежемѣсячныя

[1]) П. С. З. № 1697.

[2]) П. С. З. № 1697; тоже самое высказывается и въ указахъ объ учрежденіи Бурмистерской Палаты по отношенію къ Бурмистрамъ этой Палаты. П. С. З. № 1674.

вѣдомости и отсылать ихъ въ Москву, въ Бурмистерскую Палату [1]). Собранныя суммы Земскіе бурмистры должны были пересылать въ Москву нѣсколько разъ въ теченіи года [2]).

Земскіе бурмистры по плану законодателя должны были быть ничѣмъ инымъ, какъ орудіемъ московской Ратуши. Они должны были доносить въ Ратушу о злоупотребленіяхъ земскихъ выборныхъ, кабацкихъ и таможенныхъ бурмистровъ, доносить раньше кого либо другаго; а сами не имѣли права преипринимать какія либо мѣры, не дождавшись распоряженія отъ московскихъ бурмистровъ, которые, такимъ образомъ, и являются въ сущности дѣйствительно вѣдающими посадскихъ людей [3]).

Входя въ планы законодателя, составляя его pia desideria, строгая іерархическая подчиненность единоличныхъ земскихъ должностей Земскимъ Избамъ, а этихъ послѣднихъ Бурмистерской Палатѣ въ Москвѣ не осуществлялась вполнѣ послѣдовательно даже въ самомъ законодательствѣ. Часто встрѣчались отступленія; такъ, отчетность и отвѣтственность таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ передъ земскими не устраняли прямыхъ сношеній первыхъ прямо съ Ратушей, куда они являлись со своими отчетными книгами и вѣдомостями, хотя и за подписью Земскихъ Бурмистровъ [4]). Съ другой

[1]) П. С. З. №№ 1697; 1813; 1816: въ этомъ указѣ говорится лишь просто о высылкѣ вѣдомостей во всякихъ расправныхъ дѣлахъ. Въ указѣ отъ 1 января 1703 года опредѣляются подробности веденія книгъ, „дестевыхъ тетрадей" Земскими Бурмистрами, тетрадей, „съ которыхъ" мѣсячныя вѣдомости уже и доставлялись въ Москву.—П. С. З. № 1922.

[2]) Въ наказахъ нижегородскихъ и брянскихъ Бурмистрамъ (П. С. З. №№ 1697 и 1813) сроки высылки собранныхъ суммъ опредѣляются ноябремъ, мартомъ и маемъ мѣсяцами.

[3]) Наказъ нижегородскимъ Бурмистрамъ говоритъ, чтобы, въ случаѣ учиненія какой либо порухи въ пошлинахъ и въ питейныхъ продажахъ таможенными и кабацкими бурмистрами, „прежъ вашего (Земскихъ Бурмистровъ) доношенія о томъ не было." Вслѣдъ за этимъ наказъ прибавляетъ: „а не описывая отнюдь ничего имъ бурмистрамъ не чинить". П. С. З. № 1697. Московскимъ бурмистрамъ поручено было „посылать для розысковъ" въ случаѣ доносовъ, воеводъ на Земскихъ, таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ. П. С. З. № 1704.

[4]) „Чтобъ безъ Земскихъ Бурмистровъ рукъ книги къ Москвѣ въ привозѣ отнюдь не были" П. С. З. № 1813. А на практикѣ повидимому существовалъ еще старый порядокъ вещей:—кабацкіе и таможенные бурмистры

стороны не всѣ Земскія Избы съ ихъ Бурмистрами стояли подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Московской Ратуши: въ самый годъ изданія указовъ объ учрежденіи Бурмистерской Палаты и Земскихъ Избъ изданъ былъ указъ, повелѣвавшій «учинить провинціи—къ Великому-Новгороду, Пскову и другимъ городамъ приписать малые города и уѣзды», а земскимъ бурмистрамъ «тѣхъ настоящихъ» городовъ велѣно вѣдать Земскихъ Бурмистровъ малыхъ, «приписныхъ» городовъ «а также и кабацкихъ и таможенныхъ бурмистровъ во всякихъ дѣлахъ вѣдать и надсматривать». Такимъ образомъ, эти малые, «приписные» къ настоящимъ, города были поставлены въ полную зависимость отъ Земскихъ Бурмистровъ настоящихъ городовъ и уже никакихъ непосредственныхъ сношеній, черезъ своихъ Земскихъ Бурмистровъ, съ Московской Ратушей не имѣли; такъ что самые отчеты о сборахъ изъ Земскихъ Избъ этихъ городовъ отсылались въ Москву бурмистрами «настоящихъ» городовъ. Сама Ратуша вовсе не вѣдается съ бурмистрами этихъ городовъ, переписываясь о всякихъ земскихъ дѣлахъ все съ тѣми же бурмистрами настоящихъ городовъ, которымъ предоставлялось относительно приписныхъ городовъ «указы чинить о какихъ дѣлахъ можно» [1]); и только въ особенно важныхъ случаяхъ—«о чемъ указу чинить не можно» Земскіе бурмистры настоящихъ городовъ должны былы писать «къ Москвѣ» въ Бурмистерскую Палату.

Указъ въ данномъ случаѣ не говоритъ о мотивахъ такой приписки городовъ,—о нихъ можно лишь догадываться по выраженію «малые города и уѣзды»: законодатель, вѣроятно, мотивировался именно ихъ незначительностью относительно торгово-промышленнаго населенія, хотя собственно и трудно понять, почему размѣръ или вообще значеніе города могли вызвать такого рода постановленіе, и именно только такого рода: было бы понятно, еслибы сдѣланы были измѣненія въ самыхъ учрежденіяхъ—въ составѣ Земской Избы, едино-

являлись въ Москву помимо, обходя Земскія Избы; иначе трудно, даже нельзя, объяснить указъ отъ 2 мая 1801 года, въ которомъ запрещается этимъ бурмистрамъ „собою", безъ отписки отъ Земскихъ Бурмистровъ къ Москвѣ ѣздить, сборныя книги подавать. П. С. З. № 1865.

[1]) П. С. З. № 1706: „а о чемъ указу чинить не можно, говоритъ указъ дальше, о томъ писать въ Бурмистерскую Палату. Но о чемъ именно указу чинить не можно—не опредѣляется.

личныхъ выборныхъ и т. п.; но ни о чемъ подобномъ ни въ данномъ указѣ, ни послѣ его изданія вовсе нѣтъ рѣчи [1]).

Подобнаго рода организація взаимныхъ отношеній между отдѣльными сословно-городскими учрежденіями и центральнымъ, разумѣется не могла быть вызвана ни интересами отдѣльныхъ общинъ населенія городовъ-посадовъ, ни даже интересами сословными; ея причина и цѣль лежали въ чисто государственныхъ, при томъ финансовыхъ соображеніяхъ: эта организація—ничто иное, какъ организація тягла торгово-промышленнаго сословія, организація правильнаго сбора государственныхъ доходовъ съ торгово-промышленнаго населенія при посредствѣ агентовъ, поставляемыхъ государству этимъ же самымъ населеніемъ. Понятно, что руководимый исключительно такого рода цѣлью, законодатель не могъ имѣть въ виду интересы общинные, діаметрально противоположные этимъ цѣлямъ.

Мы видѣли, что Бурмистерская Палата, потомъ Ратуша, въ Москвѣ стояла во главѣ сословно-городскихъ учрежденій—Земскихъ Избъ и была тѣмъ «пристойнымъ» приказомъ, который вѣдалъ все торгово-промышленное населеніе европейской Россіи [2]) тогдашняго времени; это былъ рычагъ, приводившій въ дѣйствіе всѣ отдѣльныя части механизма. Но и самъ рычагъ этотъ не былъ учрежденіемъ пользовавшимся полной автономіей въ своихъ дѣйствіяхъ. Это былъ приказъ, дѣйствовавшій исключительно по указу Государя; безъ такого указа Ратуша не могла сдѣлать никакого расхода изъ суммъ, въ нее стекавшихся, за исключеніемъ развѣ самыхъ ничтожныхъ, въ родѣ самыхъ необходимыхъ расходовъ

---

[1]) Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ проявляется старое начало, начало XVII ст., когда также нѣкоторые города приписывались со своими воеводами къ другимъ, большимъ. Только въ настоящемъ случаѣ отношенія приписныхъ городовъ къ главнымъ опредѣляются гораздо точнѣе. Объ этихъ отношеніяхъ въ XVII в. см. у *Чичерина*. Обл. учр. въ XVII в. 340—354.

[2]) Посадское и вообще торгово-промышленное населеніе Сибири не подлежало преобразованію, и оставалось въ вѣдѣніи воеводъ. „Въ сибирскихъ городахъ бурмистрамъ не быть, а быть по прежнему „...таможеннымъ и кабацкимъ головамъ и цѣловальникамъ, а надъ ними надзирать воеводамъ со всякимъ крайнимъ радѣніемъ... Все это мотивируется тѣмъ, что, въ сибирскихъ нѣкоторыхъ городахъ посадскихъ людей нѣтъ. „...а если и есть, то людишки худые, скудные... и ни въ какихъ сборахъ вѣрить некому. П. С. З. № 1708.

на канцелярію — напр., на свѣчи, чернила, бумагу и т. п. [1]). Все, остававшееся за расходами, Ратуша обязана была отсылать въ Приказъ Большія Казны, которому бурмистры ея, какъ въ качествѣ органовъ всего московскаго государства, обязаны были полною отчетностью, которая выражалась въ томъ, что они обязаны были представлять въ этотъ Приказъ, какъ завѣдывавшій почти всѣми государственными доходами, «смѣтные годовые списки и перечневыя выписки съ подлинныхъ приходныхъ и расходныхъ книгъ и указовъ» [2]). Это отношеніе Бурмистерской Палаты къ верховной власти и Приказу, вѣдавшему государственные доходы, рельефнѣе всего характеризуетъ значеніе этой Палаты, какъ по отношенію къ государству, такъ и по отношенію къ сословію и его отдѣльнымъ общинамъ.

Всѣ земскія выборныя должностныя лица и коллегіальныя учрежденія подвергались строгой отвѣтственности какъ имущественной, такъ и личной; характеръ отвѣтственности обусловливался, разумѣется, характеромъ самой службы и цѣлью установленія данныхъ должностныхъ лицъ и учрежденій. Отвѣтственность земскихъ выборныхъ и государственныхъ чиновниковъ — различна въ томъ отношеніи, что земское выборное должностное лицо кромѣ уголовной отвѣтственности, общей съ отвѣтственностью этого рода государственныхъ чиновниковъ, должно возстановить земству, обществу, которое его выбирало и интересамъ котораго онъ служилъ, тотъ ущербъ, который оно причинило ему своими упущеніями и злоупотребленіями; государственный же чиновникъ возстановляетъ ущербъ казнѣ: въ этомъ выражается, между прочимъ, отличіе земскаго общественнаго должностнаго лица отъ государственнаго чиновника. Въ чемъ же выражалась отвѣтственность Земскихъ Бурмистровъ и бурмистровъ московской Ратуши; куда вносили они растраченное, кому возстановляли нанесенный ущербъ, наконецъ, кто возстановлялъ этотъ ущербъ? [3]) Какъ потому, чьимъ интересамъ

[1]) По крайней мѣрѣ такіе расходы дозволяется „чинить" земскимъ, таможеннымъ и кабацкимъ бурмистрамъ: П. С. З. № 1697. Опредѣленіе о расходованіи сбираемыхъ денегъ бурмистрами Ратуши содержится въ самомъ указѣ объ ея учрежденіи: П. С. З. № 1674.

[2]) П. С. З. № 1674.

[3]) Послѣдній вопросъ можетъ съ перваго взгляда показаться стран-

служитъ данное должностное лицо, можно заранѣе рѣшить куда и кому должно внести это лицо растраченныя имъ суммы, такъ и наоборотъ, потому — куда и кому обязывается должностное лицо внести растраченное имъ, можно рѣшить, какіе интересы оно представляетъ собою—служитъ ли оно государству или обществу.

Я не буду останавливаться на уголовной карѣ, «лишеніи живота», ссылкѣ въ Азовъ, «батогахъ нещадныхъ» [1]) — грозившей въ сущности за злоупотребленія одинаково, какъ выборнымъ изъ посадскихъ, такъ и приказнымъ людямъ, и обращусь прямо къ имущественной отвѣтственности первыхъ.

За всякія упущенія и злоупотребленія земскихъ и ратушскихъ бурмистровъ законодатель грозитъ пеней и уплатой двойной суммы упущеннаго или растраченнаго [2]); взыскиваемая сумма шла не въ пользу той общины, выборнымъ которой былъ данный бурмистръ и въ пользу которой эта сумма должна бы была идти, еслибъ Земскіе Бурмистры были должностными лицами этой общины; сумма эта шла въ государственную казну; мы имѣемъ прямыя доказательства этого въ нѣкоторыхъ указахъ, которые предписываютъ «дворы и животы, и промыслы» Земскихъ Бурмистровъ «за несмотрѣніе» отдавать въ казну [3]). Но яснѣе всего этотъ фактъ утверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что за бурмистровъ отвѣчала сама община, выборщики: «а буде они, бурмистры, говоритъ указъ объ учрежденіи Бурмистерской Палаты, въ которомъ году какихъ его Великаго Государя доходовъ не выберутъ по окладу или какихъ сборовъ чего не доберутъ и то все взять на тѣхъ людяхъ на всѣхъ, которые ихъ въ бурмистры выберутъ, вдвое» [4]).

нымъ, но изъ дальнѣйшаго изложенія мы увидимъ, что онъ совершенно умѣстенъ.

[1]) П. С. З. №№ 1722; 1777: въ этомъ указѣ предписывается головъ и цѣловальниковъ ставить „за доимку" на правежъ; 1819; 1922; 1956; 2074.

[2]) Наказъ нижегородс. бурм. грозитъ имъ за то, „буде что дадутъ безъ указу Его Великаго Государя" взысканіемъ выданнаго „вдвое безъ пощады". П. С. З. № 1697.

[3]) П. С. З. № 1922; тоже и въ № 1956.

[4]) П. С. З. № 1674. Съ таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ точно также опредѣлялось взимать вдвое противъ упущеннаго или утаеннаго. См. П. С. З. № 1700. Съ Земскихъ старостъ головъ и цѣловальниковъ доимку должны были править Земскіе Бурмирстры „безъ всякаго милосер-

Само собою понятно, что выборщики, члены общины, не вносили этотъ взимаемый съ нихъ двойной недоборъ самой общинѣ, а платили его въ казну. Да иначе и быть не могло: я старался указать, разбирая объемъ вѣдѣнія, власти земскихъ и ратушскихъ бурмистровъ, что и тѣ и другіе были ничѣмъ инымъ, какъ тѣми же чиновниками, какими являлись и приказные служилые люди съ тою лишь разницею, что первые были чиновниками по выбору самаго посадскаго общества, которое поставляло ихъ къ государственной службѣ въ качествѣ отправленія, такъ сказать, натуральной повинности; а чиновники, состоящіе на службѣ у государства, должны были и отвѣчать передъ государствомъ. Можно думать, что именно эта возможность взыскать утерянное съ самихъ земскихъ выборныхъ, обыкновенно зажиточныхъ людей, (таковыхъ, по крайней мѣрѣ, хотѣло и старалось имѣть у сборовъ само правительство) и что еще вѣрнѣе, съ выборщиковъ, и было, если не единственною, то во всякомъ случаѣ одною изъ самыхъ главныхъ побудительныхъ причинъ къ замѣнѣ воеводъ съ ихъ Приказными Избами Земскими Бурмистрами и разныхъ приказовъ, вѣдавшихъ торгово-промышленное населеніе Бурмистерской Палатой: приказные такой гарантіи не представляли.

И такъ, и характеръ дѣлъ подлежащихъ вѣдѣнію Земскихъ Избъ и Бурмистерской Палаты, объемъ ихъ власти, и организація отношеній ихъ другъ къ другу, и характеръ отвѣтственности, все это указываетъ, что весь механизмъ Избъ и Палаты былъ механизмомъ чисто государственнымъ по цѣлямъ его учрежденія и сословно-тяглымъ по самой организаціи. Мѣстная посадская община являлась по отношенію къ этому административному механизму не больше какъ тяглой единицей, поставлявшей опредѣленное число колесъ и шестерней, если можно такъ выразиться, въ этотъ механизмъ.

дія", а въ случаѣ ихъ укрывательства недоимка правилась съ выборщиковъ этихъ головъ. П. С. З. № 1813. Если не всегда, то очень часто обѣ системы взысканій — и съ бурмистровъ и „съ лучшихъ градскихъ людей"—примѣнялись къ дѣлу. П. С. З. № 2099.

ГЛАВА V.

Отношение Палаты и Изб къ городу и уѣзду.

Если вся эта іерархія отдѣльныхъ земскихъ выборныхъ должностныхъ лицъ и цѣлыхъ коллегіальныхъ учрежденій не имѣла почти никакого отношенія къ городской общинѣ по характеру и роду дѣлъ, подлежащихъ ея вѣдомству, то какое, спрашивается, отношеніе имѣла она къ этой общинѣ, такъ сказать, въ территоріальномъ смыслѣ? Были ли отдѣльныя звенья, ее составляющія, тяглыми представителями цѣлаго города, какъ земской единицы, юридическаго лица, или только части его и притомъ являлись ли они такими представителями лишь населенія, жившаго въ районѣ города или части его или же вмѣстѣ и населенія, жившаго и за предѣлами его; наконецъ, самая дѣятельность ихъ ограничивалась ли райономъ посада или простиралась и за его границы?

Отвѣчая на всѣ, сейчасъ поставленные вопросы, нужно имѣть въ виду главное, основное положеніе, къ которому привело изслѣдованіе характера Земскихъ Избъ и Палаты-Ратуши, что эти учрежденія, по своимъ цѣлямъ и организаціи, носятъ исключительно государственный сословно-тяглый характеръ. На основаніи этого положенія можно отвѣтить на данные вопросы даже не пускаясь въ дальнее изслѣдованіе фактовъ, а такъ сказать à priori, путемъ простаго вывода послѣдствій изъ даннаго положенія. Въ самомъ дѣлѣ, если цѣль учрежденія Земскихъ Избъ и Палаты,—собрать воедино разсыпанную храмину торгово-промышленнаго населенія Руси по отношенію къ государственнымъ податямъ, налогамъ и повинностямъ этого населенія, то отсюда, какъ прямой результатъ, вытекаетъ положеніе, что Земская Изба и Ратуша, въ качествѣ мѣстнаго московскаго учрежденія, ни коимъ образомъ не могли вѣдать всего города, какъ одного цѣлаго, какъ юридическаго лица, по той простой причинѣ, что городъ въ обширномъ смыслѣ, какъ совокупность города въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. крѣпости — кремля, посада и слободъ, не былъ весь населенъ исключительно только торговцами и ремесленниками, вообще промышленниками

всякаго рода. Въ немъ, кромѣ этого населенія, ютившагося исключительно въ посадѣ и слободахъ, жили еще служилые люди — боярскія дѣти, стрѣльцы, пушкари, затинщики, воротники и т. п., приказные, иностранцы. Ни одинъ изъ этихъ слоевъ населенія, понятно, не могъ входить въ область вѣдѣнія Земскихъ Избъ, которыя поэтому и не вѣдали всего города, а лишь часть его, хотя и большую, — посады и слободы, по скольку послѣднія были населены торгово-промышленнымъ людомъ [1]). Далѣе, населеніе это не жило только въ посадахъ и пригородныхъ слободахъ, оно разсыпалось и по уѣзду, почему съ другой стороны, Земскія Избы и Бурмистры eo ipso простирали свою власть и за предѣлы города, и тѣ и другіе являлись представителями не отъ одного посада со слободами. Но обратимся къ фактамъ.

Во введеніи указа объ учрежденіи Бурмистерской Палаты въ Москвѣ Петръ Великій обращается лишь къ купецкимъ и промышленнымъ людямъ посадовъ и слободъ; населеніе этихъ только частей города въ обширномъ смыслѣ имѣетъ въ виду законодатель, учреждая по городамъ Земскія Избы [2]), и дѣйствительно Земскіе Бурмистры по выборамъ являются представителями лишь части городскаго населенія, а слѣдовательно и части города въ территоріальномъ смыслѣ: въ ихъ выборѣ участвуютъ лишь «сотни» и слободы [3]); на первыя дѣлилось посадское торгово-промышленное и земледѣльческое населеніе; вторыя населены были мелкими промышленниками и ремесленниками. Такимъ образомъ, являясь, съ одной стороны, выборными только части городскаго населенія, только части города въ обширномъ смыслѣ, а не всего его, Земскіе Бурмистры, съ другой стороны, были выборными не отъ однихъ только посадовъ городскихъ и слободъ; въ ихъ выборѣ принимало участіе и населеніе уѣзда — селъ и деревень. «Великій Государь указалъ во всѣхъ городахъ посадскимъ и всякихъ чиновъ купецкимъ

[1]) Не всѣ слободы были населены ремесленниками и торговцами; такъ на Москвѣ слѣдующія слободы не были населены этого рода людьми, и потому не подлежали вѣдѣнію Ратуши: солдатскія, пушкарскія, ямскія, новонѣмецкая и иныя прочія. См. П. С. З. № 2075.

[2]) П. С. З. №№ 1674; 1675; населеніе только этихъ же частей города имѣется въ виду и во всѣхъ остальныхъ указахъ.

[3]) П. С. З. №№ 1683; 1685 и 1686.

людемъ и его Великаго Государя волостей и селъ и деревень» вѣдаться во всякихъ дѣлахъ въ Земскихъ Избахъ, въ которыя «выбирать имъ посадскимъ и купецкимъ и промышленнымъ и уѣзднымъ людемъ» [1]). Наканунѣ изданія указовъ объ учрежденіи Земскихъ Избъ и Бурмистерской Палаты, именно въ концѣ 1698 года былъ изданъ указъ [2]) о томъ, чтобы усольцы-посадскіе и уѣздные люди «во всякихъ мірскихъ службахъ и податьми окладными и десятою деньгою верстались обще». Тоже самое положеніе повторяется черезъ четыре года, въ указѣ, изданномъ въ 1702 году; въ этомъ указѣ «Сольвычегодскимъ посадскимъ людемъ» предписывается «верстаться во всякихъ службахъ съ уѣздными торговыми людьми и десятою деньгою — вопче» [3]); дальше указъ этотъ прямо говоритъ, что «имъ уѣзднымъ торговымъ людемъ быть въ посадскомъ тяглѣ», чтобы никто изъ посадскихъ людей «въ лишней тягости не былъ» [4]).

Изъ этого видно, что совмѣстное участіе посадскихъ и уѣздныхъ людей въ «службахъ» и въ выборахъ Земскихъ бурмистровъ — фактъ несомнѣнный; но какъ выражалось это соучастіе? Какимъ образомъ распредѣлялись выборныя должности между посадами, слободами и селами съ деревнями уѣзда, рѣшить невозможно на основаніи имѣющагося матеріала: указы ограничиваются замѣчаніемъ, что торгово-промышленные люди могутъ выбирать въ Земскія Избы «кого они похотятъ межъ себя» — «по сколько похотятъ» [5]). Дѣло, стало-быть, предоставлено было на собствен-

[1]) П. С. З. № 1675.

[2]) П. С. З. № 1639.

[3]) П. С. З. № 1916.

[4]) *Ibid.* 20 февр. 1703 года велѣно къ Клинскому яму приписать, „чтобъ посадскимъ людямъ отъ большаго разгону въ конецъ не раззориться“, изъ крестьянъ села Щапова съ деревнями. П. С. З. № 1926.

[5]) П. С. З. № 1675 и 1674. Вообще эти указы, какъ я уже не разъ замѣчалъ, слишкомъ общи и неопредѣленны, они видимо изданы слишкомъ спѣшно; въ нихъ опредѣляются лишь общія начала.—Вотъ почему, едва они успѣли появиться, какъ правительство получаетъ цѣлый рядъ запросовъ съ цѣлью разъясненія разнаго рода вопросовъ, возникшихъ при образованіи Земскихъ Избъ. Посадскіе затруднялись „начать и весть“ дѣло и просили точнаго указа „за дьячьею приписью“ (П. С. З. № 1683); просятъ опредѣлить мѣсто денежныхъ сборовъ и расправы и время. Для

ное усмотрѣніе посадскихъ и уѣздныхъ людей; однако, не проходитъ двухъ мѣсяцевъ какъ взглядъ законодателя на данный вопросъ мѣняется: въ отвѣтѣ на письма московскихъ и воронежскихъ гостей, предлагавшихъ выбрать изъ гостей и гостиной сотни по четыре человѣка, а изъ всѣхъ слободъ и черныхъ сотенъ—по четыре же человѣка, законодатель опредѣлилъ выбрать отъ всѣхъ этихъ общинъ лишь по одному человѣку; а мѣсяцъ спустя, выборы въ Московскую Бурмистерскую Палату опредѣлены точнѣе; они сдѣланы, такъ сказать, двухъ-степенными: изъ выбранныхъ общинами отъ каждой по одному человѣку велѣно выбрать въ Палату двѣнадцать человѣкъ; а изъ нихъ одному велѣно быть президентомъ [1]).

Если уже по выборамъ Земскіе бурмистры не были ни представителями цѣлаго города съ одной стороны, ни представителями, съ другой, исключительно только частей его — посада и слободъ, то совершенно понятно, что по объему ихъ компетенціи они, какъ правительственные органы сословно-тяглаго характера, должны были вѣдать порученные имъ сборы никакъ уже не въ районѣ только избравшихъ ихъ общинъ. Ихъ ставили къ этимъ сборамъ повсюду, гдѣ только имѣли мѣсто тѣ или другіе виды торговли и промышленности, подлежащіе сбору въ пользу государственной казны. Они вѣдаютъ, какъ выражается наказъ нижегородскимъ бурмистрамъ, «всякія оброчныя статьи на посадѣ и въ уѣздѣ» [2]): въ патріаршихъ и властелиныхъ и монастырскихъ и помѣщико-

---

разъясненія различныхъ подробностей было издано впослѣдствіи нѣсколько наказовъ бурмистрамъ разныхъ городовъ; но и въ нихъ вопросъ объ участіи уѣздныхъ людей въ избраніи бурмистровъ вовсе не затрогивается.

[1]) См. П. С. З. №№ 1683; 1686 и 1685. За исключеніемъ этого единственнаго указанія о составѣ московской бурмистерской Палаты, мы не имѣемъ никакихъ другихъ ни о той же Палатѣ (такъ что неизвѣстно, постоянно ли количество бурмистровъ въ ней оставалось 12 съ президентомъ), ни объ одной изъ Земскихъ Избъ. Все, что можно на основаніи имѣющихся матеріаловъ сказать о составѣ бурмистерской Палаты и Земскихъ Избъ, это—то, что они состояли изъ Бурмистровъ, подъячихъ, сборщиковъ и расходчиковъ; въ мартѣ 1709 г., въ составъ Ратуши вошли оберъ-инспекторъ и инспекторы крѣпостныхъ дѣлъ для завѣдыванія вѣдомостями о денежномъ сборѣ съ „крѣпостей“. См. *Плошинскій*: гор. сост. рус. нар. 163 и 165.

[2]) П. С. З. № 1697; № 1715.

выхъ вотчинахъ и въ селахъ и въ волостяхъ, и въ деревняхъ, гдѣ есть торжки, а жалованныхъ грамотъ на нихъ не дано...» пошлины сбирать «на его Великаго Государя» [1]); разумѣется, чрезъ разныхъ бурмистровъ и сборщиковъ, выборныхъ отъ торгово-промышленнаго населенія и состоящихъ въ вѣдѣніи Земскихъ Бурмистровъ. Выборные отъ общинъ посадскихъ вѣдаютъ всякаго рода сборы не только въ уѣздѣ, приписанномъ къ данному городу, но они вѣдаютъ ихъ, подобно вѣрнымъ головамъ XVII ст., даже въ другихъ городахъ, притомъ очень отдаленныхъ отъ мѣста ихъ жительства и избранія; напр. на Архангельскую ярмарку цѣловальниками, «для досмотра всякаго товару», посылались выборные изъ посадскихъ изъ Соли-Вычегодской, Устюга, Костромы, даже Ярославля [2]).

ГЛАВА VI.

Отношеніе правительства къ торгово-промышленному населенію городовъ.

Можно ли, имѣя въ виду все, только-что изложенное, думать, что Ратуша и Земскія Избы учреждены были Великимъ устроителемъ государства въ интересахъ посадскихъ общинъ или цѣлаго торгово-промышленнаго сословія тогдашней Россіи? Къ заключенію этого рода можно бы было придти развѣ только на основаніи уже приведенныхъ мною словъ введенія къ указу объ учрежденіи Бурмистерской Палаты, что благодаря вѣдѣнію торгово-промышленнаго сословія въ разныхъ Приказахъ «во всякихъ промыслахъ ему чинятся большіе убытки и раззоренья». Изъ этихъ словъ, говорю, пожалуй, можно бы было вывести, что цѣль новыхъ учрежденій— улучшить положеніе изубытчившагося и раззореннаго сословія, поставить его на ноги, поддержать его; но вслѣдъ за этими словами, мы видѣли, законодатель говоритъ: ...«а его Великаго Государя съ нихъ окладные многіе доходы учинились въ доимкѣ, а пошлиннымъ сборамъ и инымъ поборамъ — большіе недоборы»; въ этихъ-то послѣднихъ словахъ мы и имѣемъ, какъ я уже замѣтилъ,

---

[1]) П. С. З. № 1704; 1750

[2]) П. С. З. № 1687. См. тоже П. С. З. № 2204.

указаніе на цѣль новыхъ учрежденій — исправный сборъ государственныхъ доходовъ. Дѣйствительно, мы видѣли, что весь механизмъ, имѣвшій цѣлью «собрать разсыпанную храмину», собиралъ ее исключительно въ виду этой цѣли. Государству нѣтъ никакого, въ сущности, дѣла до насущныхъ потребностей торгово-промышленнаго сословія вообще и его отдѣльныхъ посадскихъ общинъ въ частности, и на сословіе и на общины оно смотритъ, какъ на тяглецовъ, обязанныхъ, по выраженію г. Градовскаго, нести «извѣстнаго рода повинности для удовлетворенія потребностей центральной администраціи». Всѣ выборныя общинно-сословныя должности въ его глазахъ ничто иное, какъ тѣ же правительственные служилые люди, обязанности которыхъ — въ блюденіи интересовъ государственныхъ; ихъ служба — служба государственная, служба тяглая, повинностная, ложившаяся на сословныя общины новою тяжестью. Государство требуетъ, чтобы выборные отъ общинъ, поставляемые къ его службамъ, были выбираемы изъ людей добрыхъ, «пожиточныхъ», «животовъ» которыхъ стало бы на удовлетвореніе его, если бы выборный проворовался. Нѣтъ такихъ пожиточныхъ: на посадѣ все «худые», «скудные» людишки, которымъ «ни въ какихъ сборахъ вѣрить нельзя»—не нужны и Земскія Избы съ ихъ бурмистрами; государство ничего не выиграло бы, замѣнивъ ими воеводъ съ ихъ Приказными Избами: отъ этихъ худыхъ и скудныхъ людишекъ, попади они въ бурмистры, недоборы государственные еще увеличились бы; и въ Сибири Земскія Избы не вводятся; а между тѣмъ, казалось бы, гдѣ положеніе посадскихъ, вообще торгово-промышленныхъ людей печальнѣе, тамъ мѣры къ улучшенію этого положенія тѣмъ нужнѣе, тѣмъ настоятельнѣе.

Мы видѣли, что тяглыя обязанности общинно-сословныхъ выборныхъ должностей, независимо отъ присущаго имъ вообще государственнаго характера, дѣлились на двѣ категоріи: однѣ изъ нихъ касались прямо, непосредственно самой тяглой общины — таковы раскладка податей и повинностей и сборъ ихъ. Другія не имѣли такого прямаго отношенія къ общинѣ, даже вовсе не касались ея и потому отправлялись не только въ уѣздѣ, но даже и въ цѣломъ государствѣ; таковы сборы всякаго рода пошлинъ съ торговъ и промысловъ: таможенные сборы, продажа «питья», табаку, соли и т. п.

Понятно, что только обязанности первой категоріи, какъ непосред-

ственно касающіяся сословной общины, могутъ носить въ себѣ зачатки самоуправленія, лишь о нихъ однѣхъ можно говорить, какъ о правахъ—обязанностяхъ, и лишь тѣ должностныя лица, которыя отправляютъ эти обязанности, могутъ быть разсматриваемы, какъ общинныя должностныя лица, представители интересовъ сословной общины; къ такимъ лицамъ нужно отнести земскихъ старостъ, головъ и цѣловальниковъ. Но мы уже видѣли, что въ концѣ концовъ, и эти должностныя лица носили въ сущности характеръ гораздо болѣе государственный, чѣмъ мѣстно-общинный; такъ что и право раскладки податей и повинностей едвали дѣлало общины, обладавшія этимъ правомъ, общинами сколько нибудь автономичными. Само собою разумѣется, что обязанности второй категоріи — исключительно финансово-государственныя обязанности — не могли имѣть никакого другаго отношенія къ автономіи мѣстной общины, кромѣ чисто отрицательнаго. Эти тяжелыя государственныя службы, ложившіяся такимъ гнетомъ на посадскія общины, разъединяли не только населеніе города въ обширномъ смыслѣ слова, но и самыя эти общины, сильно помогали обращенію ихъ «изъ жива въ пусто». Это сословное тягло, ложась на одну часть населенія города—посадскихъ, рѣзко выдѣляло эту часть изъ всего остальнаго населенія, несшаго свое спеціальное тягло. Онѣ, эти сословно-тяглыя обязанности, препятствовали свободѣ передвиженія торгово-промышленнаго населенія, прикрѣпляя его къ мѣсту. Правительство не могло допустить свободнаго передвиженія этого населенія изъ одной общины въ другую, въ видахъ, какъ уже было замѣчено, установленія болѣе или менѣе равномѣрнаго распредѣленія тягла между членами общины и исправнаго отправленія ею этого тягла; о свободномъ образованіи и развитіи этихъ общинъ, при взглядѣ на нихъ государства, какъ на тяглыя административно-финансовыя единицы, не могло быть въ данный періодъ и рѣчи. Исходя изъ вѣками сложившейся политики, государство должно было не допускать свободы передвиженія въ развитіи посадскихъ. Оно, наоборотъ, должно было сообразно своимъ цѣлямъ регулировать это развитіе, вполнѣ управлять имъ. Оно должно было и теперь, какъ въ XVII ст., «беречи» общины посадскаго торгово-промышленнаго населенія, заботиться объ ихъ полнотѣ: необходимо, чтобы въ общинѣ было такое число т я г л ы х ъ членовъ, чтобы ихъ было достаточно для

отправленія государственныхъ службъ и уплаты государственныхъ податей. Нужно было озаботиться и притомъ, тѣмъ сильнѣе, что сами посадскіе не могли отъ этого уберечься, о томъ, чтобы не только разные приказные и вообще всякіе государственные чиновники не «чинили убытковъ» и не раззоряли этихъ общинъ, но и о томъ, чтобы они не подвергались этому раззоренію со стороны остальныхъ слоевъ населенія, которые, неся собственное тягло государственное, наносили бы ущербъ посадскимъ общинамъ, поселяясь въ ихъ средѣ, занимаясь тѣми же промыслами, но не неся ихъ тягла.

Торгово-промышленное населеніе посадовъ и слободъ состояло изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ мелкихъ, сложившихся нѣкогда исторически, путемъ развитія общественно-экономической жизни, теперь же обратившихся въ административно-тяглыя финансовыя, общинъ. Такія общины составляли гости, гостиныя сотни, черныя сотни и слободы [1]). Составъ этихъ общинъ въ каждомъ отдѣльномъ городѣ правительство комбинировало, сообразно своимъ планамъ и цѣлямъ. Находило оно нужнымъ пополнить гостиныя сотни Москвы—оно переводило сюда лучшихъ, пожиточныхъ торговыхъ людей изъ другихъ городовъ. Въ видахъ установленія новыхъ, тяжелыхъ обязанностей Земскихъ Бурмистровъ гости города Москвы просятъ царя «о прибавкѣ (людей) въ гостиный чинъ», «понеже многіе изъ нихъ престарѣли» и стало быть нести «его Великаго Государя службъ» не могутъ, и тѣмъ дѣлаютъ положеніе не престарѣвшихъ еще уже слишкомъ тяжелымъ. Царь отказываетъ на этотъ разъ въ просьбѣ [2]) только потому, что находитъ ее несправедливою. «Для пополненія купечества» правительство нетолько свободно комбинируетъ населеніе посадскихъ общинъ одного или нѣсколькихъ городовъ между собою, но оно сажаетъ на посадѣ съ этою цѣлью бѣломѣстцевъ, крестьянъ, *нѣкоторыхъ* служилыхъ людей, занимающихся промыслами [3]), запрещая имъ, въ случаѣ нежеланія записаться на посадѣ, заниматься впредь торговлей и вообще всякаго рода промыслами,

---

[1]) П. С. З. № 1674; 1683; 1685; 1686 и др.

[2]) П. С. З. № 1683.

[3]) П. С. З. № 2220: „а торговыхъ людей изъ бѣломѣстцевъ, к тю *имѣетъ торгу на 100 рублей*. Также П. С. З. № 2770.

и возвращая крестьянъ «жить за помѣщики» [1]). Въ этомъ указѣ законодатель почти дословно повторяетъ опредѣленіе, сдѣланное по этому же предмету уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича, по крайней мѣрѣ по отношенію ко всякихъ чиновъ служилымъ людямъ [2]). Понятно, что заставляя этихъ людей тянуть тягло вмѣстѣ съ посадскими, государство имѣетъ въ виду, чтобы «тяглые люди отъ излишнихъ платежей не раззорялись, и оттого его государевымъ податямъ умаленія не учинилось». Но съ другой стороны, налагая на нихъ посадское тягло, правительство не могло не имѣть въ виду, что каждый изъ служилыхъ и крестьянъ несъ свое специальное тягло, отъ сложенія котораго, если и не учинится податямъ умаленіе, то во всякомъ случаѣ государственные интересы, хотя и съ другой стороны, будутъ нарушены: въ государственныхъ службахъ явится недочетъ. Рѣшить эту нелегкую дилемму можно было двумя путями—или строго, вполнѣ послѣдовательно раздѣлять тяглыя сословія, преслѣдуя занятіе торговлей и промыслами служилыхъ людей и поступленіе въ государственныя службы посадскихъ, или же возлагать по два тягла. Петръ прибѣгаетъ къ обоимъ этимъ средствамъ: съ одной стороны, какъ сейчасъ было показано, онъ заставляетъ служилыхъ людей и крестьянъ, занимающихся промыслами, тянуть два тягла [3]). Съ другой—служилымъ же людямъ, именно стрѣльцамъ, указомъ отъ 16 февраля 1700 года онъ запрещаетъ

---

[1]) П. С. З. № 1723: если „звонари, ямскіе охотники, пушкари, воротники, митрополичьи, монастырскіе и всякіе крестьяне торгуютъ въ лавкахъ и въ домахъ имѣютъ промыслы и тѣхъ всѣхъ взять въ посады“... а которые не похотятъ—никакимъ торгомъ не торговать и промысловъ не держать, и жить имъ—за помѣщики“. См. также № 1819.

[2]) Улож. XIX. 4 и 12: между этими двумя статьями, трактующими повидимому объ однихъ и тѣхъ же предметахъ есть странное противорѣчіе: по 4 ст. служилые люди, занимающіеся промыслами, обязываются лишь къ уплатѣ податей вмѣстѣ съ черными“ и службы имъ никакой тяглой не служити; по 12 же ст. они обязываются и „службы служити съ посадскими въ рядъ“.

[3]) Опредѣленіе приведеннаго мною указа 24 ноября 1699 (№ 1733) относительно крестьянъ повторяется и въ 1700 году, въ этомъ новомъ указѣ (П. С. З. № 1775) прямо указывается съ крестьянами, нежелающими записаться въ посадъ, поступить по уложенію 1649 года (XIX. 15). См. П. С. З. № 1819.

вовсе торговать на посадахъ [1]), идя въ этомъ случаѣ гораздо дальше уложенія Алексѣя Михайловича, которое допускало занятіе стрѣльцовъ торговлей и промыслами, не заставляя ихъ при этомъ тянуть ни денежнаго, ни служебнаго тягла посадскихъ людей, а лишь требуя уплаты таможенныхъ пошлинъ [2]). Какъ стрѣльцамъ запрещается торговлей и промыслами занятіе вѣроятно въ виду невозможности соединить ихъ служебное тягло съ тягломъ посадскимъ, такъ точно въ виду той же невозможности и чтобъ спасти посады и слободы отъ «умаленія», напрасныхъ и излишнихъ платежей, строго запрещается переходъ посадскихъ людей въ различныя казенныя службы [3]); всѣхъ поступившихъ въ эти службы предписывается возвратить на посады и «выправить съ нихъ доимку за всѣ прошлые годы» [4]). Но всѣ эти мѣры не достигли цѣли: правительство, если можно такъ выразиться, собирая посадскихъ одной рукой, вынуждало ихъ разбѣгаться другой. Дѣло въ томъ, что экономическое положеніе посадскихъ все ухудшалось и ухудшалось: ихъ тягло, какъ денежное такъ и служебное никакъ не уменьшалось, а все увеличивалось и увеличивалось съ постепеннымъ, почти невѣроятнымъ, развитіемъ нуждъ государства, ихъ натуральныя повинности все росли и росли: безпрерывныя войны брали съ посадскихъ и деньгами и хлѣбомъ и людьми и скотомъ; людей массами гнали и на постройку Петербурга. Съ посада бѣгутъ всѣ кто можетъ и куда можетъ. Въ 1713 году оберъ-фискалъ Алексѣй Нестеровъ доносилъ царю, что «иные купцы, отбывая платежей и постоевъ, покинувъ или распродавъ бѣломѣстцамъ въ слободахъ жилища свои, разошлись въ другіе чины, въ артиллерію, въ извощики и воротники также записались въ Покровское и

---

[1]) П. С. З. № 1762; указъ велитъ не торговать стрѣльцамъ и „никакихъ чиновъ служилымъ людямъ". Эти слова трудно согласить съ указомъ 24 ноября 1699 г. и указомъ конца 1770 года, которые оба, какъ мы видѣли, велятъ служилыхъ людей, опричь стрѣльцовъ, брать въ посады, если они занимаются промыслами. Можно думать, что слова эти въ указѣ № 1762—обмолвка.

[2]) Улож. XIX. 11.

[3]) Указъ 4 янв. 1709 г.: здѣсь перечисляются службы—истопниковъ, печатниковъ денежныхъ мастеровъ... П. С. З. № 2220. См. также № 2812.

[4]) *Ibid.*

Тайнинское, отдались въ защиту разныхъ господъ на дворы ихъ московскіе и загородные... кромѣ того живутъ въ защитѣ и въ закладѣ у разныхъ людей будто бы за долги; другіе подлогомъ, будто бы за скудостію и болѣзнями въ богадѣльни вошли, иные разошлись на заводы и промыслы въ прикащики и сидѣльцы и работники, не смотря на то, что свое имѣніе довольное имѣютъ [1]. Открываютъ всякую лазейку, помощью которой можно бы было отбыть податей и службъ»; такъ ямщики дорогомиловской слободы въ Москвѣ, прибѣгаютъ къ такому курьезному и хитрому средству, какъ фиктивное состояніе на службѣ въ истопникахъ въ комнатѣ царевны Натальи Алексѣевны [2]. Правительство ведетъ борьбу съ этимъ совершенно-естественнымъ и понятнымъ явленіемъ все тѣми же средствами, которые оно употребляло еще въ XVII ст.; оно всѣми силами старается отыскивать «закладчиковъ, выходцевъ и бѣглецовъ съ посада»; отыскавъ, оно беретъ ихъ на посадъ «съ наказаніемъ» [3]. Съ помѣщиковъ, у которыхъ проживали тяглые посадскіе, бѣжавшіе съ посада, правительство взыскивало все то, что посадскіе должны были уплатить въ теченіи всего періода укрывательства, еслибы жили въ своей тяглой общинѣ; а бѣглыхъ водворяло на прежнемъ мѣстѣ. Однако, препятствовать бѣгству, водворять бѣглыхъ на посадѣ и въ слободахъ было еще недостаточно; тяглецъ могъ не уходя съ посада уйти изъ тягла: онъ могъ обѣлить свой дворъ, продавъ его бѣломѣстцу, а самъ поступить къ кому либо или въ настоящіе «защиту и закладъ», или въ фиктивные. Такъ что правительству, до введенія подушнаго оклада въ 1719 году, мало было еще удержать лицо на посадѣ, — оно должно было заботиться, чтобъ дворы не пустѣли и не обѣливались, такъ какъ въ томъ и другомъ случаѣ тяглая община одинаково несла ущербъ: дворъ былъ тяглой единицей [4] всѣ повинно-

---

[1] *Соловьевъ*, Исторія Россіи т. XVI. 235. 236.

[2] *Ibid.* 236: Нестеровъ говоритъ, что они записывались въ эти истопники, „пролазомъ своимъ и подлогомъ чрезъ Полибина". Какъ все это напоминаетъ римскія муниципіи временъ послѣднихъ императоровъ.

[3] *Ibid.* 227.

[4] Въ 1707 г., въ отвѣтъ на челобитье „разныхъ чиновъ людей", правительство назначаетъ дворянъ и стольниковъ, чтобы произвести въ Москвѣ новую перепись дворамъ. П. С. З. № 2150. Изъ донесенія копорскаго

сти несъ онъ; раскладка производилась по дворамъ. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича категорически запрещало продажу тяглыхъ дворовъ всякаго рода бѣломѣстцамъ. [1]) Петръ отказывается отъ этого энергическаго средства, очень тяжелаго для посадскихъ; но онъ и не допускаетъ однако свободнаго распоряженія недвижимой собственностью, что повело бы къ обѣлѣнію всѣхъ тяглыхъ дворовъ; онъ избираетъ, такъ сказать, средній путь. Указомъ отъ 15 іюня 1700 года допускается какъ продажа, такъ и закладъ тяглыхъ дворовъ, но не безусловно: чтобы предотвратить ихъ обѣлѣніе, законодатель обязываетъ покупателей, закладопринимателей и истцовъ, пріобрѣвшихъ тяглые дворы, платить съ нихъ оброкъ «по договору съ тяглецы тое слободы» [2]). Договоры эти записывались въ Ратушѣ, гдѣ приказывается вписать дворы всѣхъ слободъ [3]).

Всѣ эти мѣры, направленныя къ охраненію государственныхъ интересовъ и повидимому интересовъ городскаго торгово-промышленнаго населенія, въ сущности тормозили развитіе этого населенія, а вмѣстѣ и развитіе городовъ: онѣ задерживали всякое развитіе торговли и промысловъ, ставя со всѣхъ сторонъ преграды занятію тѣмъ и другимъ. Такое положеніе вещей трудно было удерживать постоянно; подъ натискомъ требованій жизни правительство должно было отступить отъ послѣдовательнаго проведенія своей политики; оно должно было допустить къ занятію промыслами «всякихъ чиновъ людей», не обращая ихъ въ тяглецовъ, но «точію съ такою же пошлиною», какую платятъ въ казну посадскіе торговые люди [4]);

коменданта того же года видно, что на городскія работы (починка мостовъ сженье извести и пр.) люди съ посадовъ и слободъ брались съ опредѣленнаго числа дворовъ. П. С. З. № 2168. Постой—тоже по дворамъ,—ук. 20 іюня 1715 г. относительно Вологды—П. С. З. № 2197.

[1]) Улож. XIX. ст. 16, 39 и 40: продажа тяглыхъ дворовъ бѣломѣстцамъ была запрещена еще до Уложенія; тяглецы стали прибѣгать къ уловкамъ: они закладывали дворы и просрочивали закладныя. Уложеніе запрещаетъ и закладывать; заложенные дворы отнимались у залогопринимателей безденежно, а залогодателей, черныхъ людей, предписывалось „за воровство бити кнутомъ“.

[2]) Указъ изданъ спеціально для московскихъ слободъ „тяглецамъ тяглые дворы свои продавать и закладывать и за иски отдавать бѣломѣстцамъ и всякаго чина людямъ всѣмъ вольно“. П. С. З. № 1798.

[3]) *Ibid.*

[4]) П. С. З. №№ 2327; 2349; 2433.

но эти отступленія были слишкомъ ничтожны въ сравненіи съ громаднымъ фактомъ закрѣпощенія какъ самаго торгово-промышленнаго населенія Россіи, такъ и остальныхъ слоевъ его.

ГЛАВА VII.

Несостоятельность новыхъ учрежденій.

Едва прошло нѣсколько лѣтъ со времени учрежденія Земскихъ Избъ и Бурмистерской Палаты—Ратуши, какъ оказалось, что преобразователь, не смотря на всю энергію свою, не достигъ поставленной цѣли — собрать воедино разсыпанную храмину торгово-промышленнаго сословія. Судьба установленій, имѣвшихъ цѣлью цементировать отдѣльные элементы этой храмины, постигшая ихъ еще при жизни самаго виновника ихъ учрежденія, какъ нельзя лучше служитъ доказательствомъ этого.

Возлагая на собираемую храмину однѣ обязанности, не снабжая ее никакими правами, преобразователь и не долженъ былъ ждать отъ своихъ реформъ ничего больше того, къ чему привели мѣры правительствъ XVII ст.; устраняя отъ вѣдѣнія посадскихъ воеводу съ Приказной Избой, преобразователь, какъ было указано, не замѣнялъ устраняемое чѣмъ либо новымъ по существу: Земскія Избы—учрежденіе, отличное отъ прежняго лишь по формѣ, по составу: онѣ—тѣже Приказныя Избы, лишь выборныя; какъ Приказныя, такъ и, замѣнившія ихъ по отношенію къ посадскимъ и вообще торгово-промышленнымъ людямъ, Земскія Избы, одинаково, какъ мы видѣли, чужды интересовъ мѣстныхъ общинъ. Одинаково мало сознавали и тѣ и другія изъ нихъ и интересы самаго государства, служба которому составляла ихъ назначеніе. Понятно, что цѣль законодателя — устранить недоборы государственныхъ доходовъ, а для этого избавить торгово-промышленное населеніе отъ раззоренія правительственныхъ агентовъ, не могла быть достигнута уже благодаря одной этой причинѣ. Новыя учрежденія, появившіяся на свѣтъ не ради охраненія интересовъ общинъ, развитія и удовлетворенія ея потребностей и нуждъ, легли на эти общины лишь новымъ, очень тяжелымъ бременемъ; уже въ силу этого одного об-

стоятельства отъ бурмистровъ и вообще земскихъ выборныхъ нельзя было ждать чего либо большаго, чѣмъ отъ приказныхъ; прибавимъ къ этому уровень нравственнаго состоянія всѣхъ слоевъ тогдашняго общества или, выражаясь точнѣе, уровень ихъ политической безнравственности, получившейся въ результатѣ вѣковаго закрѣпощенія всѣхъ этихъ слоевъ—понятнымъ станетъ, почему Петръ Великій, по прошествіи очень короткаго времени послѣ учрежденія Земскихъ Избъ и Ратуши, долженъ былъ убѣдиться въ несостоятельности своихъ реформъ и постепенно отъ нихъ отказаться, возвращаясь, хотя и временно, къ старому порядку вещей, отбирая у Избъ и Ратуши одно за другимъ дѣла, подлежавшія по первоначальному плану ихъ вѣдѣнію.

Система отчетности и отвѣтственности Земскихъ Бурмистровъ, таможенныхъ и кабацкихъ, всякаго рода сборщиковъ, система достаточно сложная и едвали не слишкомъ суровая, гарантировала болѣе или менѣе лишь государству его доходы: она обезпечивала ему сборы пошлинъ, податей и всякаго рода денежныхъ повинностей; впрочемъ и этой единственной цѣли система отчетности и отвѣтственности достигала не совсѣмъ вѣрно; но эта система не касалась общинъ; она нисколько не охраняла ихъ отъ злоупотребленій земскихъ выборныхъ. Законодатель же, озабоченный исключительно исправнымъ поступленіемъ государственныхъ доходовъ, совершенно не обратилъ вниманія на эту сторону дѣла. Онъ слишкомъ понадѣялся на выборное начало; ему казалось достаточной гарантіей то обстоятельство, что Земскія Избы составлены изъ представителей самихъ торгово-промышленныхъ людей, что «пристойный приказъ» составленъ изъ тѣхъ же представителей; единственной мѣрой, благодаря этому, противъ злоупотребленій земскихъ и ратушскихъ бурмистровъ является смѣна ихъ «погодно». Но разсчеты законодателя оказались ошибочными. Не прошло и года со дня появленія Земскихъ Избъ, какъ мы уже встрѣчаемся со старымъ зломъ, успѣвшимъ пробраться въ новыя учрежденія.

Въ одномъ городѣ земскіе старосты съ товарищами «отставили» только-что выбранныхъ кабацкихъ и таможенныхъ бурмистровъ «зато, что имъ (земскимъ старостамъ съ товарищи) ничего не дали» и выбрали вмѣсто нихъ новыхъ бурмистровъ, съ которыхъ взяли за это по 120 р. (сумма для того времени болѣе чѣмъ поч-

тенная [1]). Воруютъ и продаютъ интересы общинъ не только выборные ея, ея представители, но и самые члены, они не задумываются продавать свои голоса. Въ другомъ—головы торговымъ людямъ даютъ «выписки» въ уплатѣ ими торговыхъ пошлинъ, а въ книги этой уплаты не заносятъ. [2]) Земскія власти берутъ не хуже приказныхъ, берутъ при сборахъ, исполняя государеву службу, берутъ при выборахъ, берутъ при раскладкѣ податей и повинностей. «Воровство чинятъ» всѣ: и головы, и цѣловальники, старосты земскіе, бурмистры кабацкіе и таможенные; не отставали и земскіе съ ратушскими. Знаменитый прибыльщикъ Курбатовъ лишь только былъ сдѣланъ ратушскимъ инспекторомъ, какъ поторопился раскрыть и доказать всю несостоятельность Земскихъ Избъ и Бурмистерской Палаты, «къ прибавленію прибыли», ради котораго они собственно и были учреждены. Отчетность и отвѣтственность Земскихъ Бурмистровъ передъ Ратушей, а самой Ратуши передъ верховной властью, оставались мертвой буквой: «книгъ московскія таможни, писалъ царю Курбатовъ въ 1705 году, по сей годъ въ Ратушу не взято и бурмистры не считаны и премногая есть доимка, также и питейныя прибыли; многихъ же годовъ бурмистры не считаны и премногая есть доимка»... «отъ бурмистровъ премногія явились кражи Вашея казны;» книги по сборамъ ведутся подложно «съ великимъ умноженіемъ»... «ей, ей, государь, говоритъ инспекторъ дальше, превеликое чинится на Москвѣ и въ городахъ въ сборахъ воровство»; ратушскіе подъячіе оказались «превеликими ворами и берутъ премногія взятки» (не мудрено: эти подъячіе набраны изъ тѣхъ же приказныхъ, изъ того же «крапивнаго сѣмени») [3]). Годъ спустя Курбатовъ доносилъ царю, что «за градскими бурмистрами премногое воровство сыскано»: въ одномъ Ярославлѣ укра-

---

[1]) П. С. З. № 1722; рѣчь идетъ о веневцахъ, жителяхъ города Венева и ихъ старостахъ. Тоже № 1819 п. 9.

[2]) П. С. З. № 1816: „а въ иныхъ городахъ кабацкіе бурмистры, наготовя вина... и продавъ, писали крадучи... деньги въ книги съ убавкою тако же и отъ цѣловальниковъ съ тѣми бурмистрами чинятся общія воровства; а въ иныхъ городахъ и сами бурмистры (Земскіе?) воровски чинили.

[3]) П. С. З. № 1684. На вопросъ гостей „подъячимъ кому быть? „Царь велѣлъ выбрать ихъ самимъ посадскимъ изъ приказовъ.

дено съ 40000 рублей; а Псковичи, «во время точію Шведской войны» отличились на 90000 р. [1]). Не только выборныя должностныя лица отъ торгово-промышленныхъ общинъ, но и члены самыхъ этихъ общинъ, пользуясь скромнымъ правомъ раскладки податей и повинностей, продѣлывали не мало безобразій: въ 1706 г. вѣдомо стало государю, что едва не во всѣхъ городахъ «пожиточные» во всякаго рода сборахъ всячески угнетаютъ маломочныхъ, убогихъ, отчего многіе изъ послѣднихъ «вышли въ стороны городовъ» [2]). А между тѣмъ на «пожиточныхъ» государство и возлагало всѣ надежды: изъ нихъ велѣно было избирать во всѣ государевы службы [3]). Энергическій царь, чуть ли не единственный неутомимый и безкорыстный блюститель государства и его интересовъ, не останавливался ни передъ какими средствами въ борьбѣ съ этимъ зломъ: онъ грозилъ—и приводилъ угрозу въ исполненіе—смертною казнью безо всякой пощады, кнутомъ, Азовомъ и дальними городами, куда ссылалъ взяточниковъ, лишивъ ихъ предварительно «всѣхъ животовъ»; прибѣгалъ онъ къ унизительнымъ, позорнымъ, по тогдашнимъ взглядамъ, наказаніямъ — «сказывали смерть, клали на плаху» [4]). Ничто не помогало: язва сидѣла слишкомъ глубоко, чтобъ ее можно было уничтожить такими мѣрами [5]).

Не одни земцы свирѣпствовали въ собранной храминѣ, дѣлали набѣги на нее и приказные люди. Воеводы не хотятъ разстаться съ своей прежней властью надъ торгово-промышленнымъ людомъ; они продолжаютъ вмѣшиваться въ дѣла посадскихъ, не «слушаютъ» государевыхъ указовъ, такъ часто напоминавшихъ имъ, чтобъ они

---

[1]) При соляныхъ сборахъ, говоритъ *Посошковъ*, „въ бурмистрахъ и цѣловальникахъ, управляющихъ и работникахъ тысячь пять, шесть или болѣе есть, а всѣ они, будто черви, точатъ тоежъ соль, и пищу себѣ пріобрѣтаютъ отъ тояжъ соли". „О скудости и о богатствѣ": 221—222.

[2]) П. С. З. № 2127. О томъ же „отягченіи" убогихъ, говоритъ и Курбатовъ. *Соловьевъ*. Ист. Россіи. XVI. 6.

[3]) *Посошковъ* въ виду поголовнаго грабежа ихъ рекомендуетъ выбирать таможенныхъ и питейныхъ бурмистровъ изъ „среднихъ людей". *Ibid*. 239.

[4]) П. С. З. №№ 1722, 1922; 1819 п. 9; и др.

[5]) *Посошковъ* предлагалъ платить земскимъ выборнымъ жалованье. 235—39.

ни въ чемъ посадскихъ людей не вѣдали въ какія дѣла не вступалися [1]), и врываются въ храмину [2]).

Убѣдившись вполнѣ въ несостоятельности своей постройки и не имѣя времени обратиться къ созданію чего либо новаго, законодатель, параллельно съ карательными мѣрами противъ нерадѣнія и воровства, начинаетъ постепенно разбирать храмину, вынимая связку за связкой, подпорку за подпоркой. Основная цѣль учрежденій — вѣдать все торгово-промышленное сословіе въ одномъ «пристойномъ» приказѣ—Бурмистерской Палатѣ—откидывается въ сторону и и храмина мало по малу разсыпается снова [3]).

Съ Земскихъ Избъ и Ратуши начинается постепенное сложеніе ихъ обязанностей по сбору податей и повинностей и отдача ихъ снова въ вѣдѣніе стараго, приказнаго, начала. Прежде всего съ Ратуши снимаются и переводятся въ вѣдѣніе приказовъ сборы, не имѣвшіе прямаго, непосредственнаго отношенія къ торговлѣ и промышленности посадскаго населенія; такъ, въ 1701 году изъ Ратуши переносится въ Стрѣлецкій Приказъ обязанность «вѣдать и крѣпости всякія на дворы писать» и записывать не только относительно жителей новонѣмецкой слободы, но и всего промышленнаго населенія Москвы [4]); вслѣдъ за этимъ отъ Ратуши отбирается и пере-

---

[1]) См. П. С. З. №№ 1674; 1715; 1751.

[2]) П. С. З. № 1760: Путивльскаго и Орловскаго воеводу, не-слушавшихъ указовъ, велѣно „взять къ Москвѣ и доправить и розыскать въ Ратушѣ“.

[3]) Въ сущности, это основное начало едвали было проведено въ новыхъ учрежденіяхъ во всей его точности: указъ объ учрежденіи Земскихъ Избъ издается въ одинъ день съ указомъ объ учрежденіи Бурмистерской Палаты, этого „единаго пристойнаго Приказа“ для торгово-промышленнаго сословія всего московскаго государства; а между тѣмъ выбранныхъ Земскихъ Бурмистровъ велѣно выслать изъ городовъ „къ Москвѣ въ тѣ Приказы, гдѣ они (города?) вѣдомы“ (П. С. З. № 1675). Не прошло двухъ полныхъ лѣтъ со дня учрежденія Избъ и Палаты, какъ издается указъ (22 дек. 1700 г. П. С. З. № 1819) что „всякіе доходы и доимки изо всѣхъ Приказовъ по указамъ выбирать земскимъ же бурмистрамъ“. Стало быть Приказы еще не утратили своего стараго права вѣдать города тѣми или иными сборами. Изъ донесенія Курбатова видно (1705 г.), что десятыя деньги въ посадахъ сбираютъ мимо ратуши въ разныхъ Приказахъ.—*Соловьевъ.* Ист. Рос. XVI. 6.

[4]) П. С. З. № 1830 и 1831: Тамъ же (въ Стрѣл. Пр.) указано вѣдать

дается въ Печатный Приказъ вмѣстѣ съ печатью сборъ печатныхъ пошлинъ и Бурмистрамъ Земскимъ предписывается «быть послушнымъ» грамотамъ изъ этого приказа [1]). Появляются новыя учрежденія и въ ихъ вѣдѣніе передается не мало сборовъ, вѣдавшихся до тѣхъ поръ въ Ратушѣ [2]).

Однако отнимая всѣ эти сборы у Ратуши, законодатель вовсе не думалъ устранять отъ нихъ совершенно земское начало, земскихъ выборныхъ; въ приказы и канцеляріи передаются лишь вѣдѣніе сборовъ, надзоръ за ними, самыя суммы сборовъ; самое же производство сборовъ все таки, по прежнему, остается на обязанности тѣхъ же выборныхъ бурмистровъ таможенныхъ и кабацкихъ, вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ [3]), которые, такимъ образомъ, всѣ переходятъ изъ подъ начальства единаго приказа—московской Ратуши—подъ начальство различныхъ приказовъ и канцелярій; при этомъ за недоборы всякаго рода и упущенія по прежнему отвѣчаютъ выборные и посадскіе и вообще торгово-промышленные люди, за выборомъ которыхъ они стояли [4]).—Петръ не останавливается даже передъ тѣмъ, чтобы передать нѣкоторые сборы изъ Земскихъ Избъ въ воеводскія Приказныя Избы [5]), но это значило попасть изъ огня въ полымя: воеводы, вѣроятно, вздумали вознаградить себя за лишеніе, и «чинили такое нерадѣніе», что законодателю пришлось снова передать эти сборы въ Земскія Избы [6]).

и бѣломѣстцевъ всякихъ чиновъ людей, гостей, гостиныя сотни, черныхъ сотень...

[1]) П. С. З. № 1875, См. также № 2161.

[2]) Въ Ижорскую Канцелярію, гдѣ сидѣлъ Меньшиковъ, передаются сборы съ бань (П. С. З. № 1954, 1955), рыбныхъ ловель (1956), мельницъ (№ 1966, 1982). Въ Семеновскую Приказную Палату переходятъ сборы (въ вѣдѣніе того же Меньшикова) хомутные, на мостахъ, перевозахъ, конскихъ площадкахъ (П. С. З. №№ 1958, 1959). Въ особые приказы переходятъ бортныя угодья на Москвѣ и во всѣхъ городахъ (№ 1961); въ Ингерманландскую Канцелярію передаются кабацкіе сборы, и сборы съ извощиковъ (П. С. З. № 2024 и 2032).

[3]) П. С. З. №№ 1956; 1982; 2024 и др.

[4]) П. С. З. №№ 1966; 2099.

[5]) Въ 1705 г. въ ихъ вѣдѣніе отдается явка для подлинной записи крѣпостей о наймѣ подводъ. П. С. З. № 2032; № 2087 говоритъ о крѣпостныхъ дѣлахъ вообще.

[6]) Это сдѣлано 8 января 1706 г. П. С. З. № 2087.

Понятно, что такого рода мѣры ни чему помочь не могли; «истери» и недоборы государственныхъ доходовъ, разумѣется, отъ такого перехода сборовъ изъ одного вѣдомства въ другое, нѣкогда совершенно забракованное, уменьшиться не могли. Нужно было изобрѣсти что либо болѣе надежное. Преобразователь не хотѣлъ разстаться съ земскимъ, выборнымъ началомъ: онъ понималъ, что оно должно представлять ему больше гарантій чѣмъ приказное, и онъ изобрѣтаетъ, придумываетъ средства сдѣлать это начало годнымъ для государственной службы, исправить изворовавшихся выборныхъ. Ихъ нужно было поставить подъ строгій и вѣрный надзоръ. Приказы и всякаго рода канцеляріи и палаты едвали обладали такого рода качествами, это во-первыхъ; а во-вторыхъ, преобразователю все-таки не хотѣлось разстаться съ завѣщанной ему идеей собрать разсыпанную храмину торгово-промышленнаго сословія, объединить его, изолировать отъ вліянія чуждыхъ ему учрежденій.

У законодателя является мысль создать особое единоличное установленіе, должность, занимающій которую находился-бы, ради большей независимости и самостоятельности, внѣ всякой зависимости отъ какого либо мѣстнаго или центральнаго установленія и состоялъ бы въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ верховной властью; единственною обязанностью такого должностнаго лица предполагалось сдѣлать зоркій надзоръ за сборами государственныхъ доходовъ земскими выборными людьми и вообще охраненіе государственныхъ интересовъ. Мысль эту Петръ Великій осуществилъ не сразу: сначала было учреждено нѣсколько такихъ должностныхъ лицъ и притомъ, надзору этихъ лицъ поручены были не одни Земскіе Бурмистры, а и воеводы съ ихъ Избами. Наконецъ, надзоръ этотъ простирался лишь на одну сторону дѣятельности земскихъ выборныхъ и приказныхъ людей. Лѣтомъ 1704 года въ городахъ велѣно выбрать въ надсмотрщики «изо всякихъ чиновъ людей, въ знатности добрыхъ»; цѣлью этихъ надсмотрщиковъ полагалось «лучшее въ дѣлѣхъ крѣпостныхъ усмотрѣніе [1]). Законъ вмѣнялъ этимъ новымъ должностнымъ лицамъ въ обязанность зорко слѣдить

---

[1]) П. С. З. 1986: въ большихъ городахъ такихъ досмотрщиковъ или дозорщиковъ полагалось по два, а въ малыхъ по одному человѣку.

за ходомъ порученныхъ имъ дѣлъ у воеводъ и бурмистровъ, и «объ ихъ нерадѣніи писать безбоязно» [1]).

Эта частная, какъ по отношенію къ району, подлежащему ея вѣдѣнію, такъ и объему дѣлъ, ей порученныхъ, должность была лишь первымъ шагомъ, или лучше, веденіемъ къ учрежденію общей, единой для всего московскаго государства, должности ратушскаго инспектора съ товарищи; должности, вѣдѣнію которой какъ показываетъ самое названіе ея, подлежало лишь торгово-промышленное населеніе государства или скорѣе административный механизмъ этого населенія. Должность эта учреждена въ началѣ 1705 г. и возложена на Алексѣя Курбатова [2]). Цѣль и мотивы установленія этой должности высказаны законодателемъ въ сжатой формѣ въ самомъ указѣ о назначеніи Курбатова ратушскимъ инспекторомъ. Эта цѣль «разсмотрѣть ратушу московскую со всѣми ея околичностями» и города, которые можно, «вмѣстѣ съ Москвою также осмотрѣть». Приэтомъ законодатель уполномочиваетъ инспектора, въ томъ случаѣ, «если кто явится въ какомъ воровствѣ, и на тѣ порочныхъ мѣста выбирать бурмистровъ немедленно иныхъ [3]). Такія полномочія инспектору даются, однако, не столько въ видахъ собранія храмины, сколько въ видахъ возможности, «прибавить прибыли», устранить нерадѣтелей и расхитителей этой прибыли, на что указываетъ уже самый фактъ назначенія на новую должность прибыльщика. За этою цѣлью — увеличеніемъ доходовъ — пока скрывались всѣ остальныя: государство все больше и больше нуждалось въ средствахъ — расходы его все росли и росли [4]) и требовали очень быстраго удовлетворенія. Заботиться о внутреннемъ переустройствѣ некогда. Законодатель употребляетъ энергическія мѣры: дѣятельности одного прибыльщика съ товарищи было недостаточно, чтобы искоренить общія «воровства», какъ недостаточно было и безчисленныхъ указовъ его Великаго Государя. Царь обращается къ самому обществу, къ его совѣсти; его практическій умъ прекрасно понималъ, что обращаться къ гражданскому долгу болѣе чѣмъ излишне.

---

[1]) *Ibid.*

[2]) 9 февраля. П. С. З. № 2028.

[3]) *Ibid.*

[4]) См. *Соловьевъ*. Истор. Рос. XV. 90 и сл.

Онъ поступилъ иначе: онъ обратился къ другому чувству своихъ подданныхъ, менѣе доблестному, но наиболѣе развитому въ нихъ—къ чувству корысти: онъ обѣщаетъ доносителямъ о воровствахъ земскихъ выборныхъ — имущественное вознагражденіе; это съ одной стороны; съ другой, онъ грозитъ недоносителямъ «чинить яко утайщикамъ» [1]). Ничто не помогало.

Лихорадочное стремленіе создать во чтобы то ни стало государство по возможности близкое, хоть бы по внѣшнимъ признакамъ, къ западно-европейскимъ, заставляетъ великаго преобразователя — браться за всякія, часто противорѣчащія одна другой, мѣры относительно городскаго торгово-промышленнаго населенія, интересы котораго въ этихъ случаяхъ отходили на самый заднiй планъ.

Еще нѣсколько раньше учрежденія должности ратушскаго инспектора съ товарищи, именно во второй половинѣ 1703 года, мы встрѣчаемся съ любопытнымъ указомъ, идущимъ совершенно въ разрѣзъ съ системой собиранія храмины. Прорубивъ пресловутое окно въ Европу и основавъ возлѣ него городокъ, Петръ тотчасъ же принялся за устройство спеціальнаго флота для Балтійскаго моря. Основать корабельныя верфи у только-что зародившагося городка было бы слишкомъ рискованнымъ дѣломъ: Царь основываетъ ихъ на берегахъ Свири, въ Лодейномъ Полѣ. Изыскивая средства на содержаніе новой верфи и постройку на ней новаго флота, царь не задумался «приписать къ этому корабельному дѣлу» цѣлый рядъ сѣверныхъ городовъ со всѣми ихъ сборами, отдавъ эти города въ полное вѣдѣніе завѣдовавшему корабельной верфью Александру Даниловичу Меньшикову, которому «тѣхъ городовъ воеводы» должны были быть «вовсемъ послушны» [2]). Понятно, что съ этого времени Московская Ратуша не имѣетъ уже никакого отношенія къ названнымъ городамъ: ихъ во всемъ вѣдаетъ любимецъ государя, и вѣдаетъ, разумѣется, чрезъ воеводъ и Земскія Избы съ ихъ бурмистрами. Черезъ 16 лѣтъ мы встрѣчаемся съ указомъ, проводящимъ тоже самое начало приписки городовъ «къ дѣлу». Этимъ дѣломъ въ

---

[1]) П. С. З. № 2074; доносчикамъ обѣщано, кромѣ помѣстій и вотчинъ, ¼ имущества проворовавшагося, а холопамъ сверхъ того—свободу.

[2]) П. С. З. № 1943; приписанные города были: Пошехопье, Бѣлоозерскъ, Каргополь съ уѣздомъ.

данномъ случаѣ является горнозаводское «желѣзное» дѣло: къ Липецкимъ и Кузминскимъ желѣзнымъ заводамъ тогдашней Воронежской губерніи приписывается нѣсколько городовъ, особымъ «командирамъ» которыхъ велѣно быть послушными указамъ изъ адмиралтействъ Коллегіи [1]), въ вѣдѣніе которой и поступаютъ приписанные къ названнымъ заводамъ города.

Это приписное начало распространяется очень быстро: «къ корабельному дѣлу», на содержаніе флота, арміи приписываются цѣлыя части, области московскаго государства. Появляются губерніи съ уѣздами и провинціями. Еще за годъ до общаго раздѣленія Россіи на губерніи, образуется Ингерманландская губернія въ вѣдѣніи Меньшикова [2]); а въ концѣ 1708 года послѣдовало раздѣленіе всего «великороссійскаго государства на восемь губерній для всенародной пользы» [3]). Введеніе губерній, можно сказать, было послѣднимъ ударомъ, нанесеннымъ Московской Ратушѣ, какъ центральному учрежденію, вѣдавшему торгово-промышленное населеніе всѣхъ городовъ. Такимъ образомъ, значеніе этого учрежденія постепенно, если можно такъ выразиться, таетъ и таетъ едва замѣтно, до тѣхъ поръ, пока не исчезаетъ совершенно, но опять таки незамѣтно, такъ какъ спеціальнаго указа объ его уничтоженіи не издается [4]).

Потерявъ значеніе центральнаго учрежденія, пристойнаго Приказа, вѣдавшаго торгово-промышленное населеніе всего московскаго государства, Московская Ратуша продолжаетъ существовать, вмѣстѣ

---

[1]) П. С. З. № 3321.

[2]) П. С. З. № 2135; указъ отъ 17 января 1707 года содержитъ въ себѣ статьи объ управленіи Ингерманландской губерніи и назначеніе земскимъ судьей въ ней Римскаго-Корсакова.

[3]) Указъ 18 дек. 1708 года. П. С. З. № 2218.

[4]) Неволинъ говоритъ, что „съ точностію неизвѣстно какъ долго московская ратуша существовала въ настоящемъ ея видѣ, съ обширнымъ кругомъ ея дѣйствія"; но что во всякомъ случаѣ „совершенно она была замѣнена въ 1718 г. главнымъ Магистратомъ". Пол. Собр. Соч. т. VI. 231. Г. Пригары справедливо отвергаетъ это мнѣніе знаменитаго юриста. Но московская Ратуша съ ея первоначальнымъ значеніемъ не просуществовала, какъ указываютъ приведенные въ текстѣ факты и до 1710 г., какъ это думаетъ г. Пригары.

съ Ратушами другихъ городовъ, въ качествѣ мѣстнаго учрежденія [1]). Какъ такія, чисто мѣстныя учрежденія, на которыя возложена повинность всякаго рода сборовъ, ратуши, какъ увидимъ, вѣдаются или губернаторами или воеводами, и являются ничѣмъ инымъ, какъ простыми исполнительными органами, стоящими въ полной зависимости отъ названныхъ представителей мѣстной власти, которые вѣдаютъ города во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ ихъ вѣдали прежде приказы на Москвѣ, а стало быть и Московская Ратуша. Прежде чѣмъ окончательно раздѣлена была Россія на губерніи и введены губернаторы, города «всякимъ управленіемъ» вѣдались или комендантами, или воеводами [2]); финансовая сторона администраціи и зарождающаяся полицейская были въ ихъ рукахъ.

ГЛАВА VIII.

Новыя мѣры Петра относительно города.

И такъ, послѣ почти десятилѣтнихъ усилій, преобразованій и мѣръ, законодатель вернулся къ тому же положенію дѣлъ по отношенію къ городамъ, съ котораго онъ началъ. Но этимъ результатомъ такой человѣкъ, какъ Петръ, удовлетвориться не могъ. Онъ началъ дѣло снова и повелъ его гораздо энергичнѣе, послѣдовательнѣе; онъ уже менѣе стѣснялся завѣщаннымъ ему его предшественниками планомъ: заимствуя западно-европейскія учрежденія, прилаживая ихъ къ этимъ планамъ и цѣлямъ, онъ дѣлаетъ, хотя и очень скромный, поворотъ на новый путь.

Во второй половинѣ декабря 1708 года изданъ указъ о раздѣленіи всей Россіи на восемь губерній [3]). Губерніи дѣлились на уѣзды, изъ которыхъ 11 лѣтъ спустя образованы провинціи. Я

[1]) Съ такимъ характеромъ они встрѣчаются до самаго 1719 года. См. П. С. З. №№ 2879; 2881; 2917; 3294 и др.

[2]) П. С. З. №№ 2097; 2135 и 2180.

[3]) Черезъ 11 лѣтъ, въ 1719 г. 29 мая губерніи были нѣсколько перетасованы, и ихъ получилось десять. П. С. З. № 3380. Изъ уѣздовъ образованы провинціи, какъ административное дѣленіе, посредствующее между губерніей и уѣздомъ: *Ibid.*

уже замѣтилъ, что въ основаніе дѣленія на губерніи положено было начало приписное: губернія приписывалась къ опредѣленному дѣлу; это былъ опредѣленный округъ, обязанный нести тягло ради этого дѣла, содержать его [1]); словомъ, это были наиболѣе крупныя административно-тяглыя единицы, носившія совершенно крѣпостной, какъ выражается Лохвицкій, характеръ. Губернаторъ, какъ начальникъ губерніи (и вѣроятно, глава того дѣла, къ которому приписана была губернія) [2]), являлся завѣдующимъ сборами со всего населенія губерніи, т. е. и съ торгово-промышленнаго населенія посадовъ, для которыхъ онъ замѣняетъ главную Московскую Ратушу и приказы, которые вѣдали ихъ на Москвѣ. Указъ о раздѣленіи на губерніи не содержитъ въ себѣ никакихъ точныхъ опредѣленій губернаторской власти. Въ немъ предписывается губернаторамъ «въ тѣхъ губерніяхъ о денежныхъ сборахъ и о всякихъ дѣлахъ присматриваться» [3]) и только. Но уже самая неопредѣленность выраженія «присматриваться ко всякимъ денежнымъ сборамъ и дѣламъ», заставляетъ предполагать, что власть эта простиралась на всю губернію, т. е. и на города, входившіе въ составъ ея и притомъ и охватывала всѣ стороны тогдашней администраціи; во-вторыхъ, нельзя предположить, чтобы власть губернатора была въ какомъ-либо отношеніи уже власти коменданта, напр., чиновника, ему подчиненнаго. А власть, напр., копорскаго коменданта, подчиненнаго генеральному губернатору Ингерманландской губерніи—Меньшикову, опредѣляется наказомъ отъ 12 марта 1706 года именно въ этомъ смыслѣ: копорскому коменданту (Римскому-Корсакову) поручено вѣдать таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ въ Копорьѣ и вѣдать вообще весь уѣздъ, разумѣется и городъ, т. е. его торгово-промышленное населеніе, «во всякихъ денежныхъ и хлѣбныхъ, таможенныхъ и кабацкихъ и прочихъ сборахъ... по уложенію, продолжаетъ наказъ, новоуказ-

[1]) См. тоже у *Лохвицкаго*: Губернія. Онъ говоритъ: ...его (Петра Вел.) губерніи существовали не для себя, а только для государства; онѣ имѣли чисто податное значеніе... служебный характеръ ясенъ и на губернскомъ дѣленіи. Стр. 39 и 42.

[2]) Лохвицкій думаетъ, что первоначально губернаторы были командиры войскъ, расположенныхъ въ губерніяхъ. *Ibid.* 43.

[3]) П. С. З. № 2218.

нымъ статьямъ, примѣняясь къ воеводскимъ наказамъ»[1]). Изъ послѣднихъ словъ, за отсутствіемъ какой-либо оговорки, прямо слѣдуетъ, что коменданту вручалась надъ посадскимъ населеніемъ власть, принадлежащая въ XVII ст. воеводамъ. Отсюда можно заключить, что Земскіе городскіе Бурмистры состояли въ вѣдѣніи коменданта. Спустя около года послѣ изданія этого наказа Римскій-Корсаковъ, оставаясь комендантомъ надъ Копорьемъ, былъ сдѣланъ ландрихтеромъ надъ всей Ингерманландской губерніей [2]). Въ качествѣ ландрихтера копорскій комендантъ являлся начальникомъ комендантовъ всѣхъ остальныхъ городовъ Ингерманландской губерніи [3]) по отношенію къ дѣламъ гражданскимъ, т. е. по отношенію къ финансовой, судебной и полицейской администраціи [4]). Въ инструкціи, данной ему на этотъ разъ Меньшиковымъ, на ландрихтера возлагается «вѣдать тѣ города всякимъ управленіемъ, судомъ и расправою... во всемъ, въ чемъ вѣдали ихъ прежде Приказы на Москвѣ» [5]), а вмѣстѣ, вѣроятно, и Ратуша, такъ какъ ему же поручается во всѣхъ городахъ этихъ «всякихъ чиновъ людей, а также и посадскихъ по дворамъ переписать, наблюдать», чтобы обидъ и раззоренія градскимъ и уѣзднымъ жителямъ не было. Отсюда видно, что Римскій-Корсаковъ, въ качествѣ земскаго судьи, являлся, такъ сказать, гражданскимъ губернаторомъ (Меньшиковъ, какъ я уже замѣтилъ, былъ генеральнымъ губернаторомъ) Ингерманландской губерніи; слѣдовательно, по объему власти Римскаго-Корсакова можно судить о власти губернатора вообще. Наконецъ, мы имѣемъ спеціальный наказъ губернаторамъ и воеводамъ, наказъ, изданный десять лѣтъ спустя послѣ учрежденія губерній, т. е. послѣ десятилѣтней прак-

---

[1]) П. С. З. № 2097.

[2]) П. С. З. № 2135. 17 Янв. 1707 года.

[3]) *Ibid.* ст. 4 и 6. По указу отъ 12 марта 1708 г. коменданты за ослушаніе указу изъ Земской Канцеляріи, должны быть судимы оберъ-комендантомъ Брюсомъ и Меньшиковымъ „вообще“ съ Римскимъ-Корсаковымъ. П. С. З. № 2194.

[4]) Въ ст. 17 того же указа, въ Ингерманландской губ. власть военная совершенно отдѣляется отъ власти гражданско-административной; первая— въ рукахъ Брюса, вторая—Римскаго-Корсакова.

[5]) *Ibid.* ст. 2.

тики «присматриванья» губернаторовъ и воеводъ. Наказъ этотъ уже болѣе или менѣе подробно опредѣляетъ власть губернаторовъ и воеводъ вообще и по отношенію къ городамъ, ихъ посадскому, торгово-промышленному населенію въ частности [1]). Пятнадцатая статья этого наказа повелѣваетъ губернаторамъ и воеводамъ, оберъ-комендантамъ и комендантамъ «все въ городѣ въ надлежащемъ порядкѣ содержать» [2]), о состояніи города доносить въ Сенатъ и опредѣленную Коллегію [3]); имъ приказывалось наблюдать за цѣлостью пожалованныхъ городу доходовъ, маетностей и земель; затѣмъ, чтобы городскіе ремесленники «въ своихъ ремеслахъ другъ съ другомъ не мѣшались» [4]); однимъ словомъ, имъ поручалось вѣдать все въ городѣ или лучше, городъ во всѣхъ отношеніяхъ. Понятно, само собою, что губернаторъ не вѣдалъ непосредственно каждаго города ввѣренной губерніи, также точно, какъ воевода не вѣдалъ всякаго города, подчиненной ему провинціи: каждый городъ непосредственно управлялся подчиненными имъ оберъ-комендантами и комендантами, которые избирались самими губернаторами, съ утвержденія Сената [5]) въ «украйныхъ» городахъ, также въ городахъ, гдѣ стояли гарнизоны изъ ландмилиціи и вообще во всѣхъ тѣхъ городахъ, въ которыхъ находились гарнизоны [6]); въ тѣхъ же городахъ, «гдѣ гарнизоновъ нѣтъ, оберъ-комендантамъ и комендантамъ не быть, а быть ландратамъ,» число которыхъ въ каждомъ городѣ опредѣлялось губернаторомъ [7]). Область вѣдѣнія ландратовъ, какъ лицъ, замѣнявшихъ собою комендантовъ, разумѣется, опредѣлялась наказомъ, выданнымъ первымъ вмѣстѣ съ губернаторами и воеводами [8]). Оберъ-коменданты, коменданты и ландраты, въ

---

[1]) Наказъ, собственно говоря разосланъ былъ сначала воеводамъ и лишь спустя нѣсколько мѣсяцевъ—29 мая того же года—копія съ него разослана была губернаторамъ, оберъ-комендантамъ и комендатамъ. П. С. З. № 3381.

[2]) П. С. З. № 3294, ст. 15.

[3]) *Ibid.* ст. 17.

[4]) *Ibid.* 18 и 20.

[5]) П. С. З. № 2484.

[6]) П. С. З. № 2879.

[7]) *Ibid.*

[8]) Для управленія „всякихъ сборовъ и земскихъ дѣлъ“ ландратамъ придавалось опредѣленное число коммисаровъ. *Ibid.*

свою очередь, вѣдали посадскихъ людей не прямо, а черезъ Земскихъ Бурмистровъ, которыхъ они (посадскіе) избирали «ради управленія своихъ дѣлъ и сборовъ» съ вѣдома губернаторскаго [1]). Непосредственное завѣдываніе торгово-промышленнымъ посадскимъ населеніемъ относительно всякаго рода сборовъ и суда остается въ рукахъ земскихъ выборныхъ, стало-быть, какъ и прежде [2]), съ тою лишь разницею, что они не составляютъ теперь самостоятельнаго мѣстнаго учрежденія, какъ прежняя Земская Изба или Ратуша, зависящая лишь отъ центральнаго Приказа—Московской Ратуши, а находятся въ полной зависимости отъ губернаторской власти, съ вѣдома которой, какъ я сейчасъ замѣтилъ, они выбирались и которой вообще поручено было заботиться о томъ, чтобы «ратушскіе чины угодными и искусными персоны снабдены были» [3]).

Такимъ образомъ, съ такимъ трудомъ собранная храмина снова разсыпалась, если не «по разнымъ Приказамъ на Москвѣ,» то по рукамъ восьми губернаторовъ и массы оберъ-комендантовъ, комендантовъ, ландратовъ; разсыпавшись какъ единая всего государства Россійскаго, она не разбилась и на болѣе или менѣе отдѣльныя мѣстныя группы, отдѣльныя отъ остальнаго населенія губерніи: посадскіе по отношенію къ своимъ земскимъ должностнымъ лицамъ—все въ прежнемъ положеніи; по отношенію же къ административнымъ правительственнымъ лицамъ они совершенно сливались съ уѣздными людьми; губернаторы и воеводы вѣдали губернію и провинцію, а не посадскихъ и уѣздныхъ людей; они вѣдали все населеніе опредѣленнаго района вообще, а не каждое сословіе въ отдѣльности; оберъ-коменданты и коменданты тоже едва ли вѣдали только городъ, а не цѣлый уѣздъ [4]); ландрихтеръ былъ

[1]) П. С. З. № 2379.

[2]) Такъ, всякаго рода таможенные сборы, сборы съ продажи соли и т. п. производились головами, цѣловальниками, таможенными бурмистрами, выборными изъ посадскихъ. П. С. З. № 2375. Этихъ сборщиковъ губернаторы, подъ угрозой штрафа, должны были высылать въ Москву, въ Помѣстный Приказъ. Постойная повинность—„съ вѣдома Земскихъ Бурмистровъ“. П. С. З. №№ 2902 и 2917.

[3]) П. С. З. № 3294, ст. 18.

[4]) Изъ наказа, даннаго Копорскому коменданту, видно, что комендантъ замѣняетъ воеводу, къ наказу котораго, ему вмѣнялось примѣняться; ему

земскимъ судьей опять-таки цѣлаго округа и всего населенія, жившаго въ этомъ округѣ. Если посадское торгово-промышленное населеніе каждаго отдѣльнаго города не образовало по учрежденіи губерній совершенно отдѣльныхъ, хотя бы и тягло-сословныхъ общинъ, обладавшихъ своею совершенно особою администраціею, то съ другой стороны, городъ, ни въ смыслѣ отдѣльнаго территоріальнаго пункта, ни въ смыслѣ совокупности всего населенія его, не выдѣлился въ совершенно особое, самостоятельное цѣлое ни въ какомъ отношеніи, за исключеніемъ, какъ увидимъ дальше, административно-полицейскаго. Территоріально, какъ особый пунктъ населенія, городъ не выдѣлился, не получивъ, какъ мы видѣли, особаго органа администраціи; по отношенію къ населенію онъ не представлялъ одного цѣлаго такъ какъ и теперь, какъ прежде его населеніе представляло собою конгломератъ совершенно отдѣльныхъ, ничѣмъ не связанныхъ между собою группъ исключительно тяглаго характера: торгово-промышленное посадское населеніе не сливалось съ остальнымъ населеніемъ города, имѣя своихъ низшихъ представителей финансовой и судебной администраціи [1]), хотя и подчиненныхъ общему для всего городскаго населенія вмѣстѣ съ уѣзднымъ, представителю высшей администраціи.

Однако на всѣхъ этихъ мѣрахъ законодатель не останавливается. Одна за другой онъ предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ, не составляющихъ только развитіе или продолженіе уже заложеннаго; нѣтъ, весь этотъ періодъ времени до учрежденія магистратовъ, есть періодъ въ высшей степени разнообразныхъ преобразованій по отношенію къ посадскому населенію и городу вообще. Устанавливается цѣлый рядъ новыхъ областныхъ учрежденій съ въ высшей степени неопредѣленнымъ объемомъ вѣдѣнія и еще болѣе неопредѣленными какъ взаимными отношеніями другъ къ другу, такъ и къ высшимъ центральнымъ учрежденіямъ. Законодатель имѣетъ въ виду постоянно одну и ту же цѣль — устроить административный механизмъ,

---

поручается вѣдать въ сборахъ и крестьянъ. П. С. З. № 2097. Мы видѣли, что наказъ или инструкціи 1719 года воеводамъ и губернаторамъ разосланы вмѣстѣ и оберъ-комендантамъ съ комендантами; а наказъ этотъ приказываетъ „все въ городахъ и уѣздахъ въ надлежащемъ порядкѣ содержать“. П. С. З. № 3294. ст. 15.

[1]) Спеціальный указъ о ландратахъ. П. С. З. № 2879.

который далъ бы ему возможность наиболѣе исправно получать государственные доходы; но въ достиженіи этой цѣли законодатель идетъ, такъ сказать, ощупью, путемъ чисто эмпирическимъ: предпринимаются мѣры, часто одна другой противорѣчащія; являются на лицо новыя учрежденія и должности, въ то время какъ старыя, о которыхъ въ торопяхъ забыли, продолжаютъ существовать и, зная, что неминуемо ждетъ ихъ, стараются вознаградить себя [1]). На спеціальныя должности, въ полное противорѣчіе ихъ основному характеру, возлагаются обязанности болѣе общаго характера; такъ на земскихъ коммисаровъ, главною цѣлью учрежденія должности которыхъ былъ сборъ доходовъ въ уѣздѣ вмѣстѣ съ полиціей въ его предѣлахъ [2]), и власть которыхъ ни коимъ образомъ не должна была распространяться на города, какъ имѣющіе для сбора доходовъ «особливыхъ служителей» и состоящіе въ вѣдѣніи воеводъ и губернаторовъ; на этихъ коммисаровъ, говорю, возлагалась, тѣмъ не менѣе, обязанность вѣдать «малые» города и слободы, въ которыхъ нѣтъ на лицо «порядочнаго магистрата [3]) и собственнаго суда»; эти города земскіе коммисары должны были вѣдать, «яко села и деревни» всего уѣзда, куда они назначены какъ сборщики [4]), т. е. они вѣдали ихъ по сборамъ, суду и полиціи. Власть другой спеціальной должности земскаго камерира [5]) распространяется, повидимому, уже на всѣ города, даже и имѣющіе «порядочный магистратъ» (оговорки въ инструкціи нѣтъ; она говоритъ просто о городахъ). Ихъ наблюденію должны были подлежать счеты городскаго хозяйства по нѣкоторымъ отдѣльнымъ

---

[1]) Въ 1708 г., наканунѣ повсемѣстнаго введенія губерній, Меньшиковъ докладываетъ царю, что „о вѣдѣніи городовъ, приписанныхъ въ Ингерм. губернію, указа не прислано, а потому тѣ учреждния, въ которыхъ они вѣдались до учрежденія губерніи, выбираютъ нынѣ всякіе „доходы съ жестокостью“. П. С. З. № 2194.

[2]) П. С. З. № 3295.

[3]) Здѣсь подъ словомъ магистратъ, видимо, разумѣется правленіе вообще, а не магистратъ, какъ частное учрежденіе.

[4]) *Ibid.*

[5]) Земскій коммисаръ собиралъ доходы „помимо пошлинъ“; земскому камериру поручается надзоръ за деньгами въ гарнизонахъ... откупными деревнями и угодьями государевыми, откупными пошлинами и промыслами“. П. С. З. № 3296.

отраслямъ его [1]), содержимымъ изъ спеціальныхъ, выдаваемыхъ государемъ, суммъ.

Такимъ образомъ, является цѣлый рядъ учрежденій и должностей, вѣдающихъ городъ въ томъ или другомъ отношеніи. Объемъ власти ни одной изъ этихъ должностей не опредѣленъ въ точности, также какъ и взаимныя отношенія ихъ другъ къ другу и къ губернатору. Одинъ и тотъ же наказъ, какъ мы видѣли, былъ разосланъ въ руководство, какъ губернаторамъ, такъ и подчиненнымъ имъ комендантамъ; однако, опредѣлить взаимныя отношенія губернаторовъ, воеводъ, оберъ-комендантовъ и комендантовъ, сдѣланы кое-какія попытки; объ отношеніяхъ же земскихъ коммисаровъ и камерировъ къ названнымъ должностямъ нѣтъ рѣчи ни въ одномъ изъ указовъ и инструкцій.

Само собою разумѣется что всѣ эти мѣры, вся эта масса должностныхъ лицъ, при неопредѣленности объема ихъ власти, при запутанности ихъ взаимныхъ отношеній, не могли оправдать надеждъ преобразователя; всѣ эти камериры, коммисары едвали помогли къ расширенію и увеличенію «артеріи войны»; торгово-промышленное населеніе, оказавшееся теперь въ рукахъ многочисленныхъ чиновниковъ и учрежденій, разумѣется не избавилось отъ «раззореній и убытковъ» и не могло исправнѣе отправлять свои повинности, которыя притомъ день ото дня все увеличиваются и увеличиваются; это сословія все больше и больше закрѣпощается службѣ государственной, тяглу. Въ началѣ 1711 года открывается такъ называемая Купецкая Палата для завѣдыванія «денежнымъ дѣломъ»; въ Палату эту сажаютъ все тѣхъ же торгово-промышленныхъ и посадскихъ людей по выбору [2]); изъ нихъ же берутъ счетчиковъ на денежный дворъ въ Москвѣ [3]); издается цѣлый рядъ указовъ, возлагающій все новыя и новыя обязанности на торгово-промышленное на-

[1]) Именно по содержанію устроенныхъ государемъ вдовьихъ домовъ и больницъ; по содержанію и обученію молодыхъ людей въ академіяхъ, гимназіяхъ (?) школахъ и вообще по расходамъ суммъ, пожалованныхъ на городскіе расходы государемъ П. С. З. № 3296.

[2]) П. С. З. № 2357.

[3]) П. С. З. № 2489; впрочемъ, эта служба отмѣнена въ 1714 г. П. С. З. № 2805. Для распоряженія соляною продажею въ Петербургѣ, высылаются изъ разныхъ городовъ купецкіе люди.

селеніе городовъ [1]). Это обложеніе городскаго населенія все новыми службами безостановочно продолжается до 1718 года, когда правительство, какъ будто рѣшилось пріостановиться въ этой политикѣ и повернуть на другой путь; оно находитъ средство, хотя, какъ оказалось потомъ, и не совсѣмъ удачное, нѣсколько облегчить торгово-промышленное населеніе отъ его тяжелыхъ службъ, сложивъ съ него нѣкоторыя изъ нихъ и возложивъ ихъ на отставныхъ солдатъ [2]). Такое положеніе дѣлъ не могло удовлетворить законодателя, онъ не могъ равнодушно смотрѣть на вновь разсыпавшуюся храмину торгово-промышленнаго населенія, въ которомъ онъ видѣлъ одну изъ могущественныхъ силъ къ процвѣтанію государства. Онъ рѣшился опять приняться за собираніе этой храмины, за созданіе ея.

---

[1]) П. С. З. №№ 2776, 2835; 2902 и др. [2]) П. С. З. № 3146.

КНИГА ВТОРАЯ.

Регламентъ Главному Магистрату.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Новое устройство города.

ГЛАВА I.

Что заимствуетъ Петръ изъ западно-европейскихъ городскихъ учрежденій.

Въ іюнѣ 1718 года Петръ Великій, въ отвѣтъ на меморіалъ иностранца Фика, постановилъ слѣдующую резолюцію: «магистратовъ градскихъ установить и добрыми регулы снабдить, учинивъ сіе на основаніи рижскаго и ревельскаго регламентовъ, по всѣмъ городамъ» [1]) Изъ словъ этой резолюціи видно, что законодатель, параллельно съ тѣми временными, по отношенію къ городамъ, мѣрами, на которыхъ я нѣсколько останавливался въ концѣ предъидущей книги, озабоченъ былъ изысканіемъ средствъ къ прочному устройству ихъ торгово-промышленнаго населенія. На этотъ разъ законодатель обращается уже къ Западной Европѣ, именно къ Германіи [2]); въ учрежденіяхъ этой страны онъ видитъ образецъ для городскаго устройства, какъ въ учрежденіяхъ Швеціи онъ видѣлъ идеалъ

---

[1]) 11 Іюня 1718 г. П. С. З № 3208, п. 8. *Берхгольцъ* говоритъ о Фикѣ, что въ 1721 году онъ былъ камерратомъ; что онъ устроилъ почти всѣ коллегіи по Шведскому образцу, за что получилъ помѣстья въ Лифляндіи. Дневникъ пер. Аммона, стр. 188 части I.

[2]) Рижское и ревельское городовое устройство выработалось тѣмъ же путемъ, что и устройство городовъ Германіи.

обще-государственныхъ учрежденій. Мы видѣли, что городское устройство западно-европейскихъ государствъ получилось въ результатѣ вѣковаго развитія ихъ торгово-промышленнаго населенія, результатомъ вѣковой борьбы этого населенія съ феодальными владѣльцами и отдѣльныхъ элементовъ его между собою. Какъ результатъ такого развитія, такой борьбы, западно-европейскій городъ того времени выработалъ самобытную организацію, послужившую образцомъ для государственной организаціи. Потерявъ съ развитіемъ абсолютизма государственныя права, западно-европейскій городъ остался земскимъ автономическимъ организмомъ, насколько это было совмѣстимо съ абсолютной государственной властью; организмомъ, автономія котораго олицетворялась въ городскихъ Совѣтахъ и общественныхъ должностяхъ, сдѣлавшихся достояніемъ наиболѣе могущественныхъ цеховъ.

Чтоже могъ заимствовать въ этомъ устройствѣ нашъ великій реформаторъ, откуда онъ могъ добыть активное, энергическое торгово-промышленное городское населеніе, отсутствіемъ котораго страдало его отечество? Допустимъ, что онъ не задумается создать эта сословіе, но этимъ дѣло еще не кончается нужно создать въ такомъ случаѣ самую общественно-городскую жизнь, общественно-городскіе интересы, независимые отъ интересовъ обще-государственныхъ.

Петра обыкновенно обвиняютъ въ томъ, что онъ перенесъ на русскую общественно-политическую почву учрежденія, выработанныя западно-европейской жизнью, учрежденія, совершенно чуждыя русской почвѣ. Обвиненіе это справедливо лишь отчасти. Нужно знать, какъ онъ перенесъ эти учрежденія. Перенесъ ли онъ ихъ цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій и приспособленій если не къ отечественной почвѣ, то къ своимъ государственнымъ цѣлямъ, или же онъ сдѣлалъ эти приспособленія? Въ послѣднемъ случаѣ обвиненіе едвали будетъ умѣстнымъ.

Петръ Великій, соблазненный сравнительнымъ благосостояніемъ западно-европейскаго города, его внѣшними порядкомъ и приличіемъ, рѣшается ввести эти порядокъ и приличіе и у себя, заставивъ заботиться о томъ и другомъ вновь образованныя городскія учрежденія. Путемъ этихъ учрежденій онъ, повидимому, думаетъ поднять русскій городъ до степени благосостоянія западно-европейскаго, онъ

задается даже цѣлью установить этимъ же путемъ, «добрую» полицію, которая «непорядочное и непотребное житіе отгоняетъ... рождаетъ добрые порядки.» Но эта цѣль трактуется лишь вскользь, одними общими фразами въ родѣ только что приведенныхъ. На самомъ же дѣлѣ цѣлью и новыхъ городскихъ учрежденій, какъ и прежнихъ, являлось достиженіе интересовъ исключительно государственныхъ: они должны были «паки собрать» разсыпанную храмину торгово-промышленнаго населенія Россіи ради пользы государственной. [1]) Такою цѣлью обусловливается и самая организація новыхъ городскихъ учрежденій, какъ увидимъ впослѣдствіи. Эта-то цѣль и была, между прочимъ, причиной, почему законодатель не могъ перенести цѣликомъ западно-европейскія городскія учрежденія съ ихъ сущностью. Онъ заимствовалъ лишь ф о р м у этихъ учрежденій, которую наполнилъ содержаніемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ содержаніемъ ея въ западно-европейскихъ городахъ. Петръ и въ данномъ случаѣ является ученикомъ, насколько это было возможно, своего друга, великаго философа-математика XVIII ст. Лейбница; заимствуя формы, онъ комбинируетъ ихъ, согласно идеѣ своего учителя-теоретика объ административномъ механизмѣ какъ механизмѣ неодушевленномъ, механизмѣ часовъ. Отдѣльными частями этого механизма являются русскіе коренные элементы, выработанные общественно-политической жизнью Руси XVII ст. Цѣлью, достиженіе которой имѣетъ въ виду механизмъ, законодатель ставитъ далеко не тѣ цѣли, которыя имѣли въ виду западно-европейскія городскія учрежденія. Тщательно снявъ оболочку западныхъ городскихъ учрежденій, Петръ Великій не трогаетъ зерна, лежащаго въ этой оболочкѣ; онъ подмѣняетъ его, вставляя свое; онъ прилаживаетъ эту оболочку къ содержимому, издавна вырабатываемому русской политической жизнью, прилаживаетъ ее сообразно тѣмъ цѣлямъ и взглядамъ, которые онъ, законодатель, необходимо долженъ былъ имѣть на данный вопросъ. Иначе и быть не могло. Перенести на русскую почву западно-европейское городское устройство съ его сущностью, общинной автономіей, значило стать въ полное противорѣчіе со всѣмъ ходомъ исторіи русскаго общества того времени.

---

[1]) ...„ради исканія и споспѣшествованія пользы и благополучія его Великаго государя". Такое внушеніе дѣлается оберъ-президенту и членамъ главнаго Магистрата въ регламентѣ этому Магистрату П. С. З. №. 3708.

Перенося его цѣликомъ въ Россію, законодатель сталъ бы въ полное противорѣчіе со всею своею дѣятельностью, дѣятельностью энергическою, гигантскою, но неопередившею своего времени: великій преобразователь кончалъ дѣло своихъ предшественниковъ — онъ собиралъ великую политическую храмину — «государство». Эта и только эта цѣль—задача всей его дѣятельности; все пріурочивалось къ ней. Если царственный работникъ и жаловался на всеобщую апатію русскаго народа вообще, если онъ и старался возбудить энергію въ его составныхъ элементахъ, то вовсе не въ смыслѣ автономіи; нѣтъ, онъ требовалъ этой энергіи отъ общества для государства; онъ требовалъ, чтобы все служило «къ наивящей государственной пользѣ». Ему нужна была не автономическая дѣятельность его подданныхъ, а наоборотъ, ему необходимо было, чтобы всѣ силы ихъ были закрѣпощены прямо или посредственно государству; но онъ хотѣлъ, приэтомъ почти невозможнаго—чтобы закабаленные работали энергически, работали, посвящая чуждому, въ ихъ глазахъ, имъ дѣлу, чуть не всѣ свои силы. Этого онъ требовалъ и отъ городскаго торгово-промышленнаго сословія, и оно должно было нести свое тягло, работая надъ созданіемъ государства, какъ политическаго тѣла, какъ члена европейской международной семьи; и оно должно было служить этой цѣли людьми и деньгами. Независимые отъ государственныхъ, общественные интересы и цѣли не имѣли въ глазахъ преобразователя почти никакой цѣны. Все это — діаметрально противоположно духу и сущности западно-европейскихъ городскихъ учрежденій, какъ они выработались исторіей.

ГЛАВА II.

Отношеніе Коммерцъ Коллегіи къ городамъ. Составъ городовыхъ магистратовъ. Ихъ государственный характеръ.

Почти за два года до изданія регламента Главному Магистрату Петръ издаетъ регламентъ государственной Коммерцъ-Коллегіи [1]); значительная часть содержанія этого регламента касается не только

[1]) 3 марта 1719 года.

торгово-промышленнаго населенія вообще, но и городовъ. Главною задачею для этой Коллегіи царь ставитъ поощреніе и развитіе торговли въ государствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и попеченіе о томъ, что «къ способному учрежденію, произведенію и споспѣшествованію и порядку купечества служити можетъ» [1]. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ общегосударственнымъ дѣломъ — вѣдѣніемъ торговли и промышленности вообще — на Коммерцъ-Коллегію возлагается и забота о чисто сословныхъ интересахъ торговаго населенія Россіи; на нее же возлагается, какъ я уже замѣтилъ, и вѣдѣніе городовъ. Петръ Великій отлично сознавалъ тѣсную связь между экономическимъ благосостояніемъ городовъ, ихъ развитіемъ и развитіемъ и состояніемъ торговли и промышленности; вотъ причина почему онъ возлагаетъ на одно и тоже учрежденіе заботы, о томъ и другомъ, хотя и спеціально съ коммерческой точки зрѣнія; эта Коллегія все таки должна была вѣдать города относительно данныхъ имъ «привилегій и вольностей» [2]; разбирать ихъ препирательства между собою о всякаго рода торговыхъ правахъ [3]. Мало этого, Петръ не колеблется возложить на Коммерцъ-Коллегію и вѣдѣніе города, какъ одного цѣлаго, какъ совокупности всего его населенія — вѣдѣніе его въ полицейскомъ отношеніи [4]. Такимъ образомъ, на эту Коллегію возложено по отношенію къ торгово промышленному населенію и городамъ то, что за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ наказомъ воеводамъ и губернаторамъ возлагалось на этихъ мѣстныхъ органовъ правительственной власти. Въ ея рукахъ сосредоточивается то, что по уничтоженіи Московской Ратуши было разбито по рукамъ воеводъ и губернаторовъ [5]; словомъ, она, по отношенію къ городскому населенію, играетъ почти туже роль, что и прежняя Ратуша;

---

[1]) П. С. З. № 3318, п. 15.

[2]) *Ibid.* п. 17.

[3]) *Ibid.* п. 18.

[4]) Ей вмѣняется въ обязанность „смотрѣть, чтобы добрая полиція или обхожденіе въ городахъ содержаны были“... „чтобы своевольничанью лѣнивству и всякой непристойности препятствіе и запрещеніе учинено было“. *Ibid.* п. 20.

[5]) Спеціальнаго указа объ устраненіи губернаторовъ и воеводъ отъ дѣлъ, переданныхъ въ вѣдѣніе коммерцъ-Коллегіи въ П. С. З. не имѣется; ихъ вѣроятно и не было: всѣ дѣйствовали совмѣстно.

самый регламентъ, выданный на имя этой Коллегіи — ничто иное, какъ новая попытка собрать воедино разсыпанную храмину торгово-промышленнаго населенія; на Коммерцъ Коллегію возлагаются многія обязанности, бывшія обязанностями уничтоженной Московской Ратуши [1]). Она является, также какъ и Московская Ратуша, тѣмъ единымъ пристойнымъ приказомъ, въ которомъ надлежитъ вѣдать все торговое городское населеніе. Ей вручается «полная власть» надъ магистратами всѣхъ городовъ Россіи [2]). Едва успѣла установиться Коммерцъ Коллегія, какъ дѣятельность ея по отношенію къ городамъ найдена недостаточною. Петръ взялся наконецъ за осуществленіе меморіала Фика, результатомъ подачи котораго было, кажется, лишь установленіе въ Петербургѣ Магистрата и опредѣленіе въ президенты его Ильи Исаева [3]), причемъ не былъ даже опредѣленъ кругъ дѣятельности новаго учрежденія; другая же часть резолюціи на этотъ меморіалъ — «Магистратовъ градскихъ уставить и добрыми регулами снабдить» — остается лишь резолюціей, не переходя за предѣлы бумаги, на которой была написана; шесть мѣсяцевъ спустя послѣ постановленія этой резолюціи, какъ мы видѣли, былъ изданъ наказъ воеводамъ, губернаторамъ, оберъ-комендантамъ и комендантамъ, въ которомъ ни слова нѣтъ о Городскихъ Магистратахъ [4]). Въ мартѣ 1719 г. издается регламентъ Коммерцъ-Коллегіи, въ которомъ какъ мы видѣли уже идетъ рѣчь о Магистратахъ городовъ,

---

[1]) Ей, напр., поручается надзоръ за тѣмъ, чтобъ вновь поселившіеся въ городахъ не были обременяемы податями и пошлинами. П. С. З. № 3318, п. 23.

[2]) Ей должны были магистраты всѣхъ городовъ „повсягодно отповѣди“ присылать; эти отповѣди она имѣла право требовать съ нихъ, а за упущенія взыскивать *Ibid.* п. 20. На ней лежала обязанность заботится о томъ, чтобы магистраты и всѣ городскіе уставы въ надлежащемъ состояніи содержались. *Ibid.* п. II. Трудно сказать, что разумѣетъ здѣсь законодатель подъ словомъ Магистратъ—вообще-ли городскія власти или спеціальныя городскія учрежденія, носившія это имя. Вѣроятно — послѣднее, какъ это не странно въ виду того, что магистраты существовали лишь на бумагѣ меморіала Фика. Петръ, видимо, предположилъ ихъ существующими, надѣясь скоро ввести ихъ.

[3]) П. С. З. № 3208. Резол. на 8 пунктъ. Впрочемъ, и это сомнительно.

[4]) Въ немъ еще упоминаются Ратуши, которыя предписывается снабдить „угодными и искусными персоны“. П. С. З. № 3294.

но о Магистратахъ только еще предполагаемыхъ. Наконецъ, въ февралѣ 1720 года именнымъ Указомъ учрежденъ въ Петербургѣ Главный Магистратъ, оберъ президентомъ котораго, назначенъ князь бригадиръ Трубецкой, а его товарищемъ Исаевъ [1]. Вновь открытому учрежденію поручается «вѣдать всѣхъ купецкихъ людей... и разсыпанную сію храмину паки собрать»; но оно бездѣйствуетъ, объ немъ какъ говорится ни слуху, ни духу. Почти годъ спустя изданъ именной указъ—«учинить форму правленія магистратскаго». Ничто не помогло. Главный магистратъ вѣроятно вырабатывалъ въ тиши «регулы» для городовыхъ Магистратовъ, не торопясь. Наконецъ законодатель вспомнилъ о Главномъ Магистратѣ, и издалъ ему въ руководство регламентъ, но и это едвали помогло: по крайней мѣрѣ ровно годъ спустя мы встрѣчаемся со слѣдующимъ, по меньшей мѣрѣ страннымъ, указомъ царя оберъ-президенту Главнаго Магистрата: «понеже давно имѣется указъ и регламентъ и исправленіи дѣла, вамъ врученнаго, а именно о учиненіи перво Магистрата правильнаго и цеховъ въ Петербургѣ въ примѣръ другимъ городамъ, а потомъ въ Москвѣ и тако въ протчихъ; но по се время никакого успѣху въ томъ не дѣлается» [2]. Послѣднія слова ясно указываютъ на отсутствіе Магистратовъ не только въ городахъ, но даже въ Москвѣ, вполнѣ благоустроенныхъ, правильныхъ, какъ выражается царь [3]. Царь энергически понуждаетъ Главный Магистратъ къ дѣятельности: «того ради, продолжаетъ онъ въ томъ же указѣ, симъ опредѣляемъ, что ежели въ Петербурхѣ сихъ двухъ дѣлъ, т. е. Магистрата и цеховъ не

---

[1]) П. С. З. № 3520.

[2]) П. С. З. № 3690, декабря 16, 1720 г.: „учинить немедленно форму правленія магистрата здѣшняго города, какъ о магистратѣ, такъ о посадскихъ и цехахъ и о всей полиціи каждаго чина съ ихъ должностью, дабы съ той формы и другіе города располагать было возможно".

[3]) Что магистратъ, въ какомъ бы то ни было видѣ, существовалъ въ Москвѣ, на это указываетъ цитата Соловьева изъ дѣлъ Главнаго Магистрата и Сената по Главному Магистрату—въ архивѣ Мин. Юст. *Соловьевъ* Ист. Рос. XVIII, 166. Изъ этой цитаты видно также, что едва-ли и въ Костромѣ существуетъ Магистратъ уже въ 1719 г., по крайней мѣрѣ, судя по названію представителей городскаго управленія—бурмистръ и Ратманы. *Ibid.*

учините въ пять мѣсяцевъ или въ полгода, то ты (кн. Трубецкой) и товарищъ твой Исаевъ будете въ работу каторжную посланы» [1]). Такія мѣры царь пускаетъ въ ходъ относительно главы учрежденія, которое было не только «яко начальство градское,» какъ выражается регламентъ Главному Магистрату, но и яко начальство всей паки собранной «храмины россійскаго купечества.» Однако, эти энергическія мѣры мало подвинули дѣло: три мѣсяца спустя послѣ посула оберъ-президенту Главнаго Магистрата и его товарищу каторжной работы, дѣло, за неисполненіе котораго имъ сулилась такая перспектива, оставалось все въ томъ же положеніи, по крайней мѣрѣ по отношенію къ цехамъ [2]). Только, три года спустя послѣ изданія регламента Главному Магистрату, именно въ концѣ 1724 года появилась на свѣтъ инструкція Магистратамъ, въ которой прежде всего опредѣлено во всѣхъ городахъ учредить магистраты по образцу петербургскаго [3]). Такъ что, лишь съ этого времени, конца 1724 года, болѣе или менѣе повсемѣстное установленіе Магистратовъ можно считать окончательнымъ.

Не только содержаніе заимствованныхъ учрежденій было измѣнено преобразователемъ, измѣненія внесены въ самую форму ихъ. Каждый городъ Западной Европы слагался совершенно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, самостоятельно, его общественно-политическая жизнь выливалась въ тѣ или другія формы вполнѣ независимо отъ остальныхъ городовъ; почти каждый изъ нихъ, такимъ образомъ, въ началѣ представлялъ собою самостоятельное, политически, тѣло—городъ-государство; а впослѣдствіи времени, съ постепеннымъ развитіемъ верховной государственной власти, городъ обратился въ отдѣльную общину; іерархической связи, въ смыслѣ зависимыхъ отношеній этихъ общинъ одной отъ другой, не существовало, исключая развѣ тѣхъ, очень не многихъ, случаевъ, когда самая историческая жизнь двухъ городовъ установила между ними такую связь. Подобнаго рода положеніе городовъ, ихъ независимая организація внутренняго управленія рѣзко противорѣчила, какъ я уже говорилъ, всѣмъ цѣлямъ и стремленіямъ царя, который заимствовалъ магистратское устройство не ради удовлетворенія общественныхъ

---

[1]) *Соловьевъ*: Ист. Рос. XVIII, 178.

[2]) *Ibid.*

[3]) П. С. З. № 4624.

нуждъ городскаго населенія во всей его совокупности или только части его, а исключительно ради пользы и нуждъ самого государства. Цѣль новыхъ учрежденій лежала въ установленіи самой строгой зависимости разсыпанной храмины торгово-промышленнаго населенія отъ верховной власти: храмину царь стремится собрать «воедино», отдавъ ее въ исключительное вѣдомство одного центральнаго учрежденія, которое, въ свою очередь, легко можетъ быть поставлено въ полную зависимость отъ верховной власти. Магистратское устройство, съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, должно было быть ничѣмъ инымъ, какъ государственно-административнымъ механизмомъ, имѣющимъ цѣлью управленіе опредѣленной частью населенія имперіи, ея торгово промышленнымъ слоемъ; этотъ механизмъ долженъ былъ составлять только часть общаго государственнаго механизма и не могъ быть устроенъ, сравнительно съ послѣднимъ на иныхъ началахъ. Мысль Лейбница объ администравныхъ часахъ, если можно такъ выразиться, должна была найти приложеніе и здѣсь. Управленіе городскимъ торгово-промышленнымъ населеніемъ должно было вылиться въ такой механизмъ, въ которомъ бы одна шестерня приводила въ движеніе другую, эта другая — третью и т. д. и наконецъ необходимо долженъ былъ существовать рычагъ, который, находясь подъ непосредственнымъ контролемъ верховной власти, входя въ составъ высшаго государственнаго механизма, давалъ бы толчокъ всѣмъ этимъ шестернямъ.

Такимъ рычагомъ въ громадномъ часовомъ механизмѣ городскаго устройства долженъ былъ служить Главный Магистратъ въ Петербургѣ; городовые же Магистраты или Ратуши играли роль отдѣльныхъ — шестерень въ цѣломъ механизмѣ. Такимъ характеромъ обусловливалась роль какъ Главнаго Магистрата, такъ и каждаго изъ городовыхъ.

Еще въ февралѣ 1720 года, какъ мы видѣли, открытъ былъ Главный Магистратъ, четыре года спустя по городамъ открыты Магистраты. Совершенно иныя условія общественно-экономической жизни городскаго населенія, отличныя отъ западно-европейскихъ, заставили законодателя внести измѣненія и въ форму каждаго отдѣльнаго Магистрата, измѣненія, доведенныя до того, что во многихъ городахъ коллегіальное начало замѣнялось единоличнымъ. Понятно само собою, что и Магистраты западно-европейскихъ горо-

довъ не представляли собою точной копіи одинъ съ другаго; внутренняя организація каждаго изъ нихъ, а въ особенности составъ, число членовъ, были различны, но это различіе обусловливалось исторически, ходомъ развитія различныхъ элементовъ городскаго населенія и никакъ не зависѣло исключительно лишь отъ количества городскаго населенія [1]). Въ Россіи законодатель долженъ былъ отыскать, придумать основанія для такого различія: ввести во всѣхъ городахъ Магистраты съ одинаковымъ количествомъ членовъ, входящихъ въ ихъ составъ было просто невозможно. Здѣсь магистратская организація не была продуктомъ развитія самаго городскаго населенія, какъ на родинѣ ея, здѣсь ее давало городамъ правительство, какъ давало оно воеводу, коменданта и т. п. и притомъ давало, какъ тяжелую обузу государственнаго тягла: городъ долженъ былъ своими собственными наличными силами «снабдить магистратскіе чины угодными и искусными персоны,» избранными притомъ изъ «первостатейныхъ и пожиточныхъ» гражданъ, которые могли бы и президировать въ немъ. Огромное большинство городовъ, тогдашней Россіи было бы не въ состояніи вынести на собственныхъ плечахъ болѣе или менѣе сложный составъ магистратуры. Необходимо было разнообразить этотъ составъ, смотря по благосостоянію городовъ: законодатель взялъ за исходный пунктъ дѣленія количество жителей каждаго города и на этомъ основаніи раздѣлилъ всѣ города тогдашней Россіи на пять разрядовъ. [2]) Наибольшее количество членовъ,

---

[1]) Число членовъ городскаго Совѣта (Stadtrath) въ городахъ Германіи увеличилось со времени побѣды цеховъ, когда въ составъ его вошли особыя отдѣленія изъ представителей цеховъ. Такъ, въ Страсбургѣ, напр., съ давняго времени въ городскомъ Совѣтѣ получилось двѣ скамьи: Oberbank—представители древнихъ родовъ, и Niederbank—отъ цеховъ. *Maurer*: Geschichte der Städteverfassung in Deutschl. II. 671. Изъ этого видно, что составъ городскаго совѣта зависитъ, такъ сказать, отъ количества слоевъ населенія, пользовавшихся политическими правами. Въ XVII ст. съ потерей городами самостоятельности, число членовъ магистратовъ уменьшается, такъ, напр., въ Брауншвейгѣ, число Бурмистровъ съ 14 упало до 4. *Ibid.* IV, 242.

[2]) Къ первому разряду отнесены города, въ которыхъ количество дворовъ было не менѣе 2000; ко второму разряду—города, число дворовъ которыхъ—не менѣе 1500; къ третьему—не менѣе 500; къ четвер-

входившихъ въ составъ Магистрата, установленно для городовъ перваго разряда; Магистраты этихъ городовъ предполагалось составить изъ четырехъ Бурмистровъ и одного президента, стоявшаго во главѣ ихъ; города пятаго, послѣдняго, разряда лишались совершенно коллегіальнаго учрежденія—въ нихъ Магистратъ замѣнялся единоличною должностью Бурмистра [1]). Главный Магистратъ состоялъ изъ оберъ-президента и его товарища, и нѣсколькихъ членовъ Бурмистровъ и ратсгеровъ [2]).

Города всѣхъ этихъ пяти разрядовъ не были, какъ увидимъ, независимыми другъ отъ друга: Петръ и теперь не отказался отъ приписнаго начала. Учрежденіе и открытіе Магистратовъ поручено было главному Магистрату, который и разбивалъ города на разряды на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя онъ получалъ объ ихъ состояніи отъ губернаторовъ и воеводъ [3]). Опредѣливъ составъ Магистрата въ городѣ, Главный Магистратъ высылалъ губернаторамъ, вице губернаторамъ и воеводамъ указы о выборѣ этого состава. Представители власти въ губерніи или провинціи, получивъ эти указы, собираютъ бургомистровъ и мірскихъ людей и «велятъ» имъ выбрать членовъ и президента магистрата изъ «добрыхъ пожиточныхъ и умныхъ людей» изъ гостей, гостиной сотни и гостиныхъ дѣтей [4]). Изъ выбранныхъ (выборы совершаются простыми большинствомъ голосовъ) «дѣльныхъ и лучшихъ въ купечествѣ», не меньше трехъ, отсылаютъ въ Петербургъ, въ Главный Магистратъ, на утвержденіе;

тому—не менѣе 250; къ пятому — всѣ остальные. Регл. Главн. Маг. П. С. З. № 3708, гл. V.

[1]) Въ городахъ втораго класса магистратъ составлялся изъ трехъ бурмистровъ и президента; въ городахъ третьяго класса—два бурмистра; тоже и въ городахъ четвертаго класса—П. С. З. № 3708, VI. Въ другомъ мѣстѣ регламента магистраты предполагаются лишь „гдѣ знатные посады“. Этотъ составъ инструкціей магистратомъ 1724 г. нѣсколько измѣненъ: введены ратманы.

[2]) *Плошинскій:* Городовое состояніе Россіи. 183. П. С. З. № 3708, гл. I, п. XXIV: половина ратсгеровъ—изъ иностранцевъ.

[3]) Регл. Главн. Маг. предписываетъ губернаторамъ, вице-губернаторамъ и воеводамъ присылать въ Глав. Магистратъ „вѣдомости“ о состояніи городовъ въ географическомъ, экономическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ по плану, представляемому „формуляромъ“, приложеннымъ къ регламенту. *Ibid.* Гл. III.

[4]) *Ibid.* Гл. VI.

здѣсь они, по разсмотрѣніи выборовъ, ихъ повѣркѣ, получаютъ утвержденіе, о чемъ въ городовой Магистратъ посылается указъ [1]). Такимъ образомъ, выборы магистратскихъ членовъ далеко не являются свободнымъ дѣломъ городскихъ сословныхъ общинъ; они нетолько разсматриваются и утверждаются Главнымъ Магистратомъ, оберъ-президентъ котораго вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, занимая свои должности по назначенію отъ правительства, будучи слѣдовательно государственными чиновниками даже и по способу опредѣленія на службу, являются представителями, блюстителями, «пользы государства;» эти выборы состоятъ и подъ сильнымъ вліяніемъ мѣстныхъ правительственныхъ агентовъ—губернаторовъ и воеводъ, которымъ, какъ мы выдѣли, поручено велѣть горожанамъ выбирать членовъ Магистрата. Законодатель не могъ иначе поступить, не отступивъ отъ своихъ плановъ, не измѣнивъ принципу всѣхъ своихъ реформъ по администраціи; главная цѣль учрежденія этихъ новыхъ сословно-выборныхъ коллегій—чисто государственные интересы; служба въ нихъ—государственная повинность, тягло торгово-промышленнаго населенія, отъ котораго это послѣднее, разумѣется, готово избавиться всякими способами; предоставить отправленіе этого тягла собственному усмотрѣнію городскихъ сословныхъ общинъ со стороны законодателя значило бы совершенно отказаться отъ достиженія своихъ цѣлей: торгово-промышленное населеніе, давно уже отправляя, «за выборами», государственныя повинности и службы, привыкло производить эти выборы такъ, что у дѣлъ болѣе или менѣе доходныхъ для исполнителя оказывались всегда люди «пожиточные», могшіе отдарить выборщиковъ, у дѣлъ же тяжелыхъ и малодоходныхъ всегда стояли люди «худые», малопожиточные, въ томъ и другомъ случаѣ государственные интересы одинаково страдали. Вотъ причина установленія законодателемъ полной зависимости выборовъ въ Магистраты отъ администраціи. Съ другой стороны не забудемъ, что Главному Магистрату при учрежденіи городовыхъ предписывалось имѣть образцемъ магистраты западно-европейскихъ городовъ [2]), и что состояніе

---

[1]) *Ibid.*

[2]) ... смотрѣть прилежно, чтобъ новоучрежденные магистраты вездѣ содержаны и въ такую знатность и почтеніе приведены были, какъ и въ иныхъ государствахъ обыкновенно есть. *Ibid.*

самоуправленія въ городахъ Западной Европы въ XVII и XVIII столѣтіяхъ уже далеко не было тѣмъ, какимъ оно было въ періодъ Среднихъ Вѣковъ.

«Паденіе древняго свободнаго городскаго устройства» въ городахъ Германіи, началось, по словамъ Маурера «съ того момента, когда они достигли высшей степени процвѣтанія»; съ этого момента они, выражаясь словами того же ученаго, спускаются съ достигнутой ими высоты все ниже и ниже и постепенно преклоняются передъ еще болѣе новымъ и сильнымъ явленіемъ—общей государственной властью.—Съ паденіемъ господства городовъ начинается господство третьяго сословія, господство горожанъ, опираясь на которыхъ, развивается сильная государстенная власть, вмѣшательство которой въ виду злоупотребленій олигархическаго городскаго управленія сдѣлалось даже желательнымъ. Всѣ верховныя, государственныя права переходятъ изъ рукъ городскихъ Совѣтовъ въ руки верховной, государственной власти; но вмѣстѣ съ переходомъ этого рода власти, падаетъ и городская автономія. Сначала, какъ я замѣтилъ, побуждаемая ко вмѣшательству во внутреннее городское управленія лишь злоупотребленіями господствующаго класса, въ рукахъ котораго находилось это управленіе, и побуждаемая лишь изрѣдка, государственная власть не замедлила воспользоваться своей силой, и ея вмѣшательство сдѣлалось хроническимъ явленіемъ: она поставила все городское управленіе и устройство подъ свой надзоръ. Съ этого времени никакой актъ городской общественно-административной жизни не могъ совершиться безъ ея вѣдома и согласія [1]). Выборы членовъ въ городскіе Совѣты подпадали все большему и большему вліянію правительственныхъ чиновниковъ, пока, наконецъ, во многихъ городахъ прямо не перешли въ ихъ руки [2]). Въ такомъ со-

---

[1]) *Maurer*: IV. 132 и 234.

[2]) *Ibid.* 234. Въ Вѣнѣ, напр., измѣненія городскаго устройства въ этомъ направленіи послѣдовало еще въ XVI ст. Уже тогда избирательныя собранія могли собираться лишь съ согласія верховной власти, а самые выборы прямо зависѣли отъ ея усмотрѣнія; *Ibid*, 236; избирали лишь кандидатовъ, изъ коихъ верховная власть нѣкоторыхъ утверждала. Въ Оппенгеймѣ гор. магистратъ состоялъ изъ шультгейса, назначаемаго правительствомъ изъ Ratsverwandten. *Ibid.* 238. Въ этомъ родѣ и во всѣхъ городахъ. См. *Maurer*, IV 236—282.

стоянiи находилось устройство германскихъ городовъ въ то время, когда Петръ рекомендовалъ своему Главному Магистрату имѣть его въ виду въ качествѣ образца и источника, изъ котораго онъ долженъ былъ черпать обѣими руками. Это обстоятельство, разумѣется, влiяло на организацiю нашихъ Магистратовъ и ихъ отношенiе къ правительству тѣмъ болѣе, что оно совершенно совпадало съ цѣлями и взглядами царя.

Если выборы членовъ Магистрата такъ мало свободны были de jure, нужно ли говорить насколько страдала свобода этихъ выборахъ, ихъ правильность, порядокъ de facto; стоитъ вспомнить тѣ ужасающiе размѣры, въ которыхъ проявлялся произволъ правительственныхъ агентовъ въ губернiяхъ и провинцiяхъ, стоитъ просмотрѣть жалобы посадскихъ на этотъ произволъ, чтобы вполнѣ убѣдиться, что не только о свободѣ, но даже просто о какой либо правильности, какомъ нибудь порядкѣ при выборахъ не можетъ быть рѣчи [1]).

Уже благодаря только такому способу избранiя членовъ городоваго Магистрата, послѣднiй обращался почти исключительно въ учрежденiе правительственное; но еще рѣшительнѣе характеръ этотъ придавался ему срокомъ, продолжительностью службы этихъ членовъ. Члены Земскихъ Избъ Бурмистерской Палаты, какъ мы видѣли, смѣнялись «погодно». Въ магистратскомъ устройствѣ этотъ срокъ не примѣняется; онъ оказался негоднымъ: воровства и взяточничество Земскихъ бурмистровъ многими приписывались, между прочимъ, ему [2]); а главное, срокъ этотъ ставилъ выборнаго въ болѣе тѣсную связь съ обществомъ, избравшимъ его, дѣлалъ его болѣе зависимымъ отъ этого общества и, наоборотъ, ослаблялъ такую связь его съ правительственными органами, дѣлалъ сколько нибудь возможнымъ большую или меньшую независимость его отъ этихъ органовъ; словомъ, срокъ этотъ мѣшалъ установиться той тѣсной связи земскихъ выборныхъ съ правительствомъ, къ которой последнее стремилось. Онъ былъ слишкомъ коротокъ для того, что бы Земскiй бурмистръ могъ окончательно забыть свою принадлежность къ обществу, его избравшему, и почувствовать себя вполнѣ

---

[1]) См. *Соловьевъ*. Исторiя Россiи, XVIII, 166—167.

[2]) *Посошковъ*: О скудости и богатствѣ, 221—239.

состоящимъ на государственной службѣ. Онъ не былъ всецѣло оторванъ отъ общества, его избравшаго. Учреждая Магистраты, царь рѣшилъ обратить членовъ Магистрата именно въ такихъ государственныхъ чиновниковъ, удаливъ ихъ на всегда изъ общества, ихъ избравшаго, сдѣлавъ ихъ чиновниками коронной службы, видѣвшими въ перспективѣ повышенія не только въ чинѣ, но и въ состояніи. Члены Магистратовъ были пожизненными чиновниками [1]); за «честное и безукоризненное» служеніе государству членъ Магистрата могъ быть возведенъ «въ шляхтское достоинство» [2]). Такимъ образомъ, выборнымъ отъ торгово-промышленнаго сословія въ качествѣ награды обѣщается полное удаленіе изъ этого сословія, на которое, понятно, и сами члены должны были смотрѣть, какъ на «подлое», какъ на среду, удалиться изъ которой—высшая награда. Непосредственныхъ цѣлей Петръ этимъ быть можетъ достигалъ: многіе дѣйствительно усердно и «честно» (по своему, разумѣется) служили государству. Но общество отъ этого, само собою понятно, только проигрывало: его интересы для такихъ честныхъ служакъ были на самомъ заднемъ планѣ, если только они вообще имѣлись ими въ виду.—Съ изданіемъ табели о рангахъ выборные члены Магистратовъ стали считаться въ извѣстныхъ чинахъ [3]) и такимъ образомъ, были введены, въ качествѣ составнаго звена въ цѣпь чиновничьей іерархіи, облекшись въ соотвѣтствующіе чину мундиры [4]). Этотъ фактъ гораздо болѣе важенъ, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Въ немъ коренится причина многихъ явленій въ совре-

---

[1]) Это начало законодатель могъ найти и въ оригиналѣ своей странной копіи. Послѣ побѣды, одержанной цехами, городская магистратура во многихъ городахъ обратилась не только въ пожизненную, но даже наслѣдственную собственность нѣсколькихъ олигарховъ; такъ въ Страсбургѣ до конца почти XVIII ст., городское управленіе было въ рукахъ Совѣта, члены котораго занимали свои мѣста пожизненно. *Maurer*. III, 196. Въ Вормсѣ въ XVI ст. члены Совѣта XIII пользовались властью пожизненно. *Ibid*. II. 558. Но здѣсь это явленіе было результатомъ историческаго хода вещей.

[2]) П. С. З. № 3708, гл. XIV.

[3]) *Пригары*: Оп. исторіи сост. гор. обывателей. 143.

[4]) Замѣчательно мнѣніе Посошкова о значеніи мундира: онъ совѣтуетъ такъ устроить „платье по чинамъ", чтобъ даже по однѣмъ рубашкамъ всѣ бы были знатны, „кто какого званія есть". „О скуд. и богат." 132.

менной общественно-городской жизни. Эти постановленія болѣе или менѣе достигали одной цѣли великаго преобразователя—на «пользы государства» привлекались многія силы; но они разрушали другую цѣль его—создать дѣятельное, богатое, развитое торговое и промышленное населеніе: наиболѣе активные члены его выбывали изъ его строя или de jure, обращаясь въ шляхетство или de facto—становясь правительственными чиновниками, интересы которыхъ прямо противоположны интересамъ этого сословія.

ГЛАВА III.

Права и обязанности городовыхъ магистратовъ.

Посмотримъ на объемъ правъ и на характеръ обязанностей, возложенныхъ на городовые Магистраты.

Тѣ права, которыми пользуется данное политическое учрежденіе, тѣ обязанности, которыя на него возложены, рельефнѣе всего очерчиваютъ характеръ самаго учрежденія, его политическую роль въ государственномъ строѣ. Такъ, городскія учрежденія Средневѣковой Европы представляютъ, по своей сущности, совершенно иной характеръ, чѣмъ тѣже учрежденія Западной Европы новаго времени. Это различіе обусловливается содержаніемъ правъ и обязанностей и ихъ взаимнымъ отношеніемъ. Ни одно учрежденіе или лицо не можетъ пользоваться лишь одними правами и не нести никакихъ обязанностей; каждому праву соотвѣтствуетъ опредѣленная обязанность, если только это право не перешло въ привилегію; наоборотъ, не всякой обязанности соотвѣтствуетъ право какъ это слѣдовало бы логически; поэтому какъ лица, такъ и учрежденія могутъ нести лишь обязанности, не пользуясь никакими правами. Магистраты Петра Великаго относились къ категоріи учрежденій послѣдняго рода. Ознакомясь ближе съ магистратами именно въ этомъ отношеніи, невольно поражаешься громаднымъ количествомъ возложенныхъ на нихъ обязанностей, вовсе не истекающихъ изъ потребностей общественно-городской жизни, не имѣющихъ съ ними никакой непосредственной связи, возложенныхъ на Магистраты исключительно въ видахъ государственныхъ, правительственныхъ нуждъ,

и микроскопической, если можно такъ выразиться, долей правъ; въ отношеніи послѣднихъ, какъ выраженія интересовъ городскихъ сословныхъ общинъ, къ первымъ, какъ проявленію государственнаго начала, и выражается ярче всего назначеніе новыхъ учрежденій: государственное начало подавило общественное; за государственной стороной исчезла общественная: Магистраты—учрежденія чисто административно-государственныя по назначенію и общественными (если только это возможно) остаются лишь какъ выраженіе тягла торгово-промышленнаго населенія городовъ. Магистратъ является «главой и начальствомъ» города, вышедшимъ изъ среды торгово-промышленнаго населенія, но состоящимъ на службѣ государственной.

Приэтомъ, самый характеръ государственныхъ обязанностей Магистратовъ по преимуществу финансовый; въ этомъ отношеніи Магистраты мало ушли впередъ въ сравненіи съ Земскими Избами; какъ и эти послѣднія, Магистраты являются почти исключительно учрежденіями судебными (съ этой стороны мы не будемъ о нихъ говорить) и административно-финансовыми. На нихъ возложена обязанность наблюденія какъ за раскладкою всякаго рода государственныхъ сборовъ и пошлинъ, такъ и за сборомъ ихъ [1]); они должны были наблюдать и за правильнымъ отбытіемъ горожанами нѣкоторыхъ видовъ государственныхъ натуральныхъ повинностей [2]). Кромѣ этого рода обязанностей, болѣе или менѣе касающихся городскаго населенія непосредственно, на Магистраты, какъ и прежде на выборныхъ отъ торгово-промышленнаго сословія, возлагалась обязанность производить сборы, не имѣвшіе никакого прямаго отношенія къ городскому

---

[1]) „Понеже Магистратъ, яко глава и начальство есть всему гражданству, то онаго должность состоитъ въ томъ, еже судити граждан, содержати въ своемъ смотрѣніи полицію, положенные съ нихъ доходы, собирать“. Регл. Гл. Маг. П. С. З. № 3708, гл. XIV. Раскладка и переокладка „подушныхъ, податей и повинностей“, „черезъ старостъ и старшинъ“ — на нихъ же. Инстр. Гор. Магистр. 1724 г. П. С. З. № 4624, п. 18 и 19; также сборъ окладныхъ и неокладныхъ податей. *Ibid.* п. 20—21; 24—25. См. также Резол. на магистр. докладные пункты, 1723 г. сент. 27. П. С. З. № 4312: въ Москвѣ, „въ интересныхъ сборахъ „въ Ратушѣ быть Бурмистрамъ“.

[2]) Распредѣленіе постойной повинности въ городахъ—на магистратахъ, которые избирали для этого особыхъ квартирмистровъ П. С. З. № 3708, гл. XIII и Инстр. Маг. П. С. З. 4624.

населенію — сборы такъ сказать общесословные, обще-государственные, какъ напр., таможенные и кабацкіе; хотя надо замѣтить, что этого рода службъ на Магистраты возложено нѣсколько меньше сравнительно съ тѣмъ, что было возложено на Земскія Избы [1]). Освобожденіе отъ этихъ сборовъ началось съ 1718 г., когда къ таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ были приставлены отставные солдаты; теперь изъ купецкихъ и посадскихъ людей къ этого рода сборамъ берутъ лишь въ томъ случаѣ, когда не достаетъ отставныхъ солдатъ и офицеровъ [2]); да въ качествѣ наказанія за упорство въ старинѣ, въ команду этимъ отставнымъ воинамъ отдавались цѣловальниками, раскольники и «бородачи» [3]). Собирая подати и повинности, раскладывая ихъ, Магистраты обязаны были сами заботиться и о «полнотѣ» посада,—такъ какъ отъ этого зависѣла равномѣрность раскладки—возвращая на нихъ бѣглыхъ [4]), записывая въ сотни и слободы крестьянъ, содержащихъ купеческіе промыслы [5]) а также имѣющихъ на посадѣ лавки и домы [6]).

Кромѣ судебныхъ и финансовыхъ обязанностей на Магистраты имѣлось въ виду возложить и наблюденіе за внутреннимъ порядкомъ, благоустройствомъ въ городѣ. Я говорю—имѣлось въ виду—потому, что на самомъ дѣлѣ оно не было возложено по очень простой причинѣ: городская полиція внѣшняго благочинія города, какъ увидимъ дальше, возложена была на особыя спеціальныя учрежденія и должности; тоже, что въ полицейскомъ правѣ принято на-

---

[1]) Впрочемъ, и на магистраты была возложена, напр., такого рода обязанность, какъ продажа съ публичнаго торга „отписныхъ за вины пожитковъ“ по опредѣленію Коллегій и Канцелярій. П. С. З. № 4358.

[2]) П. С. З. № 4620.

[3]) П. С. З. № 3966. Этотъ фактъ рельефно характеризуетъ какъ самыя обязанности, такъ и отношенія къ нимъ общества. Само правительство считаетъ ихъ наказаніемъ. Въ этомъ же указѣ оцѣнщиковъ товаровъ въ Коллегіяхъ и Канцеляріяхъ велѣно брать изъ магистратовъ же „изъ добрыхъ людей“, но уже съ вознагражденіемъ.

[4]) Инстр. Маг. П. С. З. № 4624.

[5]) П. С. З. № 4312.

[6]) *Ibid.* и № 4373. Только дворцовые крестьяне не могли быть записаны и высылались въ волости. П. С. З. № 4398. Крестьяне могли, однако, „вольно“ записываться въ посады лишь при условіи платежа какъ 8-ми гривеннаго подушнаго, такъ и податей помѣщику. П. С. З. №№ 4312 и 4337.

зывать полиціей благосостояніе, осталось на бумагѣ, какъ pia desideria. Словомъ, въ этой сторонѣ городскаго устройства и управленія Петру Великому пришлось наименѣе всего слѣдовать западно-европейскимъ образцамъ. Въ европейскихъ городахъ эта-то именно сторона общественнаго управленія—внутренняго благоустройства, городскаго хозяйства и являлась наиболѣе развитою стороною городскаго самоуправленія, которое въ ней проявлялось наиболѣе дѣятельно, какъ въ эпоху среднихъ вѣковъ, когда городъ имѣлъ значеніе государства, такъ и въ новое время, когда онъ потерялъ это значеніе. Иначе и быть не могло: въ отношеніи къ собственному хозяйству, къ своимъ потребностямъ, нуждамъ и выражается та или иная степень самоуправленія какъ отдѣльнаго лица, такъ и цѣлаго общества; разъ оно завѣдуетъ собственнымъ хозяйствомъ — значитъ оно завѣдуетъ и средствами, необходимыми на удовлетвореніе своихъ потребностей. Западно-европейская городская жизнь съ постепеннымъ развитіемъ благосостоянія извѣстныхъ слоевъ городскаго населенія развивала все больше и больше общественныя потребности и нужды, быстрое развитіе которыхъ, въ свою очередь, требовало все большихъ и большихъ средствъ: городское хозяйство все усложнялось, все выработывалось. Мы видѣли, что по мнѣнію авторитетовъ, по этому вопросу администрація города послужила образцомъ государственной администраціи [1]) Что представляетъ въ этомъ отношеніи нашъ городъ?

---

[1]) Какъ развита была эта сторона общественной жизни въ зап. евр. городахъ, видно уже изъ того вниманія, которое обращено на нее такими изслѣдователями какъ *Hüllmann* и *Мауреръ*, посвятившими ей очень солидную часть своихъ сочиненій. Мауреръ пытается изложить эту часть своего труда въ томъ естественномъ порядкѣ, въ какомъ городское хозяйство развивалось исторически. Изъ его изложенія становится яснымъ постепенное развитіе этой стороны городскаго управленія. Здѣсь и ремесленная, и торговая, и строительная полиція; призрѣніе бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ, мѣры къ развитію образованія, искусствъ, даже наукъ; все это является какъ необходимое удовлетвореніе с о з н а н н ы х ъ городскимъ населеніемъ потребностей; общественныя удовольствія и развлеченія вызываютъ общественныя мѣры. Такое явленіе, какъ mulieres communes (gemeine offenbare Weiber) тоже не ускользаетъ отъ вниманія общественныхъ городскихъ властей и вызвало рядъ разнообразныхъ мѣръ съ ихъ стороны. *Maurer.* III, 4—123. Каждое изъ общественно-политическихъ

Дальше я нѣсколько дольше остановлюсь на данномъ вопросѣ, здѣсь же достаточно будетъ замѣтить, что общественной жизни въ настоящемъ смыслѣ этого слова въ нашихъ городахъ не существовало до самаго конца XVIII ст.; не существовало потому, что не существовало самаго общества въ смыслѣ сознательно-активнаго элемента общественно-политической жизни. Инниціатива дѣятельности по внутреннему благоустройству города, какъ и во всѣхъ другихъ административныхъ вопросахъ, лежала на обязанности правительства, которое и пользовалось ею, па сколько само сознавало ее и находило это нужнымъ. Поэтому полиція, въ обширномъ смыслѣ этого слова, съ самаго начала отдана въ нашихъ городахъ въ руки правительственныхъ органовъ, которыя общественными, выборными пользовались лишь какъ исполнителями, въ низшихъ должностяхъ. Петръ велъ дѣло въ этомъ же направленіи; но увлеченный при копированіи Магистратовъ ихъ западно-европейскимъ образцомъ, онъ рѣшилъ искуственно создать потребности въ средѣ городскаго общества и въ виду этихъ, имѣющихъ современемъ развиться потребностей, посвятилъ часть Регламента Главному Магистрату полиціи; онъ забываетъ, что уже существуютъ спеціальные полицейскіе органы. Повидимому законодатель впадаетъ въ противорѣчіе самъ съ собою, но это лишь повидимому, на самомъ же дѣлѣ, на Магистраты возлагается въ этомъ отношеніи нѣчто такое, что не противорѣчитъ дѣятельности спеціальныхъ политическихъ органовъ—полицеймейстеровъ и оберъ-полиціймейстеровъ—и что совершенно не соотвѣтствуетъ западно-европейскому «образцу», а потому нисколько не противорѣчитъ духу всѣхъ административныхъ реформъ Петра Великаго.

Петръ рекомендуетъ, пожалуй, требуетъ отъ горожанъ того, что на Западѣ явилось совершенно естественно. Онъ нашелъ, что «полиція добрые порядки рождаетъ, всѣмъ безопасность подаетъ, непорядочное и непотребное житіе отгоняетъ, предостерегаетъ болѣзни, призираетъ нищихъ и увѣчныхъ, воспитываетъ юныхъ; что она—вкратцѣ—душа гражданства и всѣхъ добрыхъ порядковъ и

явленій городской жизни, требовало-ли оно поощренія или противодѣйствія, сейчасъ же обращало на себя вниманіе самого общества и его органовъ.

фундаментальный подпоръ человѣческой удобности и безопасности» [1]); и стремится во чтобы-то ни стало учредить эту полицію, фундаментальный подпоръ общественной жизни; но для этого мало было однихъ спеціальныхъ учрежденій и государственныхъ средствъ: нужно призвать къ дѣлу само общество, заставить его послужить дѣлу кошелькомъ и личнымъ трудомъ, главнымъ образомъ первымъ; необходимо завести, доселѣ несуществующія, хотя «малыя», школы, сиротскіе и смирительные домы, госпитали [2]); построить Ратуши, «не далеко отъ нихъ биржи» [3]) и все это «земскимъ иждивеніемъ», «городскимъ тщаніемъ», «понеже въ другихъ государствахъ такія учрежденія не только въ большихъ, но и въ малыхъ городахъ обрѣтаются и имѣютъ первое свое начало отъ фундаціи земскаго начальства и подаяніе людей» [4]). Вотъ на какую сторону дѣла обратилъ вниманіе законодатель «въ другихъ государствахъ». Общество не было еще на столько развито, чтобы сознать необходимость этихъ потребностей, которыя вовсе и не являлись для него таковыми; понятно, что оно не можетъ для введенія всего этого сдѣлать что либо, кромѣ денежныхъ пожертвованій; отсюда, понятно что его нужно только заставить сдѣлать эти пожертвованія, устроить всѣ эти учрежденія своимъ «иждивеніемъ и тщаніемъ» потомъ управлять ими по собственному усмотрѣнію, совершенно независимо отъ общества, ихъ устроившаго; потому что допустить активное вмѣшательство общинъ въ содержаніе и управленіе всѣми этими учрежденіями значило бы допустить въ значительной степени автономію городскихъ сословныхъ общинъ, допустить болѣе или менѣе свободное распоряженіе этихъ общинъ капиталами, допустить существованіе самыхъ общественныхъ капиталовъ, вообще общественную собственность, допустить возможность составлять эти капиталы; однимъ словомъ, это значило бы обратить городъ въ юридическое лицо, облеченное опредѣленными активными правами, что шло бы въ разрѣзъ со всѣми административными мѣрами царя. Дѣйствительно, мы не имѣемъ ни одного указа въ полномъ собраніи законовъ, изъ котораго было бы

---

[1]) Регл. Глав. Маг. П. С. З. № 3708. гл. X.
[2]) *Ibid.* гл. XX, XXI.
[3]) *Ibid.* гл. XVII и XXII.
[4]) *Ibid.* гл. XX.

видно, что «фундаментальный подпоръ человѣческой удобности и безопасности» имѣлъ какое нибудь отношеніе къ городскому обществу, кромѣ того, что требовалъ отъ него «иждивенія». На Магистраты возлагались и заботы о безопасности города «отъ пожарнаго случая», для чего предписывалось «имѣть довольное число надлежащихъ инструментовъ», [1]) которые, по всей вѣроятности, переходили въ вѣдѣніе спеціальной полицейской власти, независимой отъ Магистрата и требовали отъ послѣдняго лишь «тщанія» по ихъ содержанію. Самостоятельной дѣятельности Магистратовъ, совмѣстно, впрочемъ, съ полицейскими властями, предоставлялось «пристраивать гулякъ и нищихъ... дабы весьма не шатались и праздны не были» [2]).

Вотъ въ какомъ видѣ перенесено было на наши Магистраты то, что въ Западной Европѣ было результатомъ вѣковой общинной жизни, охватывавшей нѣкогда, какъ выражается Гирке, «всѣ стороны жизни всего человѣка». Совершенно понятно, что въ Зап. Европѣ на этотъ результатъ своихъ силъ, своего труда городъ, ставъ лицомъ къ лицу съ абсолютной властью, смотрѣлъ какъ на право, которое старался охранять отъ вторженія этой власти. У насъ все это не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ только обязанностью, новымъ тягломъ, наложеннымъ совершенно неожиданно на плеча торгово-промышленнаго сословія, которое вовсе не сознавало потребности всѣхъ этихъ учрежденій и смотрѣло на нихъ какъ на тяжелую повинность, налагаемую государствомъ, которое само и вѣдало эту отрасль городскаго управленія, употребляя для этого, въ качествѣ простыхъ исполнительныхъ органовъ, выборныхъ отъ общества.

Итакъ, обязанности Магистратовъ дѣйствительно сложны, тяжелы и многочисленны; а если принять во вниманіе послѣднюю категорію ихъ—полицейскія обязанности, да не забывать, что на нихъ же лежало и отправленіе сословнаго суда, то невольно является мысль—какимъ образомъ общество, несознавшее необходимости ни одной изъ возложенныхъ на него обязанностей, привлеченное къ

---

[1]) Инстр. Маг. П. С. З. № 4624 п. 13.

[2]) *Ibid.* п. 32. Регл. Глав. Маг. предписываетъ „непотребныхъ людей сажать въ смирительные домы“. П. С. З. № 3708. гл. XX.

исполненію ихъ правительствомъ, лишенное всякой энергіи, могло хотя сколько нибудь удовлетворительно исполнять ихъ? Оно и не исполняло ихъ всѣхъ; завести всѣ эти госпитали, смирительные домы, «малыя» (а царь требовалъ и большихъ) школы собственнымъ тщаніемъ стало бы силъ развѣ у Москвы съ Петербургомъ; понятно, что все это осталось на бумагѣ, какъ pia desideria энергическаго реформатора, не переходя за предѣлы болѣе или менѣе строгихъ указовъ и регламентовъ. Самая же полиція, въ смыслѣ полиціи безопасности, развивалась, какъ увидимъ, другимъ путемъ, путемъ выдѣленія спеціально полицейскихъ органовъ и учрежденій [1]). Благодаря этому, обязанности городовыхъ Магистратовъ оставались по преимуществу все-таки административно-финансоваго характера.

Обратимся къ тѣмъ правамъ, которыя предоставлены были Магистратамъ; разсмотримъ тѣ предметы, которые подлежали, на основаніи этихъ правъ, свободному управленію Магистратовъ, въ которыхъ отражалась скромная доза автономіи, предоставленной имъ. До сихъ поръ мы видѣли Магистраты лишь въ качествѣ исполнительныхъ органовъ государственной власти, въ качествѣ учрежденій государственныхъ; обратимся къ нимъ, какъ къ учрежденіямъ земскимъ не только по составу, но по характеру дѣятельности.

Оставляя въ сторонѣ неподлежащее здѣсь разсмотрѣнію судебное значеніе Магистратовъ, мы встрѣтимся почти съ однимъ только, правомъ Магистратовъ, правомъ придающимъ имъ нѣкоторое подобіе органовъ общиннаго самоуправленія. Это единственное право— право раскладки податей и повинностей. Правомъ этимъ Магистраты пользовались черезъ старостъ и старшинъ «со всѣхъ граж-

[1]) Годъ спустя послѣ изданія регламента Гл. Магистрату, въ Москвѣ учреждена должность оберъ-полиціймейстера. Параллельно съ учрежденіемъ магистратовъ издается рядъ указовъ относительно полиціи Москвы и Петербурга. П. С. З. №№ 4017, 4047, 4103, 4130, 4275, 4522.—Эта политика Петра, совпадала съ политикой его современниковъ, монарховъ Германіи. Мауреръ говоритъ, что отъ автономіи нѣкоторыхъ городовъ осталась лишь тѣнь одна; въ столицахъ, напр., въ Берлинѣ, полиція вмѣстѣ съ магистратомъ вѣдалась особымъ королевскимъ чиновникомъ; въ 1742 г. учрежденъ королевскій Polizeidirectorium; въ Мюнхенѣ подобное учрежденіе появилось позже, лишь въ 1796 г.; въ остальныхъ городахъ полиція хотя и осталась въ вѣдѣніи магистратовъ, но всѣ распоряженія исходили отъ верховной власти. *Maurer*. IV, 273—274.

данъ согласіемъ», въ случаѣ жъ «усмотрѣнія», что нѣкоторые изъ горожанъ «пожитками пополнились и нѣкоторые умалились», Магистратъ, тѣмъ же путемъ, могъ произвести переокладку для установленія равномѣрности [1]). Это все, въ чемъ могло проявиться самоуправленіе городскаго народонаселенія, согласіе «всѣхъ гражданъ» котораго, какъ мы видимъ, требуется въ этомъ случаѣ закономъ. Эта оговорка въ высшей степени странная вещь. Во всей инструкціи нѣтъ ни одного слова, ее поясняющаго; мы не знаемъ, какимъ образомъ проявлялось это «согласіе гражданъ»; какое оно имѣло значеніе: было ли оно абсолютно необходимымъ условіемъ дѣйствительности дѣйствій и распоряженій раскладчиковъ и Магистратовъ или же голоса гражданъ имѣли лишь совѣщательное значеніе и могли быть не приняты во вниманіе? Судя по отсутствію такихъ опредѣленій, можно думать, что подъ согласіемъ всѣхъ гражданъ законодатель разумѣлъ здѣсь предварительное обсужденіе вопроса на сходахъ горожанъ (въ родѣ сельскихъ сходовъ крестьянъ), и не считалъ нужнымъ регулировать ихъ, какъ явленіе обычное, установившееся издавна путемъ естественно-историческимъ; но это предположеніе было бы сколько нибудь вѣроятнымъ лишь въ томъ случаѣ, еслибъ городское торгово-промышленное населеніе оставалось, по отношенію къ формальному дѣленію на группы, въ своемъ прежнемъ, исторически выработавшемся состояніи, распадаясь на сотни и слободы; но по плану преобразователя это дѣленіе должно было сойти со сцены, лишь только образуются Магистраты, которые должны были, какъ увидимъ впослѣдствіи, разбить городское населеніе на особыя группы, гильдіи и цехи, на совершенно новомъ, заимствованномъ изъ Европы, началѣ. А при такомъ новомъ дѣленіи населенія уже необходимо было бы точно опредѣлить «согласіе всѣхъ гражданъ»; составлялось ли оно изъ выраженія согласія каждою отдѣльною группою—гильдіей, цехомъ, являясь, такимъ образомъ, совокупностью, такъ сказать многихъ, отдѣльныхъ согласій, или же было единымъ согласіемъ, добытымъ путемъ совмѣстной подачи голосовъ всѣхъ гражданъ? Придавай законодатель этому постановленію дѣйствительное значеніе, онъ необходимо долженъ бы былъ

---

[1]) Инстр. Маг. П. С. З. № 4624, п. 18 и 19; Регл. Гл. Маг. гл. XIII: постой въ городахъ распредѣляютъ особые квартирмистры.

войти въ подробности дѣла, такъ какъ дѣйствительное согласіе горожанъ дѣйствительно измѣняло бы дѣло въ смыслѣ расширенія автономіи городскаго населенія. По отсутствію всякихъ подробностей можно заключить, что важнаго значенія этому вопросу не придавалось и самое выраженіе—«съ согласія всѣхъ гражданъ»—попало въ инструкцію Магистратамъ благодаря не совсѣмъ послѣдовательнымъ заимствованіямъ изъ «образца». Регламентъ Главному Магистрату дѣлаетъ эти заимствованія нѣсколько тщательнѣе и точнѣе. Въ немъ при опредѣленіи состава Магистратовъ говорится, что Магистратъ «для совѣта» долженъ приглашать «изъ первостатейныхъ людей и изъ среднихъ добрыхъ и умныхъ» [1]). Здѣсь вопросъ поставленъ совершенно ясно: во-первыхъ, Магистратъ обязывается приглашать гражданъ, т. е. созывать ихъ въ извѣстныхъ важныхъ случаяхъ, степень важности которыхъ предоставляется на полное усмотрѣніе его самого; благодаря чему самое призваніе этихъ гражданъ зависитъ совершенно отъ усмотрѣнія Магистрата; во-вторыхъ, граждане призываются «для совѣта» только, т. е. они пользуются лишь совѣщательнымъ, а не рѣшительнымъ голосомъ: отъ усмотрѣнія Магистрата зависитъ принять во вниманіе или нѣтъ полученный имъ совѣтъ; въ третьихъ, граждане призываются лишь изъ первостатейныхъ и среднихъ людей; причемъ степень «статейности», если можно такъ выразиться, зависитъ таки опять отъ собственнаго усмотрѣнія того же самаго Магистрата. Изъ этого опредѣленія ясно видно какую скромную роль играло общество въ управленіи городомъ посредствомъ Магистратовъ. Но и эта скромная доля участія общества дана ему видимо подъ вліяніемъ западно-европейскихъ «образцевъ».

Въ первое время образованія свободнаго управленія въ городахъ Германіи, городской Совѣтъ, являясь административнымъ органомъ совокупности городскихъ общинъ, очень рано сталъ пользоваться законодательнымъ правомъ, правомъ изданія всякаго рода постановленій, касающихся городскаго управленія; но онъ пользовался этимъ

---

[1]) П. С. З. № 3708, гл. VI. Въ Инстр. Маг. послѣднимъ предписывается все, касающееся „гражданской пользы", обсуждать со старостами и старшинами. П. С. З. № 4624. Эти старосты и старшины пользовались, разумѣется, не большимъ значеніемъ, какъ и первостатейные и средніе люди регламента.

правомъ, понятно, лишь отъ имени городскихъ общинъ и съ ихъ согласія: всѣ болѣе или менѣе важныя постановленія его должны были идти на утвержденіе общинъ, со времени полученія котораго они и получали силу закона. Городскія общины являлись единственнымъ источникомъ власти какъ городскаго Совѣта, такъ и всѣхъ вообще высшихъ должностей по городскому управленію [1]), которыя были «поэтому ничѣмъ инымъ, какъ уполномоченными общинъ», по выраженію Маурера [2]). Органомъ выраженій мнѣній городскихъ общинъ были общинныя собранія (conventa civium), на которыя сходились всѣ правоспособные граждане. Съ постепеннымъ увеличеніемъ народонаселенія городовъ такія собранія дѣлались все менѣе и менѣе возможными; со времени побѣды цеховъ они окончательно сдѣлались невозможными; ихъ замѣнилъ такъ называемый Большой Совѣтъ, въ который избирались «старѣйшіе», «лучшіе», «мудрѣйшіе» граждане (seniores, meliores, sapientiores cives), представлявшіе собою всѣхъ гражданъ, совокупность которыхъ, такимъ образомъ, остается источникомъ власти городскаго Магистрата. Большой Совѣтъ собирался въ особенно важныхъ случаяхъ, каковы: изданіе новыхъ законовъ, установленіе новыхъ налоговъ и т. п. Несмотря, однако, на появленіе Большаго Совѣта, народныя, общинныя собранія, хотя и въ очень рѣдкихъ случаяхъ, имѣли мѣсто еще долгое время, нося, впрочемъ, исключительно характеръ, какъ выражается Мауреръ, «пустой формы». Съ постепенной потерей городами, въ теченіи XVI, XVII и XVIII ст., независимости, Большой Совѣтъ, потерпѣвъ рядъ разнообразныхъ превращеній, теряетъ всякое значеніе [3]) на практикѣ и только въ теоріи источникомъ высшей власти считалось бюргерство. Время исчезновенія его относится Мауреромъ «къ несчастнымъ днямъ тридцатилѣтней войны» [4]). Петръ заимствовалъ, стало быть, свою формулу опредѣленія участія горожанъ въ городскомъ управленіи, въ періодъ полнаго упадка автономіи западно-европейскаго города; понятно, что эта формула не могла выдти особенно широкой.

Участіе общества въ раскладкѣ тѣхъ податей и повинностей,

---

[1]) *Maurer*. III, 164—166.

[2]) *Ibid*. 203.

[3]) Онъ или исчезъ постепенно, или былъ запрещенъ.

[4]) *Maurer*. III: 202—207, 211—235; IV: 271—272, 279.

которыя возлагаются на него государствомъ, есть самая нисшая степень автономіи, если только признавать такое участіе автономіей. О самоуправленіи общества можно говорить лишь тогда, когда оно, сознавая свои потребности и интересы, можетъ удовлетворять имъ изъ своихъ средствъ, пользуясь для этого правомъ самообложенія налогами, правомъ самостоятельнаго расходованія собранныхъ суммъ. Никакого намека на это право Магистраты не получили. Законодатель не удовольствовался простымъ игнорированіемъ этого вопроса, чего, въ виду развитія общественно-политическаго сознанія тогдашняго общества, было бы совершенно достаточно; онъ счелъ за нужное категорически высказаться въ смыслѣ запрещенія всякой попытки со стороны горожанъ къ фактическому пріобрѣтенію подобнаго права. Одинъ изъ пунктовъ инструкціи Магистратамъ спеціально посвященъ этому вопросу; здѣсь прямо говорится, что безъ указовъ «никакого расположенія на гражданъ не раскладывать и не сбирать, подъ опасеніемъ взысканія штрафа по Его Императорскаго Величества Указу» [1]). Понятно само собою, что Магистраты, не пользуясь правомъ обложенія горожанъ налогами, не имѣли и права самостоятельнаго расходованія суммъ, такъ какъ самихъ суммъ не было: то, что они собирали, было не общественною, а государственною собственностью, распоряженіе которою было исключительнымъ правомъ правительства, пользовавшагося этимъ правомъ или непосредственно, на свои собственныя нужды, или чрезъ посредство Магистратовъ, если затраты производились на городское управленіе или хозяйство. Во всякомъ отдѣльномъ случаѣ такихъ расходованій городовымъ Магистратомъ государственныхъ суммъ, послѣдній производилъ ихъ не иначе, какъ по спеціальному указу [2]). Спеціальными указами обусловливалась вся дѣятельность городовыхъ Магистратовъ; все, что на нихъ возлагалось, возлагалось лишь какъ на простыхъ исполнительныхъ органовъ высшаго центральнаго учрежденія, Главнаго Магистрата. Ихъ роль была не больше какъ роль отдѣльныхъ колесъ въ цѣломъ административномъ механизмѣ; колесъ, приходящихъ въ дѣйствіе, лишь когда данъ толчокъ сверху, когда дѣй-

---

[1]) П. С. З. № 4624. п. 21.
[2]) *Ibid.* п. 23.

ствуетъ рычагъ, приводящій въ движеніе весь механизмъ. Обо всемъ, что выходитъ за предѣлы простой исполнительности, городовой Магистратъ долженъ былъ, прежде чѣмъ предпринять что либо, донести Главному Магистрату, откуда и ждать указа; все равно, касается ли дѣло «непорядочнаго расположенія» сборовъ [1]), идетъ ли рѣчь объ устройствѣ ярмарокъ и торговъ «въ пристойныхъ мѣстахъ» [2]), школъ или вообще о какого-либо рода улучшеніяхъ [3]). Получилъ Магистратъ требованіе изъ какого-либо высшаго государственнаго учрежденія или вообще отъ правительственнаго органа, онъ не можетъ отвѣчать на него ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ безъ сношенія съ тѣмъ же Главнымъ Магистратомъ [4]). Такимъ образомъ, недостаточность законодательныхъ опредѣленій предоставлено пополнять Главному Магистрату, который и является въ этомъ случаѣ какъ бы законодательнымъ учрежденіемъ. Являясь въ такой роли, онъ, разумѣется, долженъ былъ предварительно изучить нужды и потребности каждаго отдѣльнаго города; только при этомъ условіи онъ могъ надлежаще слѣдить за ходомъ всего магистратскаго механизма и направлять его дѣйствія. Онъ долженъ былъ знать всѣ дѣйствія опекаемаго имъ городоваго Магистрата до мельчайшихъ подробностей. Вотъ почему каждый Магистратъ долженъ былъ высылать въ Главный Магистратъ ежегодные отчеты о своихъ дѣйствіяхъ [5]) и представлять свои мнѣнія и соображенія о какого-либо рода улучшеніяхъ [6]); къ нему шли всѣ, выражаясь нынѣшнимъ языкомъ, «частныя» жалобы на дѣйствія Магистратовъ [7]). Только на основаніи наивозможно подробныхъ свѣдѣній какъ о состояніи общества даннаго города такъ и дѣйствіяхъ его Магистрата и можно было сколько-нибудь добросовѣстно исполнять

---

[1]) Регл. Гл. Маг. П. С. З. № 3708. гл. XV.

[2]) *Ibid.* XVII.

[3]) *Ibid.* XXI и XXII; см. также Инстр. Гор. Маг.: если городовой магистратъ „что къ пользѣ и приращенію гражданъ города усмотритъ — предлагаетъ Главному Магистрату". П. С. З. № 4624.

[4]) Если Коллегіи нужны будутъ изъ купечества люди,—писать объ этомъ въ Главный Магистратъ, который и приказываетъ выбрать П. С. З. № 3708, гл. VI.

[5]) Регл. Гл. Маг. П. С. З. № 3708, гл. XXII.

[6]) *Ibid.* См. тоже—Инстр. Маг. П. С. З. № 4624.

[7]) Регл. Гл. Маг. гл. XV.

возложенную на Главный Магистратъ обязанность «сочинять регулы и уставы» для городскихъ Магистратовъ, съуживать или расширять кругъ ихъ дѣйствій, дѣлать ту или иную перестановку въ частяхъ механизма. Поэтому, законодатель не ограничился тѣмъ только, что обязалъ городовые Магистраты присылать свѣдѣнія въ Петербургъ, онъ вмѣнилъ въ обязанность, какъ мы видѣли, губернаторамъ, вице-губернаторамъ и воеводамъ высылать въ тотъ же Главный Магистратъ всѣ свѣдѣнія относительно городовъ и ихъ населенія, начиная съ описанія мѣстоположенія и кончая составомъ населенія [1]). Петръ Великій не рѣшился, однако, предоставить Главному Магистрату дѣйствовать совершенно самостоятельно на основаніи всѣхъ данныхъ, собранныхъ изъ такихъ различныхъ источниковъ; онъ зналъ, что не слишкомъ разборчиво составленныя «регулы», имѣющія цѣлью улучшеніе городскаго управленія, могутъ, наоборотъ, дать въ результатѣ «противныя и вредительныя дѣйства»; могутъ привести «городъ и гражданство въ тщетные убытки и раззореніе», и тѣмъ нанести вредъ государству. Къ какому же средству обращается царь для избѣжанія такихъ вредныхъ результатовъ преобразованій?

Это средство слѣдовало искать или въ самомъ обществѣ, которому грозили «тщетные убытки и раззореніе», или въ учрежденіяхъ, имѣющихъ своимъ назначеніемъ блюсти интересы государства, которому регулы и уставы рисковали нанести вредъ, или наконецъ, обратиться къ обѣимъ, имѣющимъ пострадать сторонамъ, если бы законодатель хотѣлъ сохранить одинаково интересы ихъ обѣихъ. Боязнь вреда государству подѣйствовала на него сильнѣе: интересы общества были забыты, и въ учрежденіи надзора надъ Главнымъ Магистратомъ и содѣйствія ему интересы государства играли исключительную роль. Совѣтуя Главному Магистрату въ томъ случаѣ, когда онъ найдетъ, что нѣкоторымъ «уставамъ и регуламъ въ городѣ быть не прилично» и вздумаетъ сдѣлать измѣненія, «осторожнымъ быть», царь предписываетъ ему, кромѣ того «совѣтовать съ коллегіями» [2]), т. е. учрежденіями государственными;

---

[1]) См. прилож. къ Регл. Гл. Маг—ту „формуляръ, по которому городъ съ надлежащими обстоятельствами описанъ быть имѣетъ“.

[2]) Регл. Гл. Маг. гл. VIII.

совѣщаніе съ первостатейными гражданами, рекомендованное городовымъ магистратамъ, въ этомъ случаѣ забывается: интересы гражданъ отступаютъ передъ интересами государства.

Надзоръ верховной власти въ государствѣ за его политическими учрежденіями—явленіе совершенно понятное, явленіе, обусловливаемое интересами государства. По отношенію къ надзору этого рода всѣ политическія учрежденія въ государствѣ распадаются на двѣ, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга, группы: во-первыхъ, группу учрежденій, цѣлью существованія которыхъ являются интересы общественные, частные, по отношенію къ государству, и во-вторыхъ—группу учрежденій государственныхъ, административныхъ въ общегосударственномъ смыслѣ, raison d'être которыхъ—цѣли и интересы государственныя, о б щ і е, по отношенію къ ч а с т н ы м ъ интересамъ отдѣльныхъ обществъ. Надзоръ верховной государственной власти за учрежденіями втораго рода, правительственными учрежденіями, есть ничто иное, какъ надзоръ, если можно употребить это сравненіе, начальства надъ его подчиненными, надзоръ власти надъ ея органами, в ы с ш а г о начала надъ дѣйствіями н и с ш а г о. Сущность надзора надъ учрежденіями втораго рода совершенно инаго характера. Это не есть надзоръ представителя в л а с т и надъ подчиненными органами. Это в з а и м н о е охраненіе двухъ различныхъ началъ—государственнаго и общественнаго, земскаго, отъ взаимнаго нарушенія, вторженія одного въ сферу другаго. Въ первомъ случаѣ нѣтъ, въ случаѣ уклоненія нисшихъ органовъ съ надлежащаго пути, с т о л к н о в е н і я двухъ сферъ, интересовъ; это просто упущеніе или нарушеніе предписаннаго, во второмъ,—налицо именно столкновеніе двухъ различныхъ интересовъ, сфера которыхъ предполагается точно разграниченной положительнымъ закономъ. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о предписаніи или наказаніи; столкновеніе можетъ быть разрѣшено лишь, такъ сказать, третейскимъ судомъ или законодательнымъ порядкомъ. Будь Главный Магистратъ учрежденіемъ не государственнымъ, а общественнымъ, т. е. представителемъ и охранителемъ частныхъ интересовъ общества, а не общихъ—государства, надзоръ за его дѣйствіями со стороны высшаго государственнаго учрежденія былъ бы надзоромъ в т о р а г о рода, т. е. надзоромъ за тѣмъ, чтобы Магистратъ не перешелъ за предѣлы его интересовъ и не вторгся

въ область интересовъ государственныхъ. На самомъ же дѣлѣ мы видимъ въ отношеніяхъ Главнаго Магистрата къ Сенату, не отношенія учрежденій, олицетворяющихъ различныя начала, а только отношенія высшаго органа правительства къ низшему правительственному же органу, того же исключительно государственнаго характера. Надзоръ Правительствующаго Сената надъ Главнымъ Магистратомъ былъ совершенно однороденъ съ надзоромъ его надъ остальными всякаго рода государственными учрежденіями. Сюда присылались изъ городовыхъ Магистратовъ копіи со всѣхъ указовъ, издаваемыхъ Главнымъ Магистратомъ [1]), сюда шли «на аппробацію» всѣ «регулы и уставы», составляемые Главнымъ Магистратомъ въ руководство Городовымъ [2]). Такимъ образомъ, какъ законодательное учрежденіе относительно торгово-промышленнаго населенія, Главный Магистратъ являлся не болѣе, какъ особой законодательной инстанціей, въ которой будущій законъ достигалъ опредѣленной стадіи развитія. Въ качествѣ такого-то учрежденія Главный Магистратъ и долженъ былъ съ коллегіями совѣтовать [3]), которыя въ этомъ случаѣ, вѣроятно, являлись лишь съ совѣщательнымъ голосомъ. Какъ административное учрежденіе Главный Магистратъ подлежалъ прокурорскому надзору, наравнѣ съ коллегіями [4]).

ГЛАВА IV.

Отношенія городовыхъ учрежденій къ другимъ мѣстнымъ и центральнымъ правительственнымъ органамъ и другъ къ другу.

Такова организація магистратскаго управленія, введеннаго Петромъ Великимъ «по образцу» западно-европейскаго, именно германскаго, городоваго устройства. Создавъ, такимъ образомъ, для

---

[1]) *Инстр. Маг.* п. 22. П. С. З. № 4624.

[2]) *Регл. Гл. Маг.* П. С. З. № 3708, гл. X: Если Гл. Маг. „по установленію полиціи новые уставы сочинитъ, то они идутъ на аппробацію въ Сенатъ. Тоже гл. VIII.

[3]) *Ibid* гл. VIII.

[4]) П. С. З. № 4170: здѣсь упоминается прокуроръ „въ Магистратѣ“ который въ одномъ классѣ „съ фискаломъ Коллегіи“.

управленія храминой торгово-промышленнаго населенія совершенно самостоятельный административный механизмъ, стоящій въ непосредственныхъ, прямыхъ отношеніяхъ къ верховной власти или лучше, учрежденію, которое «установлено вмѣсто присутствія его царскаго Величества, собственной персоны»—Сенату законодатель долженъ былъ озаботиться о томъ, чтобъ прочно установить новый механизмъ по отношенію къ другимъ частямъ государственнаго механизма.

Какъ учрежденіямъ, такъ и отдѣльнымъ должностнымъ лицамъ городоваго устройства, нужно было гарантировать свободу и независимость его дѣйствій въ сферѣ ему предоставленной закономъ отъ вторженій другихъ правительственныхъ органовъ. Необходимо было устранить вообще возможность всякаго рода зацѣпокъ между колесами отдѣльныхъ механизмовъ, точно опредѣлить отношенія городовыхъ Магистратовъ къ областнымъ властямъ—губернаторамъ и воеводамъ, и центральнымъ учрежденіямъ— коллегіямъ.

Въ четырнадцатой главѣ регламента Главному Магистрату объ отношеніяхъ городовыхъ Магистратовъ къ воеводамъ и губернаторамъ слово въ слово говорится слѣдующее: «Понеже Магистратъ яко глава и начальство есть всему гражданству .... того ради они губернаторамъ и воеводамъ не должны подчинены быть въ томъ, что до градскаго суда и экономіи касается». Кажется законъ выражается достаточно ясно: губернаторы и воеводы не распространяютъ своей власти на Магистраты во всемъ, касающемся городскаго суда и управленія, т. е. послѣдніе поставлены въ совершенно независимое положеніе отъ первыхъ. Немногіе писатели, писавшіе по данному вопросу и приходили именно къ этому заключенію, принимая во вниманіе одно только это мѣсто регламента [1]). Но мнѣ кажется, строить выводы о независимости Магистратовъ, на основаніи одного этого мѣста—ошибочно. Я не говорю о фактической сторонѣ даннаго вопроса—о ней рѣчь впереди; но и юридическая сторона его не исчерпывается лишь однимъ этимъ мѣстомъ.

Этотъ вопросъ, вопросъ взаимныхъ отношеній отдѣльныхъ частей

[1]) *Плошинскій* — городск. или сред. сост. рус. народа — называетъ такое отношеніе Магистратовъ къ другимъ государственнымъ учрежденіямъ ихъ правомъ или преимуществомъ 187. *Мулловъ*: Историч. обозр. правител. мѣръ по устр. городск. обществ. управленія. 59.

государственно-административной машины и вообще въ административной практикѣ—одинъ изъ самыхъ трудныхъ и въ наше время, въ періодъ же всеобщей реорганизаціи государственнаго строя Петромъ Великимъ этотъ вопросъ, можно сказать, находился въ хаотическомъ состояніи: царь, преобразовывая отдѣльную отрасль администраціи, какъ бы забывалъ всѣ остальныя, отсюда—невѣроятная путаница во взаимныхъ отношеніяхъ этихъ отдѣльныхъ отраслей; пускаясь въ возможно большія подробности каждой отдѣльной части, законодатель упускалъ изъ виду цѣлое или ограничивался общими замѣчаніями, въ родѣ приведеннаго. Уже потомъ, по установленіи отдѣльныхъ частей механизма, наблюдая за ихъ ходомъ, путемъ чисто эмпирическимъ, законодатель приступалъ къ устраненію дисгармоніи, зацѣпокъ отдѣльныхъ колесъ, отдѣльныхъ механизмовъ другъ за друга, столкновеній, крушеній. Иначе и быть не могло. Гигантской энергіи реформатора, его проницательнаго взора недостаточно было, чтобы сразу охватить почти необъятный горизонтъ поля преобразованій. Частая ломка одного механизма за другимъ, перестановка колесъ въ каждомъ изъ нихъ было почти неизбѣжнымъ дѣломъ. Въ 1711 году царь учредилъ Сенатъ съ его всеобъемлющей дѣятельностью, въ качествѣ высшаго правительствующаго или «управительнаго» органа, какъ надзирающей за администраціей, во всей ее совокупности, власти, съ ролью компензатора, или механика-руководителя отдѣльныхъ частей не спѣвшейся администраціи [1]. Но извѣстно, что представлялъ Сенатъ по своему составу, въ особенности въ первое время своего существованія. Энергическій царь нашелъ въ немъ плохаго помощника, [2]) и соглашенія отдѣльныхъ частей административной машины долго еще не существовало.

Прежде чѣмъ обратиться къ отношенію городовыхъ Магистратовъ къ мѣстнымъ и центральнымъ учрежденіямъ, разсмотримъ отношенія послѣднихъ къ Главному Магистрату.

Въ регламентѣ Гл. Магистрату встрѣчается постановленіе, что «губернаторы, вице-губернаторы и воеводы по посланнымъ изъ

---

[1]) О значеніи Сената см. соч. *Градовскаго* — Высшая администрація Россіи. XVIII ст. стр. 77—82.

[2]) *Ibid.* 116, 117. См. также *Соловьевъ*. Ист. Рос. XVI; стр. 174—186.

Главнаго Магистрата указамъ должны исполнять» [1]), затѣмъ они, какъ мы видѣли, обязывались высылать сюда всякаго рода свѣдѣнія о состояніи городовъ. Отсюда видно, что губернаторы и воеводы стояли по отношенію къ Главному Магистрату въ такомъ же точно положеніи, въ какомъ находились они и къ остальнымъ центральнымъ учрежденіямъ. Этими немногими постановленіями и исчерпывается весь матеріалъ, на основаніи котораго можно судить объ отношеніи Главнаго Магистрата къ органамъ мѣстной власти. Само собою понятно, что отношенія послѣднихъ къ городовымъ Магистратамъ, какъ подчиненнымъ органомъ Главнаго, должны были быть совершенно иными. По основному принципу магистратскихъ учрежденій эти отношенія должны бы быть отношеніями двухъ самостоятельныхъ, независимыхъ другъ отъ друга учрежденій, какъ это и высказано въ приведенной уже мною главѣ четырнадцатой регламента [2]), но на практикѣ этотъ принципъ не выдержанъ. Въ тринадцатой главѣ того же регламента губернаторамъ, воеводамъ и комендантамъ уже вмѣняется въ обязанность «чинить Магистратамъ всякое вспоможеніе» относительно размѣщенія въ городѣ постоя. Этимъ уже открываются представителямъ мѣстной власти поводы къ вмѣшательству въ дѣла Магистратовъ; но регламентъ въ своихъ противорѣчіяхъ идетъ далѣе: мы видѣли, что при образо-

---

[1]) *Рег. Гл. Маг.* гл. III; тоже самое подтверждено въ сенатскомъ указѣ отъ сентября того же 1721 года: „и на указы изъ Главнаго Магистрата отвѣчать безъ замедленія". П. С. З. № 3832. Здѣсь мы наталкиваемся на важное затрудненіе; въ противорѣчіе только что-приведенному положенію въ П. С. З. находится цѣлый рядъ указовъ, изъ которыхъ оказывается, что указы губернаторамъ можетъ посылать лишь Сенатъ. Проф. *Градовскій* и принимаетъ это послѣднее положеніе безъ всякихъ оговорокъ (Высшая админ. Россіи въ XVIII ст. стр. 8). Но какъ примирить это положеніе съ положеніемъ регламента и указа за № 3832? Кажется одинъ путь: Магистратъ посылалъ указы Губернаторамъ и воеводамъ чрезъ Сенатъ; въ томъ регламентѣ (гл. VI) находимъ выраженіе: „...о выборѣ указы изъ Гл. Магистрата губернаторамъ и воеводамъ, по которымъ указамъ изъ Сената имъ исполняти".

[2]) Регламентъ говоритъ, что магистраты не должны подчиняться во всемъ, что „градскаго суда и экономіи касается". Здѣсь подъ экономіей (домостроительствомъ) разумѣется все, что касается городскаго хозяйства. Относительно суда это опредѣленіе выдержано. *Дмитріевъ.* Ист. Суд. Инст. стр. 486 и 487. Регл. Гл. Маг. гл. IX.

ваніи Магистратовъ губернаторы играли очень важную роль; имъ поручено было созвать первостатейныхъ граждапъ и наблюдать за выборами; при наличности такого рода факта рѣчи о равенствѣ двухъ учрежденій быть не можетъ: Магистратъ играетъ болѣе или менѣе страдательную роль, становясь такъ или иначе въ отношенія болѣе или менѣе подчиненныя къ мѣстнымъ органамъ правительственной власти. Это нарушеніе основнаго принципа не имѣло бы особенно важнаго значенія, еслибъ регламентъ точно опредѣлилъ, что вліяніе губернаторовъ и воеводъ на выборы членовъ Магистрата ограничивается лишь временемъ образованія Магистратовъ, какъ совершенно новыхъ учрежденій: въ такомъ случаѣ при пожизненности членовъ, вмѣшательство губернаторовъ и воеводъ ограничилось бы этимъ единственнымъ случаемъ; но члены Магистрата выбывали, какимъ путемъ выбирались на мѣсто выбывшихъ новые члены Магистрата, созывались ли опять первостатейные граждане губернаторами и воеводами или это производилось какимъ нибудь инымъ способомъ—неизвѣстно: регламентъ молчитъ. Едва ли будетъ рискованнымъ заключеніе, что и въ этихъ случаяхъ губернаторы и воеводы пользовались тѣмъ же вліяніемъ; въ особенности если припомнить предписаніе начала 1719 года—«заботиться, чтобъ ратушскіе чины угодными и искусными персоны снабжены были». Этотъ наказъ изданъ былъ только за два года до изданія регламента, который не только не уничтожилъ прямо это постановленіе, но косвенно какъ будто подтвердилъ его. Всего черезъ полтора мѣсяца послѣ изданія регламента появляется указъ, предписывающій городовымъ Магистратамъ пересылать свои «сказки о посадскихъ людяхъ» въ Главный Магистратъ не прямо, а черезъ губернаторовъ и воеводъ [1]), которые, такимъ образомъ, нарушаютъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ спеціальномъ случаѣ, непосредственную связь городовыхъ Магистратовъ съ Главнымъ и становятся посредствующимъ звеномъ, передаточной станціей между ними. Всѣ эти, трудно сказать чѣмъ мотивированныя, постановленія стоятъ въ полномъ противорѣчіи съ основнымъ положеніемъ

---

[1]) П. С. З. № 3747. Указъ этотъ изданъ вѣроятно въ дополненіе къ статьѣ Инстр. Магистратамъ, возлагающей на послѣднихъ обязанность: „собрать вѣдомости о дворовомъ числѣ и о душахъ". П. С. З № 4624, п. 10.

четырнадцатой главы регламента о совершенной независимости городовыхъ Магистратовъ, и вносятъ значительную долю темноты и путаницы во взаимныя отношенія этихъ мѣстныхъ учрежденій; тѣмъ болѣе, что параллельно съ этими постановленіями имѣютъ силу другія, которыя какъ бы развиваютъ или поясняютъ это основное положеніе; такъ изъ формы, въ которой выражались внѣшнимъ образомъ взаимныя отношенія городовыхъ Магистратовъ, съ одной стороны, губернаторовъ и воеводъ съ другой, нельзя не вывести, что это были отношенія равнаго къ равному. Въ одномъ мѣстѣ инструкціи Магистратамъ говорится, что Главному Магистрату городовые шлютъ, какъ высшему надъ ними учрежденію—доношенія; въ подчиненные имъ приписанные города—указы, а въ прочія команды той провинціи—промеморіи. Здѣсь подъ прочими командами нужно разумѣть и губернаторовъ съ воеводами [1]), которые, слѣдовательно, не стоятъ въ этомъ отношеніи выше Магистратовъ.

Извѣстно, что параллельно съ устройствомъ городовыхъ Магистратовъ шло образованіе городской полиціи въ формѣ особыхъ отъ нихъ, спеціально полицейскихъ, учрежденій и органовъ. Въ Петербургѣ образовалась должность Генералъ-Полиціймейстера, въ Москвѣ Оберъ-Полиціймейстера, а въ остальныхъ городахъ предполагалось ввести должность Полиціймейстера. Отношенія городовыхъ Магистратовъ къ Полиціймейстерамъ, а Главнаго—къ Генералъ-Полиціймейстеру тѣмъ болѣе любопытны и важны, что поле дѣятельности и тѣхъ и другихъ—одно и тоже: полиція, какъ мы видѣли, возлагалась по регламенту и на Магистраты, столкновенія и очень частыя, были неизбѣжны; а между тѣмъ мы вовсе не встрѣчаемъ никакихъ опредѣленій взаимныхъ отношеній городовыхъ Магистратовъ и полицейскихъ должностей. Указъ 1718 г. Петербургскому Генералъ-Полиціймейстеру, наказъ 1722 года Московскому Оберъ-

---

[1]) Это заключеніе можно сдѣлать на основаніи указа Екатерины I (П. С. З. № 4811), въ которомъ она приказываетъ, чтобы губернаторы и воеводы писали къ Магистратамъ и наоборотъ, Магистраты къ нимъ промеморіи; далѣе императрица говоритъ: „воеводамъ... въ дѣла Магистрата отнюдь не вступать“. Эти слова съ одной стороны выясняютъ основную мысль Петра, съ другой указываютъ, что она не была проведена на дѣлѣ.

Полиціймейстеру и московской полицейской канцеляріи не содержатъ въ себѣ ни одного слова по этому вопросу [1]), а между тѣмъ въ этихъ же наказахъ встрѣчается постановленіе объ учрежденіи выборныхъ старостъ и десятскихъ въ качествѣ низшихъ полицейскихъ органовъ [2]), по ночамъ устанавливались караулы изъ уличныхъ жителей [3]); опредѣленіе отношеній этихъ выборныхъ къ Магистратамъ и полицейскимъ властямъ—вопросъ въ высшей степени важный, но о немъ нѣтъ и рѣчи.

Пробѣлъ этотъ, мнѣ кажется, можно объяснить лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что, во-первыхъ, какъ уже было сказано, полицейскія обязанности, возложенныя на Магистраты тамъ, гдѣ были введены спеціальныя полицейскія должности, оставались только на бумагѣ; во-вторыхъ, сильно сомнительно, чтобы Петръ Великій успѣлъ ввести во всѣхъ городахъ должность Полиціймейстера, поэтому въ тѣхъ городахъ, гдѣ этой должности налицо не было, полиція оставалась въ вѣдѣніи городовыхъ Магистратовъ. Самые Магистраты, наконецъ, еще только вводились; Главный Магистратъ занятъ былъ составленіемъ уставовъ и регулъ; благодаря этому законодатель не имѣлъ возможности особенно часто наталкиваться на необходимость разъясненій и опредѣленій.

Обратимся къ вопросу объ отношеніяхъ Магистратовъ къ центральнымъ правительственнымъ учрежденіямъ—Коллегіямъ, изъ которыхъ вопросъ объ отношеніи ихъ къ Коммерцъ-Коллегіи—особенно интересенъ, такъ какъ, какъ мы видѣли, Коллегія эта должна была вѣдать городъ во многихъ отношеніяхъ, между прочимъ и въ полицейскомъ; столкновенія съ Главнымъ Магистратомъ были неизбѣжны.

Мы уже видѣли, что регламентъ рекомендуетъ Главному Магистрату при составленіи «регуловъ и уставовъ» для городовыхъ Магистратовъ «съ Коллегіями совѣтовать»; изъ этого неопредѣленнаго выраженія трудно что либо вывести кромѣ того, что Коллегіи во всякомъ случаѣ въ дѣлахъ Главнаго Магистрата, разрѣшающаго голоса не имѣли. Этимъ мѣстомъ и ограничивался законъ по дан-

---

[1]) П. С. З. №№ 3203, 4047, 4130.

[2]) *Ibid.*

[3]) *Соловьевъ.* Истр. Рос. XVIII. 184.

ному вопросу. Между тѣмъ, Главному Магистрату приходилось сталкиваться на одномъ пути съ Коммерцъ-и Мануфактуръ-Коллегіями; кромѣ обязанности «блюсти въ городахъ полицію» на Коммерцъ-Коллегію возлагается обязанность учреждать по городамъ гильдіи, поощрять купечество и распространять торговлю [1], т. е. все то, что возложено было потомъ и на Главный Магистратъ. Какъ же опредѣляетъ регламентъ область дѣйствія каждаго изъ этихъ учрежденій? Очень просто и коротко, хотя и нельзя сказать, чтобы особенно точно и ясно: онъ говоритъ, что «Главный Магистратъ о купечествѣ и искусномъ рукодѣльѣ» долженъ заботиться о б щ е съ Коммерцъ-и Мануфактуръ-Коллегіями [2]); здѣсь въ словѣ «обще» вся суть дѣла; въ этой же главѣ, впрочемъ, разъясняется нѣсколько значеніе этого выраженія. Регламентъ говоритъ, что Главный Магистратъ долженъ н а б л ю д а т ь за точнымъ и с п о л н е н і е м ъ у с т а в о в ъ, издаваемыхъ которой либо изъ К о л л е г і й для всѣхъ городовъ или только нѣкоторыхъ изъ нихъ; а въ томъ случаѣ, если Магистратъ какимъ-либо образомъ усмотритъ, что состояніе опредѣленнаго города требуетъ какихъ либо измѣненій въ этихъ уставахъ или введенія какихъ-либо новыхъ учрежденій въ городѣ, онъ обязанъ объ этомъ письменно доносить той или другой Коллегіи [3]). Что можетъ быть запутаннѣе и неопредѣленнѣе этихъ разъясненій взаимныхъ отношеній Магистрата и Коллегій? Не значитъ же, въ самомъ дѣлѣ, заботиться о городахъ «сообща» съ Коллегіями—наблюдать за приложеніемъ выработанныхъ ими уставовъ въ этихъ городахъ и д о н о с и т ь о нарушеніи ихъ. Здѣсь уже нѣтъ рѣчи о с о в м ѣ с т н о м ъ дѣйствіи: Главный Магистратъ обрекается на роль безмолвнаго зрителя и докладчика, и это въ то время, какъ онъ согласно опредѣленію того же самаго регламента долженъ сочинять самъ уставы для городовъ и совѣтовать съ Коллегіями, въ томъ числѣ разумѣется и Коммерцъ-и Мануфактуръ-Коллегіями. Совѣтуясь съ Коллегіями, Главный Магистратъ стоитъ

---

[1]) *Регл. Ком. Колл.* П. С. З. № 3318. п. 19.

[2]) П. С. З. № 3708, гл. XI.

[3]) *Ibid.* Регл. выражается такъ: „въ принадлежащую Коллегію письменное о томъ учинить п р е д л о ж е н і е“. п. 2. При обсужденіяхъ этихъ предложеній въ Коллегіи предписывается присутствовать отъ Гл. Магистрата „оберъ-президенту самому“.

съ ними на равной ногѣ; наблюдая же за приведеніемъ въ исполненіе ихъ уставовъ и донося о необходимости ихъ измѣненія, онъ становится въ извѣстной степени какъ бы зависимымъ отъ нихъ.

Обращаясь къ вопросу объ отношеніи городовыхъ Магистратовъ къ Коллегіямъ, прежде всего нельзя не замѣтить, что согласно общему плану магистратскаго устройства учрежденія эти не должны были ни въ какомъ случаѣ входить въ прямыя, непосредственныя отношенія съ Коллегіями: Главный Магистратъ долженъ былъ служить въ этихъ случаяхъ посредникомъ. Но на самомъ дѣлѣ начало это не было выдержано: деньги, собираемыя Магистратами въ сущности должны бы были изъ нихъ направляться въ Главный Магистратъ, который ужъ и долженъ бы былъ вѣдаться дальше; но на дѣлѣ это было не такъ; эти деньги Магистраты отсылали въ подлежащія Коллегіи по указу изъ Камеръ-Коллегіи [1]), а въ Главный Магистратъ посылались лишь рапорты объ отсылкѣ податей въ ту или другую Коллегію [2]). Главный Магистратъ, слѣдовательно, обходится Коллегіями. Мало того, городовые Магистраты должны были продавать съ аукціона «отписные за вины пожитки», присылаемые изъ Коллегій [3]). Изъ этого видно, что Магистраты не только сносились прямо съ Коллегіями, но даже получали отъ нихъ указы, какъ прямо говоритъ объ этомъ регламентъ по отношенію къ Камеръ-Коллегіи, которая этимъ способомъ указывала Магистратамъ мѣсто назначенія собранныхъ ими денегъ.

Вотъ то хаотическое состояніе, въ которомъ находились взаимныя отношенія Магистратовъ къ областнымъ и центральнымъ властямъ de jure; de facto эти отношенія, трудно сказать, усложнялись или, наоборотъ, упрощались; послѣднее, пожалуй, вѣрнѣе: эти отношенія окончательно соскакивали съ запутанной, ломаной юридической колеи и опредѣлялись патріархальнымъ способомъ: кто осилилъ; каждое отдѣльное учрежденіе твердо памятовало старое русское изрѣченіе: «до Бога высоко—до царя далеко». А Богъ и

---

[1]) *Регл. Гл. Маг.* П. С. З. № 3708, гл. XIV.

[2]) *Истр. Маг.* П. С. З. № 4624. п. 23.

[3]) П. С. З. № 4358: изъ продажной суммы 6% шли въ пользу Магистрата.

царь, не смотря на всю хитрую административную махинацію, придуманную послѣднимъ, только и являлись въ сущности представителями порядка и справедливости въ тѣ крутыя времена. Трудно придти къ какому-либо другому заключенію на основаніи тѣхъ фактовъ изъ данной области, которые имѣются у насъ подъ руками. Профессоръ Соловьевъ въ своей Исторіи Россіи слѣдующее говоритъ по поводу магистратскаго управленія городовъ: «исправленіе обязанностей самоуправленія (?) казалось лишнею тягостью; богатые тѣснили бѣдныхъ и заставляли ихъ жалѣть о воеводахъ, а между тѣмъ старинныя отношенія мужей къ мужикамъ, вслѣдствіе чего служилый человѣкъ презрительно относился къ промышленному человѣку.... давали себя безпрестанно чувствовать, причемъ самоуправленіе (?), данное промышленному сословію, усиливало нерасположеніе къ нему въ людяхъ, у которыхъ вырывали изъ рукъ богатую добычу» [1]). Далѣе почтенный историкъ приводитъ рядъ фактовъ въ подтвержденіе только-что приведенной мысли объ отношеніяхъ стараго боярскаго служилаго сословія, къ новому, городскому, торгово-промышленному. Примѣры поразительны; они рельефно, самыми яркими красками рисуютъ независимое (?) состояніе городовыхъ Магистратовъ. Члены Костромскаго магистрата или Ратуши доносили въ Главный Магистратъ, что бывшій Костромской воевода «самовольно отнявъ у нихъ Ратушу, построенную «изъ купецкихъ мірскихъ денегъ» [2]), которую занялъ и новый воевода и полковникъ Грибоѣдовъ; «за такимъ утѣсненіемъ», продолжаютъ костромичи, «взятъ былъ, вмѣсто податей, у оскудѣлаго посадскаго человѣка подъ Ратушу дворъ», но и этотъ дворъ понадобился въ 1722 году «подъ полковника» Татаринова и безъ дальнѣйшихъ разсужденій отнятъ; едва успѣлъ дворъ очиститься изъ подъ храбраго полковника, какъ его поспѣшилъ занять какой-то скромный ассесоръ Радиловъ, который и «стоитъ въ немъ безъ отводу самовольно». Ратушскіе «угодные и искусные чины» оказались въ нѣсколько странномъ положеніи: «дѣваться имъ съ дѣлами негдѣ»; пріютились представители самоуправленія «по нуждѣ»

---

[1]) *Соловьевъ.* Ист. Россіи. XVIII. 166.

[2]) Совершенно согласно предписанію XXII главы регламента.

гдѣ-то въ Николаевской пустынѣ, что на Бабайкахъ, въ монастырской кельѣ, «самой малой и утѣсненной», отчего «сборовъ сбирать негдѣ и въ дѣлахъ немалая остановка». Главный Магистратъ представляетъ (авторъ не говоритъ куда; вѣроятно въ Сенатъ) цѣлый списокъ купецкихъ людей, которые были захвачены разными вѣдомствами [1]) и, не смотря на промеморіи его, Главнаго Магистрата, не были присланы въ это вѣдомство ни сами, ни ихъ дѣла; нѣкоторые изъ нихъ умерли «въ жестокомъ заключеніи». А вотъ и еще факты. Понадобилось почему-то въ Зарайскъ послать одного бурмистра изъ Коломенскаго Магистрата; послѣдній получилъ предписаніе въ этомъ смыслѣ; но исполнить его Магистратъ затруднился по слѣдующимъ уважительнымъ причинамъ: въ самомъ Коломенскомъ магистратѣ «у отправленія многихъ дѣлъ» одинъ бурмистръ, другаго же бурмистра, Ушакова, генералъ Салтыковъ, проѣздомъ въ Нижній-Новгородъ, «билъ смертнымъ боемъ», и «оттого не только въ Зарайскъ, но и въ Коломенскій Магистратъ ходитъ съ великою нуждою временемъ». Съ другимъ бурмистромъ той же счастливой Коломны приключилось нѣчто, едва ли не худшее смертнаго боя: какой-то драгунскій оберъ-офицеръ Волковъ, состоявшій при персидскомъ послѣ, прогнѣвавшись за что-то на представителя мѣстной автономіи, велѣлъ представить его къ себѣ своимъ драгунамъ; бурмистръ Тихонъ Бочарниковъ предсталъ предъ ясныя очи гнѣвнаго оберъ-офицера и былъ поваленъ драгунами на землю, схваченъ за волосы и за ноги и битъ собственноручно Волковымъ тростью; вслѣдъ за этой операціей драгунамъ приказано было бить бурмистра «палками и топтунами (?), и ефесами, потомъ плетьми смертно...» Кажется, достаточно и этого для надлежащей характеристики фактически независимости и самостоятельности городовыхъ Магистратовъ, этихъ оригинальныхъ органовъ самоуправленія начала XVIII столѣтія. Авторъ, приводя еще нѣсколько однородныхъ фактовъ, заключаетъ свою цитату словами: «изъ Псковскаго Магистрата въ Главный, присланъ былъ длинный списокъ обидъ посадскимъ людямъ». Авторъ видимо устаетъ продолжать

---

[1]) А регламентъ озаботился, чтобы Коллегіи, въ случаѣ нужды въ купецкихъ людяхъ, писали объ этомъ въ Главный Магистратъ, а сами отнюдь бы не брали ихъ. Гл. VI.

только; матеріала же—непочатый уголъ [1]). Таково фактическое состояніе дѣла. Въ приведенныхъ Соловьевымъ примѣрахъ орудують, такъ сказать, люди случайные: членамъ магистрата достается отъ какихъ-то проѣзжихъ генераловъ, оберъ-офицеровъ, даже просто «воинскихъ людей»; какъ же обращались съ ними люди постоянно сталкивавшіеся на одномъ поприщѣ — губернаторы, воеводы, коменданты? Образчикъ даютъ Стрѣшневъ съ Головинымъ и тѣ вѣдомства, которыя «захватили» купецкихъ людей по донесенію Главнаго Магистрата.

Остается еще одинъ, не лишенный интереса, вопросъ, это именно вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ городовыхъ магистратовъ другъ къ другу. Я уже говорилъ, что и въ магистратскомъ устройствѣ законодатель стремился провести мысль объ административныхъ часахъ; эта мысль достаточно проявилась въ подчиненіи городовыхъ Магистратовъ главному; эта же мысль проявляется и въ стремленіи его установить іерархію между самыми Магистратами; что стремленіе это у законодателя было, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но къ сожалѣнію, до насъ дошло очень мало фактовъ, основываясь на которыхъ, можно было бы совершенно опредѣленно установить эту іерархію между отдѣльными городовыми Магистратами.

Мысль о подчиненіи одного города другому, какъ мы видѣли, была у Петра Великаго еще въ то время, когда онъ вводилъ Земскія Избы: уже и въ то время установлены были такъ-называемые приписные города, которые подобно воеводскимъ приписнымъ, не могли сноситься прямо съ Московской Ратушей, а лишь черезъ посредство Земскихъ Бурмистровъ главныхъ городовъ. Приписные города не исчезли и по введеніи Магистратовъ: мы имѣемъ очевидное доказательство этой мысли въ инструкціи городовымъ Магистратамъ, въ которой при опредѣленіи формальной стороны сношеній городовыхъ магистратовъ съ другими правительственными учрежденіями, между прочимъ сказано слѣдующее: «а въ приписные города городовые Магистраты посылаютъ указы» [2]). Это не единственное мѣсто, упоминающее о приписныхъ городахъ; изъ дру-

---

[1]) *Соловьевъ*. Ист. Россіи. XVIII, 166—167. Всѣ эти факты авторъ заимствуетъ изъ Магистратскихъ дѣлъ Арх. Мин. Юст. *Ibid.* пр. 89.

[2]) П. С. З. № 4624. п. 44.

гой статьи инструкціи видно, что къ Магистрату приписывалось обыкновенно по нѣсколько городовъ [1]). Такое упоминаніе о данномъ предметѣ вскользь, мимоходомъ, кажется, можно объяснить тѣмъ, что существованіе этихъ подчиненныхъ городовъ не требовало въ глазахъ царя новыхъ опредѣленій, какъ фактъ уже существующій болѣе двадцати лѣтъ и достаточно опредѣленный указомъ 1699 г. (о составленіи купеческихъ компаній, учрежденіи провинціи, приписаніи малыхъ городовъ къ большимъ). Что приписные города находились въ зависимомъ, подчиненномъ отношеніи къ главнымъ, это видно изъ содержанія самаго указа 1699 года, если только признать его непотерявшимъ фактическое значеніе; а лучше всего это слѣдуетъ изъ формы сношеній главныхъ городовъ съ приписными: посылать указы послѣднимъ первые могли лишь въ качествѣ учрежденій высшаго порядка, пользующихся властью надъ учрежденіями, въ которыя посылаются указы. Можетъ ли быть рѣчь при такихъ взаимныхъ отношеніяхъ городовъ другъ къ другу, только при наличности этого одного факта, рѣчь объ ихъ самоуправленіи, автономіи; прибавимъ къ этому еще то обстоятельство, что Главный Магистратъ, въ качествѣ учрежденія вѣдающаго всѣ города Россійской имперіи, не стѣснялся перетасовывать, такъ сказать, членскій составъ ихъ Магистратовъ: недостаетъ бурмистра въ одномъ городѣ — онъ не стѣсняется послать его туда изъ другаго города [2]), какъ прежде Московская Ратуша не стѣснялась избытокъ въ сборахъ одного города употреблять на покрытіе недоборовъ другаго (что, думать надо, допускается и при Магистратахъ, въ принципѣ это должно быть). И въ этомъ нѣтъ ничего страннаго: такія комбинаціи немыслимы были бы тамъ, гдѣ каждый городъ составляетъ цѣлое самобытное, выработавшееся въ особый организмъ исторически; тамъ, гдѣ эти организмы не потеряли своей независимости, лишившись ея въ пользу абсолютной государственной власти, тамъ гдѣ общественные интересы не поглощены государственными; въ Россіи же, при Петрѣ Великомъ—такое положеніе дѣлъ—естественный, совершенно логическій результатъ исторически сложившихся отношеній между обществомъ и государствомъ, интересами перваго и послѣдняго.

[1]) *Ibid.* п. 5; см. также п. 6 и 23.

[2]) *Соловьевъ:* Ист. Россіи. XVIII. 167.

ГЛАВА V.

Отношенія магистратовъ къ самому городу.

Въ какомъ отношеніи стояло магистратское управленіе къ городу вообще, каждый отдѣльный городовой Магистратъ или Ратуша къ тому городу, въ которомъ она состояла? Вопросъ, повидимому, странный, даже едва ли возможный въ виду точныхъ, опредѣленныхъ словъ регламента: «Магистратъ—яко начальство города», или «градское начальство [1]). Сомнѣнія нѣтъ, магистратъ—учрежденіе, управляющее городомъ, стоящее во главѣ города, представитель его; иначе словъ этихъ понимать, кажется, нельзя. Тѣмъ не менѣе вопросъ не только не излишній, но положительно необходимый. Въ томъ же регламентѣ мы встрѣчаемся съ опредѣленіемъ Магистрата «яко Главы всего гражданства [2]), къ которому по опредѣленію седьмой главы регламента ни шляхетство, ни духовенство съ церковными людьми, ни иностранцы—не относятся [3]). Отсюда оказывается, что городовой Магистратъ уже не есть «начальство» цѣлаго города, всего его населенія, а лишь его части. Какъ же примирить между собою эти два, непримиримыя по ихъ сущности, опредѣленія одного и того же учрежденія?

Рѣшая данный вопросъ, нужно имѣть въ виду два различныхъ источника, изъ которыхъ законодатель заимствовалъ, организуя магистратскія учрежденія, два, трудно примиримые факта, подъ вліяніемъ которыхъ онъ находился. Эти факты, регулировавшіе въ данномъ случаѣ организаторскія работы—слѣдующіе: фактъ историческаго развитія русской общественно-политической жизни и фактъ заимствованія изъ западно-европейскихъ учрежденій. Магистратскія учрежденія примиряютъ въ себѣ эти два факта, причемъ первый значительно преобладаетъ надъ послѣднимъ. Мы видѣли, что до самаго появленія мысли о Магистратахъ всѣ мѣры правительства относительно города состояли въ собираніи торгово-промыш-

---

[1]) П. С. З. № 3708, гл. VI.

[2]) *Ibid.* Гл. XIV.

[3]) *Ibid.* Гл. VII: „всѣ такіе люди между гражданствомъ не числятся“.

леннаго класса его населенія и въ постепенной, независимой отъ этого собиранія, организаціи городской полиціи; такъ что съ одной стороны городъ дробился: изъ совокупности его населенія выдѣлялась большая часть послѣдняго въ особое цѣлое; съ другой—онъ объединялся путемъ установленія полицейскихъ учрежденій, общихъ для цѣлаго города, всего его населенія, словомъ, одинъ рядъ мѣръ стремился къ созданію сословнаго организма единаго цѣлаго для всего государства, другой, хотя и въ одномъ только опредѣленномъ отношеніи, имѣлъ въ конечномъ результатѣ образовать изъ города одно цѣлое, особый организмъ, организмъ исключительно административный, административную единицу. Бурмистерская Палата съ ея Земскими Избами ничего не внесла новаго. Приступая къ новой организаціи городскаго устройства, законодатель не могъ, въ силу историческаго хода вещей, отрѣшиться отъ общественнаго строя, установившагося вѣками, подъ вліяніемъ политики закрѣпощенія всѣхъ слоевъ населенія государственнымъ интересамъ, государственному тяглу. Онъ едва ли бы былъ въ состояніи отрѣшиться отъ этой политики даже въ томъ случаѣ, еслибъ сознавалъ необходимость измѣнить ее: государственныя нужды росли; онѣ заслоняли собою все другое; всѣ мѣры, всѣ средства, всѣ силы народа должны были дѣйствовать исключительно въ одномъ направленіи: создавать государство; силы торгово-промышленнаго населенія городовъ должны были быть направленными туда же. Магистратское устройство—средство организовать это сословіе въ видахъ этой цѣли. Цѣлью учрежденія Главнаго Магистрата законодатель прямо выставляетъ «чтобы разсыпанную сію храмину (торгово-промышленное населеніе) паки собралъ» [1]. Это выраженіе прямо указываетъ, что давняя задача, къ рѣшенію которой приступлено было еще въ XVII тѣхъ жестолѣтіи рѣшается и теперь, и притомъ рѣшается въ виду все цѣлей: «смотрѣть и доносить въ Сенатъ о тягости и неравномѣрности поборовъ и раззореніи градскихъ обывателей....» и заботиться о пользахъ государственныхъ [2]. Главный Магистратъ достигалъ этихъ цѣлей

[1]) Регл. Гл. Маг. П. С. З. № 3708, гл. II.

[2]) *Ibid.*

чрезъ городовые Магистраты, организація которыхъ и обусловливалась исключительно ими. Служа административнымъ средствомъ къ достиженію государственныхъ цѣлей, Магистраты были ничѣмъ инымъ, какъ повинностью торгово-промышленнаго населенія городовъ, почему въ составъ и должны были входить выборные лишь изъ этого сословія [1]; такимъ образомъ, цѣлью магистратскаго устройства обусловливался самый составъ Магистратовъ; ею же обусловливался какъ объемъ, такъ и характеръ обязанностей, возложенныхъ на эти учрежденія. Мы видѣли, что обязанности эти состояли почти исключительно въ сборѣ и раскладкѣ податей и повинностей, касающихся прямо или косвенно того же торгово-промышленнаго класса. Раскладка податей и повинностей касалась исключительно только торгово-промышленнаго населенія городовъ [4]. Сборы могли касаться и другихъ сословій, какъ объектовъ обложенія (напр., соляной, табачный, винный), но производились, какъ государственная повинность, исключительно, какъ мы видѣли, выборными отъ торгово-промышленнаго населенія. Однимъ словомъ, Магистратъ—учрежденіе чисто сословное, какъ по составу, такъ и по характеру обязанностей, на него возложенныхъ, т. е. учрежденіе, которое вѣдаетъ никакъ не цѣлый городъ, не есть по отношенію къ послѣднему «глава» или «начальство»; это — «глава» и «начальство» только части города, притомъ едва ли въ территоріальномъ смыслѣ, а скорѣе исключительно въ смыслѣ, если можно такъ выразиться, этнографическомъ: это—«глава» и «начальство» части, хотя и самой большей, городскаго населенія. Все содержаніе инструкціи, изданной въ 1724 году въ руководство городовымъ Магистратамъ, какъ нельзя лучше подтверждаетъ все только-что сказанное; она обращаетъ въ сословныя учрежденія даже различныя благотворительныя учрежденія, «земскимъ иждивеніемъ» построенныя, напр. бо-

---

[1]) *Ibid.* гл. VI: члены Магистратовъ избирались только изъ первостатейныхъ гражданъ отъ гостей, гостиныхъ сотень и гостиныхъ дѣтей. Это—до введенія новаго, западно-европейскаго дѣленія торгово-промышленнаго класса. Со времени введенія этого дѣленія выборы производились только изъ тѣхъ, которые „между гражданами числятся", т. е. изъ тѣхъ же торговцевъ и ремесленниковъ. *Ibid.* Гл. VII и Инстр. Маг. П. С. З. № 4624. п. 16.

[2]) Инстр. Маг. П. С. З. № 4624. п. 18 и 19.

гадѣльни, куда «постороннихъ, кромѣ гражданъ для ущербленія отъ многолюдства въ пропитаніи—не принимать» [1]). Иначе и быть не могло: богадѣльни имѣлось въ виду построить, собственно говоря, не земскимъ, а сословнымъ иждивеніемъ торгово-промышленнаго населенія города.

Такими, исключительно сословными, а никакъ не городскими, въ смыслѣ учрежденій, представляющихъ собою цѣлый городъ, учрежденіями и должны были сложиться магистраты въ рукахъ законодателя согласно историческому ходу развитія русскаго общества и планамъ и цѣлямъ императора, еслибъ онъ послѣдовательно провелъ эти планы, не уклоняясь въ сторону, не увлекаясь плохо сознанными цѣлями, интересами совершенно инаго рода, еслибъ онъ не старался придерживаться въ своихъ преобразованіяхъ «образца иныхъ государствъ». Этому старанію и только ему одному обязаны Магистраты тѣмъ, что ихъ пожаловали въ чинъ «главы и начальства градскаго».

Мы видѣли, что въ городахъ Германіи въ эпоху наибольшаго развитія цеховъ, городской Магистратъ дѣйствительно былъ «главой и начальствомъ» города, такъ какъ вся власть, касающаяся цѣлаго города была въ его рукахъ; онъ былъ составляемъ изъ среды политически, не только преобладающаго, но прямо господствующаго класса: чтобы пользоваться политическими правами, необходимо было принадлежать къ составу того или инаго цеха; городское устройство этого времени было сословно-городскимъ устройствомъ: властъ представителей извѣстнаго сословія была властью надъ всѣмъ городомъ какъ въ территоріальномъ отношеніи, такъ и по отношенію къ населенію. Въ XVII и XVIII столѣтіи городской магистратъ германскаго города измѣнилъ свой характеръ лишь по отношенію къ своему содержанію, къ объему правъ, который былъ въ это время сильно уменьшенъ; но по составу своему, по принадлежности къ извѣстному слою населенія онъ остался все тѣмъ же: его члены выходили все изъ того же, экономически господствующаго, торгово-промышленнаго слоя населенія; сильно урѣзанная общинная, мѣстная власть осталась все въ тѣхъ же рукахъ.

---

[1]) П. С. З. № 4624. п. 34.

Петръ Великій хотѣлъ это состояніе городскаго устройства Германіи перенести на русскую почву, забывъ, что для этого пришлось бы измѣнить весь общественно-политическій строй этой почвы; что для этого прежде всего нужно было создать сильное экономическими и умственными средствами торгово-промышленное населеніе, во-вторыхъ, уничтожить тяглую зависимость отъ государства его населенія, признать законнымъ существованіе другихъ интересовъ, помимо государственныхъ, интересовъ общественныхъ. Попытка оказалась вполнѣ неудавшейся; Городовой Магистратъ могъ «градскимъ начальствомъ» называться лишь на бумагѣ или въ томъ, чисто территоріальномъ смыслѣ, что онъ помѣщался въ городѣ. Въ какомъ другомъ отношеніи онъ могъ въ самомъ дѣлѣ, считаться «главою города»? Въ судебномъ отношеніи, т. е., какъ учрежденіе судебное, городовой Магистратъ былъ ничѣмъ инымъ какъ сословнымъ учрежденіемъ, учрежденіемъ, вѣдавшимъ гражданскимъ и уголовнымъ судомъ лишь регулярныхъ гражданъ; для остальнаго населенія города существовали особые суды [1]). Въ административно-финансовомъ отношеніи, по отношенію съ раскладкѣ и сбору податей и повинностей онъ носилъ тотъ же самый характеръ, какъ мы видѣли. Остается полиція — внутреннее хозяйство, благоустройство города; въ этомъ то послѣднемъ отношеніи законодатель и думалъ сдѣлать городовой Магистратъ «главою и начальствомъ» города. Весь вопросъ въ томъ, насколько эта мысль законодателя осуществилась на самомъ дѣлѣ. Я уже останавливался нѣсколько на вопросѣ о городской полиціи и говорилъ, что эта сторона городскаго управленія вовсе не находилась въ рукахъ городовыхъ Магистратовъ, что въ этомъ случаѣ Петръ Великій ограничился почти исключительно общими разсужденіями о значеніи и роли полиціи въ развитіи городовъ, передавъ ее на самомъ дѣлѣ въ руки спеціальныхъ, исключительно правительственныхъ учрежденій, какъ увидимъ въ главѣ о полиціи. Иначе и быть не могло. Сдѣлать Магистратъ при томъ его составѣ, какой опредѣляется регламентомъ и инструкціей, городскою властью, значило бы сдѣлать торгово-промышленное населеніе города господствующимъ, власть имѣющимъ надъ всѣми слоями остальнаго населенія т. е. и слу-

---

[1]) *Дмитріевъ:* Исторія суд. инстанцій 486—487. *Плошинской:* гор. или ср. сост. рус. нар. 189.

жилаго; но гдѣ-жъ къ тому основаніе; почему служилые люди, духовенство должны были стать «подъ начальство» торгово-промышленнаго класса, ими презираемаго; гдѣ та сила, то значеніе этого класса, которыя могли бы служить основаніемъ его власти? Въ такомъ даже городѣ, какъ Москва, гдѣ посадское населеніе превосходило остальное по числу, господство послѣдняго, въ качествѣ городской власти, было бы непонятнымъ при тогдашнемъ общественно-политическомъ строѣ; что же сказать объ остальныхъ городахъ тогдашней Россіи? Каждое сословіе тянетъ свое тягло государству, причемъ «холопи» царя—бояре, служилое сословіе вообще, стояли на высшей ступени этой сословно-тяглой іерархіи; «холопи» промышленники и торговцы шли лишь за ними; какимъ же образомъ послѣдніе могли стать въ городѣ выше первыхъ? Оставалось сдѣлать одно изъ двухъ: или выселить служилое сословіе совершенно изъ городовъ или же образовать изъ нихъ «городъ въ городѣ» если можно такъ выразиться; возможно было лишь послѣднее.

Попытка Петра сдѣлать изъ торгово-промышленнаго населенія «начальство, главу города» совершенно не удалась, какъ попытка соединить несоединимое. Самый слабый намекъ на самоуправленіе, автономію города немыслимъ въ обществѣ закрѣпощенномъ, тягло государственномъ, въ обществѣ, каждая отдѣльная часть котораго крѣпка опредѣленной государственной службѣ, государственной обязанности. Самая мысль о главенствѣ одной такой части городскаго населенія надъ другой—разультатъ не совсѣмъ разборчиваго заимствованія изъ «образцовъ», результатъ совершеннаго незнанія исторіи развитія этихъ образцовъ, полнаго непониманія ихъ. Петръ хотѣлъ возвести русскій городъ на степень развитія западно-европейскаго, онъ хотѣлъ создать богатое и развитое торгово-промышленное населеніе; но онъ думалъ при этомъ, что и то и другое можетъ быть достигнуто безъ уклоненій съ той дороги, которою шла до него общественно-политическая жизнь Россіи; онъ думалъ достигнуть желаемаго, не отрѣшаясь отъ вѣковой политики закрѣпощенія государству всѣхъ слоевъ его населенія. Законодатель былъ убѣжденъ, что достаточно его могучей энергіи, чтобы заимствованныя имъ формы заполнить содержаніемъ; ему казалось, что достаточно заимствовать изъ Европы вѣками сложившуюся

организацію городскаго общества, его дѣленіе на классы; раздѣлить на эти классы однообразное по своему составу тяглое русское торгово-промышленное населеніе, чтобы это населеніе обратилось въ развитое, разнообразное по-своему составу, общество. Внѣшнія формы городской административной машины неизбѣжно должны были повлечь за собою и внѣшнюю организацію переработываемаго этой машиной общества. Цеховая организація городскаго населенія Германіи перенесена въ Россію. Перенесена въ томъ ея состояніи, въ какомъ она находилась въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст., т. е. въ томъ состояніи, въ которомъ она представляла собою уже явленіе отжившее, тормозившее дальнѣйшее развитіе общества, явленіе, вредъ котораго сознавали уже многіе умы того времени. Петръ результатъ, притомъ уже отживавшій свое время, принялъ за причину. Появляются цехи и гильдіи.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Цехи.

ГЛАВА I.

Взглядъ на цехи русскаго общества и правительства XVIII в.

Петръ Великій придавалъ огромное значеніе западно-европейскимъ цехамъ. Онъ былъ убѣжденъ, что благодаря имъ и только имъ однимъ западно-европейскій городъ, западно-европейская промышленность досигли того высокаго развитія, на какой они стояли въ періодъ побѣды цеховъ. Сознавая, что городская жизнь стоитъ въ тѣсной, неразрывной связи съ состояніемъ въ государствѣ торговли и промышленности, сознавая, что ни той ни другой въ Россіи почти не существуетъ, онъ стремится создать ихъ, создать путемъ введенія гильдій и цеховъ; за образованіе послѣднихъ онъ принимается съ лихорадочной дѣятельностью; онъ грозитъ каторжной работой оберъ-президенту Магистрата съ его помощникомъ за ихъ медленность въ возложенномъ на нихъ дѣлѣ составленія цеховаго устава. Взглядъ правительствъ его преемниковъ не измѣнился на значеніе

цеховъ для развитія ремеслъ. Казалось бы, достаточно было почти сорока-лѣтняго опыта съ этими учрежденіями, чтобъ измѣнить взглядъ на нихъ, убѣдиться въ ихъ полной несостоятельности къ распространенію и развитію ремеслъ на Руси. Обладай они дѣйствительно этими свойствами — промышленность должна была бы процвѣтать въ Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія, послѣ того какъ почти сорокъ лѣтъ существуютъ болѣе или менѣе заботливо поддерживаемые правительствомъ цехи съ ихъ многосложными «артикулами», къ поддержанію и развитію ремеслъ, послѣ того какъ цѣлую четверть столѣтія не малыя усилія полагалъ на развитіе промышленности такой реформаторъ какъ Петръ, притомъ, не однимъ только учрежденіемъ цеховъ. Однако, оказывается, промышленность во всѣхъ ея видахъ прогрессировала въ высшей степени туго, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ въ 1760 году самъ правительствующій Сенатъ. Оказывается, что «великое» число ремесленниковъ существуетъ «лишь для вредной государству роскоши»; ремесла же, удовлетворяющія самымъ первоначальнымъ и необходимымъ потребностямъ обыденной общественно-государственной жизни, находятся въ самомъ плачевномъ состояніи. Гдѣжъ причина этого состоянія ихъ? Въ недостаточно правильномъ устройствѣ цеховъ, въ недостаточно энергической поддержкѣ ихъ правительствомъ, отвѣчаетъ Сенатъ: «коль долго ни одинъ цехъ въ надлежащую силу и состояніе приведенъ не будетъ, но все въ нынѣшней ихъ разстройкѣ останется», до тѣхъ поръ, «всякое о томъ (о развитіи ремеслъ) прилагаемое стараніе было бы тщетно и великія иждивенія употреблялись бы напрасно;» понятно, что всѣ усилія правительства должны быть обращены, по мнѣнію Сената, на самую строгую, самую правильную организацію цеховъ и строгій надзоръ за точнымъ примѣненіемъ къ жизни этой организаціи, такъ какъ по его мнѣнію могутъ произойти самые печальные результаты для ремесленной промышленности вслѣдствіе пренебреженія и «малыми кажущихся артикуловъ» [1]).

Не удивительно слышать подобнаго рода мнѣнія отъ правитель-

---

[1]) П. С. З. № 11158. При этомъ найдено небезполезнымъ вызвать ремесленниковъ изъ за границы; но Сенатъ не рѣшается издать указъ по этому предмету за крайнимъ недостаткомъ въ деньгахъ. *Соловьевъ*: Ист. Рос. XXIV. 352.

ствующаго Сената, не имѣвшаго понятія о такихъ вещахъ, какъ количество городовъ, куда онъ посылалъ воеводъ [1]). Но по меньшей мѣрѣ странно встрѣтить его на страницахъ знаменитаго Наказа, авторъ котораго былъ хорошо знакомъ не только съ просвѣтительной литературой и политикой конца XVIII ст. въ западно-европейскихъ государствахъ вообще, но и съ вопросомъ о значеніи цеховъ въ особенности, какъ въ литературѣ, такъ и въ политикѣ, какъ это видно изъ его собственныхъ словъ [2]). Екатерина II считаетъ безспорнымъ, что для заведенія мастерства цехи полезны, если только число работающихъ не опредѣлено; такъ какъ опредѣленіе этого числа «препятствуетъ, по ея мнѣнію, размноженію рукодѣлій» [3]). Такимъ образомъ, по мнѣнію императрицы ремесла могутъ быть «заведены» только посредствомъ введенія цеховыхъ учрежденій, т. е. ремесло можетъ быть вызвано къ жизни, развиться, только путемъ правительственной иниціативы, путемъ цеховой регламентаціи: «въ малолюдныхъ городахъ (почему же и не въ многолюдныхъ?) полезны быть могутъ цехи, дабы имѣть искусныхъ людей въ мастерствахъ [4]). Сравнивая это мнѣніе Екатерины II съ мнѣніемъ правительствующаго Сената 1760 года, нельзя не видѣть, что въ обоихъ въ сущности высказывается одна и таже мысль, лишь въ различныхъ нѣсколько формахъ: и то и другое одинаково признаютъ за цехами какое-то почти магическое дѣйствіе, способность вызвать къ жизни явленіе изъ ничего.

Такое мнѣніе о значеніи для промышленности въ Россіи цеховъ въ XVIII столѣтіи высказывалось не представителями только верховной власти и администраціи, его высказывали въ этомъ вѣкѣ, даже раньше, нѣкоторые изъ наиболѣе передовыхъ и образованныхъ людей своего времени. Еще въ XVII столѣтіи извѣстный Юрій Крыжаничъ высказывалъ мысль о пользѣ цеховъ для развитія ремесленной промыш-

---

[1]) *Соловьевъ:* Разсказы изъ рус. ист. Рус. Вѣст. 1861 г. X. 309.

[2]) „О цеховыхъ мастерствахъ и установленіи цеховъ для мастерства по городамъ еще состоитъ великій споръ: лучше ли имѣть цехи по городамъ, или безъ нихъ быть, и что изъ сихъ положеній болѣе споспѣшествуетъ рукодѣліямъ и ремесламъ? „Наказъ“ XVII. 400.

[3]) *Ibid.* 401.

[4]) *Ibid.* 403.

ленности и рекомендовалъ ввести ихъ въ Россіи. Лѣтъ пятьдесятъ спустя мы встрѣчаемся съ этой же мыслью у знаменитаго крестьянина Посошкова, русскаго политика — эконома первой четверти XVIII вѣка. Жалуясь на жалкое состояніе въ Россіи его времени ремесленной промышленности, Посошковъ видитъ причину этого явленія въ томъ, что въ средѣ «художниковъ» царятъ непорядки всякіе; въ томъ, что «отдавшись въ наученіе лѣтъ на пять или на шесть и годъ мѣста или другой поживъ, да мало — мало научась, и прочь отойдетъ, да и станетъ дѣлать особо, да цѣну спуститъ и мастера своего оголодитъ, а себя не накормитъ, да такъ и вѣкъ свой изволочитъ; ни онъ мастеръ, ни онъ работникъ» [1]). Ясно, что авторъ видитъ главную причину зла въ свободѣ русскихъ ремесленниковъ; единственный способъ избавленія отъ этого зла по его мнѣнію—въ водвореніи строгой регламентаціи въ отношеніяхъ ремесленниковъ: «надо бы учинить такой твердый гражданскій указъ, чтобы, всякой, отдавшись мастеру въ наученіе, отъ самаго начала до урѣченнаго сроку жилъ постоянно, а не доживъ нетолько года, но и недѣли, и послѣ срока не взявъ отпускнаго письма, съ двора (мастера) не отходилъ» [2]). Этотъ «гражданскій указъ» авторъ видитъ въ западно-европейскихъ цехахъ, благодаря которымъ по его мнѣнію заграницей «мастеры добры и похвальны»; и онъ рекомендуетъ ввести въ Россіи цеховую организацію ремесленной промышленности именно въ той ея формѣ, въ какой она существовала въ западно-европейскихъ городахъ, какъ отживающее явленіе въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка [3]).

Въ нѣкоторыхъ изъ наказовъ, привезенныхъ въ Москву въ 1767 году депутатами, съѣхавшимися со всѣхъ концовъ Россіи для участія въ Коммиссіи для составленія новаго уложенія, оказались требованія учредить въ городахъ цехи; требованія эти предъявлялись не только депутатами отъ городскаго торгово-промышленнаго населенія, но, что особенно странно, даже и депутатами отъ дворянства [4]).

---

[1]) *Посошковъ*: о скудости и о богатствѣ. 140.

[2]) *Ibid.*

[3]) *Ibid.* 141—143.

[4]) *Соловьевъ*. Разсказы изъ рус. ист. Рус. Вѣст. 1861 г. X. 332—335, п. 20 и 11.

ГЛАВА II.

Мнѣнія о цехахъ западно-европейскихъ правительствъ и публицистовъ XVIII. ст.

Въ то время, какъ въ Россіи высказывались подобныя мнѣнія о цехахъ правительствомъ и частными людьми, передовые умы Западной Европы смотрѣли на нихъ совершенно иными глазами. Во Франціи почти всѣ экономисты XVIII столѣтія, какъ сторонники свободной торговли и промышленности, такъ и сторонники покровительства ихъ, были противъ цеховъ. Вся школа Кенэ была противъ нихъ, какъ противъ тормаза къ развитію торговли и промышленности. Mercier-Larivière [1]) въ своемъ, надѣлавшемъ такъ много шума, сочиненіи—Ordre essentiel des Societés publiques—категорически заявлялъ, что польза промышленности требуетъ полной свободы, безъ которой, выродившись въ монополію, неизбѣжно поведетъ къ разрушенію государства. Это общее настроеніе охватило даже ученыя собранія того времени: Амьенская академія увѣнчала въ 1757 году преміей сочиненіе, основною мыслью котораго было доказать, что главная причина царившей во Франціи того времени нищеты, заключается въ существованіи ремесленныхъ корпорацій, цеховъ [2]). Этотъ взглядъ на цехи выражался нетолько въ политико-экономической литературѣ, но и людьми практическими, людьми жизни, какъ въ средѣ общества, въ средѣ самихъ горожанъ-ремесленниковъ, такъ и въ сферахъ правительственныхъ—представителями государственной администраціи XVIII столѣтія, даже XVII. Такъ еще въ началѣ XVII вѣка, въ 1614 году, нѣкто Robert Miron, одинъ изъ представителей ремесленныхъ корпорацій во Франціи, внесъ въ собраніе d'Etats generaux докладъ, требовавшій уничтоженія цеховъ и признанія полной свободы ремеслъ [3]). Королевская власть

---

[1]) Авторъ извѣстной конституціи, написанной имъ для Екатерины II.

[2]) *Levasseur:* Hist. des cl. ouvr. en Fr. depuis la conq. de J. Cés. jusqu'a là revol. II. livre VII. ch III. *Englaender:* Gechichte der franz. arbeitcrassoc. I. 31.

[3]) *Englaender:* ibid. *Mascher* das deut. Gewerbev. 374.

во Франціи, лишь только успѣла выбраться изъ путъ феодальной системы, стала относиться къ цеховымъ учрежденіямъ далеко не дружелюбно и не изъ видовъ исключительно только политическихъ. Она не возставала еще прямо противъ самой идеи корпорацій ремесленниковъ, но она стремилась, подчинивъ ихъ собственному надзору, сдѣлать ихъ менѣе исключительными; устранить многія стѣснительныя правила и формальности, сильно тормозившія развитіе промышленой жизни. Уже Карлъ IX обратилъ вниманіе на многія злоупотребленія цеховъ и старался ихъ преслѣдовать, хотя и ограничивался при этомъ очень немногимъ, оставляя неприкосновеннымъ ихъ независимость и монополію [1]); Генрихъ III пошелъ далѣе: въ 1581 году онъ издаетъ ордонансъ, въ которомъ, не отрицая цеховъ въ корнѣ, стремится организовать ихъ такъ, чтобы они представляли собою учрежденія, менѣе замкнутыя, чтобы доступъ въ нихъ для ремесленниковъ былъ болѣе легокъ; чтобы всякаго рода злоупотребленія выборныхъ стали невозможны; послѣдней цѣли онъ думаетъ достигнуть, поставивъ цехи подъ непосредственный надзоръ королевской власти [2]). Генрихъ IV въ 1597 году подтвердилъ ордонансъ 1581 года. Въ XVII столѣтіи это отношенія королевской власти въ цехамъ постоянно растетъ. Если Кольберъ какъ будто уклоняется съ этого пути по отношенію къ цехамъ, то это объясняется его общимъ взглядомъ на развитіе ремесленной и мануфактурной промышленности путемъ строгой правительственной регламентаціи ея во всѣхъ мелочахъ: онъ видѣлъ въ цеховыхъ учрежденіяхъ отличное средство для проведенія своей системы такъ сказать во всѣ поры промышленной жизни; организовавъ цехи сообразно своимъ взглядамъ, онъ дѣлаетъ изъ нихъ отвѣтственныхъ исполнителей всѣхъ его мѣръ по отношенію къ промышленности [3]). XVIII столѣтіе произвело во Франціи такого государственаго дѣятеля какъ Тюрго, человѣка, во многомъ опередившаго свое время. Какъ публицистъ и политико-экономъ онъ принималъ за основной принципъ въ торговлѣ и промышленности полную свободу. Сдѣлавшись въ 1774 году министромъ Франціи, онъ не отказался отъ этой

---

[1]) *Levasseur:* ibid. 118—119.
[2]) *Ibid:* 119—122.
[3]) *Ibid.* 183—187.

идеи публициста. Само собою понятно, какъ онъ долженъ былъ отнестись къ такимъ явленіямъ, какъ цехи. Абсолютная свобода обмѣна и труда, принятая имъ за основаніе въ администраціи, не могла уживаться съ этимъ явленіемъ. Въ 1775 году весь Парижъ говоритъ о замыслахъ министра отдѣлаться отъ ремесленныхъ корпорацій, связывавшихъ его по рукамъ и ногамъ; дѣйствительно, сначала появляется въ свѣтъ брошюра, написанная однимъ изъ подчиненныхъ Тюрго (Bigot de Sainte Croix) по его внушенію, и разоблачавшая всю суть современныхъ цеховыхъ учрежденій. Брошюра была только предвѣстникомъ министерскаго эдикта, который и не замедлилъ появиться. Въ 1776 году появились шесть отдѣльныхъ эдиктовъ, имѣвшихъ цѣлью уничтоженіе нѣкоторыхъ феодальныхъ учрежденій тормозившихъ развитіе страны; одинъ изъ этихъ эдиктовъ уничтожалъ во всей Франціи цехи, за исключеніемъ, впрочемъ, четырехъ (цирюльниковъ, аптекарей, серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, и типографщиковъ и книгопродавцевъ), какъ явленіе несовмѣстимое съ развитіемъ торговли и промышленности. Съ этого времени всякій даже иностранецъ могъ совершенно свободно заниматься любымъ ремесломъ, въ любомъ мѣстѣ Франціи, лишь заявивъ правительству свое имя, мѣсто жительства и профессію и подчиняясь общимъ полицейскимъ установленіямъ [1]). Едва Тюрго былъ удаленъ отъ дѣлъ, какъ, въ томъ же 1776 году, цехи были возстановлены; на это былъ канунъ великой революціи во Франціи.

Подобное же отношеніе къ цехамъ мы видимъ со стороны верховной власти и въ Англіи, гдѣ королевская власть еще въ XV, даже XIV столѣтіи начинаетъ уже регулировать ремесленную промышленность, ограничивая самостоятельность цеховъ, борясь съ крайними проявленіями ихъ монополіи. Нѣкоторыя мѣры противъ злоупотребленій принимаетъ еще Эдуардъ II. Въ 1437 году Генрихъ VI издаетъ статутъ, которымъ запрещается цехамъ издавать какія-либо постановленія, могущія повести къ нарушенію королевскихъ правъ и ко вреду всего народа; всякое постановленіе цеха должно было отнынѣ, прежде чѣмъ появиться въ свѣтъ, быть одобреннымъ

---

[1]) *Ibid.* 387—396. *Englender.* I. 31.

и регистрированнымъ специальными судьями [1]). Въ началѣ XVI столѣтія этотъ статутъ возобновляется; каждое постановленіе цеха должно было идти на утвержденіе лорда канцлера, лорда казначея или королевскихъ судей [2]). Если политика королевской власти по отношенію къ цехамъ нѣсколько измѣняется въ смыслѣ благопріятномъ для нихъ, то это происходитъ подъ вліяніемъ чисто финансовыхъ причинъ: королевская власть обращается къ кошельку цеховъ; но это было явленіемъ временнымъ, за которымъ послѣдовало явленіе обратное; правительство отъ займовъ перешло почти къ насильственнымъ средствамъ добыванія денегъ отъ нихъ: выдаются патенты придворнымъ на право надзора за цехами; патенты перепродаются. Въ XVII и началѣ XVIII вѣка цехи въ Англіи, по выраженію Брентано, сдѣлались предметомъ всеобщаго презрѣнія и ненависти.

Ремесленные цехи германскихъ городовъ, послужившіе образцомъ при учрежденіи цеховъ въ Россіи, возбуждали не лучшія отношенія къ себѣ, въ періодъ введенія ихъ у насъ, какъ въ обществѣ, такъ и въ правительствахъ. И здѣсь XVII и XVIII вѣка, были временемъ ихъ паденія, начавшагося со времени ихъ побѣды и утвержденія рѣшительнаго преобладанія въ политическомъ строѣ городовъ. На Шпейерскомъ сеймѣ 1510 года имперскіе города Германіи жалуются императору на вредъ, приносимый городскому населенію цехами и просятъ его объ уничтоженіи ихъ. Собранные въ томъ же году «сословія» австрійскихъ земель точно также жаловались, что цеховыя вольности и льготы наносятъ страшный «вредъ общему благу», вслѣдствіе этой послѣдней жалобы императоръ Фердинандъ I лишилъ всѣ цехи въ Австріи ихъ независимой автономіи, подчинивъ ихъ верховной власти, которая и издаетъ съ этого времени узаконенія, опредѣляющія отношенія цеховъ къ обществу, мастеровъ къ подмастерьямъ [3]). Съ этого времени начинается цѣлый рядъ полицейскихъ узаконеній, издаваемыхъ имперской властью съ цѣлью ограниченія злоупотребленій цеховъ [4]). Ученіе француз-

---

[1]) *Brentano:* Zur Gesch. d. engl. Gewerbvereine. 61.

[2]) *Ibid.* 70.

[3]) *Mascher:* das deutsche Gewerbewesen. 313—314.

[4]) Reichspolizei-Ordnungen: 1530 г. tit. 39; 1548, tit. 36 и 37, 1551, § 83 и 84; 1559, §§ 75—80, 1566, § 78; 1570, § 152; 1577, tit. 15, 37 и

ской школы политико-экономовъ начала XVIII столѣтія проникли и въ Германію; движеніе, если можно такъ выразиться, антицеховое усилилось и цехи подъ вліяніемъ его и абсолютизма окончательно измѣняютъ свой характеръ; внѣшнимъ проявленіемъ, какъ справедливо замѣчаетъ Машеръ, усиленія этого направленія былъ новый рядъ полицейскихъ узаконеній верховной власти, касающихся цеховъ, регулирующихъ отношенія членовъ этихъ обществъ и преслѣдующихъ ихъ злоупотребленія. Императоръ Леопольдъ I издаетъ инструкцію для вновь учрежденнаго имъ Коммерцъ-Коллегіума, въ которой рекомендуетъ новому учрежденію слѣдить за проявленіемъ въ цехахъ вреднаго духа монополій и употреблять всѣ средства къ его уничтоженію. Самая инструкція составлена подъ вліяніемъ доктора *Бехера*, перваго нѣмецкаго экономиста; этотъ ученый видѣлъ въ цехахъ своего времени ничто иное какъ самое гнусное злоупотребленіе и не отрицая ихъ вовсе, требовалъ ихъ реорганизаціи путемъ правительственно-полицейской регламентаціи [1]). Съ распространеніемъ ученія школы Кэне и политико-экономическихъ взглядовъ Тюрго, нападенія верховной власти въ Германіи на цехи сдѣлались гораздо смѣлѣе и рѣшительнѣе: еще Карлъ VI австрійскій допускалъ образованіе цеховъ только съ разрѣшенія правительства. Марія Терезія запрещаетъ съ 1755 году вновь возникающимъ ремесламъ складываться въ форму цеховъ. Но дальше этого антицеховое направленіе Германіи не пошло въ теченіе XVIII вѣка. Цеховое право вошло во «всеобщее прусское земское право», выработанное въ концѣ XVIII столѣтія Фридрихомъ II; хотя при составленіи этого Уложенія и поставленъ былъ вопросъ объ уничтоженіи цеховъ [2]); цехи пали въ Германіи уже въ XIX столѣтіи. Это нѣсколько запоздавшее, въ сравненіи, напр. съ Франціей, паденіе ихъ въ Германіи объясняется съ одной стороны наибольшей степенью могущества, достигнутаго цехами въ этой странѣ, съ другой большимъ безсиліемъ ея верховной власти, гораздо долѣе остававшейся въ путахъ феодальной системы.

Изъ этого бѣглаго очерка видно, что въ то время, когда въ

38; 1594, §§ 125—127; 1731, § 106. *Brentano.* 276, пр. 292. *Mascher.* 314—318.

[1]) *Mascher.* 361—370.

[2]) *Ibid.* 385.

Россіи заботятся о введеніи цеховой организаціи ремеслъ съ цѣлью ихъ развитія и поощренія, въ Европѣ эту организацію почти вездѣ преслѣдуютъ какъ тормазъ этого развитія, какъ остатки феодальнаго строя. И если еще терпятъ въ нѣкоторыхъ государствахъ, то терпятъ какъ зло, которое не по силамъ вырвать съ корнемъ. Откудажъ однако это заблужденіе такихъ людей, какъ Кольберъ, Петръ Великій и Екатерина II; почему они находили въ цехахъ средство къ развитію торгово-промышленной жизни государства, если ихъ надлежаще регламентировать? Отвѣтъ на этотъ вопросъ лежитъ въ историческомъ прошломъ цеховъ, которое играло громадную роль не только по отношенію въ торговлѣ и промышленности, какъ мы видѣли, но и по отношенію къ общественно-государственной жизни вообще, до тѣхъ поръ пока они были живымъ явленіемъ этой жизни.

ГЛАВА III.

Цехи въ западной Европѣ.

Отвѣтить на вопросъ, что такое цехъ вообще, точной формулой невозможно: какъ всякое явленіе соціальной жизни, онъ съ момента появленія своего и до момента смерти постоянно видоизмѣнялся; давъ теоретическое, отвлеченное опредѣленіе цеха, мы, въ сущности, дадимъ опредѣленіе его въ какой-нибудь отдѣльный моментъ его исторической жизни, слѣдовательно, составимъ совершенно ложное понятіе о немъ во всѣ остальные моменты его существованія, кромѣ даннаго. Чтобы составить ясное и дѣйствительно точное понятіе о цехѣ, нужно прослѣдить его значеніе во всѣ періоды его исторической жизни.

Разумѣя подъ цехомъ или гильдіей просто свободное общество людей, занимающихся тѣмъ или инымъ видомъ промышленности—торговой или ремесленной, eo ipso придется отнести происхожденіе, возникновеніе этого явленія общественной жизни къ извѣстной эпохи развитія, состоянія этой жизни [1]). Та-

[1]) Предлагаемые нѣсколько словъ о развитіи цеховъ въ зап. Европѣ есть результатъ ознакомленія съ ихъ исторіей по слѣдующимъ сочиненіямъ:

кою эпохою необходимо должна быть эпоха народа, когда онъ стоитъ на такой ступени цивилизаціи, что матеріальныя потребности его, достигаютъ извѣстной степени развитія и когда отдѣльныя общественныя группы находятся въ такомъ отношеніи другъ къ другу, при которомъ возможно существованіе свободнаго класса промышленниковъ. Такою эпохою слѣдуетъ считать въ западной Европѣ конецъ XI и начало XII ст., время развитія городовъ и промышленности. Только въ это время можно говорить о появленіи свободныхъ промышленниковъ, явившихся на смѣну промышленникамъ рабамъ, несвободные союзы которыхъ не могли имѣть, кромѣ развѣ формы, ничего общаго съ свободными цехами. Цехи берутъ свое начало, говоря языкомъ извѣстнаго изслѣдователя Вильды, не въ періодъ несвободнаго состоянія ремесленнаго состоянія, а въ періодъ полной свободы его. Свобода—источникъ цеха. Вотъ почему сначала ихъ нельзя искать, какъ это дѣлаютъ романисты, «въ остаткахъ» древней римской цивилизаціи, выработавшей свои collegia officium, покоившіяся на началѣ подчиненности, если не частной, то государственной. Западно-европейскій цехъ явился результатомъ борьбы двухъ великихъ началъ средневѣковой жизни: духа общности, духа единенія съ духомъ суровой индивидуальности. Цехъ — одна изъ формъ общественно-политической жизни, въ которую вылились взаимныя отношенія этихъ двухъ началъ. Въ нихъ начало общности одерживаетъ верхъ.

Цехи въ запад. Европѣ явились, если можно такъ выразиться, сред-

---

Wilda: das Gildewesen im Mittellatr. 329 — 330; 332; 337 — 338; 46 — 48 и 333 — 335; 322. *Maurer*: Gesch. der Staedteverf. in Deutsl. II. 321—330; 355; 357—360; 363; 381; 393—399; 412; 447—448; 403—409; 345—354; 415—420; 376; 459—462; 451; 436. *Otto Gierke:* das deutsche Genossench. I. 223 — 228. 244 — 45; 249; 359; 361; 368, 370; 388 — 389; 397; 398; 372. п. 63; 376 пр. 81; 399 и пр. 192; 401 — 404; 405. *Arnold:* Verfassungs-Geschichte der deutsch. Freistaedte. I. 250—251. *Mascher*: das Gewerbewesen. 81; 60; 20—25; 145—146; 392—411. *Julio Brentáno:* Zur Geschichte der engl. Gewerkv: 36—37; 40; 50—54; 58; 47; прим. 192; 59; 62; 72. *Lévasseur:* Hist. des clas. ouvr. en Fr. dep. la Conq. de Jules Cés. jusqu'à la revol. I. 192—194; 1—78; 226—27; 241—246; 464—465; 350; 233—234; 456—457. 468; 501. II. 95—97; 89; 83—88. *Hegel:* Gesch. der Staedtverf. in Italien. I. 53 — 57. *Em. Laurent:* 123—127.

ствомъ общественной самозащиты, средствомъ выдти изъ того беззащитнаго состоянія, въ которомъ оказалось торгово-промышленное сословіе въ періодъ отсутствія прочной общественной власти, власти на столько сильной, чтобы держать всѣ общественные элементы въ равновѣсіи. Ремесленникамъ предстояло одно изъ двухъ: или стать подъ защиту какого-либо, достаточно сильнаго, патрона что нѣкоторые и сдѣлали, или же соединиться, сплотиться въ свободныя самостоятельныя общины; къ послѣднему средству прибѣгло большинство ремесленниковъ и вообще промышленниковъ, а впослѣдствіи и всѣ. Цѣль обусловливаетъ характеръ средствъ. Вотъ почему первоначальные цехи *не могли быть* союзами исключительно ремесленными: они не могли игнорировать ни одного изъ тѣхъ общечеловѣческихъ и гражданскихъ правъ, для защиты которыхъ они образовались; они не могли игнорировать ни одной изъ сторонъ, въ которой проявлялись эти права. Вотъ почему цехи *обнимали собою*, какъ выражается Гирке, «*всего человѣка*». Ихъ первоначальное назначеніе—достиженіе всѣхъ человѣческихъ цѣлей, въ то время сознанныхъ. Этотъ союзъ носилъ характеръ промышленный, религіозно-нравственный, юридическій и даже политическій. Понятно тѣмъ не менѣе, что сторона промышленная преобладала надъ всѣми остальными.

Характеръ взаимныхъ отношеній членовъ первоначальныхъ цеховъ обусловливался точно также характеромъ цѣли, ради которой они образовались. Это были союзы *равныхъ* между собою людей [1]) и притомъ *свободныхъ*, — людей, занимающихся тѣмъ или инымъ промысломъ. Кромѣ цѣли союзной самозащиты, такъ сказать союзнаго существованія, первоначальный цехъ не имѣлъ никакой другой цѣли. Въ составъ первоначальнаго цеха могъ вступить всякій свободный ремесленникъ, принеся при вступленіи клятву помогать товарищамъ, защищать ихъ, соблюдать постановленія цеха; или какъ выражается одинъ изъ цеховыхъ статутовъ, «радость и горе дѣлить» со своими товарищами по цеху. Нѣтъ ничего страннаго, если уже и статуты первоначальныхъ цеховъ ставятъ однимъ изъ главныхъ требованій отъ членовъ цеха—строгое соблюденіе извѣстныхъ нравственныхъ правилъ по отношенію къ ремесленному производству, которое—источникъ матеріальнаго существованія цеха,

---

[1]) Отсюда и названіе ихъ—fraternitas, unanimitas, Bruderschaft и т. п.

источникъ тѣхъ или другихъ отношеній къ нему потребителей. Изъ этого требованія логически вытекала необходимость извѣстной регламентаціи цеховыми статутами ремесленнаго производства, тѣ или другія ограниченія свободы вступленія въ составъ цеха. Отсюда требованія отъ вступающаго въ цехъ извѣстныхъ нравственныхъ качествъ,—отсюда же, установленіе опредѣленнаго срока обученія ремеслу, обусловливаемаго большей или меньшей сложностью послѣдняго.

Состоянія, средняго между состояніемъ ученика и самостоятельнаго члена цеха—хозяина мастера—за этотъ періодъ, можно сказать съ большой вѣроятностью, не существовало. Иначе, почему въ цеховыхъ статутахъ до XIV вѣка, почти ничего не говорится объ этомъ состояніи? По этому, въ теченіи перваго періода исторіи цеховъ, ученикъ, кончившій съ успѣхомъ свой искусъ и оставшійся незапятнаннымъ, вступалъ въ составъ цеха въ качествѣ самостоятельнаго члена его. Самое вступленіе въ цехъ за этотъ періодъ было совершенно доступно всякому честному и знающему свое дѣло ремесленнику; число членовъ цеха еще не ограничено: къ этому не было причинъ: число рабочихъ ремесленныхъ рукъ не было еще велико, чтобы можно было бояться чрезмѣрнаго наплыва ихъ. Понятно, что въ этотъ періодъ времени собственные интересы каждаго ремесленника заставляли его входить въ составъ цеха; о принудительномъ вступленіи едва-ли могла быть рѣчь. Но съ того времени, какъ цехъ признавался городскою властью за институтъ общественнаго права, выражаясь словами Отто Гирке, съ этого времени каждый ремесленникъ получаетъ отъ общества право на производство даннаго ремесла лишь чрезъ посредство цеха, который съ этого времени начинаетъ пользоваться правомъ принужденія относительно своихъ членовъ. Онъ обязываетъ каждаго ремесленника вступать въ цехъ, дабы такимъ образомъ, подвергнуть его ремесленному надзору. Лишь пользуясь этимъ правомъ и могъ каждый цехъ охранять честь своего ремесла. Въ этой-то цеховой ремесленной чести и только въ ней одной, нужно искать причину тѣхъ ограниченій свободы занятія ремесломъ, съ которыми мы встрѣчаемся за это время въ цеховыхъ статутахъ. Все эти ограниченія имѣютъ въ виду лишь поддержку добросовѣстности въ отношеніяхъ между производителемъ и потребителемъ.

Эта же честь — причина того, такъ сказать, нравственнаго надзора, правомъ котораго пользуется цехъ этого періода надъ своими членами.

Какъ бытовой союзъ, имѣвшій свои особые интересы, пользующійся правомъ самостоятельнаго завѣдыванія этими интересами защиты ихъ собственными силами, цехъ, уже и въ первый періодъ своего существованія, долженъ былъ имѣть и дѣйствительно имѣлъ политическое значеніе, которое къ XV вѣку не замедлило перейдти въ политическое господство.

Пользуясь правомъ самостоятельной регламентаціи относительно своихъ собственныхъ внутреннихъ дѣлъ, цехъ eo ipso долженъ былъ имѣть право суда и расправы надъ нарушителями своихъ статутовъ. Отсюда — такъ называемая Zunftgerichtsbarkeit. Судебная автономія цеха, также стара, справедливо замѣчаетъ, Мауреръ, какъ самый цехъ. Являясь такимъ, совершенно самостоятельнымъ, цѣлымъ, цехъ не переставалъ, однако, быть въ тоже время составною частью другаго цѣлаго — города, интересы котораго не были и не могли быть ему совершенно чуждыми. Компетенція верховной власти города простиралась и на цехи, самое существованіе которыхъ, какъ общественныхъ учрежденій, стояло въ тѣсной зависимости отъ ней: выработываясь de facto совершенно самостоятельно, самою такъ сказать жизнью, de jure цехъ обращался въ общественный политическій союзъ лишь съ того момента, какъ получалъ юридическую санкцію городской власти. Со времени полученія этой санкціи цехъ обращался въ общину, облеченную извѣстными общественно-политическими правами и обязанностями. Заботы объ общественно-городской чести, пользѣ (pro honore et utilitate) не чужды и цехамъ. На нихъ лежитъ въ силу этого и право — обязанность вооруженной защиты, какъ внутренной, такъ и внѣшней безопасности города. Играя такую роль въ общественно-городской жизни, цехи не могли, постепенно развиваясь, помириться съ тѣмъ политическимъ значеніемъ, которыми они пользуются въ первое время своего существованія. Мы видѣли во введеніи, что въ XV столѣтіи цехи обращаются изъ общественныхъ союзовъ, общинъ, въ которыхъ преобладалъ экономическій, ремесленный характеръ, въ корпораціи, въ которыхъ политическіе интересы поглощаютъ всѣ остальные, въ корпораціи, въ рукахъ которыхъ сосредоточивается власть надъ цѣлымъ городомъ.

Съ этого момента самый характеръ всѣхъ цеховыхъ учрежденій измѣнился совершенно: они обратились въ учрежденія по преимуществу политическія. Какъ союзы ремесленные, они проникаются духомъ исключительной монополіи. Всѣ общественно-цеховыя должности обращаются въ монополію нѣсколькихъ родовъ, образовавшихъ собою, если можно такъ выразиться, цеховую аристократію. Эта цеховая аристократія—аристократія капитала, а не труда, явилась въ общественно-городскомъ строѣ на смѣну, какъ мы видѣли, поземельной аристократіи. Какимъ же образомъ первоначальный цехъ, этотъ союзъ равноправныхъ и свободныхъ членовъ ремесленниковъ могъ выдѣлить изъ себя денежную аристократію, могъ повести къ полному разъединенію представителей труда и капитала? Это было результатомъ естественно историческаго хода вещей. Въ самый моментъ основанія цѣлью цеха не было образовать общину совмѣстнаго труда или капитала. Его цѣлью было образовать общество самозащиты, котсрое не замедлило перейдти въ общество борьбы; члены цеха слагались не трудомъ и не капиталомъ, а, если можно такъ выразиться, силой. Онъ сложился въ юридическое лицо, обладавшее, какъ таковое, особою собственностью, совершенно отличною отъ частной, какъ отдѣльнаго лица, такъ и частно-общинной—condominium.

Въ періодъ самаго возникновенія цеха въ немъ лежала въ зародышѣ, въ возможности, та организація, въ которую онъ впослѣдствіи вылился. Каждый отдѣльный членъ цеха является, какъ ремесленникъ, совершенно независимымъ производителемъ отъ всякаго другаго члена. Его заработокъ обусловливается исключительно тѣмъ количествомъ времени, труда и способности, которыя онъ полагаетъ на работу. Вся солидарность членовъ цеха между собою относительно ремесленнаго производства обусловливается лишь фактомъ общаго подчиненія всѣхъ ихъ опредѣленіямъ цеховыхъ статутовъ, опредѣленіямъ, касающимся качества работы и количества вознагражденія за нее. Только въ очень немногихъ цехахъ солидарность эта пошла нѣсколько глубже: статуты нѣкоторыхъ цеховъ опредѣляли, что сырые матеріалы, необходимые для производства, должны быть покупаемы всѣми членами цеха сообща и потомъ дѣлимы пропорціонально той суммѣ, которую внесъ каждый на покупку. Дальше этого экономическая общность, солидарность отдѣль-

ныхъ членовъ цеха уже не шла. Взаимная помощь другъ другу или помощь отдѣльному члену со стороны цѣлаго цеха, какъ юридическаго лица, изъ цеховой кассы—не увеличивали этой солидарности они покоились совершенно на иномъ началѣ, на началѣ христіанской филантропіи. Каждый потребитель имѣлъ дѣло не съ цехомъ, а съ отдѣльнымъ членомъ его, котораго цехъ подвергалъ взысканію, по просьбѣ потребителя, лишь въ случаѣ отступленія перваго отъ постановленій цеховаго статута.

Отсюда вытекаетъ само собою положеніе, что объ экономическомъ равенствѣ членовъ цеха не можетъ быть и рѣчи. Оно существовало въ извѣстной степени въ періодъ образованія цеховъ de facto, пока каждое производство стояло на степени рукомесла, когда ремесленнику нужны были лишь здоровыя, дѣльныя руки, когда каждый ремесленникъ работалъ лишь самъ на себя.

Съ достиженіемъ ремесленнаго производства извѣстной степени развитія, съ усложненіемъ его, требовавшимъ отъ каждаго, желавшаго заняться имъ, извѣстнаго времени на обученіе: съ появленіемъ учениковъ фактическое равенство между членами цеха исчезаетъ. Ученики играютъ важную роль въ хозяйствѣ ремесленника; сравнительно лишь не долгое время спустя они дѣлаются уже производительными членами семьи мастера; отсюда число учениковъ играетъ большую роль въ хозяйствѣ мастера. Имѣвшій большее число ихъ больше производилъ: оборотный капиталъ его увеличивался, и онъ выдѣлялся изъ массы остальныхъ членовъ цеха [1]). Постепенное усложненіе, усовершенствованіе ремеслъ, обращеніе рукомесла въ фабричное производство требуютъ уже отъ производителя затраты значительнаго капитала, чтобъ заняться извѣстнымъ производствомъ. Такой капиталъ можетъ найтись лишь у меньшинства: большинство должно было заниматься производствомъ несамостоятельно: — образуется особый классъ несостоятельныхъ ремесленниковъ, которымъ оставался двоякій исходъ: или составить товарищество, артель, или же идти въ работники къ состоятельнымъ членамъ цеха. Прежде, чѣмъ успѣла, въ средѣ этого рода промышленниковъ, выработаться мысль о союзѣ, цехъ обратился

---

[1]) Въ виду этого цеховые статуты устанавливали извѣстный maximum числа учениковъ, которыхъ могъ содержать хозяинъ.

въ замкнутое общество, считавшее занятіе ремесломъ своимъ исключительно правомъ. Молодому, слагавшемуся союзу, пришлось бы бороться съ врагомъ несокрушимымъ. Самая мысль о подобнаго рода союзѣ едва-ли могла явиться вообще въ средніе вѣка. Естественнымъ результатомъ является особый классъ ремесленниковъ, несамостоятельныхъ членовъ цеха, классъ такъ называемыхъ подмастерьевъ, классъ, не пользующійся никакими правами. Контингентъ этого рода промышленниковъ содержалъ въ себѣ будущихъ самостоятельныхъ членовъ цеха. Цехъ, достигши политической власти въ городѣ и стремясь ее сохранить, чувствуетъ, что единственное средство къ этому—экономическое благосостояніе. Онъ употребляетъ всѣ свои силы къ сохраненію и развитію этого благосостоянія.

Вотъ почему правъ Мауреръ, по мнѣнію котораго время высшаго процвѣтанія могущества цеховъ, есть время ихъ паденія. Дѣйствительно, съ XIV столѣтія, времени побѣды цеховъ, въ ихъ борьбѣ съ древними родами, поземельною аристократіею, цехи обращаются въ замкнутое цѣлое, объявившее занятіе ремесломъ своимъ монопольнымъ правомъ. Это было такъ легко сдѣлать. Давно уже общественныя цеховыя должности перешли въ руки немногихъ семействъ, въ руки цеховой аристократіи. Теперь владѣвшіе цеховыми должностями обратились въ представителей городской власти. Въ періодъ первоначальнаго развитія цеховъ самое право принадленности къ нимъ было только личнымъ правомъ, правомъ связаннымъ только съ опредѣленной личностью; объ отчуждаемости и дѣлимости этого права не могло быть и рѣчи. Съ XIV столѣтія все измѣняется. Право принадлежности къ цеху дѣлается частнымъ правомъ тѣхъ лицъ, которыя принадлежали въ это время къ цеху и которыя ревниво охраняютъ это право отъ нарушенія. Это право дѣлается наслѣдственнымъ — переходитъ отъ отца къ сыну, даже къ дочери. Это съ одной стороны; съ другой доступъ въ цехъ новыхъ, постороннихъ людей дѣлается въ высшей степени труднымъ. Нѣкоторые цехи прямо никого не допускали въ свою среду кромѣ родственниковъ и свойственниковъ, уже входящихъ въ составъ цеха. Большинство цеховъ всякими средствами затрудняло доступъ въ ихъ составъ. Ученическій срокъ возросъ, трудно повѣрить, до 12 лѣтъ. Вступленіе въ состояніе подмастерья затруд.

нялось необходимостью соблюденія такихъ условій, удовлетворить которымъ могъ далеко не всякій, кончившій ученическій искусъ. Подмастерье могъ стать самостоятельнымъ членомъ цеха лишь послѣ долгаго, страшно тяжкаго искуса, требовавшаго не только времени и способности, но и денегъ. Послѣднее обстоятельство и закрывало двери цеха для большинства желающихъ поступить въ него [1]). Деньги требовались не на одно только производство образца, но и для взноса въ цехъ (pour l'entretien du cierge во Франціи); сумма этого взноса достигала солидныхъ размѣровъ. Вступавшій долженъ былъ оплатить, кромѣ того трудъ своихъ экзаменаторовъ и наконецъ задать имъ пиръ. Все это имѣло мѣсто и до XIV вѣка; но все это совершалось въ иныхъ размѣрахъ, въ силу того, что совершалось ради иныхъ цѣлей.—Такъ называемый Zunftzwang, право принуждать всякаго ремесленника войти въ составъ цеха, имѣвшій мѣсто и до XIV ст., теперь обращается точно также въ орудіе монополіи. Въ началѣ развитія цеховъ это право выражалось въ томъ, что цехъ требовалъ, чтобы всякій ремесленникъ подъ страхомъ лишенія права заниматься своимъ ремесломъ, принадлежалъ къ цеху; при этомъ, вступить въ цехъ могъ, какъ мы видѣли, всякій ремесленникъ. Теперь же заниматься ремесломъ могъ точно также только принадлежащій къ цеху, но доступъ въ цехъ, въ качествѣ самостоятельнаго члена, дѣлается почти невозможнымъ.

Такимъ образомъ, цехъ—естественное явленіе феодальнаго міра, достигаетъ своего крайняго развитія, не измѣняя въ корнѣ тѣхъ началъ, которыя легли въ него при его основаніи. Онъ достигаетъ этого развитія уже въ то время, когда появляются на сцену новые элементы общественной жизни. Цехъ ведетъ упорную борьбу съ этими элементами, пока стаетъ его силъ. Въ концѣ концевъ онъ долженъ былъ пойти на уступки передъ новымъ началомъ.

Сословіе подмастерьевъ все растетъ и становится грознымъ явле-

---

[1]) Чтобы получить право на вступленіе въ цехъ, подмастерье сначала долженъ былъ пространствовать нѣсколько лѣтъ по чужимъ городамъ. Послѣ этого отъ него требовали образецъ работы, на который необходимо было убить массу времени и денегъ, такъ какъ для образца Комиссія избирала вещи, производство которыхъ стоило очень дорого и которые не могли имѣть сбыта, какъ вещи не имѣющія никакого значенія въ обыденной жизни.

ніемъ, какъ сила массы, притомъ организованной въ союзы, обладавшіе автономіей относительно внутреннихъ, частныхъ дѣлъ. Союзы крѣпнутъ, и составляютъ силу, съ которой цехамъ рано или поздно придется вѣдаться, такъ какъ интересы этихъ союзовъ діаметрально противоположны цеховымъ. Борьба неизбѣжна. Союзы отдѣльныхъ городовъ, будучи явленіемъ общественно-экономической жизни, санкціонированнымъ закономъ, начинаютъ, благодаря сильному развитію обычая странствованія подмастерьевъ, сливаться одни съ другими въ союзы, такъ сказать, втораго порядка. Союзы эти уже выливаются въ формы тайныхъ, организація которыхъ содержитъ въ себѣ много таинственнаго, мало вяжущагося съ самымъ дѣломъ. Но и эти союзы не были союзами, покоящимися на началѣ чисто экономическомъ. Они не могли быть таковыми, потому что ни одинъ изъ членовъ его не обладалъ правомъ на самостоятельное занятіе ремесломъ; волей неволей они должны были представлять собою общества почти исключительно политическія, общества — цѣль которыхъ—добыть себѣ право на самостоятельное занятіе ремесломъ; средства для достиженія этой цѣли рабочія общества не могли видѣть ни въ чемъ иномъ, какъ только въ борьбѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Эта борьба была неизбѣжна. Цехи дешево не уступили бы то, что они считали своимъ исключительнымъ правомъ.

Отживавшимъ цехамъ приходилось вести борьбу не съ однимъ этимъ явленіемъ. Имъ грозила опасность и съ другой стороны. Постепенное развитіе новыхъ потребностей ведетъ за собою возникновеніе новыхъ видовъ промышленности, которые уже трудно подогнать подъ формы старыхъ. Уже существовавшіе виды промысловъ, благодаря техническимъ усовершенствованіямъ, ведутъ къ раздѣленію одного промысла на нѣсколько отдѣльныхъ. Начало раздѣленія труда идетъ объ руку съ этими усовершенствованіями. Старые цехи становятся въ открытую борьбу съ этими явленіями: они видятъ въ нихъ нарушеніе своихъ монопольныхъ правъ. Воюя съ тѣмъ и другимъ изъ этихъ явленій, цехи воевали въ сущности съ прогрессомъ ремесленной промышленности, а вмѣстѣ съ этимъ и вообще съ прогрессомъ общественно-государственной жизни.

Усиливавшаяся верховная власть не могла равнодушно, индиферентно относиться къ цехамъ съ ихъ привилегіями и монопольной замкнутостью. Она не могла мириться съ ними не только какъ

съ фактомъ, враждебнымъ движенію общественно-государственной жизни вообще, но и какъ съ явленіемъ, становящимся поперегъ дороги относительно ей самой. Она не могла мириться съ этимъ явленіемъ, какъ однимъ изъ крупныхъ наслѣдій отъ враждебнаго ей феодальнаго міра. Вотъ почему верховная власть, повсюду въ Западной Европѣ ведетъ борьбу съ цехами, стремясь сломить ихъ не столько какъ экономическіе союзы, сколько какъ политическія общества. Она стремится уничтожить ихъ политическую самостоятельность; сдѣлать ихъ въ своихъ рукахъ уже не тормазомъ, а орудіемъ развитія промышленности, поставивъ ихъ подъ свой надзоръ и регламентируя въ извѣстномъ направленіи, тѣмъ самымъ лишивъ ихъ и промышленной, если можно такъ выразиться, автономіи.

Вотъ почему въ XVIII вѣкѣ, когда верховная власть достигла апогея своего развитія и когда цехи переносятся въ Россію — они далеко уже не представляютъ того, что представляли собою въ эпоху наибольшаго могущества своего. До полной свободы промышленности еще далеко, но цехи, подъ вліяніемъ правительственной опеки и регламентаціи, въ значительной степени теряютъ духъ замкнутости, монопольной исключительности.

Понятно само собою, что о политическихъ правахъ цеховъ теперь уже не можетъ быть и рѣчи. Ихъ образованіе, реорганизація, даже прекращеніе существованія—зависятъ отъ верховной государственной власти. Цеховыя собранія состоятъ подъ надзоромъ этой власти. Всѣ цеховыя должностныя лица утверждаются ею. Внутренняя дѣятельность цеховъ, какъ законодательная, такъ и административная съ судебной — подъ непосредственнымъ наблюденіемъ государственной власти. Всякое постановленіе и распоряженіе цеха требуетъ, для обращенія въ частный законъ, санкціи верховной власти. Даже распоряженіе цеховою общественною собственностью стоитъ теперь въ зависимости отъ верховной власти.

Въ силу всего этого самый строй цеха, его внутренняя организація значительно измѣняются, хотя, разумѣется, не въ корнѣ; такъ какъ правительства XVIII ст. видятъ въ этой организаціи средство къ развитію промышленности. Прежде всего измѣняются нѣсколько отношенія мастеровъ-хозяевъ, какъ самостоятельныхъ членовъ цеха, къ ихъ ученикамъ и подмастерьямъ: болѣе или менѣе устраняются

вопіющія злоупотребленія первыхъ относительно послѣднихъ. Доступъ въ члены цеха облегчается, хотя и не дѣлается вполнѣ свободнымъ. Право принадлежности къ цеху обращается изъ частнаго снова въ общественное.

Самый Zunftzwang нѣсколько смягчается, хотя и не путемъ ограниченія понятія его вообще, а путемъ всевозможныхъ исключеній и привилегій, выдаваемыхъ верховною властью извѣстнымъ лицамъ на внѣцеховое, если можно такъ выразиться, производство даннаго ремесла. Эти привилегированные ремесленники образуютъ классъ свободныхъ мастеровъ—Freimeister.

Понятно, что все это — только ограниченія злоупотребленій; но эти ограниченія—зародышъ будущей свободы ремеслъ. Они подтачиваютъ, хотя и не особенно быстро, корень средневѣковой организаціи промышленности, и кладутъ основаніе ея новой организаціи.

Въ этомъ-то періодѣ своего развитія цехи переносятся Петромъ въ Россію. Екатерина II развиваетъ внесенное ея предкомъ, и цехи являются въ жизни нашихъ городовъ фактомъ, если и не имѣющимъ внутренней исторіи за собой, то во всякомъ случаѣ имѣющимъ полуторастолѣтній періодъ существованія. Отживъ фактически цехи живутъ до настоящаго времени юридически. Вотъ почему едвали можно игнорировать ихъ, говоря объ устройствѣ городовъ.

ГЛАВА IV.

Русскія артели.

Говоря, что Петръ Великій переноситъ на русскую почву чуждыя ей цеховыя учрежденія западно-европейскаго торгово-промышленнаго населенія, я высказываю взглядъ на цехи не всѣхъ, а только большинства, хотя, впрочемъ, очень солиднаго, нашихъ ученыхъ. Извѣстный московскій ученый, профессоръ Лешковъ, въ законодательствѣ Петра о цехахъ видитъ ничто иное, какъ только «болѣе ясное и точное опредѣленіе закономъ» того, что издавна существовало, по обычаю, въ русскомъ народѣ; цеховая организація Петра Великаго въ глазахъ этого ученаго есть ничто иное какъ регулированіе древняго корпоративнаго устройства рус-

скаго промысла и торговли, вылившагося въ форму дружины и артели, которыя, по его мнѣнію, и есть цехи западно-европейскихъ ремесленниковъ [1]). Въ мнѣніи заслуженнаго профессора справедливо лишь то, что **нѣкоторые** виды промышленности уже издавна дѣйствительно организовались на союзномъ началѣ. Были ли эти союзы ремесленниковъ древней Россіи совершенно однородными явленіями общественно-промышленной жизни съ западно-европейскими цехами, были ли наши **дружины** и **артели** ремесленниковъ ничѣмъ инымъ какъ **цехами**; есть ли законодательство Петра о цехахъ простая регламентація обычнаго артельнаго устройства, отвѣтъ на это вытечетъ самъ собою изъ нѣкотораго, хотя бы и поверхностнаго, знакомства съ артельной организаціей и ея сравненія съ цеховымъ устройствомъ.

Фактъ существованія ремесленно-промышленныхъ **ватагъ**, **артелей** въ древней Россіи—фактъ прочно установленный въ нашей ученой литературѣ, какъ основанный на точныхъ историческихъ данныхъ. Далеко не въ такомъ положеніи находится вопросъ о **сущности** этихъ ватагъ и артелей, объ ихъ организаціи; дошедшія до насъ данныя объ этой сторонѣ вопроса слишкомъ скудны; но ихъ, мнѣ кажется, совершенно достаточно для того, чтобы заключить, что древнія ватаги и артели покоились совершенно на томъ же началѣ, на какомъ строятся **обычныя**, народныя (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) артели настоящаго времени, имѣющія приложеніе во многихъ изъ нашихъ такъ называемыхъ **отхожихъ** промыслахъ. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства въ тѣхъ немногихъ словахъ, которыя мнѣ придется сказать о русскомъ артель-

---

[1]) Историч. очеркъ древн. рус. законодательства о ремесленной и заводской промышленности. „**Москвитянинъ**“ 1852 г. т. VI, № 23, стр. 12, 13 и 7. *Его же*. Русскій нар. и гос. 366—368. Ремесленная корпорація, общины или **цехи** существовали въ Россіи говоритъ г. Лешковъ, съ самыхъ древнихъ временъ. Какъ доказательство этого факта онъ приводитъ извѣстіе отъ XIV ст. Новгородской лѣтописи о томъ, что одна изъ новгородскихъ церквей росписана была грекомъ Исаемъ „**съ други**“; въ этихъ древне-русскихъ ремесленныхъ корпораціяхъ, нашъ ученый видитъ цехи въ силу того, что члены ихъ распадались на **старѣйшинъ** и **дружину** собственно. При этомъ, онъ замѣчаетъ однако, что принудительный характеръ западно-европейскихъ цеховъ былъ совершенно чуждъ нашимъ, *Ibid*.

номъ началѣ, я буду основываться одинаково, какъ на данныхъ, дошедшихъ до насъ отъ древняго періода нашей исторіи, такъ и на данныхъ, которыя мы имѣемъ о настоящемъ состояніи нашихъ артелей.

Нашъ извѣстный изслѣдователь по исторіи русскаго права, г. Калачовъ, начинаетъ свою небольшую статью объ артеляхъ древней и нынѣшней Россіи [1]) слѣдующими словами: «артель въ смыслѣ товарищества нѣсколькихъ лицъ, соединяющихся своими капиталами и трудомъ или только послѣднимъ для какой нибудь работы, промысла или предпріятія и вслѣдствіе этого отвѣчающихъ другъ за друга, есть явленіе глубокой древности» [2]). Древнѣйшимъ образчикомъ такого рода товарищества авторъ считаетъ нашу вервь или виру. Нѣтъ сомнѣнія, что вервь представляла собою союзъ людей, соединенныхъ круговою порукой, но вервь Русской Правды ни въ какомъ случаѣ не есть, на сколько мы ее знаемъ, товарищество, образовавшееся съ экономическими, промышленными цѣлями; по крайней мѣрѣ ее нельзя назвать такимъ союзомъ на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя содержатся о ней въ Русской Правдѣ. Первообразомъ такого союза равноправныхъ членовъ съ цѣлью промысловою, скорѣе можно считать первоначальную дружину варяго-русскихъ князей, между членами которой было

---

[1]) Статья эта помѣщена въ Этногр. сб. рус. геогр. общества, вып. VII стр. 1—93.

[2]) Стр. 1 и 3. Онъ относитъ существованіе ихъ ко времени XI и XII столѣтія. Изъ приведенной цитаты видно, о какого рода артеляхъ говоритъ авторъ. Со словомъ артель связывается множество самыхъ разнообразныхъ понятій, начиная съ простой толпы, группы случайно сошедшихся людей, кончая совокупностью рабочихъ, состоящихъ на работахъ, каждый на своихъ особыхъ условіяхъ, у одного лица, хозяина. Изъ всего этого разнообразія понятій, мы, разумѣется, будемъ имѣть въ виду исключительно союзы или товарищества людей, составившихъ одно цѣлое въ виду опредѣленной экономической цѣли, именно въ виду совмѣстнаго промысла того или инаго рода. Такого рода союзы, товарищества, не всегда называются артелями. Это послѣднее названіе встрѣчается въ нашихъ памятникахъ лишь съ XVII ст. (*Калачовъ*. 4); а до того времени для выраженія этого понятія употреблялись слова ватага и складчина (*Ibid*. 3. *А. Ефименко*—артели Арханг.губ.; Сб. мат. объ арт. I. 2 и 3). Замѣчательно, что какъ слово ватага, такъ и артель—оба не русскаго корня (*А. Ефименко*. ibid 3).

полное равенство и самъ князь являлся не болѣе, какъ первымъ между равными Можно думать, союзы равноправныхъ между собою промышленниковъ слагались еще въ доисторическій періодъ существованія русскаго народа съ цѣлью совмѣстной охоты, рыболовства и т. п., что вызывалось первобытнымъ состояніемъ промысловыхъ орудій, устранявшимъ всякую возможность единичнаго промысла и отсутствіемъ капиталовъ: физическая сила, руки отдѣльнаго человѣка играли исключительную почти роль во всѣхъ добывающихъ промыслахъ этого періода. Начинавшаяся торговля, исключительно обмѣнная и оптовая, точно также вызывала необходимость союзовъ между отдѣльными торговцами-промышленниками: отсутствіе всякой безопасности во время пути, необходимость защищать себя во время этого пути съ оружіемъ въ рукахъ, необходимость, сдѣлавшая изъ первобытнаго купца вмѣстѣ съ тѣмъ и воина, заставляла ихъ сплачиваться въ тѣсные союзы, какъ промышленные, такъ и союзы самозащиты въ тоже время. Знаменитые новгородскіе ушкуйники ватагами, шайками, расходились на востокъ, сѣверъ и западъ отъ своего господина Великаго Новгорода, общими силами прокладывая дорогу сквозь невѣдомыя земли, грабя туземное населеніе и поровну дѣля добычу. Эти шайки, ватаги, такъ сказать, одновременно, артелью производили грабежи и дѣлали завоеванія [1]).

Отъ конца XIII и начала XIV ст. до насъ дошли извѣстія о товарпществахъ, артеляхъ какъ торговыхъ, такъ и промысловыхъ въ тѣсномъ смыслѣ слова [2]). О союзѣ оптовыхъ торговцевъ Великаго Новгорода мы имѣемъ самыя точныя свѣдѣнія даже отъ XII ст. [3]). Довольно развитая организація этого общества указываетъ на давнее существованіе союзнаго начала въ средѣ промышленниковъ. Въ XIV и XV столѣтіяхъ все чаще и чаще встрѣчаются указанія о *ватагахъ* и *складчинахъ* [4]). Отъ XVII

---

[1]) *А. Ефименко*: 4 и 9: отъ XIV ст. — грамота Андрея Александровича тремъ велико-княжескимъ *ватагамъ*.

[2]) *Ibid*—морскіе промыслы на сѣверѣ.

[3]) Новгородское общество купцовъ церкви Іоанна Предтечи, что на Опокахъ. *Костомаровъ*: Сѣвер. рус. народопр. II. 224.

[4]) *Калачовъ*, 3. По мнѣнію г. *Петрова*, цитированному *А. Ефимен-*

вѣка и даже конца XVI [1]) мы имѣемъ уже гораздо болѣе извѣстій о существованіи у насъ артельнаго начала, начала товарищества, въ средѣ промышленниковъ. При этомъ нельзя не обратить особеннаго вниманія на то обстоятельство, что изъ всѣхъ свѣдѣній объ артеляхъ, которыя мы имѣемъ отъ этого времени, ни одно не говоритъ объ артели ремесленниковъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, ремесленниковъ, занимающихся своимъ ремесломъ дома, у себя въ избѣ; всѣ артели, съ которыми мы встрѣчаемся въ нашихъ историческихъ и юридическихъ памятникахъ есть ничто иное какъ или артели промысловъ, если можно такъ выразиться, добывающихъ, каковы рыболовство, птице-или звѣроловство [2]) или же тѣ изъ ремеслъ и промысловъ обработывающихъ, которые и до сихъ поръ называются отхожими какъ напр., артели плотниковъ, каменщиковъ [3]); или же наконецъ, это артели промысловъ тоже отхожихъ, но уже рѣшительно не имѣющихъ ничего общаго съ ремеслами выработывающими, а скорѣе стоящихъ въ извѣстномъ отношеніи къ торговой промышленности, каковы артели извощиковъ, бурлаковъ или и прямо торговыя артели мелкихъ торговцевъ, такъ называемыя складныя артели [4]). Только въ подобнаго рода промышленности имѣютъ мѣсто въ нашемъ народѣ артели и до настоящаго времени [5]). Быть можетъ въ этомъ обстоятельствѣ лежитъ и причина того, что самая основа нашихъ про-

---

ко тюленьи промыслы на Бѣломъ Морѣ въ періодъ новгородскаго владычества производились артелями. Сб. м. объ арт. I. 22—23.

[1]) *Ibid.* 9—10. Въ 1577 году упоминается отъ артели рыболововъ. Въ 1598 году говорится объ артели плотниковъ.

[2]) *Ibid.* 10 здѣсь упоминаются и артели пчеловодовъ, бортниковъ; 27—28. *А. Ефименко.* Сб. мат. объ арт. I. 9—10. и II. 5 и пр.

[3]) *Калачовъ*: 9.

[4]) *Ibid.* 13, 33, 6. Наконецъ существовали, существуютъ и до сихъ поръ такія артели скомороховъ (теперь мелкихъ фокусниковъ и акробатовъ), нищихъ и разбойниковъ. *Ibid.* 13—17.

[5]) И въ настоящее время мы знаемъ лишь артели почти исключительно отхожихъ промысловъ: плотниковъ, каменьщиковъ, крючниковъ, землекоповъ; или такія артели, какъ биржевыя. Въ нашихъ ремесленно-мануфактурныхъ центрахъ—селахъ Ивановѣ, Павловѣ—не было и признаковъ артельнаго производства, по крайней мѣрѣ до самаго послѣдняго времени, когда объ устройствѣ ихъ стали хлопотать немногіе доброжелатели ремесленниковъ.

мышленныхъ артелей, начиная съ XVII столѣтія, когда мы получаемъ о ней болѣе или менѣе точныя и подробныя свѣдѣнія, и до настоящаго времени, остается не только тою же самою, но и въ томъ же самомъ видѣ, въ той же самой формѣ. Оно и понятно: всѣ эти виды промысловъ остаются въ теченіи двухъ столѣтій безъ всякихъ измѣненій, по крайней мѣрѣ въ техническомъ отношеніи; если же значительное развитіе ихъ произошло по отношенію къ спросу, т. е. если нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр., промыслы каменщиковъ или плотниковъ значительно расширились, по крайней мѣрѣ въ большихъ городахъ, то это обстоятельство послужило только къ полному вырожденію въ нихъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда постройка принимаетъ большіе размѣры, всякаго артельнаго начала.

Артельное начало у насъ всегда прилагалось, и прилагается до сихъ поръ, лишь къ тѣмъ промысламъ, занятіе которыми не требуетъ совсѣмъ капитала или требуетъ его лишь въ очень незначительныхъ размѣрахъ. Оно прилагается въ своей чистой формѣ лишь въ тѣхъ промыслахъ, гдѣ кромѣ труда, рукъ и самыхъ ничтожныхъ орудій, ничего не нужно, какъ напр. въ промыслѣ крючниковъ, каменщиковъ, когда постройка производится ея владѣльцемъ на началахъ хозяйственныхъ. Едва только капиталъ, необходимый для производства промысла, принимаетъ сколько нибудь значительные размѣры, артель измѣняетъ свой характеръ: въ составъ ея входитъ уже начало ей враждебное, начало разрушающее ее въ самомъ корнѣ. Все это разумѣется обусловливается экономическимъ состояніемъ нашего народа. Вотъ почему, наши промышленныя артели, если только не обратились въ простое общество людей, занимающихся однимъ промысломъ и состоящихъ въ наймѣ у одного подрядчика, распадаются на двѣ рѣзко различающіяся по самому объему артельнаго начала, такъ сказать, широтѣ его приложенія, группы: къ первой группѣ артелей, основанныхъ на полномъ артельномъ началѣ, на началѣ совершеннаго товарищества, относятся тѣ артели, въ которыхъ и капиталъ, подобно труду составляетъ полную и притомъ общую собственность всѣхъ членовъ артели, сюда относятся и тѣ артели, которыя какъ напр., артель рыбинскихъ крючниковъ или небольшія плотничьи и каменщичьи артели совсѣмъ не нуждаются въ капиталѣ; ко второй группѣ

нужно отнести всѣ тѣ промысловыя артели, члены-артельщики которой вносятъ въ дѣло только трудъ, а необходимый капиталъ вносится или лицомъ, вовсе не входящимъ въ составъ артели, или же такимъ же членомъ-артельщикомъ, какъ и всѣ остальные по отношенію къ труду, по отношенію же къ капиталу совершенно выдѣляющимся изъ состава артели.

Артели перваго рода покоятся на началѣ полнаго равенства всѣхъ членовъ-артельщиковъ по отношенію къ распредѣленію вознагражденія за трудъ. Въ артеляхъ этого рода, какъ я уже сказалъ, каждый членъ-артельщикъ вноситъ не только трудъ, но и капиталъ. Къ такого рода артелямъ относятся, напр., нѣкоторыя промысловыя артели нашего сѣвера—артели для ловли бѣлугъ, трески, сельдей и т. п. При этомъ, какъ трудъ, такъ и капиталъ вносятся обыкновенно въ совершенно равныхъ доляхъ [1]). Мало того, очень часто артельщики держатъ и общій «харчъ», внося для этого каждый опредѣленное количество съѣстныхъ припасовъ [2]), необходимыхъ по приблизительному разсчету на все время промысла. Понятно само собою, что при такихъ условіяхъ вознагражденіе, получаемое каждымъ членомъ артели должно быть одно и тоже; дѣйствительно, во всѣхъ артеляхъ этого рода добытое совмѣстнымъ трудомъ, при одинаковомъ участіи капиталомъ всѣхъ членовъ артельщиковъ дѣлится между ними поровну [3]). При этомъ не требуется, чтобы всѣ члены непремѣнно вносили одинаковую долю одного и того же труда; достаточно, чтобы каждый членъ артели добросовѣстно отправлялъ выпавшій на его долю трудъ; все равно, если даже онъ, напр., подобно труду по приготовленію пищи для артели, и не относится непосред-

---

[1]) Сб. мат. объ артел. I. *Ефименко*: I. 57 и II. 36 и 45—47, 70; промышленники вносятъ поровну для того, чтобы пріобрѣсти снасти, необходимыя для промысла. Тоже самое—и въ артеляхъ, содержащихъ почтовыя станціи, чистку дорогъ и т. п. *Ibid.* II. 155—157; 163.

[2]) *Ibid.* I. 161; II. 55. Понятно, что промышленники ѣдятъ при этомъ всѣ вмѣстѣ за общимъ столомъ, съѣсть что нибудь тайно отъ артельщиковъ считается воровствомъ. *Ibid.* 50: артельщики тюленьихъ промысловъ вносятъ въ общій запасъ опредѣленное количество хлѣба, крупы, рыбы масла и пр.

[3]) *Ibid.* I. 57, 192; II. 36, 47, 56, 69, 71, 156—157.

ственно съ самому промыслу [1]). Проболѣвшій извѣстное время артельщикъ все-таки получаетъ пай одинаковый со всѣми остальными [2]). Только тотъ членъ артели, на котораго, благодаря большей его опытности, ловкости въ промыслѣ, благодаря нѣсколько большему значенію для промысла вообще, падали обязанности болѣе важныя для артели, чѣмъ всѣхъ остальныхъ ея членовъ; только этотъ членъ, да и то далеко не всегда получалъ нѣсколько больше общаго для всѣхъ пая [3]). Это начало совершеннаго равенства преобладаетъ не только въ средѣ каждой отдѣльной артели, между ея членами, но имѣетъ мѣсто и въ томъ случаѣ, когда, благодаря особому характеру даннаго промысла, нѣсколько отдѣльныхъ артелей вступаютъ въ союзъ между собою для общаго производства промысла, какъ напр., это имѣетъ мѣсто на сѣверѣ между бѣломорскими промышленниками. Встрѣтившись на Новой Землѣ, нѣсколько отдѣльныхъ промысловыхъ артелей составляютъ часто одну общую промысловую артель—котляну, добыча которой дѣлится поровну между отдѣльными членами-артелями даже въ томъ случаѣ, если эти артели, разъѣхавшись въ разныя стороны, промышляли далеко неодинаковое количество добычи [4]).

---

[1]) Ведущій домашнее хозяйство въ артели—заготовленіе кушанья, надзоръ за складомъ добытаго—обыкновенно освобождается или вовсе отъ непосредственнаго участія въ промыслѣ или же только отчасти. Въ томъ и другомъ случаѣ оно получаетъ одинаковую со всѣми долю.

[2]) Это начало мы встрѣчаемъ во всѣхъ артеляхъ второй группы. *Ibid.* I. 14; *Ibid.* 44 и 51.

[3]) Это начало имѣетъ мѣсто только въ артеляхъ втораго рода этой категоріи—артеляхъ, складывающихся лишь трудомъ, въ родѣ крючниковъ, архангельскихъ десятскихъ, балластныхъ и т. п.

[4]) *Ibid.* I. А. Ефименко 15, 16 и 47; тоже самое соблюдается и въ томъ случаѣ, когда нѣсколько артелей соединяется въ одну не для цѣлаго промысла, а лишь для какой-нибудь отдѣльной части его, какъ напр. тресковыя артели соединяются для добычи „наживки„. *Ibid.* II. 40. Это начало полнаго равенства при дѣлежѣ добычи выражается еще и въ такой формѣ: во многихъ мѣстахъ бѣломорскаго побережья ловля сельдей производится цѣлымъ міромъ, собственностью котораго считается часть прибрежнаго моря и который „является одною артелью“ по отношенію къ промыслу. Мѣсто улова дѣлится обыкновенно на участки, которые по жребію распредѣляются между отдѣльными артелями, на которыя распадается міръ; при чемъ всѣ отдѣльныя артели чередуются въ пользо-

Если же при составлении артели дѣлается отступленіе отъ начала равнаго участія капиталомъ, и отдѣльные члены участвуютъ въ общемъ предпріятіи неравными долями капитала, въ такомъ случаѣ и принципъ равнаго раздѣла добычи не имѣетъ болѣе мѣста: она дѣлится пропорціонально труду и долѣ внесеннаго капитала, насколько возможна эта пропорціональность при такомъ соединеніи. Въ этомъ случаѣ уже очень трудно установить точно долю или пай, которую долженъ получить каждый изъ участниковъ; вопросъ рѣшается условно, съ обоюднаго согласія всѣхъ членовъ, если только при этомъ ни одинъ членъ не вноситъ на столько большую, сравнительно съ остальными, долю въ общій капиталъ [1]), что она значительно превышаетъ всѣ остальныя; въ противномъ случаѣ этотъ членъ eo ipso получаетъ на столько больше вліяніе на артель, что распредѣленіе добычи по крайней мѣрѣ между нимъ и всѣми остальными членами, составляющими относительно его одно цѣлое, становится далеко не равномѣрнымъ, основаннымъ исключительно на добромъ согласіи; въ этомъ случаѣ артель измѣняетъ свой характеръ, и переходитъ къ типу второй группы.

Въ артеляхъ втораго рода первой группы, не требующихъ отъ членовъ взноса капитала и покоящихся исключительно на личномъ трудѣ каждаго отдѣльнаго члена артели, начало равенства въ распредѣленіи результатовъ общаго труда проводится гораздо полнѣе, если только артельное производство не усложнилось настолько, что требуетъ отъ нѣкоторыхъ членовъ ея совершенно особенныхъ качествъ, если самая организація артели не разрослась настолько, что требуетъ спеціальныхъ органовъ для ея управленія. Артели крючниковъ въ Рыбинскѣ [2]), артели конопатчиковъ, пильщиковъ и т. п. Смоленской губерніи [3]) представляютъ собою тотъ и другой видъ артели этого рода. Такъ, вольныя артели рыбинскихъ крючниковъ, точно также, какъ артели проводниковъ барокъ изъ смольчанъ основаны, благодаря или простотѣ и несложности работъ, ими производимыхъ, или тому, что самый надзоръ и руко-

ваніи отдѣльными участками, дабы уловъ распредѣлялся равномѣрнѣе между всѣми членами міра. *Ibid.* 46 и 53.

[1]) *Ibid.* II. 53, 157.

[2]) *Ibid.* II. 241—251.

[3]) *Ibid.* I. 196—198.

водство за работами беретъ на себя тотъ, на кого они производятся, на полномъ равенствѣ относительно участія въ заработкѣ всѣхъ членовъ артели. Отъ этого начала мы видимъ уже нѣкоторое отступленіе въ артеляхъ тѣхъ рыбинскихъ крючниковъ, нѣсколько болѣе организованныхъ, въ такъ называемыхъ согласныхъ артеляхъ, гдѣ появляется особый членъ организаторъ артели, завѣдующій вмѣстѣ съ тѣмъ какъ хозяйственной частью артели, такъ и производствомъ ею самой работы. Во главѣ такихъ артелей стоитъ такъ называемый батырь, который организуетъ артель, ведетъ переговоры съ нанимающими ее хозаевами, занимается укладкой перенесенныхъ на барку кулей, на что нужна не только сила, но и особенное искусство, чтобы въ барку опредѣленныхъ размѣровъ вошло возможно большее количество кулей; онъ же ведетъ кассу и хозяйство артели. За всѣ эти, такъ сказать, спеціальныя качества, требуемыя отъ батыря и эти—нѣсколько особенный характеръ самаго труда и особенное значеніе его для артели, онъ получаетъ большую долю, въ сравненіи съ остальными артельщиками, изъ общихъ артельныхъ заработковъ [1]).

Ко второй группѣ артелей я отношу, какъ уже было замѣчено, тѣ, которыя, подобно артелямъ перваго рода первой группы, кромѣ труда строятся также и на капиталѣ, который, въ отличіе отъ артелей этого рода, входитъ составнымъ элементомъ въ основаніе артели на совершенно иныхъ началахъ въ сравненіи съ элементомъ труда; послѣдній и здѣсь вносится, такъ сказать, въ одинаковомъ количествѣ всѣми членами артели; первый же элементъ, капиталъ, вносится или, чаще всего однимъ лицомъ, физическимъ или юридическимъ, или же нѣсколькими. О принципѣ равенства въ въ этихъ артеляхъ между ихъ членами, какъ представителями капитала не можетъ быть рѣчи; капиталъ, какъ экономическій фак-

[1]) Этого нельзя, однако, возвести въ общее правило: мнѣ пришлось познакомиться съ артелью каменьщиковъ изъ Смоленской губерніи. Артель состояла человѣкъ изъ 12; изъ нихъ одинъ игралъ роль десятника, велъ хозяйство артельное. Какъ грамотный, случалось, даже былъ представителемъ артели въ камерѣ Мироваго Судьи по претензіи на хозяина постройки; и тѣмъ не менѣе этотъ членъ артели, получалъ изъ общаго заработка, долю равную долямъ всѣхъ остальныхъ. Такое же начало полнаго равенства въ заработкѣ я нашелъ въ тѣхъ артеляхъ петербургскихъ баньщиковъ, съ которыми мнѣ пришлось ознакомиться.

торъ болѣе рѣдкій и въ силу того болѣе дорогой, чѣмъ трудъ, благодаря опредѣленнымъ общимъ или мѣстнымъ причинамъ, является въ артеляхъ этого рода господствующимъ элементомъ, представители котораго пользуются въ силу этого обстоятельства, львиной долей промысловой добычи. Въ поморскихъ промысловыхъ артеляхъ этой группы въ XVII столѣтіи, чаще всего, судя по дошедшимъ до насъ документамъ, вкладчиками капитала являются юридическія лица: архіерейскіе домы или монастыри [1]). Въ этомъ случаѣ артельщики, вносящіе въ общее дѣло лишь трудъ свой, назывались и называются обыкновенно покрученниками. Архіерейскій домъ или монастырь снабжалъ артель покрученниковъ необходимымъ для промысла, начиная съ самаго незначительнаго орудія и кончая съѣстными припасами [2]); по внѣшней формѣ архіерейскій домъ, какъ представитель капитала, заключалъ съ представителями труда условія, покоящіяся на обоюдномъ добромъ согласіи, доброй свободной волѣ той и другой стороны. Но это согласіе, эта добрая воля со стороны артели покрученниковъ являлась фиктивной, и условія организаціи даннаго промысла предписывались въ сущности владѣльцемъ капитала, который получалъ изъ промысловой добычи ту долю, которую находилъ возможнымъ, не лишая артельщиковъ—работниковъ minimum'а ихъ заработка, необходимаго для удовлетворенія ихъ самыхъ необходимыхъ потребностей [3]). Въ настоящее время предпринимателемъ, капиталистомъ промысловой артели обыкновенно является отдѣльное лицо, наиболѣе зажиточный изъ мѣстныхъ крестьянъ или мѣщанъ. Такой вкладчикъ въ дѣло капитала очень часто вноситъ въ него еще и личный трудъ свой, наравнѣ съ остальными членами артели; въ такомъ случаѣ, кромѣ доли, которую онъ получаетъ изъ промысла на свой капиталъ, онъ получаетъ долю

---

[1]) Сб. мат. объ арт. въ Рос. I. 10—12. II. 5—27.

[2]) Только платье артельщики должны были имѣть свое.

[3]) Такъ, напр. изъ книгъ архіерейскаго дома отъ 1694 г. видно, что этотъ домъ, какъ предприниматель, вкладчикъ капитала въ промысловую артель, получалъ изъ общей прибыли слишкомъ въ два раза больше, чѣмъ вся остальная артель. Сб. мат. объ ар. I. 11—12. II. 9, 12 и 13. Тойже системы держался и Соловецкій монастырь; въ настоящее время онъ беретъ половину: „дѣлити намъ рыба на трое, на монастырь двѣ доли, а третья доля крестьянамъ". *Ibid.* II. 24.

изъ него и на свой трудъ [1]). При этомъ не только капиталъ получаетъ большую часть промышленнаго, но и самый трудъ хозяина или замѣняющаго его, который обыкновенно играетъ роль кормщика, вознаграждается большей долей изъ добытаго въ сравненіи съ долями членовъ артели. Что касается взаимныхъ отношеній между собою членовъ артели, вносящихъ въ промысловое дѣло лишь трудъ, то они опредѣляются или на началѣ полнаго равенства или же пропорціонально такъ сказать качеству труда, гдѣ это качество играетъ болѣе или менѣе важную роль. Въ артеляхъ, снаряжавшихся въ XVI и XVII столѣтіяхъ архіерейскимъ домомъ, кормщикъ и карбасники, какъ стоявшіе во главѣ артели и пользовавшіеся распорядительной властью въ ней, получали гораздо большую долю изъ добычи въ сравненіи съ остальными членами [2]). Это начало въ распредѣленіи добычи между артельщиками имѣетъ мѣсто и въ настоящее время въ такихъ промысловыхъ артеляхъ, какъ напр., моржовые; кормщикъ въ этихъ артеляхъ получаетъ иногда въ шесть разъ больше, чѣмъ обыкновенный покрученникъ; помощникъ кормщика — половину пая кормщика, т. е. раза въ три больше въ сравненіи съ остальными членами артели, простыми покрученниками [3]), которые тоже не получаютъ, иногда всѣ поровну: случается, хотя и въ меньшинствѣ случаевъ, что покрученникъ, получаетъ не цѣлый пай, какъ большинство его товарищей, а лишъ $^3/_4$ его [4]). Однако, это начало пропоціональнаго дѣленія добычи нетолько не исключительное, но едва ли даже и преобладающее начало: во многихъ изъ промысловыхъ артелей сѣвера этой группы мы встрѣчаемъ начало полнаго равенства; такъ напр. въ артеляхъ, составляющихся для ловли бѣлугъ, за выдѣломъ доли для вознагражденія внесшаго капиталъ, вся остальная добыча дѣлится поровну между всѣми артельщиками [5]); тотъ же принципъ имѣетъ мѣсто и въ

---

[1]) *Ibid.* I. 28, 37, 49. Если онъ не идетъ на промыселъ самъ, то вмѣсто себя ставитъ какого либо промышленника, которому даетъ пай большій, чѣмъ получаютъ остальные. 58.

[2]) *Ibid.* II. 9—12.

[3]) *Ibid.* I. 27—28.

[4]) *Ibid.* I. 27.

[5]) *Ibid.* 59.

кольскихъ артеляхъ для ловли трески, а также и въ сельдяныхъ артеляхъ [1]).

Такимъ образомъ, въ артеляхъ второй группы принципъ общности нарушается, въ сущности лишь въ отношеніяхъ между капиталомъ съ одной стороны и трудомъ съ другой; что же касается отношеній между тѣми членами артели, которые вносятъ въ общее дѣло лишь трудъ, то здѣсь это начало не нарушается и отношенія между членами артельщиками тѣже самыя, какія мы видѣли въ артеляхъ первой группы.

Нельзя не сдѣлать заключенія, по крайней мѣрѣ на основаніи того матеріала, который мы имѣемъ въ настоящее время подъ руками, что основнымъ началомъ нашихъ артелей, дѣйствительно, является, какъ выражается г. Калачовъ «равенство взаимныхъ отношеній» между отдѣльными членами. Это равенство, простирается во многихъ артеляхъ, какъ мы видѣли, до того, что всѣ члены артели держатъ общій столъ; при чемъ даже въ артеляхъ второй группы членъ—капиталистъ, если можно такъ выразиться, хозяинъ покрученниковъ, какъ его обыкновенно называютъ, если онъ участвуетъ въ артели и трудомъ, обѣдаетъ за однимъ столомъ, одной и той же пищей, какъ и артельщики-покрученники [2]).

Учениковъ и подмастерьевъ, мы вовсе не встрѣчаемъ въ русскихъ артеляхъ въ качествѣ особаго института. Если напр., въ промысловыхъ артеляхъ сѣвернаго поморья и встрѣчаются мальчики, то все таки далеко не въ роли учениковъ. Они обыкновенно помогаютъ старшимъ, исполняя легкія, не особенно сложныя работы, за что получаютъ, подобно всѣмъ членамъ-артельщикамъ нѣкоторую долю изъ общей добычи, хотя долю, разумѣется гораздо меньшую. Это отсутствіе института учениковъ въ нашихъ артеляхъ объясняется характеромъ самыхъ промысловъ этихъ артелей: почти всѣ они — въ высшей степени не сложны, и не требуютъ почти ничего, кромѣ силы и нѣкотораго навыка; временной от-

---

[1]) *Ibid.* II. 39 и 49. Быть можетъ замѣчаніе *А. Ефименко*, что такое распредѣленіе добычи въ этихъ артеляхъ обусловливается такъ сказать простотою и несложностью промысла, не требующаго никакихъ особыхъ знаній, и справедливо.

[2]) *Ibid.* I. 38. Надъ хозяевами, которые ѣдятъ украдкой отъ покрученниковъ, обыкновенно смѣются. *Ibid.* 40.

хожій характеръ ихъ также значительно вліяетъ въ этомъ отношеніи: работники—артельщики не имѣютъ возможности брать мальчиковъ на выучку, такъ какъ они составляютъ артель лишь на опредѣленное, очень не долгое обыкновенно, время, по прошествіи котораго расходятся часто на всегда: кто-жъ въ такомъ случаѣ являлся бы отвѣтственнымъ лицомъ передъ обществомъ и родителями или родственниками ученика?

Артель во всѣхъ своихъ формахъ и проявленіяхъ есть союзъ полноправныхъ и притомъ равноправныхъ по отношенію къ данному промыслу и его результатамъ; въ силу этого начала въ ней не могутъ имѣть мѣста такіе члены, юридическое положеніе которыхъ было бы подобно положенію подмастерьевъ въ западно-европейскихъ цехахъ. Съ развитіемъ въ средѣ артели состоянія неполноправныхъ членовъ, съ образованіемъ класса подмастерьевъ, артель должна пасть въ томъ своемъ значеніи, какое она имѣла, такъ сказать съ поконъ вѣку и имѣетъ до сихъ поръ; въ такомъ случаѣ она должна обратиться въ союзъ предпринимателей, производящихъ работы не только собственнымъ трудомъ, трудомъ артельнымъ, но и трудомъ наемнымъ, преставители котораго стояли бы къ членамъ-артельщикамъ въ такомъ же отношеніи, въ какомъ стоятъ къ своему хозяину—предпринимателю его—наемные рабочіе; артель постепенно обратилась бы въ союзъ капиталистовъ, вносящихъ въ общее дѣло лишь капиталъ, который одинъ вносился бы на артельномъ началѣ; трудъ же долженъ бы сдѣлаться исключительно наемнымъ; при раздѣленіи добытаго артельное начало имѣло бы мѣсто лишь по отношенію къ капиталистамъ артельщикамъ; вознагражденіе же труда обусловливалось бы, какъ оно обусловливается въ отношеніяхъ рабочихъ къ хозяевамъ исключительно суровыми политико-экономическими законами спроса и предложенія, могуществомъ капитала и безсиліемъ труда. Въ нашихъ артеляхъ мы встрѣчаемся со слѣдующимъ отступленіемъ отъ ихъ основнаго начала: часто артель, взявъ на себя какой либо подрядъ, обязывается выполнить его въ теченіи опредѣленнаго срока; но, благодаря ли тому что разчетъ сю сдѣланный, былъ ошибоченъ или, благодаря тому, что почему либо выбылъ изъ артели одинъ членъ или нѣсколько, на всегда или на время,—работа къ сроку не можетъ быть кончена. Чтобы избѣжать невыгодныхъ послѣд-

ствій неисполненія подряда, артельщики прибѣгаютъ къ помощи наемнаго труда: не желая вѣроятно принимать въ свою среду совершенно незнакомаго ей человѣка, артель принанимаетъ недостающее количество рабочихъ рукъ на обычныхъ условіяхъ поденнаго или задѣльнаго вознагражденія, смотря по характеру работы [1]. Въ этихъ случаяхъ артель, поотношенію къ своему наемному рабочему является хозяиномъ, а рабочій по отношенію къ ней не имѣетъ никакихъ юридическихъ правъ, кромѣ правъ рабочаго на условную рабочую плату, которая вносится ему артелью, какъ юридическимъ лицомъ. Этотъ фактъ дѣйствительно составляетъ не болѣе, какъ отступленіе отъ основнаго начала, отступленіе къ которому артель вынуждается обстоятельствами; по этому вездѣ тѣмъ или инымъ способомъ, артель устраняетъ это ненормальное явленіе; такъ напр., рыбинскіе крючники, лишь только артель начинаетъ постоянно нуждаться въ лишнемъ работникѣ, дѣлаетъ своего наемнаго рабочаго, разумѣется, если онъ удовлетворяетъ извѣстнымъ условіямъ хорошаго артельщика, членомъ артели [2]. Если же въ промысловыхъ артеляхъ нашего сѣвера мы встрѣчаемся съ наемными отъ артели рабочими, какъ съ явленіемъ почти постояннымъ, то этотъ фактъ объясняется, мнѣ кажется, преобладающимъ значеніемъ вкладчиковъ-капиталистовъ, которые очень часто, не желая сами участвовать въ дѣлѣ и трудомъ, нанимаютъ за себя работника, на долю котораго, хотя и причитается обыкновенно опредѣленный пай изъ общаго промысла, но этотъ пай составляетъ достояніе, нанявшаго его хозяина, артельщика капиталиста; онъ же получаетъ за свои труды лишь условную плату и къ общей добычѣ никакого отношенія не имѣетъ [3]. Мы встрѣчаемся на сѣверѣ

---

[1]) Такъ, напр., крючники въ Рыбинскѣ часто прибѣгаютъ къ этому средству. Сб. мат. объ арт. въ Рос. II. 249. Я знаю, что артели баньщиковъ въ Петербургѣ въ дни, когда посѣтителей такъ много, что артельныхъ силъ не хватаетъ, нанимаютъ поденно помощниковъ себѣ.

[2]) *Ibid.*

[3]) *Ibid.* II. 58. Съ подобнымъ фактомъ мы встрѣчаемся, въ артели сборщиковъ пошлинъ, артельная запись которыхъ дошла до насъ отъ XVII ст., каждый пайщикъ имѣлъ „на пай себѣ по человѣку", къ которымъ заключались особыя условія и который вовсе не входилъ въ составъ артели. *Калачовъ:* арт. др. и нынѣш. Россіи стр. 4—5.

и съ другимъ подобнымъ же фактомъ: нѣкоторыя промышленныя артели, въ которыхъ главную роль играетъ нестолько трудъ, сколько капиталъ допускаютъ замѣну артельщика члена, по отношенію къ труду, лицомъ, для артели совершенно постороннимъ: артельщикъ нанимаетъ кого либо за себя для отправленія нѣкоторыхъ обязанностей; нанятый, получивъ съ артельщика условное вознагражденіе, съ артелью не вступаетъ ни въ какія юридическія отношенія. Какъ то, такъ и другое явленіе объясняется, какъ я уже замѣтилъ, именно преобладаніемъ въ этихъ артеляхъ капитала надъ трудомъ; ни то, ни другое не представляетъ собою явленія нормальнаго, сроднаго съ основнымъ артельнымъ началомъ.

Независимо отъ того или другаго отступленія отъ этого основнаго начала, вызываемаго тѣми или иными причинами, по своей сущности, наша артель, по отношенію къ добываемому ею, является владѣльцемъ, юридическимъ лицомъ, какъ совокупность всѣхъ членовъ ее составляющихъ: все добытое ею есть достояніе всѣхъ, общее артельное достояніе; при чемъ такимъ достояніемъ, такой общей артельной собственностью считается почти всегда не только добываемое каждымъ членомъ артели именно въ качествѣ таковаго и притомъ, въ качествѣ артельщика-работника именно даннаго промысла, но и все, что получитъ артельщикъ тѣмъ или инымъ путемъ не въ качествѣ члена артели и не въ качествѣ промышленника. Такъ въ запискахъ знаменитаго естествоиспытателя Бэра, цитируемыхъ А. Ефименко въ своихъ статьяхъ о промышленныхъ артеляхъ нашего сѣвера, приводится такого рода фактъ: Бэру хотѣлось добыть экземпляръ мыши, обитающей на Новой Землѣ; онъ обратился съ просьбой объ этомъ къ одному мальчику, члену промысловой артели; мышь была добыта; мальчикъ получилъ за нее рубль; при этомъ онъ просилъ Бэра несказывать о полученномъ имъ рублѣ его отцу, потому что въ такомъ случаѣ ему пришлось бы отказаться отъ личнаго владѣнія этимъ рублемъ въ пользу всей артели; это и случилось, когда отецъ узналъ о полученномъ его сыномъ рублѣ. Съ подобнымъ же фактомъ мы встрѣчаемся и въ артельномъ обычномъ правѣ XVII столѣтія: артельная запись сборщиковъ податей отъ 1654 года запрещаетъ членамъ артели даже подарокъ «свозить украдкомъ въ сторону;» такъ что и этимъ путемъ добытое каждымъ отдѣльнымъ

членомъ должно входить въ составъ общей массы артельной собственности [1]). Являясь такимъ фиктивнымъ, юридическимъ лицомъ по отношенію къ собственности, русская артель является такимъ лицомъ не въ одномъ въ этомъ отношеніи. Артели, промышляющія работами съ подряда, обыкновенно заключаютъ условія объ исполненіи этого послѣдняго отъ лица всей артели, какъ юридическаго лица. Беря па себя исполненіе какого либо подряда, артель, какъ совокупность всѣхъ составляющихъ ея членовъ, отвѣчаетъ за исправное его исполненіеe неустойкой [2]), въ которой участвуютъ равными долями всѣ члены ея. Большею частью такія артели заключаютъ самыя письменныя условія не черезъ повѣреннаго, а отъ имѣни прямо артели. Всѣ члены въ совокупности ручаются за каждаго отдѣльнаго члена въ отдѣльности; начало круговой поруки здѣсь имѣетъ полное приложеніе [3]).

Все это—только слѣдствіе основнаго начала артели—«равенства взаимныхъ отношеній ея членовъ», какъ выражается г. Калачовъ. При этомъ небходимо имѣть въ виду, что «равенство» членовъ артели не касается однако в с ѣ х ъ отношеній; артель не беретъ в с е г о человѣка, а лишь одну его сторону, сторону промышленно-экономическую; почему и равенство имѣетъ мѣсто лишь въ этихъ с п е ц і а л ь н ы х ъ взаимныхъ отношеніяхъ. Артель—исключительно промышленно-экономическое явленіе общественной жизни, не представляющее собою самобытнаго, отдѣльнаго цѣлаго ни въ религіозномъ, ни въ нравственномъ, ни тѣмъ менѣе въ политическомъ смыслѣ. На такой характеръ ея разумѣется вліяло между многими другими условіями ничтожное развитіе промышленности вообще и самая сущность тѣхъ промысловъ въ частности, въ приложеніи къ которымъ имѣла и имѣетъ мѣсто артельная организація. Почти всѣ эти промыслы, какъ я уже замѣтилъ, относятся къ числу такъ называемыхъ «отхожихъ», т. е. временныхъ, почти случайныхъ. Артель, сформировавшись съ цѣлью занятія извѣстнымъ промысломъ

---

[1]) *Калачовъ:* ibid.

[2]) Отъ 1605 г. дошла до насъ запись и з в о щ и к о в ъ, взявшихся перевесть хлѣбъ изъ Новгорода въ Витебскъ; они ручаются всей а р т е л ь ю за всѣ убыли въ дорогѣ. *Калачовъ.* 13.

[3]) Еще въ XVII ст. артели рядились съ круговою порукою другъ за друга; напр. артель каменщиковъ въ 1686 г. *Калачовъ.* 9.

на опредѣленное время года, распадается по прошествіи извѣстнаго срока и бывшіе товарищи-артельщики расходятся въ разные концы, рискуя никогда не встрѣтиться. Кончились спеціальныя занятія, связывавшія всѣхъ членовъ артели, и она, эта артель рушится: между ея членами нѣтъ болѣе никакихъ общихъ интересовъ, каждый соучастникъ артели, будучи таковымъ, не перестаетъ однако быть на своей родинѣ членомъ опредѣленной общины, не имѣющей ничего общаго съ промышленной артелью, въ которой сплошь и рядомъ участвуютъ рабочіе не только ни одной деревни или волости, но даже и ни одного уѣзда, а быть можетъ и губерніи. Какъ самый промыселъ, ради котораго сформировывается артель, составляетъ не главный, а побочный или по крайней мѣрѣ не единственный интересъ въ жизни нашего крестьянина, такъ точно и его артельные интересы являются интересами въ его жизни только временными, случайными, спеціальными; главными же жизненными интересами его остаются интересы общинно-деревенскіе; община, а не артель является общеніемъ, поглощающимъ, или лучше, обнимающимъ всего крестьянина; она является и административно-политическимъ учрежденіемъ [1]).

Этотъ же характеръ временности, случайности русской промысловой артели вліяетъ и на самую ея организацію; имъ обусловливается простота и несложность большинства нашихъ артелей. Этотъ характеръ прежде всего вызываетъ непрочность, случайность артельныхъ отношеній; онъ вліяетъ на число членовъ артели, на выборъ самаго промысла: человѣкъ видящій въ данномъ промыслѣ лишь подспорье, а не единственный источникъ своего существованія, не можетъ посвятить ему всего себя, все свое время; онъ можетъ заняться имъ лишь въ теченіи опредѣленнаго времени, положить на него лишь часть своего труда; отсюда, артель необходимо должна быть явленіемъ преходящимъ, артельные интересы—временными интересами въ жизни крестьянина-промышленника; самый промыселъ, благодаря тѣмъ же причинамъ, избирается наиме-

[1]) Артель играетъ гораздо большее значеніе въ общественной жизни, значеніе, почти одинаковое съ значеніемъ поземельной общины, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нашего далекаго сѣвера, гдѣ рыбные промыслы замѣняютъ собою земледѣліе, гдѣ море замѣняетъ поле, гдѣ промысловая община заступаетъ мѣсто земледѣльческой.

нѣе сложный, такой, который не мѣшалъ бы совмѣстному занятію земледѣліемъ. Немногочисленность членовъ и большая или меньшая простота, несложность промысла ближе всего вліяютъ на несложность, простоту артельной организаціи.

Другое дѣло артели постоянныя, артели, члены которыхъ въ артельномъ промыслѣ видятъ если не единственный, то во всякомъ случаѣ главный способъ существованія; артели, количество членовъ которыхъ достигаетъ сравнительно значительныхъ размѣровъ. Эти артели слагаются уже въ правильную, достаточно сложную организацію. Такими артелями являются биржевыя артели Петербурга и Москвы, лоцманскія и дрягильскія артели Архангельска. И эти артели выработались постепенно изъ временныхъ артелей отхожихъ промысловъ; разросшись до извѣстныхъ предѣловъ, онѣ обратили на себя вниманіе правительства и вызвали регламентацію со стороны послѣдняго. Эта правительственная регламентація внесла въ артельную организацію не мало чуждаго, поэтому я на этихъ артеляхъ здѣсь не останавливаюсь; наконецъ, онѣ окончательно выработались лишь въ XIX столѣтіи и представляютъ уклоненія отъ артельнаго начала все-таки не въ своей сущности, а лишь въ формахъ, въ развитіи этой сущности [1].

Вотъ что, въ нѣсколькихъ словахъ, представляли и представляютъ наши промышленныя артели. Понятно, что онѣ не могли обратить на себя вниманія Петра Великаго, какъ по своей незначительности, такъ и по самому характеру промысловъ, строившихся на артельномъ началѣ. Онъ стремится развить промышленность иного рода, промышленность ремесленную въ тѣсномъ смыслѣ этого слова,

[1] При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду того, очень важнаго обстоятельства, что правительственная регламентація артелей носитъ иной, совершенно отличный отъ регламентаціи цеховъ характеръ; самая цѣль той и другой—совершенно различны: цеховая организація имѣетъ въ виду не однѣ, какъ увидимъ, промышленныя цѣли; цехъ вмѣстѣ и общественно городская единица. Биржевая артель этого не представляетъ: въ Петербургѣ она не состоитъ даже изъ мѣстнаго населенія, напротивъ, если не исключительно, то въ громадномъ большинствѣ случаевъ каждая изъ этихъ артелей состоитъ изъ пришлаго, провинціальнаго населенія, притомъ часто населенія сельскаго, а не городскаго. Биржевая артель Петербурга не имѣетъ ничего общаго съ городскимъ устройствомъ и управленіемъ. Цехи же непосредственно съ нимъ связаны.

а вмѣстѣ и мануфактурную, онъ старается развить тѣ роды промышленности, которые составляли въ Западной Европѣ исключительное достояніе городскаго населенія. Поощряя съ своей точки зрѣнія этого рода промышленность, онъ думаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать развитію городскаго населенія; отсюда—тѣсная связь организаціи ремесленной съ организаціей городскаго управленія вообще. Эту ремесленную организацію законодателю приходилось или выробатывать вновь или заимствовать у сосѣдей. Артель, какъ уже было замѣчено, не имѣла мѣста въ ремесленной промышленности, которой самой, въ средѣ городскаго населенія, почти не существовало: потребности высшихъ слоевъ удовлетворялись холопьимъ трудомъ; потребности среднихъ и низшихъ сословій были слишкомъ несложны, чтобы быть въ состояніи вызвать къ существованію спеціальное сословіе со спеціальной организаціей его. Перенести же артельную организацію на эту промышленность Петръ не могъ во-первыхъ уже потому одному, что едва-ли былъ знакомъ съ нею, а во-вторыхъ, это было бы и неудобно въ видахъ ея сущности, едва-ли совмѣстимой съ характеромъ преобразованій Петра вообще и его плановъ относительно городскаго населенія въ особенности; западно-европейская цеховая организація гораздо болѣе соотвѣтствовала этимъ планамъ и цѣлямъ.

ГЛАВА V.

Цехи Петра Великаго.

Цеховая организація, вводимая Петромъ Великимъ, составляетъ, если можно такъ выразиться, лишь часть своего цѣлаго—организаціи городскаго населенія вообще; почему и въ ней преобладаютъ государственно-административные интересы надъ частно-общественными: цехи вводятся, въ сущности, не столько ради интересовъ промышленности и ея представителей, сколько ради интересовъ административныхъ.

И въ XVIII столѣтіи, наканунѣ введенія цеховъ и магистратскаго устройства городовъ, организація торгово-промышленнаго городскаго населенія едва-ли чѣмъ отличалась отъ организаціи его въ XVII столѣтіи; самая торговля и промышленность въ началѣ цар-

ствованія Петра не далеко ушли; да и впослѣдствіи Великій преобразователь прилагалъ свои заботы лишь къ крупной, оптовой торговлѣ и къ заводской, мануфактурной промышленности, основывая торговыя компаніи [1]), поощряя учрежденіе фабрикъ, заводовъ; мелкая промышленность, промышленность ремесленная предоставлена была самой себѣ. Изъ торгово-промышленнаго населенія городовъ, только высшіе слои его, или скорѣе, наиболѣе выдающіеся, отдѣльные члены его, бывшіе въ состояніи брать на себя болѣе или менѣе обширныя торговыя и промышленныя предпріятія, получали отъ царя всякаго рода льготы и привилегіи, выдѣлявшія ихъ изъ общей массы городскаго населенія, организація этого послѣдняго оставалась все той же, какой она была и въ XVII ст. Все торгово-промышленное населеніе городовъ и посадовъ попрежнему дѣлилось на сотни и слободы [2]). Дѣленіе это не было дѣленіемъ юридическимъ: сотня или слобода не представляла собою юридической единицы, пользовавшейся какими-либо правами или привилегіями; они были ничѣмъ инымъ, какъ единицами, сложившимися фактически; основаніемъ дѣленія первоначально служило просто число домовъ или душъ, такъ что это были единицы количественныя, какъ сотни, или географическія, какъ слободы; къ этому основанію впослѣдствіи присоединилась подкладка качественности: сотни стали называться гостиными, суконными, по роду занятій составлявшихъ ихъ членовъ. Отличіе и этихъ сотенъ было исключительно фактическое — большій или меньшій достатокъ въ сравненіи съ остальнымъ населеніемъ; но съ тѣхъ поръ, какъ правительство стало возлагать на гостей, гостиную и суконную сотни разнаго рода «службы», эти общины стали отличаться отъ остальныхъ уже и юридически, неся нѣкоторыя государственныя службы и пользуясь за это нѣкоторыми льготами [3]). Организація Бурми-

---

[1]) Еще въ 1699 году царь издаетъ указъ, о составленіи компаній купеческихъ". П. С. З. № 1706.

[2]) Установить отношеніе сотень къ слободамъ—очень трудно.

[3]) Такъ, до 1728 года части, гостиная и суконная сотни не тянули тягла совмѣстно съ остальнымъ населеніемъ, а „верстались особо"; но съ 1728 г. эти части должны были слиться съ остальными относительно подушнаго оклада и службъ; стать съ ними на ряду и верстаться между собою по богатству обще, а не особо (П. С. З. № 5300).

стерской Палаты или Ратуши и Земскихъ Избъ стояла, какъ мы видѣли, въ тѣсной связи съ этимъ дѣленіемъ городскаго населенія: представители въ Избы избирались отъ каждой сотни и слободы [1]). Всякаго рода повинности и оклады «верстались» по сотнямъ и слободамъ. Такимъ образомъ, вся масса торгово-промышленнаго населенія представляла собою, какъ бы одно цѣлое по отношенію ко всеобщему нивеллятору—государственному тяглу, по крайней мѣрѣ съ 1728 года. Нѣкоторыя исключенія, понятно, очень немногія, въ первое время представляли собою не особенно многочисленные владѣльцы фабрикъ и заводовъ, выдѣляемые правительствомъ, въ виду ихъ особаго въ его глазахъ значенія, изъ общей массы торгово-промышленнаго населенія путемъ дарованія имъ разнаго рода льготъ и привилегій [2]).

Все, сказанное до сихъ поръ о городѣ XVIII столѣтія вообще, ясно указываетъ, что о политическихъ правахъ населенія нашего города не можетъ быть и рѣчи; можно говорить лишь о его тяглѣ, о государственныхъ службахъ, на него возложенныхъ. Службы эти, это тягло, какъ мы знаемъ, было отлично отъ тѣхъ службъ и того тягла, которое несли другіе классы населенія; чтобы нести именно это тягло, нужно было входить въ составъ городскаго населенія, къ которому принадлежалъ каждый, не входившій въ составъ сельскаго—крѣпостнаго населенія или служилаго сословія и владѣвшій, въ районѣ города или посада, недвижимой собственностью — домомъ, дворомъ, который до 1719 года, года введенія «подушнаго оклада», служитъ податной единицей городскаго населенія. Такимъ образомъ, основаніемъ принадлежности къ городскому населенію служилъ не промыселъ, а владѣніе собственностью, которая долгое время принималась за основаніе при обложеніи податьми и всякаго рода повинностями. Этимъ обстоятельствомъ и объясняются всѣ мѣры правительства въ XVII и XVIII столѣтіи, направленныя къ тому, чтобы не допускать перехода городскаго двора въ руки члена служилаго сословія или крестьянина, такъ какъ въ случаѣ такого перехода дворъ, оставаясь въ районѣ города или по-

---

[1]) П. С. З. № 1683 и 1686.

[2]) Такъ, напр., по указу 17 января 1721 года отъ городскихъ общественныхъ службъ освобождались всѣ, основавшіе какіе либо заводы. П. С. З. № 3710.

сада, обѣлялся, т. е. переставалъ нести городское тягло. Занятіе какимъ-либо промысломъ не составляло необходимаго условія принадлежности къ городскому сословію, въ составъ котораго входили не одни торговцы или промышленники, но и тѣ изъ свободныхъ и не служилыхъ людей, — которые, владѣя въ городѣ или на посадѣ домомъ, занимались земледѣліемъ. Съ другой стороны занятіе промысломъ вообще не составляло исключительнаго права городскаго населенія, такое право принадлежало ему лишь относительно торговли и промысла въ самомъ городѣ или посадѣ; почему занятіе торговлей или промысломъ въ посадѣ или городѣ со стороны крестьянина или служилаго человѣка было бы ущербомъ для торгово-промышленнаго населенія этого города или посада, нарушеніемъ его права, такъ какъ крестьянинъ, промышляя въ городѣ или посадѣ, не могъ бы быть привлеченъ къ городскому тяглу, какъ несущій уже другое, свое собственное тягло. Отсюда правительству оставалось одно изъ двухъ: или совершенно запрещать представителямъ этихъ сословій владѣть въ городѣ недвижимой собственностью и заниматься въ немъ торговлей или какимъ нибудь промысломъ, или же, допустивъ то и другое, обязать ихъ нести двойное тягло: одно по своей принадлежности къ опредѣленному сословію, другое—по занятію промысломъ. Въ теченіи почти всего XVII столѣтія въ правительствѣ преобладала политика перваго рода; въ XVIII стол. перевѣсъ былъ на сторонѣ политики втораго рода. Въ томъ и другомъ случаѣ, условіемъ принадлежности къ составу городскаго населенія было владѣніе недвижимой собственностью въ городѣ или посадѣ и занятіе промысломъ. Съ введеніемъ подушной подати въ городахъ и посадахъ [1]) дѣло нѣсколько измѣняется: тяглой, податной единицей теперь является уже не дворъ, а душа, т. е. собственность замѣняется лицомъ, почему, съ этого времени достаточно платить въ городъ подушную подать и заниматься ремесломъ, чтобы входить въ составъ городскаго населенія и стать въ вѣдѣніе городскихъ сословныхъ учрежденій [2]). Сотни и слободы теперь составляются уже не изъ дворовъ, а изъ душъ;

---

[1]) См. указъ о ревизіи. П. С. З. № 3288 и №№ 3983, 5212 и 5333.

[2]) Достаточно содержать „купечество" и „купеческіе промыслы", чтобы быть зачисленнымъ въ посадъ и стать въ вѣдѣніе Ратуши. П. С. З. № 4312 и 6727.

дворъ и промыселъ, въ смыслѣ основанія принадлежности къ городскому тяглу, смѣняются душой и промысломъ. Правительство заботится теперь уже не столько о томъ, чтобы посадскіе дворы не стояли «въ пустѣ», сколько о томъ, чтобы число посадскихъ было возможно полнѣй. Владѣть недвижимой собственностью на посадѣ: дворомъ, лавкой, амбаромъ или вообще какимъ-либо торгово-промышленнымъ заведеніемъ и теперь еще никто, кромѣ посадскаго промышленнаго или торговаго человѣка не можетъ [1]): всякій владѣющій на посадѣ домомъ, лавкой и т. п. долженъ быть «написанъ въ посадъ» [2]); но теперь можетъ быть «написанъ въ посадъ» и тотъ, кто не владѣетъ ни тѣмъ, ни другимъ, а лишь занимается какимъ-либо промысломъ и платитъ подушное. Это послѣднее начало сдѣлалось исключительнымъ основаніемъ принадлежности къ сословному городскому населенію, лишь современи введенія Магистратовъ, какъ увидимъ нѣсколько дальше.

Вводя новыя сословно-городскія учрежденія, Петръ Великій дѣлитъ все населеніе города на двѣ группы, изъ которыхъ одна вѣдается этими учрежденіями, другая не имѣетъ къ нимъ никакого отношенія. Первую группу онъ назвалъ «регулярными» гражданами, къ которымъ онъ относитъ всѣхъ болѣе или менѣе «знатныхъ» торговцевъ и промышленниковъ всякаго рода, не исключая даже и представителей труда интеллектуальнаго, въ родѣ докторовъ и лекарей, къ нимъ же относилъ онъ и живописцевъ [3]). Ко второй группѣ, къ группѣ гражданъ нерегулярныхъ, по регла-

---

[1]) Такъ, въ резолюціи на магистратскіе докладные пункты отъ 27 сент. 1723 года посадской вдовѣ дозволяется выдти за мужъ „за кого она похочетъ“ лишь въ томъ случаѣ, когда она продастъ свой „дворъ и заводы“ въ посадъ. П. С. З. № 4312. Съ тѣмъ же самымъ опредѣленіемъ мы встрѣчаемся уже гораздо позже введенія цеховъ и магистратскаго устройства — въ 1742 году. См. Инстр. Старш. москов. купеч. П. С. З. № 8504.

[2]) *Ibid.* „Крестьянъ, имѣющихъ въ посадѣ домъ, лавку—написать въ посадъ“. См. также П. С. З. № 4337 и 4398.

[3]) Рег. Гл. Маг. П. С. З. № 3708, гл. VII: къ регулярнымъ гражданамъ относятся: 1) банкиры; 2) знатные купцы, занимающіеся большими отъѣзжими и мѣстными торгами; 3) городскіе доктора, лекари и аптекари; 4) шкипера; 5) золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера и вообще всѣ ремесленники.

менту относились всѣ, имѣющіе жительство въ городѣ, но не принадлежащіе ни къ одному изъ перечисленныхъ въ VII главѣ регламента видовъ гражданъ регулярныхъ и входящіе или въ составъ дворянства (шляхетства), или духовенства, или иностранцевъ, живущихъ въ Россіи «ради торговли и рукодѣлія», или же, наконецъ, относящіеся къ категоріи «подлыхъ» людей (обрѣтающихся въ наймахъ и чернорабочихъ), которые «нигдѣ между знатными и регулярными гражданами не считаются» [1]). Такимъ образомъ, законодатель прочно устанавливаетъ сословное различіе между отдѣльными классами городскаго населенія, вся совокупность котораго составляетъ собою понятіе горожанъ, городскихъ обывателей въ обширномъ смыслѣ этихъ словъ, какъ совокупность всѣхъ, имѣющихъ своимъ мѣстопребываніемъ городъ и посадъ; т. е. понятіе горожанъ въ обширномъ смыслѣ слова, есть понятіе чисто географическое, территоріальное. Этому понятію горожанина въ широкомъ смыслѣ законодатель противополагаетъ понятіе горожанина въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, понятіе горожанина регулярнаго, занимающагося извѣстнымъ промысломъ, несущаго извѣстное тягло, подчиненнаго вѣдѣнію извѣстныхъ, сословно-городскихъ учрежденій, однимъ словомъ, горожанинъ или гражданинъ въ тѣсномъ смыслѣ не есть просто обыватель города, но членъ сословія, составляющаго часть городскаго населенія. Вмѣстѣ съ такимъ съуженіемъ понятія горожанина съузилось и самое понятіе города; теперь городомъ на оффиціальномъ языкѣ называется не опредѣленный пунктъ съ его населеніемъ вообще, а, какъ выражается Неволинъ, «общество людей торгово-промышленнаго сословія, принадлежащихъ къ извѣстному мѣсту и самое то мѣсто, къ которому они считаются принадлежащими» [2]). На гражданахъ въ тѣсномъ смыслѣ слова и

---

[1]) *Ibid.* Однако, послѣдняя категорія нерегулярныхъ гражданъ—„подлые люди“—не принадлежа къ числу регулярныхъ гражданъ, тѣмъ не менѣе подчиняются Магистрату, которому ихъ старосты и десятскіе доносятъ объ ихъ нуждахъ. Инстр. Гор. Маг. 1724 г. П. С. З. № 4624; п. 17.

[2]) Пол. собр. соч. т. VI, стр. 28 и 29. Неволинъ совершенно справедливо называетъ этотъ періодъ въ исторіи нашего города вторымъ періодомъ его развитія, (первый періодъ — когда городъ представлялъ собою вмѣстѣ понятіе географическое и юридическое—все населеніе опредѣленнаго географическаго пункта); нельзя только, мнѣ кажется, согласиться съ ученымъ юристомъ, что „переходъ къ такому понятію о городѣ былъ

сосредоточивается вся законодательная дѣятельность Петра, касающаяся городскаго устройства и горожанъ.

Горожане въ тѣсномъ смыслѣ, регулярные граждане, распадаются въ свою очередь еще на нѣсколько группъ на основаніи ихъ личнаго достоинства или скорѣе того промысла, которымъ они занимаются. Прежде всего всѣ регулярные граждане дѣлятся на двѣ гильдіи: къ первой относятся всѣ крупные, знатные торговцы, доктора съ аптекарями, шкипера, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера и живописцы; ко второй — всѣ мелочные торговцы и ремесленники [1]); послѣдніе, независимо отъ того, что входили въ составъ гильдіи, подраздѣлялись еще на отдѣльныя общества уже на основаніи однородности мастерства: «каждое художество или ремесло», говоритъ регламентъ Главному Магистрату, «свои особые цунфты или собранія ремесленныхъ людей имѣетъ». Гильдіи и цехи получили свою особую внутреннюю организацію, скопированную съ цеховой организаціи германскихъ городовъ. Каждая гильдія имѣла своихъ выборныхъ представителей-«старшинъ и старостъ съ товарищами» [2]). Эти выборные должны были, по выраженію законодателя, «попеченіе и стараніе имѣть обо всемъ, что до пользы гражданъ» касается [3]). Являясь органами внутренняго управленія гильдій, выборные старшины со старостами стоятъ, по мысли законодателя, въ тѣсной связи съ городскимъ магистратскимъ управленіемъ: все, что касалось гражданской пользы, городовой Магист-

---

дѣланъ при Петрѣ и окончательно завершился при императрицѣ Екатеринѣ II". Наоборотъ, это понятіе окончательно выработалось при Петрѣ; при Екатеринѣ же начался, какъ увидимъ, переходъ къ новому понятію города и горожанина. Зародышъ же понятія о городѣ какъ сословной единицѣ нужно отнести по моему мнѣнію ко времени закрѣпленія сельскаго и служилаго сословій, что произошло несравненно раньше Петра Великаго. На той же страницѣ авторъ самъ говоритъ, что „понятіе города на этомъ не остановилось" оно постепенно развивается и въ положеніи о городахъ Екатерины II городъ разсматривается уже съ совершенно новой точки зрѣнія.

[1]) П. С. З. № 3708, гл. VII и № 4624 п. 15.

[2]) Въ инструкціи собственно говорится (п. 16), что гильдіи имѣютъ по нѣскольку выборныхъ старшинъ, изъ которыхъ одинъ въ старосты, а другой—ему въ товарищи. Мѣсто довольно темное, что такое старшина, толи же, что староста и его товарищъ или особое должностное лицо?

[3]) П. С. З. № 4624 п. 16.

ратъ долженъ былъ, по инструкціи, обсуждать со старостами и старшинами гильдій [1]), которые, такимъ образомъ, составляли нѣчто въ родѣ совѣта при Магистратѣ, конечно только съ совѣщательнымъ голосомъ [2]). Этимъ мѣстомъ инструкціи городовымъ Магистратамъ и исчерпываются всѣ опредѣленія объ организаціи гильдіи. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній ни о томъ, какъ избирались ея представители, ни о томъ, на сколько времени они избирались. Гораздо больше останавливается законодатель на организаціи цеховъ. Слишкомъ неопредѣленныя постановленія объ этомъ предметѣ регламента Главному Магистрату скоро были разъяснены и дополнены специальнымъ указомъ о цехахъ, за которымъ слѣдовалъ рядъ указовъ, рѣшающихъ отдѣльные вопросы по этому предмету [3]); въ результатѣ получилась слѣдующая организація городской ремесленной промышленности при Петрѣ Великомъ.

Каждый цехъ имѣетъ свои цеховыя собранія, своихъ представителей,—старшинъ или альдермановъ [4]), число которыхъ зависѣло отъ «величества города и числа художниковъ» (ремесленниковъ) цеха [5]). Трудно сказать, были ли старшины, по смыслу опредѣленія регламента, выборными должностями: въ регламентѣ просто говорится, что «каждое ремесло свои цунфты имѣетъ, а надъ оными—альдермановъ». Со времени указа 1722 года альдерманы были несомнѣнно избирательными должностями, избираемыми самими цехами изъ собственной среды; при этомъ, однако, ни регламентъ, ни впослѣдствіи изданные указы ничего не говорятъ о срокѣ, на который избирались эти цеховыя должностныя лица. Они избирались, понятно, изъ среды полноправныхъ членовъ цеха—мастеровъ [6]). Обязанности альдермановъ не были исключительно только, такъ сказать, ремесленными обязанностями. Они не только вели цеховую книгу, за-

---

[1]) *Ibid.*

[2]) Этотъ пунктъ инструкціи городовымъ Магистратамъ, надо думать, ничто иное, какъ болѣе точная редакція того мѣста регламента Главному Магистрату, въ которомъ говорится, что Магистратъ „для совѣтовъ долженъ приглашать изъ первостатейныхъ людей и изъ среднихъ добрыхъ и умныхъ“.

[3]) См. П. С. З. № 3980; 4054; 4066; 4102 и 4395.

[4]) П. С. З. № 3708 и 3980.

[5]) П. С. З. № 3708 гл. VII.

[6]) П. С. З. № 3980.

писывая въ нее всѣхъ ремесленниковъ своего цеха, не только смотрѣли за тѣмъ, «дабы всякій свое рукодѣлье дѣлалъ добрыми мастерствы» [1]), но они вмѣстѣ съ тѣмъ были и административными органами правительства, его агентами, раскладывая государственныя подати и повинности и собирая ихъ [2]). Въ томъ случаѣ, когда старшина по отношенію къ своимъ обязанностямъ «въ добрыхъ поступкахъ явится», онъ можетъ быть, какъ бы въ награду за свое поведеніе, выбранъ не только въ члены Ратуши, но и въ Бургомистры [3]).

Каждый цехъ составляется изъ членовъ двухъ категорій: членовъ полноправныхъ и неполноправныхъ; къ первымъ принадлежатъ всѣ мастера цеха, т. е. ремесленники, имѣющіе право заниматься даннымъ ремесломъ совершенно самостоятельно и имѣть своихъ подмастерьевъ и учениковъ [4]), которые составляютъ вторую категорію членовъ цеха, членовъ неполноправныхъ. Всѣ постановленія о переходѣ членовъ второй категоріи, учениковъ и подмастерьевъ, въ первую—мастера, ограничиваются двумя только мѣстами указа, изданнаго въ апрѣлѣ 1722 года. Одно изъ нихъ говоритъ, что ученики должны находиться въ обученіи у мастера никакъ не менѣе семи лѣтъ; только по прошествіи этого срока онъ получаетъ отъ мастера письменное удостовѣреніе въ знаніи своего ремесла. Можетъ ли такой, кончившій свой курсъ, ученикъ поступить прямо въ мастера, на основаніи только полученнаго имъ отъ бывшаго хозяина свидѣтельства, или же, какъ въ западно-европейскихъ цехахъ, долженъ непремѣнно сначала пройти въ теченіи опредѣленнаго періода времени, степень подмастерья — вопросъ остается открытымъ; нужно ли, наконецъ, какое либо испытаніе въ искусствѣ, знаніи ремесла для подмастерья, желающаго вступить въ цехъ въ качествѣ самостоятельнаго хозяина-мастера, точно

[1]) Каждый мастеръ предъявлялъ сдѣланную имъ вещь альдерману, предварительно положивъ на нее свое „пятно"; если она удовлетворительна—альдерманъ „пятнаетъ ее своимъ пятномъ"; въ случаѣ же неудовлетворительности—уничтожаетъ.—Старшина наблюдаетъ и за тѣмъ, чтобъ на рынкѣ не продавались непятнанныя вещи, которыя онъ отбираетъ у владѣльцевъ „на государя". П. С. З. № 3980.

[2]) П. С. З. № 4624 п. 18, 19 и 20.

[3]) П. С. З. № 3708 гл. VII.

[4]) П. С. З. № 3980.

также отвѣтить положительно нельзя; такъ какъ второе мѣсто названнаго указа, мѣсто, болѣе или менѣе касающееся даннаго вопроса, говоритъ вообще, что званіе мастера можно получить лишь послѣ успѣшнаго испытанія, которое, по выраженію указа, обыкновенно производится «какъ въ чужихъ краяхъ». О взаимныхъ отношеніяхъ учениковъ, подмастерьевъ и мастеровъ другъ къ другу, ни регламентъ, ни спеціальные указы о цехахъ ничего не говорятъ: они опредѣлялись вѣроятно или путемъ обычая [1]), или тоже «какъ въ чужихъ краяхъ».

Заимствуя «въ чужихъ краяхъ» цеховую организацію, царь не дѣлаетъ этого однако, какъ говорится, зажмуря глаза: въ копіи во многихъ отношеніяхъ трудно узнать оригиналъ. Копируя болѣе или менѣе точно оригиналъ «чужихъ краевъ» относительно самаго производства ремесла, Петръ Великій значительно отступаетъ отъ этого оригинала по отношенію къ составу ремесленниковъ, членовъ цеха. Копія далеко не представляетъ собою того замкнуто-монопольнаго характера относительно этого состава, какой, какъ мы видѣли, носятъ цехи Германіи даже въ XVIII ст., не смотря на борьбу съ этимъ ихъ характеромъ представителей просвѣщеннаго абсолютизма. Петръ Великій переносилъ къ намъ цехи во всякомъ случаѣ, между прочимъ и съ тою цѣлью, чтобы вызвать движеніе въ ремесленной промышленности, поощрить ея развитіе, привлечь къ занятію ею возможно большее количество рукъ и силъ, а никакъ не устранять ихъ; нашъ ремесленникъ не могъ, подобно западно-европейскому, жаловаться на конкуренцію, бояться ей: какъ бы не были малы потребности общества—рукъ, удовлетворяющихъ имъ было еще меньше. Вотъ почему Петръ, какое бы онъ не придавалъ значеніе цехамъ Германіи, не могъ перенести на русскую почву ихъ статутныхъ постановленій, направленныхъ къ

[1]) „Учеба" ремеслу регулировалась обычаемъ, какъ видно изъ одного договора, такимъ образомъ: крестьянинъ по договору отдаетъ посадскому человѣку, ремесленнику-серебрянннику въ учебу своего сына на 8 лѣтъ, въ теченіи которыхъ мастеръ обязывается выучить мальчика всему, что самъ знаетъ. При этомъ, отецъ обязывается внести мастеру 20 р., снабжать сына бѣльемъ и отвѣчать за него въ случаѣ покражи и т. п. Ученикъ обязывается „быть во всемъ послушну и покорну и безотвѣтственну, дѣлати все безотступно и быть въ послушаніи и покореніи". *Корсакъ* — о формахъ промышленности. 111—112.

ограниченію доступа въ составъ цеха новыхъ членовъ; онъ не могъ придать вводимымъ имъ учрежденіямъ характера замкнутой наслѣдственности, строгой монополіи. Ко всему этому онъ не могъ не видѣть, что и въ западно-европейскомъ цехѣ эта замкнутость, монополія, терпѣлась лишь какъ зло, на борьбу съ которымъ у государства не ставало силъ, къ ограниченію которой, однако, направлялись всѣ имѣющіяся силы. Понятно, само собою, что Петръ Великій смотрѣлъ на значеніе цеховъ не глазами цеховыхъ ремесленниковъ XVIII ст., видѣвшихъ въ нихъ средство удовлетворить своимъ собственнымъ, личнымъ интересамъ, а глазами правительствъ, видѣвшихъ въ нихъ средство къ развитію промышленности. Вотъ почему, нашъ великій преобразователь могъ перенести статутныя цеховыя постановленія о полицейскомъ надзорѣ за производствомъ ремеслъ, ошибочно считая ихъ, вмѣстѣ съ западноевропейскими представителями просвѣщеннаго абсолютизма, за очень дѣйствительное средство къ поощренію развитія промышленности, и не могъ сдѣлать того же самаго относительно постановленій, направленныхъ къ развитію въ цехахъ духа монополій. Если мы не встрѣчаемся въ цеховыхъ учрежденіяхъ, введенныхъ Петромъ, полной свободы относительно вступленія въ цехъ его полноправнымъ членомъ, то это вызывалось совершенно иными причинами, не имѣющими ничего общаго съ цеховой организаціей. Такою причиною ограниченія свободы вступленія въ составъ цеха является тяглогосударственный характеръ всего русскаго населенія.

Указъ 1722 года выставляетъ какъ основное положеніе, что въ цехи, «вѣчно или временно», записываются «ремесленники всякихъ художествъ» все равно, принадлежатъ ли они къ русскимъ подданнымъ или нѣтъ» [1]); при этомъ русскіе подданные, вступающіе въ цехъ, могутъ быть людьми «всякихъ чиновъ», не исключая и владѣльческихъ крестьянъ, которые, однако, должны для этого представить старшинѣ цеха, «отпускныя письма отъ помѣщиковъ или прикащиковъ» [2]); причемъ послѣдніе вписываются въ цехи,

[1]) П. С. З. № 3980.

[2]) *Ibid.* Кромѣ „гражданъ" въ цехи могутъ записываться и „художники изъ другихъ чиновъ людей, изъ людей боярскихъ и изъ поселянъ"... П. С. З. № 4054—тоже относительно государственныхъ, синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ.

при условіи согласія своихъ помѣщиковъ, только въ томъ случаѣ, если они работаютъ не на однихъ своихъ владѣльцевъ, но и на сторону, т. е. на продажу [1]). Принимаются въ цехи и «отставные драгуны, солдаты, матросы», если занимаются какимъ либо ремесломъ [2]). Такимъ образомъ, единственнымъ препятствіемъ для вступленія въ цехъ была принадлежность къ какому либо тяглому сословію: крестьянинъ, напр., не могъ вполнѣ свободно вступить въ цехъ, такъ какъ съ момента поступленія въ него онъ «дѣлался» регулярнымъ гражданиномъ, входилъ въ составъ сословія, несшаго свое тягло и тѣмъ самымъ переставалъ быть членомъ крестьянской крѣпостной общины, чѣмъ нарушалъ интересы своего владѣльца, согласіе котораго на такой переходъ, поэтому, необходимо. По этой же причинѣ не могли уже вовсе вступать въ цехи служилые люди: это повело бы за собою нарушеніе государственныхъ интересовъ. Тѣже самыя мѣры принимались и вообще относительно поступленія въ «регулярные граждане», въ составъ которыхъ могли входить всякихъ чиновъ люди, исключая служилыхъ, жившихъ въ городахъ; этого чина люди не могли записываться на посадѣ и заниматься какою бы то ни было отраслью промышленности [3]); всякаго рода владѣльческіе крестьяне, могли быть «написаны въ посадъ» и заниматься всякаго рода промыслами лишь при условіи несенія двойнаго тягла: помѣщичьяго и посадскаго [4]). Относительно же всякаго рода разночинцевъ инструкція, изданная въ 1724 году въ руководство городовымъ Магистратамъ, при пріемѣ ихъ въ посады предписываетъ руководиться постановленіями Уложенія 1649 года и изданныхъ послѣ него указовъ. Это послѣднее постановленіе идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ новымъ направленіемъ, которое, какъ мы видѣли, высказывается въ началѣ XVIII столѣтія, послѣ

---

[1]) П. С. З. № 3980.

[2]) П. С. З. № 4066.

[3]) П. С. З. № 4373.

[4]) „Въ посады крестьянамъ записываться вольно“ если ихъ торгъ превышаетъ сумму 500 р. и ежели они согласны платить восьмигривенный душевый окладъ, „по обыкновенію крестьянскихъ податей“, помѣщику. П. С. З. № 4312. См. также № 4535: уже записанные на посадъ обязаны, кромѣ оброка помѣщику, платить посадскій подушный окладъ; тоже повторяется и въ №№ 4566, 4318, 4336.

изданія 1719 году указа о ревизіи и введеніи подушной подати, и согласно съ которымъ для того, чтобы принадлежать къ сословію посадскихъ торгово-промышленныхъ людей, достаточно заниматься какимъ либо промысломъ и платить подушное; владѣніе же недвижимой собственностью перестало быть conditio sine qua non принадлежности къ сословію посадскихъ. Въ параллель только приведенному опредѣленію мы имѣемъ указъ отъ 1723 года, которымъ «пришлымъ изъ за рубежа людямъ разныхъ мастерствъ», живущимъ даже «в ъ ч у ж и х ъ д в о р а х ъ» дозволяется записываться въ цехи [1]), и стало быть, входитъ въ составъ р е г у л я р н ы х ъ гражданъ и числиться, «для платежа подушныхъ денегъ», вмѣстѣ съ другими посадскими. Такія противорѣчія, соединенія, повидимому, совершенно несоединимыхъ постановленій совершенно понятны въ лихорадочной законодательной дѣятельности Петра Великаго.

Переходъ изъ регулярныхъ гражданъ въ какое либо другое сословіе, напр., въ крестьяне или такъ называемые закладчики былъ невозможенъ [2]); и опять въ видахъ все тѣхъ же г о с у д а р с т в е н н ы х ъ интересовъ: переходя въ крестьяне, регулярный гражданинъ eo ipso переставалъ нести посадское государственное тягло.

Цехи, введенные Петромъ, не пользовались правомъ принудительнаго присоединенія къ цеху всякаго горожанина, занимающагося ремесломъ: указъ 1722 года, говоря о записываніи въ цехи «ремесленниковъ всякихъ художествъ», категорически прибавляетъ— «а въ неволю не принуждать»; слѣдовательно, ремесленникъ могъ заниматься ремесломъ и не входя въ составъ цеха. Такіе ремесленники, какъ опредѣлено было не больше, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ изданія упомянутаго указа, могли свободно заниматься своимъ ремесломъ, но только н е д л я п р о д а ж и [3]). Нужно ли говорить, что и въ этой формѣ цехи никакъ не могли послужить къ развитію ремесленной промышленности; они, наоборотъ, тормозили ее, но тормозили во всякомъ случаѣ менѣе, чѣмъ отжившіе свое время

---

[1]) П. С. З. № 4395.

[2]) П. С. З. № 4624.

[3]) Указъ 16 мая 1722 года. Въ концѣ того же года—4 октября—издается, однако, указъ, которымъ всякій ремесленникъ обязанъ явиться (въ Петербургѣ) въ Гл. Магистратъ „для объявленія своего художества и ремесла“ подъ угрозой большаго штрафа. П. С. З. № 4102.

западно-европейскіе цехи; во первыхъ, какъ мы видѣли, регламентація законодательная касается лишь способовъ производства ремесленныхъ работъ; а во вторыхъ, и въ этой формѣ цехи едва ли существовали въ огромномъ большинствѣ тогдашнихъ городовъ. Они могли существовать въ Петербургѣ, въ Москвѣ, гдѣ и въ то время пришлый, иностранный ремесленно-промышленный элементъ былъ достаточно развитъ, и гдѣ самыя потребности были разнообразнѣе и сложнѣе, а потому могли вызвать по каждому ремеслу достаточное количество ремесленниковъ для того, чтобъ они могли составить цехъ. Едва ли можно сказать это объ остальныхъ городахъ того времени, общественная жизнь которыхъ едва ли была настолько сложна, чтобы по каждому существующему въ городѣ ремеслу могло существовать количество мастеровъ, достаточное для образованія цеха [1]: наконецъ, прибавимъ ко всему этому еще и то обстоятельство, что даже тамъ, гдѣ цехи дѣйствительно были учреждены, они мало измѣняли de facto положеніе дѣлъ: можно смѣло думать, что полицейская сторона цеховыхъ постановленій оставалась болѣе или менѣе мертвой буквой, обратившись въ пустую формальность, которая давала лишь возможность всякаго рода злоупотребленіямъ, напр., при клейменіи ремесленныхъ работъ цеховымъ альдерманомъ, обратившимъ эту сторону своей должности въ доходную статью для себя. Но цеховая организація, какъ уже было замѣчено, имѣла другую сторону—государственно-административную: она стояла въ тѣсной связи съ городскимъ финансово-тяглымъ устройствомъ вообще: цеховые альдерманы и старосты со своими товарищами были вмѣстѣ съ тѣмъ и государственно-административные органы и при этомъ послѣдняя сторона въ ихъ дѣятельности едва ли не преобладала надъ первой [2]).

Такихъ образомъ, Петръ Великій, вводя магистратское городовое устройство, вводитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и новую организацію самого

---

[1]) Мы не имѣемъ указаній на minimum числа ремесленниковъ, могущихъ образовать цехъ; но во всякомъ случаѣ онъ не могъ быть ничтожнымъ въ виду даже той, не особенно сложной, цеховой администраціи, которая введена была Петромъ.

[2]) Эту же мысль высказываетъ авторъ небольшой статьи о цехахъ въ Россіи и Западной Европѣ, помѣщенной въ октябрьской книжкѣ Русскаго Вѣстника за 1873 годъ. стр. 811.

городскаго торгово-промышленнаго населенія, не затруднившись установить такія группы въ этомъ населеніи, которыхъ, за исключеніемъ развѣ какого-либо единичнаго представителя, въ дѣйствительности и не существовало. Но вся эта система, стоившая преобразователю не малыхъ трудовъ и заботъ, рушилась вмѣстѣ съ его смертью.

ГЛАВА VI.

Полиція при Петрѣ Великомъ.

Преобразованія Петра Великаго, касавшіяся городскаго торгово-промышленаго населенія, или вовсе не отдѣляли даже этого населенія отъ торговаго и промышленнаго населенія, жившаго внѣ городовъ и посадовъ, какъ учрежденіе Бурмистерской Палаты съ Земскими Избами, не объединяя вмѣстѣ съ тѣмъ всего городскаго населенія въ общественно-административную единицу или, какъ магистратскія учрежденія, отдѣливъ городское торгово-промышленное населеніе отъ сельскаго, имѣли дѣло все-таки лишь съ торгово-промышленнымъ населеніемъ города, съ его регулярными гражданами, а не съ городскимъ населеніемъ, городскими обывателями вообще. Иначе и быть не могло: ни Бурмистерская Палата съ Земскими Избами, ни Главный Петербургскій Магистратъ съ Городовыми, не имѣли и не могли имѣть въ виду города: ихъ цѣль лежала въ организаціи сословія, это не земскія мѣстныя учрежденія, а государственно-сословныя. Организація сословій не создавала города какъ земскую единицу, а наоборотъ, разрушала ее, препятствовала къ ея развитію; она не способствовала и къ образованію изъ города отдѣльной административной единицы, подчиняя только часть его населенія вѣдомству извѣстнаго административнаго учрежденія. Да въ такомъ объединеніи, даже исключительно административномъ, не настояло и надобности до тѣхъ поръ, пока государство знало лишь финансовую, да судебную съ военной стороны администраціи.

Но съ постепеннымъ развитіемъ общественно-государственной жизни развивается новая сторона администраціи — полиція въ обширномъ смыслѣ этого слова. Исторія развитія этой стороны адми-

нистраціи совершенно различна въ западной Европѣ и у насъ, благодаря совершенно различному характеру развитія самой общественно-государственной жизни, совершенно различному характеру взаимныхъ отношеній между обществомъ и государствомъ. Въ западной средневѣковой Европѣ общество, или лучше община, преобладаетъ надъ государствомъ: сила и власть общины заступаютъ мѣсто силы и власти государства; въ Россіи отношеніе этихъ двухъ элементовъ совершенно обратное: верховная государственная власть и ея интересы поглощаютъ общину съ ея интересами: послѣдняя дѣлается слугой первой. Тамъ всѣ стороны администраціи развились въ городѣ—общинѣ и уже изъ ней заимствованы, конфискованы государственной властью; у насъ, наоборотъ, эти стороны развивались, большею частію путемъ заимствованія изъ тѣхъ же западныхъ государствъ, путемъ государственной регламентаціи и уже государство передавало извѣстныя отрасли администраціи въ руки самаго общества; отсюда—медленность развитія въ Россіи этой стороны администраціи: интересы государства слишкомъ долго исключительно преобладали надъ всѣми остальными.

Въ автономической общинѣ западно-европейскаго города, благодаря сильному развитію торговли и промышленности, замѣчательно быстро росли потребности и нужды общества а вмѣстѣ съ этимъ и способы, средства къ ихъ удовлетворенію. Общественно-цеховая организація городскаго населенія eo ipso влекла за собою развитіе общественнаго хозяйства въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Гильдія, цехъ, будучи общеніями, охватывавшими не одну какую либо сторону человѣка, а всего его, и развивали всѣ стороны общественной жизни. Само собою понятно, что цехи должны были, въ видахъ собственныхъ интересовъ, выработать, если можно такъ выразиться, ремесленную и торговую полицію въ смыслѣ надзора за производствомъ торговли и ремеслъ, такъ и мѣръ, способствующихъ развитію того и другаго. Послѣдняя сторона полиціи, благодаря своей важности, приняла самые широкіе размѣры.

Для правильнаго и безпрепятственнаго развитія торговли и ремеслъ, нужны не только безопасность, правильное отправленіе правосудія, удобные пути сообщенія, но и болѣе или менѣе правильно организованный кредитъ и общественное образованіе. Такимъ образомъ въ западно-европейскомъ городѣ мы встрѣчаемся, срав-

нительно очень рано, не только съ кодификаціей относительно отбыванія ремеслъ и торговли [1]), но и съ болѣе или менѣе выработанной системой мѣръ, касающихся безопасности городскаго населенія какъ личной, такъ и имущественной [2]). Городской Совѣтъ регулируетъ, ведетъ надзоръ за торгово-промышленнымъ кредитомъ, который развивается въ западно-европейскихъ городахъ замѣчательно быстро и притомъ, въ очень сложныхъ формахъ въ городахъ быстро ростутъ банки. Развитіе промышленности и взаимныхъ сношеній городовъ между собою, вызвали, по мнѣнію Маурера, духовную дѣятельность городскаго населенія: низшее образованіе постепенно развивалось, перейдя изъ рукъ духовенства, которое завѣдывало имъ первоначально, въ руки городскаго населенія. Монастырскія и церковныя школы, учрежденныя въ Германіи Карломъ Великимъ, постепенно смѣняются городскими школами; такъ какъ свѣдѣнія, передаваемыя первыми своимъ ученикамъ становились недостаточными съ развитіемъ и усложненіемъ торгово-промышленной дѣятельности. Потребность въ болѣе соотвѣтствующемъ жизни образованіи такъ сильно сознавалась городскимъ обществомъ, что оно не остановилось даже передъ фактомъ упорнаго сопротивленія духовенства, которое въ стремленіи горожанъ видѣло посягательства на свои права [3]). Понятно, что завоевавъ право самостоятельнаго удовлетворенія сознанной имъ потребности образованія, горожане дѣйствительно пользуются этимъ правомъ: учителя назначаются городскимъ Совѣтомъ [4]), который вообще слѣдилъ за ходомъ обученія въ этихъ школахъ, которыя, хотя и не особенно быстро, шли впередъ, постепенно расширяя програму:

---

[1]) *Maurer*. III. 15—32. Сюда относятся мѣры, касающіяся производства: обработки матеріала опредѣленнаго качества; обработки его извѣстнымъ образомъ и т. п.; мѣръ, вѣсовъ и т. д. *Levasseur:* Hist. des cl. ouv. en Fr. depuis la conq. de Jul. Cés. I. 241 и сл.

[2]) *Maurer*. III. 145—161. Сюда относятся всѣ мѣры къ установленію такъ называемаго городскаго мира (Stadtfrieden):—полиція безопасности и судъ—ibid. со стр. 546.

[3]) *Maurer:* III. 61 — 62: духовенство сопротивляется образованію городской школы въ Любекѣ въ 1261 году; тоже явленіе повторяется въ Гамбургѣ, Лейпцигѣ, Магдебургѣ и др. мѣстахъ.

[4]) *Ibid.* 63 и 64. Школы дѣлились на нѣмецкія или собственно — городскія и такъ наз. trivial-Schulen или латинскія. *Ibid.* 67.

образовались высшія школы, даже университеты. Реформація дала сильный толчокъ дѣлу народнаго образованія въ городахъ [1]). Размноженіе школъ и народнаго образованія вообще влечетъ за собою необходимость удовлетворенія умственнымъ интересамъ: является потребность въ библіотекахъ и городскіе Магистраты такъ или иначе удовлетворяютъ этой потребности, въ городахъ основываются публичныя библіотеки въ качествѣ городскихъ учрежденій. Городъ или открываетъ библіотеки вновь, или въ его вѣдѣніе переходятъ монастырскія библіотеки, какъ напр., Нюрнбергская городская библіотека [2]). Городъ отпускаетъ на содержаніе этихъ библіотекъ ежегодно опредѣленныя суммы.

Такъ какъ гильдіи и цехи не были обществами, по крайней мѣрѣ первое время, исключительно ремесленными и, являясь таковыми лишь по составу, были въ сущности общеніями, имѣвшими цѣлью всестороннее полное поддержаніе и развитіе общественной жизни своихъ членовъ ремесленниковъ, то совершенно понятно, что ставъ во главѣ городскаго управленія, они не ограничиваются развитіемъ и организаціей лишь тѣхъ сторонъ этого управленія, которыя стоятъ въ непосредственномъ отношеніи къ торговлѣ и промышленности. Средневѣковой городской магистратъ не игнорируетъ и нравственной, въ обширномъ значеніи этого слова, стороны общественной жизни. Всевозможныя проявленія этой жизни онъ регулируетъ, то играя роль блюстителя общественной нравственности, то заботясь о развлеченіяхъ общества, то блюдя его религіозные интересы, являясь общественнымъ благотворителемъ. Другой вопросъ, какъ все это исполняетъ городская общественная власть. Задавшись цѣлью поддерживать и развивать общественную нравственность, общественное приличіе, магистратъ, разумѣется, дѣлаетъ это со своей, средневѣковой точки зрѣнія (какъ же могло быть иначе). На этомъ поприщѣ онъ не ограничивается только преслѣдованіемъ публичнаго проявленія безнравственности съ современной намъ точки зрѣнія, не ограничивается надзоромъ за общественными играми и увеселеніями, онъ вмѣшивается даже въ частную жизнь.

---

[1]) Въ Базелѣ совершенно преобразуется Университетъ въ 1532 г.; въ Стразбургѣ основывается въ 1560 году. *Ibid*. 69.

[2]) *Ibid*. 76.

Онъ не ограничивался запрещеніемъ танцевъ, казавшихся соблазнительными или вообще неприличными [1]), извѣстнаго рода игръ, преслѣдованіемъ публичнаго разврата въ его разнообразныхъ проявленіяхъ (mulieres communes, fahrende Töchter подлежали надзору общественныхъ городскихъ властей; этимъ женщинамъ запрещалось показываться на улицахъ, носить костюмъ, обыкновенно употребляемый горожанками) [2]); онъ простиралъ свою регламентацію гораздо дальше: онъ ограничивалъ личные вкусы и прихоти горожанъ; такъ, напр., во всѣхъ городахъ общественныя власти стремились ограничивать роскошь горожанъ, запрещая особыми постановленіями носить особенно роскошныя платья, устраивать черезъ-чуръ пышныя празднества [3]). Религіозный характеръ городскихъ общинъ выразился въ общественной благотворительности. Въ XIII и XIV ст. начали появляться въ городахъ общественные госпитали и сиротскіе домы съ богадѣльнями [4]), содержимыми на общественныя суммы.

Съ постепеннымъ развитіемъ торговли и промышленности, а вмѣстѣ съ ними и городскаго и общественнаго благосостоянія появляются капитальныя общественныя зданія: Ратуши, зданія для собранія купцовъ и ремесленникокъ (въ XIII и XIV ст.), гостиные дворы, лавки [5]); общество старается о бо́льшемъ или меньшемъ великолѣпіи этихъ зданій; городское управленіе переноситъ вмѣстѣ съ этимъ свой надзоръ на частныя постройки: является необходимость въ установленіи городской строительной полиціи. Строительные уставы (Bauordnungen) касаются не только всякаго рода общественныхъ построекъ, но и регламентируютъ, часто съ излишней мелочностью, частныя постройки горожанъ. Вводятся долж-

---

[1]) Въ 1512 г. запрещены были въ Аугсбургѣ, какъ непристойные, такъ наз. Gesellenkranz-und Hahnentänze. Въ Ульмѣ—вальсъ. *Maurer*. III. 95. Надо замѣтить приэтомъ, что Гор. Совѣтъ содержитъ въ нѣкоторыхъ городахъ на общественныя средства музыкантовъ (Spielleute); а нѣкоторые даже Stadtnarren. *Ibid.* 97—98.

[2]) См. вообще *Maurer*, III. § 425.

[3]) Издавались такъ называемые Kleiderordnungen, строго опредѣляющіе форму костюма и матеріалъ его. *Ibid.* 82 и слѣд. Точно опредѣлялось количество и качество блюдъ, которыми могъ угощать горожанинъ своихъ друзей. *Maurer*. ibid. 86 и слѣд.

[4]) *Ibid.* 45—57.

[5]) *Maurer*. II. 7, 48—69.

ности надзирателей за постройками, безъ разрѣшенія которыхъ не могла быть произведена не только ни одна постройка, но даже починка стараго зданія [1]).

Развитіе благосостоянія и образованности мало по малу вызываетъ со стороны городскихъ Магистратовъ сознаніе въ необходимости нѣкоторыхъ санитарныхъ мѣръ: въ XIV ст. городскія власти начинаютъ заботиться о чистотѣ улицъ: появляется рядъ постановленій о невыбрасываніи нечистотъ на улицы и площади, невыпусканіи свиней и т. п. [2]).

Такимъ образомъ, совершенно естественно выробатывалась городская полиція западно-европейскаго города; выробатывалась, какъ результатъ сознательной, автономической жизни городскаго населенія. Въ ней, можно сказать, выливалась вся суть этой жизни. Она составляла характеристическую черту городской общины, выдѣлявшую послѣднюю изъ всего общественно-политическаго строя средневѣковаго міра.

Совершенно иное, діаметрально противоположное, явленіе въ этомъ отношеніи представляетъ русскій городъ. Въ XIII и XIV ст., когда въ западно-европейскихъ городахъ появляются солидныя общественныя постройки, въ нашихъ городахъ единственныя общественныя зданія—церкви, воздвигаемыя въ теченіи нѣсколькихъ дней; хоть сколько-нибудь выдающіяся изъ нихъ по солидности сооруженія строятся князьями. Въ то время какъ въ западно-европейскомъ городѣ встрѣчаемся съ такими проявленіями торгово-промышленной жизни, какъ правильная цеховая организація, торговый кредитъ; населеніе русскихъ городовъ почти ничѣмъ не отличается отъ сельскаго; наиболѣе крупную торговлю ведутъ иностранцы и «государева казна.» Автономическаго торгово-промышленнаго сословія не существуетъ; есть «посадскіе людишки». Таковъ былъ историческій ходъ развитія Россіи. Всѣ жизненныя силы ея ранняго періода существованія ушли не на сложеніе и выработку общественныхъ элементовъ а на образованіе государства. Элементъ верховной власти, окончательно сложившійся въ прочную форму неограниченной монархіи въ то время, когда общественные слои

---

[1]) *Ibid.* III. 32—36.
[2]) *Ibid.* 39.

находились еще, если можно такъ выразиться, въ младенческомъ состояніи, преобладаетъ надъ всѣми остальными элементами общественно-политическаго строя. Едва зарождавшееся торгово-промышленное сословіе стоитъ въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ,—оно постепенно закрѣпощается на службу тому же государству, на удовлетвореніе нуждъ котораго уходятъ всѣ его силы. При такомъ положеніи, не только городскаго, торгово-промышленнаго населенія, но и всѣхъ другихъ слоевъ, самостоятельное развитіе городской общины невозможно: торгово-промышленное населеніе, исхудалое и тяглое, не могло выработать въ себѣ сознанія солидарности интересовъ, сознанія объ общественныхъ нуждахъ. Верховная власть должна была взять на себя и заботы о классѣ людей, посвятившихъ себя, вмѣстѣ съ другими, на служеніе государству. Отсюда, организація общественно-городской жизни, ея развитіе, могли совершаться не иначе какъ по иниціативѣ той же власти. Только отъ этой власти и исключительно отъ ней одной зависѣло дать то или иное направленіе силамъ посадскаго населенія, дать толчокъ къ возбужденію сознанія о своихъ собственныхъ общественныхъ потребностяхъ, дать средства на удовлетвореніе этихъ потребностей. Въ силу именно этого-то обстоятельства и шло такъ туго развитіе городской жизни Россіи. Верховная княжеская власть, перешедшая въ царскую, сдѣлала громадное дѣло—объединила Русь и освободила ее отъ иноземнаго, страшнаго гнета. На это дѣло ушли всѣ силы едва начинавшаго жить народа. Еще не успѣлъ этотъ народъ пережить тяжелой эпохи объединенія, не успѣлъ воспользоваться плодами этого объединенія, какъ настала еще болѣе тяжелая эпоха смутъ, а за ней — XVII вѣкъ, вѣкъ предшественниковъ Великаго преобразователя, вѣкъ страшной борьбы внутренней и внѣшней. До самой реформы Петра народъ не успѣлъ отдохнуть. Можетъ ли быть рѣчь о развитіи торговли и ремеслъ, городской жизни въ силу ли активной, автономической дѣятельности самого населенія или законодательной дѣятельности государства?

Мы видѣли, что представлялъ собою русскій городъ до XVIII столѣтія по отношенію къ составу своего населенія. Государственно-тяглая организація этого населенія вела къ розни, а не объединенію. Каждый тянулъ свой пай государстеннаго тягла. Не было

никакого интереса, который могъ бы сплотить, спаять это расползавшееся населеніе. Интересовъ внутреннихъ, хозяйственныхъ не было и быть не могло. Мы видѣли, въ чемъ состояло сословное городское управленіе даже при Петрѣ, въ XVIII уже вѣкѣ. Мы видѣли, что только этотъ государь приходитъ къ сознанію (котораго онъ, однако, не въ состояніи былъ осуществить) о необходимости возбужденія общественно-городской жизни; только онъ какъ-будто сознаетъ уже, что мало однѣхъ заботъ объ исправномъ сборѣ государственныхъ податей и повинностей, что необходимо озаботиться о томъ, чтобы, если не полнѣлъ и тучнѣлъ, то по крайней мѣрѣ не изсякъ окончательно тотъ резервуаръ, который давалъ изъ себя жизненныя артеріи не только войны въ частности, но и существованія государства вообще. Онъ начинаетъ выказывать заботы о самой внутренней городской жизни; онъ хочетъ возвести ее на ту степень, на которой стояла современная ему городская жизнь западной Европы. Но при этомъ, въ результатѣ, который, какъ явленіе общественное, разумѣется имѣлъ въ свою очередь вліяніе, и очень сильное, на дальнѣйшее развитіе общества, неутомимый преобразователь увидѣлъ причину. Сравнительно сложная организація западно-европейской городской полиціи казалась ему единственной причиной того состоянія самаго города, которое его такъ поражало сравнительно съ городомъ его отечества. Въ ней, какъ мы уже видѣли, онъ видѣлъ «душу гражданства и всѣхъ добрыхъ порядковъ, фундаментальный подпоръ человѣческой безопасности и удобности». Рѣшено было вложить эту душу въ гражданство, которому ея недоставало, дать городскому населенію «фундаментальный подпоръ, опираясь на который оно могло бы идти впередъ по пути развитія благосостоянія. Какимъ же образомъ вложена душа, утвержденъ подпоръ?

Въ своемъ мѣстѣ, уже было говорено, что Петръ рѣшилъ возложить полицію города въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова на городовые Магистраты; но мы видѣли, что рѣшеніе это было приведено въ исполненіе далеко не въ той формѣ, какъ было задумано и высказано въ Регламентѣ Главному Магистрату. Магистратамъ, какъ органамъ, выборнымъ отъ общества, досталась очень незавидная роль въ управленіи хозяйствомъ города — заботиться о томъ, чтобы существованіе извѣстныхъ учрежденій, необходимость которыхъ сознана была императоромъ, было обезпечено «земскимъ

иждивеніемъ», «городскимъ тщаніемъ». Активная роль въ этомъ дѣлѣ принадлежала правительственнымъ органамъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ городскимъ населеніемъ и городовыми Магистратами. Такъ что «душа гражданства» не была даже вложена въ самое тѣло гражданства, а поставлена внѣ его, какъ факторъ совершенно независимый отъ гражданства, факторъ, воля котораго исходила изъ источника исключительно правительственнаго. Въ этомъ случаѣ, какъ и вообще въ реформахъ, касающихся городскаго населенія, Великій преобразователь является лишь послѣдовательнымъ и энергическимъ исполнителемъ завѣщаннаго ему XVII вѣкомъ. Отступленіе, сдѣланное въ Регламентѣ Главному Магистрату и инструкціи городовымъ Магистратамъ было отступленіемъ на бумагѣ, если можно такъ выразиться. Было бы болѣе чѣмъ странно, чтобы такой человѣкъ, какъ Петръ Великій, дѣйствительно предоставилъ автономическое управленіе городскимъ хозяйствомъ, развитіе этого хозяйства своимъ «регулярнымъ гражданамъ», представители которыхъ «избиваются смертнымъ боемъ» какими-то полковниками и проѣзжими драгунами; гражданамъ, которые до сихъ поръ вѣдались исключительно съ государственнымъ тягломъ и привыкли видѣть во всякой общественной службѣ гнетъ; съ другой стороны, странно было бы думать, чтобы царь вѣрилъ въ возможность мгновеннаго перерожденія этого общества, притомъ перерожденіе, такъ сказать, самопроизвольное. Онъ вѣрилъ въ возможность болѣе или менѣе скораго перерожденія лишь однимъ путемъ насильственнаго понужденія, путемъ суровой регламентаціи. Онъ былъ практикомъ теоріи просвѣщеннаго абсолютизма.

Какъ ни далеко отстала средневѣковая Россія отъ современной ей Европы, но она все-таки шла, хотя и очень медленно, впередъ; какъ ни мало отличался ея городъ отъ села, но онъ все-таки отличался; какъ ни была проста и немногосложна жизнь этого города, но она все-таки была сложнѣе и разнообразнѣе сельской; хотя причины этого разнообразія далеко были не тѣ, какія мы видимъ въ средневѣковомъ городѣ западной Европы. Поэтому еще въ XVII вѣкѣ появляются признаки городской полиціи, сначала исключительно въ смыслѣ полиціи безопасности, то есть мѣръ, охраняющихъ личную и имущественную безопасность городскаго населенія. Инипіатива, по изложеннымъ причинамъ, шла исключительно только

со стороны верховной власти, въ чемъ, какъ я уже говорилъ, и лежитъ причина чрезмѣрно медленнаго развитія этой стороны городской администраціи.

Полицейская сторона городской администраціи играетъ болѣе или менѣе важную роль въ исторіи нашего города. Только этимъ путемъ, путемъ развитія городской полиціи, нашъ городъ постепенно выдѣлялся, въ административномъ отношеніи, въ особое цѣлое, этимъ путемъ онъ обращался въ юридическое лицо. Во-первыхъ, постепенно выробатывается особенная правительственная должность, вѣдающая исключительно городъ въ полицейскомъ отношеніи; во-вторыхъ, полицейскіе налоги и повинности были единственными налогами и повинностями, общими для всего городскаго населенія; по отношенію къ нимъ не отличался служилый человѣкъ отъ неслужилаго, «регулярный гражданинъ» отъ нерегулярнаго. Отъ нихъ избавлялось лишь духовенство, да и то не всегда и не во всемъ, какъ увидимъ впослѣдствіи. Мѣры, касающіяся охраненія городскихъ строеній отъ пожаровъ, соблюденія чистоты на улицахъ и вообще въ общественныхъ мѣстахъ, поддержанія въ порядкѣ дорогъ, необходимо касались всего городскаго населенія, такъ сказать, объединяли всѣ его, отдѣльныя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, сословно.-тяглые элементы. Въ сущности, всѣ полицейскія мѣры, предпринимаемыя правительствомъ по отношенію къ городскому населенію являлись ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же государственнымъ тягломъ, но тягломъ не сословнымъ, какъ всѣ другія, а тягломъ обывательскимъ, повинностью, одинаково ложившеюся на всѣ слои городскаго населенія. Этимъ путемъ изъ города только и могла выработаться земская, общинная единица [1]), еслибъ возможно было активное участіе, автономія городскаго населенія въ дѣлахъ городскаго хозяйства; но мы видѣли, что такое участіе населенія было немыслимо. Хозяиномъ, «начальствомъ города» въ полицейскомъ отношеніи являются правительственные агенты; сначала представи-

[1]) Доказательствомъ этой мысли служитъ всесословная земская должность губнаго старосты XVII ст. Пассивное право выбора по отношенію къ этой должности принадлежало всѣмъ сословіямъ, активное—дворянамъ; послѣднее обстоятельство вызывалось посторонними, спеціальными соображеніями. *Чичеринъ*. Обл. учр. XVII ст. 455.

тели мѣстной, уѣздной власти — воеводы и губернаторы, потомъ спеціальные органы оберъ-полиціймейстеры и полиціймейстеры.

Спеціальные органы, завѣдывающіе исключительно городской полиціей, выработались лишь съ начала XVIII столѣтія, при Петрѣ Великомъ. Въ теченіи всего XVII вѣка городъ и его населеніе во всѣхъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и въ полицейскомъ, вѣдался представителемъ мѣстной всеуѣздной власти — воеводой [1]). Организація полиціи этого вѣка была въ высшей степени несложна по своему составу: воевода, по собственному усмотрѣнію, назначалъ такъ-называемаго «городничаго», который стоялъ во главѣ «объѣзжихъ головъ», назначавшихся изъ отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ; эти головы объѣзжали (откуда и самое ихъ названіе) нѣсколько разъ въ сутки улицы города, наблюдая за тишиной и безопасностью жителей отъ лихихъ людей. Иногда эта обязанность, въ качествѣ повинности, возлагалась на посадскихъ. Еще менѣе сложнымъ былъ предметъ вѣдѣнія этихъ полицейскихъ органовъ. На ихъ обязанности лежало, какъ я уже замѣтилъ, лишь охраненіе личной и имущественной безопасности населенія. Но и эти немногосложныя заботы правительства вызывались, по крайней мѣрѣ относительно послѣдняго рода безопасности, не столько сознаніемъ необходимости ихъ ради самаго населенія, сколько интересами, такъ сказать, казенными; такъ мѣры предосторожности относительно пожара предпринимались въ городахъ не ради охраненія отъ невзгоды посадскихъ, а «ради береженья государева зелья», т. е. пороха, склады котораго въ городѣ находились. О самомъ населеніи если и заботились, то съ точки зрѣнія исключительно государственно-финансовой: податныя силы государства подорвались бы въ случаѣ бѣдствія, но онѣ не исчезли бы: правда убытки государственной казнѣ велики, но она все-таки не раззорится вовсе. Поводовъ къ особенно усиленнымъ полицейскимъ мѣрамъ въ глазахъ мало развитаго правительства, поглощеннаго важными государственными дѣлами, не было. Эти мѣры ограничивались предписаніемъ осторожнѣе обращаться съ огнемъ, не топить избъ и банъ лѣтомъ, варить

---

[1]) О полицейской дѣятельности воеводъ въ городахъ XVII ст. у *Чичерина*: Обл. учр. стр. 178 — 191; у *Андреевскаго*: О намѣст. воев. и губерн. 94—110; *Градовскій*. Истр. мѣст. упр. 333—338.

кушанье въ садахъ и огородахъ, вдали отъ жилищъ; обдуманныхъ средствъ къ тушенію пожаровъ не существовало [1]).

Въ такомъ состояніи полицейское управленіе русскаго города находилось до конца XVII столѣтія, когда организація самыхъ органовъ ея нѣсколько измѣняется къ лучшему; объемъ вѣдѣнія увеличивается. Болѣе быстрое развитіе и усложненіе общественной жизни Москвы вмѣстѣ съ увеличеніемъ ея народонаселенія, пребываніе въ ней царскаго двора, побуждаютъ правительство обратить большее вниманіе на полицейскую сторону городской администраціи по крайней мѣрѣ въ этомъ городѣ. Въ 1683 году наблюденіе за благочиніемъ въ столицѣ царей московскаго государства поручено было Стрѣлецкому Приказу, которому поручается вѣдѣніе въ полицейскомъ отношеніи и всѣхъ остальныхъ городовъ [2]), который, такимъ образомъ, по отношенію къ Москвѣ является мѣстнымъ полицейскимъ учрежденіемъ, а по отношенію къ другимъ городамъ — центральнымъ. Этотъ полицейскій характеръ вообще преобладаетъ въ Стрѣлецкомъ Приказѣ въ концѣ XVII столѣтія. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, вызванные всеобщей нуждой мятежи, разбои и «смертоубійства» обратили вниманіе правительства на полицію города въ тѣсномъ смыслѣ этого слова — полицію безопасности. Было издано какъ при этомъ царѣ, такъ и его преемникахъ, нѣсколько указовъ по этому предмету, организовавшихъ полицейскій надзоръ въ Москвѣ [3]). Полиція, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ, оказалась послѣ этихъ указовъ въ такомъ состояніи въ концѣ XVII и первыхъ годахъ XVIII столѣтія: вѣдѣніе города въ полицейскомъ отношеніи находилось въ рукахъ Стрѣлецкаго Приказа; этому Приказу подчинялись нисшіе полицейскіе органы, приводившіе въ ис

[1]) Въ то время, какъ у насъ едвали принимались даже и эти первобытныя мѣры, (въ XIV в.) на западѣ мы встрѣчаемся со слѣдующимъ: въ городахъ издаются такъ наз. Feuerordnungen точно предписывающіе извѣстнымъ людямъ являться на тушеніе пожара. Въ Кёльнѣ учреждается даже пожарная команда (Loeschmannschaft); принимаются уголовно-карательныя мѣры. Болѣе или менѣе точно опредѣляется обращеніе съ огнемъ. а самое важное—строительная полиція регулировала постройку зданій въ видахъ устраненія пожаровъ. *Maurer*. III. 36—38.

[2]) *Неволинъ*. Пол. Собр. соч. VI. 158.

[3]) П. С. З. № 6, 3. Эти мѣры были подтверждены, въ началѣ царствованія Петромъ Великимъ. П. С. З. № 1693.

полненіе полицейскія мѣры, касавшіяся только одного города и охранявшія интересы только городскихъ обывателей; эти исполнительные органы распадались на двѣ категоріи по способу ихъ назначенія [1]): на органовъ правительственныхъ служилыхъ людей, какими были стрѣлецкіе объѣзжіе головы по назначенію отъ Стрѣлецкаго Приказа, и на органовъ общественныхъ, выборныхъ ото всѣхъ дворовъ. На перекресткахъ обыкновенно ставились караулы, съ дворовъ всякихъ чиновъ людей по одному человѣку съ десяти дворовъ; караулы становились у «надолбовъ», которые строились Стрѣлецкимъ Приказомъ, но не на обще-государственный счетъ, а на обывательскій: деньги и матеріалъ собирались съ жителей тѣхъ слободъ, «гдѣ тѣ надолбы сдѣланы будутъ». За этими-то караулами, составленными изъ выборныхъ, отбываемыми, стало-быть въ качествѣ натуральной повинности, и наблюдали объѣзжіе головы Стрѣлецкаго Приказа. Но нѣсколько времени спустя и эти головы стали выборные—«тѣхъ слободъ посадскіе люди», а въ вѣдѣніи стрѣлецкихъ головъ осталась лишь Стрѣлецкая слобода [2]). Этимъ же объѣзжимъ изъ посадскихъ людей поручался и надзоръ за тѣмъ, чтобы всякіе чиновные люди дворниковъ держали съ поручными записями, а стояльцевъ—«завѣдомо добрыхъ людей» [3]). Такимъ образомъ, съ 1695 года низшіе исполнительные органы во всѣхъ частяхъ Москвы были выборными; причемъ все-таки, кажется, гораздо большею тяжестью новая повинность легла на посадскихъ, изъ которыхъ выбирались и десятскіе, и объѣзжіе головы. Надо думать, однако, что указы 1695 и 1699 годовъ de facto мало имѣли значенія, и объѣзжіе головы Стрѣлецкаго Приказа не хотѣли отказаться отъ объѣзда всѣхъ слободъ и посада Москвы, всего города

---

[1]) Я не имѣю въ виду, говоря о полиціи, полицейскихъ мѣръ, охранявшихъ финансовые интересы государства; эти мѣры, въ родѣ надзора за корчемствомъ, лежали тягломъ на торгово-промышленномъ населеніи.

[2]) Указъ 1695 года П. С. З. № 1509: „за караулами у этихъ надолбовъ смотрѣть объѣзжимъ, которые, помимо стрѣлецкихъ слободъ, должны быть тѣхъ слободъ посадскіе люди". Тоже самое повторяется въ указѣ 1699 года П. С. З. № 1689.

[3]) П. С. З. № 1689. За гулящими людьми въ слободахъ указомъ того же 1699 года поручено смотрѣть выборнымъ десятскимъ казенной слободы. (Подъ десятскими разумѣютъ вѣроятно выборные „по одному отъ десяти дворовъ") П. С. З. № 1678.

и ограничиться вѣдѣніемъ одной стрѣлецкой слободы; иначе трудно объяснить тотъ фактъ, что черезъ годъ послѣ изданія указа 1699 года, возложившаго должность объѣзжихъ головъ на посадскихъ выборныхъ, мы встрѣчаемся съ просьбой московскихъ посадскихъ и торговыхъ людей о томъ, чтобы ихъ освободили отъ объѣзжихъ головъ Стрѣлецкаго Приказа, отдавъ ихъ, въ полицейскомъ отношеніи, въ вѣдѣніе выборныхъ объѣзжихъ — выборныхъ старостъ и десятскихъ [1]). Такимъ образомъ, весь городъ, какъ одно цѣлое, вѣдался въ Стрѣлецкомъ Приказѣ; — а его части — слободы и посадъ, каждая вѣдалась непосредственно своими выборными. Остальные города Россіи по прежнему вѣдались въ полицейскомъ отношеніи, до учрежденія губернаторской должности, сидѣвшими въ нихъ воеводами [2]).

Стрѣлецкій Приказъ, переименованный въ 1701 году въ Приказъ Земскихъ дѣлъ [3]), просуществовалъ до 1719 года, завѣдуя полиціей. Но объемъ власти его въ этомъ отношеніи не оставался одинаковымъ за весь этотъ періодъ его существованія; этотъ объемъ постепенно уменьшается. Въ 1709 году мы встрѣчаемся, однако, все съ тѣмъ же, если даже не бо̀льшимъ, объемомъ власти и значенія этого Приказа относительно полиціи: въ его вѣдѣніи попрежнему состоятъ нисшіе исполнительные органы полицейскіе — сотскіе, старосты и десятскіе, которыхъ теперь обязывалась поставлять къ дѣлу московская Ратуша, подчиненная въ этомъ отношеніи Приказу Земскихъ дѣлъ; эта Ратуша являлась по отношенію къ полиціи какъ бы исполнительнымъ органомъ Приказа: она получала изъ этого Приказа «память» о томъ, чтобы во всѣхъ слободахъ выборные сотскіе и десятскіе неуклонно исполняли указы изъ Приказа Земскихъ дѣлъ [4]). Но вслѣдъ за этимъ, значеніе Приказа Земскихъ дѣлъ, какъ мѣстнаго, московскаго, полицейскаго учрежденія, какъ я только-что замѣтилъ, все падаетъ. Полиція изъ его вѣдомства переходитъ съ учрежденіемъ должностей коменданта и

---

[1]) Просьба ихъ была удовлетворена. Указъ отъ 24 мая 1700 года. П. С. З. № 1787.

[2]) П. С. З. № 1738 наказъ Новгор. воеводѣ, кн. Трубецкому — ст. 16: чтобъ въ городѣ разбою, татьбы, бл... и зерни не было... Ст. 21 — предосторожности противъ пожаровъ. См. тоже П. С. З. №. 1836 п. 3—10

[3]) *Неволинъ:* Пол. соб. соч. VI. 237.

[4]) Указъ отъ 1709 года. П. С. З. № 2225.

губернатора—къ этимъ послѣднимъ [1]). Эти должностныя лица завѣдывали полиціей въ Москвѣ и Петербургѣ до самаго времени учрежденія въ этихъ городахъ особыхъ высшихъ полицейскихъ органовъ; въ ихъ же вѣдѣніи, какъ это видно изъ наказа, даннаго имъ вмѣстѣ съ воеводами въ 1718 году, находится и полиція во всѣхъ городахъ Россіи. Законодатель, однако, не остановился на этомъ: учреждая для управленія губернскими и уѣздными дѣлами одну за другою цѣлый рядъ должностей, онъ чуть не на каждую изъ нихъ возлагаетъ ту или другую отрасль усложнявшейся городской полиціи. Нѣтъ въ городѣ гарнизоновъ—«оберъ-комендантамъ и комендантамъ не быть;» ихъ замѣняютъ во всѣхъ отношеніяхъ, а стало быть и въ полицейскомъ, губернскіе ландраты [2]); учреждаются должности Земскаго коммиссара и Земскаго камерира, должности исключительно по сбору и надзору податей—и на нихъ тѣмъ не менѣе возлагаются обязанности полицейскія въ городахъ; такъ Земскому коммиссару поручается вѣдать во всѣхъ отношеніяхъ тѣ малые города и слободы, въ которыхъ порядочный Магистратъ и собственный судъ учрежденъ быть не можетъ [3]). На Земскихъ камерировъ, надзирателей за сборами, возлагается надзоръ за счетной частью, т. е. финансовый контроль по городской полиціи, въ смыслѣ городскаго хозяйства, уже не въ «малыхъ» только городахъ и слободахъ, а во всѣхъ городахъ [4]).

Такого рода непослѣдовательность можно объяснить лишь лихо-

---

[1]) Указомъ отъ 1710 г. строительная полиція въ Москвѣ переходитъ въ вѣдѣніе Коменданта, а въ 1712 году (П. С. З. № 2504) онъ же посылаетъ въ качествѣ объѣзжихъ солдатъ изъ своего гарнизона.—По наказу 1718 года Губернаторамъ, Воеводамъ и Комендантамъ полиція окончательно переходитъ въ вѣдѣніе этихъ должностныхъ лицъ. См. П. С. З. № 3294; п. 15, 18 и 20, а также № 3381. См. ук. 1718. П. С. З. № 3147. См. также П. С. З. № 2135.

[2]) П. С. З. № 2879.

[3]) П. С. З. № 3295 п. 20. Что Коммисарамъ поручались эти города и слободы и въ полицейскомъ отношеніи—видно изъ того, что они должны были вѣдать ихъ „яко села и деревни"; а послѣднія они вѣдали и въ полицейскомъ отношеніи: надзирали за дорогами, гулящими людьми.. *Ibid.*

[4]) П. С. З. № 3296: ему поручался денежный контроль за расходомъ на содержаніе богоугодныхъ заведеній и школъ, мостовыхъ и чистоту на улицахъ изъ царскихъ суммъ.

радочной дѣятельностью преобразователя, стремившагося возможно быстрѣе и полнѣе осуществить свои планы.

При нѣсколько измѣнившейся организаціи самаго состава городской полиціи, понятіе и объемъ послѣдней значительно измѣнились въ первое десятилѣтіе XVIII вѣка; не столько, разумѣется, подъ вліяніемъ развитія потребностей городской общественной жизни, сколько въ силу сознанія необходимости улучшеній и развитія этой стороны администраціи самимъ великимъ преобразователемъ. Полицейская дѣятельность воеводы XVII ст.; ограничивавшаяся береженьемъ города отъ пожаровъ и лихихъ людей, наблюденіемъ за нравственностью жителей, выражавшимся въ преслѣдованіи «бл... и зерни», значительно расширяется въ дѣятельности губернатора и коменданта. Въ началѣ XVIII ст. завѣдующимъ городской полиціей предписывается наблюдать за чистотой улицъ и исправностью ихъ мостовыхъ [1]); возникаетъ нѣчто въ родѣ строительной полиціи: коменданту въ Москвѣ поручается надзоръ за постройкой въ городѣ каменныхъ зданій [2]). Съ этого времени, въ особенности по учрежденіи должности Петербургскаго Генералъ-Полиціймейстера и Московскаго Оберъ-Полиціймейстера, понятіе городской полиціи и ея значеніе расширяются очень быстро.

Полицейской дѣятельности губернаторовъ, оберъ-комендантовъ и комендантовъ было недостаточно для такихъ городовъ, какъ Москва и Петербургъ. Первопрестольная столица, населеніе которой возросло до крупныхъ, сравнительно съ другими городами Россіи, размѣровъ, и общественная жизнь которой, уже въ силу одного этого обстоятельства, значительно усложнилась, не могла болѣе довольствоваться въ глазахъ царя той организаціей въ ней городскаго управленія, которая выработалась въ десятыхъ годахъ XVIII ст. Мѣры царя къ улучшенію внѣшняго быта населенія столицы къ развитію промышленности, къ улучшенію наружнаго вида и благообразія ея—требовали учрежденія спеціальной должности для приведенія въ исполненіе всѣхъ этихъ мѣръ. Онъ не могъ видѣть исполнителей своихъ преобразованій и плановъ въ городовыхъ Ма-

---

[1]) П. С. З. № 2225 и № 2504.

[2]) П. С. З. № 2504. См. также № 3147. Сначала этотъ надзоръ былъ дѣломъ Приказа Земскихъ дѣлъ. П. С. З. № 2232.

гистратахъ, членовъ которыхъ нужно было путемъ принужденія, путемъ спеціальнаго закона, грозящаго уголовной карой—отучить величать себя «холопями» своего Великаго Государя [1]; наконецъ, передача ихъ въ вѣдѣніе этого дѣла такъ противорѣчила бы вѣковой политикѣ московскихъ государей вообще и его самого въ особенности, что, несмотря даже на желаніе подражать западно-европейскимъ городскимъ учрежденіямъ, царь, высказавъ даже нѣсколько разъ намѣреніе сдѣлать это, въ концѣ концовъ не рѣшается на этотъ шагъ и учреждаетъ особую должность, не имѣющую ничего общаго съ автономіей городскаго населенія, предоставивъ этой должности активную роль, а за посадскимъ населеніемъ оставивъ лишь пассивное участіе въ дѣлахъ городскаго хозяйства: содержаніе его, расходы на него.

Если Москва нуждалась въ новой, лучшей организаціи городской полиціи, то вновь возникавшій Петербургъ нуждался въ ней несравненно больше: самая постройка города, его населеніе, чтобы сохранить сколько нибудь характеръ правильности, порядка, требовали сильнаго и заботливаго надзора со стороны строителя города; вотъ почему въ этомъ городѣ полиція организована гораздо раньше, чѣмъ въ Москвѣ [2].

Двадцать пятаго мая 1718 года царь издаетъ указъ объ учрежденіи въ новой столицѣ своей, Петербургѣ, новой полицейской должности съ мудренымъ и сложнымъ нѣмецкимъ названіемъ Генералъ-Полиціймейстера. На эту должность назначается генералъ-адъютантъ *Дивіеръ* [3]. Еще за два года до учрежденія этой должности въ Петербургѣ, какъ видно изъ одного указа, изданнаго въ первой половинѣ 1716 года, существовало уже спеціальное полицейское учрежденіе, такъ называемая полиціймейстерская канцелярія; эта канцелярія, судя по содержанію упомянутаго указа, вѣдала въ городѣ исключительно «строеніе» [4]. Эта канцелярія подчинена теперь

---

[1] П. С. З. № 1819: учинено будетъ наказаніе тѣмъ бурмистрамъ, которые будутъ писаться вмѣсто сиротъ „холопами“.

[2] При этомъ не нужно упускать изъ виду и того обстоятельства, что въ Петербургѣ живетъ самъ основатель его; это—его дѣтище, къ которому онъ прилагаетъ всѣ свои заботы.

[3] П. С. З. № 3203.

[4] П. С. З. № 3019.

Генералъ-Полицiймейстеру [1]). Нисшими органами полицiи, за исключенiемъ нѣсколькихъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, состоящихъ при канцелярiи Генералъ-Полицiймейстера [2]) остаются попрежнему выборные отъ горожанъ: старосты, завѣдывавшiе каждой отдѣльной улицей и десятскiе, вѣдѣнiю которыхъ подлежали каждые десять домовъ улицы [3]).

Лишь около четырехъ лѣтъ спустя учреждена и въ Москвѣ однородная съ должностью Петербургскаго Генералъ-Полицiймейстера, должность Оберъ-Полицiймейстера [4]). Судя по инструкцiи, изданной черезъ полгода въ руководство московскому Оберъ-Полицiймейстеру, эта должность имѣла въ Москвѣ тоже самое значенiе, какое должность Генералъ-Полицiймейстера имѣла въ Петербургѣ: ему отдана въ завѣдыванiе вся полицiя въ городѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; все городское хозяйство—въ его рукахъ [5]); въ его вѣдѣнiи, какъ и въ вѣдѣнiи Генералъ-Полицiймейстера въ Петербургѣ, состоитъ канцелярiя, также носящая названiе полицiймейстерской [6]). Нисшая полицiя и въ Москвѣ организована подобно петербургской [7]). Она вербуется изъ горожанъ, въ качествѣ натуральной повинности. Въ остальныхъ городахъ Россiи, если и не

---

[1]) Спецiальнаго указа объ этомъ нѣтъ; канцелярiя носитъ все еще имя полицiймейстерской; въ нѣкоторыхъ указахъ мы встрѣчаемся съ именемъ канцелярiи Генералъ-Полицiймейстера; не смотря на все это нельзя думать, чтобъ это были двѣ различныя канцелярiи, если только недопустить существованiе особой должности—Полицiймейстера (а объ этомъ, нѣтъ свѣдѣнiй); такъ какъ вѣдомство Полицiймейстерской Канцелярiи, какъ видно изъ многочисленныхъ указовъ, одинаково съ вѣдомствомъ Генералъ-Полицiймейстера.

[2]) П. С. З. № 3216.

[3]) П. С. З. № 3203.

[4]) П. С. З. № 3883.—Указъ 19 января 1722 года.

[5]) П. С. З. № 4047: а между тѣмъ, странный фактъ, въ самый день изданiя указа объ учрежденiи должности Оберъ-Полицiймейстера, издается указъ, которымъ надзоръ за постройками въ городѣ передается въ вѣдѣнiе Московскаго Оберъ-Коменданта. П. С. З. № 3885.

[6]) П. С. З. № 4130.

[7]) П. С. З. № 4047 п. 33. Здѣсь прибавлено, что въ каждой слободѣ—особый офицеръ; этой должности въ Петербургѣ мы не встрѣчаемъ, см. П. С. З. № 4694. Впрочемъ въ канцелярiи есть офицеры.

была вездѣ учреждена должность Полицiймейстера, то учрежденіе ея несомнѣнно было намѣреніемъ законодателя [1]).

Петръ Великій не думалъ остановиться на учрежденіи отдѣльныхъ полицейскихъ должностей въ отдѣльныхъ городахъ; онъ не думалъ ограничиться организаціей полиціи отдѣльнаго города. Его цѣлью было организовать полицію России или по крайней мѣрѣ, городскую полицію имперіи въ видѣ особаго, самостоятельнаго административнаго организма, во главѣ котораго имѣлось въ виду поставить петербургскаго Генералъ-Полицiймейстера. Это стремленіе Петра высказывается въ указѣ объ учрежденіи должности московскаго Оберъ-Полицiймейстера, который поставленъ былъ въ «депенденцію» отъ петербургскаго Генералъ-Полицiймейстера [2]); последнему законодатель видимо желалъ придать значеніе главы полиціи вообще; такъ что, вѣроятно и полицiймейстеры, если только они дѣйствительно вездѣ существовали, зависѣли отъ Генералъ-Полицiймейстера или непосредственно, или чрезъ посредство московскаго Оберъ-Полицiймейстера. Хотя мы не имѣемъ спеціальныхъ указаній на отношенія высшихъ полицейскихъ властей города къ губернаторамъ и воеводамъ, но, кажется, можно положительно сказать, что первыя предполагались de jure сдѣлать совершенно независимыми отъ послѣднихъ. На полную самостоятельность и независимость Генералъ-Полицiймейстера отъ губернаторской власти указываетъ то обстоятельство, что всѣ указы по полиціи — именные идутъ къ Генералъ-Полицiймейстеру непосредственно отъ императора; московскій Оберъ-Полицiймейстеръ, въ силу своей депенденціи отъ петербургскаго Генералъ-Полицiймейстера, не могъ зависѣть отъ губернатора: тоже самое можно сказать и объ отношеніяхъ городскихъ Полицiймейстеровъ отъ воеводъ, оберъ-комендантовъ и

---

[1]) Спеціальнаго указа объ учрежденіи этой должности въ П. С. З. нѣтъ, объ ней ничего не говоритъ и *Голиковъ* въ своемъ XVIII т., перечисляя городскія учрежденія и должности; а между тѣмъ въ П. С. З. встрѣчается указъ отъ 1721 г., который предписываетъ отсылать воровъ и разбойниковъ въ городахъ къ Полицiймейстерамъ.

[2]) П. С. З. № 3883: указъ говоритъ, что Оберъ-Полицiймейстеръ „долженъ депенденцію имѣть отъ Генералъ-Полицiмейстера". См. также въ п. 46 инструкціи Московскому Оберъ-Полицiймейстеру. П. С. З. № 4047. Болѣе точныхъ опредѣленій этой депенденціи мы неимѣемъ.

комендантовъ. Въ совершенно иномъ отношеніи стояли новыя полицейскія учрежденія къ государственнымъ Коллегіямъ; отношенія первыхъ къ послѣднимъ были отношеніями нисшихъ къ высшимъ; одинъ изъ спеціальныхъ по этому предмету указовъ отъ 1722 года такъ опредѣляетъ внѣшнюю, формальную сторону отношеній этихъ учрежденій другъ къ другу: Коллегіи посылали въ полиціймейстерскія канцеляріи указы, а послѣднія могли присылать въ Коллегіи лишь доношенія [1]). Вотъ все, что можно сказать на основаніи имѣющагося у насъ матеріала объ отношеніи вновь организованной городской полиціи къ мѣстной, губернской власти и центральнымъ учрежденіямъ.

Въ высшей степени интересны должны были быть отношенія этихъ новыхъ должностей къ Городовымъ Магистратамъ, къ сожалѣнію опредѣлить эти отношенія почти невозможно. Эти отношенія вдвойнѣ были сложны: во-первыхъ, какъ мы уже видѣли, законодатель, въ то самое время, какъ учреждалъ должности Генералъ и Оберъ-Полиціймейстеровъ, возлагалъ тѣже самыя полицейскія обязанности, которыя отдавались въ вѣдѣніе этихъ должностныхъ лицъ, и на Главный Магистратъ съ городовымъ; во-вторыхъ, Магистраты поставляли, если можно такъ выразиться, на городскую полицію какъ денежныя средства, такъ и наличныя силы. Такъ, охраненіе города «отъ пожарнаго случая» поручается и Городовому Магистрату и Полиціймейстеру; Магистратъ, какъ мы видѣли, обязывался содержать «довольное число надлежащихъ инструментовъ» [2]) и только; было ли при этихъ инструментахъ «довольное число» людей, лошадей, инструкція Магистратамъ ничего не говоритъ. Въ указѣ же Генералъ-Полиціймейстеру и инструкціи московскому Оберъ-Полиціймейстеру мы видимъ, что на этихъ должностныхъ лицъ возлагаются обязанности охранять городъ отъ пожаровъ [3]); столкновенія необходимы: кто распоряжался надлежащими инструментами, сама ли Ратуша или начальникъ полиціи? Тоже самое видимъ мы и по отношенію къ мѣрамъ противъ нищихъ, «гулякъ и праздношатающихся»: онѣ поручены

---

[1]) П. С. З. № 4115. Трудно сказать, значило-ли это, что Коллегіи могли посылать указы Генералъ и Оберъ-полиціймейстерамъ.

[2]) Инстр. Гл. Магистр. П. С. З. № 4624, п. 13.

[3]) П. С. З. № 3203, п. п. 8 и 12; *ibid.* № 4047 п. п. 10—15.

и Магистратамъ и полиціи; на Магистраты возлагается обязанность «пристраивать къ работамъ» гулякъ и нищихъ [1]), причемъ подъ работами, вѣроятно, разумѣются работы въ смирительныхъ домахъ; тотъ же самый надзоръ за гулящими, праздношатающимися и нищими и размѣщеніе ихъ поручается инструкціями и городской полиціи [2]), если эта пристройка къ работамъ дѣйствительно состояла въ помѣщеніи въ смирительные домы, и въ богадѣльни, какъ это прямо говорится въ одномъ изъ указовъ 1718 года [3]), то при такомъ совмѣстномъ дѣйствіи двухъ властей, причемъ домы и богадѣльни содержатся «иждивеніемъ и тщаніемъ» одной изъ нихъ, непремѣнно возникаютъ довольно сложныя отношенія, на опредѣленія которыхъ мы не встрѣчаемъ и намека; если только не считать за такое опредѣленіе уже разобранный мною пунктъ инструкціи Городовымъ Магистратамъ, которымъ опредѣляется внѣшняя форма сношеній послѣднихъ «съ командами» своей провинціи. Въ нѣкоторыхъ просто говорится, что опредѣленныя полицейскія мѣры приводятся въ исполненіе совмѣстно полиціймейстерской канцеляріей и Главнымъ Магистратомъ [4]); остальное предоставлялось практикѣ.

Съ учрежденіемъ въ Москвѣ и Петербургѣ спеціальныхъ органовъ городской полиціи самое понятіе послѣдней значительно вдругъ расширяется, благодаря ознакомленію законодателя съ городскимъ управленіемъ Германіи и желанію устроить подобный же порядокъ у себя въ Россіи. Прежнее значеніе полиціи, какъ полиціи безопасности, значеніе XVII столѣтія, внезапно выростаетъ до самаго широкаго значенія этого слова: полицейскіе органы имѣютъ въ виду уже и благосостояніе и внѣшнее благообразіе города. Законодатель дѣйствительно хочетъ сдѣлать изъ ней «душу» если не гражданства, то городской правительственной администраціи; онъ дѣйстви-

---

[1]) Инстр. гор. Маг. П. С. З. № 4624 п. 32.

[2]) П. С. З. № 3203 и 4047.

[3]) П. С. З. № 3213.

[4]) П. С. З. № 4634; рѣчь идетъ о наблюденіи за способомъ продажи хлѣба; причемъ вѣдомости о цѣнахъ отправляются съ мытнаго двора какъ въ Гл. Магистратъ такъ и въ Полиціймейстерскую Канцелярію; самый же надзоръ за исполненіемъ торговцами предписанныхъ правилъ и преслѣдованіе перекупщиковъ поручается офицерамъ Полиціймейстерской Канцеляріи.

тельно хочетъ обратить эту администрацію въ «фундаментальный подпоръ человѣческой безопасности и удобности.»

Эта общая характеристика полиціи, общія фразы объ ея значеніи, которыми, какъ мы видѣли, почти и ограничиваются регламентъ Главному Магистрату и инструкція городовымъ, замѣняется въ инструкціяхъ петербургскому и московскому полицейскимъ учрежденіямъ уже подробнымъ перечисленіемъ полицейскихъ мѣръ; въ дополненіе и разъясненіе этихъ инструкцій издано было впослѣдствіи множество отдѣльныхъ указовъ. Въ качествѣ блюстителей и охранителей личной и имущественной безопасности городскаго населенія полицейскія городскія учрежденія должны были предпринимать мѣры къ предупрежденію и прекращенію пожаровъ [1]), заботиться объ охраненіи личности и имущества во время наводненій; они должны охранять личность отъ нападеній животныхъ [2]), отъ неосторожнаго обращенія съ огнестрѣльнымъ оружіемъ [3]), отъ слишкомъ быстрой ѣзды [4]), охранять имущество отъ гулящихъ людей [5]); на нихъ же возлагалась торговая полиція—установленіе таксы и наблюденіе за соблюденіемъ ея [6]), наблюденіе за мѣрой и вѣсомъ [7]). Строительная полиція—въ вѣдѣніи этихъ же учрежденій: они должны были наблюдать какъ за постройкой зданій, такъ и за содержаніемъ мостовъ и мостовыхъ [8]); не забыты и санитарныя мѣры: полицейскія учрежденія наблюдаютъ за чистотой на улицахъ [9]), незасореніемъ рѣкъ и каналовъ [10]), доброкачественностью съѣстныхъ припасовъ [11]), принимаютъ мѣры противъ распространенія повальныхъ и заразительныхъ болѣзней [12]). Законодатель не оставляетъ безъ вниманія и нравственную сторону обще-

---

[1]) П. С. З. № 3203 п. п. 8 и 12; *ibid.* № 4047 п. 10—15; *ibid* № 4130.
[2]) *Ibid.* № 3386.
[3]) *Ibid.* № 4047, п. 38 и № 3221.
[4]) *Ibid.* № 3633 и № 4047 п. 43.
[5]) *Ibid.* № 3203 п. 10; № 4047 п. 29 и 15; № 4130, № 3213.
[6]) *Ibid.* № 3203 п. 6; № 4047 п. 25; № 4634; № 3633.
[7]) *Ibid.* № 3203 п. 6; № 4047 п. 26.
[8]) *Ibid.* п. п. 2—5; п. п. 1—9. а также № 3382; № 4017; 3875,
[9]) *Ibid.* № 3203, п. 4; № 4047 п. 21.
[10]) *Ibid.* № 3382.
[11]) *Ibid.* № 3203; № 4047 п. 25.
[12]) *Ibid.* № 3256; № 4047 п. 40.

ственно-городской жизни. Стремясь всѣми силами придать обществу европейскую внѣшность, искоренить азіатское затворничество женщинъ въ средѣ купецкаго и служилаго классовъ, онъ пускаетъ въ ходъ оригинальныя мѣры къ достиженію этихъ цѣлей—въ родѣ насильственнаго принужденія устроивать ассамблеи; приведеніе этихъ мѣръ въ исполненіе возлагается въ Москвѣ и Петербургѣ на Генералъ и Оберъ-Полиціймейстеровъ [1]); на нихъ же возлагалась обязанность приводить въ исполненіе мѣры къ искорененію нищенствованія, такъ страшно развитаго въ то время въ особенности въ большихъ городахъ; но здѣсь пришлось бороться не только съ экономическимъ явленіемъ, но и религіозно-нравственнымъ: подача милостыни всегда считалась, да и теперь считается, въ средѣ торгово-промышленнаго населенія Россіи самымъ богоугоднымъ дѣломъ. Полиція устраивала на «нищую братію» правильную облаву, загоняя ее въ богадѣленные домы—больныхъ и престарѣлыхъ, выпроваживая на мѣста жительства—здоровыхъ и сильныхъ; но охотящіеся за этой странной дичью доносили, что горожане не только отбиваютъ у нихъ пойманныхъ, но даже и бьютъ ихъ; мало того, благочестивые граждане даже врывались въ богадѣльни и уводили оттуда нищихъ [2]). Полиція пытается принимать кое-какія мѣры противъ публичнаго разврата: «гулящихъ бабъ и дѣвокъ» ссылали на прядильные дворы [3]), преслѣдовали «пахабные» или позорные домы [4]), наблюдали за кабаками [5]).

Всѣ эти многочисленныя полицейскія мѣры, содержаніе полицейскихъ чиновъ требовали не малыхъ средствъ: откуда же брались эти средства? Мы видѣли, что большая часть низшихъ полицейскихъ органовъ поставляло, такъ сказать, натурой, само общество; но этимъ еще не разрѣшается вопросъ: унтеръ-офицеры и солдаты при

---

[1]) П. С. З. № 3246.

[2]) *Соловьевъ*: Ист. Рос. т. XVI, 275, 276.

[3]) П. С. З. № 4047; п. 39. См. также Ист. Россіи *Соловьева* XVI. 276.

[4]) *Ibid.* № 4047 п. 28; № 3203 п. 9.

[5]) *Ibid.* № 4037 п. 29. Предметы вѣдомства полиціи опредѣляются также указами въ П. С. З. №№: 3210; 3212; 3226; 3777; 3799; 3800; 4017 4103; 4130; 4274; 3823; 3833; 3421; 3437; 3505; 3585; 3589; 3598; 3650; 3676; 3395 и др.

полиціймейстерскихъ канцеляріяхъ получали жалованье [1]), его получали и высшіе чины полиціи. Мостовая и освѣщеніе улицъ и т. п. требовали расходовъ; гдѣ брались на все это деньги? Я уже говорилъ, что нѣкоторые расходы несло городское общество, какъ напр., содержаніе пожарныхъ инструментовъ, богадѣленныхъ и смирительныхъ съ сиротскими домовъ; отсюда можно было бы сдѣлать прямо заключеніе, что и вся полиція города содержалась имъ самимъ. Это было бы логически, но на самомъ дѣлѣ это далеко не было такъ. Городскую полицію XVIII вѣка, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ и Москвѣ, можно называть городскою лишь въ смыслѣ территоріальномъ, не больше: по отношенію къ тѣмъ средствамъ, на которыя она существовала—она является учрежденіемъ государственнымъ по преимуществу. Иначе и быть не могло: городъ собственныхъ суммъ не имѣлъ; самаго понятія городъ, какъ юридическое лицо, не существовало, не было и учрежденія его представлявшаго; но государство могло собирать суммы, необходимыя для полицейской администраціи даннаго города, съ населенія именно этого только города и тогда полиція могла бы быть названа городскою и относительно расходуемыхъ на нее средствъ. Но средства, употребляемыя на городскую полицію XVIII вѣка, не были городскими въ этомъ смыслѣ. Отчасти эти средства были дѣйствительно таковыми, а отчасти и притомъ гораздо больше, они были средствами прямо государственными, получаемыми со всего государства и съ сельскаго его населенія. Причемъ это можно сказать не только о средствахъ денежныхъ, но, какъ увидимъ, даже и о тѣхъ, которыя доставлялись натурою. Приэтомъ нужно замѣтить, что если на жителей даннаго города налагались новыя подати, на удовлетвореніе исключительно полицейскихъ нуждъ, то эти подати и налоги не имѣли цѣлью удовлетвореніе нуждъ именно этого даннаго города, а городской полиціи вообще въ Россіи; самые налоги установлялись не въ данномъ только городѣ, а во всѣхъ, и собранныя суммы распредѣлялись государствомъ между отдѣльными городами уже по собственному усмотрѣнію.

Въ 1721 году жалованье низшимъ полицейскимъ чинамъ, состоящимъ при полиційместерской канцеляріи, опредѣлено было вы-

---

[1]) П. С. З. № 3216.

давать изъ остаточныхъ суммъ Военной Коллегіи [1]). Такъ какъ никакихъ указаній нѣтъ на то, изъ какихъ средствъ уплачивалось жалованье высшимъ полицейскимъ чинамъ, такъ какъ нѣтъ ни одного указа, въ которомъ опредѣлялся бы какой-либо налогъ на городское населеніе ради этой цѣли, то имѣя въ виду только-что приведенный указъ, можно категорически утверждать, что и эти чины получали свое жалованье изъ общегосударственныхъ же источниковъ; его выдавали имъ Штатсъ или Камеръ-Коллегіи. На починку мостовъ въ Петербургѣ, очистку каналовъ и улицъ въ февралѣ 1720 года приказано отпускать необходимыя суммы изъ государственныхъ доходовъ Штатсъ-Конторъ-Коллегіи [2]); на эти же потребности, а вмѣстѣ и на освѣщеніе улицъ передается изъ Камеръ-Коллегіи хомутный сборъ, существовавшій уже издавна и вновь учреждаетея налогъ «на всѣхъ служащихъ въ государственной службѣ и получающихъ жалованья свыше 20 рублей» [3]). Не смотря даже на такіе характерные сборы, какъ послѣдній, государство все-таки не въ состояніи удовлетворить всѣмъ нуждамъ городской полиціи и постоянно вынуждаемо было прибѣгать къ новымъ налогамъ. Такъ, опредѣливъ въ 1721 году отпускать изъ Штатсъ-Конторъ-Коллегіи по 5000 рублей на содержаніе уличныхъ фонарей, пожарныхъ лошадей и трубъ, правительство устанавливаетъ вмѣстѣ съ этимъ, для покрытія сдѣланнаго расхода, новый налогъ «со всего государства съ городскихъ жителей, съ дворовъ» [4]). Понятно, что сборы эти стекаются въ одну изъ государственныхъ Коллегій, вѣроятно, въ туже Штатсъ-Конторъ-Коллегію. Мало того, устанавливался налогъ, или натуральная повинность, для удовлетворенія полицейскихъ нуждъ города, на всѣ сословія, живущія даже внѣ городовъ: къ 1705 году рѣшено было приступить къ настилкѣ булыжной мостовой въ Петербургѣ; го-

[1]) П. С. З. № 3851. Жалованье это было опредѣлено въ 1718 году размѣромъ жалованья, получаемаго гарнизонными солдатами П. С. З. 3216.

[2]) П. С. З. № 3514.

[3]) П. С. З. № 4391.

[4]) П. С. З. № 3777. Кто раскладывалъ и собиралъ этотъ налогъ, въ указѣ не говорится; но всей вѣроятности этимъ дѣломъ завѣдывали городовые Магистраты и Ратуши въ большихъ городахъ и Коммиссары въ малыхъ.

сударство облагаетъ для этой цѣли крестьянъ (вѣроятно, подгородныхъ) натуральной повинностью поставлять въ Москву камень и песокъ [1]). Впослѣдствіи времени эта натуральная мостовая повинность, распространявшаяся даже на сельское населеніе, была организована гораздо правильнѣе: въ 1722 году всякіе окладные сборы, имѣвшіе своимъ специальнымъ назначеніемъ настилку и поддержку мостовой и замѣнявшіе собою натуральную повинность крестьянъ и торговыхъ людей 1705 года, уничтожены, и мостовая повинность снова обращена въ натуральную, и притомъ, уже въ повинность исключительно одного только городскаго населенія: опредѣлено было, чтобы всякій домовладѣлецъ настилалъ и постоянно поддерживалъ мостовую противъ своего дома на свой счетъ [2]).

---

[1]) П. С. З. №№ 2052 и 2072. Первымъ указомъ сборъ камня опредѣляется въ количествѣ одной сажени съ 10 дворовъ: во второмъ — въ количествѣ 4 саженъ съ 400 дворовъ; песокъ—въ томъ же количествѣ. Въ 1707 году, мостовая въ нѣмецкой слободѣ настилается Земскимъ Приказомъ для чего жители слободы облагаются особымъ сборомъ. П. С. З. № 2109.

[2]) П. С. З. № 4017.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Русскіе города послѣ смерти Петра Великаго до 1785 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Городъ до Екатерины II.

ГЛАВА I.

Собранная храмина снова разсыпается.

Со смертью Петра Великаго созданный имъ съ такимъ трудомъ механизмъ городскаго устройства и управленія рушится; постепенно, но быстро распадается онъ на свои составныя части, которыя одна за другой уничтожаются, и такъ долго и упорно собиравшаяся «храмина» распадается снова: каждая отдѣльная часть снова подчиняется вѣдѣнію мѣстнаго правительственнаго органа. Ломка началась съ рычага, приводившаго въ движеніе весь механизмъ собранной храмины: Главный Магистратъ пострадалъ первый; сначала отъ него отбираютъ тѣ или другія изъ его обязанностей, а потомъ и совсѣмъ уничтожаютъ [1]).

---

[1]) Замѣчательно, что почти всѣ указы, по крайней мѣрѣ изданные Екатериной I, отмѣняющіе постановленія Петра, начинаются обыкновенно восхваленіемъ дѣятельности этого государя и увѣреніемъ, что мѣры настоящаго правительства суть ничто иное, какъ шествіе по стопамъ предшествовавшаго. Вотъ, напр., что говоритъ Екатерина въ указѣ о возложеніи крестьянскаго подушнаго сбора на воеводъ: „Понеже всѣмъ извѣстно есть, какимъ неусыпнымъ прилежаніемъ, блаженныя и вѣчныя достойный памяти, Е. И. В., нашъ любезный супругъ и государь трудился въ установленіи добраго порядка во всѣхъ дѣлахъ... того ради, слѣдуя во всемъ томъ Е. И. В. къ государству и къ подданнымъ своимъ полезнымъ намѣ-

Войны и преобразованія Петра Великаго ложились страшнымъ гнетомъ на государство; платежныя силы его истощились. Правительство Екатерины задумалось надъ этимъ вопросомъ; не прошло двухъ лѣтъ со смерти Петра, какъ на членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта между прочимъ возложено было обдумать вопросы: — какъ облегчить крестьянъ въ платежѣ подушнаго; откуда взять необходимыя на содержаніе арміи средства; какъ исправить торговлю? Изъ поданныхъ мнѣній оказалось, что «россійское купечество», о которомъ столько заботился сошедшій въ могилу царь, «едва не совсѣмъ раззорено»; посадскіе люди, какъ докладывалъ князь Голицынъ, «не имѣютъ ни въ комъ охранителя и защитника, особенно отъ проѣзжихъ въ постояхъ и въ другихъ нападкахъ» [1]). Какъ мѣры противъ такого раззоренія «купечества въ россійскомъ государствѣ» и всякихъ «нападковъ» на посадскихъ въ городахъ, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта предлагаютъ «всѣ дѣла исправлять воеводамъ подъ надзоромъ губернаторовъ»; такое мнѣніе высказалъ графъ Головкинъ; подъ всѣми дѣлами онъ разумѣетъ, понятно, и дѣла, вѣдавшіяся до сихъ поръ городовыми Магистратами. Князь Голицынъ недостающаго посадскимъ «охранителя» предлагаетъ дать имъ въ лицѣ губернатора [2]). Поворотъ въ пользу расширенія воеводской власти былъ сдѣланъ въ административныхъ взглядахъ правительства еще прежде, чѣмъ высказаны были только что приведенныя мнѣнія членовъ Тайнаго Совѣта. Лѣтомъ 1726 года рѣшено было «во всѣхъ городахъ, гдѣ были прежде сего воеводы, снова учредить эту должность», въ отмѣну учрежденныхъ Петромъ комисаровъ, для всякихъ судныхъ и розыскныхъ дѣлъ» [3]). Верховный Тайный Совѣтъ

ренiямъ... усмотря, что купечество въ слабомъ состояніи находится и т. д., то императрица и предпринимаетъ данную мѣру. П. С. З. № 5053.

[1]) *Соловьевъ:* Ист. Рос. XVIII. 293—296.

[2]) *Ibid.* 296. „Посадскіе люди, говорилъ онъ, должны быть въ вѣдѣніи губернатора; причемъ, однако, оговаривался, что онъ не имѣетъ въ виду уничтоженія магистрата, потому что посадскіе люди о всякихъ своихъ нуждахъ будутъ обращаться въ Главный Магистратъ".

[3]) П. С. З. № 4929. См. тоже. *Соловьевъ:* Ист. Рос. XVIII. 301. Въ началѣ 1727 года назначается цѣлый рядъ воеводъ (въ 31 провинцію). П. С. З. № 5029. Враждебныя магистратамъ мнѣнія, мнѣнія, клонящіяся въ пользу возстановленія воеводской власти, высказывались еще при Петрѣ Великомъ частными лицами, хотя мотивы выставлялись нѣсколько иные—

разсуждалъ, что многочисленныя должности и канцеляріи въ провинціальныхъ городахъ производятъ: «въ дѣлахъ—непорядки и продолженіе; въ дачѣ жалованья—напрасный убытокъ; народу «отъ многихъ и разныхъ управителей—тягости и волокиты», а такъ какъ прежде бывали во всѣхъ городахъ одни воеводы и всѣ дѣла, «какъ государевы, такъ и челобитчиковы, также по присылаемымъ изъ всѣхъ Приказовъ указамъ исправляли одни и были безъ жалованья, и управленіе однимъ человѣкомъ было лучше, люди были довольны» (?), то Совѣтъ и счелъ нужнымъ обо всемъ этомъ доложить императрицѣ [1]). Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ докладъ Тайнаго Совѣта, въ концѣ февраля 1727 года издается указъ, которымъ всѣ эти должности и канцеляріи приказано «отставить и положить всю расправу и судъ, попрежнему, на губернаторовъ и воеводъ, которымъ, «для лучшаго посадскихъ охраненія», подчиняются и городовые Магистраты во всѣхъ отношеніяхъ [2]). Воеводы назначаются уже не только въ провинціальные города, но даже и въ «пригородки» [3]). Съ этого времени о подчиненіи городовыхъ Магистратовъ Главному въ Петербургѣ уже не можетъ быть и рѣчи: власть воеводы могла ужиться съ властью Магистрата развѣ только въ головѣ князя Голицына, на самомъ же дѣлѣ это была невозможная вещь. Что же оставалось съ этого времени Главному Магистрату, когда главная область вѣдѣнія его отошла отъ него? Сочинять регулы и уставы? Но и эта обязанность его переходитъ, спустя какихъ-нибудь четыре мѣсяца послѣ подчиненія городовыхъ Магистратовъ воеводамъ и губернаторамъ, въ вѣдѣніе новаго, спеціально съ этой цѣлью основаннаго учрежденія: уже при Петрѣ II, въ іюнѣ 1727 года утверждается, учрежденная еще Екатериной, особая «комиссія о коммерціи» подъ предсѣдательствомъ Остер-

казнокрадство магистратскихъ чиновъ. *Соловьевъ*: Исторія Россіи. XVI. 248—249.

[1]) *Соловьевъ*: *Ibid.* 302.

[2]) Указъ 24 февр. 1727 года. П. С. З. № 5017. На воеводъ же возлагается и смотрѣніе „за подушными и другими сборами", которые этимъ же указомъ (и спеціальнымъ, изданнымъ въ тотъ же день — № 5016) снова передаются въ вѣдѣніе городовыхъ магистратовъ. Постановленіе о подчиненіи магистратовъ губернаторамъ и воеводамъ черезъ нѣсколько времени подтверждается. П. С. З. № 5033.

[3]) П. С. З. № 5033.

мана [1]), специальнымъ назначеніемъ которой было «лучше устроить купечество» [2]); купеческіе люди и города (?) получили право подавать въ эту комиссію свои мнѣнія о всякаго рода улучшеніяхъ, ихъ касающихся, «партикулярно» [3]). Такимъ образомъ, Главный Магистратъ остается безъ дѣла и стоитъ на очереди къ уничтоженію [4]). Верховный Тайный Совѣтъ усердно розыскивалъ «лишнихъ» такъ сказать должностей и учрежденій, которыя можно бы было, въ виду нужды государства въ людяхъ и деньгахъ, уничтожить: Главный Магистратъ не могъ не остановить на себѣ въ этомъ отношеніи вниманія Совѣта, который находитъ, что и городовые Магистраты «лучше совсѣмъ уничтожить, потому что люди понапрасну заняты» [5]). Однако, гроза миновала городовые Магистраты и разразилась лишь надъ Главнымъ: «понеже городовые Магистраты повелѣно подчинить губернаторамъ, того ради указали мы, говоритъ указъ, изданный въ августѣ 1727 года, въ С.-Петербургѣ, Главному Магистрату не быть» [6]). Какъ бы въ замѣнъ уничтоженнаго учрежденія усиливается составъ петербургской городовой Ратуши [7]). Кое-какія дѣла, остававшіяся еще въ вѣдѣніи Главнаго Магистрата распредѣлены были, нѣсколько времени спустя, по различнымъ Коллегіямъ [8]).

---

[1]) Еще 19 декабря 1726 года въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ „слушано было сенатское доношеніе о свободной торговлѣ и разсуждали учинить докладъ съ предложеніемъ мнѣнія о порученіи коммиссіи о купечествѣ барону Остерману, потому что способнѣе его къ такому дѣлу другой персоны не изобрѣли“ *Соловьевъ:* Ист. Рос. XVIII, 306.

[2]) П. С. З. № 5093.

[3]) *Ibid.*

[4]) Контора его въ Москвѣ уничтожена еще при Екатеринѣ I, въ половинѣ іюня 1726 года. П. С. З. № 4933. На Главный Магистратъ впрочемъ, возлагаются нѣкоторыя отдѣльныя предметы и порученія, въ родѣ, напр., завѣдыванія серебрянымъ рядомъ, вмѣстѣ со сборомъ съ клейменія золотыхъ и серебряныхъ вещей. П. С. З. № 5067. Но такого рода занятіе не могло оправдать существованія цѣлаго учрежденія.

[5]) *Соловьевъ:* Ист. Россіи. XIX. 114.

[6]) П. С. З. № 5142.

[7]) Прибавляется одинъ Бургомистръ и два бурмистра; которымъ „быть за выборомъ купецкихъ людей погодно“. *Ibid.*

[8]) По указу отъ 20 дек., того же года магистратскія дѣла распредѣляются по коллегіямъ такъ: въ Ратушу передаются всѣ вершонныя и не-

Такимъ образомъ, основная мысль всѣхъ преобразованій Петра относительно торгово-промышленнаго городскаго населенія, мысль, осуществленія которой великій преобразователь такъ долго, такъ упорно добивался—преемниками его совершенно брошена: воеводы и губернаторы снова вѣдали городъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ломка не остановилась на уничтоженіи только Главнаго Магистрата; городовой Магистратъ, подчиненный воеводѣ, не могъ даже de jure оставаться въ своемъ прежнемъ состояніи. Они не могли уже быть тѣмъ, чѣмъ должны были быть по мысли ихъ учредителя; они не могли уже выступать «яко начальство градское», которымъ сталъ теперь воевода, по отношенію къ которому они являются не болѣе какъ простыми исполнительными органами. Самое устройство Магистратовъ постепенно измѣняется. Прежде всего уничтожается принципъ несмѣняемости: члены Магистратовъ (получившихъ съ этого времени во всѣхъ городахъ названіе Ратушъ) — Бурмистры избираются уже не пожизненно, а «съ перемѣною погодно» [1]). Эта мѣра осуществила желанія нѣкоторыхъ современниковъ самого создателя магистратскихъ учрежденій; еще при немъ высказывалась мысль, что хищничество магистратскихъ выборныхъ чиновъ обусловливается именно ихъ несмѣняемостью и что только отмѣною этой послѣдней можно уничтожить зло [2]). То, что высказывалось частными лицами при Петрѣ I, осуществлено правительствомъ Петра II.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ преобразованій городская администрація является въ слѣдующемъ видѣ: во главѣ каждаго «пригородка» и города стоитъ воевода; при чемъ начало «приписныхъ»

вершонныя дѣла (судебныя?) вмѣстѣ съ Аукціонъ-конторой; казна — въ Камеръ-коллегію; счеты — въ Ревизіонъ-коллегію; дѣла о доимкахъ — въ доимочную канцелярію; апелляціонныя дѣла изъ губерній и провинцій — въ Юстицъ-коллегію; а прочія дѣла—по губерніямъ. П. С. З. № 5212.

[1]) П. С. З. № 5302. При Аннѣ Ивановнѣ, въ 1731 году, бурмистровъ „и другихъ ратушскихъ чиновъ“ велѣно избирать на 3 года, съ правомъ впрочемъ, переизбранія и раньше. П. С. З. № 5794. Восемь лѣтъ спустя, Кабинетъ министровъ въ своей резолюціи на докладную записку Сената, составленную по поводу жалобы „купецкихъ людей“ Тулы и Калуги, дозволилъ избирать бурмистровъ въ этихъ городахъ „по годно“, а также и въ другихъ, если будутъ просить объ этомъ. П. С. З. № 7728.

[2]) *Соловьевъ:* Ист. Рос. XVI. 248.

городовъ возстановляется вполнѣ: воеводы малыхъ городовъ въ справныхъ и судныхъ дѣлахъ подчиняются воеводамъ провинціальныхъ городовъ [1]); а за воеводами этихъ послѣднихъ, какъ и вообще всѣхъ, «смотрѣніе имѣть» вмѣняется губернаторамъ, которые «о неисправныхъ и подозрительныхъ» пишутъ въ Сенатъ [2]). Въ качествѣ почти исключительно исполнительнаго органа воеводской власти являются бывшіе городовые Магистраты, теперь Ратуши, которыя стоятъ въ полномъ подчиненіи и зависимости отъ этой власти.

Что же подлежало вѣдѣнію городовыхъ Ратушъ въ качествѣ такихъ зависимыхъ отъ мѣстной власти органовъ? Объемъ ихъ обязанностей мало измѣнился въ сравненіи съ тѣмъ объемомъ, который возлагался на нихъ учрежденіями Петра Великаго. Эти обязанности почти исключительно остаются финансовыми и теперь. Ратуши собираютъ всякаго рода подати и «сборы» вообще какъ исключительно съ посадскаго торгово-промышленнаго населенія, такъ и вообще съ уѣзднаго населенія; подати перваго рода раскладываются самою Ратушею, т. е. самимъ посадскимъ населеніемъ черезъ своихъ выборныхъ. Я утверждаю это право за Ратушами этого времени на томъ основаніи, во-первыхъ, что въ полномъ собраніи законовъ нѣтъ указаній на то, чтобы это право было отнято у Ратушъ (хотя нѣтъ, точно также, и спеціальнаго указа, утверждающаго за ними это право); во-вторыхъ, мы имѣемъ указъ отъ 1728 года, которымъ предписывается гостямъ и гостинымъ сотнямъ «на ряду верстаться» со всѣми остальными посадскими; причемъ самая разверстка податей и повинностей возлагается на особыхъ выборныхъ, такъ называемыхъ окладчиковъ [3]). Къ сборамъ этого перваго рода принадлежатъ подушные [4]) и вообще всякіе окладные сборы. Къ сборамъ второй категоріи нужно отнести всѣ неокладные сборы, въ родѣ таможенныхъ, кабацкихъ, соляныхъ и т. п. Слѣдовательно, мысль Петра — замѣнить посадскихъ и купецкихъ людей у подоб-

---

[1]) П. С. З. № 5056 и П. С. З. № 5333.

[2]) П. С. З. № 5053 и *Ibid.* № 5333.

[3]) П. С. З. № 5300; указъ изданъ, въ формѣ постановленія Сената, 17 іюня. Онъ изданъ, такъ сказать, наканунѣ обращенія магистратовъ въ Ратуши.

[4]) П. С. З. № 5016.

наго рода сборовъ отставными солдатами и офицерами окончательно брошена. Мы видѣли, что и самъ Петръ, за неимѣніемъ средствъ уплачивать жалованье этимъ сборщикамъ, далеко непослѣдовательно приводилъ въ исполненіе свою мысль.

Правительство Екатерины I, поставленное въ еще болѣе затруднительное финансовое положеніе, тѣмъ болѣе должно было отказаться отъ этой мысли. Остерманъ съ Меньшиковымъ въ своемъ мнѣніи, поданномъ по поводу изысканія средствъ къ облегченію крестьянъ и устройству финансовъ и торговли, говорили: «...однимъ отставнымъ и къ сборамъ опредѣленнымъ солдатамъ идетъ жалованья около 70000 рублей. Этого прежде не бывало и пользы отъ того никакой нѣтъ, кромѣ ссоръ и кражи и потому не лучше ли положить всѣ эти сборы на Магистраты» [1]). Эта мысль не замедлила осуществиться, хотя и не вдругъ. Сначала солдаты и офицеры устранены отъ кабацкихъ сборовъ и то не вообще, а эти сборы возложены на посадскихъ лишь тамъ, гдѣ нѣтъ солдатъ и офицеровъ [2]); за этимъ распоряженіемъ слѣдуетъ цѣлый рядъ указовъ, снова возлагающихъ на посадскихъ людей обязанность собирать массу неокладныхъ пошлинъ [3]). При этомъ большинство пошлинъ собирались не только въ городѣ, но и въ районѣ уѣзда даже цѣлой губерніи [4]). На Ратуши возлагаются многія повинности, не имѣющія ничего общаго съ какими-либо сборами, такъ, напр., Ратуши до самаго 1752 года поставляли опредѣленное количество счетчиковъ въ Коллегіи [5]), нѣсколькихъ человѣкъ въ московскую

---

[1]) *Соловьевъ:* Ист. Рос. XVIII. 296.

[2]) Указомъ отъ іюля 1725 года, на магистраты возлагаются таможенные и другіе, тому подобные сборы: П. С. З. № 4751. Годъ спустя, спеціально кабацкіе сборы передаются въ вѣдѣніе тѣхъ же магистратовъ, тамъ, гдѣ нѣтъ отставныхъ солдатовъ и офицеровъ. П. С. З. № 4950.

[3]) См. П. С. З. №№ 5056, 5333, 5648, 5706. Въ 1730 г. на Ратушу возлагается конскій пошлинный сборъ. П. С. З. № 5531, (спустя 10 лѣтъ онъ отдается на откупъ частному лицу). См. также П. С. З. №№ 5693, 5794, 6606, 6958.

[4]) П. С. З. № 6044: посадскіе Олонецкіе люди должны были поставлять сборщиковъ къ таможенному и кабацкому сборамъ по всей Новгородской губерніи.

[5]) П. С. З. № 6021.

пробирную Палату [1]). Такимъ образомъ, торгово-промышленное посадское населеніе едва-едва было начавшее освобождаться отъ нѣкоторыхъ видовъ государственной тяглой службы, снова закрѣпляется ей, благодаря безвыходному финансовому состоянію государства. Не зная какимъ путемъ выпутаться изъ такого состоянія, не будучи въ состояніи отыскать новые источники доходовъ, правительство старается уменьшить расходы, уменьшить ихъ, сокращая личный составъ администраціи, оплачиваемой жалованьемъ, увеличивая при этомъ составъ администраціи выборной, ложившейся тяжелымъ гнетомъ на посадское населеніе, которое несетъ на своихъ плечахъ не только тяжесть городской администраціи, но и нѣкоторую долю общегосударственной.

Какъ бы не была скромна доля полицейскихъ обязанностей, лежащихъ на Ратушѣ, тѣмъ не менѣе обязанности эти на ней лежали; въ роли полицейскаго органа она болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой являлась простымъ исполнительнымъ органомъ. Въ наказѣ воеводамъ и губернаторамъ, изданномъ въ 1728 году, полицію городскую, возложенную на этихъ представителей мѣстной власти, указывается вѣдать имъ «чрезъ Ратушу и Бурмистровъ» [2]), которые, какъ выражается наказъ, стоятъ въ этомъ отношеніи прямо «подъ вѣдѣніемъ губернаторовъ и воеводъ». Но странное дѣло, то самое правительство, которое находило, что «управленіе однимъ человѣкомъ было лучше», что «люди были довольны» этимъ управленіемъ,—это самое правительство боится, однако, вполнѣ положиться на это «управленіе однимъ лицомъ»; оно ему, не смотря на довольство имъ людей, не довѣряетъ, и то самое учрежденіе, которое само же ставитъ въ полную зависимость отъ этого одного лица, оно старается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ поставить въ независимое положеніе. Такъ, выборы членовъ Ратуши, обязанной подчиняться губернатору и воеводѣ, правительство хочетъ обставить такъ, чтобы они стояли внѣ всякаго вмѣшательства этихъ самыхъ губернатора и воеводы [3]), которымъ оно плохо вѣритъ и въ денежныхъ дѣлахъ;

---

[1]) *Ibid.* № 6861.
[2]) П. С. З. № 5333, п. 39, 40, 42—44.
[3]) П. С. З. № 5794 и 5941.

проворовывались и сильно проворовывались выборные ратушскіе чины, но не клали, какъ говорится, охулки на руку и воеводы. Правительство лавировало между Сциллой и Харибдой; возлагая надзоръ на воеводъ за посадскими при однихъ сборахъ, оно строго запрещаетъ имъ вмѣшиваться въ другіе [1]), что, тѣмъ не менѣе, не мѣшало правительству вооружить тѣхъ же самыхъ воеводъ правомъ требовать отъ Ратушъ книги для повѣрки счетовъ «погодно» [2]).

Надо думать, что доходы государства не увеличились отъ замѣны одного Магистрата массой воеводъ «безъ жалованья». Управленіе «однимъ лицомъ» оказалось, если не дороже, то никакъ ужъ не дешевле управленія многими: воеводы безъ жалованья сторицею вознаграждали себя за него. Правительство, какъ мы только что видѣли, начинаетъ лавировать между приказнымъ и выборнымъ началами, не зная, которому изъ нихъ отдать преимущество окончательно. Хищничество воеводъ нисколько не уменьшалось, если не увеличилось въ сравненіи съ прошлымъ, оно и понятно, если принять за достовѣрное извѣстіе маркиза Шетарди, что и возстановлена-то была эта должность скорѣе всего благодаря корыстнымъ побужденіямъ Меньшикова, который продавалъ ее претендентамъ; купивъ мѣсто за высокую плату, воевода долженъ былъ наверстать свое. Налегая на крестьянъ, онъ сталкивался съ помѣщикомъ, ближе, легче, да и больше можно было взять съ горожанина. Волки, какъ называло воеводъ само правительство, не замедлили броситься на добычу [3]); жалобы посыпались на правительство. Приходилось вооружаться противъ управленія «однимъ лицомъ», въ которомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ видѣли спасеніе. «Многіе воеводы, какъ посадскимъ, такъ и уѣзднымъ людямъ чинятъ великія обиды и раззоренія и другіе непорядочные поступки и берутъ взятки,

---

[1]) См. П. С. З. № 5333: п. 20 и 29. *Ibid.* № 6958, № 7207.

[2]) П. С. З. № 6958. Это право предоставлено было напр., астраханскому воеводѣ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, какъ издается указъ, по которому воеводамъ запрещается требовать изъ Ратушъ счетныя книги. П. С. З. № 7207. Еще нѣсколько раньше, по поводу недоимокъ въ сборахъ на Адмиралтейство и флоты, къ воеводамъ приставлены, въ видахъ охраненія казенныхъ интересовъ, особые чиновники отъ Адмиралтейства. П. С. З. № 7193.

[3]) *Соловьевъ*: Ист. Рос. XIX. 282.

о чемъ уже и челобитныя многія поданы... а на иныхъ бить челомъ опасаются для того, что тѣ воеводы многіе годы живутъ безперемѣнно» [1]). Чтобы ограничить хоть сколько нибудь «непорядочные поступки» воеводъ, рѣшено было ограничить срокъ ихъ служенія въ одномъ мѣстѣ — указано «во всѣхъ городахъ воеводамъ быть съ перемѣною на два года», по прошествіи которыхъ они обязаны были дать отчетъ передъ Сенатомъ [2]), который представленные ему отчеты разсылаетъ по Коллегіямъ и канцеляріямъ [3]). Ничто не помогаетъ: въ 1737 году правительство узнаетъ, что воеводы въ провинціяхъ не только не отдаютъ сборы на Ратушу, но даже и тѣ, которые уже были въ рукахъ Ратуши, «собою сняли и на вѣру отдаютъ» [4]). Понятно, послѣ этого та колебательная политика, которой держится правительство относительно выборнаго и приказнаго началъ. Но къ чему могли повести всѣ, придумываемые правительствомъ пальятивы; что могли сдѣлать эти послѣдніе при томъ взглядѣ верховной власти на общество, которымъ она была проникнута въ то время, при томъ воззрѣніи общества на государство, которымъ оно было заражено. Да и можно-ли было требовать отъ общества честнаго, активнаго отношенія къ общественно-государственнымъ интересамъ, въ то время, какъ оно переживало вѣковую кабалу государству подъ угрозой нещадныхъ ботоговъ и смертной казни; какъ могла эта кабала развить въ обществѣ что-либо похожее на духъ инициативы, духъ энергіи; развѣ его тяглая служба могла дать обществу силы противодѣйствовать хищничеству приказныхъ? Какой отпоръ могли представить ратушскіе чины теперь, когда въ лучшее время ихъ существованія, въ то время, когда de jure признана была ихъ самостоятельность и независимость отъ воеводъ, когда, наконецъ, жива еще была та могучая рука, которая сдерживала такъ или иначе темныя силы; когда въ то время, какъ мы видѣли, эти чины не могли спастись «отъ смертнаго боя» какого-нибудь случайно

---

[1]) П. С. З. № 5522.

[2]) *Ibid.* Далѣе указъ прибавляетъ: „буде который исправенъ и послѣ смѣны въ годъ челобитчиковъ на него не будетъ, такихъ опредѣлять въ воеводы же“.

[3]) П. С. З. № 5725; см. также 6009, 6649, 6676.

[4]) П. С. З. № 7193, п. 13; см. также № 8709.

проѣзжавшаго майора, когда какой-то оберъ-офицеръ, не имѣющій никакого отношенія къ Магистрату, съ плетью гуляетъ по спинамъ его членовъ; въ какихъ отношеніяхъ, фактически, стояли къ приказнымъ властямъ эти члены теперь, когда желѣзной воли, сдерживавшей разгулявшіяся страсти уже не было больше; когда ратушскіе чины отданы были подъ надзоръ волкамъ-воеводамъ, служившимъ «безъ жалованья»; когда высшая администрація едва имѣетъ время обратить свое вниманіе на посадскихъ, занятая интригами. Состояніе городскихъ Ратушъ было по истинѣ жалкое. Ихъ безсиліе и униженіе дошло до того, наконецъ, что не могло не обратить на себя вниманія даже такого правительства, какъ правительство въ періодъ регентства бывшаго герцога курляндскаго. Даже бироновскій Сенатъ находитъ, что «бурмистры какъ къ распорядкамъ гражданскимъ попеченія, такъ и къ ихъ самихъ защищенію смѣлости не имѣютъ, отъ чего здѣшнее (петербургское) гражданство пришло въ крайнее изнеможеніе» [1]) и старается найти средство вывести его изъ этого «изнеможенія», дать Бурмистрамъ этого гражданства средства «къ защищенію самихъ себя». Какое это будетъ средство видно уже изъ того, въ чемъ видѣлъ Сенатъ причину такого приниженія Ратуши; причина эта, по мнѣнію его—въ томъ, что Бурмистры и Ратуши «обрѣтаются безъ главнаго командира» [2]); понятно, что поставить во главѣ ея такого «командира» — значитъ начинить ея членовъ духомъ храбрости къ защитѣ самихъ себя, духомъ «попеченія къ распорядкамъ гражданскимъ»; и дѣйствительно, Сенатъ, въ концѣ доклада предлагаетъ опредѣлить въ Ратушу «члена съ жалованьемъ», т. е. назначить его отъ правительства. Въ резолюціи на этотъ докладъ такимъ «членомъ съ жалованьемъ» назначенъ былъ полковникъ Языковъ [3]). Понятно, что учрежденіе «командира» не могло поднять въ ратушскихъ чинахъ даже и уровня «смѣлости»: полковникъ долженъ былъ быть гораздо страшнѣе для нихъ самихъ, чѣмъ для воеводы; объ увеличеніи же въ Ратушѣ ревности «къ гражданскимъ распо-

---

[1]) П. С. З. № 8283.
[2]) *Ibid.*
[3]) *Ibid.*

рядкамъ» странно было бы и говорить. Правительство понимало несостоятельность подобнаго рода мѣръ еще раньше. Оно начинало снова склоняться на сторону петровскихъ городовыхъ учрежденій; еще при Аннѣ Ивановнѣ: въ 1732 году, извѣстная коммиссія о коммерціи, президируемая Остерманомъ, приходитъ къ мысли о необходимости «вновь учинить въ Петербургѣ Магистратъ по примѣру рижскаго» [1]). Императрица согласилась съ мнѣніемъ коммиссіи и положила резолюцію — «сочинить регламентъ». Регламентъ сочинялся, однако, очень долго: только черезъ два года мысль о возстановленіи Магистратовъ начинаетъ осуществляться: въ 1734 году имѣетъ мѣсто частный, отдѣльный случай учрежденія городоваго Магистрата; право на магистратское устройство даровано было въ этомъ году городу Оренбургу, только-что построенному на Киргизъ-Кайсацкой границѣ [2]). И такъ, больше чѣмъ за 10 лѣтъ до воцаренія Елизаветы Петровны правительство приходитъ къ убѣжденію о необходимости возстановить петровскія городовыя учрежденія и даже возстановляетъ ихъ, хотя и въ качествѣ исключенія. А если мысль коммиссіи о Коммерціи не была осуществлена до Елизаветы Петровны вполнѣ, то причину этого нужно искать, быть можетъ, въ томъ, чѣмъ занято было какъ правительство Анны Ивановны въ послѣдніе годы ея царствованія, такъ и правительство регента по смерти ея: Сенату за этотъ періодъ времени, какъ онъ самъ докладывалъ, «за многонужнѣйшими по именнымъ указомъ отправленіями, вскорѣ разсужденіе учинить (объ учрежденіи Магистрата) было невозможно» [3]).

Магистратское устройство Оренбурга, несмотря на свой слиш-

---

[1]) П. С. З. № 5994.

[2]) 1 мая 1734 года по представленію Оберъ-секретаря Сената Кирилова рѣшено было построить городъ при устьѣ рѣки О р и. *Соловьевъ*: Ист. Рос. т. XX, стр. 322. А седьмаго іюня того же года уже изданъ указъ „объ учиненіи“ въ городѣ Оренбургѣ Магистрата. П. С. З. № 6584. Между тѣмъ какъ во второй половинѣ 1735 года городъ еще не заложенъ. (*Соловьевъ*: *Ibid.* 328) и основаніе города произошло не ранѣе конца 1736 или начала 1737 года; скоро мѣсто построенія оказалось неудобнымъ и городъ перенесенъ въ 1739 году, съ котораго и можно говорить объ основаніи города, на другое мѣсто. *Соловьевъ*: *Ibid.* 349.

[3]) П. С. З. № 8283.

комъ частный характеръ, стоитъ того, чтобы на немъ нѣсколько остановиться.

Въ началѣ указа объ устройствѣ въ городѣ Оренбургѣ Магистрата, императрица говоритъ, что это устройство въ новомъ городѣ вводится съ тѣмъ, «чтобъ въ помянутомъ городѣ жители и пріѣзжіе вовсякомъ порядкѣ и благополучіи, и довольствѣ были и судъ и расправу имѣли справедливую» [1]). Оренбургскій Магистратъ долженъ былъ нѣсколько отличаться отъ петровскихъ городовыхъ магистратовъ уже по своему составу: число составляющихъ его членовъ было значительно больше послѣднихъ: кромѣ трехъ бурмистровъ въ составъ его входило шесть ратсгеровъ [2]) (ратмановъ петровскаго Магистрата). Относительно способа выбора этихъ членовъ не говорится почти ничего; только по поводу выборовъ новыхъ членовъ «на выбылыя мѣста», т. е. взамѣнъ выбывшихъ, указъ замѣчаетъ, что «съ магистратскими членами быть и подписываться отъ гильдовъ (т. е. и отъ цеховъ) старшинамъ.» Изъ этого мѣста приходится заключить, что замѣна выбывшихъ членовъ производилась путемъ выбора ихъ изъ посадскаго населенія самими членами магистрата совмѣстно съ гильдейскими старшинами [3]). Что касается способа образованія первоначальнаго состава оренбургскаго магистрата, то трудно предположить въ немъ что-либо правильное, имѣя въ виду то обстоятельство, что городъ только что основывался; населеніе его было слишкомъ ничтожно, чтобы можно было думать о болѣе или менѣе правильной организаціи его. При первоначальномъ образованіи состава Магистрата нельзя не допустить сильнаго вліянія того чиновника, которому поручено было самое основаніе города [4]) и о независимости при избраніи членовъ первоначальнаго состава новаго Магистрата не можетъ быть, разумѣется, и рѣчи; но эту независимость законодатель старается гаран-

---

[1]) П. С. З. № 6584.

[2]) *Ibid.*

[3]) Этотъ способъ избранія членовъ Городскаго Совѣта мы встрѣчаемъ во многихъ городахъ Германіи послѣ побѣды цеховъ.

[4]) Первоначальнымъ строителемъ города былъ тотъ Оберъ-секретарь Сената Кириловъ, который подалъ самую мысль объ основаніи города; и по смерти его—знаменитый Татищевъ. *Соловьевъ*; Ист. Рос. XX, 322 и 338.

тировать de jure: указъ объ учрежденіи Магистрата, умалчивая о подробностяхъ выбора членовъ послѣдняго, замѣчаетъ, что выбранныхъ «конфирмуетъ командиръ города.» Выраженію конфирмуетъ нельзя не придать здѣсь опредѣленнаго, строго юридическаго значенія; этому выраженію уже нельзя придать того смысла, который заключаетъ въ себѣ всеобъемлющее слово «вѣдать», которое такую обширную роль играетъ въ законодательствѣ Петра. Законодатель предоставляетъ «командиру» города лишь право утвержденія выборовъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Такое ограниченіе власти губернатора указываетъ на то, что законодатель уже выработалъ различіе между интересами государственными и мѣстно-общинными и въ лицѣ губернатора ставитъ охранителя первыхъ отъ нарушенія со стороны послѣднихъ; въ правѣ губернатора «конфирмовать» выборы выражается контроль представителя власти и интересовъ государственныхъ надъ дѣйствіями мѣстной общины. Это право контроля, надзора губернатора не ограничивалось лишь правомъ конфирмаціи, ему придается гораздо болѣе широкое значеніе: Магистратъ долженъ былъ представлять на разсмотрѣніе мѣстнаго представителя государственной власти ежегодные отчеты о городскихъ доходахъ и расходахъ; его же разсмотрѣнію и утвержденію подвергались всѣ сборы, «Магистратомъ и гражданствомъ установляемые». При этомъ, однако, законодатель, не довѣряя вполнѣ органу правительственной власти, для ревизіи городскихъ доходовъ и расходовъ образуетъ родъ особой коммиссіи изъ депутатовъ «отъ города,» въ которой губернаторъ играетъ, повидимому, роль предсѣдателя [1]).

Этотъ надзоръ «командира города» надъ городскимъ Магистратомъ не былъ надзоромъ высшаго начальства надъ подчиненнымъ ему учрежденіемъ; напротивъ, взаимныя отношенія между городскимъ Магистратомъ и губернаторскою властью были отношеніями двухъ независимыхъ началъ: начала земскаго и государственнаго. Оренбургскій Магистратъ, нося по своему составу характеръ исключительно сословный [2]), по своей компетенціи, объему власти, является

---

[1]) „Отчеты доходовъ и расходовъ подавать ежегодно командиру того города, который свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ депутатами отъ города". П. С. З. № 6584, п. 10.

[2]) Въ самомъ указѣ нѣтъ никакихъ указаній на то, изъ кого вы-

учрежденіемъ земско-городскимъ: ему подчиненъ весь городъ въ полицейско-хозяйственномъ отношеніи. Само правительство смотритъ на этотъ Магистратъ, какъ на совершенно самостоятельное учрежденіе, приказывая членовъ его «решпектовать какъ отъ насъ императорскаго величества къ правительству гражданскому учрежденныхъ» [1]). И дѣйствительно, это правительство градское, было настоящимъ «правительствомъ» по крайней мѣрѣ de jure; оренбургскій Магистратъ не былъ простымъ возстановленіемъ петровскаго городскаго Магистрата и по отношенію къ объему его вѣдомства; онъ не былъ учрежденіемъ облеченнымъ исключительно обязанностями и лишеннымъ всякихъ правъ; онъ является учрежденіемъ, наоборотъ, пользующимся значительными автономическими правами: ему принадлежало право самостоятельнаго обложенія горожанъ податями, право владѣнія собственностью, которою онъ могъ самостоятельно распоряжаться. Эта городская собственность, находящаяся въ распоряженіи Магистрата, составлялась изъ опредѣленныхъ сборовъ, налагаемыхъ правительствомъ или самимъ Магистратомъ; къ доходамъ перваго рода принадлежали—2% съ таможенныхъ сборовъ и $^1/_3$ акцизныхъ; къ сборамъ втораго рода, устанавливаемымъ самимъ Магистратомъ, принадлежали сборы съ караванъ-сарая, кладовыхъ, рынка, лавокъ и т. п., а также сборы «отъ городской печати», отъ «записыванія въ гражданство, въ цехи «по скольку Магистратъ и гражданство безъ тягости установитъ [2]) и на то конфирмацію получитъ особливо». Городъ, кромѣ денежнаго капитала могъ владѣть и недвижимой, собственностью: караванъ-сарай, кладовыя, лавки, сборами съ которыхъ онъ пользовался, вѣроятно, были его собственностью; его же собственность, понятно, должны были составлять и тѣ предполагаемыя общественныя строенія, въ родѣ церквей, госпиталей, школъ, о которыхъ говорится въ указѣ объ учрежденіи Магистрата и которыя долженъ былъ, по указу, городъ содержать на свой счетъ. Можно думать, что городъ обладалъ поземельной собственностью, судя по

бирались члены магистрата; но можно, кажется предположить, что въ этомъ случаѣ слѣдовали законодательству Петра Великаго, въ противномъ случаѣ, въ указѣ заключались бы указанія.

[1]) П. С. З. № 6584, п. 7.

[2]) *Ibid.* п. 9.

тому, что Магистрату предоставлено было завѣдывать раздачей земель подъ фабрики и заводы [1]). Обладая собственностью, городъ, само собою разумѣется, долженъ былъ имѣть право распоряжаться этой собственностью, хотя и подъ надзоромъ правительственной власти. Дѣйствительно, оренбургскій Магистратъ и пользовался этимъ правомъ, расходуя общественно-городскія суммы на общественныя нужды по собственному усмотрѣнію, давая лишь, какъ мы видѣли, еженедельный отчетъ въ этомъ «командиру города».

Городское хозяйство въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова было въ рукахъ Магистрата вновь основаннаго города; ему предоставлялось вѣдать и полицію безопасности и полицію строительную, санитарную.

Принявъ во вниманіе все только-что изложенное объ оренбургскомъ Магистратѣ, нельзя не придти къ заключенію, что это учрежденіе не было простымъ возстановленіемъ петровскаго городскаго магистрата и представляетъ собою значительный шагъ впередъ, въ смыслѣ развитія городскаго самоуправленія, по крайней мѣрѣ de jure; другое дѣло фактическое состояніе вновь образованнаго города съ его сравнительно самостоятельнымъ Магистратомъ. Мы видѣли какъ велики были права петровскаго городскаго Магистрата въ сравненіи съ его многочисленными, при томъ, чисто административно-государственнаго характера, обязанностями; мы видѣли, что городовой Магистратъ безъ специальнаго царскаго указа не могъ «никакого расположенія на гражданъ не раскладывать и не сбирать»; десять лѣтъ спустя на далекой восточной окраинѣ строится городъ, который получаетъ автономію по отношенію къ своему внутреннему хозяйству. Странный, рѣжущій глаза фактъ,—фактъ плохо мирящійся съ общимъ направленіемъ административной политики XVIII столѣтія. Къ сожалѣнію фактъ этотъ былъ дѣйствительно одиночнымъ, и не произвелъ почти никакого вліянія на дальнѣйшее развитіе городскаго управленія: меньше чѣмъ десять лѣтъ спустя дочь великаго преобразователя городскаго управленія возстановляетъ учрежденія своего отца и возстановляетъ ихъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, какъ будто совершенно игнорируя указъ объ устройствѣ оренбургскаго городскаго управленія. Съ возшествіемъ на престолъ Елизаветы Петровны

[1]) *Ibid.* п. 12.

въ административной политикѣ совершается крутой переворотъ: послѣ шестнадцатилѣтней ломки всего, совершеннаго Петромъ въ административномъ строѣ государства, начинается быстрое возстановленіе всего разрушеннаго; возстановляется и магистратское устройство городовъ. Въ концѣ 1742 года дочь Петра приказываетъ Правительствующему Сенату «разсужденіе имѣть» объ учрежденіи Главнаго Магистрата; результатомъ «разсужденія», черезъ шесть мѣсяцевъ, въ маѣ 1743 года, былъ докладъ Сената, предлагавшій возстановить въ Петербургѣ Главный Магистратъ, а въ другихъ городахъ Магистраты «попрежнему». Докладъ былъ тогда же утвержденъ: президентомъ Главнаго Магистрата назначенъ камергеръ, князь Василій Хованскій [1]).

Но еще раньше повелѣнія Сенату обсудить вопросъ объ открытіи Магистратовъ, почти тотчасъ по возшествіи на престолъ, Елизавета Петровна издаетъ инструкцію старшинамъ и старостамъ московскаго купечества, которые «за выборомъ всего московскаго купечества» сбираютъ съ послѣдняго «подушныя деньги»; инструкція эта, касаясь, повидимому, лишь одной только части торгово-промышленнаго населенія Москвы, содержитъ въ себѣ, однако, какъ увидимъ впослѣдствіи, не мало положеній, касающихся цѣлаго города, всего его торгово-промышленнаго населенія. [2]) Вслѣдъ за этими распоряженіями издается цѣлый рядъ указовъ, возстановляющихъ и утверждающихъ права и привилегіи остзейскихъ городовъ и Кіева, нарушенныя въ предшествующія царствованія [3]).

Между возстановленными Магистратами городовъ устанавливается строгая іерархическая связь: Магистраты приписныхъ городовъ должны были «быть подъ апелляціею» провинціальныхъ Магистратовъ, а эти въ свою очередь—подъ апелляціею Магистратовъ губернскихъ городовъ [4]); причемъ Магистраты приписныхъ городовъ отлича-

---

[1]) П. С. З. № 8734.

[2]) 19 января 1742 года. П. С. З. № 8504,

[3]) Въ 1742 году подтверждены права Риги, Ревеля, Нарвы и Дерпта. Въ 1743 году выдана вновь Кіеву жалованная грамота на магдебургское право, что подтверждено въ 1748, причемъ Кіевскій Магистратъ становится подъ надзоръ Кіевскаго Губернатора и внѣ вѣдѣнія Главнаго Магистрата. П. С. З. №№ 8803 и 9520.

[4]) П. С. З. № 9018.

лись отъ Магистратовъ провинціальныхъ и губернскихъ и по своему составу: въ нихъ положено было «президентамъ не быть» [1]), независимо отъ количества ихъ населенія. Такимъ образомъ, положеніе города или лучше сказать, его Магистрата опредѣляется не экономическимъ состояніемъ, а исключительно, если можно такъ выразиться, его **рангомъ**. Въ этомъ случаѣ рельефнѣе всего выразился взглядъ законодателя на администрацію: она должна представлять такой механизмъ, къ которому должны быть пригнаны, пріурочены, всѣ явленія общественной жизни, а никакъ не наоборотъ; всѣ отдѣльные колеса этого механизма должны быть въ строгой подчиненности и зависимости одно отъ другаго, совершенно независимо отъ того матеріала, которымъ это колесо управляетъ. Устанавливая такую іерархическую связь между Магистратами, законодатель, вѣроятно подъ вліяніемъ подобныхъ же отношеній, установленныхъ, какъ мы видѣли, между воеводами «пригородковъ» и городовъ, развиваетъ мысль Петра Великаго, положившаго начала такого рода зависимости городовъ одного отъ другаго еще въ 1699, когда Земскія Избы приписныхъ городовъ были поставлены въ зависимость отъ Земскихъ Избъ главныхъ городовъ. Трудно сказать, что въ данномъ случаѣ разумѣется подъ словомъ аппелляціи; значитъ ли это, что Магистратъ приписнаго города находится подъ аппелляціей провинціальнаго, а этотъ послѣдній—губернскаго только въ судебномъ отношеніи или же слово аппелляція нужно понимать въ гораздо болѣе широкомъ смыслѣ, соединяя съ нимъ положеніе административной зависимости; то есть, что города нисшаго ранга во всѣхъ отношеніяхъ зависѣли отъ городовъ высшаго, Магистраты которыхъ такимъ образомъ, совершенно заслоняли собою Магистраты перваго рода отъ Главнаго Магистрата, служа во всѣхъ

---

[1]) *Ibid.* Указъ говоритъ, что президенты въ Магистратахъ приписныхъ городовъ „не должны быть", хотя имъ и слѣдовало быть „по величинѣ" города; наоборотъ, въ губернскихъ и провинціальныхъ городахъ они должны быть и въ томъ случаѣ, когда бы въ нихъ и не было нужды „по малости города". Вѣроятно за Магистратами безъ президента, Магистратами приписныхъ городовъ, и осталось названіе Ратушъ, которое встрѣчается въ указахъ (см. П. С. З. №№ 9208, 9328, 9765, 10222 и др.) параллельно съ городовыми Магистратами, съ которыми и имѣютъ одинаковое значеніе, судя по сопоставленію ихъ. Нельзя думать, чтобы законодатель замѣнялъ одно названіе другимъ по невнимательности.

отношеніяхъ посредствующей инстанціей между послѣднимъ и первыми [1]). Имѣя въ виду то значеніе, которое играли Магистраты въ общемъ строѣ государственной администраціи, нельзя не признать между ними отношенія втораго рода. Городовой Магистратъ не въ судебномъ только отношеніи игралъ роль не болѣе какъ инстанціи, и въ административно-хозяйственномъ онъ не былъ ни въ какомъ случаѣ отдѣльной самостоятельной общиной, вѣдавшей только свои нужды, несшей лишь свои тягости, независимо отъ нуждъ и тягостей всѣхъ другихъ городскихъ общинъ. Они — не болѣе, какъ отдѣльныя инстанціи одного общаго административнаго учрежденія, имѣвшаго цѣлью вѣдать города опредѣленной части государства; они — только отдѣльныя колеса цѣлаго механизма, перерабатывавшаго матеріалъ, представляемый всѣми городами этой части государства. Какъ въ петровскомъ, такъ и въ возстановленномъ Магистратѣ правительство не признаетъ даже и отдѣльной, если можно такъ выразиться, финансовой единицы; городъ не имѣетъ своего отдѣльнаго хозяйства, своего капитала, который онъ могъ бы расходовать лишь на свои нужды: общественные капиталы одного города правительство, и теперь какъ при Петрѣ, передвигало въ другой по собственному усмотрѣнію: «недоборы отъ перемѣны торговъ (одного́ города) доплачиваются по указу Главнаго Ма́гистрата, и изъ сборовъ другихъ городовъ, гдѣ торги распространились» [2]); общественныя городскія суммы, составившіяся изъ «переборовъ,» шли на собственныя нужда владѣвшаго ими города лишь въ томъ случаѣ, когда они были «никуда не нужны», т. е. не отбирались на какія либо общегосударственныя потребности; что случалось, думать надо, не особенно часто.

---

[1]) Отношенія воеводъ подчиненныхъ городовъ къ главнымъ, были отношеніями втораго рода; т. е. воевода нисшаго города былъ подчиненъ воеводѣ высшаго, какъ административный чиновникъ. Отношенія бурмистровъ „приписныхъ“ городовъ къ бурмистрамъ главныхъ были такого же рода: „съ Москвы въ тѣ (приписные) города низачѣмъ не посылать и изъ тѣхъ приписныхъ городовъ о всѣхъ земскихъ дѣлахъ посылать въ тѣ настоящіе города“; бурмистры послѣднихъ должны были писать въ Бурмистерскую Палату лишь о чемъ „указу самимъ чинить не можно“. П. С. З. № 1706.

[2]) П. С. З. № 9208 и 9577.

ГЛАВА II.

Магистратское устройство, возстановленное Елизаветой Петровной.

Одного указа о возстановленіи петровскихъ городовыхъ учрежденій было недостаточно для того, чтобы эти учрежденія могли установиться вполнѣ прочно; этого было бы недостаточно даже и въ томъ случаѣ, еслибъ городовые магистраты успѣли вполнѣ привиться къ русской почвѣ еще при жизни виновника ихъ существованія: шестнадцатилѣтній почти періодъ бездѣйствія по смерти этого виновника былъ бы достаточно великъ для того, чтобы съ корнемъ вырвать даже и хорошо привившіяся учрежденія. Элементъ приказной слишкомъ окрѣпъ въ городахъ, чтобы можно было ограничить его однимъ указомъ. Всякія Коллегіи и «канцеляріи» слишкомъ полновластно хозяйничали надъ безотвѣтнымъ торгово-промышленнымъ населеніемъ города, чтобы они могли разстаться такъ скоро со своею властью. Но этого мало. Не слѣдуетъ забывать, что магистратскія учрежденія при жизни Петра успѣли только, такъ сказать, родиться, появиться на свѣтъ; о прочномъ, устойчивомъ существованіи ихъ при немъ не можетъ быть и рѣчи: великій преобразователь не успѣлъ ихъ пристроить, окончательно приладить къ общему строю администраціи самъ. Послѣ этого понятно будетъ, что это прилаживанье Магистратовъ къ цѣлому административному механизму въ значительной степени должно было достаться на долю возстановительницы ихъ. Вотъ почему, не прошло еще и года по возстановленіи Магистратовъ, какъ появилась нужда въ напоминаніи о томъ, чтобы «всѣмъ правительствамъ всего государства о Магистратскихъ дѣлахъ и съ купечествомъ поступить во всемъ по силѣ регламента Главнаго Магистрата» [1]). Но такого общаго указа было слишкомъ недостаточно; потребовался цѣлый рядъ указовъ для пополненія и разъясненія различныхъ положеній и опредѣленій регламента Главному

---

[1]) П. С. З. № 8971; еще нѣсколько раньше изданъ былъ указъ, запрещавшій Канцеляріямъ и Коллегіямъ назначать купцовъ въ какія либо службы безъ сношенія о томъ съ Магистратомъ. П. С. З. № 8951.

Магистрату, инструкціи городовымъ: нужно было точно опредѣлить и взаимныя отношенія Магистратовъ другъ къ другу и отношенія ихъ къ Главному Магистрату; опредѣлить объемъ власти ихъ, устранить возможность столкновенія съ представителями другихъ вѣтвей администраціи. Мы видѣли, что относительно взаимнаго отношенія между собою магистратовъ отдѣльныхъ городовъ, дочь Петра вполнѣ развиваетъ мысль отца о полномъ подчиненіи «малыхъ», приписныхъ городовъ «настоящимъ» городамъ; въ отношеніяхъ городовыхъ Магистратовъ къ Главному она точно также не отступаетъ ни на шагъ отъ началъ Регламента и инструкціи 1724 года. Главный Магистратъ-рычагъ, приводящій въ движеніе всю административную машину; ни одно колесо этой машины не можетъ и не должно тронуться съ мѣста независимо отъ этого рычага: городовой Магистратъ каждый шагъ свой дѣлаетъ или съ разрѣшенія Главнаго или же даетъ ему въ этомъ шагѣ отчетъ: поставить того или инаго выборнаго къ той или другой государственной службѣ можно было лишь съ разрѣшенія Главнаго Магистрата [1]); переходъ торгово-промышленнаго человѣка одного города въ другой могъ состояться лишь съ вѣдома Главнаго Магистрата [2]); въ Главный Магистратъ присылаютъ городовые Магистраты рапорты, «о сборѣ и отдачѣ» [3]); никакого расхода «собою безъ указовъ» изъ Главнаго Магистрата городовой произвести не можетъ [4]). Главный же Магистратъ, въ свою очередь, стоитъ подъ непосредственнымъ надзоромъ Правительствующаго Сената, на утвержденіе котораго подаются даже смѣты расходовъ, необходимыхъ «на поддержку и починку» тѣхъ зданій, въ которыхъ помѣщаются въ городахъ Магистраты и Ратуши [5]). Что касается отношеній Магистратовъ къ представителямъ мѣстной власти—воеводамъ и губернаторамъ, то приходится замѣтить, что лишь отношенія этихъ представителей къ Главному Магистрату остались вѣрными регламенту Петра Великаго; отношенія же ихъ къ городовымъ магистратамъ и Ратушамъ значительно измѣнились и притомъ не въ пользу послѣднихъ. Мы видѣли, что при Петрѣ

---

[1]) П. С. З. № 9141 и 8951.
[2]) П. С. З. № 9001.
[3]) П. С. З. № 9208.
[4]) *Ibid.* и № 9577.
[5]) П. С. З. № 9208.

въ этихъ отношеніяхъ, несморя на ихъ большую или меньшую неопредѣленность, преобладалъ характеръ равенства; законодатель видимо склонялся въ пользу независимости магистратовъ отъ воеводъ и губернаторовъ. При Елизаветѣ — таже неопредѣленность, двойственность этихъ отношеній; но въ этой неопредѣленности болѣе или менѣе рельефно выдается преобладающая сторона — сильная зависимость Магистратовъ и Ратушъ отъ воеводъ и губернаторовъ.

По указу отъ 19 сентября 1745 года «управители» и бурмистры изъ городскихъ магистратовъ, независимо отъ тѣхъ рапортовъ, которые должны были Магистраты, какъ мы видѣли, отсылать въ Главный Магистратъ, должны подавать ежемѣсячно вѣдомости «и о сборѣ и отдачѣ» въ губернаторскія и воеводскія канцеляріи [1]); самые рапорты, отсылаемые въ Главный Магистратъ и вмѣстѣ съ нимъ въ Камеръ-Коллегію и Штатсъ-Контору подписывались обыкновенно губернаторами и воеводами [2]). Уже въ этомъ ясно выражается то отношеніе, въ какомъ городовые Магистраты поставлены къ мѣстной власти; но мы имѣемъ указъ, характеризующій эти отношенія еще рельефнѣе: въ 1750 году по поводу неисполненія калужскимъ Магистратомъ предписаній полиціи, Сенатъ опредѣляетъ, чтобы магистраты строго исполняли эти предписанія полицейскихъ властей [3]); а забота о полиціи лежала по губернаторскому наказу и на воеводахъ съ губернаторами; наконецъ, въ одномъ изъ указовъ того же города предписывается «Магистратамъ и Ратушамъ быть послушнымъ губернаторамъ и воеводамъ» [4]). Губернаторамъ же съ воеводами Сенатъ поручаетъ, напр., взысканіе такъ называемаго «двухкопѣечнаго сбора» съ тѣхъ Магистратовъ и Ратушъ, которые отказываются платить его (ссылаясь на то, что не получали объ этомъ спеціальнаго указа изъ Главнаго Магистрата); при этомъ мѣстныя власти вооружаются относительно городовыхъ учрежденій такимъ правомъ, при наличности котораго въ ихъ рукахъ, о независимости и самостоятельности Магистратовъ и Ратушъ уже едва-ли можетъ идти рѣчь: воевода и губернаторъ получаютъ право арестовать бурмистровъ, въ случаѣ неуплаты Ратушами и Магист-

[1]) *Ibid.*
[2]) *Ibid.*
[3]) П. С. З. № 9754.
[4]) Указъ отъ 20 іюня 1750 года. П. С. З. № 9765.

ратами «сбора», и держать ихъ «съ товарищи» подъ карауломъ до тѣхъ поръ, пока ни уплатятъ [1]); а если и это энергическое средство не поможетъ, то воевода можетъ обратить взысканіе на ратушскихъ членовъ, держа ихъ подъ карауломъ до уплаты [2]). Допустимъ, что все это отдѣльные, такъ сказать, спеціальные факты [3]), а не общія положенія; но не забудемъ, что то былъ XVIII вѣкъ, когда такія обобщенія въ законодательствѣ были рѣдки, когда въ немъ всѣ правоотношенія опредѣлялись исключительно почти путемъ эмпирическимъ: опредѣлялись и регулировались отдѣльные случаи; общее приходится выводить уже изъ этихъ отдѣльныхъ постановленій. Въ силу, быть можетъ, именно этого-то, такъ сказать, первичнаго способа законодательства, мы встрѣчаемся въ немъ со странными противорѣчіями: вооруживъ воеводъ и губернаторовъ только что изложенными правами относительно бурмистровъ и «ратушскихъ чиновъ», законодатель въ тоже самое время старается по возможности оградить выборы этихъ должностныхъ лицъ ото всякаго вліянія и вмѣшательства со стороны воеводъ и губернаторовъ [4]).

Объемъ власти или, лучше сказать, характеръ обязанностей, возстановленныхъ Магистратовъ мало измѣняется въ сравненіи съ петровскими. Примѣръ оренбургскаго Магистрата остался и въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ другихъ почти, безъ всякаго вліянія. На Магистратахъ все-таки остаются почти исключительно однѣ обязанности. Уже благодаря возстановленію силы петровскаго Регламента на городовые Магистраты и Ратуши, возстановленные Елизаветой Петровной, ложились всѣ тѣ обязанности, которыя возлагались на нихъ этимъ Регламентомъ; всѣ эти обязанности, какъ мы видѣли, сводились исключительно, такъ сказать къ обязанностямъ финансовымъ—сборамъ всякаго рода окладныхъ и неокладныхъ податей и налоговъ, и отправленію разнаго рода службъ; единственнымъ правомъ, на сколько впрочемъ можно назвать это правомъ, было право раскладки окладныхъ податей и повинностей. Всѣ эти обязан-

---

[1]) П. С. З. № 9149.

[2]) *Ibid.*

[3]) Первое опредѣленіе высказывается Сенатомъ по поводу доставленія губернаторамъ и воеводамъ вѣдомостей о винныхъ подрядахъ.

[4]) Указъ 1757 года. П. С. З. № 10746.

ности подтверждаются теперь и новыми указами [1]). Въ одномъ изъ этихъ указовъ, касающемся впрочемъ не всего городскаго торгово-промышленнаго сословія, а лишь одного слоя его—купечества, мы встрѣчаемся между прочимъ со слѣдующимъ положеніемъ «если, по совѣту старшинъ съ гражданами, на необходимые гражданъ расходы сверхъ подушныхъ и прочихъ по указу, сборовъ, общимъ согласіемъ собрать опредѣлено будетъ», то объявлять объ этомъ велѣно въ Ратушу [2]). Въ этомъ положеніи нельзя не видѣть нѣчто совершенно новое, чего вовсе нельзя найти въ законодательствѣ Петра о торгово-промышленномъ населеніи. Теперь это населеніе получаетъ право самообложенія извѣстными сборами безъ указа верховной власти, лишь «общимъ согласіемъ» населенія и его старшинъ; право, которое напоминаетъ собою лишь право, полученное восемъ лѣтъ тому назадъ оренбургскимъ Магистратомъ; трудно сказать положительно, получило-ли посадское населеніе вмѣстѣ съ тѣмъ и право удовлетворять по собственному усмотрѣнію, самостоятельно, безъ предварительнаго «указа», своимъ потребностямъ и нуждамъ, производить «мірскіе расходы». Можно думать, кажется, что этого права за Магистратами и Ратушами признано не было, если «приборныя деньги», остававшіяся въ Ратушахъ, не могли быть послѣдними издерживаемы «собою, безъ указовъ», если Главный Магистратъ завѣдывалъ постройкой въ городахъ смирительныхъ и «сиропитательныхъ» домовъ съ госпиталями; если даже смѣты о починкахъ и поправкахъ общественныхъ зданій должны были, пройдя инстанцію Главнаго Магистрата, восходить до Сената, то трудно допустить, чтобы какіе либо «расходы гражданъ» могли производиться этими гражданами «собою», безъ указовъ. Это право за гражданами пришлось бы утверждать лишь какъ логическій выводъ изъ ихъ права самообложенія налогами; но дѣлать такой выводъ — дѣло рискованное; а при отсутствіи права самостоятельнаго расходованія общественныхъ суммъ, первому праву, т. е. праву самообложенія налогами, едва-ли можно придавать большое значеніе.

Понятно, что такого рода обязанности магистратскія лежали тя-

---

[1]) П. С. З. № 9208; 9149, 9141; 9328; 8504;—п.п. 3, 4, 5, 6, 11 и 12; 11202; 11370; и др.

[2]) Инструкція московскаго купечества старостамъ и старшинамъ. П. С. З. № 8504, п. 6.

желымъ гнетомъ на посадскихъ людяхъ, совершенно отрывая ихъ отъ собственныхъ, частныхъ занятій; на тягость ихъ слышатся постоянныя жалобы [1]); но на торгово-промышленномъ сословіи лежали не одни магистратскія службы: оно несло, какъ мы видѣли, массу службъ всякаго рода при Петрѣ Великомъ, который самъ понималъ ненормальность подобнаго положенія и завѣщалъ своимъ преемникамъ мысль, которую осуществлять началъ еще онъ самъ, объ освобожденіи промышленнаго сословія отъ этого вида его тягла; но преемники Петра и въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, были плохими исполнителями завѣщаннаго. Елизавета Петровна, возстановляя городскія учрежденія Петра, продолжала вмѣстѣ съ тѣмъ и дальнѣйшее закрѣпощеніе посадскаго населенія всякаго рода государственнымъ службамъ: выборные изъ посадскихъ стоятъ и у суконной браковки въ комиссаріатской конторѣ «и другихъ командахъ» [2]); стоятъ они и у питейныхъ и кабачныхъ сборовъ и счетовъ [3]); соляная продажа ложится на нихъ же [4]). И всѣ эти службы посадскій человѣкъ по прежнему несетъ не только, такъ сказать, въ районѣ своего мѣста жительства, но и на пространствѣ всего государства [5]). Эти «службы» были для посадскаго люда еще большею тяжестью, чѣмъ службы въ бургомистрахъ и ратсгерахъ; жалуясь на послѣднія, посадское промышленное населеніе еще больше и чаще жаловалось на первыя [6]); оно осаждало правительство просьбами освободить по крайней мѣрѣ хоть отъ службъ «въ дальнихъ городахъ», ложившихся на него тяжеле, чѣмъ всѣ другія; но всѣ эти

---

[1]) Такъ, напр., въ 1757 году новоторжскій городовой магистратъ жалуется на „изнеможеніе купечества", благодаря долговременности и „безсмѣнной бытности" въ бургомистрахъ и ратсгерахъ. П. С. З. № 10798.

[2]) П. С. З. № 9144; здѣсь они получаютъ, впрочемъ, жалованье.

[3]) П. С. З. № 9578, 9750, 9765, 11370.

[4]) П. С. З. № 11370, 11381 и др.

[5]) П. С. З. № 10626; 10629 и 11370.

[6]) П. С. З. № 8795: доказавъ скромную цифру торгово-промышленнаго населенія своего города, казанцы говорятъ, что изъ этого-то числа они должны поставлять въ Ратушу, къ таможеннымъ, канцелярскимъ и соляной продажи сборамъ, въ ларечные цѣловальники, счетчики, какъ въ Казани, такъ и въ Казанскомъ уѣздѣ, въ пригородкахъ и селахъ..." Отъ всего этого они претерпѣваютъ не малую нужду и раззореніе, почему и просятъ объ увольненіи отъ нѣкоторыхъ службъ. См. также № 10626.

жалобы, при тогдашнемъ взглядѣ на государство и отношенія къ нему отдѣльной личности, при тогдашнемъ состояніи финансовъ государства, не могли привести ни къ чему иному, кромѣ только развѣ отдѣльныхъ, частныхъ случаевъ освобожденія жителей того или инаго города отъ того или другаго рода службъ [1]). Но и эти отдѣльные случаи являются не въ видѣ облегченія населенія, привилегіи, а скорѣе какъ средство избавиться различнаго рода злоупотребленій посадскихъ выборныхъ, расхищенія ими государственныхъ доходовъ А злоупотребленія были велики. Неудалось посадскому человѣку, при помощи какихъ либо уловокъ уйти отъ службы, онъ прилагаетъ всѣ усилія, чтобы такъ или иначе вознаградить себя за нее, путями, разумѣется, незаконными; и это ему удается, несмотря ни на какія угрозы правительства и отчетность; а въ результатѣ—расхищеніе казны, какъ и при воеводахъ. При самыхъ выборахъ государственные интересы отступаютъ на задній планъ, уступая постоянно мѣсто интересамъ частнымъ, личнымъ. Нѣсколько образчиковъ магистратскихъ порядковъ, рѣзко характеризующихъ административную нравственность, если можно такъ выразиться, приводитъ профессоръ Соловьевъ въ своей исторіи царствованія Елизаветы Петровны, извлекая матеріалъ изъ журналовъ Сената. Въ 1747 году одинъ изъ купцовъ города Калуги подалъ жалобу въ Сенатъ на Главный Магистратъ, обвиняя его въ пристрастномъ отношеніи къ нѣкоторымъ изъ членовъ калужскаго Магистрата. Дѣло въ томъ, что по возстановленіи Магистратовъ, калужане выбрали изъ своей среды нѣсколько человѣкъ бургомистровъ; одинъ изъ этихъ избранниковъ, попавъ въ Москву, по выраженію челобитчика, «исходатайствовалъ себѣ новый чинъ президентскій, произыскавъ у Главнаго Магистрата кредитъ» [2]). Такимъ образомъ, оказывалась полная возможность, обойдя всякіе регламенты и инструкціи, сдѣлаться президентомъ Магистрата, не будучи выбраннымъ въ этотъ «чинъ»; для этого нужно было только «произыскать кредитъ» у Главнаго Магистрата. Заручившись такимъ кредитомъ, новый президентъ калужскаго

[1]) П. С. З. № 11370: правительство освобождаетъ новгородское купечество по челобитной его повѣреннаго, отъ многихъ службъ въ уѣздѣ, „дабы оное (купечество) и совсѣмъ въ бѣдность придти не могло“.

[2]) *Соловьевъ*: Ист. Рос. XXII. 186.

Магистрата началъ ворочать общественными дѣлами, соображаясь исключительно съ своей доброй волей, «а прочихъ членовъ и до дѣлъ не допускалъ»; когда же такъ безцеремонно удаленные отъ дѣлъ члены Магистрата «стали съ учтивостью ему о томъ предлагать», то президентъ добился отъ Главнаго Магистрата того, что это государственное учрежденіе, вѣдавшее торгово-промышленное населеніе чуть не цѣлой Россіи, почти раззорило товарищей излюбленнаго имъ калужскаго президента «безъ всякаго слѣдствія разными штрафами» [1]). Такую же некрасивую роль игралъ тотъ же Главный Магистратъ и по отношенію къ бѣлгородскому Магистрату. Въ 1745 году нѣсколько человѣкъ бѣлгородскихъ купцовъ обратились въ Сенатъ съ просьбой отрѣшить президента и двухъ бурмистровъ ихъ Магистрата, потому что они «выбраны фальшивымъ нѣкоторыхъ купцовъ выборомъ». Началось дѣло, которое тянулось нѣсколько лѣтъ. Оказалось, что выборъ дѣйствительно былъ «фальшивымъ выборомъ» только нѣкоторыхъ купцовъ: изъ 1350 душъ торговаго населенія Бѣлгорода, пользовавшихся правомъ избирательнаго голоса «къ выбору подписались» только 71 человѣка. Сенатъ приказалъ отрѣшить такимъ образомъ выборнаго президента и бурмистровъ отъ должности и выбрать другихъ [2]); выборы были произведены, но Главному Магистрату не хотѣлось уступить и онъ изощрился «взять новаго президента къ отвѣту», обвиняя его въ какихъ-то «непорядочныхъ поступкахъ». По объясненію бѣлогорожанъ эти «непорядочные поступки» были ничѣмъ другимъ, какъ изобрѣтеніемъ самого Главнаго Магистрата, который не могъ простить ему вмѣстѣ съ большинствомъ горожанъ того, что изъ за нихъ онъ былъ оштрафованъ Сенатомъ; къ чувству мести присоединялся и другой мотивъ: Главный Магистратъ боялся за исходъ слѣдствія, производившагося надъ его протеже, прежнимъ президентомъ, а новый президентъ былъ однимъ изъ главныхъ свидѣтелей по дѣлу [3])

Можно себѣ представить, что дѣлали такіе, «произыскавшіе кредитъ» у Главнаго Магистрата, посадскіе выборные; магистратскій

---

[1]) *Ibid.* 186—187.

[2]) *Ibid.* 110—111.

[3]) *Ibid.* 185—186. Такую же почти роль игралъ Главный Магистратъ въ дѣлѣ нѣсколькихъ брянскихъ (той же Бѣлгородской губерніи) купцовъ съ помѣщикомъ. *Ibid*. XXIII. 21—22.

кредитъ стоилъ, разумѣется, не дешево: изъ полученной должности нужно было окупить этотъ «кредитъ». Такъ, бѣлгородскаго президента Морозова, «выбраннаго фальшивымъ выборомъ», жители обвиняли въ «вымучиваньи» векселей, открытомъ разграбленіи лавокъ у его противниковъ; но онъ не ограничился этимъ и не задумался передрать нѣсколько человѣкъ изъ нихъ публично «батожьемъ и плетьми», а нѣкоторымъ и уши обрѣзать[1]). Можно ли было отъ подобнаго рода членовъ Магистрата ждать мелкимъ посадскимъ справедливости въ раскладкѣ податей и повинностей: самыя тяжелыя службы ложились, понятно, на нихъ; защиты искать было негдѣ, кромѣ развѣ Сената, добраться до котораго далеко не всякому было по силамъ.

Такіе храбрые и щедрые на батоги и плети, по отношенію къ своимъ согражданамъ, ихъ выбравшимъ, бургомистры и ратсгеры не отличались смѣлостью «къ защищенію ихъ самихъ», а тѣмъ болѣе горожанъ, интересы которыхъ они должны были защищать, передъ другими мѣстными властями: въ 1745 году въ московскую сенатскую контору нѣкоторые изъ торгово-промышленныхъ людей подали жалобу, что Оберъ-Полиціймейстеръ Москвы, Нащокинъ, устроилъ нападеніе на мелкихъ торговцевъ, разрушивъ при помощи полицейской команды, цѣлые ряды шалашей, лавокъ, многіе изъ которыхъ были построены «по его же приказу» [2]). Не Магистратъ, «яко начальство города», жалуется на подобныя безчинства, а сами потерпѣвшіе; а между тѣмъ оскорбленіе и нарушеніе правъ наносилось Оберъ Полиціймейстеромъ въ данномъ случаѣ не одному или нѣсколькимъ отдѣльнымъ лицамъ, а цѣлому сословію.

По этимъ фактамъ уже можно представить себѣ приблизительно то печальное положеніе, въ которомъ обрѣталось городское населеніе при Елизаветѣ Петровнѣ, ту грустную картину, которую представляли собою городовые Магистраты и Ратуши въ частности и весь магистратскій административный механизмъ de facto; едва начавъ жизнь, этотъ механизмъ уже разсыпался: ни рычагъ, приводящій всѣ колеса въ движеніе, ни самыя эти колеса не шли тѣмъ путемъ, въ томъ направленіи, которое старался проложить

---

[1]) *Ibid.* 186. См. подобнаго же рода факты, т. XXIII. 20—21.
[2]) *Ibid.* 111—112.

имъ законодатель; не успѣвъ вполнѣ выработаться, механизмъ уже нуждался въ коренномъ преобразованіи, если не въ совершенной замѣнѣ. Такое преобразованіе общественно-городскаго строя имѣло мѣсто, однако, лишь двадцать пять лѣтъ почти послѣ смерти дочери создателя магистратской организаціи.

Петръ III, какъ будетъ указано въ своемъ мѣстѣ, издалъ въ свое недолгое царствованіе лишь нѣсколько указовъ, касающихся собственно полиціи городской, да уничтожилъ городовыя привилегіи Кіева [2]); по этимъ нѣсколькимъ указамъ можно судить въ какомъ направленіи было бы регламентировано городское устройство и управленіе.

ГЛАВА III.

Городская полиція при преемникахъ Петра.

Прежде чѣмъ перейдти ко времени Екатерины II, слѣдуетъ остановиться еще нѣсколько времени на полицейскихъ учрежденіяхъ въ разсматриваемый здѣсь періодъ времени. Въ своемъ мѣстѣ уже было говорено объ организаціи городской полиціи при Петрѣ Великомъ. Посмотримъ, что сдѣлали по этому вопросу его преемники.

Дальнѣйшее развитіе организаціи полицейскихъ учрежденій пріостановилось при преемникахъ великаго преобразователя. Мысль Петра объ учрежденіи должности Полиціймейстера въ городахъ провинціи осталась не осуществленною. Да и то, что было уже осуществлено имъ самимъ, сильно пошатнулось въ понятномъ направленіи: «желѣзной руки, какъ выражается почтенный историкъ Соловьевъ, сдерживавшей враговъ преобразованія» не существовало; не было, скажу отъ себя, и той руки, того ума, той могучей энергіи, которая направляла дѣйствія сторонниковъ преобразованія; все это, вмѣстѣ съ разнузданнымъ хищничествомъ государственныхъ доходовъ, дѣлаетъ понятнымъ политику отношенія преемниковъ Петра Великаго, какъ къ его реформамъ и планамъ вообще, такъ и къ преобразованіямъ и развитію городской администраціи въ частности.

До конца 1727 года организація городской полиціи оставалась

---

[1]) П. С. З. № 11541.

почти въ прежнемъ состояніи. Во главѣ полиціи въ Петербургѣ стоялъ Генералъ-Полиціймейстеръ; въ Москвѣ — Оберъ-Полиціймейстеръ. Въ остальныхъ городахъ произошла нѣкоторая перемѣна. При Петрѣ II правительство совершенно отказалось отъ мысли Петра Великаго организовать полицію въ провинціальныхъ городахъ въ особыя учрежденія, независимыя отъ воеводы и губернатора, «съ депенденціею» отъ петербургскаго Генералъ-Полиціймейстера; о должности Полиціймейстеровъ въ городахъ уже нѣтъ болѣе рѣчи; если эта должность и была введена при самомъ Петрѣ, то со времени подчиненія городовыхъ Магистратовъ и Ратушъ воеводамъ и губернаторамъ — уничтожена, и полиціей, какъ это было въ XVII ст., завѣдуютъ по прежнему представители мѣстной власти — воеводы и губернаторы, но уже не совмѣстно съ Магистратами и Ратушами, какъ это было при Петрѣ I, а чрезъ посредство ихъ; эти учрежденія отправляютъ теперь свои полицейскія обязанности «подъ вѣдѣніемъ» губернаторовъ и воеводъ [1]), какъ выражается наказъ губернаторамъ и воеводамъ, данный во второй половинѣ 1728 года; такимъ образомъ, Ратуши и Магистраты являются простыми исполнительными органами, по дѣламъ полиціи, въ рукахъ губернаторовъ и воеводъ; тотъ же, впрочемъ, наказъ содержитъ въ себѣ указаніе, что такими полицейскими органами не были одни Ратуши и Магистраты, а вмѣстѣ съ ними, напр., уличнымъ карауломъ завѣдывали «особые управители» [2]), о которыхъ можно сказать лишь, что они не были независимыми отъ воеводъ и губернаторовъ органами. Въ какомъ отношеніи они стояли къ Ратушамъ и Бурмистрамъ, какъ полицейскимъ органамъ, мы не знаемъ, какъ не знаемъ даже и того, носили ли они какое-либо спеціальное названіе.

Такая организація полицейской администраціи найдена была, однако, скоро неудовлетворительной и рѣшено было возвратиться къ осуществленію мысли Петра Великаго: устроить полицію цѣлой Россіи какъ особое вѣдомство, отдѣльныя учрежденія котораго были бы независимы отъ мѣстныхъ властей, и которыя всѣ состояли бы «подъ Главною Дирекціею петербургскаго Генералъ-Полиціймейсте-

---

[1]) П. С. З. № 5333; п. 39, 44.

[2]) *Ibid.* п. 40.

ра». Но къ осуществленію этой мысли подходили очень медленно. Тоже правительство Петра II, которое подчиняетъ полицейскихъ органовъ городовъ воеводамъ и губернаторамъ, видимо хочетъ вступить въ этомъ отношеніи на путь, проложенный Петромъ I: въ октябрѣ 1727 года Сенату поручается «разсмотрѣть должность петербургской полиціймейстерской канцеляріи», дѣйствіе которой, какъ кажется, на время прекращается вмѣстѣ съ московской канцеляріей; такъ какъ, въ силу того же указа, полиція Москвы переходитъ «въ дирекцію» московскаго Генералъ-Губернатора «съ товарищи» [1]), которому, вмѣстѣ съ Сенатомъ, поручено разсмотрѣть «должность полиціи» [2]). Былъ ли исполненъ этотъ указъ, сдѣлано ли было «надлежащее разсмотрѣніе» Сенатомъ и княземъ Ромодановскимъ (тогдашній губернаторъ Москвы), что было результатомъ этого разсмотрѣнія, если оно состоялось, мы не знаемъ. Быть можетъ въ силу этого «разсмотрѣнія» полицейская канцелярія Москвы отдана въ 1729 году въ вѣдѣніе Сената [3]), который, надо думать, вѣдалъ со времени передачи въ его разсмотрѣніе должности петербургской полиціймейстерской канцеляріи и полицію Петербурга. Трудно сказать, какъ долго Сенатъ завѣдывалъ полиціей Москвы и Петербурга, положительно можно сказать лишь, что никакъ не дольше второй половины 1732 года: въ это время издается указъ, которымъ Салтыкову, петербургскому Генералъ-Полиціймейстеру, вручается «Главная Дирекція» надъ всѣми полиціями въ государствѣ [4]). Стало быть, совершенно возвращаются къ мысли Петра; но какъ была осуществлена эта мысль: что разумѣетъ указъ подъ полиціями всего государства, значитъ ли это, что въ городахъ образованы особыя полицейскія учрежденія, къ которымъ и перешло завѣдываніе полиціей; если дѣйствительно были образованы такія учрежденія, то были ли они зависимы отъ Генералъ-Полиціймейстера и совершенно самостоятельны по отношенію къ губернаторамъ и воеводамъ? Обо всемъ этомъ можно только такъ

---

[1]) П. С. З. № 5172.

[2]) *Ibid.*

[3]) П. С. З. № 5476.

[4]) П. С. З. № 6164. Назначеніе въ эту должность генералъ-лейтенанта Салтыкова Соловьевъ объясняетъ родственными побужденіями императрицы. Ист. Россіи XX. 212.

или иначе гадать [1]). Одно только можно сказать съ увѣренностью — положеніе городовъ въ полицейскомъ отношеніи за все это время было, болѣе чѣмъ печально. Несмотря на вѣками практиковавшіяся мѣры противъ пожаровъ, предписанныя вновь наказомъ воеводамъ и губернаторамъ 1728 года [2]), пожары по прежнему опустошаютъ города, а солдаты, которыхъ гоняютъ тушить ихъ — лишь помогаютъ этому опустошенію [3]). Медицинская полиція даже въ столицахъ въ самомъ жалкомъ состояніи: не только не существуетъ медицинской помощи, но и не принимались самыя простыя и необходимыя полицейско-санитарныя мѣры: сама императрица Анна Ивановна жалуется на нерадивый надзоръ полиціи, наприм., за тѣмъ, чтобъ «по пустырямъ и глухимъ мѣстамъ» мертвечина не валялась [4]). Въ началѣ 1733 года принцъ Гессенъ-Гомбургскій, возвратившись изъ Астрахани, докладывалъ правительству, что въ этомъ городѣ повсемѣстно господствуетъ «самый вредный и язвительный смрадъ отъ несоблюденія чистоты» [5]). Не лучше и не успѣшнѣе дѣйствовали губернаторы и воеводы относительно охраненія личной безопасности горожанъ и ихъ собственности «отъ лихихъ людей»: разбои свирѣпствовали не только въ провинціальныхъ городахъ, но даже въ Москвѣ и Петербургѣ: разбойники врывались въ дома среди бѣлаго дня, цѣлыми шайками [6]), самая крѣпость Петербурга не была безопасна

---

[1]) До апрѣля 1733 года, можно смѣло сказать, спеціальной полиціи въ городахъ не существовало, и „дирекція“ Салтыкова оставалась, покрайней мѣрѣ до этаго времени, фиктивной.

[2]) П. С. З. № 5333; п. 39.

[3]) *Соловьевъ*. Ист. Россіи т. XIX. 174. Во время петербургскаго пожара 1736 года многіе изъ солдатъ и матросовъ... только въ грабежъ и воровство, пуще разбойниковъ, ударились... и такъ поступали, что и въ непріятельской землѣ хуже поступать было невозможно. *Ibid*. т. XX. 213 и сл.

[4]) Именной указъ отъ 1739 года П. С. З. № 7899. *Соловьевъ* приводитъ обращикъ отношенія городскихъ властей къ представителямъ медицины: въ 1735 году аптекарв Рольфъ доноситъ изъ Новопавловка, что онъ долженъ былъ на улицѣ стоять вмѣстѣ со всей аптекой двѣ ночи, благодаря тому, что не хотѣли отвести квартиры. *Ibid*. XX. 216.

[5]) П. С. З. № 6378.

[6]) Въ 1736 году девять человѣкъ разбойниковъ днемъ ворвались въ келью игумена московскаго Срѣтенскаго монастыря. *Соловьевъ*. XX. 217.

отъ разбоевъ [1]); нищенство и бродяжничество нисколько не уменьшались, если только не увеличились: «нищіе прямые, престарѣлые, дряхлые и весьма больные безъ всякаго призрѣнія по улицамъ валяются», какъ докладывала Сенату сама Анна Ивановна [2]); въ отвѣтъ на строгія предписанія Сената о немедленномъ исполненіи указа Императрицы, полиція, сознаваясь въ своемъ безсиліи сдѣлать это, проситъ содѣйствія у Синода [3]). Полиція не въ состояніи положить предѣловъ даже такому явленію, какъ бѣшеная ѣзда по улицамъ города и самоуправство буйныхъ ѣздоковъ, отъ чего доставалось иногда такимъ высокопоставленнымъ лицамъ, какъ фельдмаршалъ Минихъ [4]).

Такое состояніе городской полиціи не могло не обратить на себя вниманіе правительства, какъ бы оно ни было невнимательно къ нуждамъ городской общественной жизни. И дѣйствительно, въ отвѣтъ на упомянутый мною докладъ принца Гессенъ-Гомбургскаго о нечистотѣ и смрадѣ въ Астрахани, правительство принимаетъ мѣры: императрица утверждаетъ проектъ организаціи городской полиціи, предложенный тѣмъ же принцемъ [5]); должность Полиціймейстера введена была въ десяти губернскихъ и тринадцати провинціальныхъ городахъ [6]). Въ 1734 году Главная Полиціймейстерская Канцелярія въ Петербургѣ переходитъ въ вѣдѣніе одного «Ея Императорскаго Величества Кабинета» [7]). Едва прошло четыре года со времени утвержденія доклада принца Гомбургскаго, какъ правительство нашло, что слѣдуетъ опять вернуться къ старому порядку вещей: возложить полицейскія обязанности снова на городскія Ратуши «подъ вѣдѣніемъ» воеводъ и губернаторовъ; учрежденная въ двадцати трехъ городахъ должность Полиціймейстера уничтожена (кромѣ Москвы и Петербурга). Что за причина такого измѣненія порядка

---

[1]) П. С. З. № 8260.

[2]) *Ibid.* № 5594, см. также №№ 7041; 7621; 8128 и 8209.

[3]) *Ibid.* № 5832.

[4]) *Ibid.* № 7460; см. также №№ 5512; 5940; 7170; 7695.

[5]) Онъ предложилъ назначить полиціймейстеровъ изъ Гарнизонъ-Капитановъ, а въ провинціяхъ—изъ поручиковъ. П. С. З. № 6378.

[6]) *Ibid.*

[7]) П. С. З. № 6529. Однако черезъ полгода 16 іюля того же года, она переходитъ въ вѣдѣніе Сената. П. С. З. № 6591.

вещей? Новыя учрежденія оказались въ глазахъ правительства неудовлетворительными? Нѣтъ. Вопросъ рѣшается гораздо проще: правительство нашло, что «если опредѣлить въ полицію офицеровъ и дворянъ, то дорого будетъ для казны и обывателямъ отъ нихъ будутъ происходить обиды» [1]). Такимъ образомъ, послѣ ряда опытовъ и измѣненій въ организаціи полиціи городовъ вернулись къ старому, недорогому для казны, порядку: губернаторъ и воевода вѣдаютъ полицію, а Ратуши исполняютъ ихъ предписанія.

Въ царствованіе Императрицы Елизаветы, организація городской полиціи въ ея сущности, принципѣ, не измѣнилась. Ея развитіе идетъ тѣмъ же путемъ образованія спеціальныхъ полицейскихъ, совершенно независимыхъ отъ городскаго общества и составляющихъ простые правительственные органы, учрежденій; выборныя же городскія учрежденія — городовой Магистратъ, и лица — бурмистры, старосты, десятскіе — «исправляютъ полицейскую должность» лишь совмѣстно со спеціальными полицейскими должностями или «подъ вѣдѣніемъ» губернаторовъ и воеводъ [2]), т. е. они, какъ и до сихъ поръ, въ томъ и другомъ случаѣ являются простыми исполнительными органами по отношенію къ полицейской сторонѣ городскаго управленія, органами, обязанными въ точности исполнять предписанія Полиціймейстеровъ или, гдѣ таковыхъ не было, губернаторовъ и воеводъ [3]). Отъ мысли Петра образовать изъ городской полиціи не только спеціальныя учрежденія, но и слить эти учрежденія въ одинъ самостоятельный административный механизмъ цѣлой Россіи, не отказывается и его дочь: Генералъ-Полиціймейстеръ, очевидно, вѣдавшій «всѣ полиціи» государства, поставленъ былъ внѣ всякой зависимости отъ Сената и состоялъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ самой императрицы, издававшей указы о полицейскихъ дѣлахъ

---

[1]) П. С. З. № 7211.

[2]) П. С. З. № 8627 и 9754.

[3]) Въ 1750 году Главная Полиціймейстерская Канцелярія требуетъ чтобы „указано было Главному Магистрату о томъ, чтобы городовые Магистраты исполняли требованія полиціи о поддержаніи чистоты въ городѣ; причиной этого требованія было нежеланіе Калужскаго Магистрата исполнить такія предписанія. Сенатъ предписалъ сдѣлать предписаніе въ желаемомъ полиціей смыслѣ. № 9754.

прямо на его имя. Уже Генералъ-Полицiймейстеръ доносилъ въ Сенатъ объ этихъ указахъ [1]). Относительно полицiймейстерской должности въ городахъ, кромѣ Москвы и Петербурга, трудно сказать что-либо положительное: въ полномъ собранiи законовъ нѣтъ ни одного указа за время царствованiя Елизаветы Петровны, которымъ вводилась бы эта должность въ городахъ; такъ что можно думать, что въ этихъ городахъ полицiя по прежнему въ рукахъ губернаторовъ и воеводъ; но съ другой стороны отъ этого заключенiя, пожалуй, придется отказаться, если принять во вниманiе указъ Петра III, изданный имъ въ 1762 году, указъ, которымъ должность Полицiймейстера въ городахъ уничтожается и полицiя передается въ руки губернаторовъ и воеводъ [2]). Стало быть, эта должность существовала, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ городахъ [3]). Но со времени изданiя этого указа, съ 1762 года, полицiя въ городахъ—въ вѣдѣнiи губернаторовъ и воеводъ, которые вѣдаютъ ее черезъ городовые Магистраты; Полицiймейстеровъ болѣе нѣтъ, на это указываетъ, между прочимъ, и слѣдующiй фактъ: въ 1766 году Магистраты Мурома, Казани и Ельца жалуются, что «провинцiальныя канцелярiи «въ отмѣнность указовъ», назначаютъ въ полицейскiя должности офицеровъ и «исправляемую Магистратами полицейскую должность» у оныхъ отымаютъ; Магистраты просятъ возвратить имъ отнятое въ силу регламента (Главному Магистрату). Сенатъ соглашается на просьбу: полицiя въ на-

---

[1]) П. С. З. № 9283. При Петрѣ III, въ 1762 году, должность Генералъ-Полицiймейстера замѣнена должностью „Главнаго Директора всѣхъ Полицiй", на которую назначенъ былъ Корфъ. П. С. З. № 11478.

[2]) П. С. З. № 11401.

[3]) Немного времени спустя мы встрѣчаемся съ другимъ указомъ Петра III, которымъ учреждается должность полицiймейстера во всѣхъ городахъ, гдѣ найдетъ это нужнымъ генералъ Корфъ; полицiймейстеры—въ вѣдѣнiи Губернаторовъ и Воеводъ, которымъ въ свою очередь—зависѣтъ отъ Главнаго директора полицiи. П. С. З. № 11477. Въ Казани должность полицiймейстера существовала, какъ видно изъ приведеннаго *Соловьевымъ* факта въ XXII томѣ его исторiи на стр. 38. Въ Тверь тоже былъ назначенъ Полицiймейстеромъ какой-то прапорщикъ Торховъ, который, однако „въ городѣ никогда не бывалъ, а жилъ въ деревняхъ своихъ". *Ibid.* 190. Въ Воронежѣ въ 1747 году былъ полицеймейстеръ. *Ibid.* 238. Въ Симбирскѣ XXIII. 26; въ Орлѣ. *Ibid.* 134.

званныхъ городахъ передается въ вѣдѣніе Магистратовъ подъ надзоромъ губернаторовъ [1]). Наконецъ въ инструкціи губернаторамъ, изданной года за три до этого опредѣленія Сената, опредѣляется, что всѣ земскія правительства губерніи, не выключая Магистратовъ и полиціи, состоятъ «подъ вѣдѣніемъ губернатора, какъ опекуна врученной ему губерніи» [2]). Это положеніе инструкціи уже стоитъ въ явномъ противорѣчіи со стремленіемъ образовать изъ полиціи всего государства совершенно независимый отъ мѣстной губернской власти организмъ, подчиненный верховной власти чрезъ посредство Главнаго Директора всѣхъ полицій. Здѣсь высказывается поворотъ во взглядѣ на дѣло со стороны верховной власти.

Если полиція провинціальныхъ городовъ Россіи этого времени, какъ относительно организаціи ея состава, такъ и относительно объема вѣдомства, находилась такъ сказать въ зародышевомъ состояніи, то полиція Москвы и Петербурга, въ особенности послѣдняго, развивается съ замѣтной быстротой въ обоихъ этихъ отношеніяхъ.

Съ увеличеніемъ населенія въ столицахъ, усложненіемъ вслѣдствіе этого общественныхъ отношеній, благодаря, наконецъ, пребыванію двора, дѣятельность полицейскихъ учрежденій этихъ городовъ постепенно расширяется и усложняется: она не ограничивается уже только охраненіемъ населенія отъ пожаровъ, разбоевъ; полиція усиленно заботится объ устройствѣ мостовой, чистотѣ и освѣщеніи улицъ [3]). Особенное вниманіе обращаетъ правительство на медицинскую полицію, заботясь о томъ, чтобы городъ снабженъ былъ болѣе или менѣе достаточнымъ числомъ лекарей [4]), и аптекарскими сна-

---

[1]) П. С. З. № 12764.

[2]) П. С. С. № 12137, п. XI.

[3]) Въ 1730 году изданъ былъ указъ о томъ, чтобы въ Москвѣ устроены были уличные фонари; конопляное масло зажигалось въ нихъ лишь въ тѣ ночи, когда бывалъ выдаваемъ объ этомъ приказъ отъ двора (который въ то время былъ въ Москвѣ); вѣроятно этотъ приказъ издавался въ тѣхъ случаяхъ когда императрица, проѣзжала вечеромъ. Вмѣсто фонарей жители могли выставлять свѣчи на окнахъ. П. С. З. № 5650. Въ 1732 году этотъ указъ подтвержденъ. П. С. З. № 6162.

[4]) Мы имѣемъ въ Полномъ Собраніи Законовъ указы, изданные Анной Ивановной (какъ и въ правленіе Анны Браупшвейской) о содержаніи лекарей

добьями, которыя продавались въ аптекахъ, а за отсутствіемъ ихъ—въ Ратушахъ. Санитарный надзоръ нѣсколько усиливается: наблюдаютъ—ратушскіе члены и чины полицейской канцеляріи—за тѣмъ, чтобы торговцы съѣстными припасами торговали только свѣжими продуктами. Строительная полиція, съ увеличеніемъ числа построекъ, значительно расширяетъ объемъ своихъ дѣйствій. Заботы полиціи о внѣшнемъ приличіи, внѣшней нравственности горожанъ увеличиваются; если не преслѣдуются, то подчиняются контролю такія забавы и увеселенія, какъ кулачные бои, содержаніе на дворахъ медвѣдей [1]), запрещается париться въ торговыхъ баняхъ мужчинамъ и женщинамъ вмѣстѣ [2]). Повидимому, почти не было сколько нибудь выдающихся явленій въ общественной жизни столицъ, которыя не были бы подчинены полицейскому надзору и регламентаціи [3]).

Понятно, что вмѣстѣ съ развитіемъ объема дѣятельности городской полиціи, вмѣстѣ съ увеличеніемъ состава полицейскихъ учрежденій средства, необходимыя на удовлетвореніе нуждъ полицейской стороны городской администраціи, должны были возрастать пропорціонально возрастанію самыхъ этихъ нуждъ. Но гдѣ взять эти средства? На городское населеніе возлагать надежды не приходилось; оно было слишкомъ обременено всякаго рода сборами, чтобы быть въ состояніи нести еще новую тяжелую повинность. Все, что правительство могло извлечь изъ него въ этомъ отношеніи—брать съ него, по выбору, нисшихъ исполнительныхъ полицейскихъ органовъ и возложить исполненіе самыхъ насущныхъ, притомъ немногихъ потребностей. Но и этихъ обязанностей горожане не были въ состояніи нести исправно. Большинство полицейскихъ мѣръ правительству приходилось исполнять на счетъ общегосударственныхъ

въ Ратушахъ Москвы, Тамбова и Твери П. С. З. № 7245 и 8437. При Елизаветѣ Петровнѣ издается цѣлый рядъ указовъ о городскихъ докторахъ: П. С. З. №№ 10527; 10632; 10726; 11086.

[1]) П. С. З. №№ 4939; 5023 и 9959: содержать медвѣдей запрещалось, впрочемъ, лишь въ Москвѣ и Петербургѣ.

[2]) *Соловьевъ*. Ист. Россіи. т. XXII. 267: допускающихъ нарушеніе этого указа повелѣно „штрафовать" безъ всякой „пощады".

[3]) Кромѣ приведенныхъ указовъ см. П. С. З. №№ 10090; 10103; 10145; 10150 и *Соловьевъ* Ист. Россіи XXIII, 203, 205 и 206. П. С. З. №№ 10584; 10587; 10589; 11135; 11271; 11661; 11712; 8416; 8422; 8627; 9631.

суммъ, какъ и прежде; но и эти средства были очень не велики.

На обязанности посадскихъ и вообще городскихъ обывателей въ это время лежитъ, напр., мостовая повинность; каждый домовладѣлецъ обязывался въ исправности содержать мостовую передъ своимъ домомъ на собственный счетъ [1]); на ихъ же счетъ содержалось уличное освѣщеніе, посредствомъ фонарей съ конопляпымъ масломъ, по одному фонарю на каждыя десять саженей или свѣчей въ окнахъ [2]). Пожарныя заливныя трубы также содержались на счетъ города, за то въ какомъ жалкомъ положеніи находилось это дѣло: на всю Москву четыре трубы; что сказать объ остальныхъ городахъ? Екатерина II должна была ввести въ полкахъ, стоящихъ въ городскихъ казармахъ, пожарныя трубы и обязать высылать ихъ съ людьми на пожары [3]). На чей счетъ содержались эти трубы и вообще пожарные инструменты за это время въ остальныхъ городахъ, и существовали ли онѣ вообще — сказать трудно; въ 1741 году рѣшеніе этого вопроса предоставлено было Сенату; какъ онъ его рѣшилъ—неизвѣстно [4]). Городскихъ средствъ на это дѣло оказалось недостаточно даже въ Москвѣ, почему въ 1752 г. приказано усилить количество пожарныхъ инструментовъ изъ общегосударственныхъ суммъ Штатсъ-Конторы, «изъ не положенныхъ въ штатъ доходовъ» [5]). Содержаніе городскихъ лекарей также возложено было на горожанъ; они получали свое содержаніе—жалованье и квартиру отъ Магистратовъ и Ратушъ [6]), которые, однако, плохо исполняли свои обязанности, несмотря на то, что число городскихъ лекарей съ современной точки зрѣнія было болѣе, чѣмъ

---

[1]) П. С. З. № 5319. Мостовая противъ казенныхъ зданій содержалась на счетъ казны, которая вычитала за это изъ жалованья чиновниковъ живущихъ въ этихъ домахъ. П. С. З. № 11135.

[2]) *Ibid.* 5650 и 6162.

[3]) П. С. З. № 7055. Эти четыре „большихъ" трубы обязано было сдѣлать купечество Москвы, п. 5, а сарай—на счетъ ратуши. *Ibid.* № 11901.

[4]) П. С. З. № 8458.

[5]) П. С. З. № 10001. Тоже самое подтверждено указомъ № 10135; а въ 1754 году велѣно и самыя зданія для храненія инструментовъ построить изъ тѣхъ же источниковъ. *Ibid.* № 10327.

[6]) П. С. З. №№ 7245; 8437; 10527; 10632; 10726; 11086.

ничтожно. Правительство издавало указъ за указомъ, подтверждавшіе обязанности Магистратовъ и Ратушъ.

Городскія нужды, требовавшія средствъ, величина которыхъ была окончательно не по силамъ Магистратовъ, удовлетворялись, какъ я сказалъ, исключительно изъ общегосударственныхъ суммъ; обратиться къ этимъ суммамъ, однако, еще не значило удовлетворительно рѣшить вопросъ: ихъ недоставало на другія общегосударственныя потребности. Правительство изыскиваетъ всевозможныя средства, и разлагаетъ расходы по городской полиціи Москвы и Петербурга на различныя государственныя учрежденія. Особенно большіе мытарства въ этомъ отношеніи претерпѣла статья содержанія мостовъ въ Петербургѣ. При Аннѣ Ивановнѣ они, судя по указу, изданному въ первой половинѣ 1732 года, строились и чинились самой полиціймейстерской канцеляріей на общегосударственный счетъ; смѣту стоимости постройки или починки канцелярія представляла въ Сенатъ [1]), который, вѣроятно, уже и предписывалъ тому или другому учрежденію выдать въ канцелярію потребную сумму. Двадцать лѣтъ спустя, въ царствованіе Елизаветы Петровны, мы встрѣчаемъ указъ, который отнимаетъ у полиціймейстерской канцеляріи завѣдываніе постройкой и вообще содержаніемъ мостовъ; онъ поручаетъ постройку двухъ новыхъ мостовъ «конторѣ партикулярной верфи» на счетъ суммъ Адмиралтействъ-Коллегіи, причемъ смѣта попрежнему представлялась въ Сенатъ [2]). Чѣмъ въ этомъ случаѣ руководствовалось правительство, рѣшить болѣе чѣмъ трудно; во всякомъ случаѣ оно не мотивировалось какими-либо общими мотивами, а скорѣе случайными; такъ, черезъ два года послѣ того какъ два моста отданы въ вѣдѣніе конторы партикулярной верфи, постройка двухъ другихъ мостовъ производится уже не изъ суммъ Адмиралтействъ-Коллегіи, а на счетъ Штатсъ-Конторы, «изъ имѣющихся въ Камеръ-Конторѣ наличныхъ»; причемъ нѣкоторые необходимые при постройкѣ инструменты («копры съ желѣзною бабою») должны были дать Адмиралтействъ-Коллегія или Канцелярія строенія, а плашкоуты, якоря, канаты—

---

[1]) П. С. З. № 6148. Въ 1742 году этотъ указъ подтверждается, деньги на постройку и починку велѣно выдавать изъ Штатъ-Конторы. П. С. З. № 8621.

[2]) П. С. З. № 10798.

Адмиралтейство [1]). Такимъ образомъ въ постройкѣ этихъ мостовъ участвуютъ уже нѣсколько учрежденій своими вкладами, если можно такъ выразиться, причемъ завѣдываніе самой постройкой возлагается вѣроятно на туже контору партикулярной верфи. Въ концѣ 1760 года издается распоряженіе о томъ, чтобы всѣ мосты Петербурга снова состояли въ вѣдѣніи Главной Полиціймейстерской Канцеляріи [2]). Нѣсколько сходную судьбу претерпѣваетъ и очистка каналовъ, будучи производима точно также на общегосударственный счетъ и переходя изъ одного вѣдѣнія въ другое [3]).

Суммы, необходимыя на содержаніе наличнаго состава полиціи въ Москвѣ и Петербургѣ, составляютъ общегосударственное достояніе, а никакъ не городское. Сначала жалованье чинамъ полиціи выдавалось изъ полиціймейстерской канцеляріи, которая имѣла свои спеціальные доходы «съ истцовыхъ дѣлъ» съ пошлинъ, съ приводныхъ и съ постоялыхъ дворовъ четвертаго жеребья [4]). А нѣсколько лѣтъ спустя, эти чины получаютъ свое содержаніе уже изъ Коммерцъ-Коллегіи, т. е. все-таки изъ общегосударственныхъ а на городскихъ суммъ [5]).

Организованная такимъ образомъ городская полиція не могла

---

[1]) П. С. З. № 11044. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ это время существовала специальная Строительная Коммисія въ Петербургѣ, учрежденная въ 1737 году и завѣдывавшая тѣмъ „какому строенію быть". П. С. З. № 7323. Коммиссія эта сносилась съ Полиціей. *Ibid.* №№ 7340 и 7348. Въ 1774 году учреждается особый департаментъ подъ вѣдомствомъ Главнокомандующаго „для сочиненія генеральнаго плана и проэкта улучшенія строеній въ Москвѣ".

[2]) П. С. З. № 11167. Въ 1766 году мосты на Большой и Малой (?) рѣкахъ приказано отдать на откупъ подъ надзоромъ адмиралтействъ-коллегіи. П. С. З. № 12687. Этотъ частный указъ не отмѣняетъ общаго.

[3]) Въ 1727 году содержаніе рѣчекъ и каналовъ—изъ соляной суммы. Въ 1737 году очищеніе рѣчки Мьи и укрѣпленіе ея береговъ передается въ вѣдѣніе полиціймейстерской Канцеляріи; а въ 1769 году деньги, необходимыя на прорытіе каналовъ, собираются съ жителей: купцовъ, домовладѣльцевъ. П. С. З. №№ 6921; 13323; 5014.

[4]) П. С. З. № 6423.

[5]) П. С. З. № 10200. При этомъ хомутная пошлина, собиравшаяся, какъ мы видѣли при Петрѣ I на содержаніе полиціи, отмѣняется. Стало быть и она до сихъ поръ составляла доходную статью полиціймейстерской Канцеляріи.

удовлетворять даже скромнымъ требованіямъ того времени. Она оказывалась несостоятельною какъ по отношенію къ составу, такъ и по отношенію къ денежнымъ средствамъ; послѣднихъ, какъ мы видѣли, не могли доставить въ достаточномъ количествѣ ни горожане, ни само государство. Таже несостоятельность общества и государства была причиной и жалкаго состоянія личнаго состава городской полиціи. Эта несостоятельность, какъ мы видѣли, высказана была самимъ правительствомъ, когда оно отказалось въ 1737 году организовать составъ городской полиціи изъ «особыхъ офицеровъ и дворянъ», мотивируясь тѣмъ, что «то дорого для казны» [1]). Нѣтъ ничего послѣ этого страннаго въ оправданіяхъ полиційместерской петербургской канцеляріи отъ взводимаго на нее Сенатомъ обвиненія «въ весьма слабомъ и нерадѣтельномъ смотрѣніи»; она оправдывалась тѣмъ, что не имѣетъ возможности исполнять возложенныя на нее обязанности въ силу того простаго факта, что «въ полицейской командѣ офицеры многіе стары и неспособны», что количество солдатъ, состоящихъ въ ея распоряженіи слишкомъ ничтожно по обширности здѣшняго мѣста (Петербурга); что, наконецъ, распоряженія полиціи не имѣютъ никакой силы и значенія въ глазахъ гвардейскихъ полковъ и «прочихъ командъ», которые, случается, даже бьютъ полицейскихъ [2]). Составъ полиціи изъ выборныхъ изъ посадскихъ не могъ быть въ болѣе удовлетворительномъ состояніи. Магистраты и Ратуши не могли смотрѣть на возложенныя на нихъ правительствомъ полицейскія обязанности иными глазами, какъ смотрѣло на нихъ и само правительство. Эти обязанности были въ ихъ глазахъ ничѣмъ инымъ, какъ тяжелою повинностью, отъ которой они всякими способами старались отдѣлаться. Иначе смотрѣть на дѣло они и не могли: общество само не сознавало еще потребности, необходимости всѣхъ этихъ мѣръ, да если бы и сознавало, то исполненіе ихъ, благодаря его полной финансовой несостоятельности, все-таки оставалось бы тяже-

---

[1]) П. З. З. № 7211.

[2]) *Соловьевъ.* Ист. Россіи т. XXI. 198. Даже и высшимъ чинамъ полиціи—полиціймейстерамъ—часто плохо приходилось отъ представителей мѣстной власти — губернатора: Казанскаго полиціймейстера Маматова избилъ и изругалъ во время пожара Губернаторъ Загряжскій. *Ibid.* XXII. 38. См. также 237: доставалось, за ея безсиліемъ, и отъ частныхъ людей.

лымъ гнетомъ. Вотъ причина того, что, какъ мы видѣли, Калужскій Магистратъ отказывается исполнять предписанія полицейской канцеляріи; здѣсь кроется и причина того, что городовые Магистраты «чинятъ остановку» въ мѣрахъ, предпринимаемыхъ воеводами противъ распространенія въ городахъ заразы [1]). Задачей Магистратовъ и Ратушъ было не «радѣтельное смотрѣніе» возложенныхъ на нихъ обязанностей этого рода, а наоборотъ, возможное облегченіе себя отъ нихъ. Такому взгляду на дѣло городскаго общества нисколько не противорѣчитъ тотъ фактъ, что, какъ мы видѣли, въ 1766 году муромское купечество вмѣстѣ съ казанскимъ и Елецкимъ Магистратами, просятъ Сенатъ отдать въ ихъ вѣдѣніе отнятую у нихъ, «въ отмѣнность указовъ», полицейскую должность. Эта просьба вовсе не мотивировалась желаніемъ просителей взять дѣло въ свои руки съ тѣмъ, чтобы лучше, исправнѣе вести его; такіе мотивы были бы возможны лишь въ томъ случаѣ, еслибъ общество сознавало насущную потребность въ городской полиціи, ея пользу и необходимость для развитія общественной жизни; они были бы возможны только при томъ условіи, еслибы Магистраты смотрѣли на свои полицейскія обязанности въ тоже время и какъ на право, дорогое для нихъ, а не какъ на «должность ими исправляемую». Въ данномъ случаѣ мотивы, жалобы и просьбы—совершенно иного рода: назначаемые провинціальными канцеляріями офицеры являлись для горожанъ двойнымъ гнетомъ: во-первыхъ, они были бы въ тягость обществу уже и въ томъ случаѣ, еслибъ только добросовѣстно исполняли свои обязанности; а во-вторыхъ, какъ само правительство сознавалось [2]) отъ этихъ офицеровъ «обывателямъ происходили обиды». Удержавъ за собою полицейскія обязанности, Магистраты и Ратуши не только спасались отъ лишнихъ «обидъ», но и значительно облегчали тяжесть полицейскихъ обязанностей... уклоняясь отъ ихъ исполненія. Такимъ образомъ, правительство, лавируя между выборнымъ, общественнымъ началомъ и чиновничьимъ попадало, какъ говорится, изъ огня въ полымя: дѣло не двигалось впередъ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ.

---

[1]) П. С. З. № 13728. Въ виду такого отношенія къ дѣлу Магистратовъ Сенатъ приказалъ всѣмъ магистратамъ и ратушамъ помогать воеводамъ и „въ точномъ къ прекращенію сей болѣзни послушаніи быть“.

[2]) П. С. З. № 7211.

Всѣ его безчисленные предписанія и указы оставались мертвой буквой: всѣ явленія, съ которыми оно хотѣло бороться своими полицейскими мѣрами не только не исчезали, но пожалуй даже прогрессировали въ своемъ развитіи.

Въ царствованіе Елизаветы Петровны Правительствующій Сенатъ нашелъ, что полиція «имѣетъ весьма слабое и нерадѣтельное смотрѣніе»; вслѣдствіе чего все, порученное ей «опущено». Сенатъ перечисляетъ это все: «караулы содержатся весьма слабые, и во многихъ мѣстахъ происходитъ воровство, драка; въ жильѣ стрѣляютъ изъ ружья и чистоты въ городѣ почти никакой нѣтъ, мосты починиваются очень слабо» [1]). И Сенатъ имѣлъ основаніе жаловаться: много времени спустя послѣ того какъ онъ приказалъ, въ отвѣтъ на оправданіе полиціймейстерской канцеляріи, улучшить составъ полиціи, дѣло находится все въ томъ же состояніи: не прекращаются ни пожары, ни разбои въ городахъ [2]); «язвительный смрадъ» попрежнему наполняетъ улицы даже такихъ городовъ, какъ Кіевъ; «полицейская должность почти нигдѣ не исполняется», и все по тому, что «запрещеніе и принужденіе» по причинѣ малой команды не исполняютъ; Магистраты не только не исполняютъ возложенныхъ на нихъ обязанностей, но и «учиненнымъ полиціямъ препятствуютъ». Полицейскія канцеляріи жалуются на Магистраты, а эти послѣдніе, въ свою очередь, жаловались на безчинства полиціи, на которыя указывали, когда они «преодолѣвали общенародную терпѣливость», даже воеводы [4]). Въ 1752 году Императрица стала собираться посѣтить Москву. Сенатъ озаботился объ очисткѣ и приведеніи бѣлокаменной въ порядокъ самъ. Было надъ чѣмъ поработать: генералъ-прокуроръ докладывалъ въ Сенатѣ, что своими глазами видѣлъ въ Китай-городѣ, близь тріумфальныхъ воротъ, пустыя лавки въ иконномъ ряду, заваленныя навозомъ и грязью, который счищали съ улицъ; эти импровизированные склады нечистотъ распространяли зловоніе; въ Кремлѣ площадь, на которой находились Коллегіи, по словамъ того же генералъ-прокурора, покрыта непроходимой грязью, въ которой чуть

[1]) *Соловьевъ.* Ист. Россіи т. XXI. 198.

[2]) *Ibid.* XXII. 38—39; 268—70; XXIII. 136.

[3]) *Ibid.* XXII. 237—239. Отношенія полиціи и магистратовъ другъ къ другу. *Ibid.* XXIII. 134—135.

не утопала пресловутая колокольня Ивана Великаго; у самаго входа въ Успѣнскій и Благовѣщенскій соборы, передъ грановитою Палатой и краснымъ крыльцомъ лежали такія горы всякаго щебня, осколковъ колоколовъ и всякаго сора, что черезъ нихъ съ трудомъ можно было пробраться [1]). Сенатъ приказываетъ своей московской конторѣ распорядиться очисткой всего этого; причемъ оговаривается, что предписаніе должно быть исполнено «самымъ дѣломъ, а не черезъ переписку», угрожая въ противномъ случаѣ конторѣ отвѣтственностью [2]). Въ такомъ видѣ, послѣ многочисленныхъ указовъ, предписывавшихъ соблюденіе чистоты въ городахъ, находилась первопрестольная, самый Кремль котораго почти обращенъ былъ въ склады нечистотъ, отъ которыхъ пообчистить столицу могъ лишь пріѣздъ двора. Въ какомъ же состояніи находились остальные города Россіи? Большой городъ, древняя столица, «привлекавшая къ себѣ», по выраженію г. Соловьева, «массы людей по центральности своего положенія, выгоднаго въ промышленномъ и торговомъ отношеніи», мало чѣмъ отличалась во многихъ отношеніяхъ отъ большой деревни. На большихъ улицахъ, посрединѣ вырыты колодцы, вѣроятно съ патріархальными рычагами для доставанья воды изъ нихъ; дома кроются соломою [3]).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Города при Екатеринѣ II до 1785 года.

ГЛАВА I.

Состояніе городовъ въ началѣ царствованія Екатерины.

Екатерина II придавала большое значеніе «среднему роду людей», т. е. торгово-промышленному городскому населенію, «отъ

---

[1]) *Ibid.* XXIII. 203; 205—206.

[2]) *Ibid.* 203.

[3]) *Ibid.* 207.

котораго, по ея словамъ, государство много добра ожидаетъ»; городъ, какъ мѣстопребываніе этого «рода людей», долженъ былъ въ глазахъ императрицы играть очень важную роль въ государственномъ строѣ [1]). Но «много добра» отъ городовъ и ихъ торгово-промышленнаго населенія императрица ждала для государства лишь въ томъ случаѣ, если это населеніе «твердое на добронравіи и поощреніи ко трудолюбію основанное положеніе получитъ» [2]). А такого-то «твердаго положенія» города, какъ мы только что видѣли, при возшествіи ея на престолъ и не имѣли; они не имѣли его, какъ увидимъ, и при ней долгое время.

Въ началѣ царствованія Екатерины II города находились въ жалкомъ положеніи какъ относительно администраціи, такъ и по отношенію къ ихъ экономическому благосостоянію. Не смотря на всѣ стремленія правительства поставить какъ выборныя, такъ и правительственныя, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, должности городскія въ предѣлы закона, произволъ царилъ въ городахъ неограниченный. Графъ Салтыковъ, московскій генералъ-губернаторъ, доносилъ, что президентъ Орловскаго Магистрата, нѣкто Дубровинъ «купечеству дѣлалъ великія притѣсненія, грабежи и смертоубійства, также и казнѣ похищенія, за что главнымъ Магистратомъ былъ отрѣшенъ отъ присутствія, но не смотря на то, правилъ ту должность своевольно [3])». Въ періодъ такого «своевольнаго» отправленія должности ни передъ чѣмъ не задумывавшійся президентъ разграбилъ фабрики какого-то Кузнецова, избивъ и переувѣчивъ на нихъ рабочихъ; противъ такого страннаго «начальства города» пришлось «для пресѣченія непорядковъ и для возстановленія тишины въ городѣ, разставить частые пикеты», но лишь только полкъ, содержавшій пикеты, ушелъ изъ города, «мятежники снова стали ходить въ городѣ, какъ и прежде,

---

[1]) Не говоря уже о большихъ городахъ, императрица находитъ, что „малые города суть весьма нужны по уѣздамъ, дабы земледѣлецъ могъ сбыть плоды земли и рукъ его и себя снабдить тѣмъ, въ чемъ ему случатся нужды“. Наказъ, 398. (Я буду цитировать Наказъ со всѣми къ нему дополненіями по имѣющемуся у меня въ рукахъ изданію 1776 года).

[2]) *Ibid.* 378.

[3]) *Соловьевъ:* Разск. изъ рус. ист. XVIII в. „Рус. Вѣст.“ 1861 г. № 10, стр. 314.

въ великомъ множествѣ съ заряженными ружьями и дубьемъ, бьютъ смертно и увѣчатъ тѣхъ, которые съ ними несогласны» [1]). Если такія гарантіи «добронравія и поощренія ко трудолюбію» представляли выборные и правительственные органы въ городахъ, чего можно было ждать отъ представителей воеводской и полицейской властей; тамъ, гдѣ эти власти были сильны, они, разумѣется, стѣснялись еще менѣе, чѣмъ какой-либо магистратскій президентъ. Въ наказѣ отъ города Саратова, представленномъ въ 1767 году въ коммисію о сочиненіи проэкта новаго уложенія депутатомъ города, горожане жалуются на произволъ своего полиціймейстера, который трудомъ и временемъ горожанъ распоряжался, какъ ему заблагоразсудится [2]). Если сами власти «грабили и увѣчили», какъ выражается Салтыковъ, жителей города, вооружая чуть не полки «ружьями и дубьемъ», то нечего удивляться, встрѣчаясь съ указомъ, подобнымъ тому, какой издаетъ императрица въ самый годъ возшествія своего на престолъ, на имя Корфа, «главнаго директора надъ полиціями». Императрица жалуется въ этомъ указѣ, что не только около Петербурга, но и «въ самой столицѣ... безпокойства проходящимъ и проѣзжающимъ, по улицамъ мертвыя тѣла находятся, а въ домахъ грабежи на подобіе разбоя» [3]). Личная безопасность даже въ такомъ городѣ, какъ Москва, сколько-нибудь гарантировалась лишь войсками, стоявшими въ городѣ; едва они покинули городъ, какъ грабежи и разбои дѣлаются обыденнымъ явленіемъ; въ одномъ изъ писемъ Екатерина пишетъ, что «по причинѣ ухода военныхъ командъ изъ Москвы увеличились разбои», и увеличились настолько, что императрица рѣшила обратиться къ самому московскому населенію за составленіемъ проэкта объ утвержденіи безопасности» [4]). Нечего будетъ и удивляться произволу мѣстныхъ городскихъ властей, если принять во вниманіе, что эти власти лишь назначались Сенатомъ въ извѣстный городъ, котораго оно не знало даже мѣстоположенія и вслѣдъ за этимъ какъ бы забывалось имъ [5]).

---

[1]) *Ibid.*

[2]) *Полѣновъ:* Истор. свѣд. о Екатерин. коммиссіи для соч. пр. нов. улож. ч. I. Сборникъ рус. ист. общ. т. IV. стр. 113.

[3]) П. С. З. № 11712.

[4]) Сборн. рус. ист. общ. X. 322—323.

[5]) Извѣстенъ фактъ, что Сенатъ, назначая воеводъ въ города, не зналъ

Въ такомъ печальномъ состояніи находился административный механизмъ городовъ въ царствованіе Екатерины; еще болѣе печально было ихъ экономическое состояніе. Огромное большинство городовъ по своему внѣшнему виду и благосостоянію ничѣмъ не отличались отъ деревень. Посѣтивъ городъ Островъ, новгородскій намѣстникъ, графъ Сиверсъ, былъ пораженъ его внѣшнимъ видомъ: соборъ походитъ на часовню, канцелярія и домъ воеводы представляютъ какія-то полуразвалившіяся хижины; Магистратъ — подъ соломенной крышей; всѣхъ домовъ въ городѣ сто пятьдесятъ; собственно гражданъ (регулярныхъ въ петровскомъ смыслѣ) сто двадцать; остальные разночинцы; нѣтъ ни рынка, ни лавокъ [1]); самый Новгородъ, главный городъ всего намѣстничества, Сиверсъ называетъ рѣшительно никуда негоднымъ городомъ, поднять который онъ не находилъ никакой возможности [2]). Не трудно себѣ представить степень благосостоянія жителей ста пятидесяти домовъ или скорѣе хижинъ, крытыхъ соломой,—жителей, не имѣвшихъ ни рынка, ни лавокъ. Чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, такой городъ отличался отъ деревни? Въ такомъ состояніи находились города, лежащіе на противуположныхъ концахъ Россіи. На дальнемъ востокѣ города обладаютъ «весьма малымъ числомъ купечества, да и то не капитальнаго вовсе» [3]); здѣсь рѣчь идетъ объ Уфѣ и Тарынскѣ, недавно основанномъ; въ нѣкоторыхъ городахъ этого края и вовсе не оказывается купечества [4]). Вотъ какъ описываетъ сама Екатерина поволжскій городъ Симбирскъ: «городъ же самый скарядный, и домы всѣ — въ конфискаціи; не полезнѣе ли, про-

---

числа этихъ городовъ и не имѣлъ ихъ списковъ. *Соловьевъ.* Разск. изъ рус. ист. XVIII в. Рус. Вѣс. 1861 г. № 10. стр. 309.

[1]) *Иловайскій*: Новгородская губернія сто лѣтъ тому назадъ. Рус. Вѣст. 1863 г. № 12 стр. 496. Въ самой Москвѣ до 1773 года Магистратъ, кажется помѣщался въ деревянномъ домѣ. См. письмо Екатерины II къ кн. Волконскому; „XVIII вѣкъ“ кн. I. стр. 90 (изд. 1).

[2]) *Иловайскій* 484.

[3]) Рѣчь депутата уфимскаго казачьяго войска, Бурцова, въ Коммиссіи 1767 года. *Польновъ*, Ист. св. о екат. Ком. ч. II. Сбор. рус. ист. общ. т. VIII, 125—127.

[4]) П. С. З. № 15575: такъ, въ городѣ Оханскѣ пермскаго намѣстничества питейные откупа пришлось сдать крестьянамъ, живущимъ въ городѣ, за неимѣніемъ въ немъ купечества.

должаетъ Императрица, повернуть людямъ ихъ домы, нежели сіи лучинки имѣть въ странной собственности» (правительства)[1]. Изъ чего же состояли домы тѣхъ городовъ, въ которыхъ число ихъ не превышало пятидесяти, а такіе города были, какъ на это указываетъ «обрядъ выбора жителямъ городскимъ» депутатовъ въ Коммиссію 1767 года[2]). Не щеголяли благосостояніемъ даже такіе города, какъ Архангельскъ, напр., ведшій въ качествѣ «порта морскаго» торговлю съ чужими краями; городъ, который Екатерина ставитъ на одну доску съ Петербургомъ и Ригой[3]), не имѣетъ собственныхъ средствъ на удовлетвореніе своихъ несложныхъ нуждъ, и получаетъ эти средства, въ качествѣ пожалованія, изъ общегосударственныхъ доходовъ[4]). Города благодатнаго юга не опередили относительно благосостоянія городовъ остальныхъ частей обширнаго государства. Въ наказѣ выборному отъ малороссійской Коллегіи въ Коммиссію 1767 года мы встрѣчаемся съ горькой жалобой на плачевное состояніе большинства городовъ Малороссіи; сильные налоги и повинности всякаго рода заставляли здѣсь разбѣгаться жителей или въ казаки или даже во владѣльческія деревни, обращаясь въ крѣпостныхъ; «а гражданское все бремя лежало на оставшихся, сколь въ числѣ малыхъ, столь и бѣдныхъ людяхъ».... «города стали пусты.»[5])

Уже этихъ, очень немногихъ, свѣдѣній, которыя мы имѣемъ о городахъ XVIII столѣтія, совершенно достаточно для того, чтобы составить себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе о плачевномъ, чтобъ не сказать больше, состояніи ихъ того времени; изъ всей массы ихъ едва ли можно набрать какой нибудь десятокъ такихъ, которыхъ можно бы было назвать городомъ по ихъ сущности, т. е.

[1]) Письмо Екатерины II къ графу Н. Панину. Сбор. рус. ист. общ. X, 210.

[2]) Буква I. ст. 3: „въ тѣхъ городахъ, гдѣ число домовъ, менѣе пятидесяти отдается на волю: присылать или неприсылать депутата. Дѣйствительно, напр., въ городѣ Епифани въ 1788 году насчитывается всего 43 двора. П. С. З. № 16588.

[3]) Наказъ. ст. 399.

[4]) См. „донесеніе Державина, Храповицкаго и Новосильцева о бюджетѣ въ 1794 года".—Сбор. рус. ист. общ. I. 326.

[5]) „Чт. моск. общ. ист. и древ. рос. 1858, кн. III": „наставленіе выборному отъ малороссійской Коллегіи".

по составу населенія, его характеру и занятіямъ: остальные города, въ нѣсколько десятковъ домовъ, были городами лишь потому, что ихъ такъ угодно было называть правительству, въ глазахъ котораго городомъ, въ смыслѣ общаго понятія, не былъ опредѣленный пунктъ, какъ средоточіе торгово-промышленной жизни, торгово-промышленнаго населенія, а напротивъ—пунктъ административной жизни, центръ извѣстнаго административнаго округа, мѣстопребываніе судебнаго и административнаго персонала этого округа. Города не создаются самой общественной жизнью, самимъ общественнымъ населеніемъ, а строятся правительствомъ, которое выбираетъ для новаго города опредѣленное мѣсто, руководствуясь попреимуществу административными соображеніями; строитъ на избранномъ мѣстѣ зданія необходимыхъ учрежденій и ждетъ населенія, «несомнѣнно уповая, что граждане похваляясь радѣніемъ, доброю вѣрою въ торговлѣ, промыслахъ и ремеслахъ, будутъ способствовать возвышенію мѣстъ, ими населенныхъ въ цвѣтущемъ состояніи и тѣмъ вящще заслужатъ его къ себѣ милость» [1]). Нѣтъ ничего мудренаго если граждане, несмотря на обѣщанную императорскую милость, плохо стекались въ такимъ образомъ устроиваемые города и содѣйствовали ихъ «цвѣтущему состоянію»: эти граждане бѣжали, какъ мы только-что видѣли и изъ существовавшихъ уже городовъ; ихъ недоставало во многихъ старыхъ городахъ для образованія необходимаго состава городской администраціи [2]). Но администраторы XVIII вѣка передъ такими фактами не останавливались: подъ ихъ всемогущей десницей города росли, какъ грибы: казалось имъ, что извѣстный пунктъ удобенъ для города, и они его строили въ этомъ мѣстѣ; достаточно было императрицѣ постановить резолюцію: «повелѣваемъ на семъ избранномъ Вами мѣстѣ градъ воздвигнуть», и администраторъ, облюбовавшій мѣсто, приступалъ къ воздвиженію «града», назначался къ постройкѣ какой-нибудь «генералъ-майоръ

---

[1]) Грамота на пр. и выгоды городамъ рос. имперіи. П. С. З. № 16188, введеніе.

[2]) Такіе города правительство обыкновенно находилось вынужденнымъ приписывать къ магистратамъ другихъ городовъ. П. С. З. №№ 17093, 17139, 17480, 17504. Многіе города еще въ 1764 году по этой же причинѣ были обращены въ заштатные. П. С. З. № 12259.

и кавалеръ», который снабжался «для подробныхъ разсужденій свѣдующимъ въ таковыхъ заведеніяхъ человѣкомъ»; выробатывался точный планъ будущаго города [1]), опредѣлялось количество соборовъ и церквей, «мѣсто, гдѣ быть заведеніямъ къ лучшему основанію и распространенію фабрикъ, ремеслъ и рукодѣлій и къ выгодѣ и ободренію торговли.» Строго распредѣляется по частямъ будущаго города, его будущее населеніе, при чемъ, сообразно различнымъ слоямъ этого населенія, измѣняется самая ширина улицъ; проэктируются фонтаны «съ водопадами,» каналы, плотины, гоститали, ботаническіе сады [2]). Придумывалось названіе для будущаго очага цивилизаціи; часто подъ вліяніемъ этого названія будущаго города фантазія проэктирующаго его заносилась въ область... невозможнаго. Рѣшилъ знаменитый Потемкинъ построить городъ, носящій имя императрицы нужно, чтобъ городъ былъ достоенъ носить свое громкое имя: «я предпринялъ, пишетъ блестящій царедворецъ, проэктъ составить достойный высокому сего града названію» [3]). Проэктъ создается въ пылкой головѣ князя, дѣйствительно, достойнымъ славнаго имени; чего въ немъ нѣтъ: и «храмъ великолѣпный» и «судилище на подобіе древнихъ базиликъ», и лавки «полукружіемъ», «на подобіе пропилеи, съ биржею и театромъ посерединѣ», фабрика суконная и шелковая, зданіе для губернатора — «во вкусѣ греческихъ и римскихъ зданій», «университетъ купно съ академіею музыкальною» [4]). И все это подъ волшебнымъ жезломъ могучаго властелина должно было вырости чуть не мгновенно; дѣло ставало лишь за тѣми, для кого строились всѣ эти чудеса архитектуры; сильное воображеніе строителя просто рѣшало и этотъ вопросъ: изъ окрестныхъ губерній «обитатели потекутъ во множествѣ съ избытками

---

[1]) Въ 1777 году при впаденіи Суды въ Шексну повелѣно учредить „для пользы водяной коммуникаціи“ городъ Череповецъ, приписать къ нему уѣздъ, „учредить въ немъ судебныя мѣста, „а между тѣмъ представить Намъ планъ, какъ одному городу быть надлежитъ“. П. С. З. № 14676.

[2]) Проэктъ города Вознесенска. П. С. З. № 17392· Даже число будущихъ жителей города опредѣляется... двадцатью тысячами.

[3]) Письмо Потемкина къ Ек. II: „Рус. Арх.“ 1865 г. стр. 394.

[4]) *Ibid.* стр. 395.

своими къ новоустрояемому городу... многіе, увидѣвъ знаменитость будущаго города (а знаменитымъ онъ непремѣнно долженъ былъ быть), безъ сомнѣнія возжелаютъ учиниться гражданами его. Вскорѣ берега Буга (рѣчь идетъ о г. Вознесенскѣ) узрятъ на себѣ многочисленныя селенія; вся сія страна оживлена будетъ и воспріемлетъ другой видъ» [1]. Вся эта метаморфоза цѣлой «страны» явится какъ бы яснымъ результатомъ тѣхъ «выгодъ,» которыя будутъ даны будущему населенію будущаго города; все это совершится, стоитъ только обѣщать этому населенію десятилѣтнюю свободу отъ постоя и казенныхъ податей всѣхъ построившихъ заводы и объявившихъ не менѣе тысячи рублей капитала; допустить даже старообрядцамъ строить церкви и монастыри, поселить въ «тучныхъ» окрестностяхъ казенныхъ крестьянъ, знающихъ ремесла [2]. Не могутъ же не прельстить, въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти льготы и выгоды заводчиковъ, фабрикантовъ, богачей старообрядцевъ. Если эти льготы не дѣйствовали, населеніе стекалось плохо — прибѣгали къ искусственному переселенію его изъ центральныхъ губерній [3]. Проэктъ осуществлялся, но въ дѣйствительности его классическій колоритъ исчезалъ: пропилеи и базилики замѣнялись казарменными постройками; фонтаны и водопады умирали въ области разыгравшейся фантазіи; университеты, академіи музыкальныя, ботаническіе сады красовались своимъ отсутствіемъ даже въ столицахъ [4]. Населенія новыхъ городовъ не доставало даже для образованія въ достаточномъ количествѣ того состава выборной городской администраціи, которая необходима была для Ратуши или Ма-

---

[1]) П. С. З. № 17392.

[2]) *Ibid.*

[3]) Во вновь основанномъ Вознесенскѣ именно не приключилось такого стеченія: „рѣшено было“ выписать по 100 человѣкъ огородниковъ и др. промышленниковъ изъ ярославской и другихъ губерній. *Ibid.*

[4]) Въ дѣйствительности строителямъ приходилось сильно обрѣзывать свои планы и относительно перестройки старыхъ городовъ: такъ, Сиверсъ пріѣхалъ въ г. Каргополь послѣ пожара, предлагаетъ жителямъ строиться вновь „на каменныхъ подвалахъ со сводами“; жители единогласно заявили о невозможности исполненія этого требованія. Графу пришлось отказаться отъ проэкта. *Иловайскій*. Новг. губ. сто л. назадъ. Р. В. 1863. № 12, стр. 486;

гистрата [1]); часто такъ неудачно «возродившіеся города» правительству приходилось или вовсе уничтожать или переводить на новое мѣсто; но оно не унывало: на мѣсто одного упраздненнаго возрождалось нѣсколько новыхъ, обѣщавшихъ «оживить страну.» Планы городовъ и ихъ гербы не мало занимали правительство, такъ сильно склонное къ великолѣпію [2]). Образовано было спеціальное учрежденіе для завѣдыванія этою новою отраслью правительственной дѣятельности — Коммиссія о построеніи городовъ [3]) съ очень значительнымъ составомъ, который къ концу царствованія Екатерины II оказался недостаточнымъ, и былъ увеличенъ въ 1789 году однимъ членомъ въ виду того, «что многіе города въ губерніяхъ не снабдѣны еще планами» [4]) Дѣятельность кипѣла. Императрица, жаждавшая между прочимъ создать себѣ въ потомствѣ «и память градоздательницы», дать градозданіемъ безсмертіе имени своему, гордо говорила, что она «тщится подражать установленіямъ предковъ своихъ, всероссійскихъ самодержцевъ, отъ самыхъ древнихъ лѣтъ съ расширеніемъ предѣловъ владычества ихъ и съ умноженіемъ народнымъ, умножавшихъ и число городовъ» [5]). Если она и не создала себѣ имени «градозданіемъ», если построенные ею города и не содѣйствовали «къ размноженію народа и возращенію его богатства», какъ думала императрица, то все-таки она могла гордиться своей дѣятельностью на этомъ поприщѣ: въ ея глазахъ достаточно было того факта, что «въ

---

[1]) Напр., городъ Екатеринодаръ былъ такъ удачно построенъ, что жители не могли организовать изъ себя ратуши и просили о переселеніи. Городъ, какъ скоро „возродился", такъ же скоро, если еще не скорѣе, и изчезъ. П. С. З. № 16899. Такая же участь постигла и г. Александрію въ Екатеринославской губерніи. П. С. З. № 17361.

[2]) Нѣтъ ни одного почти тома Полнаго Собранія Законовъ за время Екатерины II, въ которомъ не находилось бы по нѣсколько указовъ, касающихся плановъ и гербовъ города; особенно изобилуютъ ими томы XX и XXI.

[3]) Она основана въ 1737 году.

[4]) П. С. З. № 16807. Въ 1774 году, въ Москвѣ былъ учрежденъ особый Департаментъ подъ вѣдомствомъ Главнокомандующаго „для сочиненія генеральнаго плана и проэкта улучшенія строеній въ Москвѣ". П. С. З № 14136.

[5]) Городовое Пол. П. С. З. № 16188; введ.

течепіе двадцати-трехлѣтняго царствованія своего она воздвигла повсюду, гдѣ того требовали мѣстныя выгоды или стеченіе окрестныхъ жителей, города числомъ 216» [1]). Количество ужасающее: будь всѣ эти города дѣйствительно городами, Россія XVIII в. была бы неузнаваема въ сравненіи съ Россией XVII в.: къ несчастью дѣло ограничилось только количествомъ, качествомъ эти города вовсе не представляли того, что думала видѣть въ нихъ градоздательница, которая, какъ и всѣ ея «орлы», была убѣждена, что для «размноженія народа и возращенія его богатства достаточно такого «возрожденія» городовъ и «твердаго на добронравіи и поощреніи къ трудолюбію основаннаго положенія» [2]). Полагая не мало труда и заботъ на самое «возрожденіе», созданіе городовъ новыхъ, переустройство уже существовавшихъ, Екатерина не меньше заботилась и объ административной организаціи этихъ возрожденныхъ и по плану переустроенныхъ городовъ, выработывая для нихъ «твердыя положенія», имѣющія сдѣлать изъ «средняго рода людей» источникъ всякихъ благъ для обширнаго государства.

ГЛАВА II.

Устройство города до Учрежденія о губерніяхъ.

Все время царствованія императрицы Екатерины II до 1785 года, года изданія «грамоты на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи», можно назвать, по отношенію къ организаціи городскаго управленія переходнымъ временемъ отъ стараго порядка вещей къ новому,—отъ стараго понятія города къ новому. Въ этотъ періодъ

---

[1]) *Ibid.*

[2]) Профессоръ *Иловайскій* справедливо замѣчаетъ о гр. Сиверсѣ, что это былъ „государственный человѣкъ, которому нѣтъ дѣла до историческихъ условій, до русскаго прошедшаго; и человѣкъ, который вѣрилъ въ возможность создавать народное благосостояніе перестановкою административныхъ пунктовъ, прямолинейными дорогами и симметрическимъ распредѣленіемъ областей“. Рус. Вѣс. 1863 г. № 12 стр. 481. Но кто же изъ администраторовъ XVIII в. не вѣрилъ этому? Развѣ не такъ смотрѣла на дѣло сама Екатерина, убѣжденная, что ея 216 городовъ, устроенные „по плану“ и снабженные гербами, умножили населеніе и увеличили его богатство?

царствованія выробатывается понятіе о раздѣленіи властей: городскія учрежденія распадаются на судебныя и административныя въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Это время было вмѣстѣ и временемъ отживанія стараго городоваго строя, но отживанія медленнаго, постепеннаго; вмѣстѣ съ указами и опредѣленіями законодателя въ новомъ духѣ мы встрѣчаемся еще со многими мѣрами, идущими въ разрѣзъ съ этимъ духомъ, мѣрами, покоящимися на старыхъ вѣковыхъ началахъ.

До самаго 1775 года, когда издано было «Учрежденіе о губерніяхъ», Магистратъ и Ратуша города играютъ въ немъ ту же роль, какую играли они при Елизаветѣ Петровнѣ; т. е., они остаются и судебными и вмѣстѣ административно-финансовыми учрежденіями. Отношенія Магистратовъ къ воеводамъ и губернаторамъ, склонявшіяся, какъ мы видѣли, при Елизаветѣ на сторону подчиненія первыхъ послѣднимъ, окончательно слагаются въ началѣ царствованія Екатерины II въ этомъ смыслѣ. Инструкція губернаторамъ, изданная въ 1764 году, предписываетъ, что «всѣ земскія правительства» находящіяся въ губерніи, кромѣ Москвы и Петербурга, которыя губернаторскимъ канцеляріямъ не подчинены, а между ними и Магистраты, отнынѣ должны состоять подъ вѣдѣніемъ губернатора, какъ истиннаго «опекуна врученной ему губерніи» [1]). Императрицей сознана несостоятельность городовыхъ Магистратовъ и Ратушъ въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали въ это время: установляя такую зависимость ихъ отъ власти губернатора, императрица имѣла въ виду дать послѣднему возможность, «получая отъ первыхъ рапорты и подробныя о должностяхъ и порядкахъ ихъ извѣстія, точныя обо всемъ свѣдѣнія имѣть и утѣсненныхъ людей, не могущихъ, за отдаленностью, идти съ жалобами своими къ высшимъ тѣхъ мѣстъ правительствамъ, защищать и оборонять» [2]). Вслѣдъ за тѣмъ императрица на губернаторовъ же возлагаетъ и заботы «о пользахъ торговли и промысловъ»; причемъ и о всемъ, что они найдутъ необходимымъ въ виду этихъ пользъ, губернаторы должны доносить въ

---

[1]) П. С. З. № 12137, ст. XI. Это постановленіе повторяется и въ спеціальной инструкціи петербургскому и московскому губернатерамъ. П. С. З. № 12306.

[2]) П. С. З. № 12137, ст. XI.

Сенатъ и «Намъ самимъ», продолжаетъ императрица; подобнымъ же путемъ, возлагается на губернатора, «исправлять и отвращать вкравшіеся непорядки или самое упущеніе или недостатки въ узаконеніяхъ» [1]). Въ обѣихъ инструкціяхъ рѣчь идетъ вообще о подчиненіи Магистратовъ и Ратушъ губернаторамъ, безъ различія ихъ двоякаго—судебнаго и административнаго—значенія; въ обоихъ этихъ отношеніяхъ они дѣйствительно и подчиняются губернаторамъ; они подчиняются ему какъ «опекуну губерніи», власть котораго ео ipso распространяется на всѣ стороны администраціи этой губерніи; наконецъ, такой смыслъ подчиненію приходится дать во-первыхъ на основаніи смысла XII статьи инструкціи, возлагающей на губернатора «заботы о пользахъ торговли и промышленности» и объ искорененіи «вкрадшихся непорядковъ»; во вторыхъ, мы имѣемъ спеціальный указъ, который подчиняетъ губернатору Магистраты и Ратуши и въ полицейскомъ отношеніи въ тѣхъ городахъ, гдѣ полиція на нихъ возложена [2]). Что касается Магистратовъ, какъ сословно-судебныхъ установленій, то и въ этомъ отношеніи они, очевидно, подчиняются «опекуну всей губерніи»; иначе трудно было бы понимать выраженіе инструкціи 1764 года, что губернаторы должны «защищать и оборонять утѣсненныхъ», не могущихъ жаловаться высшимъ начальствамъ ихъ. Но будучи подчинены губернаторамъ, Магистраты и Ратуши до 1772 года оставались «отнюдь городовымъ воеводамъ не подчиненными» [3]); съ этого же года имъ предписывается «въ точномъ послушаніи быть» и воеводамъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ прекращенію чумы [4]).

Въ губернаторской инструкціи 1764 года, какъ видно изъ только-что приведенныхъ изъ нея мѣстъ, уже ясно высказывается, десять лѣтъ спустя осуществившаяся, мысль, императрицы разбить «высшія начальства», сосредоточенныя исключительно въ столицѣ, по провинціямъ, образовавъ изъ каждой губерніи самостоятельное

---

[1]) *Ibid.* ст. XII.

[2]) П. С. З. № 12764. Въ 1766 году, по просьбѣ муромскаго купечества и казанскаго съ елецкимъ Магистратовъ, Сенатъ возлагаетъ полицію въ этихъ городахъ на ихъ Магистраты „подъ надзоромъ губернаторовъ“.

[3]) П. С. З. № 13728.

[4]) *Ibid.*

административное цѣлое, «вышнее правительство» котораго находится на мѣстѣ. Въ 1775 году эта мысль вполнѣ осуществляется и относительно магистратскаго управленія; теперь въ губернаторской инструкціи ей заложено только основаніе: Главный Магистратъ de jure не уничтожается, но de facto онъ становится излишнимъ: опекунъ губерніи, усматривая «пользы для торговли и промысловъ», представляетъ о томъ Сенату и самой императрицѣ, обходя «вышнее начальство» торгово-промышленнаго населенія — Главный Магистратъ [1]). Очевидно, что во второй годъ царствованія Екатерины въ ея головѣ уже выробатывалась мысль о преобразованіи магистратскаго механизма въ корнѣ: она задумывала реорганизовать Магистраты не только въ смыслѣ децентрализаціи ихъ, но и предполагала измѣнить характеръ ихъ власти; въ этомъ именно смыслѣ она, въ томъ же 1764 году, требуетъ отъ губернаторовъ «мнѣнія съ какою властью должны существовать далѣе Магистраты и Ратуши» [2]). Всѣ поданныя мнѣнія вмѣстѣ съ остальными свѣдѣніями должны были направляться въ Сенатъ, который долженъ былъ составить для городовъ «единственное положеніе» [3]). Но, до составленія этого «единственнаго» положенія для городовъ, императрица однако, не предоставляла ихъ, исключительно самимъ себѣ. Она хочетъ установить болѣе правильныя отношенія между отдѣльными городами и въ виду этого посылаются къ губернаторамъ особые курьеры для того, чтобы эти опекуны всей губерніи «разсмотрѣли о штатныхъ городахъ» [4]). Имъ предписывается при этомъ расписать города по ихъ значенію и количеству населенія: города не важные, съ малочисленнымъ населеніемъ, рекомендуется оставить за штатомъ, приписать ихъ къ какому-либо сосѣднему

[1]) Десять лѣтъ спустя президентъ Коммерцъ-Коллегіи, гр. Воронцовъ, нашелъ что Коллегія „познать существа городовъ россійскихъ не можетъ“, такъ какъ не имѣетъ никакихъ статистическихъ свѣдѣній ни о торгово-промышленномъ населеніи, и промышленности, какъ мануфактурной, такъ и ремесленной и проситъ присылать эти свѣдѣнія въ Коллегію губернаторовъ и воеводъ а также и Главный Магистратъ. Сенатъ обратилъ собираніе этихъ свѣдѣній въ обязанность названныхъ властей П. С. З. № 14261.

[2]) П. С. З. № 12259. п. 5.

[3]) *Ibid.*

[4]) *Ibid.*

городу; тѣ же изъ «приписанныхъ», которые окажутся на самомъ дѣлѣ городами значительными, обратить въ штатные [1]). При этомъ въ городахъ заштатныхъ, оставшихся, «чрезъ соединеніе» безъ уѣздовъ, губернаторамъ предоставляется, по собственному усмотрѣнію, или оставить Магистраты и Ратуши, или же учредить особые «коммисарствы», чтобы эти города «съ теченіемъ времени не приходили въ упадокъ» [2]). Сообразно всему этому въ томъ же году составленъ былъ новый списокъ городовъ и пригородовъ такъ называемыхъ штатныхъ и оставшихся за штатомъ и приписанныхъ къ другимъ городамъ [3]).

Но вся эта административная перетасовка мало, разумѣется, принесла городамъ пользы, если только принесла сколько нибудь. Не помогалъ и опекунъ губерніи: «опекаемые имъ въ числѣ другихъ земскихъ начальствъ», Магистраты вели себя изъ рукъ вонъ плохо; взяточничество достигло невѣроятныхъ размѣровъ, несмотря на «распубликованіе» указовъ объ учиненіи наказанія за взятки и лихоимство [4]). Соляная продажа во всѣ времена представлявшая и представляющая сильный соблазнъ приставленнымъ къ ней, и теперь вызывала со стороны сборщиковъ, а вмѣстѣ съ ними Магистратовъ и Ратушъ, «злоупотребленія чрезъ мѣру» [5]); и теперь магистратскіе и ратушскіе члены, имѣвшіе счастіе завѣдывать солью, по пластическому выраженію Посошкова, «будто черви точатъ тое жъ соль и пищу себѣ пріобрѣтаютъ отъ тое жъ соли» [6]). Соляныя злоупотребленія «чрезъ мѣру» вызвали специальный указъ, касающійся лишь нѣкоторыхъ Магистратовъ и Ратушъ. Этимъ указомъ Магистраты и Ратуши, «единственно по дѣлу о продажѣ соли», Се-

---

[1]) При этомъ рекомендуется чтобъ городъ съ уѣздомъ необразовалъ количества жителей болѣе 30000 человѣкъ *Ibid.* п. I.

[2]) *Ibid.* п. 3.

[3]) *Ibid.* п. 8. Всѣхъ штатныхъ городовъ въ европейской Россіи опредѣлено 165 собственно городовъ и 13 пригородовъ.

[4]) П. С. З. № 12781; оказывается, что и сами „опекуны" не отставали во взяточничествѣ отъ опекаемыхъ: въ этомъ же указѣ идетъ рѣчь о губернаторѣ тайномъ совѣтникѣ князѣ Григоріи Шаховскомъ.

[5]) П. С. З. № 13872 Еще 15 дек. 1763 года, ради пресѣченія взяточничества опредѣлено было установить жалованье и въ городскихъ канцеляріяхъ.

[6]) „Оскуд. и богат." 221—222.

натъ подчиняетъ мѣстнымъ губернскимъ канцеляріямъ, которыя съ этого времени уже отвѣчаютъ за всякія злоупотребленія при соляной продажѣ [1]).—Понятно, что подобнаго рода мѣры ничего не достигали: это значило клинъ клиномъ выколачивать; «черви» городскихъ и губернскихъ канцелярій могли «точить тое жъ соль» не хуже ратушскихъ и магистратскихъ.

Императрица замѣтила и другое, пожалуй еще горшее, чѣмъ «злоупотребленіе чрезъ мѣру», зло, широко проявлявшееся въ средѣ ратушскихъ и магистратскихъ членовъ, зло, которое она называетъ «нерадивостью» и которое, по ея словамъ, доходитъ до того, «что за стыдъ не почитаютъ, если за неисполненіе должности отъ судейства отрѣшены бываютъ» [2]). Изъ этихъ словъ императрицы можно заключить, что «нерадивость» магистратскихъ и ратушскихъ членовъ была дѣйствительно велика, и что она вѣроятно часто бывала систематически умышленна; членъ добивался, чтобъ его освободили отъ тяжелой обязанности, часто раззорявшей его частное хозяйство. Мѣры были необходимы, но какія? Жалоба высказывается императрицей въ 1773 году, шесть лѣтъ спустя послѣ того, какъ она имѣла возможность выслушать отъ депутатовъ Коммиссіи 1767 года кое-что о нуждахъ и потребностяхъ городскаго торгово-промышленнаго населенія; послѣ того, какъ эти депутаты въ одинъ голосъ высказались, что русскимъ купцамъ нѣтъ «большаго помѣшательства» въ веденіи торговли, какъ служба при казенныхъ сборахъ [3]). Какія же мѣры она придумываетъ для искорененія зла, выслушавъ подобнаго рода заявленія? Все тѣже, практиковавшіяся уже цѣлыя вѣка: она ставитъ выборы въ члены Магистратовъ подъ строгій надзоръ губернаторской и воеводской власти [4]), отказываясь совершенно отъ начала, выставленнаго

---

[1]) П. С. З. № 13872.

[2]) П. С. З. № 14079.

[3]) *Польновъ:* Ист. свѣд. о Екатерининской Комиссіи П. Сб. рус. Ист. Общ. т. VIII. 145; 164; 168; 316.

[4]) П. С. З. 14079: въ городахъ и пригородахъ члены магистратовъ и ратушъ выбирались въ присутствіи губернаторовъ и воеводъ и прежнихъ магистратскихъ и ратушскихъ членовъ"; въ Москвѣ же они выбирались всѣми купцами и фабрикантами въ присутствіи членовъ главнаго Магистрата.

въ этомъ отношеніи Елизаветой Петровной, начала невмѣшательства губернаторовъ и воеводъ въ магистратскіе выборы и, такимъ образомъ, вполнѣ, во всѣхъ отношеніяхъ, подчиняя Магистраты и Ратуши «опекуну всей губерніи». При этомъ указъ прибавляетъ, что въ награду за «радѣніе» и честность во все время магистратской должности ратсгеры будутъ представляемы Императрицѣ «къ награжденію» [1]). Характеръ же службы какъ магистратской, такъ и при казенныхъ сборахъ, остается попрежнему государственно-тяглымъ.

Въ маѣ 1768 года изданъ былъ указъ, которымъ приказывалось городамъ «снова избрать городскаго голову и снова на двухлѣтнее полномочіе» [2]); ровно черезъ два года указъ этотъ снова повторенъ [3]); а въ 1771 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, выборы городскаго головы приказано въ городахъ производить впредь «не ожидая особаго о томъ Высочайшаго указа, выборы новаго городскаго головы черезъ каждые два года или же, если городскіе обыватели пожелаютъ этого, оставить того же голову, возобновивъ лишь его полномочіе [4]). Что это за новая городская должность; когда и для чего она установлена? Изъ содержанія только-что приведенныхъ мною указовъ видно, что должность эта существуетъ во всѣхъ городахъ Россіи. Она вводится впервые указомъ, даннымъ на имя Правительствующаго Сената 14 декабря 1766 года «о обнародованіи манифеста, касающагося до учрежденія коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія по присылкѣ въ Москву къ сочиненію онаго проэкта депутатовъ». Манифестомъ созывались на будущій 1767 годъ

---

[1]) *Ibid.* Депутатъ Коммиссіи 1767 года отъ города Тары предлагалъ какъ средство укорененія „радѣнія" и честности въ средѣ магистратскихъ чиновъ—возстановить мѣру Петра Великаго возводить честно служившаго въ судьяхъ магистрата въ въ шляхетство, т. е. въ дворянство. *Полѣновъ*, Ист. Св. о Екатер. Ком. Сб. Р. Ист. Общ. VIII. 171.

[2]) П. С. З. № 13119.

[3]) *Ibid.* № 13600.

[4]) П. С. З. № 13661. Очень вѣроятно, что указъ этотъ состоялся подъ вліяніемъ просьбы, вошедшей въ нѣкоторые наказы городскихъ депутатовъ Коммиссіи 1767 года „о выборѣ членовъ на всегдашнее время всѣми гражданами вообще". *Соловьевъ:* Разс. изъ Рус. Ист. XVIII в. Рус. Вѣстн. 1861 г. № 10 стр. 333—335 и. 1—2.

депутаты для образованія знаменитой коммиссіи. Депутаты созывались отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, кромѣ воеводскихъ и губернскихъ канцелярій, изъ всѣхъ уѣздовъ и городовъ: къ манифесту приложены «обряды» выборовъ этихъ депутатовъ, между прочимъ, и «обрядъ выбора жителямъ городскимъ». Изданіе этого обряда составляетъ въ законодательствѣ XVIII ст., касающемся городовъ, такъ сказать, поворотный пунктъ. До сихъ поръ, всѣ такъ называемыя городскія учрежденія—Земскія Избы, Ратуши, Городовые Магистраты—были, по своей сущности, какъ мы видѣли, учрежденіями сословными. Это были учрежденія, которыя вѣдали торгово-промышленное населеніе, живущее въ городахъ; они вѣдали лишь регулярныхъ гражданъ, извѣстные слои городскаго населенія, а никакъ не все городское населеніе; ни одна изъ выборныхъ городскихъ должностей не представляла собою города, какъ совокупности всего городскаго населенія, какъ одного цѣлаго; городской обыватель и гражданинъ до сихъ поръ были совершенно различными понятіями. Въ «обрядѣ о выборахъ городскихъ» эти понятія сливаются: всякій гражданинъ есть городской обыватель и наоборотъ, всякій городской обыватель есть гражданинъ. Законодательница вводитъ въ составъ коммиссіи не депутата отъ торгово промышленнаго сословія, а отъ города, отъ жителей его [1]); причемъ подъ жителями разумѣется вся совокупность городскаго населенія, независимо отъ принадлежности къ тому или иному сословію. По отношенію къ праву представительства эти жители дѣлятся на двѣ категоріи: на полноправныхъ и неполноправныхъ, выражаясь нынѣшнимъ юридическимъ языкомъ; первая категорія пользуется какъ активнымъ, такъ и пассивнымъ правомъ избранія; вторая не пользуется ни тѣмъ ни другимъ. Основаніемъ принадлежности къ категоріи полноправныхъ гражданъ служитъ, по опредѣленію обряда, опредѣленный цензъ и именно владѣніе недвижимой собственностью, домомъ; причемъ занятіе торговлей или вообще какимъ либо промысломъ не составляетъ необходимаго условія; полноправнымъ гражданиномъ

---

[1]) „Положеніе откуда депутатовъ прислать“: „отъ жителей каждаго города по одному депутату“ п. 3. „Обрядъ выбора жителямъ городскимъ“, п. 2: „жители въ каждомъ городѣ выбираютъ по одному депутату“.

являлся всякій домовладѣлецъ: «выбираетъ городскаго депутата всякій хозяинъ, дѣйствительно домъ, или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промыселъ въ томъ городѣ имѣющій» [1]); тѣмъ же самымъ условіямъ долженъ былъ удовлетворять и депутатъ [2]). Законодательница хотѣла предоставить выборы депутата въ коммиссію самому городскому населенію, устранивъ отъ нихъ губернаторовъ, воеводъ и полицейскія власти; устраняются отъ нихъ и городскія Магистраты и Ратуши, которымъ вмѣстѣ съ полиціей предоставлено лишь составить списки всѣхъ избирателей, т. е. всѣхъ живущихъ въ городѣ и удовлетворяющихъ условіямъ, требуемымъ «обрядомъ» для избирателей и депутатовъ [3]). Для того, чтобы руководить избраніемъ депутата избиратели должны были сначала выбрать изъ своей среды особое лицо, предсѣдателя, такъ сказать, избирательныхъ собраній. Лицо это получило спеціальное названіе городскаго головы [4]). Чтобы быть избраннымъ въ званіе городскаго головы, нужно было удовлетворять тѣмъ же самымъ условіямъ, которыя требовались отъ избирателей и депутатовъ [5]) и кромѣ того быть не моложе тридцати лѣтъ [6]). Самая причина избранія городскаго головы указываетъ на назначеніе этого должностнаго лица. Семнадцатый пунктъ «обряда» говоритъ, что на другой день «послѣ подписанія полномочія» избраннаго головы, онъ представляется начальнику (города), который съ этого времени «уже болѣе въ депутатскій выборъ не мѣшается, а остается все производить городскому головѣ» [7]). Судя по этому, можно думать, что самая должность упраздняется, лишь только миновала въ ней надобность—выборы депутата кончены; въ дѣйствительности, однако, должность городскаго головы не была такъ кратковременна: онъ

---

[1]) „Обрядъ“, п. 5.

[2]) *Ibid.* п. 4.

[3]) *Ibid.* п. 10 „Начальникъ отъ магистрата и ратуши или полиціи требуетъ списки всѣмъ наличнымъ, въ томъ городѣ имѣющимъ домы“.

[4]) *Ibid.* п. 11.

[5]) *Ibid.* п. 4.

[6]) *Ibid.* п. 11. Депутатъ долженъ быть не моложе двадцати пяти лѣтъ. *Ibid.* 21.

[7]) Голова назначаетъ мѣсто и время собранія избирателей; ведетъ ихъ въ церковь для приведенія къ присягѣ; и наконецъ, распоряжается самыми выборами. *Ibid.* пп. 18, 19 и 21, 22, 23, 24.

избирался на два года [1]. Что же дѣлалъ городской голова въ остальное время своей службы, послѣ того какъ не только окончились выборы въ депутаты коммиссіи, но и сама коммиссія кончила навсегда свое недолгое существованіе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти въ «образцѣ полномочія», которое голова долженъ былъ получить отъ своихъ избирателей. Въ концѣ полномочія избиратели говорятъ: «мы выбрали головою такого-то, дая оному, выбранному нашимъ головою, полную довѣренность на два года, не только при нынѣшнемъ выборѣ депутата, но и при случаяхъ, если даны будутъ отъ верховныя власти какія особыя повелѣнія, принадлежащія до нашего общаго разсужденія и положенія всѣхъ живущихъ въ нашемъ городѣ» [2]. Этими словами охарактеризовано все значеніе должности городскаго головы; будучи должностью постоянною относительно времени, она является совершенно случайною по своей сущности: никакихъ постоянныхъ обязанностей городской голова не имѣетъ до самаго 1775 года; онъ существуетъ только на тотъ случай, еслибы верховная власть вздумала дать «какія особыя повелѣнія»; голова не имѣетъ никакого отношенія къ городской администраціи,—не имѣетъ ничего общаго съ Городовыми Магистратами; до самаго 1785 года, когда учреждены были городскія Думы, мы, помимо названныхъ указовъ 1768, 1770 и 1771 года самое имя головы встрѣчаемъ лишь въ Учрежденіи о губерніяхъ, по которому онъ является предсѣдателемъ сиротскаго суда [3]) а эти три указа только обращаютъ должность городскаго головы изъ временной въ постоянную, ничего не говоря объ ихъ правахъ и обязанностяхъ, предполагая ихъ уже извѣстными, т. е. опредѣленными «обрядомъ». Такимъ образомъ, должность городскаго головы не вноситъ рѣшительно ничего новаго въ городское устройство и управленіе, но она играетъ огромную роль въ исторіи развитія понятія о городѣ. Въ лицѣ городскаго головы, какъ и депу-

---

[1]) *Ibid.* п. 14 и П. С. З. №№ 13119, 13600, 13661. По „Учрежд. о Губ.“ онъ избирается уже на три года. П. С. З. № 14392, ст. 295.

[2]) „Обрядъ“, п. 16.

[3]) П. С. З. № 14392 ст. 294. Въ 1778 году нѣсколько измѣняется обрядъ избранія городскаго головы и по этому поводу издается спеціальный указъ П. С. З. № 14816.

тата отъ города, законодатель признаетъ представителя города, какъ всей совокупности населенія опредѣленнаго пункта; въ немъ городъ олицетворяется какъ юридическое лицо; онъ «выбранъ былъ головою отъ своего города» [1]), а не отъ одной какой либо части его населенія, какъ избирался бурмистръ, напр., или президентъ Магистрата отъ торгово-промышленнаго населенія. Въ немъ высказывается, какъ я же не разъ замѣтилъ, новое понятіе города, которое, какъ справедливо говорилъ еще Неволинъ, служитъ основной точкой зрѣнія на города Екатерининскаго положенія о городахъ [2]). Указъ 1771 года установилъ, какъ мы видѣли, должность городскаго головы въ качествѣ постоянной, безсословной, чисто земской должности по характеру избранія, но должности, не имѣющей никакого внутренняго содержанія, которое она получила лишь почти двадцать лѣтъ спустя послѣ ея введенія. Въ теченіи всего этого времени ея существованія, эта земская должность не произвела никакого вліянія на современную ей административную организацію города. Въ полномъ собраніи законовъ мнѣ встрѣтился лишь одинъ указъ, въ которомъ рекомендуется производить выборы магистратскихъ судей, баллотируя ихъ согласно «обряду выбора жителямъ городскимъ» [3]), т. е. согласно обряду избранія депутата и городскаго головы; подъ приведеннымъ выраженіемъ не слѣдуетъ, однако, разумѣть ничего кромѣ исключительно внѣшнихъ формъ, внѣшней обрядности избранія, сущность, основаніе котораго относительно магистратскихъ судей остается прежнимъ, исключительно сословнымъ, какъ на это прямо указываютъ слова того же самаго указа, который говоритъ: выбираются эти судьи всѣми, «дѣйствительно отправляющими промыслы, купцами и фабрикантами» [4]).

Губернаторская инструкція 1764 года значительно уже нарушала стройность магистратскаго механизма, разбивая его весь на совер-

---

[1]) *Ibid.* 14.

[2]) Пол. собр. соч. т. VI—29. Нашъ извѣстный юристъ далеко не юридически опредѣляетъ это новое понятіе города: „въ городахъ, по новому объ нихъ понятію, сосредоточивалось все, что въ нихъ есть лучшаго въ народонаселеніи государства“.

[3]) П. С. З. № 14079.

[4]) *Ibid:*

шенно отдѣльныя части, подчиненныя, каждая отдѣльному «опекуну»; и de jure совершенно уничтожая Главный Магистратъ, который de facto существуетъ, вѣроятно до самаго 1775 года, изданія учрежденія о губерніяхъ [1]). Почти наканунѣ изданія этого учрежденія при петербургской конторѣ Главнаго Магистрата, въ виду накопленія огромнаго количества нерѣшенныхъ дѣлъ, учрежденъ былъ особый временной департаментъ, которому вмѣнялось въ обязанность рѣшить всѣ эти старыя дѣла въ теченіи двухъ лѣтъ [2]). Этимъ же указомъ учреждается въ Петербургѣ и городовой Магистратъ [3]), роль котораго до настоящаго времени, т. е. до половины 1774 года [4]), игралъ Главный Магистратъ, который, благодаря этому теряетъ еще очень значительную долю дѣлъ, и, вѣроятно, занимается съ этого времени, подобно вновь учрежденному департаменту, только рѣшеніемъ старыхъ дѣлъ въ виду его скораго уничтоженія.

ГЛАВА III.

Устройство городовъ по Учрежденію о губерніяхъ.

Изданіе въ концѣ 1775 года Учрежденія о губерніяхъ въ корнѣ измѣняетъ значеніе Городовыхъ Магистратовъ. Внося новыя начала въ администрацію вообще, этотъ органическій законъ вноситъ ихъ и въ городскую магистратскую организацію. Всѣ измѣненія этой организаціи обусловливаются главнымъ образомъ мыслью законодательницы объ административной децентрализаціи и раздѣленіи административныхъ властей. Начало осуществленію первой половины этой мысли положено было, какъ я уже говорилъ, еще въ 1764 году по отношенію къ городамъ — изданіемъ въ этомъ году губер-

---

[1]) Спеціальнаго указа, уничтожающаго Главный Магистратъ, я не нашелъ въ полномъ собраніи законовъ.

[2]) Контора Главнаго Магистрата, разумѣется и съ этимъ Департаментомъ упразднена была въ 1785 г. (9 іюля), въ силу того, что „болѣе ни какихъ къ рѣшенію ея дѣлъ нѣтъ". П. С. З. № 16222.

[3]) П. С. З. № 14161.

[4]) Указъ изданъ 27 іюня 1774 года. Этотъ магистратъ уничтоженъ 31 марта 1786 г. П. С. З. № 16367.

наторской инструкціи; уже въ этомъ актѣ высказывается мысль законодательницы нѣсколько децентрализировать государственную администрацію, снабдивъ большимъ объемомъ власти хозяина, «опекуна» губерніи. Эта мысль прямо и ясно высказывается во введеніи «Учрежденія о губерніяхъ», цѣль изданія котораго—даровать губерніи достаточное число правительствъ: «по великой обширности нѣкоторыхъ губерній, онѣ недостаточно снабжены, какъ правительствами, такъ и надобными для управленія людьми» [1]); издавая «Учрежденіе», Екатерина снабжаетъ ихъ тѣмъ и другимъ, слегка окрашивая, при этомъ, всѣ эти правительства земскимъ колоритомъ [2]). При этомъ нѣкоторыя «правительства» губерніи являются ничѣмъ инымъ, какъ правительствами высшими, доселѣ сосредоточенными исключительно въ столицѣ, а теперь перенесенными въ губернію, которая съ этого времени получаетъ опредѣленный циклъ административно-судебныхъ органовъ, «вышнее начальство» которыхъ тутъ же на мѣстѣ и подчиняется лишь верховной власти и Сенату; «опекунъ» губерніи получаетъ такой самостоятельный характеръ гораздо раньше, будучи освобожденъ отъ полной зависимости отъ Коллегій, которыя теряютъ право самостоятельнаго преслѣдованія губернаторовъ за какія либо упущенія и злоупотребленія, будучи обязаны доносить о томъ и другомъ Сенату [3]). По учрежденію о губерніяхъ власть опекуна или хозяина губерніи выясняется окончательно: ему подчинены всѣ губернскія учрежденія, какъ судебныя, такъ и административныя, но самъ онъ лично ни судья, ни администраторъ въ строгомъ смыслѣ этого слова: его обязанность — «строгое и точное наблюденіе за исполненіемъ законовъ со стороны подчиненныхъ ему мѣстъ и лицъ; онъ оберегатель императорскимъ величествомъ изданнаго узаконенія, ходатай на пользу общую и государеву, заступникъ утѣсненныхъ и

---

[1]) П. С. З. № 14392.

[2]) Нельзя въ этомъ отношеніи не согласиться съ высшей степени справедливою мыслью профессора Градовскаго, что „практическая мысль Екатерины слѣдила за направленіемъ служилаго сословія, удалявшагося въ свои деревни, наполнявшаго области подъ вліяніемъ благопріятной политики Сената въ предшествовавшее царствованіе“. „Высшая Адм. Россіи XVIII ст. и ген. прок“.—202, 205.

[3]) *Ibid.* 214 и 215.

побудитель безгласныхъ дѣлъ» [1]), словомъ—представитель высшаго надзора, мѣстный представитель центральнаго надзора. При такомъ характерѣ власти намѣстника было бы противорѣчіемъ допустить въ губерніи существованіе такихъ учрежденій, которыя стояли бы совершенно внѣ надзора, внѣ компетенціи этой власти; вотъ почему существованіе Главнаго Магистрата съ момента изданія учрежденія о губерніяхъ стало излишнимъ; существованіе его совмѣстно съ властью намѣстника относительно всѣхъ «земскихъ» начальствъ, въ томъ числѣ и Магистратовъ стало невозможнымъ, и онъ исчезъ. Онъ, если можно такъ выразиться, разбитъ на нѣсколько отдѣльныхъ учрежденій—губернскихъ Магистратовъ—перенесенныхъ въ область и подчиненныхъ ея «вышнему правительству». Теперь магистратская организація каждой отдѣльной губерніи слагается въ такую форму: въ городахъ-посадахъ остаются Ратуши, составъ которыхъ обусловливается количествомъ населенія ихъ [2]). Въ городахъ же Магистраты городовые [3]), въ отличіе отъ губернскихъ Магистратовъ, которыхъ въ губерніи полагается собственно по одному и лишь въ томъ случаѣ, если «обширность губерніи» того требуетъ—больше одного» [4]). Губернскій Магистратъ для всѣхъ городовыхъ Магистратовъ и Ратушъ данной губерніи играетъ ту же роль, какую до этого времени игралъ Главный Магистратъ по отношенію къ Магистратамъ и Ратушамъ цѣлой Россіи [5]). На него можно жаловаться въ Палату, эту, если можно такъ выразиться, мѣстную Юстицъ-Коллегію [6]). На Палату можно было просить уже въ Сенатъ; такимъ образомъ, въ Главномъ Магистратѣ нѣтъ болѣе нужды, и это центральное учрежденіе исчезаетъ.

Вторая половина мысли законодательницы — мысль о необходимости раздѣленія административныхъ властей—еще больше повліяла

---

[1]) *Ibid.* 227.

[2]) П. С. З. № 14392; ст. 27 и 278: число членовъ Ратуши въ большихъ посадахъ одинаково съ числомъ ихъ въ Магистратахъ, а въ малыхъ — 1 бургомистръ и два ратмана, которые избираются на 3 года.

[3]) *Ibid.* ст. 28 и 279: они состоятъ изъ двухъ бургомистровъ и четырехъ ратмановъ, которые избираются на три года; ст. 280.

[4]) *Ibid.* См. 32 и 306. Въ нихъ два предсѣдателя и шесть засѣдателей, избираемыхъ тоже на три года: ст. 307 и 308.

[5]) Ему подчиняются Ратуши и Магистраты городовые. *Ibid.* 315.

[6]) *Градовскій. Ibid.* 231.

на магистратскую организацію, измѣнивъ самый характеръ, сущность ея. Преобразовательница находитъ, что «распространеніе предѣловъ государства, умноженіе въ ономъ народа, его обогащеніе и просвѣщеніе» дѣлаются несовмѣстными съ современнымъ управленіемъ, гдѣ царятъ «медленность и упущенія и волокита, а отсюда своевольство и ябеда обще со многими пороками», что все это вмѣстѣ «возбуждаетъ собою» со стороны правительства «умноженіе попеченій и всякаго въ землѣ порядка», который по мнѣнію императрицы, не мыслимъ до тѣхъ поръ, пока «въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо управленіе губерній, казенные доходы и счеты, обще съ благочиніемъ и полиціею, сверхъ того еще уголовныя дѣла и гражданскіе суды отправляются; что таковымъ же неудобствамъ тѣхъ же губерній въ провинціяхъ и уѣздахъ правленія не меньше подвержены, ибо въ одной воеводской канцеляріи совокуплены находятся дѣла всякаго рода и званія» [1]. Понятно отсюда, что главною цѣлью «Учрежденія о губерніяхъ» будетъ устранить это неудобство, раздѣлить «власти», разбить «казенные доходы и счеты, благочиніе и полицію, уголовныя дѣла и гражданскіе суды» сосредоточенные «въ одномъ мѣстѣ,» въ одной канцеляріи—по разнымъ мѣстамъ, разнымъ канцеляріямъ. Магистраты въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличались «отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ вѣдомо управленіе губерній» и воеводскихъ канцелярій: въ нихъ точно также, какъ мы видѣли, сосредоточивались и судъ «и казенные доходы и полиція»; понятно, что преобразованіе не могло не коснуться ихъ. И дѣйствительно, «Учрежденіе о губерніяхъ» трактуетъ о Ратушахъ, городовыхъ и губернскихъ Магистратахъ исключительно какъ объ учрежденіяхъ судебныхъ; административная же дѣятельность ихъ, если и не отмѣняется «Учрежденіемъ» спеціально, то вовсе игнорируется имъ [2]. Читая двадцатую главу «Учрежденія», нѣтъ никакой возможности заключить, что Ратуши и Магистраты еще играютъ какую-либо роль, кромѣ судебной; и если они de facto имѣютъ еще какое-либо

---

[1]) П. С. З. № 14392 введеніе.

[2]) Только въ XIX гл., въ ст. 259, Магистратамъ поручается наблюдать „за мѣрой и вѣсами“ вмѣстѣ съ городничимъ. Статьи же 283—292 и 315—333, т. е. большая часть XX главы, опредѣляютъ подсудность Магистратамъ и самый порядокъ судопроизводства.

административное значеніе, то развѣ только потому, что преобразовательница еще не успѣла, на смѣну имъ, создать новыя учрежденія [1]); потому что Сенатъ все еще составлялъ «единственное положеніе», о которомъ императрица говорила еще въ 1764 году, какъ я упоминалъ уже объ этомъ, и о которомъ еще разъ напомнила за четыре года до изданія Городоваго Положенія Петербургскому городовому Магистрату, запрещая ему принуждать иностранцевъ записываться въ вѣчные цехи [2]). Наконецъ, мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что многіе изъ обязанностей Магистрата перешли къ городской полиціи, которая организовалась тѣмъ же Учрежденіемъ о губерніяхъ.

Отдѣльные указы, издававшіеся послѣ учрежденія о губерніяхъ, нарушаютъ тотъ исключительно судебный характеръ Магистратовъ, который придается имъ этимъ законодательнымъ актомъ: мы снова встрѣчаемся съ постановленіями, которыми на магистраты налагаются обязанности нѣсколько болѣе широкія, чѣмъ только судебныя [3]): на нихъ возлагаются еще нѣкоторыя обязанности по сборамъ и касающіяся торговой полиціи; «записыванье» въ купечество и цехи, т. е. пріемъ новыхъ членовъ къ торгово-промышленное сословіе точно также сборъ процентныхъ денегъ съ купеческихъ капиталовъ возлагается еще на городовые Магистраты [4]). Несмотря, однако,

---

[1]) Эту же самую мысль высказываетъ и г. Мулловъ въ своемъ „Историч. обозрѣніи правител. мѣръ по устройству гор. общ. управленія“ стр. 87. Нельзя не принять во вниманіе также и мысль почтеннаго автора, высказанную имъ на предъидущей страницѣ, о томъ, что новому устройству городовъ должны были предшествовать нѣкоторыя предварительныя мѣры, что и задерживало изданіе Городоваго Положенія.

[2]) П. С. З. № 15331: запретить дѣлать это, говоритъ императрица губернатору Потапову „до изданія отъ насъ учрежденій или положеній городовъ“. Въ 1783 г. законодательница опять оговаривается, что указъ издается лишь „до воспослѣдованія постановленія о городахъ вообще“. П. С. З. № 15650.

[3]) Въ 1776 году отъ нихъ требуютъ ежегодной присылки вѣдомостей о числѣ торгово-промышленнаго населенія городовъ и доходовъ, съ него получаемыхъ. П. С. З. № 14516. Въ слѣдующемъ году отъ имени петербургскаго городоваго Магистрата издается инструкція, изъ которой видно, что на Магистратахъ лежитъ еще обязанность наблюденія за розничной торговлей. П. С. З. № 14595.

[4]) П. С. З. № 14824 и 15277; также 14549, 15331 и 15746. Изъ указа

на это, преобладающею стороною нѣкоторыхъ послѣдующихъ мѣръ, предпринятыхъ относительно магистратовъ въ періодъ времени между изданіемъ учрежденія о губерніяхъ и Городоваго Положенія, является все-таки сторона судебная; такъ, напр., въ 1783 году Городовой Петербургскій Магистратъ раздѣляется на два департамента: на уголовный и гражданскій для поспѣшнаго теченія дѣлъ и скораго правосудія [1]); въ слѣдующемъ году тотъ же Магистратъ вмѣстѣ съ Московскимъ раздѣляется уже на четыре департамента «въ уваженіе на ихъ обширность, многолюдство, торговлю и разныя городскія заведенія, паче же въ поспѣшество правосудію» [2]). Эти указы лучше всего указываютъ на то, что административная сторона дѣятельности Магистратовъ если еще и не отпала отъ нихъ, то во всякомъ случаѣ была близка къ этому и такъ сказать, отживая свои послѣдніе дни, почти не обращала на себя вниманіе законодательницы, такъ заботливо, напротивъ, организовавшей ихъ какъ учрежденія судебныя.

Ратуши и городовыя съ губернскими Магистраты по Учрежденію о губерніяхъ являются установленіями исключительно сословными какъ по своему составу, такъ и по компетенціи. Члены ихъ бургомистры и ратманы избираются исключительно только изъ мѣстнаго купечества и мѣщанства, а никакъ не изъ всего городскаго населенія, какъ выбирались депутаты въ коммиссію 1767 года и городскіе головы [3]). Ихъ компетенція простиралась только

1778 года (П. С. З. № 14824) видно, что Главный Магистратъ еще существуетъ, но очевидно, лишь какъ временное учрежденіе, существующее для рѣшенія „старыхъ дѣлъ". Его споръ съ городовымъ Магистратомъ о „записываніи" въ купечество, рѣшаютъ въ пользу городоваго Магистрата Петербурга, а не его.

[1]) П. С. З. № 15650.

[2]) П. С. З. № 15917.

[3]) П. С. З. № 14392, ст. 280, 307 и 308. Члены сиротскихъ судовъ также избираются изъ среды исключительно торгово-промышленнаго класса, исключая предсѣдателя, которымъ является городской голова; ст. 294. Компетенція его также распространяется лишь на купеческихъ и мѣщанскихъ вдовъ и сиротъ. Ст. 293. Въ 1776 году во вновь построенныхъ городахъ смоленской губерніи Сычевкѣ и Рупосовѣ, за неимѣніемъ мѣщанства и купечества, въ члены Магистратовъ позволяется избирать дворянъ и ученыхъ (?!). П. С. З. № 14490.

исключительно на сословія купцовъ и мѣщанъ; они вѣдали уголовныя проступки и гражданскіе споры тѣхъ и другихъ только между собою; если дѣло возникало между купцомъ и мѣщаниномъ и членомъ какого либо другого сословія, то оно рѣшалось уже совмѣстнымъ судомъ [1]). Въ нихъ не дѣлается никакихъ измѣненій въ этихъ отношеніяхъ не только до изданія Городоваго Положенія, но какъ увидимъ, и послѣ него. Подъ городскимъ обществомъ разумѣется исключительно общество торгово-промышленнаго городскаго сословія [2]); это сословно-городское общество все еще продолжаетъ носить тягло-государственный характеръ, хотя этотъ характеръ и ослабляется нѣсколько. Самая служба въ бургомистрахъ, ратманахъ, городскихъ старостахъ являлась тягломъ и притомъ, очень тяжелымъ тягломъ для купцовъ, отнимавшимъ у нихъ въ теченіи трехъ лѣтъ все время и притомъ не вознаграждавшимся никакимъ жалованьемъ [3]). Правительство смотритъ на Магистратскихъ и Ратушскихъ членовъ и теперь такъ же, какъ смотрѣлъ на нихъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, Петръ Великій: это были не выборные представители сословно городскаго общества, а только выборные отъ этого общества правительственные чиновники: правительство, вслѣдъ за избраніемъ возводитъ ихъ въ тотъ или другой чинъ по табели о рангахъ, вводя ихъ такимъ образомъ въ іерархическую цѣпь чиновничьяго міра [4]). Кромѣ службъ въ Магистратахъ Ратушахъ и Судахъ, торгово-промышленное сословіе, вѣроятно, несетъ еще и другія казенныя службы «у сборовъ», которыя, не смотря на всеобщія жалобы на нихъ городскихъ депутатовъ коммиссіи 1767 года, лежатъ еще на торгово-промышленномъ населеніи, какъ на это ясно указываютъ нѣсколько указовъ, помѣщенныхъ

---

[1]) *Ibid.* 284. Магистратъ или Ратуша тогда рѣшали дѣло совмѣстно съ уѣзднымъ судомъ или Нижней расправой, смотря по подсудности стороны, не принадлежащей къ мѣщанству или купечеству.

[2]) См. П. С. З. № 14694, 14226 и др. Здѣсь подъ „обществомъ городскимъ“ прямо разумѣются только купцы и мѣщане.

[3]) П. С. З. № 15727.

[4]) Ст. 50—56. Учр. о губ. опредѣляютъ чины бургомистровъ, ратмановъ и др. выборныхъ. При этомъ, чинъ бургомистра и ратмана зависитъ отъ положенія города: члены губернскаго Магистрата—въ высшемъ чинѣ, чѣмъ городоваго и Ратуши.

въ полномъ собраніи законовъ до 1775 года [1]); при учрежденіи въ городѣ Епифани Ратуши мотивомъ этого учрежденія прямо выставляется то обстоятельство, что въ такомъ случаѣ «къ сборамъ могутъ быть приставлены выборные отъ купечества» [2]). Здѣсь уже не говорится о какомъ либо отдѣльномъ сборѣ, а о сборахъ вообще [3]), которыхъ по прежнему не мало; мы имѣемъ точныя свѣдѣнія, что торгово-промышленное населеніе городовъ отправляло казенныя службы при соляныхъ сборахъ [4]), кабацкихъ [5]) и при продажѣ пороха [6]). Всѣ эти сборы существуютъ въ годъ собранія знаменитой коммиссіи въ Москвѣ; мы знаемъ, что жалобы депутатовъ на этого рода службы не привели ни къ чему: мы не встрѣчаемъ по распущеніи коммиссіи 1767 года ни одного указа, которымъ слагалась бы съ городскаго торгово-промышленнаго населенія служба у тѣхъ или иныхъ казенныхъ сборовъ. Не измѣняя этого государственно-тяглаго характера торгово-промышленнаго населенія, немыслимо было измѣнить и самую организацію городскаго населенія вообще; какъ можно было составить одно цѣлое изъ такого населенія, отдѣльныя части котораго не представляли ничего общаго между собою; какъ можно было слить въ такое цѣлое тѣ слои этого населенія, которые платили подушное, съ тѣми, которые его не платили? Для этого необходимо было внести какую либо новое податное основаніе, общее всѣмъ этимъ частямъ населенія; такое основаніе Екатерина вводитъ въ 1766 году при избраніи депутатовъ и городскихъ головъ, но какъ мы видѣли это основаніе имѣло примѣненіе лишь въ только что названныхъ, спеціальныхъ случаяхъ; въ общемъ же организація городскаго населенія остается прежняя, съ нѣкоторыми второстепенными измѣненіями.

---

[1]) П. С. З. № 13872: на Ратушахъ и Магистратахъ—соляные сборы, къ которымъ людей поставляетъ купечество.

[2]) П. С. З. № 11762.

[3]) Депутатъ коммиссіи 1767 года отъ города Ряжска, точно также жалуется на службы при казенныхъ сборахъ вообще. *Полѣновъ*, Ч. II. 145.

[4]) На нихъ жалуется депутатъ отъ города Воронежа. *Ibid.* 164, и П. С. З. № 13872 и № 14327.

[5]) О сложеніи ихъ проситъ депутатъ г. Бѣльска. *Полѣновъ*, Ч. II 168 и П. С. З. № 14327.

[6]) Жалоба депутата отъ города Козлова. *Ibid.* 316.

Живущіе въ городѣ дворяне, духовенство и разночинцы, какъ и при Петрѣ Великомъ, не считаются еще гражданами; это просто обыватели городскіе, не составляющіе городскаго общества, къ которому относятся лишь торговцы и промышленники; они составляютъ то, что Петръ называлъ не регулярными гражданами. «Городское общество» составляютъ лишь мѣщане и купцы; къ первымъ, по указу отъ 17 марта 1775 года [1]), «велѣно было относить всѣхъ тѣхъ изъ торгово-промышленнаго населенія, которые обладаютъ капиталомъ не свыше пятисотъ рублей, а также и тѣхъ изъ обладающихъ капиталомъ больше этой суммы, которые объявлены были банкротами [2]), всѣ же остальные, обладающіе капиталомъ свыше пятисотъ рублей составляютъ купечество, которое освобождается при этомъ отъ подушнаго оклада [3]), который замѣняется однопроцентнымъ сборомъ съ объявленнаго купцомъ капитала.—Такимъ образомъ, въ средѣ городскаго торгово-промышленнаго населенія законъ начинаетъ различать два класса, полагая въ основаніе различія не состояніе только и занятіе тѣмъ или другомъ промысломъ, какъ это было до сихъ поръ, а различіе податнаго сбора: по отношенію къ мѣщанству податной единицей остается «душа», относительно же купечества установляется новая податная единица — опредѣленный процентъ въ оборотнаго капитала. Переходъ изъ мѣщанъ въ купцы и наоборотъ не затруднялся никакими, однако, особыми условіями: достаточно было мѣщанину объявить капиталъ свыше пятисотъ рублей, и онъ дѣлался

---

[1]) Изданъ по случаю заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира съ Турціей.

[2]) П. С. З. № 14275, п. 47.

[3]) *Ibid.* п. 47 и 5, 11. Купечество раздѣляется на три гильдіи (это дѣленіе введено Елисаветой Петровной въ 1742 году, изданіемъ инструкціи старшинамъ московскаго купечества, въ которомъ императрица почему-то увѣряетъ что такъ купечество дѣлится по силѣ первой главы регламента Главному Магистрату). Къ первой гильдіи принадлежатъ, объявившіе капиталы не менѣе 10,000 р., ко второй—тѣ, капиталы которыхъ простираются отъ 1000 р. до 10000; и наконецъ къ третьей—обладающія капиталомъ отъ 500 р. до 1000. П. С. З. № 14327. Съ 1783 года купечество освобождено отъ натуральной рекрутской повинности: по указу отъ 3 мая съ него взималось по пятисотъ рублей за каждаго рекрута. П. С. З. № 15721. См. также №№ 15832, 15847 и 16064.

купцомъ, платилъ вмѣсто подушнаго сбора процентный съ капитала; наоборотъ—переставалъ купецъ платить этотъ сборъ или дѣлался банкротомъ — онъ переставалъ считаться купцомъ и входилъ въ ряды мѣщанства [1]). При этомъ нужно замѣтить, что была возможность, обладая капиталомъ гораздо большимъ, чѣмъ требовалось для принадлежности къ первой гильдіи, не платить, однако, процентнаго сбора съ этого капитала, и такимъ образомъ выдѣлиться изъ рядовъ купечества въ особый классъ, который законодательница не назвала никакимъ особымъ именемъ и который можно, пожалуй, назвать классомъ фабрикантовъ и заводчиковъ; заботы правительства о развитіи мануфактурной и заводской промышленности, не прерывавшіяся со времени Петра Великаго были причиной выдѣленія заводчиковъ и фабрикантовъ въ особый, привилегированный классъ. Еще Петръ Великій освобождалъ ихъ отъ различныхъ государственыхъ службъ. Екатерина II освобождаетъ такихъ лицъ отъ платежа процентнаго сбора съ капитала, взимая съ нихъ лишь промысловой сборъ, положенный съ фабрикъ и заводовъ» [2]).

Всѣ городскіе жители, занимавшіеся даннымъ ремесломъ, должны были попрежнему непремѣнно принадлежать къ данному цеху; самая организація цеховъ все еще остается въ томъ же почти видѣ, въ какомъ она установлена Петромъ Великимъ, вносится только новое дѣленіе всѣхъ цеховъ, или по крайней мѣрѣ, кладется ему основаніе: цехи дѣлятся, кажется, уже и теперь на временные и вѣчные, судя потому, что въ 1782 году Екатерина запрещаетъ Петербургскому Магистрату записывать ремесленниковъ иностранцевъ въ цехи «вѣчно», т. е. на всегда [3]); стало быть ихъ можно было записывать лишь временно. Въ цехи могли вписываться всѣ ремесленники, не исключая иностранцевъ, которымъ, въ видахъ

---

[1]) П. С. З. № 14275. п. 47.

[2]) П. С. З. № 14275 и № 14516 впрочемъ, они избавлялись отъ этого сбора лишь въ томъ случаѣ если никакимъ другимъ промысломъ кромѣ фабричнаго и заводскаго, не занимались. Надо замѣтить при этомъ, что купцы и мѣщане независимо отъ процентнаго сбора и подушнаго платили еще различнаго рода промысловые сборы. П. С. З. №№ 13247, 13375, 14264.

[3]) П. С. З. № 15331. Въ 1796 году вѣчные цехи уничтожены. П. С. З. № 17439.

поощренія ремесленной промышленности, выдавалось, въ опредѣленномъ размѣрѣ денежное пособіе на первоначальное обзаведеніе [1]). Доступъ въ мѣщанство или купечество, къ занятію торговлей или ремесломъ и вообще какимъ либо промысломъ для лицъ другихъ сословій юридически былъ совершенно свободенъ: всякій крестьянинъ могъ заниматься въ городѣ какимъ угодно промысломъ, оставаясь крѣпостнымъ; для этого онъ долженъ былъ представить въ Городовой Магистратъ разрѣшеніе, такъ называемое увольнительное свидѣтельство, отъ помѣщика [2]) и записаться въ одну изъ гильдій, смотря по величинѣ капитала [3]); понятно, что крестьяне, отпущенные на волю, могли совершенно свободно вступать въ среду городскаго торгово-промышленнаго сословія, на условіи нести всѣ тѣ налоги и тягости, которые несло это сословіе [4]). Тоже самое имѣло мѣсто, вѣроятно и относительно дворянъ и разночинцевъ и если въ полномъ собраніи законовъ за время Екатерины мы не встрѣчаемъ указовъ по этому предмету, то только, быть можетъ, потому, что благодаря сословному предразсудку занятія торговлей или какимъ либо промысломъ вообще дворянъ были слишкомъ рѣдки и не требовали спеціальныхъ опредѣленій. — Но фактически вступленіе въ торгово-промышленное сословіе было далеко не такъ просто и легко. Часто государственно-финансовыя соображенія правительства полагали предѣлъ вступленію въ это сословіе. До насъ дошелъ въ высшей степени любопытный въ этомъ отношеніи указъ, выданный вологодскому намѣстническому правленію въ 1782 году. Правительство поражено было числомъ вновь записавшихся въ этомъ намѣстничествѣ въ мѣщанство и купечество и нашло нужнымъ сдѣлать намѣстническому направленію и Казенной Палатѣ слѣдующее предписаніе: «записка въ мѣщане толь множественнымъ числомъ, какъ въ вѣдомостяхъ показано, отнюдь не сходствуетъ съ казенною пользою, причиняя всегда пониженіе въ государственныхъ доходахъ, а

---

[1]) П. С. З. № 12290.

[2]) П. С. З. № 14632.

[3]) П. С. З. № 14516. До этого указа, изданнаго въ концѣ 1776 года, крестьяне, занимавшіеся торговлей или вообще какимъ либо промысломъ, платили душевой окладъ.

[4]) П. С. З. № 14275 п. 46.

притомъ и для городовъ никакой пользы не приноситъ въ разсужденіи видимой бѣдности новозаписанныхъ въ мѣщане» [1]). Государственно-финансовыя соображенія преобладаютъ, слѣдовательно, и до сихъ поръ въ законодательной регламентаціи торгово-промышленнаго населенія городовъ.

ГЛАВА IV.

Взглядъ Екатерины II и общества на городское устройство.

Такова была организація городскаго торгово-промышленнаго сословія наканунѣ изданія Городоваго Положенія. Организація эта была, какъ мы не разъ видѣли, по словамъ самой Екатерины, только временной, переходной, отживавшей свое время организаціей; готовилась къ изданію новое «единственное положеніе». Чего же можно было ждать отъ этого «положенія?» Опредѣлить характеръ его можно было заранѣе: отъ «единственнаго» положенія именно не приходилось ждать «единственности.» Въ немъ неизбѣжно должны были отразиться два направленія: новое понятіе города не могло вытѣснить стараго: понятіе города, какъ единой земской единицы, какъ юридическаго лица, образовавшагося, изъ совокупности всего городскаго населенія, не могло вытѣснить стараго понятія о немъ, какъ о совокупности тяглыхъ сословно-государственныхъ единицъ. Эти два понятія еще перепутывались въ головѣ самой законодательницы. Готовясь созвать свою знаменитую коммиссію, пиша для ней Наказъ, Императрица не забываетъ остановить нѣсколько времени свое вниманіе и на городахъ; здѣсь она высказываетъ свое мнѣніе о томъ въ какомъ, такъ сказать, духѣ, направленіи, должна будетъ заняться ими коммиссія; въ этой части Наказа, можно сказать, выражаются тѣ общія начала, тѣ основныя мысли, которыя, по мнѣнію автора его

---

[1]) П. С. З. № 15459. Тѣже, чуждые интересамъ самой торговли и промышленности, соображенія были причиной того, что судя по указу отъ тогоже 1782 года (П. С. З. № 15577) свобода перехода изъ одного города въ другой, по общему правилу, недопускалась; такую свободу для купцовъ устанавливаетъ названный указъ лишь какъ исключеніе только въ Бѣлоруссіи, особенно если изъ сего, говоритъ указъ, „можно ожидать приращенія казенныхъ интересовъ“ (?).

должны лечь въ основу будущаго «единственнаго» положенія о городахъ, для выработки котораго изъ общей коммиссіи для сочиненія проэкта новаго уложенія выдѣляется спеціальная «коммиссія о городахъ», которой, кромѣ матеріала представляемаго Наказами городскихъ депутатовъ, велѣно было руководствоваться именно тѣми главами Наказа, которыя трактуютъ о городскомъ населеніи и городахъ [1]).

Двойственность взгляда Екатерины II на городъ и городское общество выразилась уже и въ Наказѣ. Мы видѣли уже ея такъ сказать практическій взглядъ на дѣло, мы видѣли, что она понимала подъ городомъ и горожанами, опредѣляя выборы депутатовъ и городскаго головы. Въ этомъ случаѣ пробивается наружу новое понятіе о городѣ и горожанинѣ. Съ совершенно инымъ взглядомъ встрѣчаемся мы въ самомъ текстѣ Наказа, XVI и XVII главы котораго авторъ посвящаетъ спеціально городскому населенію и городамъ. Здѣсь, увлеченная желаніемъ создать въ Россіи не существующее среднее сословіе, «средній родъ,» какъ она его называетъ, Екатерина совершенно забываетъ то понятіе города, представителемъ котораго являются по ея же мысли депутатъ съ городскимъ головою. Задавъ себѣ вопросъ: «что есть городъ, кто въ ономъ почитается жителемъ, и кто составляетъ общество того города» [2]), авторъ Наказа спѣшитъ дать на него слѣдующій отвѣтъ, игнорирующій совершенно первую часть вопроса — что есть городъ и имѣющій въ виду лишь послѣднюю его часть: «въ городахъ, обитаютъ мѣщане, которые упражняются въ ремеслахъ, въ торговлѣ, въ художествахъ и наукахъ [3]) Сравнивая это опредѣленіе городскаго населенія съ петровскимъ опредѣленіемъ регулярныхъ гражданъ, нельзя не видѣть между ними полнаго тождества; вся разница этихъ опредѣленій — только во внѣшней формѣ ихъ: одно

---

[1]) „Начерт. о приведеніи къ окончанію Коммиссіи особтавлен. проэкта нов. Уложенія“. Изд. 1776 г. стр. 190.

[2]) Наказъ, гл. XVII ст. 393.

[3]) *Ibid.* гл. XV. 359. Тоже повторяется въ XVI гл. ст. 380... „кои упражняются въ художествахъ, въ наукахъ въ мореплаваніи въ торговлѣ и ремеслахъ“. Здѣсь понятію мѣщанинъ придается самый широкій смыслъ обитателя города вообще, а не тотъ который, какъ мы видѣли, имѣетъ слово мѣщанинъ въ Указѣ отъ 1775 года 17 марта и который имѣетъ это слово до сихъ поръ.

подробно перечисляетъ представителей различныхъ видовъ ремеслъ, торговли, искуствъ и науки: другое ограничивается лишь названіемъ родовъ, не пускаясь въ перечисленіе отдѣльныхъ видовъ. Понятно, что этого опредѣленія еще недостаточно: основаніемъ его служитъ исключительно занятіе какимъ либо промысломъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; но заниматься тѣмъ или инымъ промысломъ можетъ всякій, независимо отъ его сословнаго положенія; при такомъ понятіи о городскомъ населеніи, оно явилось бы совершенно безсословнымъ цѣлымъ; остановившись на немъ, автору Наказа пришлось бы попасть въ положеніе человѣка разрушающаго одной рукой то, что самъ же онъ создаетъ другой. Останавливаясь только на этомъ опредѣленіи, авторъ не установилъ бы третье сословіе, «средній родъ» между родомъ «хлѣбопашцевъ» и родомъ дворянъ, а создалъ бы что то совершенно новое, «родъ», который составлялся бы изъ членовъ двухъ уже существующихъ родовъ: всякій «хлѣбопашецъ» и дворянинъ, занимающійся ремесломъ, торговлей, художествомъ или наукой, тѣмъ самымъ входилъ бы въ составъ этого новаго рода, въ составъ мѣщанства, покидая то сословіе, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію. Таково было бы логическое послѣдствіе даннаго авторомъ Наказа опредѣленія городскаго населенія или «средняго рода» вообще. Но этотъ результатъ вовсе несогласовался съ общественно-политическими взглядами его. Всякое общество, по взгляду автора должно состоять непремѣнно изъ трехъ группъ: дворянства, средняго рода и хлѣбопашцевъ; къ первымъ «издревле» относятся, по мнѣнію автора добродѣтельнѣйшіе и болѣе другихъ служащіе люди [1]); служащіе какъ на военномъ, такъ и гражданскомъ поприщѣ, такъ какъ, хотя защита отечества «и есть первое право и упражненіе, приличествующее дворянамъ; однакожь и правосудіе неменьше надобно и государство разрушилось бы безъ онаго» [2]). Сообразно такой добродѣтели дворянства и его заслугамъ, оно должно пользоваться извѣстными преимуществами [3]), въ сравненіи съ другими классами населенія, однимъ словомъ, составлять особо организованное сословіе. Понятно само

---

[1]) *Ibid.* XV. 361

[2]) *Ibid.* 365 и 367.

[3]) *Ibid.* 375 и 361.

собою, что при такомъ взглядѣ на подкладку, основу дворянскаго достоинства занятіе дворянина тою или другою отраслью промышленности или торговли было бы несообразно съ этимъ его достоинствомъ. Эти значило бы унизить «добродѣтельнѣйшаго» человѣка до состоянія средняго рода, хотя и пользующагося «вольностію» и имѣющаго принести государству «много добра», но тѣмъ не менѣе, все таки необладающаго той степенью добродѣтели и заслугъ, которыя дѣлаютъ человѣка дворяниномъ. Императрица не останавливается лишь на этомъ общемъ опредѣленіи дворянства, неизбѣжно приводящемъ къ тому выводу, который только что сдѣланъ; въ XIII главѣ своего Наказа, говоря о рукодѣліи и торговѣ, она спеціально останавливается на вопросѣ о занятіи торговлею дворянами. Категорически она не рѣшаетъ этого вопроса, и приводитъ мнѣнія и за противъ, но приводитъ эти мнѣнія такъ, что трудно составить иное заключеніе кромѣ того, что авторъ—на сторонѣ нѣкотораго «лучшаго о законахъ писателя», который «законы нѣкоторыхъ государствъ, поощряющіе дворянство къ отправленію торговли» прямо называетъ «способомъ къ раззоренію безо всякой пользы для торговли»; который находитъ, что «противно существу торговли, чтобы дворянство оную въ самодержавномъ правленіи дѣлало; противно и существу самодержавнаго правленія, чтобы съономъ дворянство торговлю производило» [1]). Долго и подробно останавливаясь на мнѣніи этого лучшаго писателя о торговлѣ дворянъ, авторъ лишь въ нѣсколькихъ словахъ упоминаетъ о людяхъ сему противнаго мнѣнія [2]).

Если въ составъ средняго рода не могло входить дворянство, то, понятно, къ нему не могъ принадлежать и крестьянинъ по той простой причинѣ, что его «жребій есть» воздѣлывать землю, плодами которой питаются «всякаго состоянія люди». Понятно, что при такомъ взглядѣ на общественную организацію, авторъ Наказа не могъ остановиться только на томъ опредѣленіи «средняго рода», городскихъ жителей, которое я привелъ уже; онъ и не останавливается на немъ. Авторъ въ другомъ мѣстѣ своего Наказа это самое опредѣленіе распространяетъ уже такъ: «къ сему роду людей (средне-

¹) *Ibid. XIII.* 330.

²) *Ibid* 331.

му) причесть должно всѣхъ тѣхъ, кои не бывъ дворяниномъ, ни хлѣбопашцемъ упражняются въ художествахъ, въ наукахъ, въ торговлѣ, въ мореплаваніи и ремеслахъ» [1]). Теперь уже совершенно ясно, что разумѣетъ авторъ подъ среднимъ родомъ; это не просто живущіе только въ городахъ, не обыватели города вообще, а лишь та часть ихъ, которая занимается тѣмъ или инымъ промысломъ, это только представители торгово-промышленнаго сословія; этимъ опредѣленіемъ средняго рода въ одно и тоже время и какъ торгово-промышленнаго сословія и какъ обитателей города разрѣшается казалось бы и вопросъ о томъ, «кто составляетъ общество города»; но авторъ значительно запутываетъ дѣло самой постановкой вопроса: онъ предлагаетъ коммиссіи въ сущности два совершенно отдѣльныхъ вопроса: «кто въ городѣ почитался жителемъ, и кто составляетъ общество того города»; очевидно, что задавшій вопросъ отличаетъ жителя, обывателя города отъ члена городскаго общества, но здѣсь, въ Наказѣ, это различіе только и выражается въ одной постановкѣ вопроса. Прямаго отвѣта на вторую часть его, что такое общество городское, въ немъ нельзя найти; приходится дѣлать выводы и сопоставленія, но и этимъ путемъ едва ли можно дойти до чего либо положительнаго. Мы видѣли, что жителями городовъ Екатерина называетъ только упражняющихся въ ремеслахъ, торговлѣ, наукахъ, эти жители— мѣщане, которыми не могутъ быть ни дворяне, ни землепашцы; выводъ кажется понятенъ: одно изъ двухъ—или здѣсь подъ жителемъ разумѣется только членъ городскаго общества, или же обыватель города, т. е. всякій живущій въ городѣ и не пользующійся никакими выгодами, связанными съ принадлежностью къ городскому обществу; по грамматической структурѣ фразы — «въ городахъ обитаютъ мѣщане»—приходится придать слову житель послѣдній смыслъ; но въ такомъ случаѣ выходитъ, что эти жители, мѣщане, не составляютъ собственно городскаго общества, что невозможно, такъ какъ они-то именно и есть средній родъ; приходится, стало быть, наоборотъ принять, что они-то именно и составляютъ собственно городское общество. Въ такомъ случаѣ, кто же житель, обыватель, для чего вопросъ—кто почитается жите-

---

[1]) *Ibid.* XVI 380.

лемъ — если житель, мѣщанинъ и членъ общества — одно и тоже? Что авторъ Наказа дѣйствительно не устанавливаетъ прочнаго различія между жителемъ и мѣщаниномъ, указываетъ 394 статья этого Наказа, въ которой авторъ имя мѣщанъ даетъ уже всякому «обязанному принимать участіе въ добромъ состояніи города, имѣвъ въ немъ домъ и имѣнья»; здѣсь мѣщаниномъ не называется только торговецъ или промышленникъ, но всякій обыватель-собственникъ; но если на всякомъ обывателѣ-собственникѣ лежитъ обязанность «принимать участіе въ добромъ состояніи города», понятно, что этотъ обыватель — въ тоже время и членъ городскаго общества. Они, эти обыватели-собственники «обязаны, для собственнаго своего же благосостоянія и для гражданской ихъ безопасности въ жизни и здоровьи, платить разныя подати»; поэтому, только тѣ именно, которые платятъ эти подати, и могутъ пользоваться всѣми правами и преимуществами мѣщанъ; «коиже не даютъ сего общаго, такъ сказать, залога, тѣ и не пользуются правомъ имѣть мѣщанскія выгоды» [1]); здѣсь мы встрѣчаемся уже съ совершенно инымъ опредѣленіемъ члена городскаго общества: это уже не торговецъ или промышленникъ и ученый только, къ которымъ не можетъ принадлежать ни дворянинъ, ни землепашецъ, ни приказной [2]), а собственникъ и только собственникъ. Изъ этого опредѣленія городскаго общества непосредственнымъ результатомъ является положеніе, что торговецъ или промышленникъ, не имѣющій въ городѣ недвижимой собственности, не есть членъ городскаго общества, что въ явномъ, непримиримомъ противорѣчіи съ опредѣленіемъ средняго рода, городскаго населенія. Это противорѣчіе такъ и остается непримиреннымъ въ самомъ Наказѣ, мы такъ и не находимъ въ послѣднемъ яснаго отвѣта на вопросъ, что такое житель города и что такое членъ городскаго общества. Непримиренное въ самомъ Наказѣ, оно не примиряется и въ приложеніяхъ къ нему. Мы видѣли, что избирателемъ депутата въ комиссію и городскаго головы является всякій житель, обыватель города,

[1]) *Ibid.*, 395.

[2]) Къ „среднему роду“, однако кромѣ торговцевъ и промышленниковъ принадлежатъ по Наказу всѣ, „кои выходить будутъ, не бывъ дворянами“, изъ свѣтскихъ духовныхъ училищъ и воспитательныхъ домовъ (ст. 381), а также и дѣти приказныхъ—ст. 382.

имѣющій въ немъ домъ или и домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промыселъ, т. е. активнымъ правомъ гражданства пользуется лишь собственникъ-домовладѣлецъ, причемъ совершенно безразлично занимается онъ или нѣтъ торгомъ, ремесломъ или промысломъ. Нѣтъ, слѣдовательно, никакого сомнѣнія, что ремесленникъ или торговецъ, ученый, художникъ или «упражняющійся въ мореплаваніи», если только онъ не имѣлъ въ городѣ недвижимой собственности, онъ не пользовался ни активнымъ, ни пассивнымъ правомъ избранія, а слѣдовательно и не былъ активнымъ членомъ городскаго общества. Этимъ, однако, еще не кончаются противорѣчія во взглядахъ автора Наказа на значеніе городскаго общества и права гражданства: въ 395 статьѣ онъ признаетъ право на «мѣщанскія выгоды» лишь за тѣми, кто платитъ «разныя подати»; если это такъ, то мѣщанскими выгодами долженъ пользоваться всякій дѣйствительно платящій подати, независимо отъ того владѣетъ онъ домомъ или нѣтъ; всякій такой плательщикъ есть обыватель города, членъ городскаго общества, мѣщанинъ въ томъ широкомъ смыслѣ, который придаетъ этому слову Екатерина въ 394 статьѣ своего Наказа. Эта неясность понятій не могла не отразиться на будущемъ «единственномъ положеніи» для городовъ. Наказы и дебаты депутатовъ коммиссіи 1767 года не могли послужить къ устраненію ея; они скорѣе могли увеличить ее даже въ томъ случаѣ, если бы пресловутая комиссія и не кончила такъ быстро своего существованія. Депутаты отъ городовъ, хотя юридически, по самому избранію, и являлись представителями цѣлаго города, всего его населенія, какъ юридическаго лица, de facto; въ большинствѣ случаевъ они были ни чѣмъ инымъ все-таки, какъ представителями тяглаго торгово-промышленнаго сословія, интересы котораго они и отстаивали; всѣ эти интересы въ ихъ глазахъ, что и понятно совершенно, сосредоточивались исключительно на томъ, чтобы представить правительству во всей его наготѣ свое тяжелое положеніе и добиться хоть какого-нибудь облегченія этого положенія. Вѣковая тягло-сословная политика правительства не могла развить въ городскомъ населеніи сознанія объ его единствѣ; каждая отдѣльная часть этого населенія заботилась лишь о томъ, чтобы добиться той или иной привилегіи, облегченія той или иной обязанности, свалить съ себя ту или иную подать или службу.

Депутатамъ, судя по тѣмъ матеріаламъ, которыми можно пользоваться въ настоящее время, и въ голову не приходило требовать какихъ-либо правъ: всѣ ихъ заботы сосредоточиваются на томъ, чтобы сложить тѣ или другія изъ гнетущихъ городское торгово-промышленное населеніе «сборовъ» и «службъ». Мы видѣли всеобщія жалобы на раззореніе отъ «службъ при казенныхъ сборахъ»; они жалуются на притѣсненія полицейскихъ чиновниковъ [1]), жалуются на будто бы раззоряющее ихъ право крестьянъ продавать въ городахъ свои произведенія [2]), жалуются на такую же конкуренцію и со стороны дворянъ [3]), жалуются вообще на свое тяжелое положеніе. Словомъ, представленные городскими депутатами Наказы строго, почти буквально держатся опредѣленія «обряда», который предписываетъ вносить въ депутатскія полномочія только «общественныя отягощенія и нужды, въ чемъ бы оныя ни состояли» [4]); они полны такими «отягощеніями и нуждами» и просьбами о смягченіи ихъ. Какія же средства видятъ и предлагаютъ правительству депутаты къ облегченію этихъ отягощеній и нуждъ? Они не видятъ другаго средства къ достиженію ихъ цѣли, кромѣ признанія за ними исключительнаго, сословнаго права на занятіе торговлей и ремеслами; они просятъ не допускать къ занятію торговлей ни дворянъ, ни крестьянъ [5]). Того же просятъ они и относительно занятія ремеслами и промыслами всякаго рода: въ противоположность мнѣнію депутатовъ отъ дворянъ, предлагавшихъ сдѣлать правомъ всякаго желающаго свободное вступленіе въ цехъ и выходъ изъ него [6]); депутаты отъ городовъ предлагаютъ записывать въ цехи лишь на вѣчныя времена, видя именно въ этомъ постановленіи средство къ устра-

---

[1]) *Полѣновъ.* Истор. свѣд. объ Екатер. Ком. ч. I. Сб. рус. Ист. Общ. IV, стр. 113.

[2]) На это жалуются депутаты отъ Самары, Карачева, Ельца и другихъ городовъ, см. *Полѣнова,* Истор. свѣд. объ екатер. Коммисіи. I: 100, 109—110, 121; ч. II. 80, 81; 92—95.

[3]) *Ibid.* II, 41.

[4]) Наказъ. „Обрядъ выб. жител. городс.“ ст. 25 и 26.

[5]) *Полѣновъ.* Ч. II. 41 и I: 100; 109—110; 121; ч. II 80—81; 92—95.

[6]) Мнѣніе гр. Толстаго, депутата отъ Суздальскаго дворянства. *Ibid.* ч. I. 122. Онъ мотивируетъ это мнѣніе выгодами дворянства, которое такимъ образомъ можетъ легко обучать своихъ крѣпостныхъ разнаго рода

нію конкуренціи [1]) положеніе вѣчнаго цеховаго несовмѣстимо съ званіемъ землепашца, который уже не могъ бы въ такомъ случаѣ войти въ составъ цеха иначе, какъ получивъ полную свободу. Депутаты отъ городовъ не останавливались и на этомъ; они почти единогласно просили даровать купечеству право имѣть крѣпостныхъ [2]). Все это ясно указываетъ на то, какіе интересы руководятъ депутатами отъ городовъ, какъ понимаютъ они общественныя нужды этихъ городовъ. Они почти не затрогиваютъ самой организаціи городскаго управленія въ смыслѣ измѣненія ея въ томъ или другомъ смыслѣ. Только депутатъ отъ города Саратова поднялъ вопросъ объ устройствѣ городской полиціи, при чемъ предложилъ далеко не новое средство—передать ее изъ рукъ спеціальныхъ правительственныхъ органовъ снова въ руки городовыхъ Магистратовъ, кромѣ Москвы и Петербурга, «по силѣ Регламента Петра Великаго» [3]). Депутаты отъ городовъ Шуи и Чернаго Яра затронули слегка и вопросъ о составѣ городовыхъ Магистратовъ, но исключительно лишь со стороны срока службы ихъ членовъ; депутатъ отъ Чернаго Яра предлагалъ срокъ службы бургомистровъ и ратмановъ ограничить пятью или тремя годами; депутатъ же отъ Шуи хотѣлъ низвести этотъ срокъ

ремесламъ. Почти тоже высказываютъ депутаты отъ рязанскаго дворянства и казанскаго. *Ibid.* 125—127. Депутатъ отъ Главнаго Магистрата Дурасовъ держитъ сторону дворянъ, но уже по инымъ нѣсколько соображеніямъ: „одно мѣщанство, безъ пособія помѣщичьихъ людей, не въ состояніи исправить всѣ ремесла“. *Ibid.* 135—136. Тоже мнѣніе высказываетъ депутатъ отъ казаковъ. *Ibid.* ч. II, 125, 127.

[1]) *Ibid.* I. 122. 136—137; II, 42.

[2]) *Ibid.* II. 77, 85, 92—95, 98. Противъ этого требованія говорилъ кн. Щербатовъ, депутатъ отъ ярославскаго дворянства. Онъ мотивировалъ свое мнѣніе тѣмъ, что „подвластные намъ крестьяне суть подобные намъ“. Однако съ этимъ аргументомъ въ рукахъ онъ ратовалъ лишь противъ права купцовъ владѣть крестьянами, а не дворянъ, находя, что власть купца будетъ тяжелѣе для крестьянина, какъ власть равнаго, а не высшаго. *Ibid.* 107. Онъ кстати высказывается и противъ продажи крѣпостныхъ безъ земли.

[3]) *Ibid.* Ч. I. 122. *Соловьевъ.* Разс. изъ рус. ист. XVIII вѣка. „Рус. Вѣст.“ 1861, № 10, стр. 333—335; п. 10. Авторъ приводитъ между прочимъ и требованіе горожанъ учредить въ городахъ присутственныя мѣста, „какъ въ другихъ государствахъ заведено“ (!). *Ibid.* п. 9.

до одного года [1]). Эти скромныя заявленія двухъ депутатовъ, какъ мы видимъ, черезъ-чуръ уже скромно затрогиваютъ вопросъ объ устройствѣ городскаго управленія и притомъ, затрогиваютъ опять-таки исключительно съ точки зрѣнія личныхъ сословныхъ льготъ; имъ видимо и въ голову не приходитъ мысль объ измѣненіи организаціи городскаго управленія на какихъ-либо новыхъ началахъ; ихъ стремленія не идутъ дальше желанія облегчить для себя хоть сколько-нибудь существующую организацію; но и здѣсь они не рискуютъ предложить что-либо новое, самобытное и, какъ говорится, попадаютъ изъ огня да въ полымя. Словомъ, всѣ жалобы и мнѣнія этихъ депутатовъ состоятъ не въ томъ, чтобы облегчить возложенныя на торгово-промышленное сословіе обязанности путемъ уравновѣшиванія ихъ тѣми или иными правами, а исключительно въ томъ, чтобы поудобнѣе принаровиться къ гнету этихъ обязанностей; сдѣлать ихъ хоть на іоту менѣе чувствительными для себя [2]). Вотъ почему «комиссія о городахъ» едва ли что могла извлечь изъ Наказовъ городскихъ депутатовъ и ихъ мнѣній относительно поставленныхъ Екатериной вопросовъ—что такое городское общество и кто почитается жителемъ въ городѣ [3]). Сословная точка зрѣнія высказывалась относительно городскаго населенія не одними депутатами отъ городовъ; съ этой точки зрѣнія смотрѣли на городское населеніе и многіе изъ депутатовъ отъ дворянства, такъ, даже князь Щербатовъ, одна изъ наиболѣе свѣтлыхъ головъ коммиссіи 1767 года, находилъ нужнымъ запретить отстав-

---

[1]) *Ibid.* Ч. II. 85 и 115. Купецъ Бѣлезлый, депутатъ отъ жителей крѣпости св. Елисаветы, проситъ учредить Магистраты во всѣхъ городахъ, предлагая при этомъ устроить комитетъ изъ 12 человѣкъ въ замѣнъ „всего общества" (?). *Ibid.* 71—72.

[2]) Между прочимъ, въ наказахъ городскимъ депутатамъ встрѣчается просьба о замѣнѣ подушныхъ податей—подворными. *Соловьевъ.* Разс. изъ рус. ист. XVIII в. Рус. Вѣстн. 1861, № 10, 333—335 п. 17.

[3]) За то она не мало могла извлечь изъ нихъ матеріаловъ для обработки „частныхъ преимуществъ" городовъ или торгово-промышленнаго сословія. Въ нихъ просятъ, напр., о неназываніи купечества непристойными именами; объ уничтоженіи монополій; о не выписываніи изъ за границы товаровъ. Купцы просятъ даже права посылать своихъ представителей во всѣ присутственныя мѣста по дѣламъ купеческимъ. Мы встрѣчаемся съ огромнымъ количествомъ просьбъ чисто религіознаго содержанія. *Соловьевъ.* *Ibid.* 333—335.

нымъ солдатамъ «жить въ городахъ своими домами», дабы не обременять города людьми, которые, не участвуя въ городовыхъ тягостяхъ, дѣлаютъ подрывъ промысламъ; онъ хотѣлъ болѣе упражнять этихъ отставныхъ солдатъ въ земледѣліи. Какъ мотивъ предлагаемой имъ мѣры болѣе общаго характера онъ высказываетъ соображеніе, что необходимо, «чтобы всѣ сословія въ Россійской Имперіи были раздѣлены, и чтобы каждое изъ нихъ знаніемъ своихъ благъ содѣйствовало общему благу» [1]). Тотъ же князь въ другой своей рѣчи, по поводу требованія депутата отъ рыбинскаго купечества запретить дворянству заниматься торговлей, предлагаетъ раздѣлить торгово-промышленное городское сословіе сначала на двѣ главныя группы — купечество и мѣщанство, а каждую изъ этихъ группъ на классы: купечество — на три, мѣщанство—на два: на мѣщанъ собственниковъ, ремесленниковъ или цеховыхъ [2]). Само собою понятно, что дѣленіе это должно было быть дѣленіемъ юридическимъ: купцы имѣютъ тѣ или иныя привилегіи сравнительно съ мѣщанами, каждый изъ высшихъ классовъ купцовъ и мѣщанъ является привилегированнымъ относительно нисшихъ [3]). Такимъ образомъ одинъ изъ наиболѣе передовыхъ депутатовъ комиссіи до мозга костей пропитанъ сословными воззрѣніями, которыя онъ высказываетъ съ замѣчательной послѣдовательностью, являясь въ этомъ случаѣ какъ бы строгимъ послѣдователемъ автора Наказа, о взглядахъ котораго на этотъ предметъ уже было говорено, и который точно также находилъ, что «въ ономъ третьемъ родѣ суть разныя степени преимуществъ» и не пускаясь въ подробное разсмотрѣніе этихъ преимуществъ, «открываетъ лишь, какъ онъ выражается, дорогу къ разсужденію» [4])... Не всѣ депутаты, однако, были вѣрны этой дорогѣ, не всѣ хотѣли видѣть «въ третьемъ родѣ разныя степени»; нѣкоторые, въ родѣ, напр., депутата отъ Любимскаго

---

[1]) *Ibid.* ч. I. 97.

[2]) *Ibid.* II. 65—67. Но вмѣстѣ съ этимъ онъ предлагаетъ лишить иностранныхъ купцовъ ихъ привилегіи, въ сравненіи „съ природными землякам". *Ibid.* 45—46.

[3]) Депутатъ отъ города Серпейска предлагаетъ дать право первостатейнымъ купцамъ носить шпаги. *Полѣновъ.* Ч. II. 92—95. *Соловьевъ.* Разс. изъ рус. ист. XVIII в. Рус. Вѣст. 1861 г. № 10; 333—335, п. 14.

[4]) Наказъ, гл. XVI. 382.

дворянства требовали, наоборотъ, «одинаковыхъ привилегій» какъ для мѣщанъ, такъ и для купцовъ, т. е. совершеннаго равенства этихъ двухъ сословій [1]). Но и здѣсь идетъ рѣчь лишь о равенствѣ отдѣльныхъ сословій торгово-промышленнаго населенія городовъ.

И такъ, какъ въ Наказѣ Екатерины, такъ и въ депутатскихъ Наказахъ и мнѣніяхъ сословная точка зрѣнія преобладаетъ и преобразованія и реформы городскаго устройства предлагаются почти исключительно съ этой точки зрѣнія. Въ своей специальной (XVII) главѣ «о городахъ» Екатерина разсматриваетъ ихъ исключительно какъ торгово-промышленные центры и съ этой исключительно точки зрѣнія предлагаетъ коммиссіи разсмотрѣть «какія выгоды какому роду городовъ... и какія учрежденія въ ихъ пользу постановить слѣдуетъ»; высказавъ мысль, что «не знавъ обстоятельствъ, каждому городу удобное повиновеніе сдѣлать нѣтъ возможности» [2]), императрица указываетъ депутатамъ будущей коммиссіи, какъ на такія необходимыя для сочиненія, «удобнаго положенія, обстоятельства, на то, что «есть города разнаго существа, болѣе или менѣе важные по своему положенію» [3]); и что существо это выражается въ томъ, что одни изъ нихъ служатъ только складочными пунктами для товаровъ, назначенныхъ въ отпускъ [4]), другіе—мѣстомъ обмѣна для крестьянъ ихъ продуктовъ на необходимыя въ ихъ быту товары [5]); третьи «цвѣтутъ фабриками» [6]); четвертые, «близь моря лежа, соединяютъ всѣ сіи и другія выгоды» [7]); Пятые «пользуются ярмарками» [8]), шестые

---

[1]) *Полѣновъ*. Ч. II, 35. Онъ же требуетъ и полнаго равенства всѣхъ городовъ и права вступленія въ цехъ для всѣхъ желающихъ. Московскіе дворяне просятъ даровать дворянству право заниматься торговлей и промыслами, причемъ предлагаютъ нести всѣ обязанности мѣщанства. *Ibid*. ч. I. 230.

[2]) Наказъ, гл. XVII. 399.

[3]) *Ibid*. 385.

[4]) *Ibid*. 387.

[5]) *Ibid*. 388 и 398. Это — „малые города", которые „суть весьма нужны по уѣздамъ".

[6]) *Ibid*. 389.

[7]) *Ibid*. 390.

[8]) *Ibid*. 391.

«суть столицы» и т. д. [1]). Всѣ эти «обстоятельства» коммиссія о городахъ и должна была принимать во вниманіе при сочиненіи «единственнаго положенія» для городовъ, именно тѣхъ частей его, которыя будутъ трактовать «о преимуществахъ градскихъ частныхъ», «приличествующихъ» какому нибудь спеціальному «свойству» отдѣльнаго города [2]), въ противоположность «преимуществамъ общимъ», подъ которыми Екатерина разумѣла разрѣшеніе вопросовъ: кто можетъ считаться жителемъ города, что такое городское общество, какъ сдѣлаться городскимъ жителемъ» [3]). Какъ ясно опредѣлилъ авторъ Наказа «частныя преимущества» городовъ, такъ, наоборотъ, туманно опредѣляются имъ, какъ мы видѣли, «преимущества общія». Наказы городскихъ депутатовъ могли, какъ мы видѣли, дать коммиссіи матеріалы лишь для выработки «частныхъ преимуществъ» городовъ, а никакъ не общихъ. Спросить мнѣній городскихъ и другихъ депутатовъ относительно «общихъ преимуществъ» коммиссія не успѣла въ теченіе своего пятимѣсячнаго существованія. Разработка «единственнаго положенія» о городахъ перешла въ вѣдѣніе особой «коммиссіи о государственныхъ родахъ» [4]); самое положеніе появилось на свѣтъ лишь семнадцать лѣтъ спустя послѣ закрытія коммиссіи 1767 года.

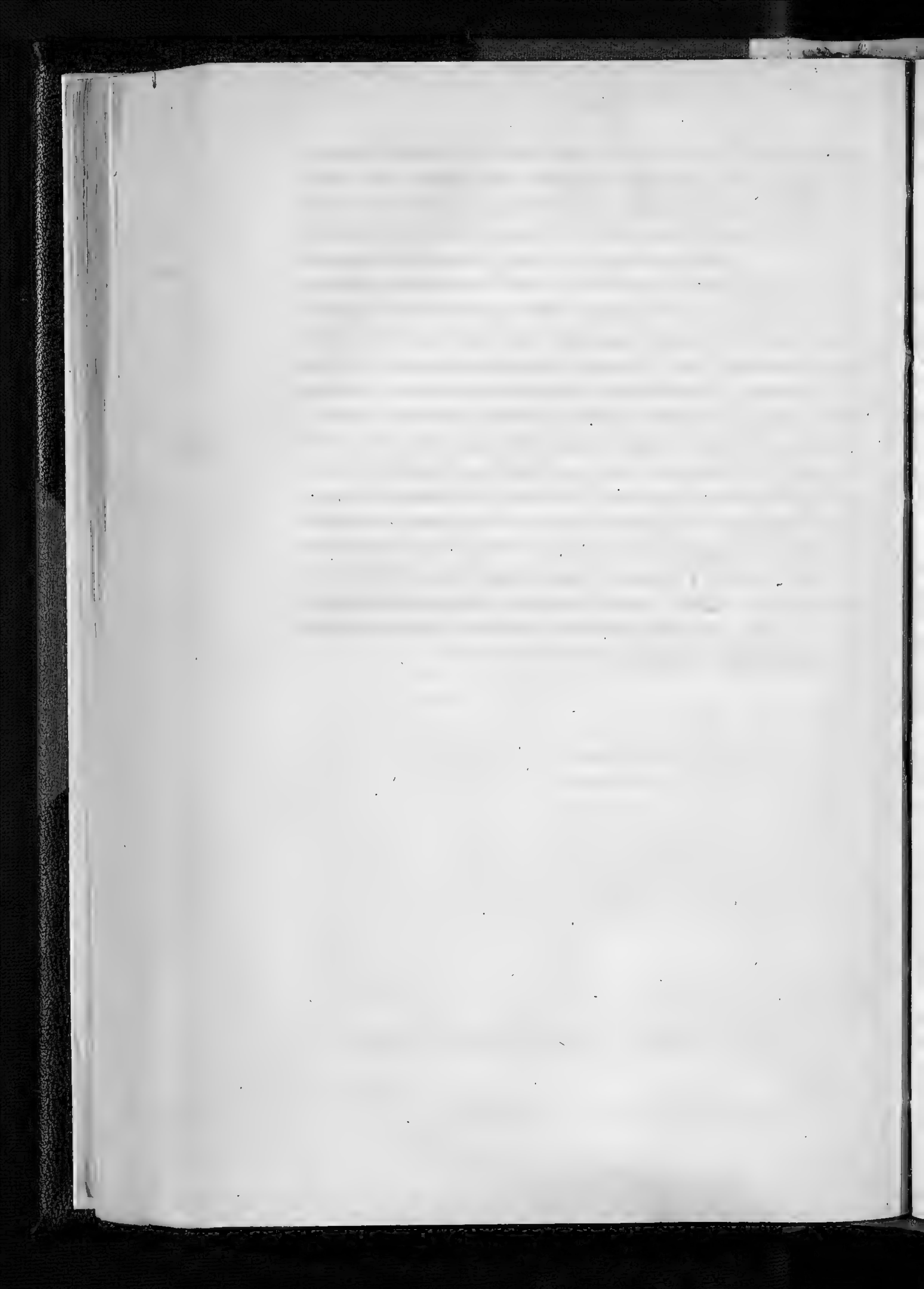
---

[1]) *Ibid.* 392.

[2]) Начертаніе о приведеніи къ оконч. Коммиссіи о сост. пр. нов. Ул.. 189.

[3]) *Ibid.*

[4]) *Плошинскій.* Гор. или ср. сост. рус. нар. 214.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Жалованная Грамота городамъ 1785 года.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Городское общество и общія городскія учрежденія.

ГЛАВА I.

Городское общество.

Въ первой половинѣ 1785 года, наконецъ, издано было «единственное Положеніе о городахъ». Въ апрѣлѣ этого года, Екатерина II издаетъ Грамоту на права и выгоды городамъ Россійской имперіи, которою она «восхотѣла, данныя ею городамъ, ихъ обществамъ и членамъ сихъ обществъ, выгоды и преимущества подтвердить» [1].

Такимъ образомъ, только двадцать лѣтъ спустя послѣ того, какъ сознана была необходимость «единственнаго положенія» для городовъ, появляется это положеніе; только двадцать почти лѣтъ спустя послѣ того, какъ постановлены были императрицей вопросы: «что есть городъ, кто въономъ почитается жителемъ, и кто составляетъ общество того города, и кому пользоваться выгодами по свойству естественнаго положенія того мѣста, и какъ сдѣлаться городскимъ жителемъ можно», она даетъ на нихъ отвѣты путемъ законодательнымъ. Грамота городамъ содержитъ въ себѣ эти отвѣты.

---

[1]) П. С. З. № 16188, введеніе.

При самомъ поверхностномъ даже знакомствѣ съ этимъ законодательнымъ памятникомъ нельзя не видѣть, что имъ вносится въ правительственную регламентацію городскаго устройства и управленія много единства, систематичности, полноты и много совершенно новыхъ понятій и взглядовъ на городъ и его населеніе. Съ другой стороны, самаго бѣглаго взгляда достаточно, чтобъ убѣдиться, что все новое въ Грамотѣ городамъ далеко не вытѣсняетъ старыхъ, сложившихся вѣками, понятій и взглядовъ, которые въ изобиліи встрѣчаются въ ней, перемѣшиваясь и переплетаясь съ новыми. При этомъ, первые настолько еще преобладаютъ въ умѣ законодательницы надъ послѣдними, что почти заслоняютъ, поглощаютъ ихъ собою. Сама законодательница, внося новые взгляды и понятія, дѣлаетъ это, какъ бы сама того не замѣчая. Она говоритъ, что издавая грамоту, она лишь «восхотѣла подтвердить» ею уже существующія выгоды и преимущества городовъ и ихъ обществъ. Уже однихъ этихъ словъ законодательницы было бы достаточно для подтвержденія только-что высказаннаго. Эти слова уже подготовляютъ изслѣдователя къ тому, съ чѣмъ онъ имѣетъ встрѣтиться въ Грамотѣ при болѣе или менѣе близкомъ ознакомленіи съ ней.

«Чтожъ есть городъ?» Какъ опредѣляетъ его Грамота городамъ? Что понимаетъ она подъ нимъ въ общественно-политическомъ смыслѣ? Прямаго и точнаго отвѣта на этотъ вопросъ мы не встрѣчаемъ въ Грамотѣ; этого мало, мы не встрѣчаемся вовсе со сколько-нибудь точно формулированнымъ опредѣленіемъ города въ этомъ смыслѣ. Но за то Положеніе 1785 года даетъ намъ опредѣленіе «градскаго общества»; оно опредѣляетъ понятіе городскаго обывателя, горожанина; основываясь на этихъ понятіяхъ не трудно отвѣтить на только-что поставленный вопросъ. Что называетъ законодатель городскимъ обществомъ? До сихъ поръ, какъ мы видѣли, законодательство вовсе не знало общества городскихъ жителей, гражданъ; оно вѣдалось съ горожанами, торгово-промышленнымъ населеніемъ города, не представлявшимъ собою ничего цѣлаго, распадавшимся на отдѣльныя тяглыя единицы. Грамота городамъ 1785 года вноситъ новое понятіе — понятіе «градскаго общества», какъ одного цѣлаго, какъ юридическаго лица. Еще Неволинъ въ своей коротенькой замѣткѣ, приложенной къ «списку русскихъ городовъ», замѣтилъ, что городовое Положеніе Екате-

рины II разсматриваетъ города уже съ новой точки зрѣнія [1]). И это замѣчаніе нашего извѣстнаго юриста совершенно справедливо: императрица, дѣйствительно, высказываетъ совершенно новое понятіе о городскомъ населеніи, горожанахъ. Опредѣляя городское общество, она говоритъ, что оно составляется изъ городскихъ обывателей [2]). Понятіе городскаго обывателя опредѣляется нѣсколькими статьями Городоваго Положенія. Опредѣленія, содержащіяся въ этихъ статьяхъ далеко не согласны между собою. Устанавливая, что слѣдуетъ понимать подъ городскимъ обывателемъ, законодательница видимо находится подъ вліяніемъ двухъ совершенно противоположныхъ стремленій. Съ одной стороны, она находится еще подъ сильнымъ давленіемъ прежняго понятія о городскомъ обывателѣ, горожанинѣ, исключительно какъ представителѣ торгово-промышленнаго сословія; въ то же время она все еще не отказалась отъ мысли, высказанной ею двадцать лѣтъ тому назадъ въ Наказѣ, мысли о созданіи на Руси третьяго сословія — tiers état — Западной Европы, «средняго рода». Съ другой стороны, на нее вліяетъ фактическое состояніе общественно-городской жизни: составные элементы городскаго населенія стали, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ городахъ, на столько разнообразны, что игнорировать ихъ было бы очень трудно. Признавать обывателями такихъ городовъ, какъ Петербургъ, Москва, только торговцевъ и промышленниковъ было уже невозможно. Подъ вліяніемъ этихъ-то двухъ, діаметрально-противоположныхъ стимуловъ и даетъ Городовое Положеніе 1785 года свое сбивчивое, запутанное опредѣленіе городскаго обывателя.

---

[1]) Пол. собр. соч., т. VI. 29: „города, говоритъ Неволинъ, перестали быть мѣстомъ жительства однѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ третьему сословію людей въ государствѣ; они сдѣлались средоточіемъ духовной и вещественной жизни въ государствѣ". Они не были никогда, прибавлю отъ себя, мѣстомъ жительства только „третьяго сословія людей". Такимъ мѣстомъ они были до 1785 года лишь въ глазахъ закона, de jure; de facto же они всегда были населены не однимъ только торгово-промышленнымъ людомъ.

[2]) П. С. З. № 16188, ст. 29: „Городовымъ обывателямъ каждаго города жалуется дозволеніе собираться въ томъ городѣ и составить общество градское и пользоваться нижеписанными правами и выгодами".

Только вліяніемъ вѣковой политики всеобщаго закрѣпощенія сословій и стремленіемъ создать въ Россіи во что бы то ни стало западно-европейскій tiers-état — «средній родъ людей» и можно объяснить слѣдующее мѣсто Грамоты городамъ: «городскихъ обывателей средняго рода людей или мѣщанъ названіе есть слѣдствіе трудолюбія или добронравія, чѣмъ и пріобрѣли отличное состояніе» [1]. Здѣсь подъ людьми средняго рода законодатель разумѣетъ только извѣстную часть городскихъ обывателей; эти два понятія не принимаются еще имъ за синонимы. Но въ слѣдующей статьѣ выраженія—«городскіе обыватели» и «средняго рода люди» употребляются законодателемъ уже какъ понятія совершенно однозначащія [2], и подъ городскими обывателями разумѣется исключительно люди личнаго труда, торгово-промышленники, составляющіе «отличное состояніе», т. е. особое сословіе, имѣющее свои особыя права и привилегіи. Съ этой точки зрѣнія, исключительно сословной, городскіе обыватели трактуются въ цѣломъ рядѣ статей Городоваго Положенія 1785 года [3]; одна изъ этихъ статей исключительнымъ назначеніемъ городовъ считаетъ — давать ихъ жителямъ «способы пріобрѣтенія имущества посредствомъ торговли, промысловъ, рукодѣлій и ремеслъ» и тѣмъ умножать доходы государственные; въ этомъ-то назначеніи городовъ законодатель и видитъ почему-то причину необходимости сдѣлать городское населеніе, городскихъ обывателей, «отличнымъ», наслѣдственнымъ состояніемъ [4] или сословіемъ, снабженнымъ правомъ особаго сословнаго суда [5], сословной чести [6]. Ясно, что во всѣхъ этихъ статьяхъ Городовое Положеніе подъ городскими обывателями понимаетъ тоже самое, что Петръ Великій понималъ подъ своими регулярными гражданами.

---

[1] *Ibid.* ст. 80. Ср. съ статьями: 377, 378 и 383 Наказа, гдѣ трудолюбіе и добронравіе точно также полагается въ основу „положенія“, которое имѣлъ въ виду выработать для „средняго рода людей“ авторъ Наказа.

[2] *Ibid.* ст. 81.

[3] Рубрика Д. О личныхъ выгодахъ городовыхъ обывателей, средняго рода людей или мѣщанъ вообще.

[4] *Ibid.* 81 и 83.

[5] *Ibid.* ст. 84, 85 и 87.

[6] *Ibid.* ст. 86 и 91.

Совершенно иное понятіе городскаго обывателя устанавливается другими частями Положенія; понятіе, вполнѣ чуждое сословности. Вотъ какъ опредѣляетъ понятіе городскаго обывателя первая половина 77 статьи Положенія: «подъ городскими обывателями разумѣются всѣ тѣ, кои въ томъ городѣ или старожилы, или родились, или поселились, или домы, или иное строеніе, или мѣста, или землю имѣютъ, или въ гильдіи, или въ цехъ записаны, или службу городскую отправляли, или въ окладъ записаны и по тому городу носятъ службу или тягость». Между только-что разобраннымъ понятіемъ городскаго обывателя и тѣмъ, которое устанавливается сейчасъ приведеннымъ мѣстомъ Положенія — громадная разница. Городской обыватель по первому опредѣленію является не болѣе, какъ частнымъ понятіемъ втораго — общаго, видовымъ понятіемъ рода. Люди средняго рода, это «отличное состояніе» по опредѣленію 77 статьи являются уже только извѣстной частью городскихъ обывателей, городскаго населенія, въ составъ котораго по взгляду законодателя, выразившемуся въ этой статьѣ, входитъ всякій, имѣющій въ данномъ городѣ осѣдлость и записанный въ такъ-называемую обывательскую книгу [1]. По этому опредѣленію городскимъ обывателемъ является уже не членъ только того или другаго сословія, а всякій, живущій въ чертѣ города, независимо отъ того, къ какому сословію онъ принадлежитъ, чѣмъ занимается, какимъ видомъ собственности онъ владѣетъ. Въ этомъ опредѣленіи мы встрѣчаемся съ совершенно новымъ взглядомъ законодательства на городское населеніе, взглядомъ еще ни разу не высказывавшимся доселѣ въ законодательствѣ. Въ немъ воскресаетъ и развивается мысль Екатерины, высказанная ею въ 1766 году въ «обрядѣ» выбора городскихъ депутатовъ въ Коммиссію 1767 года [2].

Совокупность городскихъ обывателей въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и составляютъ городское населеніе въ смыслѣ одного цѣлаго,

---

[1]) *Ibid.* ст. 56. Незаписанный въ обывательскую книгу не считается гражданиномъ; а въ нее вносятся всѣ тѣ, которые перечислены въ качествѣ обывателей, въ 77 статьѣ. См. *Ibid.* ст. 55 и 63—68.

[2]) Правомъ активнаго и пассивнаго избранія по „обряду" пользовался, какъ мы видѣли, всякій, владѣвшій въ городѣ домомъ, или домомъ и торгомъ, или домомъ и ремесломъ или домомъ и промысломъ.

юридическаго лица, «градское общество», выражаясь языкомъ Положенія; городскіе же обыватели въ смыслѣ людей средняго рода или отличнаго состоянія составляютъ лишь часть этого общества. Къ этому заключенію приводятъ нѣсколько статей Положенія, опредѣляющихъ право участія въ собраніи «градскаго» общества. Изъ нихъ видно, что въ собраніи «градскаго общества» могли участвовать не одни только городскіе обыватели въ смыслѣ людей средняго рода, но всѣ, обладающіе капиталомъ, приносящимъ дохода не менѣе 50 рублей ассигнаціями и достигшіе двадцати-пятилѣтняго возраста; а безъ права голоса могли участвовать въ собраніи даже и неудовлетворявшіе этимъ условіямъ [1]). Такъ какъ Положеніе не опредѣляетъ какимъ образомъ долженъ быть добытъ доходъ, дающій право на участіе въ собраніи городскаго общества, то было бы натяжкой предполагать, что подъ имѣющими, требуемый цензомъ, доходъ разумѣются только торговцы и ремесленники, которые, какъ увидимъ впослѣдствіи, составляютъ свои особыя, частныя общества. Городское общество въ этомъ смыслѣ, какъ совокупность лицъ, удовлетворяющихъ извѣстному цензовому требованію, законодатель снабжаетъ всѣми качествами юридическаго лица: оно имѣетъ свои собранія, своихъ представителей, свою собственность [2]) и тому подобное; но оно, это юридическое лицо, составляется не изъ отдѣльныхъ лицъ, а изъ отдѣльныхъ мелкихъ общинъ, группъ, почти исключительно сословнаго характера.

Законодатель, внеся въ свои общественно-политическія воззрѣнія совершенно новыя понятія о городскомъ обывателѣ и городскомъ обществѣ, не могъ вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣлаться отъ старыхъ, вѣками сложившихся, понятій и взглядовъ на городское населеніе, отъ вѣковой политики своихъ предшественниковъ. Сословное начало, исчезнувъ изъ опредѣленія городскаго обывателя въ широкомъ смыслѣ этого слова и городскаго общества, какъ совокупности всего городскаго населенія, почти съ прежнею силою проявляется въ опредѣленіи отдѣльныхъ видовъ городскихъ обывателей, отдѣльныхъ составныхъ частей городскаго общества. Мы уже знакомы со

[1]) *Ibid.* ст. 50 и 51. Въ собраніи не могъ участвовать всякій городской обыватель „опороченный судомъ, или котораго явный и довѣріе нарушающій порокъ, всѣмъ извѣстенъ". *Ibid.* ст. 52.

[2]) *Ibid.* ст. 30, 39—44.

стремленіемъ Положенія устроить изъ средняго рода городскихъ обывателей наслѣдственное, «отличное» состояніе; это стремленіе проявляется въ значительной степени и относительно другихъ частей городскаго населенія. Городское населеніе во всей его совокупности, составляя одно «градское общество», какъ юридическое лицо, распадается на нѣсколько отдѣльныхъ группъ, для большинства которыхъ основой является сословное начало.

Требуя внесенія всѣхъ городскихъ обывателей въ такъ-называемую обывательскую книгу, Положеніе разбиваетъ ихъ на шесть отдѣльныхъ классовъ уже не на экономическомъ только началѣ ценза, но по преимуществу на сословномъ началѣ промысла, занятій. Изъ всѣхъ шести классовъ только одинъ первый, классъ такъ-называемыхъ настоящихъ городскихъ обывателей, городскихъ обывателей въ тѣсномъ смыслѣ слова, не покоится на этомъ началѣ, основываясь на экономическомъ началѣ недвижимой собственности: къ этому классу, въ отличіе отъ городскихъ обывателей вообще, относятся всѣ тѣ, которые владѣютъ въ городѣ какою-либо недвижимою собственностью—домомъ, землей и т. п. [1]). Такимъ образомъ, въ первую рубрику городской обывательской книги вносятся городскіе обыватели, непринадлежащіе къ тому или иному классу торгово-промышленнаго сословія исключительно, но всякій владѣлецъ городской недвижимой собственности — будетъ ли онъ промышленникъ, служилый человѣкъ, дворянинъ или духовное лицо — все равно. Въ основу опредѣленія понятія настоящихъ городскихъ обывателей положено тоже самое начало, на которомъ покоится опредѣленіе городскихъ обывателей вообще: въ томъ и другомъ случаѣ этимъ началомъ является начало собственности лишь въ различныхъ видахъ [2]); слѣдовательно, сословный элементъ здѣсь не имѣетъ рѣшительно никакого значенія. Нѣчто совершенно иное встрѣчаемъ мы въ остальныхъ пяти группахъ, на которыя подраздѣляетъ Положеніе городскихъ обывателей въ широкомъ смы-

---

[1]) „Настоящіе городскіе обыватели суть тѣ, кои въ томъ городѣ домъ, или иное строеніе, или мѣсто или землю имѣютъ". Толкованіе къ ст. 63.

[2]) Совершенно вѣрно опредѣляетъ г. Мулловъ различіе между настоящими обывателями и регулярными гражданами Петра Великаго. Истор. обозр. правител. мѣръ по устр. гор. общ. управл. Стр. 95.

слѣ слова. Вторую группу обывателей по Положенію 1785 года составляютъ всѣ тѣ, которые вписаны въ одну изъ трехъ купеческихъ гильдій, т. е. купцы всѣхъ трехъ гильдій [1]). Къ третьей группѣ относятся всѣ ремесленники, записанные въ цехи [2]). Къ четвертой группѣ относятся всѣ иногородные и иностранцы, приписавшіеся къ данному городскому обществу съ цѣлями промышленными. Это — такъ-называемые иногородные и иностранные гости [3]). Пятый классъ самый немногочисленный, но въ глазахъ законодателя, видимо, очень важный классъ, такъ какъ Положеніе останавливается на немъ съ подробностью, несоразмѣрною съ его фактической важностью. Этотъ классъ, въ свою очередь, подраздѣляется на семь отдѣльныхъ группъ [4]). Это такъ-называемые именитые граждане. Къ нимъ законодатель относитъ исключительно представителей личнаго труда и капитала, какъ и къ предъидущимъ группамъ, начиная со второй; съ тѣмъ лишь отличіемъ, что сюда причисляются представители самаго крупнаго капитала и труда интеллектуальнаго. Этотъ классъ городскихъ обывателей представляетъ собою, такъ сказать, аристократію людей средняго рода. Въ нихъ, въ людяхъ этой категоріи горожанъ, Екатерина, очевидно,

---

[1]) П. С. З. № 16188, ст. 64. Число гильдій Положеніемъ не измѣняется, но увеличивается капиталъ, дающій право принадлежать къ той или другой изъ нихъ; такъ, чтобы принадлежать къ первой гильдіи—необходимо владѣть капиталомъ отъ 10 до 50-ти тысячъ; чтобы вступить во вторую—нуженъ капиталъ отъ 5 до 10 тысячъ; въ третью — отъ 1 до 5 тысячъ рублей.

[2]) *Ibid.* ст. 65.

[3]) *Ibid.* ст. 66.

[4]) *Ibid.* ст. 67. Эти семь группъ слѣдующія: 1) служившіе по выборамъ т. е., такъ сказать, почетные обыватели; 2) лица, имѣющія академическіе и университетскіе аттестаты; 3) всякаго рода художники, артисты, имѣющіе аттестаты; 4) владѣющіе капиталами свыше 50000 р.; 5) банкиры, обладающіе капиталомъ свыше 100000 р.; 6) оптовые торговцы, неимѣющіе лавокъ; наконецъ, 7) владѣльцы кораблей, плавающихъ въ иностранныя моря. См. тоже въ ст. 132. Опредѣленіе шестаго разряда именитыхъ гражданъ скоро потребовало разъясненій. Въ 1787 году подъ оптовыми торговцами принято разумѣть лишь торговцевъ, покупающихъ товары на биржѣ или по контрактамъ и не производящихъ „лавочнаго торга“. П. С. З. № 16584, п. 2. Къ седьмому разряду нельзя относить тѣхъ, которые владѣютъ кораблями въ компаніи. *Ibid.* п. 3.

думала осуществить свою завѣтную идею о русскомъ tiers état. Наконецъ, къ шестому классу городскихъ обывателей Положеніе о городахъ относитъ все постоянное промышленное и рабочее населеніе городовъ, не входящее въ составъ ни одного изъ только-что перечисленныхъ пяти классовъ, не записанное ни въ одну изъ пяти первыхъ частей обывательской книги; это классъ такъ-называемыхъ посадскихъ [1]).

Различіе всѣхъ этихъ отдѣльныхъ группъ или классовъ городскихъ обывателей не выражается лишь въ томъ, что они заносятся въ различныя рубрики городской обывательской книги. Оно идетъ гораздо глубже. Каждая изъ этихъ шести группъ составляетъ отдѣльное общество, пользующееся правомъ особыхъ собраній и, какъ увидимъ впослѣдствіи, правомъ представительства въ обще-городскихъ учрежденіяхъ; почти каждая изъ нихъ пользуется, кромѣ того, своими спеціальными учрежденіями. Стремленія законодателя возможно рѣзче отдѣлить эти классы другъ отъ друга, придать имъ рѣзко-сословный характеръ, дошли до того, что онъ старается даже установить тѣ виды недвижимой собственности, которыми каждый изъ этихъ классовъ можетъ владѣть [2]). Я не говорю о видѣ торговли и промысла, производствомъ которыхъ каждый изъ классовъ могъ заниматься, такъ какъ это право стояло въ непосредственной связи съ податями и повинностями, которыя каждый изъ нихъ долженъ былъ платить. Законодатель точно опредѣляетъ, въ какомъ экипажѣ и на сколькихъ лошадяхъ могъ ѣздить членъ каждаго изъ этихъ сословій [3]). Одни изъ этихъ классовъ

---

[1]) П. С. З. № 16188, ст. 68 толкованіе къ ней: „посадскіе—какъ суть въ томъ городѣ старожилы или поселившіеся, или родившіеся, въ другія части городской обывательской книги не внесены; промысломъ, рукодѣліемъ или работою кормятся въ томъ городѣ".

[2]) Такъ, только именитымъ гражданамъ дозволялось имѣть дачи „загородные дворы и сады". *Ibid.* ст. 134.

[3]) Именитые граждане могли ѣздить въ городѣ въ каретѣ, какъ парой, такъ и четверней. *Ibid.* ст. 133. Купцы первой гильдіи — въ каретѣ же, но только парой. *Ibid.* ст. 106 Второй — только въ коляскѣ, но парой же, — 112. Третьей гильдіи купцы могли ѣздить только на одной лошади; — ст. 119. Тоже самое имѣло мѣсто и относительно посадскихъ. *Ibid.* ст. 145. Вѣроятно тоже самое имѣетъ мѣсто и относительно цеховыхъ, если они не записаны ни въ одну изъ гильдій.

должны были нести личную, какъ денежную, такъ и натуральную повинность, платя подушное и ставя рекрутъ — какъ посадскіе и цеховые, незаписанные къ гильдіи [1]). Сословіе именитыхъ гражданъ и купцовъ первыхъ двухъ гильдій освобождается отъ тѣлеснаго наказанія [2]). Переходъ изъ одной группы въ другую юридически по Положенію 1785 года совершенно свободенъ: каждый посадскій или ремесленникъ, внеся гильдейскіе, становился купцомъ той или другой гильдіи [3]); понятно, что всякій ремесленникъ, купецъ, составившій капиталъ свыше 50,000 рублей или получившій аттестатъ одной изъ академій или университета, дѣлался членомъ одной изъ семи группъ именитыхъ гражданъ [4]). Разумѣется само собою, что всѣ подобнаго рода права и привилегіи могли имѣть мѣсто лишь относительно послѣднихъ пяти классовъ городскихъ обывателей; что же касается перваго класса—настоящихъ городскихъ обывателей, то по отношенію къ этому классу они не могли имѣть мѣста, такъ какъ этотъ классъ обывателей покоился, какъ мы видѣли, на началѣ недвижимой собственности и соединялъ въ себѣ представителей всѣхъ остальныхъ классовъ.

Независимо отъ того, что представлялъ собою каждый изъ отдѣльныхъ классовъ городскихъ обывателей, всѣ они въ ихъ совокупности, какъ уже было сказано, составляли одно цѣлое, «градское общество», юридическое лицо. Городовымъ обывателямъ каждаго города жалуется дозволеніе собираться въ томъ городѣ и

---

[1]) Отъ подушнаго избавляются купцы всѣхъ гильдій, и понятно, именитые граждане; купцы платятъ вмѣсто подушнаго—гильдейскіе. *Ibid.* 93. Тѣ и другіе не ставятъ рекрутъ натурой; купцы вносятъ деньги — 99; а именитые граждане вовсе не несутъ рекрутской повинности, хотя объ этомъ и не говорится въ Положеніи.

[2]) *Ibid.* 135, 107 и 113.

[3]) *Ibid.* ст. 121. Рижское намѣстническое правленіе нашло, что въ такомъ случаѣ ремесленникъ долженъ „выдти изъ цеха и оставить свое прежнее ремесло“. Но Сенатъ постановилъ „платить подати по обоимъ званіямъ, не дѣлая имъ (ремесленникамъ, записавшимся въ гильдію) никакого стѣсненія“. П. С. З. № 16584, п. 6 и отвѣтъ на него. Это положеніе подтверждено и шесть лѣтъ спустя. П. С. З. № 17157.

[4]) Именитый гражданинъ могъ сдѣлаться даже дворяниномъ, если его отецъ и дѣдъ безпорочно сохранили „именитость“. *Ibid.* ст. 137.

составить общество» [1]). Мы уже видѣли, что собраніе этого общества составлялось не изъ представителей отдѣльныхъ сословныхъ частей его, а изъ всѣхъ городскихъ обывателей, достигшихъ 25-ти лѣтняго возраста и обладающихъ капиталомъ, доходъ съ котораго не менѣе 50 рублей ассигнаціями [2]), Въ этомъ собраніи всѣхъ членовъ городскаго общества, пользовавшихся правомъ голоса выражается воля всего городскаго населенія, какъ юридическаго лица. Въ качествѣ такого лица, обладающаго свободною волею и органомъ для ея выраженія, «градское» общество, обладаетъ всякаго рода собственностью, какъ движимою, такъ и недвижимою. Собственность перваго рода, общественный капиталъ въ тѣсномъ, обыденномъ значеніи этого слова, составлялся по Положенію различными способами: по 42 статьѣ его городскому обществу дозволялось составлять особливую казну своими добровольными складками» [3]); кромѣ этой добровольной складчины, едвали бывшей въ состояніи дать хоть сколько нибудь значительную сумму, общественный капиталъ составлялся изъ всякаго рода доходовъ съ различныхъ видовъ недвижимой городской собственности: земель, всякаго рода угодій, промышленныхъ заведеній и т. п. [4]); въ составъ этого капитала входили также тѣ взносы, которые дѣлались всякимъ, вновь вступавшимъ въ среду городскаго общества, въ качествѣ члена его [5]). Этимъ и ограничивались всѣ доходы городскаго общества, получаемые имъ, такъ сказать, съ себя самого. Первый

---

[1]) *Ibid.* Ст. 29.

[2]) *Ibid.* Ст. 49—51.

[3]) Какъ производятся эти добровольныя складки, въ статьѣ ничего не говорится.

[4]) *Ibid.* Ст. 3, 18, 19 и 149.

[5]) *Ibid.* Ст. 72: „при внесеніи семьи въ городскую обывательскую книгу отдается на волю общества градскаго, имѣетъ ли каждая семья внести и сколько денегъ въ городскую казну, что при каждомъ сборѣ единожды общество градское опредѣлить имѣетъ, но не свыше 100 р.“ Эта статья вмѣстѣ съ 42—единственныя во всемъ положеніи 1785 года статьи, въ которыхъ говорится о правѣ городскаго общества налагать на своихъ членовъ сборы. Указъ отъ 12 октября 1787 предписываетъ городскому обществу при наложеніи на вступающаго въ среду его члена опредѣленнаго вноса „соблюдать справедливость и соразмѣрность съ годовыми податями (!) въ казну“. П. С. З. 16584. п. 9.

и послѣднія источники были слишкомъ не надежны: на добровольныя приношенія трудно полагаться даже и не при такомъ состояніи общественно-городской жизни, съ какимъ мы встрѣчаемся во время изданія Грамоты о городахъ; взносы семей, вновь вступавшихъ въ среду городскаго общества во всякомъ случаѣ не могли быть, какъ и добровольные взносы, правильною, постоянною доходною статьею; что касается доходовъ, получавшихся съ недвижимой городской собственности, то и они, несмотря на нѣкоторую ихъ правильность и постоянство, не могли ни въ какомъ случаѣ удовлетворить скромныхъ потребностей тогдашней общественно-городской жизни: недвижимая собственность городовъ въ это время была слишкомъ ничтожна. Не допуская права самообложенія въ болѣе широкихъ размѣрахъ и въ болѣе правильныхъ формахъ, правительство должно было поступиться для удовлетворенія общественно-городскихъ нуждъ обще-государственными доходами. Въ пользу городовъ опредѣлено было отдавать одинъ процентъ съ питейнаго сбора, шедшаго въ казну [1]); кромѣ того, въ городахъ, въ которыхъ существовали таможни, велѣно было отдѣлять въ городскіе доходы по два процента съ ввозныхъ пошлинъ и по одному съ вывозныхъ [2]). Что касается недвижимой городской собственности, то она по Положенію 1785 года состояла изъ общественно-городской земли и зданій всякаго рода. Начало общественно-городской поземельной собственности положено гораздо ранѣе изданія Грамоты о городахъ. Въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича мы встрѣчаемся съ опредѣленіемъ относительно такъ называемаго общественнаго выгона при городахъ, который оно заботливо охраняетъ отъ частнаго захвата [3]). Опредѣленія Уложенія 1649 года, касаю-

---

[1]) *Ibid.* Ст. 147. Въ іюнѣ того же 1785 года Сенатъ подтвердилъ это опредѣленіе, указавъ Губернаторамъ, Казеннымъ Палатамъ платить городу 1% съ виннаго сбора, производимаго въ этихъ городахъ П. С. З. №№ 16218 и 16894; этимъ послѣднимъ указомъ предписывается Главнокомандующему Петербурга вносить винный сборъ, идущій въ пользу города, потретямъ.

[2]) *Ibid.* Ст. 146. См. также П. С. З. № 16457. Оба эти сбора отдавались въ пользу города какъ мы видѣли, указомъ объ учрежденіи оренбургскаго магистрата.

[3]) Въ 6 ст. XIX главы оно опредѣляетъ величину городскаго выгона Москвы; а въ 10 статьѣ той же главы говорится о городскихъ выгонахъ

щіяся этого предмета, имѣли силу, по всей вѣроятности, до самаго царствованія Екатерины II, такъ какъ ни въ регламентѣ Петра Главному Магистрату, ни въ его инструкціяхъ городовымъ Магистратамъ, ни въ указахъ Елисаветы, касавшихся городовъ, мы не встрѣчаемся болѣе съ опредѣленіями относительно городскаго выгона. Опредѣленія Уложенія по этому предмету становились недостаточными со времени обращенія города, какъ совокупности населенія, въ одно цѣлое, въ земскую единицу, съ характеромъ юридическаго лица. По Уложенію 1649 года принадлежавшая городу земля—общественный выгонъ—не составляла собственности города, она оставалась собственностью государства и была лишь въ пользованіи города, или лучше, его населенія, которое утилизировало ее не какъ одно цѣлое, юридическое лицо, а какъ совокупность отдѣльныхъ лицъ: каждый городской обыватель имѣлъ право на это пользованіе. Городъ не имѣлъ никакихъ средствъ къ защитѣ этой земли отъ частнаго захвата. Екатерина II еще въ началѣ царствованія обращаетъ вниманіе на этотъ вопросъ: вслѣдъ за новымъ росписаніемъ городовъ въ 1764 году, въ инструкціи Межевымъ канцеляріямъ и конторамъ, изданной въ началѣ 1766 года, законодательница опредѣляетъ нѣсколько точнѣе права городовъ на отмежеванныя къ нимъ земли для общественнаго выгона, который найдено необходимымъ увеличить для Москвы до четырехъ верстъ, а для остальныхъ городовъ до двухъ [1]). Но и Межевой инструкціей, какъ и Уложеніемъ 1649 года, земля отводилась только въ пользованіе горожанъ, а не города, какъ юридическаго лица. Во многихъ городахъ земли, отведенной правительствомъ подъ выгонъ, было недостаточно, что сознавало, какъ мы

вообще: „а выгономъ въ городѣхъ быти по прежнему"; здѣсь же опредѣляется, что если кто завладѣлъ выгономъ, то отобрать захваченное и отмежевать къ городу; въ 7 статьѣ говорится „слободы, устроенныя на государевыхъ посадскихъ земляхъ и животинныхъ выпускахъ" отбирать въ посадъ „безъ лѣтъ и безповоротно, за то — не строй на государевой землѣ слободъ.

[1]) Однако желаніе это осталось лишь желаніемъ: города остались при томъ же количествѣ, такъ какъ свободныхъ земель оказалось недостаточно. П. С. З. № 12659 гл. VIII, п. 18: „при которыхъ городахъ... на выгонъ положенной пропорціи намѣрить будетъ не изъ чего, тамъ оставлять столько, сколько нынѣ во-владѣніи градскомъ явится".

только что видѣли, само правительство; населеніе нѣкоторыхъ городовъ рѣшило удовлетворить эту свою несложную потребность собственными средствами. Въ 1783 году жители города Боровичей рѣшили купить недостающую имъ подъ общественный выгонъ землю «сообща» и совершить купчую крѣпость на имя всего общества. Имъ это удается [1]). Такимъ образомъ, общественный выгонъ въ нѣкоторыхъ городахъ дѣлается полною собственностью, но все-таки не города, не городскаго населенія, какъ юридическаго лица, а лишь горожанъ, онъ представляетъ собою ничто иное какъ общую собственность—condominium. Во всякомъ случаѣ, однако, подобнаго рода фактъ—шагъ впередъ, по пути развитія изъ городскаго населенія юридическаго лица и обращенія его общей собственности въ собственность юридическаго лица.

По городовой грамотѣ 1785 года совершенно измѣняются какъ объемъ городской недвижимой собственности, такъ и ея характеръ: она дѣлается собственностью «градскаго общества», какъ юридическаго лица, а не горожанъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ бы на нее право. Недвижимая собственность городовъ достигаетъ, сравнительно, значительныхъ размѣровъ и разнообразія. Общественно-городскія земли уже не ограничиваются одними выгонами [2]). Кромѣ земель городское общество владѣетъ различнаго рода зданіями, какъ необходимыми для помѣщенія различныхъ общественно-городскихъ учрежденій, собранія самаго общества [3]), такъ и служащими для разнаго рода промысловъ [4]). Мы встрѣчались и до Екатерины II

---

[1]) П. С. З. № 15848. Петербургскій Верхній Надворный Судъ, куда боровичане обратились съ просьбой о заключеніи купчей, отказалъ имъ въ этомъ; но Межевая Канцелярія отмѣрила купленную землю и Сенатъ, основываясь на этомъ послѣднемъ фактѣ, рѣшилъ, что „къ покупкѣ и писанію купчей препятствія быть не можетъ“.—Трудно объяснить, почему, боровичане обратились въ данномъ случаѣ въ Верхній Надв. Судъ, учрежденный, какъ извѣстно, въ качествѣ второй инстанціи для дворянства и разночинцевъ, живущихъ въ столицахъ.

[2]) Городу принадлежатъ вообще „земли“: сады, поля, луга, рощи, пустопорожнія мѣста. П. С. З. № 16188 ст. 2.

[3]) Городскому обществу дозволяется имѣть домъ для своихъ собраній и архивовъ. *Ibid.* ст. 39. Въ немъ же собираются обѣ Думы. *Ibid.* ст. 171 и 175.

[4]) Городъ можетъ владѣть мельницами, трактирами и т. п. промышленными заведеніями. *Ibid.* ст. 2, 3, 18, 19 и 149.

не только съ общественно-городскимъ выгономъ, т. е. общественною землею, но видѣли, что еще Земскимъ Избамъ поручено было «отдавать въ оброкъ» разнаго рода «доходныя статьи и угодья». Но я уже говорилъ въ своемъ мѣстѣ, что всѣ эти «статьи и угодья» не были не только общественною собственностью, но не состояли даже и въ общественномъ пользованiи. Земскiя Избы, сдавая ихъ въ оброкъ, дѣйствовали въ качествѣ простыхъ правительственныхъ агентовъ; доходы шли въ государственную, а не городскую казну. Теперь, по Положенiю 1785 года, всѣ эти «угодья», земли и т. п. составляютъ собственность города, какъ совокупности всего городскаго населенiя, въ смыслѣ юридическаго лица. Законъ, говоря о хозяинѣ общественно-городской собственности, употребляетъ выраженiе «городъ», а не горожане, городскiе обыватели и т. п. Съ 1785 года, только съ этого времени, городъ и является юридическимъ лицомъ; городская собственность дѣлается соственностью общественною, а не частно-общинною, каковою были раньше, да и въ это время оставались, пахатныя земли тѣхъ городовъ, все населенiе которыхъ было землѣдѣльческимъ и владѣло землею на общинномъ началѣ. Теперь собственникомъ является «городъ», «градское общество» въ своемъ полномъ составѣ, отдѣльный же членъ этого общества не имѣетъ никакого права на эту собственность [1]).

Обративъ населенiе каждаго города во всей его совокупности въ одно «общество» со всѣми признаками юридическаго лица, Екатерина II тѣмъ самымъ навсегда отказалась отъ взгляда на него какъ на пунктъ, населенный исключительно торгово-промышленнымъ классомъ. Она навсегда отказалась отъ вѣковой задачи—собрать «разсыпанную храмину» этого сословiя. Переставъ смотрѣть

---

[1]) Характеръ „градскаго общества", какъ юридическаго лица лучше всего выясняется въ ст. 43 грамоты 1785 г.; по смыслу этой статьи за личное преступленiе горожанина городское общество не отвѣчаетъ. Понятно, что согласно этой статьѣ общество не отвѣчаетъ и за своихъ должностныхъ лицъ: въ случаѣ ихъ преступленiя противъ него самаго ему пришлось бы играть роль истца и отвѣтчика; если бы даже преступленiе совершено было общественно—должностнымъ лицомъ—такъ сказать въ роли правительственнаго агента — общество, въ качествѣ юридическаго лица, не отвѣчаетъ.

на него, какъ на тягло-сословную единицу, законодательница тѣмъ самымъ отказалась отъ мысли Петра поставить всѣ города въ извѣстныя зависимыя отношенія другъ къ другу, въ іерархическую связь. Съ того момента, какъ населеніе каждаго города стало представлять собою юридическое лицо, подобная связь стала немыслима: она несовмѣстима съ понятіемъ юридическаго лица.

До сихъ поръ выборныя сословно-городскія должности являлись представителями извѣстной доли власти не въ силу того, что они были представителями извѣстнаго класса городскаго населенія, извѣстной общины, а въ силу только того, что ихъ облекало этой властью правительство. По Положенію 1785 года наоборотъ, городскія выборныя должности пользуются своей долей власти именно въ силу того, что ихъ избрало общество, которое какъ бы перенесло на нихъ часть своихъ правъ, своего значенія. Это и понятно: теперь само общество является носителемъ, субъектомъ извѣстныхъ правъ и обязанностей. Оно является политической единицей, пользующейся извѣстными правами. Какъ великъ объемъ этихъ правъ— вопросъ иной. Важенъ самый фактъ ихъ появленія. Населеніе каждаго города съ этого времени является лицомъ въ общественно-политическомъ правѣ. Этотъ фактъ составляетъ, такъ сказать, эпоху въ исторіи нашего города. Являясь въ частномъ правѣ въ качествѣ простаго юридическаго лица, какъ владѣлецъ извѣстной собственности, городское общество, «городъ», является субъектомъ извѣстной политической власти по отношенію къ каждому частному обывателю, какъ отдѣльному лицу. Это послѣднее качество городскаго общества, его политическая сторона является, какъ увидимъ, въ Положеніи 1785 года, лишь въ зародышѣ, но тѣмъ не менѣе является. Право налагать, напр., на вновь вступающую въ среду общества семью опредѣленный взносъ — одно изъ проявленій такой стороны, политической власти. Каждый отдѣльный членъ городскаго общества, вступая въ среду послѣдняго, обязывается «учинить росписку вмѣсто присяги» въ томъ, что онъ признаетъ городскія общественныя права и обязанности [1]).

Какъ внѣшнее выраженіе сущности юридическаго лица каждый городъ получаетъ свой особый гербъ и печать, которыми «градское»

---

[1]) Грамота городамъ ст. 6.

общество скрѣпляетъ всѣ постановленія и распоряженія общественно-городскихъ учрежденій и должностей, какъ своихъ органовъ. Къ разсмотрѣнію этихъ учрежденій и должностей и обратимся.

ГЛАВА II.

Общія городскія учрежденія.

Городское общество, въ качествѣ юридическаго лица, выражало свою волю, какъ я уже замѣтилъ, въ собраніи всѣхъ своихъ полноправныхъ членовъ. Грамота городамъ 1785 года «жалуетъ» обывателямъ города «дозволеніе» собираться въ томъ городѣ [1]). Мы видѣли, что участвовать въ этомъ собраніи могъ каждый городской обыватель, обладавшій доходомъ не менѣе 50 рублей. Всѣ, необладавшіе такимъ доходомъ, не могли участвовать активно въ городскомъ собраніи [2]) и составляли собою классъ неполноправныхъ гражданъ. Это собраніе общества городскихъ обывателей имѣло мѣсто одинъ разъ въ три года. Самое время собранія Грамотой точно не опредѣляется: по выраженію ея оно имѣетъ мѣсто «въ зимнее время». Кѣмъ же точно опредѣляется этотъ срокъ? Этотъ вопросъ—въ тѣсной связи съ другимъ вопросомъ—кто созываетъ собраніе горожанъ? По опредѣленію Грамоты о городахъ городскіе обыватели собираются «по приказанію и дозволенію генералъ-губернатора или губернатора» [3]). Что значитъ здѣсь выраженіе по «приказанію и дозволенію»? Терминъ—«по приказанію» не требуетъ никакихъ объясненій самъ по себѣ, точно также, какъ не требуетъ его и слово дозволеніе; но ясность выраженія совершенно исчезаетъ, когда эти два понятія соединяются, понятія—діаметрально противоположныя: понятіе приказа уничтожаетъ собою понятіе разрѣшенія. Значитъ ли это выраженіе, что генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ дается на собственное усмот-

[1]) Ст. 29.

[2]) Жалованная грамота даетъ право присутствовать въ собраніи и лицамъ, не удовлетворяющимъ поставленному ею условію ценза и возраста. Ст. 50 и 51. Понятно, статьѣ этой никакого другаго смысла придать нельзя, кромѣ того, что засѣданіе собранія было публичнымъ.

[3]) *Ibid.* ст. 30.

рѣніе—или приказать горожанамъ собраться и съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣлить самый срокъ собранія, день и часъ его; или же опредѣленіе этого срока предоставляется самому собранію или органамъ общественно-городскаго управленія и Губернаторъ оставляетъ за собою лишь право дозволить или не дозволить, разрѣшить или не разрѣшить Собраніе въ этотъ срокъ? Едва ли нужно говорить, что если законодатель понималъ употребленное имъ выраженіе «по приказанію и дозволенію» въ первомъ смыслѣ, то тѣмъ самымъ онъ совершенно устранилъ отъ рѣшенія этого вопроса общество и его представителей, предрѣшивъ его заранѣе, и выраженіе «приказать и дозволить» въ такомъ случаѣ является не болѣе, какъ плеоназмомъ. Не встрѣчая никакихъ другихъ объясненій по этому предмету въ Грамотѣ, нельзя придти ни къ какому иному заключенію, кромѣ того, что собраніе городскихъ обывателей созывалось Генералъ-Губернаторомъ или Губернаторомъ въ срокъ, опредѣленный имъ же въ рамкахъ «зимняго времени».

Грамота городамъ ни слова не говоритъ ни о томъ, кто предсѣдательствуетъ въ собраніи городскаго общества, ни о порядкѣ самаго засѣданія—способѣ подачи голосовъ и т. п. [1]). Въ ней ничего не говорится точно также и о томъ, какимъ образомъ происходитъ повѣрка правъ явившихся въ собраніе на избирательный голосъ и происходитъ ли она [2]). Все это совершенно игнорируется. Она ничего не говоритъ и о томъ, могъ ли отсутствующій членъ городскаго общества передать свой голосъ кому либо изъ присутствующихъ или подать его письменно, какъ это допускалъ «обрядъ» выбора городскихъ депутатовъ въ Коммиссію 1767 года; пользовались ли правомъ голоса или представительства женщины [3]).

---

[1]) Очень вѣроятно, что собраніе городскаго общества руководилось во всемъ этомъ „обрядомъ“ выбора городами депутатовъ въ Коммиссію 1767 года. По этому обряду въ собраніи обывателей, во время избранія головы предсѣдательствовалъ „Начальникъ“ (города); а по избраніи головы—этотъ послѣдній. Подача голосовъ шарами—открытая (ст. 11 и 17).

[2]) Въ томъ же „обрядѣ“—ст. 10—говорится, что списокъ избирателей (всѣмъ наличнымъ, въ томъ городѣ имѣющимъ домы) составляется Магистратами, Ратушей или Полиціей. Эта статья цѣликомъ почти вошла въ IX т. Св. З. 1857 г. ст. 406.

[3]) „Отсутственные“ изъ города, также и женщины не имѣютъ въ семъ выборѣ участія ни сами, ни чрезъ письма. А кто въ томъ городѣ нахо-

Грамота переходитъ прямо къ тому, что подлежитъ вѣдѣнію собранія городскаго общества. Это собраніе имѣло право, разумѣется, послѣ совѣщанія и обсужденія этого вопроса, или лучше, какъ выражается Грамота, ему «дозволено было», представлять Губернатору «о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ» [1]); далѣе, оно выслушивало «предложенія» Генералъ-Губернатора и Губернатора вѣроятно, относительно тѣхъ же «нуждъ и пользъ» города, предусмотрѣнныхъ ими [2]); разсматриваетъ, т. е. провѣряетъ городскую обывательскую книгу, составляемую спеціально избранной для этого Коммиссіею [3]) и наконецъ, — одинъ изъ самыхъ главныхъ предметовъ вѣдомства этого собранія — избираетъ опредѣленныхъ должностныхъ лицъ [4]).

Въ чемъ состояли «нужды и пользы» города, разсматриваньемъ которыхъ занималось собраніе градскаго общества, Грамота въ этомъ случаѣ молчитъ. Она ограничивается лишь тѣмъ, что грозитъ собранію пеней въ 200 рублей въ томъ случаѣ, если оно сдѣлаетъ какое нибудь постановленіе, «противное законамъ» или требованіе, нарушающее законы [5]). Эти пользы и нужды не могли быть чѣмъ-либо инымъ, кромѣ тѣхъ пользъ и нуждъ, которыя подлежали вѣдѣнію городскихъ Думъ; поэтому я и буду говорить о нихъ дальше, когда поведу рѣчь о компетенціи Думъ. Этихъ же самыхъ пользъ и нуждъ города, разумѣется, касались и «предложенія» губернатора, которыя онъ могъ дѣлать по Положенію городскому собранію. Здѣсь напрашивается очень важный вопросъ, какъ должно было относиться городское собраніе къ такого рода предложеніямъ? Положеніе останавливается и на этомъ вопросѣ нетолько очень коротко, но и не ясно; оно говоритъ, что собраніе должно принимать такое предложеніе «во уваженіе» и дать на него «приличный отвѣтъ, сходственный съ узаконенія-

---

дится и самъ быть не можетъ, тому дозволяется письменно присылать свой голосъ.—„Обрядъ" стр. 9.

[1]) Ст. 36.

[2]) Ст. 30 и 38.

[3]) Ст. 74.

[4]) Ст. 30, 34.

[5]) Во второмъ случаѣ пени не полагается, а лишь уничтожается „недѣльное" требованіе, что поручается губернскимъ стряпчимъ. Ст. 37.

ми (?) и общественнымъ благомъ» [1]). Опредѣленіе, въ сущности ничего неопредѣляющее; какъ выраженіе «узаконенія», безъ указанія, какія именно, такъ и выраженіе «общественное благо» въ силу своей условности и растяжимости, не могли послужить руководящимъ началомъ городскому собранію, которое въ своемъ приличномъ отвѣтѣ едва-ли было въ состояніи выразить что-либо, кромѣ полной готовности удовлетворить по мѣрѣ силъ всякое предложеніе губернатора [2]). Относительно городской обывательской книги Грамота представляетъ городскому собранію право требовать отъ городскаго головы и депутатовъ Коммисіи, составляющей книгу и имъ президируемой, протоколовъ собранія депутатовъ, дабы имѣть возможность разсмотрѣть ведено ли дѣло Коммисіей такъ, какъ она должна его вести по закону [3]). При этомъ Грамота не говоритъ, имѣло ли собраніе право дисциплинарнаго взысканія въ случаѣ нарушенія депутатскимъ собраніемъ его обязанностей, имѣло ли оно право предать его суду.

Обращаясь къ одной изъ самыхъ важныхъ сторонъ дѣятельности городскаго собранія — избранію имъ разнаго рода выборныхъ должностныхъ лицъ—приходится остановиться на двухъ главныхъ сторонахъ этой дѣятельности—въ какія именно должности избирало городское собраніе и кого? Вглядываясь пристальнѣе въ дѣло, нельзя не замѣтить, что должностныя лица, избираемыя городскимъ собраніемъ [4]), распадаются на двѣ, очень неравныя, категоріи: къ одной приходится отнести лицъ, избираемыхъ для занятія административно-городскихъ должностей, каковы—городской голова и члены депутатскаго собранія [5]). Къ другой — лицъ, имѣющихъ занять судебно-сословныя городскія должности, къ которымъ надо отнести бургомистровъ, ратмановъ, засѣдателей, ста-

---

[1]) Ст. 38.

[2]) Едвали чего либо другаго можно ждать отъ общества, о которомъ какихъ-нибудь полсотни лѣтъ назадъ само правительство говорило, что оно не имѣетъ смѣлости себя защитить, которое и теперь поставлено въ такую сильную зависимость отъ губернатора.

[3]) См. 74.

[4]) А не городскимъ обществомъ вообще, что большая разница; мы увидимъ далѣе, что члены обѣихъ Думъ избираются городскимъ обществомъ, но не городскимъ собраніемъ.

[5]) Грам. гор. ст. 31 и 54.

ростъ и судей совѣстнаго суда [1]. Изъ всѣхъ этихъ должностей только городской голова и члены депутатскаго собранія, т. е. представители городской администраціи, по характеру принадлежащей имъ власти, по характеру ихъ компетенціи, могутъ быть названы должностями обще-городскими; всѣ же должности второй категоріи, т. е. судебныя, являются въ этомъ отношеніи должностями исключительно сословными. Тѣмъ не менѣе законодатель, внесшій, какъ увидимъ, принципъ сословности въ избраніе гласныхъ городской Думы, отказывается отъ него при избраніи не только такихъ должностныхъ лицъ, какъ голова, представитель всего городскаго общества, но и такихъ, исключительно сословныхъ, какъ только что названные. И та и другая категорія выборныхъ, избираемыхъ городскимъ собраніемъ, избирается имъ въ полномъ своемъ составѣ, т. е. голоса подаются каждымъ членомъ собранія, а не по сословіямъ [2]. Являясь, такимъ образомъ по характеру избранія, по спо-

---

[1] *Ibid.* Ст. 31—35. Бургомистры, ратманы—засѣдаютъ въ чисто сословномъ учрежденіи, какъ мы уже видѣли,—въ городовыхъ магистратахъ; засѣдатели—въ губернскихъ магистратахъ. Члены остальныхъ судовъ—точно также представители сословій, какими знаетъ ихъ Учрежденіе о губерніяхъ. (Грамота даже ссылается, говоря объ этихъ выборныхъ, на Учрежденіе). Сомнѣніе могутъ возбудить развѣ сиротскіе суды, о которыхъ Грамота въ 46 ст. говоритъ, какъ объ учрежденіяхъ исключительно сословныхъ, а въ 48 уже какъ объ учрежденіяхъ для сиротъ и вдовъ „всякаго званія жителей“.

[2] О городскомъ головѣ прямо говорится, что онъ избирается „всѣмъ обществомъ“ ст. 158. Что остальныя изъ названныхъ должностей избираются точно также всѣмъ обществомъ, т. е. городскимъ собраніемъ, это слѣдуетъ изъ того, что статьи о выборахъ этихъ должностныхъ лицъ помѣщены въ отдѣлѣ, трактующемъ о городскомъ собраніи, а не въ отдѣлахъ, гдѣ говорится о выборахъ отдѣльными сословіями городскаго населенія. Если въ текстѣ часто употребляется вмѣсто выраженія „городское собраніе“, выраженіе „городское общество“; вмѣсто—„городскіе обыватели—“мѣщанство, то это объясняется просто оплошностью редакціи подъ городскимъ обществомъ и мѣщанствомъ въ этомъ случаѣ нужно понимать—городское собраніе и городскихъ обывателей.—Этому положенію не противорѣчитъ 35 ст. Грамоты, которая, ради удобства, позволяетъ городскому обществу собираться по частямъ (полицейскимъ) и выбирать кандидатовъ, изъ которыхъ уже и выбираетъ городское собраніе. Эти собранія по частямъ подаютъ голоса все-таки не по сословіямъ, а каждый членъ, не зависимо отъ сословія, обладаетъ голосомъ.—Ст. 158.

собу подачи голосовъ, представителями не отдѣльнаго какого-либо сословія, а всего общества, всѣ эти выборныя должностныя лица по той средѣ, изъ которой избираетъ ихъ городское собраніе, являются представителями исключительно только торговопромышленнаго сословія. Въ этомъ случаѣ законодатель сворачиваетъ на старый путь, онъ еще не отрѣшился совершенно отъ вѣковаго взгляда на общественно-городскія должности, какъ на тягло исключительно сословное, тягло, совершенно несовмѣстимое ни со службами другаго рода, ни съ достоинствомъ другаго сословія. Этимъ только и можно объяснить слѣдующее опредѣленіе Грамоты городамъ, такъ плохо мирящееся съ новымъ понятіемъ законодателя о городскомъ обществѣ, городѣ, какъ совокупности всего городскаго населенія, всѣхъ городскихъ обывателей, обладающихъ опредѣленнымъ цензомъ: 13-я статья Грамоты говоритъ, что дворяне, владѣющіе въ городѣ недвижимой собственностью «отъ мѣщанскихъ тягостей не освобождаются»; но «ради дворянскаго достоинства» освобождаются отъ личныхъ податей и службъ». Слѣдующая статья прибавляетъ, что отъ этихъ службъ освобождаются и «военные и гражданскіе чиновники». Такимъ образомъ, за этимъ исключеніемъ, выборамъ могутъ подлежать лишь именитые граждане, купцы и ремесленники, включая сюда и посадскихъ. А принявъ во вниманіе во первыхъ, сравнительную ничтожность класса именитыхъ даже въ такихъ городахъ, какъ Петербургъ, Москва, Рига и др.; во вторыхъ, что ихъ можно было de facto, ради того же достоинства, избирать развѣ лишь въ городскіе головы, окажется, что во всѣ должности, въ которыя избирало городское собраніе, оно могло избирать лишь исключительно изъ торгово-промышленнаго населенія [1]). Изъ среды же этого слоя городскаго населенія избирать можно лишь тѣхъ, цензъ которыхъ не былъ ниже 50 рублей дохода [2]). Такимъ образомъ, контингентъ избираемыхъ суживался очень значительно, и массѣ городовъ гро-

---

Эта статья Грамоты 1785 года—повторяется и поясняется въ 4434 ст. тома II Св. Зак. 1857 г. „городской голова избирается всѣми сословіями города или посада въ совокупности".

[1]) Здѣсь, вѣроятно, остаются въ силѣ постановленія Учрежденія о губерніяхъ. См. ст. 278—281.

[2]) Грамота гор. ст. 49.

зило остаться безъ выборнаго городскаго правленія. Менѣе двадцати лѣтъ тому назадъ депутаты отъ города въ знаменитой Коммиссіи 1767 года докладывали, что «во многихъ городахъ нѣтъ вовсе купечества» [1]). Въ теченіи этихъ двадцати лѣтъ экономическое положеніе большинства городовъ едвали хоть сколько нибудь замѣтно улучшилось, благопріятныхъ условій къ этому данный періодъ времени не представлялъ. Пятидесяти—рублевый цензъ по тому времени вовсе не былъ такимъ скромнымъ, какимъ онъ кажется теперь. Законодатель отлично сознавалъ это самъ; онъ понималъ, что примѣнять 49 статью строго послѣдовательно, значитъ оставить не малое количество городовъ безъ управленія выборными и потому къ пятидесятой статьѣ прибавлено было примѣчаніе, толкованіе, по которому ст. 49 предписывалось строго примѣнять лишь въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ есть на лицо обыватели, удовлетворяющіе поставленнымъ этой статьей условіямъ; въ тѣхъ же городахъ, гдѣ такихъ гражданъ не имѣется, въ должности разрѣшается избирать и лицъ «безкапитальныхъ» [2]). При этомъ законодатель прямо говоритъ, что могутъ быть избираемы и необладающіе такимъ капиталомъ, онъ какъ бы боится установить новый minimum цензоваго дохода, не надѣясь, очевидно, что при этомъ новомъ минимумѣ возможно будетъ ввести выборныя учрежденія во всѣхъ городахъ. Случай 1776 года вѣроятно еще не изгладился изъ памяти законодателя: ценза еще не существовало, а въ двухъ городахъ одной губерніи не нашлось такого количества купцовъ и мѣщанъ, котораго было бы достаточно для образованія городоваго Магистрата. На ученыхъ, которыми Екатерина предписала восполнить, такъ сказать, недостатокъ торгово-промышленнаго населенія, плоха надежда даже и не въ такихъ городахъ, какъ новоустроенные Сычевка и Рупосово [3]).

---

[1]) *Полѣновъ:* ч. II. 146. Депутатъ отъ города Ряжска.

[2]) Грам. гор. прим. къ ст. 50.

[3]) Необходимость и польза примѣчанія къ 50 ст. не замедлили выясниться. Уже въ 1787 году, при выборахъ въ городѣ ревельскаго Намѣстничества Вейссенштейнѣ удовлетворяющихъ условіямъ ценза гражданъ оказалось всего восемъ человѣкъ, изъ которыхъ для городскихъ службъ необходимо было выбрать одинадцать. П. С. З. № 16514. Въ томъ же году Рижскій Намѣстникъ доноситъ, что въ его па-

Изъ всѣхъ городскихъ должностныхъ лицъ, избираемыхъ общимъ городскимъ собраніемъ, олицетворявшимъ собою все городское населеніе, только городской голова является такимъ должностнымъ лицомъ, которое представляетъ собою это населеніе, городское общество, какъ юридическое лицо, которое, однако не представлялось одною этою единоличною должностью. Городское общество для непосредственнаго управленія городскимъ хозяйствомъ имѣло по Положенію 1785 года два коллективныя учрежденія, такъ называемыя, Общую и Шестигласную Думы. Къ разсмотрѣнію этихъ учрежденій и обратимся.

Городскому обществу, городскимъ обывателямъ, дозволяется, говоритъ Грамота, составить Общую городскую Думу, которой, однако, недостаточно для управленія дѣлами города, такъ какъ она составлена изъ людей, «занятыхъ торгами, промыслами и ремеслами», при томъ собирается всего одинъ разъ въ три года, то, для постояннаго завѣдыванія текущими дѣлами городскаго хозяйства, учреждается, такъ называемая Шестигласная Дума [1]). Посмотримъ, какимъ образомъ составляется и что «вѣдаетъ» каждая изъ названныхъ думъ.

Члены Общей городской Думы, гласные, какъ ихъ называетъ Грамота, являются каждый въ отдѣльности, представителями не цѣлаго городскаго общества, а лишь опредѣленной части его, — извѣстнаго слоя: каждый изъ шести классовъ городской обывательской книги посылаетъ въ Общую Думу, по нѣсколько гласныхъ [2]); благодаря этому и выборы этихъ глас-

---

мѣстничествѣ „ни въ которомъ изъ уѣздныхъ городовъ не находится достаточнаго числа жителей каждаго состоянія", чтобъ составить шести гласную Думу. „Общества" по большей части состоятъ изъ купцовъ и цеховъ, которые принадлежатъ къ управамъ другихъ городовъ. А настоящихъ городскихъ обывателей, иностранныхъ и иногородныхъ гостей и посадскихъ — „столь мало, что изъ нихъ въ гласные избрать не кого". Почему и рѣшено составить „подобное" Шестигласной Думѣ собраніе изъ купцовъ и цеховыхъ, по три гласныхъ отъ каждаго сословія. Позволено также выбирать въ Городскую Думу членовъ Городовыхъ Магистратовъ, если они примутъ на себя добровольно этотъ трудъ. П. С. З. № 16584. п. 1, 2, 3, 5.

[1]) Ст. 156 и 164.

[2]) Ст. 157.

ныхъ производятся не всѣмъ городскимъ обществомъ въ его собраніи, а каждымъ изъ шести классовъ и сословій въ отдѣльности; при этомъ, каждое изъ шести сословій избираетъ своихъ гласныхъ не въ полномъ своемъ составѣ, а распадаясь на части. Настоящіе обыватели и посадскіе, при выборахъ своихъ гласныхъ, составляютъ столько отдѣльныхъ обществъ и собраній, на сколько полицейско-административныхъ частей распадается городъ. Каждое изъ такихъ обществъ, собраній настоящихъ городскихъ обывателей, избираетъ по одному гласному. Такимъ образомъ, число гласныхъ отъ настоящихъ городскихъ обывателей обусловливается количествомъ полицейскихъ частей, участковъ, даннаго города; всѣ же отдѣльныя части посадскихъ избирали одного гласнаго [1]). Maximum гласныхъ отъ именитыхъ гражданъ, обусловливаясь количествомъ разрядовъ, на которые распадается, какъ мы видѣли это сословіе городскихъ обывателей, можетъ быть семь; minimum — одинъ. Каждый изъ семи разрядовъ выбираетъ своего отдѣльнаго гласнаго лишь въ томъ случаѣ, когда его составляютъ не менѣе пяти человѣкъ [2]). Понятно, что едва-ли хоть въ одномъ городѣ тогдашней Россіи число гласныхъ отъ этого сословія могло достигнуть своего максимума: въ какомъ городѣ могло состоять пять человѣкъ владѣльцевъ кораблей, плавающихъ по иностраннымъ морямъ; во многихъ ли городахъ могло встрѣтиться пять человѣкъ, объявившихъ капиталы свыше 50000 р.; многіе ли города могли похвалиться достаточнымъ, для выбора гласнаго, количествомъ банкировъ, обладающихъ слишкомъ стотысячнымъ капиталомъ; нужно ли говорить о томъ, какое количество городовъ могло похвалиться наличностью хоть бы пяти ученыхъ или артистовъ, получившихъ аттестаты отъ университета—одного на всю Россію—и Академіи? Опредѣливъ въ какомъ случаѣ каждый разрядъ именитыхъ гражданъ можетъ избрать отдѣльнаго гласнаго, Грамота ни слова не говоритъ о томъ случаѣ, если изъ

[1]) Ст. 163. Въ статьѣ о посадскихъ, вслѣдъ за словами, что эти обыватели собираются по частямъ,—говорится, что они избираютъ „одного гласнаго посадскихъ". Если не принять этого оборота рѣчи за недосмотръ редакціи, придется понимать это мѣсто такъ, что посадскіе всѣхъ частей избираютъ одного гласнаго. Но въ такомъ случаѣ, какъ это производится? Грамота не говоритъ.

[2]) Ст. 162.

семи разрядовъ одинъ, много два будутъ въ состоянiи выбрать отдѣльнаго гласнаго. Всѣ остальные разряды, могущiе составить въ общей сложности, больше пяти человѣкъ, остаются безъ представителя въ Общей Думѣ или ихъ представляютъ гласные, выбранные отъ разрядовъ, количество членовъ которыхъ было не менѣе пяти? Всѣ купцы даннаго города и вообще записанные въ гильдiи собираются по гильдiямъ и каждая гильдiя выбираетъ по одному гласному [1]). Цеховые точно также избирали по одному гласному отъ каждаго существующаго въ городѣ цеха [2]). Грамота говоритъ, что иногородные и иностранные гости, для выбора гласныхъ, собираются «каждый народъ» особо; понятно, что рѣчь въ данномъ случаѣ идетъ лишь объ иностранныхъ гостяхъ, которые избираютъ по одному гласному отъ каждой нацiи [3]). А какже избираютъ своего гласнаго иногородные русскiе? Не можетъ быть, чтобы они избирали вмѣстѣ съ иностранцами. Сколько гласныхъ они избираютъ? Обо всемъ этомъ Грамота молчитъ. Она молчитъ и о томъ, при какомъ наличномъ составѣ каждая нацiя могла избирать отдѣльнаго гласнаго. А между тѣмъ опредѣленiе минимума состава «каждаго народа», пожалуй, гораздо необходимѣе, чѣмъ по отношенiю къ именитымъ гражданамъ: развѣ трудно представить себѣ даже такой случай, что въ томъ или другомъ городѣ всего два-три иностранца, да при томъ различныхъ нацiй? Что дѣлать въ этомъ случаѣ: оставить ли ихъ безъ гласнаго, выбрать ли имъ одного вмѣстѣ или даже выбрать одного вмѣстѣ съ иногородными?

Всмотрѣвшись нѣсколько ближе въ только-что изложенную систему выборовъ гласныхъ городскими обывателями въ Общую Городскую Думу, нельзя не замѣтить, что мысль о равномѣрномъ представительствѣ въ Думѣ интересовъ всѣхъ отдѣльныхъ сословiй городскихъ обывателей была совершенно чужда законодателю, что

---

[1]) Ст. 159. Грамота въ этомъ случаѣ уже не устанавливаетъ minimum'а числа членовъ гильдiи, при наличности котораго она могла избирать отдѣльнаго гласнаго; а между тѣмъ въ массѣ городовъ едва-ли могло найтись пять человѣкъ, напр., во второй гильдiи, про первую уже не говорю. Кто является гласнымъ, если напр., въ гильдiи было на лицо одинъ или два члена.

[2]) Ст. 160.

[3]) Ст. 161.

его стремленія діаметрально противоположны подобнаго рода мысли. Са́мый незначительный, въ количественномъ отношеніи, классъ именитыхъ гражданъ избираетъ наибольшее число гласныхъ изъ всѣхъ классовъ, за исключеніемъ развѣ только цеховыхъ ремесленниковъ, которые въ большихъ городахъ, (но только въ большихъ) разумѣется, составляли больше семи цеховъ [1]). Въ этомъ стремленіи ясно проглядываетъ мысль законодателя дать преобладаніе въ управленіи городомъ представителямъ высшаго имущественнаго и умственнаго ценза. Выбранные такимъ образомъ гласные отъ всѣхъ слоевъ сословій городскаго населенія и составляютъ то, что Грамота называетъ Общею Городскою Думою, которая и олицетворяетъ собою все городское общество.

Выборы въ гласные производятся черезъ каждые три года [2]), т. е. служба гласныхъ Общей Городской Думы продолжалась три года. Въ дѣйствительности же она сокращалась, по всѣмъ вѣроятіямъ, до одного дня: по правилу Общая Городская Дума должна была «собираться однажды всякій срокъ засѣданія», т. е. въ теченіи трехъ лѣтъ; дальше та же статья прибавляетъ, какъ исключеніе изъ правила, что Общая Дума можетъ собираться и въ другое время, «если того потребуетъ общественная нужда и польза.» Но кто созываетъ, какъ сословныя собранія для избранія гласныхъ въ Общую Думу, такъ и самыхъ гласныхъ, Грамота не опредѣляетъ. Относительно сословныхъ собраній можно предполагать съ очень большей вѣроятностью, что они, какъ и общія городскія собранія, собирались «по приказанію и дозволенію» генералъ-губернатора или губернатора. Что касается вопроса о созваніи гласныхъ Думы, то рѣшить его гораздо труднѣе: мы не имѣемъ ни прямыхъ, ни косвенныхъ указаній на то, чтобы право созванія принадлежало начальнику губерніи. Ее могъ созывать городской голова, какъ ея предсѣдатель [3]). Этотъ вопросъ важенъ, собственно

---

[1]) Даже настоящіе городскіе обыватели избирали количество гласныхъ большее, чѣмъ именитые граждане лишь въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ число полицейскихъ частей могло превышать семь, цифру разрядовъ именитыхъ гражданъ.

[2]) Ст. 158—163; 30 и 164.

[3]) Въ статьяхъ 158—163 говорится, что гласный отъ каждаго сословія долженъ вслѣдъ за избраніемъ являться къ городскому головѣ. Не слѣдуетъ-ли

говоря, лишь въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда Дума собиралась для обсужденія «нуждъ и пользъ города.» Въ тѣхъ же случаяхъ, когда она собиралась вслѣдъ за избраніемъ гласныхъ ея, она могла собраться de facto безъ спеціальнаго созванія въ самый день избранія или по крайней мѣрѣ на другой день послѣ него. Съ фактомъ созванія тѣсно связано опредѣленіе срока, въ теченіи котораго гласные могли засѣдать. Отъ кого зависѣло опредѣленіе этого срока, Грамота точно также ничего не говоритъ. Этотъ вопросъ стоилъ бы того, чтобъ на немъ остановиться. Надо думать, что и право закрытія засѣданій Общей Думы принадлежало вмѣстѣ съ правомъ созванія начальнику губерніи. Обходя такіе важные вопросы, Грамота не забываетъ сказать, что собирается Общая Дума въ домѣ городскаго общества [1]).

Предсѣдательствуетъ въ Общей Думѣ Голова. Въ Грамотѣ объ этомъ прямо не говорится; но въ статьѣ, опредѣляющей составъ Думы, говорится, что ее составляютъ гласные отъ сословій и городской голова [2]), который, разумѣется, не могъ входить въ ея составъ иначе, какъ въ качествѣ предсѣдателя. Прежде, чѣмъ перейдти къ разсмотрѣнію предметовъ дѣятельности Общей Думы, ея компетенціи, я нахожу не лишнимъ остановиться на вопросѣ о подачѣ голосовъ гласными Думы. Мы видѣли, что въ составъ ея входило по нѣсколько человѣкъ гласныхъ отъ каждаго сословія; какъ подавали они голоса: составляли ли они при этомъ одно цѣлое, подавая голоса всѣ вмѣстѣ, безъ различія сословій, или же гласные каждаго сословія подавали голоса отдѣльно, составляя одинъ голосъ, такъ что Общая Дума въ сущности составлялась всего изъ шести голосовъ? Прямаго, яснаго отвѣта и на этотъ вопросъ мы не найдемъ въ Грамотѣ городамъ. Но мнѣ кажется, есть косвенныя указанія,

---

изъ этого факта вывести, что головѣ предоставлено право созванія гласныхъ Думы? Едва-ли это появленіе къ Городскому Головѣ было необходимо просто для занесенія гласныхъ въ списокъ и предъявленія ихъ Головою на утвержденіе Губернатору, что, разумѣется было необходимо, хотя Грамота и не говорила объ этомъ. Мы имѣемъ, впрочемъ, прецедентъ въ пользу мнѣнія, что Дума могла собираться по созыву Городскаго Головы: въ „Обрядѣ“ выбора гор. депутата въ Коммиссію 1767 г. „день и мѣсто для выбора депутата“ назначается Городскимъ Головою. Ст. 18.

[1]) Ст. 171.

[2]) Ст. 157.

на основаніи которыхъ можно придти къ томуил и другому отвѣту. Въ статьяхъ, трактующихъ о выборѣ отдѣльными сословіями гласныхъ, употребляется выраженіе «чтобъ составить голосъ» [1]: чтобъ составить голосъ настоящихъ городскихъ обывателей, послѣдніе избираютъ столько гласныхъ, сколько полицейскихъ частей въ городѣ; гильдейскіе и цеховые избираютъ столько, какъ мы видѣли, гласныхъ, сколько гильдій и цеховъ и опять-таки, «чтобъ составить голосъ» (одинъ голосъ) гильдейскихъ и цеховыхъ. Что же можетъ, въ этомъ случаѣ, значить выраженіе «составить голосъ?» Мнѣ кажется, что оно не можетъ выражать собою ничего другаго, кромѣ того, что всѣ гласные отъ каждаго отдѣльнаго сословія составляютъ въ Думѣ одинъ голосъ, т. е. голоса подаются по сословіямъ и ихъ было всего шесть въ Общей Думѣ. Наконецъ, въ статьѣ 157 Грамота говоритъ, что каждое изъ сихъ раздѣленій (изъ шести сословій) имѣетъ одинъ голосъ въ обществѣ градскомъ.» Здѣсь, я думаю, подъ обществомъ градскимъ нужно понимать Общую Думу, какъ его олицетвореніе, какъ учрежденіе, его представляющее. Если не придать такого именно значенія выраженію «составить голосъ», то его пришлось бы понимать въ томъ смыслѣ, что изъ всѣхъ голосовъ каждаго сословія Общей Думы получается впослѣдствіи одинъ голосъ Шестигласной Думы. Но это объясненіе, мнѣ кажется, было бы несравненно большей натяжкой, чѣмъ та, которую, быть можетъ допустилъ я, придавая первое значеніе разсматриваемому выраженію. На сторонѣ моего объясненія стоитъ и общій духъ, если можно такъ выразиться, Грамоты, стремленіе ея провести чрезъ всѣ общія городскія учрежденія сословное начало. Это объясненіе совершенно согласно съ стремленіемъ законодателя дать перевѣсъ тѣмъ сословіямъ, которыя состоятъ изъ городскихъ обывателей, обладающихъ большимъ, высшимъ цензомъ имущественнымъ или умственнымъ, стремленіемъ, высказаннымъ имъ при опредѣленіи числа гласныхъ отъ каждаго сословія и наиболѣе рельефно выразившемся въ Шестигласной Думѣ. Понятно, что допустивъ такой способъ подачи голосовъ, я не лишаю тѣмъ значенія тотъ фактъ, что отъ каждаго сословія въ Общую Думу являлось по нѣсколько гласныхъ: голосъ отдѣльнаго сословія полу-

---

[1]) Ст. 158—163.

чался лишь путемъ голосованія каждаго отдѣльнаго вопроса въ средѣ гласныхъ отдѣльнаго сословія; голосъ большинства, вѣроятнѣе всего абсолютнаго, составлялъ голосъ. Какое значеніе имѣлъ голосъ Головы въ собраніи Общей Думы, подавался ли онъ отдѣльно отъ сословныхъ голосовъ, имѣлъ ли рѣшающее значеніе въ случаѣ распаденія собранія на равное количество голосовъ? Обо всемъ этомъ ничего не приходится говорить на основаніи Грамоты городамъ, совершенно игнорирующей этотъ вопросъ [1]). Она ничего не говоритъ и о томъ при какомъ минимумѣ наличныхъ гласныхъ можетъ состояться засѣданіе Думы; а между тѣмъ вопросъ этотъ имѣетъ огромное значеніе, въ особенности въ виду того, что подача голосовъ совершалась по сословіямъ; могло случиться, что гласныхъ отъ цѣлаго сословія ни одного не было на лицо; могло также случиться, что изъ гласныхъ даннаго сословія явился одинъ, что тогда? Будетъ ли его голосъ голосомъ сословія? Допустимъ, наконецъ, что гласные подаютъ голоса не по сословіямъ и въ такомъ случаѣ вопросъ не теряетъ своей важности.

Обращаясь къ разсмотрѣнію дѣятельности Общей Городской Думы, къ вопросу ея вѣдомства, приходится сознаться, что, несмотря на подробное перечисленіе Грамотой отдѣльныхъ предметовъ этого вѣдомства, вопросъ этотъ не такъ легко поддается рѣшенію, какъ можно подумать съ перваго взгляда. Сама Грамота, вслѣдъ за перечисленіемъ, болѣе или менѣе подробнымъ, отдѣльныхъ предметовъ вѣдомства Думы, какъ мы уже видѣли, ограничиваетъ собранія гласныхъ Думы однимъ разомъ въ три года, находя, вѣроятно, что, какъ она выражается, «бывъ составлена изъ людей, занятыхъ торгами, промыслами и ремеслами» [2]), Дума не въ состояніи заниматься городскимъ управленіемъ, для чего необходимымъ найдено выдѣлить изъ ея состава особое учрежденіе, которое посвятило бы возможно большее количество своего времени на управленіе город-

---

[1]) Въ „обрядѣ" выбора городскаго депутата въ Коммиссію 1767 года объ этомъ предметѣ есть слѣдующее постановленіе: при прочтеніи перваго имени, подлежащаго выбору въ депутаты „самъ Голова положитъ шаръ", а за нимъ кладутъ и всѣ собравшіеся избиратели. О рѣшающемъ значеніи голоса Головы, ничего не говорится. Очень вѣроятно, что этого порядка держались и въ Общей Думѣ.

[2]) Ст. 172.

скими дѣлами. Этимъ самымъ Грамота дѣятельность Общей Городской Думы, такъ подробно ею описанную, обращаетъ въ ничто, передавъ ее въ руки другаго, почти постояннаго, учрежденія, о которомъ въ той же Грамотѣ говорится, что оно вѣдаетъ именно тѣ же самыя дѣла, которыя отнесены къ вѣдомству Общей Думы [1]. Но этимъ фактомъ Общая Дума еще не обращается въ какое-то несуществующее, фиктивное учрежденіе, которое собиралось лишь за тѣмъ, чтобъ разойтись, засвидѣтельствовавъ фактъ своей ничтожности. За ней оставалось значеніе, на ней лежало дѣло, ей одной свойственное. Это—выборъ гласныхъ въ то постоянное учрежденіе, къ которому отходила вся городская администрація, въ Шестигласную Думу. Члены этой Думы избирались Общею Городскою Думою, по одному отъ каждаго сословія [2]. Избравъ этихъ шестерыхъ, Общая Дума тѣмъ самымъ передавала все городское хозяйство, его администрацію, этимъ шестерымъ подъ предсѣдательствомъ городскаго головы [3]. Вслѣдъ за тѣмъ она расходится, и собирается снова въ теченіи трехлѣтняго промежутка времени лишь въ случаяхъ чрезвычайныхъ, какъ мы видѣли, «когда нужда и польза городская потребуетъ», случаяхъ, закономъ вовсе неопредѣленныхъ. Кромѣ этихъ чрезвычайныхъ случаевъ существовалъ и еще поводъ къ собранію Общей Думы въ періодъ трехлѣтія, если только этотъ случай не подходитъ подъ категорію требуемыхъ «нуждой и пользой города». По 175 статьѣ Грамоты Шестигласная Дума обязывается, въ случаѣ какихъ-либо сомнѣній или недоразумѣній, а также «въ важныхъ и трудныхъ дѣлахъ» обращаться къ Общей Городской Думѣ. Грамота не опредѣляетъ, однако, точно ни этихъ случаевъ сомнѣнія, ни этихъ «важныхъ и трудныхъ дѣлъ», предоставляя все это собственному усмотрѣнію Шестигласной Думы. Вотъ все, чѣмъ, въ сущности, исчерпывается содержаніе дѣятельности Общей Городской Думы. Но если принять во вниманіе то обстоятельство, что законодатель сколько-нибудь подробно останавливается лишь на избраніи этой Думой членовъ въ Шестигласную Думу, что онъ прямо считаетъ невозможнымъ для ней занятія хозяйствомъ города, которое

---

[1]) Ст. 175.
[2]) Ст. 164 и 165.
[3]) Ст. 165 и 166.

передаетъ въ руки Шестигласной Думы, что тѣ чрезвычайные случаи, въ которыхъ Общая Дума должна была собираться внѣ срока, вовсе не опредѣляются закономъ, кромѣ слишкомъ общаго, ничего, въ сущности не говорящаго выраженія; что, наконецъ, онъ также лишь общими словами говоритъ о тѣхъ случаяхъ, когда Шестигласная Дума должна обращаться къ Общей за разрѣшеніемъ сомнѣній; принявъ, говорю, во вниманіе все это, нельзя не придти къ заключенію, что Общая Городская Дума по Положенію 1785 года едва ли имѣетъ какое-либо значеніе по отношенію къ городскому управленію, кромѣ того, что она служитъ второю избирательною инстанціею гласныхъ въ Шестигласную Думу [1]).

Избранные Общей Думой изъ своей среды, по одному отъ каждаго сословія, шесть человѣкъ гласныхъ, подъ предсѣдательствомъ городскаго Головы, составляютъ то учрежденіе, въ рукахъ котораго дѣйствительно находится городовое управленіе, такъ называемую Шестигласную Думу [2]). Эта Дума вѣдая, такъ сказать, всѣ текущія дѣла, обязана была собираться каждую недѣлю разъ, а если того потребуетъ «нужда и польза города», то и больше [3]). О внутреннемъ порядкѣ засѣданій Шестигласной Думы, какъ и Общей, Грамота ничего не говоритъ; такъ что о способѣ подачи голосовъ, о значеніи голоса городскаго головы, какъ предсѣдателя, приходится

---

[1]) Въ Городовомъ Положеніи 1857 года, представляющимъ собою, какъ увидимъ во второй этого части труда, ничто иное, какъ ту же грамоту городамъ 1785 года съ очень небольшими измѣненіями ея, и то въ частяхъ, не касающихся обще-городскихъ учрежденій (кромѣ Петербурга и Москвы); въ этомъ Положеніи Общая Городская Дума сведена дѣйствительно до значенія, указаннаго въ текстѣ: „когда Дума собирается для выбора гражданъ въ общественныя должности и тому подобныхъ дѣлъ“, тогда въ ней принимаютъ участіе всѣ гласные города и она носитъ имя Общей Городской Думы; для всегдашняго же отправленія дѣлъ—по одному отъ каждаго сословія, и она называется Шестигласной. Св. Зак. II. 4433. Этимъ вѣдомство Общей Думы и ограничивается; все, что по Грамотѣ 1785 г. перечислялось, какъ предметы вѣдомства Общей Думы, здѣсь относятся исключительно въ Шестигласную. Общая Дума—только избирательная инстанція.

[2]) Грамота городамъ. Ст. 165. Въ случаѣ выбытія одного изъ шести гласныхъ до истеченія 3-хъ лѣтняго срока Общая Городская Дума избираетъ новаго „изъ того же голоса“ *Ibid.*

[3]) Ст. 174.

дѣлать заключенія развѣ лишь на основаніи аналогіи съ засѣданіями собраній городскихъ обывателей для избранія депутата въ коммиссію 1767 года. Проходя молчаніемъ эту сторону вопроса, Грамота заботливо разсаживаетъ шестерыхъ членовъ Думы въ извѣстномъ порядкѣ, обусловливаемомъ значеніемъ и, такъ сказать, степенью достоинства каждаго гласнаго какъ представителя извѣстнаго сословія [1]).

Посмотримъ, какъ же понимаетъ Грамота то управленіе города, которое передается ею въ руки Шестигласной Думы. Она, какъ сейчасъ увидимъ, подробно перечисляетъ отдѣльные предметы, которые подлежатъ вѣдѣнію этой Думы. При самомъ бѣгломъ взглядѣ на это перечисленіе поражаешься различіемъ предмета вѣдомства Шестигласной Думы 1785 года отъ того, что поручалось вѣдѣнію Земскихъ Избъ или Магистратовъ и Ратушъ Петра Великаго и его преемниковъ. Судебная дѣятельность совершенно чужда новому учрежденію: она отошла вся къ Магистратамъ и Ратушамъ [2]), которые, какъ мы видѣли, обратились въ судебныя учрежденія еще съ изданіемъ въ 1775 году Учрежденія о губерніяхъ. О государственныхъ службахъ и сборахъ Государственныхъ доходовъ нѣтъ и помину [3]). Дума получаетъ въ свое вѣдѣніе исключительно управленіе хозяйствомъ города въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова: «пользы и нужды города»—вотъ предметъ дѣятельности и заботъ Шестигласной Думы. На ея плечахъ лежала какъ полиція благосостоянія города, такъ даже и полиція безопасности. Заботы о благосостояніи города законодатель понималъ въ высшей степени широко: онъ возлагалъ на Шестигласную Думу обязанность «доставить жителямъ города нужное пособіе къ ихъ прокормленію или содержанію» [4]). Что понимаетъ подъ

---

[1]) Они разсаживаются полукругомъ, въ срединѣ котораго—предсѣдатель, направо отъ котораго—гласный иногор. и иностр. гостей, настоящихъ городскихъ обывателей и наконецъ—цеховыхъ; налѣво—гласный именитыхъ гражданъ, гильдейскихъ—наконецъ, посадскихъ Ст. 166.

[2]) Ст. 168 даже прямо запрещаетъ Думѣ вмѣшиваться въ „судебныя дѣла", именно въ силу того, что дѣла эти подвѣдомственны Магистратамъ и Ратушамъ.

[3]) Это не значитъ, однако, что всѣ государственныя обязанности сложены съ городскихъ сословій.

[4]) Ст. 167, п. I.

этимъ Грамота, сказать не легко; вѣроятно, поясненіемъ или распространеніемъ этого опредѣленія служитъ другое постановленіе Грамоты, по которому Дума должна была поощрять «привозъ въ городъ и продажу всего того, что можетъ служить ко благу и выгодамъ жителей» [1]. Нельзя предположить, чтобы законодатель понималъ буквально слова «прокормленіе и содержаніе горожанъ»; нельзя думать, чтобы онъ предписывалъ Думѣ заботы о каждомъ отдѣльномъ лицѣ, обывателѣ города. Вѣроятно онъ разумѣлъ подъ этимъ общимъ, нѣсколько туманнымъ выраженіемъ, просто заботы Думы о томъ, чтобы городъ не терпѣлъ недостатка въ привозѣ «всего того, что можетъ служить ко благу жителей». Трудно придать этому выраженію какой-либо иной смыслъ, кромѣ этого, если только не захотѣть лишить его всякаго значенія. Далѣе, законодатель возлагаетъ на Шестигласную Думу заботы и о внѣшнемъ благосостояніи города, заставляя ее заботиться объ общественныхъ городскихъ зданіяхъ, амбарахъ, магазинахъ, пристаняхъ [2], площадяхъ, о построеніи «всего потребнаго»; какъ бы плохо надѣясь на хозяйственныя способности новаго общественно-городскаго учрежденія, Грамота внушаетъ Думѣ «стараться о приращеніи городскихъ доходовъ» [3]. Вотъ все, что Грамота возлагаетъ на Шестигласную Думу по части городскаго хозяйства въ тѣсномъ смыслѣ. Она, какъ я уже замѣтилъ, возлагаетъ на ту же Шестигласную Думу и обязанность «сохранять между жителями города миръ, тишину и доброе согласіе»; возбранять все, что противно доброму порядку и благочинію [4], т. е. обязанность полицейскую въ самомъ узкомъ смыслѣ; но при этомъ, Грамота, однако оговаривается, замѣчая, что по части «добраго порядка и благочинія» Дума должна дѣйствовать, «не касаясь дѣлъ, предоставленныхъ вѣдѣнію лицъ и установленій полицейскихъ» [5]; оговорка, неуясняющая въ сущности, ровно ничего: какія дѣла предоставлены лицамъ и установленіямъ полицейскимъ ни въ уставѣ благочинія, ни въ какомъ либо другомъ уставѣ, касающемся полиціи безопасности, какъ уви-

---

[1]) *Ibid.* п. 5.
[2]) *Ibid.* п. 6.
[3]) *Ibid.* п. 7.
[4]) *Ibid.* п. 3 и 4.
[5]) *Ibid.* п. 4.

димъ, не опредѣлено. Такимъ образомъ, полицейская сторона дѣятельности Думы, какъ охраненіе общественной безопасности, сторона, которой Грамота придаетъ не малое значеніе, остается еще менѣе опредѣленной, чѣмъ сторона хозяйственная. Всѣ опредѣленія ея по этому предмету—просто общія слова, заключающія въ себѣ, благодаря этой общности, и все и ничего. На Думу же возлагается Грамотой и обязанность «охранять какъ всякое городовое, такъ и ремесленное положеніе и наблюдать, чтобы они всѣми и каждымъ исполняемы были безъ нарушеній и точно» [1]); ей же поручается и разрѣшеніе всякаго рода «сомнѣній и недоразумѣній по ремесламъ и гильдіямъ, руководствуясь при этомъ изданными Положеніями» [2]). Этими опредѣленіями Шестигласной Думѣ присвоивается роль какого-то высшаго, надзирающаго учрежденія надъ гильдіями и цехами, учрежденія, на которомъ лежитъ обязанность охраненія, точнаго примѣненія какъ городскаго Положенія, такъ и ремесленнаго, а вмѣстѣ, какъ естественный результатъ «охраненія» и толкованіе этихъ Положеній; безъ этого трудно представить себѣ охраненіе ихъ и «разрѣшеніе сомнѣній между гильдіями и цехами». Останавливаясь на этой сторонѣ дѣятельности Шестигласной Думы, Грамота ничего не говоритъ о томъ, какими средствами могла пользоваться она для устраненія нарушеній того или другаго «положенія» какъ со стороны цѣлаго сословія, такъ и частнаго лица. На основаніи матеріала, представляемаго Грамотой, нѣтъ никакой возможности опредѣлить сколько нибудь точно самое понятіе «охраненія» городоваго и ремесленнаго положеній; эта неопредѣленность понятія охраненія стоитъ въ тѣсной связи съ неопредѣленностью понятія нарушенія: Грамота не говоритъ ни о томъ, въ чемъ можетъ состоять это нарушеніе, ни о томъ, со стороны кого оно можетъ быть причинено. Мы не знаемъ, кого понимать подъ выраженіемъ «всѣ и каждый»; должна ли и можетъ ли, напр. Дума вступиться въ дѣло въ томъ случаѣ, если нарушеніе того или другаго Положенія послѣдуетъ со стороны начальника губерніи или кого-либо изъ другихъ органовъ губернской или городской администраціи? Прежде чѣмъ разстаться съ вопросомъ о дѣятельности

[1]) Ст. 169.
[2]) Ст. 167.

Шестигласной Думы, нельзя не остановиться на одномъ пунктѣ 167 статьи, трактующей спеціально объ этомъ вопросѣ. Въ этомъ пунктѣ говорится, что на Думѣ лежитъ забота объ «охраненіи города отъ ссоръ и тяжбъ съ окрестными городами или селеніями» [1]). Что понималъ законодатель подъ этимъ опредѣленіемъ? Онъ какъ будто отдѣляетъ городъ отъ его представителя—Думы, какъ что-то особое, не имѣющее съ ней ничего общаго, какъ что-то ей подчиненное. Быть можетъ законодатель только не точенъ въ выраженіи, быть можетъ, онъ хотѣлъ этимъ сказать, что Дума обязана устранять ссоры и тяжбы городскихъ обывателей, какъ частныхъ лицъ; но въ такомъ случаѣ онъ противорѣчилъ бы себѣ, запрещая Думѣ въ слѣдующей же статьѣ, какъ уже было замѣчено, всякое вмѣшательство «въ судныя дѣла» жителей города между собою и передавая эти дѣла въ исключительное вѣдомство Ратушъ и Магистратовъ. Не думалъ ли этимъ постановленіемъ законодатель запретить Думѣ даннаго города, какъ представителю города, вступать «въ ссоры и тяжбы съ Думой другаго города»? Кажется, это единственно возможное объясненіе этого опредѣленія [2]).

Несмотря на всю смутность, неясность своихъ опредѣленій, касающихся объема дѣятельности Шестигласной Думы, Грамота постановляетъ, что за всякія «представленія и положенія, противныя городовому или ремесленному положенію и другимъ государственнымъ узаконеніямъ» Дума, какъ и «градское общество», т. е. городское собраніе, подвергается штрафу [3]). Кто же является судьей, нарушено ли въ данномъ случаѣ Думою одно изъ «государственныхъ узаконеній»? Съ этимъ вопросомъ въ тѣсной связи другой, болѣе общій вопросъ—въ какихъ отношеніяхъ стоитъ Шестигласная Дума какъ къ другимъ общественнымъ учрежденіямъ—Общей Думѣ

---

[1]) Ст. 167, п. 2.

[2]) Въ городахъ Рижскаго намѣстничества на Думу возлагаются еще и слѣдующія дѣла: 1) управленіе городскими доходами и расходами, городскими землями и угодьями; 2) распредѣленіе постоя, устройство казармъ, управленіе ими и сборъ налога на этотъ предметъ; 3) распоряженіе пожарною казною; 4) сборъ казенныхъ податей; 5) попеченіе и содержаніе всякихъ общественныхъ заведеній и установленій въ городѣ. Вѣроятно, все это распространяется и на остальные города Россіи. П. С. З. № 16584.

[3]) Ст. 170. Величина штрафа—200 рублей.

и городскому собранію, т. е. собранію городскихъ обывателей, такъ и къ правительственнымъ учрежденіямъ — начальнику губерніи, Магистратамъ и Ратушамъ.

Только-что поставленный вопросъ въ высшей степени важенъ: имъ опредѣляется степень самостоятельности Шестигласной Думы въ ея дѣйствіяхъ. Къ собранію городскихъ обывателей, городскаго общества, какъ выражается Грамота, Шестигласная Дума не имѣла, повидимому, никакихъ отношеній; по крайней мѣрѣ Грамота ни слова не говоритъ объ этихъ отношеніяхъ ни тамъ, гдѣ опредѣляетъ предметы вѣдѣнія городскаго собранія, ни тамъ, гдѣ говоритъ о Шестигласной Думѣ. Мы видѣли, что собраніе городскихъ обывателей выслушиваетъ только предложенія губернатора; о какихъ-либо предложеніяхъ или докладахъ Шестигласной Думы этому собранію не говоритъ ни одна статья Грамоты. Иначе и быть не могло: всѣ отношенія городскаго собранія къ городовому управленію ограничивались исключительно только, какъ мы видѣли, представленіемъ, вѣроятно Генералъ-Губернатору и Губернатору, о «своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ», да выслушиваніемъ «предложеній» тѣхъ же властей — вѣроятно о тѣхъ же нуждахъ и пользахъ города [1]). Ни о какихъ отчетахъ ни Общей, ни Шестигласной Думы передъ этимъ собраніемъ ничего не говорится. Предполагать эти отчеты существующими de facto — невозможно: не только Шестигласная Дума, но и депутатское собраніе, члены котораго избирались непосредственно городскимъ собраніемъ, не было обязано этому послѣднему никакою отчетностью, не стояло съ нимъ ни въ какихъ отношеніяхъ. Жалобы на депутатовъ приносились не въ городское собраніе, а въ Губернскій Магистратъ [2]). Но городское собраніе передавало все управленіе города въ руки Общей Думы, которая уже, въ свою очередь, передавала его Шестигласной Думѣ; понятно, что эта послѣдняя и должна стоять въ извѣстныхъ зависимыхъ отношеніяхъ непосредственно отъ Общей Думы, которая избираетъ ея членовъ. Дѣствительно, 175 статья городоваго Положенія опредѣляетъ, что «въ случаѣ сомнѣній, въ важныхъ и

---

[1]) Здѣсь невольно напрашивается вопросъ, что дѣлало собраніе съ „предложеніями“ хозяина губерніи? Если какое либо предложеніе принималось, кто его исполнялъ? Само собраніе, Общая или Шестигласная Думы?

[2]) Ст. 73.

трудныхъ дѣлахъ она обязана представлять Общей Думѣ». Этою статьею исчерпываются всѣ отношенія Шестигласной Думы къ Общей. Изъ нея не видно, чтобы Шестигласная Дума обязана была Общей отчетностью, чтобы она была передъ ней въ чемъ-либо отвѣтственна. Общая Дума сама была отвѣтственна передъ Губернаторомъ и Казенной Палатой [1]). Только этимъ послѣднимъ учрежденіямъ обязана была отчетностью и Шестигласная Дума. Власть Губернатора для Шестигласной Думы имѣла огромное значеніе. Городская Дума должна была держаться въ рамкахъ, установленныхъ закономъ: всѣ расходы городскихъ общественныхъ суммъ она могла производить лишь на предметы, указанные закономъ [2]), и обо всѣхъ этихъ расходахъ, точно такъ, какъ и доходахъ города, она должна была представлять вѣдомости Губернатору и посылать самые счеты въ Казенную Палату [3]). Сверхъ этихъ, закономъ опредѣленныхъ, расходовъ, городскія общества, какъ выражается Грамота, не могутъ сами собою дѣлать издержки на какія-нибудь «нужды и пользы» города. Контролю правительственной власти подлежатъ не только распоряженія Городской Думы общественными суммами, но и, если можно такъ выразиться, самое сознаніе Думой, представителями городскаго общества, «нуждъ и пользъ» этого общества. Если Дума «усмотритъ что-либо нужное для общей пользы, для выгоды

---

[1]) Она обязана была посылать вѣдомости и отчетъ Губернатору и въ Казенную Палату. Ст. 177.

[2]) Къ законнымъ городскимъ расходамъ Грамота относитъ: содержаніе Магистратовъ и всякихъ чиновъ, которымъ жалованье опредѣлено отъ города; содержаніе городскихъ школъ и вообще всякаго рода заведеній, состоящихъ въ вѣденіи Приказа Общественнаго Призрѣнія; постройка и починка разнаго рода городскихъ зданій. Ст. 151 и 152.

[3]) *Ibid.* и ст. 155. Говоря здѣсь собственно о Шестигласной Думѣ, я ссылаюсь на статьи Грамоты, имѣющія въ виду или Общую Думу, какъ напр., ст. 177, или городскія общества, какъ ст. 151—155. Я дѣлаю это на томъ основаніи, что, какъ я уже доказывалъ въ текстѣ, ни городское общество, ни Общая Дума сами по себѣ непосредственно, не производили ни доходовъ, ни расходовъ; всѣмъ завѣдывала Шестигласная Дума. Законодатель, употребляя общее выраженіе—градскія общества—не могъ подъ нимъ, по моему мнѣнію, разумѣть кого-либо, кромѣ Шестигласной Думы, представляющей это общество, и завѣдующей его хозяйствомъ.

и украшенія города», она должна объ этомъ своемъ усмотрѣніи доложить Губернатору и «ожидать его дозволенія» [1]).

Въ своемъ мѣстѣ я уже говорилъ, что городское общество пользуется по Грамотѣ городамъ 1785 года въ очень скромной степени правомъ самообложенія [2]), что большая часть доходовъ составлялась, пожалуй, изъ тѣхъ государственныхъ сборовъ, въ родѣ питейнаго и таможеннаго, которые правительство уступило ему. Уже одного этого обстоятельства достаточно было въ глазахъ законодателя для установленія того строгаго правительственнаго контроля надъ дѣйствіями Городской Шестигласной Думы, съ которымъ мы встрѣчаемся въ Грамотѣ городамъ. Выдавая городу часть государственныхъ доходовъ, правительство не могло успокоиться на одномъ надзорѣ за дѣйствіями Городской Думы, на одной отчетности ея передъ Казенной Палатой. Оно хотѣло знать не только какъ и на что Дума затрачивала общественныя суммы, т. е. не только провѣрять сдѣланныя уже ею затраты, но и на что она намѣревается еще только сдѣлать эти затраты. Такое отношеніе къ общественно-городскому органу самоуправленія понятно со стороны законодателя, если принять также во вниманіе ту репутацію общественно выборныхъ должностей, которая составлена была ими въ теченіе прошлаго столѣтія при всякаго рода службахъ и сборахъ государственныхъ; не слѣдуетъ, наконецъ, упускать изъ вида и того обстоятельства, что Городовое Положеніе издается всего десять лѣтъ спустя послѣ того, какъ окончательно выработана должность «хозяина» губерніи; странно было бы ждать со стороны правительства, только-что создавшаго эту должность, лишенія ея того значенія, которое имъ дано ей по отношенію ко всей губерніи.

Какъ бы то ни было, фактъ несомнѣненъ, что новыя, дѣйствительно городскія, учрежденія получили по Городовому Положенію 1785 года очень и очень скромную долю самостоятельности. Даже

---

[1]) Ст. 154.

[2]) Въ ст. 7 Грамоты говорится, что даже Сенатъ не можетъ наложить податей „безъ подписанія руки императорскаго Величества". Понятно, что здѣсь идетъ рѣчь о наложеніи податей на городское населеніе правительственными органами; но кажется можно распространить это опредѣленіе и на Городскую Думу, такъ какъ ей тогда не предоставлялось права наложенія новыхъ налоговъ на жителей города.

и тѣ общественно-городскія «нужды и пользы», которыя законодатель называетъ законными, удовлетворялись въ большинствѣ случаевъ не Городскою Думою, а другими, совершенно отъ ней независимыми учрежденіями: такъ, напр., такъ называемыя городскія школы и всякаго рода общественныя благотворительныя учрежденія въ городѣ состояли исключительно въ вѣдѣніи Приказа Общественнаго Призрѣнія; все участіе въ нихъ Думы ограничивалось лишь отпускомъ извѣстной суммы денегъ на ихъ содержаніе. А наконецъ, и самыя нужды эти и пользы опредѣлены закономъ очень не широко, причемъ, такая изъ этихъ нуждъ, какъ содержаніе Магистратовъ, едва ли даже можетъ быть названа нуждою исключительно городскою. Что же касается такихъ «нуждъ» города, какъ охраненіе общественной тишины, то хотя она и предоставляется Городской Думѣ, но, какъ увидимъ при разсмотрѣніи полицейскихъ учрежденій въ тѣсномъ смыслѣ, въ этомъ отношеніи Дума не могла ни въ какомъ случаѣ играть сколько-нибудь самостоятельной роли. Нельзя не остановиться здѣсь на нѣсколько странныхъ, своеобразныхъ, такъ трудно мирящихся съ новымъ понятіемъ городскаго общества, установляемымъ Грамотой, отношеніяхъ Городской Думы и городскаго населенія вообще къ исключительно судебнымъ, по понятію самой Грамоты, учрежденіямъ — Магистратамъ Городовымъ и Губернскимъ.

Въ одной изъ статей, спеціально трактующихъ объ Общей Городской Думѣ, говорится, что Городовые Магистраты и «прочія мѣста того города» должны исполнять «законныя требованія» Думы и «подавать другъ другу руку помощи» въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ этого требуетъ «польза службы» государственной, «соблюденіе порядка и тишины» [1]). Изъ этой статьи трудно что-либо вывести кромѣ того, что Дума и Городовые Магистраты разсматриваются какъ учрежденія другъ отъ друга независимыя, притомъ учрежденія неоднородныя. Оно и понятно: учрежденія, совершенно разнородныя, какъ по своимъ цѣлямъ—одно административное, другое—исключительно судебное, — такъ и по своему составу — одно всесословное, обще-городское, другое—исключительно сословное — они въ сущности и не могли быть въ другихъ отно-

---

[1]) Ст. 178.

шеніяхъ. Но Грамота не ограничивается по этому предмету только одной приведенной статьей; въ ней встрѣчаются еще нѣсколько статей какъ въ ея общей части, касающейся города, всего городскаго населенія и его учрежденій вообще, такъ и въ ея особенной, спеціальной части, касающейся исключительно одного ремесленнаго населенія города. Эти статьи совершенно уничтожаютъ ту ясность и простоту въ отношеніяхъ Думы къ Городовымъ Магистратамъ, которыя установлены статьей 178 Грамоты о городахъ. Въ первой части Грамоты, касающейся общихъ городскихъ учрежденій, мы встрѣчаемся съ тремя статьями, идущими совершенно въ разрѣзъ съ общимъ, такъ сказать, духомъ всего Городоваго Положенія. Въ одной изъ этихъ статей, въ самомъ началѣ Грамоты городамъ, говорится слѣдующее: «Городовой Магистратъ докладываетъ о нуждахъ и недостаткахъ города Губернскому Магистрату и Губернскому Правленію [1]). Какимъ образомъ примирить эту странную статью во-первыхъ съ тѣмъ, что сама же Грамота въ другомъ мѣстѣ, какъ мы видѣли, окончательно утверждаетъ за Магистратами то исключительно судебное значеніе, которому начало положило еще Учрежденіе о губерніяхъ; во-вторыхъ съ тѣмъ, что таже Грамота отдаетъ заботы о городскихъ «нуждахъ и пользахъ» въ руки самого городскаго общества и его органа — Шестигласной Думы? На этомъ противорѣчіи Грамота не останавливается, она развиваетъ его далѣе. Въ седьмой статьѣ своей тому же Городовому Магистрату, а не Думѣ или городскому собранію, поручаетъ она жаловаться «на противозаконныя требованія» по части податей и налоговъ со стороны правительственныхъ органовъ, и кому же? Сенату и Губернскому Магистрату! Этому же Губернскому Магистрату предоставляетъ Грамота всякому, недовольному Городскою Думою, жаловаться на эту послѣднюю [2]). Въ своей спеціальной части, въ 123 статьѣ, содержащей въ себѣ ремесленный Уставъ, Грамота представляетъ еще рядъ статей, противорѣчащихъ статьямъ, опредѣляющимъ значеніе Городской Думы въ отличіе отъ Городовыхъ Маги-

---

[1]) Ст. 8.

[2]) Ст. 176. Ему же предоставлено жаловаться на Городскаго Голову, какъ предсѣдателя собранія депутатовъ и на самое собраніе относительно неправильностей, допущенныхъ при составленіи обывательской книги. Ст. 73.

стратовъ и Ратушъ, какъ исключительно судебныхъ учрежденій. Мы видѣли, что 169 статья Грамоты городамъ предписываетъ Городской Думѣ наблюдать за строгимъ исполненіемъ какъ Городоваго, такъ и Ремесленнаго Положенія; ей же порученъ и разборъ всякаго рода недоразумѣній и сомнѣній «по ремесламъ и гильдіямъ». Отсюда, кажется, само собою вытекаетъ, что и самое образованіе цеховъ, раздѣленіе на нихъ городскихъ ремеслъ состоитъ въ вѣдѣніи той же Городской Думы. Въ Городовомъ Положеніи мы не находимъ ни одной статьи, которая передавала бы это право прямо въ руки Думы; въ статьѣ же 123 мы встрѣчаемся съ очень категорическимъ опредѣленіемъ, по которому раздѣленіе ремеслъ «на цехи или управы» предоставляется Городовому Магистрату и Ратушѣ [1]), которымъ и обязываются они повиноваться [2]). Тридцать шестой пунктъ того же ремесленнаго Положенія вмѣстѣ съ 116 и 117 являются только логическимъ послѣдствіемъ только-что приведеннаго опредѣленія. Если цехъ обязывается повиноваться Городовому Магистрату или Ратушѣ, то понятно, само собою, что эти послѣднія учрежденія имѣютъ право взыскивать съ управы ремесленной и старшины съ товарищами въ случаѣ нарушенія ими ремесленнаго Положенія [3]), за строгимъ исполненіемъ и примѣненіямъ котораго и вмѣняется Магистратамъ и Ратушамъ «имѣть неусыпное стараніе» [4]); совершенно понятно и право этихъ учрежденій, послѣ этого, разсматривать и разрѣшать представленія управъ «касательно ремесла и лучшаго исправленія онаго» [5]). Но какъ же все это примирить съ правами, предоставленными тою же Грамотою относительно этого предмета Городской Думѣ? Какъ примирить все это съ тѣмъ, что ремесленный Голова, представляемый по избраніи, какъ увидимъ, Магистрату и имъ утверждаемый, засѣдаетъ въ Городской Шестигласной Думѣ, предлагая тамъ «о нуждахъ и недостаткахъ цеховъ», о чемъ предоставлены были заботы тѣмъ же ремесленнымъ Уставамъ, какъ сейчасъ было говорено, Городовому Магистрату? Возможны ли послѣ этого тѣ отношенія между Думой и

---

[1]) Пунктъ 1.
[2]) *Ibid.* п. 2.
[3]) *Ibid.* п. 116.
[4]) *Ibid.* п. 117.
[5]) *Ibid.* п. 36.

Магистратами, которыя устанавливаются 178 статьей Грамоты, какъ отношенія двухъ, такъ сказать, разнородныхъ учрежденій, совершенно другъ отъ друга независимыхъ? Развѣ только предположить, что независимости ихъ другъ отъ друга не существуетъ, предположить, что въ статьѣ 178 не напрасно употреблено выраженіе «законныя требованія», съ которыми Дума имѣла право обращаться къ Магистратамъ и Ратушамъ и что это выраженіе указываетъ, такъ сказать, на начальническія отношенія Думы къ Магистратамъ, которые ей подчинены въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Но подобнаго рода объясненіе, мнѣ кажется, было бы, едва ли имѣющей какое-либо основаніе, натяжкой. Гораздо проще можно объяснить всѣ эти предположенія неудовлетворительностью редакціи, которая очень понятна будетъ, если принять во вниманіе тотъ не малый періодъ времени, въ теченіе котораго выробатывалось «единственное Положеніе» для городовъ. Эти противорѣчія станутъ болѣе или менѣе понятны, если припомнимъ, что объ единственномъ Положеніи поведена была рѣчь еще гораздо раньше изданія Учрежденія о губерніяхъ, т. е. въ то время, когда объ исключительно судебномъ значеніи Магистратовъ и Ратушъ не было и рѣчи. Едва ли будетъ слишкомъ смѣлымъ предположеніемъ, что Магистраты и Ратуши предполагалось быть можетъ въ началѣ облечь тою ролью, которая въ послѣдствіи возложена на Шестигласную Думу. Примемъ, наконецъ, во вниманіе, что составители ремесленнаго Положенія имѣли передъ глазами Регламентъ и Инструкцію Петра Великаго, которыми вѣдѣніе цеховъ поручалось Городовымъ Магистратамъ. На практикѣ эти противорѣчія устранялись, вѣроятно, такимъ образомъ, что статьи первой части Грамоты, касающіяся Городской Думы, уничтожали собою статьи ремесленнаго Устава, трактующія о томъ же предметѣ; и тѣ три статьи первой части, о которыхъ я говорилъ, какъ противорѣчащія совершенно духу новаго городоваго устройства, теряли всякое практическое значеніе, и Городовые Магистраты съ Ратушами не имѣли никакого отношенія тамъ, гдѣ были Думы, къ городскому хозяйству ни къ частному, ни къ общему [1]). Только

[1]) Это мнѣніе подтверждается и Положеніемъ 1857 года, въ которомъ прямо сказано, что цехи магистратамъ подчиняются лишь въ предметахъ судебныхъ, „въ предметахъ же хозяйственныхъ“ Думѣ (Ст. 4464), а Ратушамъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи они подчинены лишь тамъ

Губернскіе Магистраты имѣютъ отношеніе къ Городскимъ Думамъ: сюда, какъ было указано, обращались съ жалобами на Думы. Какого же рода могли быть эти жалобы? Въ 45 статьѣ той же самой Грамоты говорится, что въ силу 315 статьи Учрежденія губерній, въ Губернскій Магистратъ вносятся всѣ дѣла «до привилегій, спорнаго владѣнія или прочія дѣла до цѣлаго города или до стряпчихъ касающіяся». Отсюда видно, что всѣ дѣла, восходящія до Губернскаго Магистрата, суть дѣла спорныя, судныя; и притомъ, какъ продолжаетъ та же статья, «до Губернскаго Магистрата принадлежатъ всѣ сіи дѣла или апелляціи на Городовые Магистраты, Ратуши и Сиротскіе Суды», т. е. учрежденія все судебныя. Если Грамота допускаетъ жалобы въ Губернскій Магистратъ и депутатское собраніе и Городскую Думу, то я думая, что подъ ними слѣдуетъ разумѣть лишь жалобы на нарушеніе какихъ-либо личныхъ привилегій или частнаго владѣнія. Относительно депутатскаго собранія это совершенно понятно: занося кого-либо не въ ту рубрику городской обывательской книги, въ какую слѣдуетъ, она именно нарушала привилегіи сословныя. Странно было бы допустить жалобы на Думу въ Губернскій Магистратъ въ хозяйственномъ отношеніи, когда всѣ ея дѣйствія въ этомъ отношеніи подлежали, какъ мы видѣли, разсмотрѣнію Губернатора, которому было ближе всего жаловаться на ея хозяйственныя упущенія и недосмотры [1]. Такимъ толкованіемъ 176 статьи Грамоты городамъ устраняется всякое противорѣчіе ея какъ съ значеніемъ и ролью Губернскаго Магистрата, какъ учрежденія исключительно судебнаго, такъ и съ значеніемъ Городской Думы, какъ административно-хозяйственнаго учрежденія города.

Разсмотрѣнными мною въ этой главѣ учрежденіями и ограничиваются всѣ обще-городскія общественно-выборныя учрежденія. Остается разсмотрѣть частныя учрежденія этого рода, учрежденія, вѣдѣнію которыхъ подлежало не все городское населеніе въ

гдѣ Думъ не существуетъ (*Ibid.*); при этомъ ст. 4464 и ссылается на п. 2 ремесл. Полож. 1785 г. Въ ремесленномъ Уставѣ, вошедшемъ въ XI т. Св. Зак. въ 11 ст. его говорится, что число цеховъ въ данномъ городѣ зависитъ отъ городской Думы.

[1]) По Положенію 1857 года жалобы на городскую Думу идутъ въ Губернское Правленіе. Св. Зак. II. 4448.

полномъ его составѣ, а лишь отдѣльныя части его—торгово-промышленные классы этого населенія. Къ учрежденіямъ этого рода относятся—единоличныя: старосты и старшины купеческихъ гильдій и посадскихъ и коллегіальныя—ремесленныя или цеховыя управы. Но прежде чѣмъ перейдти къ разсмотрѣнію этихъ учрежденій, я нахожу необходимымъ остановиться еще на одномъ видѣ обще-городскихъ учрежденій, хотя и не общественно-выборныхъ — на учрежденіяхъ городской полиціи, сильно при Екатеринѣ II измѣненныхъ. Остановиться на этихъ городскихъ учрежденіяхъ тѣмъ болѣе есть основаніе, что предметы вѣдомства ихъ не были такъ точно, опредѣленно, отдѣлены отъ предметовъ вѣдомства Думы, какъ этого можно было бы ожидать: послѣдней, какъ мы видѣли, поручены были между прочимъ и заботы о мирѣ и тишинѣ въ городѣ, а учрежденіямъ полицейскимъ, какъ увидимъ, поручалось многое такое, что подлежало скорѣе вѣдѣнію Городской Думы, чѣмъ полиціи.

ГЛАВА III.

Полиція при Екатеринѣ II.

Въ третьей книгѣ, говоря о полиціи въ городахъ, я указалъ на ея плачевное состояніе даже въ такомъ городѣ, какъ первопрестольная Москва, послѣ всѣхъ реформъ городскаго управленія въ этомъ отношеніи Петра Великаго и его преемниковъ. Не лучше было въ этомъ отношеніи положеніе дѣлъ и въ новой, молодой столицѣ, гдѣ дворъ пребывалъ не наѣздомъ, какъ въ Москвѣ, а постоянно, гдѣ, слѣдовательно, казалось бы существуетъ очень сильный мотивъ, помимо всѣхъ другихъ, имѣющихъ мѣсто во всѣхъ городахъ Россіи, организовать полицію. Если, быть можетъ, въ Петербургѣ и не встрѣчалось во второй половинѣ XVIII столѣтія колодцевъ посреди улицъ, какъ это было въ Москвѣ, если въ немъ и не было домовъ крытыхъ соломою, то во многихъ другихъ отношеніяхъ молодая столица не далеко ушла отъ старой. Въ 1762 году, едва вступившая на престолъ, императрица Екатерина издаетъ указъ на имя Главнаго Директора надъ полиціями Корфа, въ которомъ жалуется, что «безпокойствы проходящимъ и проѣзжающимъ чинятся не

только по близости Петербурга, но и въ самой столицѣ по улицамъ мертвыя тѣла находятся, а въ домахъ грабежи на подобіе разбоя»[1]).

Въ такомъ положеніи дѣло не могло долго оставаться. Реформа была необходима; но эта реформа должна была коснуться самыхъ существенныхъ, основныхъ сторонъ общественно-городской жизни. До тѣхъ поръ, пока городское населеніе не сознавало пользы и необходимости мѣръ полиціи медицинской, санитарной, строительной и т. п., до тѣхъ поръ государство ничего не могло достигнуть въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, когда само оно не обладало почти никакими другими средствами, кромѣ сознанія необходимости всѣхъ этихъ мѣръ и добраго желанія привести ихъ въ исполненіе; до тѣхъ поръ городское общество не придетъ къ этому сознанію, пока оно будетъ оставаться въ томъ экономическомъ состояніи, въ которомъ мы видимъ его въ городахъ XVIII вѣка. Реформы должны были быть направленными на эти двѣ стороны: поднятіе экономическаго и нравственнаго уровня развитія городскаго населенія. Екатерина II сознавала это; но она, какъ и ея великій предшественникъ, думала, что все это достигнется путемъ строгой регламентаціи, путемъ «гражданскихъ учрежденій»; ей казалось достаточнымъ учредить такую должность, представитель которой служилъ бы образцомъ «добронравія, человѣколюбія и порядочнаго житія», чтобы все городское населеніе пропиталось, такъ сказать, этими добродѣтелями и въ городахъ настало царство всякаго благополучія. Императрица приступила къ реформамъ городской полиціи, но эти реформы, въ силу высказаннаго сейчасъ начала, были исключительно внѣшними реформами, нисколько не касавшимися внутреннихъ сторонъ общественной жизни: все дѣло ограничивалось болѣе точной и полной организаціей состава городской полиціи.

Изданіемъ въ концѣ 1775 года Учрежденія о губерніяхъ императрица сдѣлала громадный переворотъ не только въ исторіи администраціи вообще но и въ исторіи устройства и управленія городовъ. Признанный этимъ актомъ принципъ раздѣленія административныхъ властей, внесенъ, какъ мы видѣли, и въ городское управленіе. Всѣ городскія учрежденія строго раздѣлены на двѣ категоріи: къ первой отне-

---

[1]) П. С. З. № 11712.

сены учрежденія исключительно судебнаго характера; сюда принадлежатъ слѣдующія коллегіальныя учрежденія: Магистраты и Ратуши, Сиротскій Судъ и Нижняя Расправа; ко второй категоріи городскихъ учрежденій относятся исключительно административныя, притомъ основанныя на началѣ только единоличномъ—Оберъ-Полиціймейстеры, коменданты и городничіе. Эти послѣднія учрежденія или, лучше, должностныя лица являются единственными представителями городскаго управленія, хозяевами города.

Организація новаго состава городской полиціи крайне несложная. Въ Москвѣ и Петербургѣ остается, учрежденная еще Петромъ Великимъ, должность Оберъ-Полиціймейстера; въ городахъ, гдѣ стоятъ гарнизоны, полицейскія обязанности возлагаются на комендантовъ; въ тѣхъ же городахъ, гдѣ гарнизоновъ нѣтъ, учреждена новая должность городничаго [1]). Это—высшія полицейскія должности, за которыми непосредственно слѣдовали нисшіе, исполнительные органы—штатныя команды, состоявшія въ ихъ распоряженіи [2]).

Я сказалъ уже, что все городское хозяйство того времени находилось въ рукахъ этихъ новыхъ должностныхъ лицъ; на ихъ обязанности лежали: полиція санитарная [3]), безопасности и благочинія» [4]), строительная [5]); онѣ должны были заботиться «о прокормленіи нищихъ и убогихъ [6]); наблюдать за мѣрой и вѣсомъ [7]); распредѣлять постой по дворамъ горожанъ [8]) и т. п. Законодательница не ограничилась, однако, только этимъ точнымъ опредѣленіемъ обязанностей городской полиціи и дала ей въ руководство общее опредѣленіе этихъ обязанностей, опредѣленіе въ высшей степени широкое. Въ одномъ изъ пунктовъ «Учрежденія» Екатерина такъ опредѣляетъ роль городничаго (а стало быть и Оберъ-Полиціймейстеровъ съ комендантами): «городничій словами долженствуетъ

---

[1]) Учрежденіе о губерніяхъ. П. С. З. № 14392, п. 25 и 253.

[2]) *Ibid.* п. 257. Въ этомъ пунктѣ говорится, собстоенно только о командѣ городничаго. Я распространяю это опредѣленіе и на Оберъ-Полиціймейстеровъ съ комендантами: нельзя допустить, чтобы послѣдніе не были снабжены исполнительными органами.

[3]) *Ibid.* 260—263.

[4]) *Ibid.* 266—269 и 273.

[5]) *Ibid.* 276, [6]) *Ibid.* 275.

[7]) *Ibid.* 259: „обще—съ Магистратомъ“.

[8]) *Ibid.* 270.

поощрять обывателей не токмо ко всякому роду дозволеннаго трудолюбія, рукодѣлія и промысла, но и вообще всѣхъ людей, въ городѣ живущихъ, къ добронравію, человѣколюбію и порядочному житію» [1]. Такъ, теорія просвѣщеннаго абсолютизма XVIII ст. отразилась даже на учрежденіи должности городничаго русскаго уѣзднаго города. Во главѣ грубой невѣжественной массы, въ данномъ случаѣ массы горожанъ—стоитъ просвѣщенный, добродѣтельный патріархъ-пастырь—въ настоящемъ случаѣ—городничій, просвѣщеннѣйшій и гуманнѣйшій человѣкъ своего времени, образецъ всяческихъ добродѣтелей и носитель всѣхъ лучшихъ человѣческихъ качествъ; власть, снабженная громаднымъ, благодѣтельнымъ для непросвѣщенныхъ массъ городскаго населенія, правомъ вмѣшиваться въ частную жизнь каждаго отдѣльнаго гражданина съ благою для него цѣлью наставленія его на путь добродѣтели и благаго житія.

Актъ Учрежденія о губерніяхъ сильно подвинулъ впередъ дѣло выдѣленія города, въ качествѣ самостоятельной административной единицы; городничій и комендантъ являются представителями этой независимой административной единицы; но ихъ самостоятельность не простиралась, однако, до полнаго разрушенія всякой связи городской администраціи съ мѣстной губернской. Коменданты и городничіе подчинены были надзору и власти Губернаторовъ и Губернскихъ Правленій [2]. Самостоятельныя полицейскія должности введены теперь не только въ столицахъ, но и во всѣхъ городахъ Имперіи.

Читая главу XIX Учрежденія о губерніяхъ, особенно тотъ пунктъ, въ которомъ общими словами опредѣляется дѣятельность и власть городничаго, можно подумать, что во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи конца XVIII столѣтія царили не только миръ и

---

[1]) *Ibid*, 274. Такимъ образомъ, городничій—„душа гражданскаго общества“ и „фундаментальный подпоръ всякой безопасности и порядка“. Тоже самое высказывается и въ п. 254, 1: благочиніе, добродѣтель и порядокъ въ городѣ—на обязанности городничаго.

[2]) *Ibid.* п. 425. Городничій принимаетъ указы и повелѣнія отъ главнокомандующаго, губернатора, губернскаго Правленія и Палатъ, а къ онымъ посылаетъ рапорты и доношенія“.—Онъ приводитъ въ городѣ въ исполненіе повелѣнія правительства, рѣшенія палатъ etc... п. 254, 3.

тишина, мгновенно смѣнившіе «своевольство и ябеду со многими пороками», но и завидное благосостояніе, какъ результатъ благодѣтельнаго и мирнаго житія горожанъ; и все это только благодаря благотворному управленію добродѣтельнаго коменданта или городничаго. Но такой необыкновенный результатъ реформы законодательницы былъ бы возможенъ лишь при наличности массы условій, между прочимъ и того, о которомъ Екатерина молитъ Всевышняго, прося его «вселить въ сердца людей усердіе къ отправленію должности», вселить въ нихъ мысль, что «наивящій стыдъ для человѣка—лѣность, нерадѣніе и неприлежность ко всякому порученному дѣлу; что главное поношеніе для него—упущеніе въ должности и нерадѣніе о части блага общаго».

Проходитъ семь лѣтъ со времени изданія Учрежденія о губерніяхъ, какъ появляется новый полицейскій уставъ, Уставъ Благочинія. Стало быть, правительство, почти со дня изданія «Учрежденія» сознавало, что возлагаемыя имъ на городничаго надежды слишкомъ преувеличены: его добродѣтели оказывались или безсильными, или ихъ въ немъ вовсе не было.

Уставъ Благочинія вводитъ гораздо болѣе сложную организацію городской полиціи, чѣмъ учрежденіе о губерніяхъ. Законодательница вводитъ въ эту организацію новое начало: къ единоличнымъ полицейскимъ должностямъ присоединяется учрежденіе коллегіальное; рядомъ съ Полиціймейстеромъ поставлена Управа Благочинія, въ составъ которой вводится элементъ избирательный. Новая организація городской полиціи представляется, по полицейскому уставу, изданному императрицей въ апрѣлѣ 1782 года, въ слѣдующемъ видѣ.

Въ столицахъ во главѣ полиціи поставленъ Оберъ-Полиціймейстеръ, въ остальныхъ городахъ—Полиціймейстеръ или городничій [1]) смотря по состоянію города. Этимъ должностнымъ лицамъ или

[1]) Уставъ благочинія. П. С. З. № 15379. Ч. I. 3 и 4. Въ какихъ именно городахъ полиціймейстеръ и въ какихъ городничій — указаній нѣтъ. Однако, кажется можно принять, что въ губернскихъ городахъ съ настоящаго времени—полиціймейстеры, а въ уѣздныхъ по прежнему городничіе и коменданты. Въ подтвержденіе этого можно сослаться во первыхъ на то, что постановленія Учр. о губ. о полиціи не отмѣнены; а во вторыхъ, сохранился указъ отъ 1795 года (П. С. З. №17291), которымъ коменданты замѣняются городничими въ Псковѣ и Лугѣ.

Управѣ Благочинія поручается, по выраженію устава, благочиніе въ каждомъ городѣ. Изъ этого оборота рѣчи приходится заключить, что Управа Благочинія вводилась не во всѣхъ городахъ: тамъ, гдѣ во главѣ полиціи стоялъ Полиціймейстеръ — ея не было. Каждый городъ дѣлился въ полицейскомъ отношеніи во первыхъ на части, во вторыхъ, каждая часть на кварталы [1]); во главѣ каждой части стоялъ частный приставъ, каждаго квартала—квартальный надзиратель съ его помощникомъ, квартальнымъ поручикомъ [2]). Должность послѣдняго рѣзко отличается ото всѣхъ остальныхъ полицейскихъ должностей своимъ выборнымъ характеромъ: въ эту должность избирали сами граждане изъ собственной среды; если никто изъ горожанъ не согласится принять на себя эту должность, то избиратели могли обратиться къ «постороннимъ, чиновнымъ, людямъ», и избравъ кого либо изъ нихъ, представить его на утвержденіе городничему [3]). Всѣ остальные, высшіе чины полиціи назначались самимъ правительствомъ: квартальный надзиратель назначался Управою Благочинія изъ старшихъ квартальныхъ поручиковъ [4]); назначеніе Частнаго Пристава уже зависѣло отъ губернскаго правленія [5]); Полиціймейстера назначалъ Сенатъ по представленію Губернскаго Правленія [6]). Назначеніе въ столицахъ Оберъ-Полиціймейстеровъ, вѣроятно, зависѣло также отъ Сената, а быть можетъ и отъ самой императрицы [7]). Въ этихъ способахъ назначенія полицейскихъ должностей высказывается желаніе законодательницы обезпечить занятіе этихъ должностей людьми тѣхъ нравственныхъ качествъ, которыя она хотѣла видѣть въ чинахъ полиціи.

Въ составъ коллегіальнаго полицейскаго учрежденія, Управы Благочинія, входилъ двоякій элементъ — чиновный и выборный; первый представляли собою городничій и два пристава — уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ; второй — два ратмана, избираемыхъ

---

[1]) Города, количество домовъ которыхъ было отъ 100 до 200, дѣлились прямо на кварталы. *Ibid.* 133. Въ кварталѣ отъ 50 до 100 домовъ.

[2]) *Ibid.* 124 и 125.

[3]) *Ibid.* п. 27.

[4]) *Ibid.* п. 26.

[5]) *Ibid.* п. 24.

[6]) *Ibid.* п. 21.

[7]) Уставъ ничего не говоритъ объ этомъ предметѣ.

горожанами [1]). Всѣ эти должности поставлены въ строго іерархическую зависимость другъ отъ друга въ каждомъ данномъ городѣ: квартальный поручикъ и квартальный надзиратель—въ зависимости отъ своего начальника — частнаго пристава, а этотъ послѣдній — отъ Полиціймейстера или Управы Благочинія; но ни одна полицейская власть одного города не состоитъ «въ депенденціи» отъ полицейской власти другаго. Полиціймейстеръ или Управа Благочинія— въ зависимости лишь отъ Губернатора и Губернскаго Правленія той губерніи, въ составъ которой этотъ городъ входитъ [2]). Законодательница отказалась отъ начала, положеннаго въ организацію городской полиціи Петромъ Великимъ и проводимаго всѣми его преемниками; начала, которое она сама признавала до изданія учрежденія о губерніяхъ; ни этотъ послѣдній актъ, ни Уставъ Благочинія не устанавливаютъ должности, олицетворяющей собою общегосударственную полицейскую власть, въ родѣ Генералъ-Полиціймейстера Петра I или Главнаго Директора всѣхъ полицій Петра III. Въ этомъ состояніи организація городской полиціи оставалась до смерти Екатерины II: Городовое Положеніе 1785 г. не внесло въ нее никакихъ измѣненій [3]).

Въ новомъ полицейскомъ уставѣ Екатерина отступила отъ основнаго начала Учрежденія о губерніяхъ—начала раздѣленія власти: ни Управа Благочинія, ни остальныя, единоличныя полицейскія должности по Уставу Благочинія не есть уже исключительно административно-полицейскія должности, но вмѣстѣ и слѣдственно-судебныя, если можно такъ выразиться. На Управу Благочинія наказомъ возлагается роль сыскной полиціи [4]) и судебнаго учрежденія: судебныя дѣла, какъ уголовныя, такъ и гражданскія подлежатъ ея разбирательству, если только искъ или кража не превышаютъ

---

[1]) *Ibid.* п. 2 и 29 и П. С. З.№ 15397.

[2]) *Ibid.* п. 3. Управа благочинія—въ зависимости отъ Губ. Правл. по дѣламъ полиціи благочинія, о мостахъ, улицахъ и дорогахъ.

[3]) А между тѣмъ депутаты отъ городовъ, пріѣхавшіе къ 1767 году въ Москву для участія въ коммиссіи составленія новаго уложенія, просили въ своихъ наказахъ „о бытіи въ городахъ полиціи въ вѣдомствѣ магистратовъ и Ратушъ“. *Соловьевъ*. Разсказы изъ рус. ист. Рус. Вѣст. 1861 г. X. стр. п. 10.

[4]) *Ibid.* п. 38. Частный приставъ производитъ первое слѣдствіе (по всякому уголовному дѣлу). *Ibid.* п. 101—108.

20 рублей [1]). Какъ въ судебное учрежденіе, въ составъ Управы, какъ мы видѣли, входятъ два Судебные Пристава, уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ—которые въ Москвѣ и Петербургѣ назначаются Сенатомъ, по представленію Губернскаго Правленія (изъ городничихъ), а въ городахъ — этимъ послѣднимъ [2]). Городничіе и Полиціймейстеры, замѣнявшіе Управу, вѣроятно, пользовались такою же судебною властью.

Наказъ Управѣ Благочинія открывается слѣдующей нравственной сентенціей: «блаженъ, кто и скота милуетъ, буде скотина и злодѣя твоего спотыкнется—подыми ее» [3]); вслѣдъ за этой сентенціей слѣдуетъ подробное описаніе нравственныхъ качествъ начальства, отъ котораго требуются всякія добродѣтели. Иначе и быть не могло, если только законодательница хотѣла остаться послѣдовательною: блюстители всякой нравственности въ средѣ горожанъ должны быть сами образцомъ этой нравственности; только въ этомъ случаѣ Управа Благочинія могла сохранять и поддерживать «добронравіе» въ городскомъ населеніи [4]), только при соблюденіи этого условія квартальный надзиратель могъ «имѣть попеченіе, чтобъ всѣ и всякій остался въ законопредписанномъ порядкѣ, чтобъ молодые и младшіе почитали старыхъ и старшихъ и чтобъ слуги и служанки повиновались хозяевамъ и хозяйкамъ во всякомъ добрѣ» [5]). Какой высокой пробы должна быть нравственная личность квартальнаго надзирателя, чтобъ точно выполнить возложенную на него роль судьи о закономъ предписанномъ порядкѣ но «всякомъ добрѣ». Сколько нужно ума, такта, чувства законности членамъ Управы Благочинія, чтобы съумѣть воспретить «въ городѣ гражданамъ начинать повизну именно въ томъ, на что узаконеніе есть» [6]).

---

[1]) *Ibid.* 70 и 37; она же судитъ кражу не свыше 20 р. даже въ первомъ и второмъ рецидивѣ.

[2]) *Ibid.* п. 22 и 23.

[3]) *Ibid.* п. VI. Я выписываю именно эту тираду — только какъ наиболѣе характерную. Подобныхъ нравственныхъ сентенцій полицейскій уставъ заноситъ на свои страницы цѣлыхъ пятнадцать. Тутъ мы встрѣчаемся съ опредѣленіемъ отношеній къ ближнему вообще, къ родителямъ, супругамъ и т. п.

[4]) *Ibid.* п. 30.

[5]) *Ibid.* п. 153 и 154.

[6]) *Ibid.* п. 56.

Наказъ Управѣ не ограничивается однако только этими нравственными сентенціями, общими мѣстами прописной добродѣтели; онъ содержитъ въ себѣ подробное перечисленіе тѣхъ явленій общественно-городской жизни, которыя должны подлежать контролю и надзору Управы Благочинія и подчиненныхъ ей должностныхъ лицъ. Изъ этого перечисленія видно, какъ далеко шагнула общественно-городская жизнь въ теченіе послѣдней четверти XVIII столѣтія. Мы встрѣчаемся съ обязанностью городской полиціи охранять «общества, товарищества» [1]); наблюдать за лоттереями [2]), общенародными «играми и забавами», между которыми называется театральныя представленія, разрѣшеніе которыхъ зависѣло отъ той же полиціи [3]); слѣдить за точнымъ исполненіемъ въ городѣ «узаконеній касательно ограниченія роскоши» [4]). Въ этомъ перечисленіи предметовъ вѣдомства мы не встрѣчаемся съ благотворительной стороной полиціи; эта сторона ея, со времени изданія Учрежденія о губерніяхъ, отошла къ новому совершенно учрежденію—Приказу Общественнаго Призрѣнія. Учреждая этотъ Приказъ, Екатерина отказывается отъ мысли своего Великаго предшественника, высказанной имъ въ регламентѣ Главному Магистрату — мысли объ учрежденіи всякаго рода благотворительныхъ и исправительныхъ заведеній насчетъ города, «тщаніемъ градскимъ». Приказъ Общественнаго Призрѣнія является земскимъ губернскимъ учрежденіемъ, какъ по составу членовъ—въ него входятъ выборные представители, отъ дворянъ, горожанъ и казенныхъ крестьянъ [5]) губерніи—такъ и по характеру предметовъ вѣдомства; его вѣдѣнію подлежали: школы, какъ городскія такъ и сельскія, сиротскіе, рабочіе, смирительные и сумасшедшіе домы, госпитали, больницы и богадѣльни — какъ учрежденія для цѣлой губерніи, изъ доходовъ которой шло на ихъ

---

[1]) *Ibid.* п. 64.

[2]) *Ibid.* п. 68.

[3]) *Ibid.* п. 69 и 130.

[4]) *Ibid.* п. 66. На Управу же благочинія возлагается и обязанность „имѣть бдѣніе, дабы всякъ въ церкви Божіей почтителенъ былъ; да войдутъ во храмъ Божій со благоволеніемъ и да пребываютъ въ ономъ во время службы Божіей со страхомъ въ молчаніи, въ тишинѣ и во всякомъ почтеніи". *Ibid.* п. 59.

[5]) *Лохвицкій:* Губернія, стр. 171. Могъ участвовать и городской голова—по приглашенію. П. С. З. № 14392, п. 379.

содержаніе 15000 рублей, въ качествѣ основнаго фонда, съ которымъ Приказъ могъ производить банковыя операціи [1]); добавочныя суммы составлялись изъ пожертвованій частныхъ лицъ [2]). Если же одно изъ учрежденій, только что перечисленныхъ и подлежащихъ вѣдомству Приказа, городъ основывалъ на свой счетъ, то онъ долженъ былъ дѣлать это въ качествѣ частнаго лица благотворителя или жертвователя: устройство учрежденія должно было производиться по инструкціи, выданной Приказомъ Общ. Призр. [3]), а по устройствѣ оно переходило, какъ всякое частное пожертвованіе, въ завѣдываніе Приказа. Такимъ образомъ, благодаря учрежденію Приказа Общественнаго Призрѣнія одна изъ важныхъ статей городскаго хозяйства и управленія отошла отъ города.

Изданіемъ въ 1785 году Грамоты на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи законодательница сдѣлала повидимому нѣкоторыя измѣненія въ объемѣ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію Полиціймейстеровъ и Управы Благочинія. На Городскую Думу возлагается завѣдываніе многими изъ тѣхъ дѣлъ, которыя до сихъ поръ подлежали исключительному вѣдѣнію городскихъ полицейскихъ учрежденій; на нее возлагается даже обязанность сохранять между жителями города миръ, тишину и доброе согласіе [4]), т. е. ей вмѣняется въ обязанность вѣдать то же самое, для чего спеціально учреждена была за три года передъ тѣмъ Управа Благочинія и отдѣльныя полицейскія должности; четвертый параграфъ той же самой статьи распространяетъ предъидущій, возлагая на Думу «возбраненіе всего, что противно добру, порядку и благочинію», перефразируя въ этомъ случаѣ слова тридцатой статьи Устава Благочинія [5]). На Думу же возлагается, въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ, надзоръ и поощреніе торговли и строительная полиція [6]). Она же должна была заботиться, какъ мы видѣли, о томъ, чтобы жители города всегда

---

[1]) Учр. о губ. п. 382—394.

[2]) *Лохвицкій*. Ibid. 172.

[3]) П. С. З. № 14392, п. 392.

[4]) П. С. З. № 16188 ст. 167. п. 3.

[5]) Или почти дословно повторяя слова 234 статьи Учрежденія о губерніяхъ. П. С. З. № 14392 п. 254.

[6]) П. С. З. № 16188 ст. 167, п. 5 и 6.

имѣли «нужное пособіе къ ихъ прокормленію или содержанію» [1]).

Этими немногими словами ограничивается Городовое Положеніе 1785 года, говоря о полицейской дѣятельности Городской Думы, оставляя такимъ образомъ, совершенно неопредѣленными отношенія Думы къ Управѣ Благочинія, отношенія, очень важныя въ виду столкновенія обоихъ учрежденій на одномъ и томъ же пути. Единственное мѣсто, упоминающее объ этихъ отношеніяхъ, составляетъ собою вторая половина четвертаго пункта 167 статьи Положенія, которая говоритъ, что Дума, сохраняя порядокъ и благочиніе, должна «оставлять относящееся къ части полицейской исполнять мѣстамъ и людямъ, для того установленнымъ», т. е. городничему, Полиціймейстеру и Управѣ Благочинія. Это мѣсто Положенія не только не уясняетъ дѣла, но значительно запутываетъ его. Не будь этого параграфа, можно было бы думать, что законодатель забылъ о разбираемой сторонѣ дѣла и что въ этомъ отношеніи имѣли, вѣроятно, силу старыя опредѣленія, по которымъ Городская Полиція и Магистраты дѣйствовали совмѣстно, во всемъ помогая другъ другу. Приведенныя же слова 167 статьи Положенія устраняютъ возможность подобнаго заключенія логически, ни сколько не устраняя, однако, возможность такого рода отношеній между Управою и Думою на практикѣ: что, въ самомъ дѣлѣ, кромѣ путаницы, могла внести въ дѣло эта фраза, предписывающая Думѣ оставить исполненіе «всего относящагося къ части полицейской» на долю спеціальныхъ по этой части учрежденій, вслѣдъ затѣмъ, какъ на эту Думу въ той же самой статьѣ возлагаются именно обязанности «по части полицейской», даже выраженныя почти тѣми же самыми словами, какими опредѣляются обязанности «мѣстъ и людей», для исполненія этой «части» спеціально установленныхъ? Чѣмъ объяснить подобнаго рода недосмотръ законодателя? Играй Шестигласная Дума болѣе активную роль, чѣмъ она играла на самомъ дѣлѣ, этотъ недосмотръ повелъ бы къ очень серьезнымъ недоразумѣніямъ.

Ни въ полицейскомъ Уставѣ 1782 года, ни въ Положеніи о

---

[1]) *Ibid.* п. 1. Все это говорится собственно объ Общей Думѣ, а не о Шестигласной: но послѣдняя только замѣняетъ первую, а потому ея обязанности—тѣже самыя. *Ibid.* ст. 175.

городахъ 1785 мы не встрѣчаемъ ни одной статьи, которая содержала бы въ себѣ указаніе на то, изъ какихъ источниковъ получаются средства на содержаніе городской полиціи; этого одного факта достаточно для заключенія, что средства эти получаются изъ тѣхъ же источниковъ, изъ какихъ получались они въ теченіе цѣлаго столѣтія: полиція содержится отчасти на средства городскаго населенія, отчасти на счетъ государственный; это заключеніе подтверждается содержаніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ указовъ, изданныхъ въ послѣднюю четверть XVIII ст. Эти сепаратные указы касаясь городовой полиціи не Россіи вообще, а только отдѣльныхъ городовъ, даютъ, однако, возможность сдѣлать выводъ, что содержаніе полиціи въ городахъ большею частью ложится на государство. Въ самый годъ изданія Полицейскаго Устава, за нѣсколько мѣсяцевъ до его появленія, изданъ былъ указъ, которымъ на содержаніе полиціи въ городахъ — Архангельскѣ, Вологдѣ и Ярославлѣ приказано было отпускать ежегодно по 5910 р. изъ Казенныхъ Палатъ губернскихъ [1]. Въ томъ же самомъ году, но уже послѣ изданія Полицейскаго устава «приказано отпустить изъ Казначейства, для остаточныхъ суммъ учиненнаго» (впрочемъ заимообразно на два года) извѣстную сумму на содержаніе собственно полицейскаго штата, городскихъ лекарей и священника, нѣкоторыхъ мостовъ и уличныхъ фонарей [2]. Кромѣ этихъ указовъ было издано еще нѣсколько все въ томъ же духѣ: приказывается отпускать деньги изъ казенныхъ суммъ въ цѣломъ рядѣ городовъ [3]. Однако этотъ способъ содержанія городской полиціи былъ только преобладающимъ, а не исключительнымъ: нѣкоторыя

---

[1]) П. С. З. № 15368. При этомъ на содержаніе пожарныхъ инструментовъ отпускалась спеціальная сумма изъ казначейства, учрежденнаго для „остаточныхъ суммъ".

[2]) П. С. З. № 15479. На Управу благочинія, на частныхъ приставовъ и содержаніе команды велѣно отпустить 43123 р. 81$^{1}/_{8}$ к.; на мосты черезъ Неву—по 100 р. на каждый; на фонари — 4508 р. Изъ указа 1785 видно, что мосты въ Москвѣ содержали на государственный счетъ. П. С. З. № 16212.

[3]) П. С. З. № 15532: именной указъ на имя генералъ-прокурора князя Вяземскаго; велѣно отпускать ежегодно но содержаніе полиціи новгородскаго Намѣстничества 24330 р. 51$^{3}/_{4}$ к. Въ 1783 году снова приказывается отпускать изъ государственныхъ суммъ на содержаніе полиціи въ Архангельскѣ, Вологдѣ и Ярославлѣ. П. С. З. № 16129.

полицейскія потребности городовъ удовлетворялись на счетъ мѣстнаго городскаго населенія на сколько это было возможно. Въ томъже году, когда издается указъ объ отпускѣ на содержаніе полиціи Новгородской губерніи суммъ изъ государственныхъ доходовъ, на горожанъ этой губерніи возлагается содержаніе ночныхъ сторожей, трубочистовъ, мостовыхъ и уличнаго освѣщенія [1]). Содержаніе мостовъ въ Петербургѣ точно также постепенно переходитъ на самый городъ [2]). Очевидно, правительство было вынуждено содержать городскую полицію лишь несостоятельностью городовъ и при первой возможности возлагало эту статью расходовъ на ихъ населеніе [3]).

Такъ сложилась организація городской полиціи къ началу XIX столѣтія. Она достигла, какъ мы видѣли, значительной степени развитія какъ относительно состава, такъ и относительно объема вѣдомства. Въ постепенномъ ходѣ этого развитія городское населеніе не принимаетъ ни малѣйшаго активнаго участія, онъ совершается исключительно путемъ правительственной инціативы, чѣмъ и обусловливаются характеръ и степень этого развитія: твердое основаніе ему заложено Петромъ Великимъ; зданіе довершенно Екатериной II.

Въ исторіи развитія нашего **города**, въ смыслѣ **цѣлаго** организма, исторія развитія полиціи играетъ очень видную роль; этимъ путемъ образованія городскихъ полицейскихъ учрежденій городъ сложился въ отдѣльную единицу уже въ началѣ XVIII столѣтія, когда во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ представлялъ собою еще не болѣе, какъ конгломератъ разрозненныхъ единицъ. Полицейскія должности и учрежденія, объединивъ городъ въ административномъ отношеніи и выдѣливъ его, какъ самостоятельную единицу, административное цѣлое, изъ губерніи и уѣзда, подготовляли и внутреннее объединеніе самого населенія города, хотя и исключительно путемъ возложенія на него однихъ обязанностей; но эти обязанности не были обязанностями только сословными, подобно магистратскимъ, а носили характеръ общій, безсословный: они налагались не на тотъ или

[1]) П. С. З. № 15640.

[2]) П. С. З. №№ 16299 и 17189. Въ 1786 году мосты черезъ рѣку Торопу въ г. Торопецъ „на городскомъ иждивеніи“. П. С. З. № 16384.

[3]) 5 іюня 1786 г. предписано учредить въ Ригѣ полицію на основаніи полицейскаго Устава 1782 года; при чемъ содержаніе ея возложено на **городскіе доходы**. П. С. З. № 16404.

другой слой населенія, а на всѣхъ горожанъ, обывателей города. Между тѣмъ всѣ остальныя городскія учрежденія и повинности могутъ быть названы таковыми только въ территоріальномъ отношеніи, и по своей сущности, какъ мы видѣли, являются учрежденіями и повинностями исключительно сословными. До самого 1785 года, года изданія Положенія о городахъ, они носятъ этотъ исключительный характеръ, тогда какъ полицейскія учрежденія вѣдаютъ городъ, какъ цѣлое, уже почти въ теченіе цѣлаго столѣтія.

Если же содержаніе самыхъ учрежденій и удовлетвореніе полицейскихъ потребностей производится по преимуществу насчетъ обще-государственныхъ суммъ, то это оправдывается, какъ и самое развитіе организаціи этихъ учрежденій, характеромъ развитія общественно-государственной жизни народа. Инициатива государственной администраціи — исключительно въ рукахъ верховной власти; понятно, что и вся финансовая сторона этого дѣла неможетъ быть ни въ чьихъ другихъ рукахъ; все равно, касается ли она цѣлаго государства или только отдѣльной части его, отдѣльной общественной, земской группы, собираются ли средства на удовлетвореніе нуждъ такой групы съ цѣлаго государства или только съ членовъ этой одной группы. Если правительство расходуетъ на потребности и нужды такой общественно-административной единицы, какъ городъ, средства обще-государственныя, то это только потому, что собственныхъ средствъ этой единицы недостаточно. Въ принципѣ же правительство стремится чтобы каждая общественно-административная единица, все равно сословная или земская, удовлетворяла свои нужды и потребности своими собственными средствами; этотъ принципъ лежитъ въ самомъ основаніи развитія городской полиціи. Лишь только городъ достигаетъ такой степени благосостоянія, въ глазахъ правительства, что его доходовъ становится достаточно на удовлетвореніе всѣхъ его нуждъ, послѣднія немедленно начинаются удовлетворятся изъ этихъ доходовъ; мало того, изъ городскихъ же средствъ начинаютъ удовлеряться многія обще-государственныя нужды, что возможно до тѣхъ поръ пока городское общество не принимаетъ никакого активнаго участія въ распоряженіи своими средствами, до тѣхъ поръ пока это общество составляетъ исключительно административно-тяглую, хотя и земскую единицу.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Частныя городскія учрежденія.

ГЛАВА I.

Общество цеховыхъ ремесленниковъ и его организація.

Прежде чѣмъ обратиться къ разсмотрѣнію частно-сословныхъ городскихъ учрежденій, необходимо нѣсколько остановиться на тѣхъ слояхъ городскихъ обывателей, для которыхъ вводятся самыя учрежденія, такъ какъ взглядомъ законодателя на эти слои городскаго населенія, ихъ значеніемъ въ его глазахъ объясняются и самыя учрежденія.

Говоря о составѣ городскаго общества по Положенію 1785 года вообще, мы видѣли, что его организація покоится еще на сословномъ началѣ, которое проникло и въ общественно-городское управленіе. Сословіе ремесленниковъ и отчасти торгово-промышленниковъ обращаетъ на себя особенное вниманіе Екатерины II. Это вниманіе ея объясняется нестолько тѣмъ, что торгово-ремесленный классъ составляетъ большинство городскихъ обывателей, что она стремится изъ этого класса создать третье сословіе, «средній родъ людей», сколько стремленіемъ ея двинуть русскую производительную промышленность, оживить ее, направить въ извѣстную сторону. Екатерина, какъ и ея великій предшественникъ, понимала, что развитіе города въ Россіи, какъ и вездѣ, возможно лишь въ томъ случаѣ когда торговля и промышленность государства стоитъ на извѣстной степени развитія, когда торгово-промышленное населеніе достигло извѣстной степени благосостоянія. Но и она, какъ ея предшественникъ, вѣрила въ возможность достигнуть этого путемъ правительственной регламентаціи. Въ цехахъ, занесенныхъ къ намъ Петромъ I, Екатерина II точно также видѣла вѣрное средство къ поднятію уровня тогдашней промышленности. Да и не она только находила нужнымъ не только оставить петровскіе цехи, но и развить ихъ. Мы видѣли, что многіе депутаты знаменитой коммиссіи

1767 года высказывались въ пользу цеховъ, требуя болѣе полной организаціи ихъ; одни изъ нихъ дѣлали, это побуждаемые совершенно иными мотивами, чѣмъ Екатерина: они руководились чисто личными интересами, провидя въ цехахъ тоже, что видѣли въ нихъ цеховые промышленники западно-европейскихъ городовъ — вѣрное средство къ монополизированію промышленности. Другіе, какъ депутатъ Ярославля, князь Щербатовъ, смотрѣли на цехи глазами Петра и Екатерины, видя въ нихъ магическое средство къ возрожденію промышленности. Такимъ взглядомъ законодательницы и обусловливается характеръ самаго внутренняго устройства цеховъ. Понятно, что глядя на цехи такими глазами, Екатерина не могла отказаться отъ того начала, на которомъ строилъ ихъ Петръ. Она не могла ихъ организовать въ смыслѣ самой точной копіи съ западно-европейскаго оригинала, который, какъ мы видѣли, представлялъ собою ничто иное, какъ сдѣлку между сильными еще средневѣковыми цеховыми общинами, покоющимися на началѣ монополіи и стремленіями монархической власти обратить эти общины въ орудіе развитія промышленности. Понятно, что было бы совершеннымъ непониманіемъ западно-европейскаго цеха и противорѣчіемъ собственнымъ взглядамъ и стремленіямъ перенесеніе въ Россію тѣхъ сторонъ цеха, съ которыми боролась въ западной Европѣ королевская власть. Вотъ почему цехи, занесенные къ намъ Петромъ I и развитые Екатериной II далеко, по своей сущности, не представляютъ собою того, что мы находимъ въ западно-европейскихъ цехахъ того времени.

Все ремесленное городское населеніе распадается, по грамотѣ 1785 года, на нѣсколько отдѣльныхъ группъ или общинъ подъ именемъ цеховъ или управъ [1]). Эти общины составляются или изъ ремесленниковъ одного и того же ремесла — въ томъ случаѣ, когда число занимающихся даннымъ ремесломъ въ городѣ не менѣе пяти [2]), или же изъ представителей разныхъ ремеслъ — если число ремесленниковъ по каждому данному ремеслу не достигало цифры пять. Вступить въ цехъ, или, какъ выражается Грамота, «записаться» въ него, могъ всякій, желавшій заниматься въ городѣ тѣмъ или другимъ ремесломъ и удовлетворявшій тѣмъ условіямъ,

---

[1]) Ст. 123 п. 1.

[2]) *Ibid.* п. 3 и 4.

которыя требуются Грамотой отъ всякаго, желающаго войти въ составъ городскаго мѣщанства [1]). Но понятно, что одного желанія было еще недостаточно для того, чтобы быть принятымъ въ цехъ; желающій долженъ былъ представить въ цехъ свою работу; если эта работа признавалась, особой коммиссіей, составленной изъ цеховыхъ мастеровъ [2]), удовлетворительной — претендующій на званіе цеховаго мастера, получалъ его [3]), если только не имѣлъ за собою «явныхъ пороковъ» [4]). Вступая въ цехъ, новый членъ его вноситъ извѣстную сумму, опредѣляемую въ своихъ размѣрахъ на сходѣ ремесленниковъ, въ общую ремесленную кассу [5]). Наконецъ, онъ «даетъ обѣщаніе, что сдѣлавшись членомъ цеха, будетъ во всемъ поступать сообразно правиламъ, установляемымъ ремесленнымъ положеніемъ» [6]). Получивъ званіе мастера, ремесленникъ получаетъ eo ipso опредѣленныя права, а вмѣстѣ долженъ нести и извѣстныя обязанности, въ качествѣ цеховаго мастера. Онъ получаетъ прежде всего право заниматься тѣмъ ремесломъ [7]), на которое онъ получилъ званіе мастера; при этомъ, онъ получаетъ право заниматься этимъ ремесломъ не собственноручно только, но и имѣть для этого работниковъ, подмастерьевъ и учениковъ, надъ которыми и пользуется «правами хозяина» [8]). Кромѣ этого экономическаго, если можно такъ выразиться, права, мастеръ получалъ и права общественныя, какъ въ смыслѣ сословныхъ, такъ и въ смыслѣ общественно-городскихъ, обывательскихъ. Дѣлаясь мастеромъ, ремесленникъ дѣлался самостоятельнымъ, полноправнымъ членомъ своего

---

[1]) Ст. 120.

[2]) Въ Германіи въ этой коммиссіи присутствовалъ правительственный чиновникъ. *Mascher*, 406.

[3]) Ст. 123 п. 60. Ремесленникъ, переходившій изъ другаго города, могъ быть принятъ въ цехъ по письменному свидѣтельству изъ Управы того города, въ которомъ жилъ. *Ibid.* п. 61.

[4]) *Ibid.* п. 96.

[5]) *Ibid.* п. 70. При этомъ, отъ цеха зависитъ долженъ-ли вступающій внести эту сумму или нѣтъ. Величина ея не должна превышать суммы 40 рублей.

[6]) *Ibid.* п. 26. Передъ этимъ обѣщаніемъ ему прочитываются статьи ремесленнаго положенія, касающіяся мастеровъ.

[7]) Ст. 122 и 123 п. 59.

[8]) Ст. 123 п. 59; *Ibid.* п. 58 и 49.

цеха, участвующимъ въ управленіи цеховыми дѣлами и могущимъ быть выбраннымъ во всѣ общественно-цеховыя должности [1]). Говоря объ обществѣ городскихъ обывателей, мы видѣли, что цеховые ремесленники составляли одинъ изъ шести классовъ этого общества и въ качествѣ членовъ его могли быть выбираемы въ общественно-городскія должности. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, что, получая общественно-политическія права, каждое отдѣльное лицо или сословіе тѣмъ самымъ вынуждается нести и извѣстныя обязанности. Получивъ права этого рода ремесленники цеховые вмѣстѣ съ тѣмъ несутъ извѣстныя обязанности. Это понятно само собою. Я остановлюсь нѣсколько на тѣхъ обязанностяхъ, которыя возлагаетъ Грамота на цеховыхъ ремесленниковъ по отношенію къ производству ими даннаго ремесла. Получивъ право на самостоятельное производство ремесла, ремесленникъ не могъ пользоваться имъ исключительно по собственному усмотрѣнію; онъ долженъ былъ подчиняться извѣстнымъ полицейскимъ постановленіямъ. Тоже самое нужно сказать и о правѣ мастера держать подмастерьевъ и учениковъ. Эти то полицейскія постановленія и являются выраженіемъ взгляда верховной власти на значеніе ремесленной промышленности; въ нихъ то и видитъ верховная власть средство къ развитію этой промышленности. Поэтому понятно совершенно, что эти постановленія составляютъ собою значительную часть ремесленнаго Положенія.

Всякій ремесленникъ долженъ производить работы по своему ремеслу «сходственно управному предписанію» относительно ремесла; онъ долженъ выполнять принятые на себя заказы исправно, честно [2]). Даже самый срокъ выполненія заказа ремесленное положеніе старается опредѣлить въ томъ случаѣ, когда на этотъ предметъ не состоялось условій между мастеромъ и закащикомъ [3]). Мы не имѣемъ этихъ управныхъ предписаній, опредѣляющихъ производство, и потому не можемъ вполнѣ опредѣленно сказать, въ чемъ они состояли. Законодатель, по всѣмъ вѣроятіямъ, понимаетъ подъ этими предписаніями регламентаціею самого производства, точное опредѣленіе

---

[1]) *Ibid*. п. 21, 11 и 9.

[2]) *Ibid*. п. 30 и 31.

[3]) Управа опредѣляетъ средній срокъ каждой работы, который и принимается ею во вниманіе въ случаѣ жалобы на ремесленника въ этомъ отношеніи. *Ibid*. п. 35.

какъ матеріаловъ, изъ которыхъ производится данный продуктъ, такъ и самый способъ производства, словомъ определенія, однородныя съ тѣми, съ которыми мы встрѣчаемся въ концѣ XVII ст. въ ордонансахъ Кольбера. Однако, о характерѣ этихъ предписаній приходится лишь догадываться; ремесленное положеніе ни въ какія подробности не пускается, предоставляя, повидимому, эту сторону дѣла собственному усмотрѣнію цеховыхъ управъ; по крайней мѣрѣ такое заключеніе можно вывести изъ самого выраженія—«управныя предписанія». Обходя эту сторону производства ремеслъ, грамота отводитъ, сравнительно, очень много мѣста, такъ сказать, уголовной сторонѣ вопроса. Она долго останавливается на такихъ проступкахъ ремесленниковъ, которые вовсе не касаются самой сущности ремесленнаго производства и представляютъ собою ничто иное, какъ виды простаго обмана, воровства или мошенничества [1]). Ремесленное положеніе вторгается и въ частную жизнь цеховаго мастера: преслѣдуя «гулякъ», оно караетъ ремесленниковъ—мастеровъ за прогулы рабочихъ дней и часовъ, и дѣлаетъ это не изъ желанія собственно охранить интересы потребителей, общества или экономическіе интересы самого ремесленника, а изъ какихъ то высшихъ соображеній о нравственности: оно преслѣдуетъ собственно не прогулы именно рабочаго времени, какъ его потерю, а разгулъ, какъ проявленіе безнравственности: оно преслѣдуетъ и того кто, напр., прогулялъ ночь или часть ея [2]). Давая право мастеру нанимать для производства ремесла рабочихъ и содержать учениковъ, грамота, какъ я уже замѣтилъ, возлагаетъ на перваго по отношенію къ последнимъ извѣстныя обязанности. Прежде чѣмъ обратиться къ разсмотрѣнію этихъ обязанностей мастера, въ которыхъ, собственно говоря, выражаются взаимныя отношенія мастера и подмастерьевъ съ учениками, я скажу нѣсколько словъ о самыхъ подмастерьяхъ и ученикахъ; какъ тѣ такъ и другіе входятъ въ составъ цеха, составляютъ часть цеховаго общества.

Какъ подмастерья, такъ и ученики являются членами цеха: и

---

[1]) Такъ, запрещается сбытъ стараго за новое, чужой работы за свою обмѣръ, обвѣсъ и т. п. *Ibid.* п.п. 100, 115 и 99. Это обстоятельство объясняется отсутствіемъ общаго уголовнаго кодекса.

[2]) *Ibid.* п. 104, 106 и 107.

тѣ и другіе, наравнѣ съ ремесленниками мастерами, при «вступленіи въ цехъ», говоритъ, ремесленное Положеніе, даютъ обѣщаніе вести себя согласно съ предписаніями ремесленнаго положенія. [1]) Еслибы подмастерья съ учениками не входили въ составъ цеха, брать съ нихъ подобное обѣщаніе было бы излишне. Далѣе, грамота прямо говоритъ о пріемѣ подмастерьевъ и учениковъ въ цехъ; наконецъ, она посвящаетъ имъ нѣсколько статей, въ которыхъ они разсматриваются въ качествѣ членовъ цеха. Но, само собою разумѣется, что положеніе подмастерьевъ и учениковъ въ цехѣ было совершенно иное, чѣмъ положеніе ремесленниковъ-мастеровъ. Это были неполноправные, несамостоятельные члены цеха, члены не участвующіе въ ремесленномъ сходѣ, не имѣющіе права на избраніе въ общественныя цеховыя должности, члены зависимые отъ полноправныхъ членовъ мастеровъ, подчиненные, какъ мы видѣли, хозяйскому праву послѣднихъ. Это не болѣе, какъ, если можно такъ выразиться, полноправные члены въ возможности: не только подмастерье, но и ученикъ, по прошествіи извѣстнаго срока, по соблюденіи извѣстныхъ условій, какъ увидимъ, могъ обратиться въ полноправнаго члена цеха. Это—тѣ ступени, которыя обязанъ пройдти каждый ремесленникъ, прежде чѣмъ станетъ самостоятельнымъ мастеромъ. Въ виду такого пассивнаго, зависимаго состоянія подмастерьевъ и учениковъ, законодатель старается возможно полнѣе регулировать ихъ отношенія къ мастерамъ хозяевамъ.

Обращаясь къ вопросу объ ученикахъ, прежде всего нельзя не замѣтить, что мы здѣсь вовсе не встрѣчаемся съ постановленіями западно-европейскихъ цеховыхъ статутовъ, по которымъ права поступленія въ ученики ремесленниковъ лишались дѣти извѣстныхъ лицъ, занимавшихся, по взгляду современнаго общества, безчестящимъ ремесломъ или прижившихъ ихъ внѣ законнаго брака. [2]) Ремесленное Положеніе ничего не говоритъ о томъ, какого происхожденія дѣти могутъ быть принимаемы въ ученики. Оно прямо опредѣляетъ, что объ условіяхъ, на которыхъ ученикъ поступаетъ къ мастеру, ведутся переговоры двумя свидѣтелями—по одному со

---

[1]) *Ibid.* п. 6.

[2]) *Wilda* 329—330. *Maurer* II. 447—448. Безчестными ремеслами въ первое время считались такія, какъ ремесло пастуха, ночнаго сторожа, могильщика.

стороны ученика и хозяина. [1]) Условія эти сейчасъ же по вступленіи мальчика въ обученіе вносились въ особую книгу; [2]) причемъ, цехъ могъ, по собственному усмотрѣнію, требовать съ поступавшаго опредѣленнаго взноса въ общественную казну. [3]) Понятно, что условія предоставлялись добровольному усмотрѣнію хозяина и «свидѣтеля» ученика; однако этому, добровольному соглашенію ставятся закономъ извѣстныя рамки; такъ напр., соглашеніе о срокѣ ученья имѣетъ мѣсто лишь въ рамкахъ maximum'а пять лѣтъ и minimum'а три года. [4]) Поступивъ въ обученье къ мастеру, ученикъ дѣлается, по смыслу ремесленнаго Положенія какъ бы членомъ семьи хозяина. [5]) Отсюда и тѣ права, которыя получаетъ надъ нимъ мастеръ, носятъ какой то патріархальный, почти семейный характеръ, и отличаются полной неопредѣленностью: ученику рекомендуется быть послушнымъ и прилежнымъ, обучаясь ремеслу, быть «вѣрнымъ и почтительнымъ» мастеру и семьѣ его. Хозяинъ, въ свою очередь, обязывается обходиться съ учениками «кротко и справедливо», человѣколюбиво и согласно здравому разсудку. При этомъ бить ученика запрещается лишь въ пьянствѣ, по злости и глупости, безъ всякой «причины;» бить же «по какой-либо причинѣ», хозяинъ, видимо, получаетъ право: онъ могъ его наказывать за лѣность, ослушаніе и т. п. Кромѣ этихъ опредѣленій, носящихъ характеръ исключительно нравственный и преобладающихъ въ статьяхъ, регулирующихъ взаимныя отношенія хозяевъ и учениковъ, мы встрѣчаемся въ тѣхъ же статьяхъ и съ опредѣленіями, касающимися чисто ремесленной стороны этихъ отношеній. Этими постановленіями требуется, чтобы хозяинъ не возлагалъ на ученика излишней, «необыкновенной» работы—не по ремеслу, не позволялъ бы себѣ неисправности въ платежѣ и содержаніи вообще ученика. [6]) Въ случаѣ негодности ученика, его неспособности

[1]) Ст. 123 п. 72. Въ Германіи условія заключались мастеромъ съ родителями или родственниками ученика. *Mascher*. 399.

[2]) Ст. 123. п. 71. *Mascher* 398—тоже самое.

[3]) Ст. 123. п. 71. Взносъ не долженъ былъ, однако, превышать пяти рублей.

[4]) *Ibid*. п. 73. Срокъ можетъ быть менѣе трехъ лѣтъ лишь въ томъ случаѣ, если поступающій въ ученье уже знакомъ нѣсколько съ ремесломъ.

[5]) Оно даетъ, какъ мы видѣли, мастеру право хозяина надъ учениками вмѣстѣ съ прочими домашними. *Ibid*. п. 49.

[6]) *Ibid*. п. 56; 50—52, 54. Очень сходныя опредѣленія отношеній хо-

и т. п. хозяинъ не можетъ «согнать» его самовольно, онъ долженъ донести объ этомъ цеховымъ властямъ, къ которымъ обращается и ученикъ въ случаѣ притѣсненій со стороны хозяина [1]).

Кончивъ срокъ обученія, ученикъ получалъ отъ своего бывшаго хозяина письменное удостовѣреніе въ томъ, что онъ дѣйствительно обучался данному ремеслу. [2]) Это же свидѣтельство даетъ бывшему ученику право на званіе подмастерья, т. е. на переходъ во вторую степень ремесленной іерархіи. Всякій подмастерье нанимается въ работу къ мастеру по обоюдному согласію, причемъ однако, плата рабочая не подлежитъ этому соглашенію и опредѣляется общимъ собраніемъ ремесленниковъ-мастеровъ однажды на весь годъ. [3]) Такимъ образомъ, законодатель стремится устранить вліяніе на заработную плату экономическаго закона спроса и предложенія рабочихъ рукъ, поставивъ вопросъ о ней въ сильную зависимость отъ опредѣленія самостоятельныхъ членовъ цеха. Опредѣленіе отношеній подмастерья къ хозяину носятъ совершенно тотъ же патріархальный, неопредѣленный характеръ, какой мы видѣли въ отношеніяхъ учениковъ къ хозяевамъ. [4]) Онъ точно также, какъ и ученикъ, ставится подъ нравственную опеку, если можно такъ выразиться, хозяина, безъ разрѣшенія и вѣдома котораго не можетъ даже ночевать «внѣ дома». [5]) Переходъ подмастерьевъ отъ одного хозяина къ другому—свободенъ. Отходя отъ хозяина, подмастерье получаетъ отъ него свидѣтельство «по искуству и поведенію.» [6]) Съ этимъ свидѣтельствомъ подмастерье можетъ претендовать на званіе мастера, но только въ томъ случаѣ,

---

зяина къ ученику и наоборотъ встрѣчаемъ мы и въ германскихъ цеховыхъ статутахъ. Хозяинъ и старшіе подмастерья точно также имѣютъ право наказывать ученика, смотря по обстоятельствамъ. *Mascher* 399—400.

[1]) *Ibid.* п. 75 и 56. Если мастеръ умретъ до окончанія срока обученія ученика, то условія имѣютъ силу для его вдовы. *Ibid.* п. 74.

[2]) *Ibid.* п. 79.

[3]) *Ibid.* п. 76.

[4]) Эти отношенія даже опредѣляются вмѣстѣ, одними и тѣми же статьями. *Ibid.* п. 50—52; 54.

[5]) *Ibid.* п. 108. Въ 110 пунктѣ Положеніе предусматриваетъ такого рода о б щ е е преступленіе подмастерья, какъ „запрещенное обхожденіе съ женою или дочерью мастера" и наказываетъ за него виновнаго лишеніемъ права принадлежать къ цеху.

[6]) *Ibid.* п. 78 и 80.

если проработалъ въ званіи подмастерья неменѣе трехъ лѣтъ, [1]) и если, что само собою понятно, свидѣтельство будетъ удостовѣрять въ хорошихъ качествахъ, какъ по ремеслу, такъ и по поведенію подмастерья. Однако въ силу одного только свидѣтельства, подмастерье не могъ получить званіе мастера: онъ долженъ былъ представить образцовую работу или выполнить, какъ выражается ремесленное Положеніе, «управный урокъ», который дается претендующему лишь послѣ того, какъ будетъ признана удовлетворительной одна изъ лучшихъ работъ его, выполненныхъ по собственному выбору. Если «урокъ» будетъ признанъ удовлетворительнымъ, испытуемый получаетъ свидѣтельство, дающее ему право на цеховаго мастера, если, впрочемъ, ему миновало въ это время двадцать четыре года; въ противномъ же случаѣ, т. е. если претендентъ не достигъ еще двадцати четырехъ лѣтъ, онъ могъ, «проходить» другіе города до наступленія этого возраста [2]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что юридическихъ препятствій къ переходу изъ состоянія подмастерьевъ въ мастера — нѣтъ; все зависѣло отъ экономическихъ условій: претендентъ долженъ былъ обладать средствами, хотя и очень скромными, на удовлетвореніе тѣхъ условій, которыя онъ долженъ былъ выполнить. Обзавестись же этими средствами для большинства во всякомъ случаѣ было не легко, если принять во вниманіе, что единственнымъ источникомъ этихъ средствъ могло быть лишь жалованье подмастерья, такъ какъ всякіе посторонніе заработки «безъ вѣдома мастера» ему запрещались подъ страхомъ уголовнаго наказанія [3]).

Уже изъ только-что изложеннаго можно сдѣлать заключеніе, что цехи, будучи перенесены на русскую почву, совершенно потеряли свой западно-европейскій характеръ монопольныхъ союзовъ, поста-

---

[1]) *Ibid.* п. 68 и 69.

[2]) Едвали было это „прохожденіе“ другихъ городовъ обязательно, судя по выраженію Ремесленнаго Положенія, которое говоритъ, что подмастерью д о л ж н о д а т ь д о з в о л е н і е на прохожденіе городовъ. *Ibid.* п. 68. Это постановленіе едвали могло имѣть какое нибудь значеніе, если принять во вниманіе ту жалкую степень развитія, на которой находилась въ то время ремесленная промышленность Россіи; чему, напримѣръ, могъ научиться московскій или петербургскій ремесленникъ въ другихъ городахъ?

[3]) *Ibid.* п. 109.

вившихъ себѣ въ концѣ концовъ чуть не единственной цѣлью сохраненіе за собою исключительнаго права на занятіе даннымъ ремесломъ и направлявшихъ всѣ свои силы къ тому, чтобы сдѣлать это право доступнымъ возможно меньшему числу лицъ. Это будетъ еще яснѣе, если принять во вниманіе то постановленіе ремесленнаго Положенія, по которому «дневное пропитаніе работника Управа никому запретить не можетъ» [1]). Это, сдѣланное вскользь, опредѣленіе имѣетъ очень важное значеніе: оно окончательно лишаетъ цеха всякаго содержанія и смысла. Оно даетъ возможность заниматься ремесломъ всякому, если даже онъ и не входитъ въ составъ цеха. Это опредѣленіе встрѣчается и въ другомъ мѣстѣ Положенія, которымъ такимъ ремесленникамъ не дозволяется лишь имѣть учениковъ и подмастерьевъ, носить званіе мастера и имѣть вывѣску. [2]) Прибавимъ къ этому, что такъ называемые казенные ремесленники и «господскіе», т. е. крѣпостные, могли работать «по городу,» т. е. на всякаго, кто къ нимъ обратится, не причисляясь къ цеху, а лишь извѣстя объ этомъ цеховую Управу того ремесла, которымъ занимались. [3]) Не забудемъ, наконецъ, что не только доступъ въ цехъ, но и выходъ изъ него былъ совершенно свободенъ, что переходъ изъ цеха одного города въ другой точно также не стѣснялся [4]); что цеховой въ одно и тоже время могъ, какъ мы видѣли, принадлежать къ гильдіи; мало того, цеховой ремесленникъ могъ принадлежать къ цеху, считаться его членомъ, вовсе не занимаясь ремесломъ и состоя на «службѣ у кого либо изъ частныхъ лицъ» [5]). Если принять все это во вниманіе, то нельзя не согласиться съ г. Корсакомъ, что екатерининское ремесленное Положеніе ввело лишь «нѣкоторыя формальности, которыя, не имѣя никакой исторической основы, остались лишь формальностями [6]).

---

[1]) *Ibid.* п. 60.

[2]) *Ibid.* п. 59.

[3]) *Ibid.* п. 61 и 62.

[4]) *Ibid.* п. 65.

[5]) *Ibid.* п. 63.—Если только не перестанетъ платить цеховыхъ сборовъ.

[6]) „О формахъ промышленности". 114. На слѣдующей страницѣ авторъ также справедливо замѣчаетъ что наши цехи „только внѣшностью напоминали собою монопольныя учрежденія ремесленныхъ корпорацій запада". 115.

Каждый цехъ по Положенію составляетъ собою юридическое лицо, выражающее свою волю въ общемъ собраніи всѣхъ своихъ полноправныхъ членовъ, такъ называемомъ ремесленномъ сходѣ [1]); лицо, обладающее собственностью [2]), имѣющее, какъ увидимъ, особыхъ органовъ для приведенія его постановленій въ исполненіе. Внѣшнимъ выраженіемъ характера юридическаго лица цеховъ, служатъ управная или цеховая печать и ремесленный значекъ [3]). Ремесленное Положеніе высказываетъ стремленіе объединить всѣ цехи даннаго города въ одно общество, вводя должность ремесленнаго головы, общую для всѣхъ цеховъ [4]). Ремесленный голова играетъ, какъ увидимъ, по отношенію ко всѣмъ цехамъ города ту же роль, какую играетъ городской голова по отношенію ко всѣмъ городскимъ обывателямъ.

Увлеченный оригиналомъ своей копіи, законодатель создаетъ общество даже изъ подмастерьевъ каждаго отдѣльнаго цеха, которымъ дозволяетъ собираться ежегодно для выбора своихъ должностныхъ лицъ [5]).

ГЛАВА II.

Цеховыя учрежденія.

Стремленіе законодателя создать изъ ремесленнаго слоя городскаго населенія особое сословіе было причиной того, что цеховыя учрежденія по ремесленному Положенію распадаются на двѣ совершенно различныя категоріи по своему характеру. Однѣ изъ нихъ—

---

[1]) Ст. 123. п. 21. Сходъ созывается три раза въ годъ и „когда управное дѣло того требуетъ".

[2]) *Ibid.* п. 5, 44 и 70.

[3]) *Ibid.* п. 5.

[4]) *Ibid.* п. 11.

[5]) *Ibid.* п. 46. Въ западной Европѣ и общества подмастерьевъ — Gesellensehaften—сложились совершенно естественно, вызванныя потребностями жизни. Сначала это были общества, имѣвшія цѣлью разнаго рода филантропическія, религіозно-нравственныя и п. т. задачи; а потомъ они обращаются въ общества борьбы съ цеховыми мастерами, почему ихъ и начинаютъ преслѣдовать. *Maurer* II. 436 - 440; *Ot. Gierke* I. 404. *Levasseur* I. 501—503.

огромное большинство — касаются только даннаго, отдѣльнаго цеха, и потому являются, если можно такъ выразиться, частно-цеховыми учрежденіями; другія же, относясь ко всѣмъ цехамъ даннаго города, вѣдая все его ремесленно-цеховое населеніе, являются, въ противоположность первымъ, обще-цеховыми учрежденіями. Къ первымъ относятся—управные старшины и ихъ товарищи, составляющіе управу въ тѣсномъ смыслѣ слова; ремесленный сходъ, подмастерская Управа, какъ совокупность подмастерскаго выборнаго и двухъ повѣренныхъ. Къ учрежденіямъ второй категоріи приходится отнести только одно должностное лицо—ремесленнаго Голову.

Я уже говорилъ, что ремесленный Голова избирался по Положенію всѣми цехами города. Но какъ — сказать трудно. Ремесл. Положеніе ограничивается по этому вопросу лишь замѣчаніемъ, что избраніе происходитъ «по балламъ». Оно не опредѣляетъ точно и изъ кого дѣлается выборъ. Вѣроятно его избирали изъ всей массы цеховыхъ ремесленниковъ города безъ всякаго дальнѣйшаго опредѣленія. По избраніи Голова представлялся на утвержденіе Городоваго Магистрата или Ратуши (Думы?), которая и «дозволяла ему засѣданіе» въ томъ случаѣ, если за нимъ не оказывалось никакого «явнаго порока» [1]) Являясь по самому выбору представителемъ всѣхъ цеховъ, всего ремесленнаго населенія города, ремесленный Голова являлся ихъ представителемъ также и по характеру и объему своей власти, которая простиралась на всѣ цехи. Онъ является чѣмъ-то въ родѣ третейскаго судьи, какъ между управами отдѣльныхъ цеховъ, такъ и между должностными лицами даннаго цеха и его ремесленниками [2]). На его же усмотрѣніе долженъ представлять каждый цехъ свое опредѣленіе объ изгнаніи ремесленника изъ своей среды [3]) Этими двумя опредѣленіями въ сущности исчерпывается почти все содержаніе должности ремесленнаго Головы, которая, такимъ образомъ, является должностью по преимуществу судебнаго характера; я говорю по премуществу, такъ какъ изъ того же Положенія видно, что она имѣетъ и административное значеніе, о которомъ, однако говорится какъ-то неопредѣленно, общими мѣстами. Такъ, Положеніе

---

[1]) Ст. 123 п. 11.

[2]) *Ibid.* п. 14.

[3]) *Ibid.* п. 15.

говоритъ, что всѣ общественно-цеховыя должности (которыя, между прочимъ, и приводятся къ присягѣ этимъ Головою [1]) должны быть «почтительны и послушны» ремесленному Головѣ во всемъ, что онъ имъ наставительное скажетъ не отступая отъ установленнаго ремесленнаго Положенія [2])». Наконецъ, представителемъ административнаго начала является ремесленный Голова, засѣдая въ Городской Шестигласной Думѣ, гдѣ онъ, по лаконическому выраженію ремесл. Положенія, «предлагаетъ о нуждахъ и недостаткахъ цеховъ [3]). Сейчасъ приведенное опредѣленіе окажется единственнымъ мѣстомъ въ Положеніи, если только признать, что Голова утверждается Городовымъ Магистратомъ или Ратушей, которымъ указывается, что между ремесленнымъ Головой и Думой города существовали извѣстныя отношенія, но каковы были эти отношенія, опредѣлить при сейчасъ высказанномъ предположеніи въ высшей степени трудно. Объ отношеніяхъ ремесленнаго Головы къ правительственнымъ органамъ въ Положеніи нѣтъ никакихъ указаній. Вѣроятно они не вступали съ нимъ ни въ какія непосредственныя сношенія: его заслоняли собою въ этомъ случаѣ Городская Дума или Городовой Магистратъ.

Должность ремесленнаго Головы является исключительнымъ выраженіемъ стремленія законодателя создать изъ всѣхъ ремесленниковъ отдѣльнаго города самостоятельное сословное цѣлое. Ни съ какою другою одноличною должностью, ни съ коллегіальнымъ учрежденіемъ, аналогичнымъ съ Управою отдѣльнаго цеха, въ которыхъ проглядывала бы таже мысль, мы не встрѣчаемся.

Частно-цеховыя учрежденія являются гораздо болѣе сложными въ сравненіи съ обще-цеховыми. Сложность этихъ учрежденій, пожалуй, была и не по силамъ многимъ цехамъ. Въ этомъ вопросѣ законодатель стоитъ уже гораздо ближе къ оригиналу, съ котораго пишетъ свою копію.

Во главѣ каждаго цеха стоялъ такъ называемый Управный старшина и его двое товарищей, которые и составлялк Управу, какъ коллегіальное учрежденіе, завѣдывавшее дѣлами цеха [4]); какъ

---

[1]) *Ibid.* п. 16 и 17.
[2]) *Ibid.* п. 12.
[3]) *Ibid.* п. 13.
[4]) *Ibid.* п. 10.

старшина, такъ и его товарищи избирались ежегодно въ общемъ собраніи всѣхъ ремесленниковъ даннаго цеха, тѣмъ же порядкомъ, какъ и ремесленный Голова; по избраніи, они представлялись на усмотрѣніе въ Магистратъ или Ратушу, которые ихъ утверждали въ должности [1], въ томъ случаѣ, если за ними не имѣлось никакого «явнаго порока», который, однако, Положеніемъ не опредѣляется; такъ что въ этомъ отношеніи дѣло рѣшалось исключительно по доброму усмотрѣнію членовъ Магистрата или Ратуши, на рѣшеніе которыхъ въ этомъ вопросѣ, думать надо, аппелляціи никуда не допускалось; по крайней мѣрѣ ремесл. Положеніе ничего не говоритъ объ этомъ [2]).

Вѣдѣнію управнаго старшины съ его товарищами, т. е. цеховой Управѣ, подлежатъ дѣла двоякаго рода: дѣла судебныя и административныя. Придавая Ремесленной Управѣ характеръ судебнаго учрежденія, законодатель, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, противорѣчитъ самому себѣ, такъ какъ судомъ все городское торгово-промышленное населеніе вѣдается въ Городовыхъ Магистратахъ и Ратушахъ. Это противорѣчіе исчезаетъ, если всмотрѣться въ дѣло поближе. Цеховые ремесленники—мастера и подмастерья — вѣдаются судомъ въ цеховой Управѣ лишь по тѣмъ дѣламъ, которыя стоятъ въ прямой и непосредственной связи съ ремесломъ; или, какъ выражается ремесл. Положеніе, они вѣдаются лишь «касательно ремесла или довѣрія по ремеслу или поведенія ремесленныхъ въ разсужденіи ремесла» [3]). Словомъ, ей подлежатъ дѣла лишь спеціально ремесленнаго характера [4]). Тоже приходится сказать и объ административной сторонѣ дѣятельности Ремесленной Управы. Она вѣдаетъ цеховыхъ ремесленниковъ въ административномъ отношеніи точно также исключительно «касательно ремесла». На ней лежитъ обязанность «стараться» о благоуспѣшномъ состояніи

---

[1]) *Ibid.* п. 9.

[2]) Какъ мы видѣли уже, Управный Старшина съ товарищами вслѣдъ за утвержденіемъ приносилъ присягу въ присутствіи ремесленнаго Головы. *Ibid.* п. 16 и 17.

[3]) *Ibid.* п. 19.

[4]) Однако и этого рода не всѣ дѣла подлежатъ вѣдѣнію Управы, а лишь не превосходящіе своей стоимостью 25 р., если они — гражданскіе. И наказаніе подмастерьевъ за развратное поведеніе. *Ibid.* п. 108 и 110.

ремесла, о приращеніи въ немъ искусства [1]). На управномъ старшинѣ съ товарищами лежитъ обязанность управленія ремесленной казной [2]). На нихъ же лежитъ обязанность—право созывать въ извѣстныхъ случаяхъ ремесленный сходъ [3]), на которомъ старшина является предсѣдателемъ [4]). Они вписываютъ въ особыя книги мастеровъ цеха, подмастерьевъ и учениковъ [5]). На нихъ лежитъ обязанность заботиться о благосостояніи каждаго отдѣльнаго члена цеха, какъ полноправнаго, такъ и неполноправнаго, т. е. мастера, подмастерья и ученика, оказывая ему помощь въ критическихъ обстоятельствахъ [6]). Они, наконецъ, завѣдуютъ, какъ уже было говорено, пріемомъ въ члены цеха. Перечисливъ всѣ эти обязанности цеховой Управы, ремесленное Положеніе возлагаетъ на нее обязанность заботиться вообще о ремесленникахъ и ремеслѣ, предоставляя ей право, или, употребляя его собственное выраженіе— «не запрещая» ходатайствовать передъ тѣми городскими учрежденіями, которымъ подчиняется цеховое населеніе вмѣстѣ съ остальными въ обще-городскихъ дѣлахъ, о разнаго рода «нуждахъ и пользахъ» [7]). Для осуществленія этого права, ремесл. Положеніе даетъ право управному старшинѣ засѣдать въ Городской Думѣ [8]). Здѣсь онъ предлагаетъ о нуждахъ и недостаткахъ ремесла. Въ чемъ эти

---

[1]) *Ibid.* п. 18.

[2]) *Ibid.* п. 39.

[3]) *Ibid.* п. 21.

[4]) *Ibid.* п. 27.

[5]) *Ibid.* п. 24. Они же хранятъ вѣсы, мѣры, пробы, штемпеля. *Ibid.* п. 29.

[6]) *Ibid.* п. 45. Они обязываются помогать цеховому ремесленнику „въ леченіи или работѣ", если онъ занеможетъ или не въ состояніи имѣть подмастерьевъ и учениковъ.

[7]) *Ibid.* 36.

[8]) *Ibid.* п. 10. Здѣсь мы опять сталкиваемся съ противорѣчіемъ, о которомъ уже шла рѣчь въ первомъ отдѣлѣ этой книги. По 36 п. Управа должна представлять „касательно ремесла и лучшаго исправленія онаго" въ Гор. Магистраты и Ратуши; а по 10 п. той же 123 ст. Управный Старшина съ тою же самою цѣлью засѣдаетъ въ Гор. Думѣ. Это противорѣчіе разрѣшается также, какъ разрѣшается оно относительно завѣдыванія городскими дѣлами Думой и Магистратомъ. Эта оговорка относится до всѣхъ статей Ремесл. Пол., гдѣ цехи поручаются вѣдѣнію Гор. Магистрата или Ратуши.

нужды и недостатки—нѣтъ возможности сказать на основаніи ремесл. Положенія. Вотъ весь объемъ вѣдомства цеховой администраціи, какъ его понимаетъ законодатель. Мы видѣли, что цехи обладаютъ собственностью, что собственностью этой завѣдуютъ тѣже старшины съ ихъ товарищами. Изъ чего же составляется казна цеха, какъ распоряжается ею Управа? Мы уже видѣли, что въ общую казну идутъ взносы, налагаемые на мастеровъ, подмастерьевъ и даже учениковъ, при ихъ вступленіи въ цехъ. Въ эту же казну идутъ всякаго рода пени, которымъ подвергаются нарушившіе постановленія ремесл. Положенія члены цеховъ и посторонція лица [1]); въ нее же идутъ и тѣ сборы, которые несли ремесленники по опредѣленію ремесленнаго схода [2]). На послѣдней статьѣ обще-ремесленнаго дохода, нелишнее нѣсколько остановиться. Этотъ сборъ представляетъ собою, кажется, единственный случай, въ которомъ цеховые ремесленники облагаютъ сами себя сборами, если не подводить подъ понятіе самообложенія постановленія, по которому, каждый вступающій въ цехъ долженъ былъ вносить опредѣленную сумму [3]). Мы не встрѣчаемъ болѣе въ ремесл. Положеніи ни одного мѣста, которое говорило бы о правѣ цеховъ на самообложеніе, хотя не разъ встрѣчаемся съ какими-то «городскими сборами въ цехъ по ремеслу», съ «цеховымъ» [4]), которые, трудно сказать, куда шли — въ ремесленную-ли кассу, въ Думу или составляли видъ государственныхъ сборовъ.

Образовавшейся такимъ образомъ общественной цеховой казной, Ремесленная Управа не могла распоряжаться по собственному усмотрѣнію. Старшина съ товарищами не только обязаны отчетностью во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ относительно общественной собственности [5]); они не только несутъ отвѣтственность за

---

[1]) *Ibid.* п. 42; 44—общее опредѣленіе; 50—52 и 54; 77, 92, 98, 107, 111, 116; 88, 91. и др.

[2]) *Ibid.* п. 114. „Имѣетъ каждый ремесленникъ внести и сколько денегъ въ ремесленную казну“ — предоставляется рѣшенію самого ремесленнаго схода.

[3]) *Ibid.* п. 70.

[4]) *Ibid.* п. 63 и 65.

[5]) Они должны отдавать ежегодный отчетъ при своей смѣнѣ; ихъ учитываютъ новые старшина съ товарищами *Ibid.* п. 39.

всякаго рода упущенія и недобросовѣстныя дѣйствія [1]), но и не должны дѣлать самого ничтожнаго расхода безъ согласія и приговора ремесленнаго схода [2]).

И такъ, старшина съ своими двумя товарищами стоитъ, по крайней мѣрѣ въ финансовыхъ дѣлахъ, въ полной зависимости отъ избравшаго ихъ ремесленнаго схода, того самого схода, собраніе котораго предоставляется, какъ мы видѣли, тому же управному старшинѣ съ товарищами. Будучи обязаны испрашивать разрѣшеніе на расходованіе всякой общественной копейки, старшина и его товарищи въ тоже время по собственному усмотрѣнію рѣшаютъ вопросъ о томъ, нужно-ли по данному дѣлу собрать экстренный ремесленный сходъ или ждать очереднаго собранія [3]). Не забудемъ, приэтомъ, что старшина — предсѣдатель того схода, у котораго обязанъ просить разрѣшеніе на расходованіе общественныхъ суммъ.

Въ такихъ отношеніяхъ стоитъ Ремесленная Управа къ сходу. Каковы ея отношенія къ Городской Думѣ и правительственнымъ органамъ, ремесленное Положеніе не говоритъ прямо. Что касается отношеній послѣдняго рода, то едва-ли будетъ ошибочнымъ мнѣніе, что непосредственныхъ отношеній Управъ къ правительственнымъ органамъ юридически не существовало [4]); въ противномъ случаѣ трудно было бы объяснить совершенное молчаніе по этому вопросу ремесл. Положенія. По вопросу же объ отношеніяхъ перваго рода, т. е. отношеніяхъ Ремесл. Управы къ общегородскимъ учрежденіямъ, можно сдѣлать нѣкоторые положительные выводы на основаніи различныхъ, такъ сказать, косвенныхъ данныхъ ремесл. Положенія и Грамоты 1785 года вообще. Мы уже видѣли, что управный Старшина засѣдаетъ въ Думѣ «на управной старшинской лавкѣ, дабы представлять этому учрежденію о нуждахъ и недостаткахъ ремесла». Изъ этого Положенія едва ли можно что либо вывести

---

[1]) За упущенія и недочеты съ Старшины съ товарищами взыскивается вдвое и они изгоняются изъ Управы. *Ibid.* п. 42.

[3]) *Ibid.* п. 39. См. также п. 45 и 66.

[3]) *Ibid.* п. 90.

[4]) Въ ст. 123, п. 117 предписывается всѣмъ начальникамъ „дать руку помощи" Городовымъ Магистратамъ (Думѣ) во всемъ, что касается цеховъ. Здѣсь же говорится, что всѣ измѣненія и усовершенствованія въ Ремесл. Положеніи, Магистраты должны представлять въ Губернское Правленіе.

объ отношеніяхъ цеховаго старшины къ Думѣ. Но мы знаемъ, что таже Грамота предоставляетъ Шестигласной Думѣ право разрѣшать всякія сомнѣнія по ремесламъ [1]); что таже Дума обязана «хранить ремесл. Положеніе», наблюдать, чтобы всѣ его постановленія были точно исполняемы [2]). Ясно, что Управа поставлена въ зависимость отъ общегородскаго учрежденія — Думы, которая, чтобы исполнить возлагаемыя на него Грамотой обязанности относительно цеховъ, должна пользоваться правами высшаго учрежденія по отношенію къ цеховымъ административнымъ учрежденіямъ. Поэтому, едвали будетъ ошибкой заключить, что цеховая Управа, т. е. старшина управный съ его товарищами стояли къ городскимъ учрежденіямъ въ подчиненномъ отношеніи. Отсюда, надо думать, что за всякаго рода «упущенія, или злоупотребленія или неисполненія ремесленнаго Положенія» они отвѣчали передъ тѣмъ же общегородскимъ учрежденіемъ, которому представляли о нуждахъ и недостаткахъ ремесла [3]). Все это прямо не утверждается въ ремесл. Положеніи, которое говоритъ, что въ случаѣ, если обще-городское учрежденіе усмотритъ въ Управѣ «что либо противное ремесл. Положенію», то «учиняетъ взысканіе» съ управнаго старшины съ товарищами [4]).

Такимъ образомъ, частно-сословныя городскія учрежденія — ремесленныя или цеховыя Управы—находятся по Положенію 1785 года въ тѣсной связи съ обще-городскими учрежденіями, будучи отъ нихъ зависимы. Въ такомъ же отношеніи къ нимъ, какъ мы видѣли, стоялъ и ремесленный Голова, должностное лицо, представляющее собою все ремесленное населеніе города. Въ связи съ общегородскими учрежденіями, хотя уже не прямой, а чрезъ посредство Ремесл. Управы, стояла даже и такъ называемая Подмастерская Управа, состоявшая изъ подмастерскаго выборнаго и двухъ повѣренныхъ, ежегодно избираемыхъ подмастерьями каждаго цеха для завѣдыванія «добрымъ порядкомъ по ремеслу, касательно подмастерьевъ и учениковъ» [5]). Эта Управа утверждается въ своемъ составѣ Ремесл. Управой и состоитъ подъ непосредственныхъ надзо-

---

[1]) Ст. 167.

[2]) Ст. 169. Ст. 123 п. 117.

[3]) Ст. 123 п. 18.

[4]) *Ibid.* п. 116.

[5]) *Ibid.* п. 46.

ромъ отслужившихъ свой годичный срокъ управныхъ старшинъ и ихъ товарищей [1]).

Я уже говорилъ, что воля каждаго цеха, какъ юридическаго лица, выражалась въ общемъ собранiи всѣхъ полноправныхъ членовъ цеха — въ ремесленномъ сходѣ, который собирался три раза въ годъ. Всѣ цеховыя должности являются не болѣе, какъ исполнительными органами цеха, а стало быть его собранiя, однако органами нѣсколько своеобразнаго характера, такъ какъ право схода на изданiе постановленiй было слишкомъ ничтожно. Инициатива въ какихъ либо преобразованiяхъ, какъ мы только-что видѣли, принадлежала не сходу, а Управѣ, которую, поэтому, скорѣе слѣдуетъ назвать представителемъ цеха. Мы видѣли, кто собиралъ сходъ [2]), кто на немъ предсѣдательствовалъ; но мы не знаемъ точно самаго важнаго—какiя дѣла подлежали разсмотрѣнiю схода. Мы знаемъ, что разъ въ годъ онъ избираетъ цеховыхъ чиновниковъ; но вѣдь онъ собирался три раза въ годъ. Мы знаемъ, что онъ разрѣшаетъ расходы цеховой казны, рѣшаетъ вопросъ о взносахъ цеховыхъ членовъ въ общую кассу. Все это достаточно опредѣлено; но мы видѣли, что ремесл. Положенiе представляетъ Управѣ, старшинѣ съ его товарищами, рѣшать вопросъ, о созванiи экстреннаго собранiя схода, ему же, повидимому, предоставляется и рѣшенiе вопроса о томъ, подлежитъ ли данное дѣло рѣшенiю Управы или схода [3]). Такъ этотъ вопросъ рѣшался вѣроятно по отношенiю ко всѣмъ дѣламъ, исключая выборовъ и денежныхъ дѣлъ. А если это такъ, то сходъ становился въ болѣе чѣмъ странныя отношенiя къ своимъ выборнымъ. Наконецъ, предоставляя ремесленному сходу право на расходованiя общественныхъ суммъ, Грамота не останавливается подробно на вопросѣ о томъ, на что собственно эти суммы могутъ расходоваться. Вообще вопросъ объ объемѣ дѣятельности цеховыхъ управъ рѣшенъ далеко не ясно и не точно. Относясь такъ легко къ вопросамъ подобнаго рода, Грамота съ большимъ вниманiемъ останавливается на чисто внѣшней сторонѣ дѣла. Такъ, напр., она

---

[1]) *Ibid.* и п. 48.

[2]) Распускалъ сходъ предсѣдатель, т. е. Управный Старшина. *Ibid.* п. 27.

[3]) *Ibid.* п. 90.

обстоятельно, пожалуй слишкомъ обстоятельно, трактуетъ о «благочиніи и тишинѣ» на ремесленномъ сходѣ; не ограничиваясь одними общими постановленіями, предписывающими во время схода «обходиться тихо и мирно», «наблюдать благочиніе какъ словами такъ и поступками» [1]). Грамота пускается въ перечисленіе самыхъ поступковъ, нарушающихъ это благочиніе и за каждое налагаетъ пеню [2]). Она ревниво охраняетъ авторитетъ схода, наказывая не только всякаго, кто посмѣетъ отозваться неблагопріятно о какомъ либо постановленіи схода, но и того, кто слыша такой отзывъ, не донесетъ о немъ [3]).

Если справедливо замѣчаніе, что регламентація, касающаяся организаціи самого общества цеховыхъ ремесленниковъ была одной формальностью, то, кажется, съ еще большей справедливостью можно полагать тоже самое относительно организаціи административныхъ цеховыхъ органовъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, могли сдѣлать въ пользу ремесленной промышленности всѣ эти Управы, старшины и т. п.? Едвали бы многаго можно было ждать отъ нихъ даже и при большемъ объемѣ предоставленной имъ автономіи; но теперь, когда каждый шагъ ихъ долженъ быть сдѣланъ непремѣнно въ извѣстномъ направленіи, заранѣе опредѣленномъ; когда каждое дѣйствіе ихъ обставлено цѣлымъ рядомъ формальностей, отъ всѣхъ этихъ учрежденій нельзя было ждать даже дого, чего ждалъ отъ нихъ законодатель. Эти учрежденія не представляли собою ничего особеннаго въ сравненіи со всѣми остальными бюрократическими учрежденіями. Какимъ образомъ могли они содѣйствовать ремесленной промышленности? Выдачей пособій раззорившимся ремесленникамъ? Не забудемъ, что выдача эта могла состояться лишь съ разрѣшенія схода, который по правилу собирался три раза въ годъ. Заботой о нуждахъ и пользахъ ремесла? Будемъ помнить, что представленіе объ этомъ предметѣ должно было идти въ Городскую Шестигласную Думу, которая, едвали могла сдѣлать что-либо сама; она, вѣроятно,

---

[1]) *Ibid.* п. 83 и 84.

[2]) Такъ, она грозитъ пеней всякому, кто „шумитъ въ неистовствѣ“, ударяетъ по столу или грозитъ кому; если кто обольетъ кого, оплюетъ, толкнетъ, явится пьянъ, непорядочно одѣтъ; поитъ кого либо или подноситъ питье; подерется. *Ibid.* п. 94, 86, 87, 85.

[3]) *Ibid.* п. 95.

должна была обратиться туда же, куда обращалась съ представленіемъ о нуждахъ и пользахъ города вообще. Едвали я преувеличу, если скажу, что вся эта административная организація цеховъ, въ концѣ концовъ, служила чѣмъ либо не обществу, а тому же правительству, составляя списки ремесленниковъ и собирая съ нихъ казенныя подати и повинности. Вся польза ихъ для развитія ремесленной промышленности ограничивалась лишь тѣмъ, что они неособенно тормазили ее, не прилагая особеннаго рвенія къ возложеннымъ на нихъ въ этомъ отношеніи обязанностямъ.

Сдѣлавъ такъ неудачно попытку организовать ремесленое население города въ видахъ поощренія ремесленной промышленности, законодатель отказывается отъ подобнаго рода попытки по отношенію къ городскому купечеству. Организація этого слоя населенія остается прежней; организаціей, введенной исключительно въ видахъ финансово-государственныхъ интересовъ. Мы видѣли, что Грамота городамъ оставляетъ тоже дѣленіе торговаго населенія городовъ на три гильдіи, которое введено еще въ 1742 году Елизаветой Петровной и подтверждено въ 1775 году Учрежденіемъ о губерніяхъ. Тѣже, полагать нужно, остаются и административно-сословныя купеческія должности. Въ своемъ мѣстѣ мы видѣли, что въ 1742 году Императрицей Елизаветой издана была «инструкція московскаго купечества старшинамъ и старостамъ съ товарищи.» Въ первой же статьѣ этой инструкціи законодатель опредѣляетъ, что въ каждой гильдіи избирается старшина, староста и товарищъ на одинъ годъ; причемъ старшины второй и третьей гильдіи подчиняются старшинѣ первой гильдіи; а старосты съ товарищами въ каждой гильдіи подчиняются старшинѣ [1]). Послѣ изданія этого законодательнаго акта мы не встрѣчаемся болѣе ни съ однимъ указомъ, которымъ бы отмѣнялись или только видоизмѣнялись эти сословныя должности [2]). Въ самой жалованной Грамотѣ 1785 года мы точно также

---

[1]) П. С З. № 8504, п. 1. А эта инструкція лишь нѣсколько пополняетъ опредѣленіе по данному вопросу инструкціи Городовымъ Магистратамъ Петра Великаго См. П. С. З. № 4624, п. 16.

[2]) Въ Учрежденіи о Губ. говорится, что по городамъ и посадамъ Старосты вмѣстѣ съ судьями Словеснаго суда остаются по прежнему. П. С. З. № 14392, ст. 26. О Городовомъ же Старостѣ идетъ рѣчь

не находимъ никакихъ прямыхъ указаній на то, существуютъ или уничтожены эти должности. Мнѣ кажется, едва ли можно найти въ ней и косвенныя указанія по этому предмету, хотя Плошинскій и находитъ ихъ: по его мнѣнію старосты, избираемые городскимъ обществомъ для составленія городской обывательской книги есть ничто иное, какъ старосты купеческихъ гильдій [1]); но изъ четырехъ статей, приводимыхъ имъ въ доказательство, въ трехъ (54, 58 и 60) идетъ рѣчь о старостахъ, избираемыхъ не каждой гильдіей, а «градскимъ обществомъ» и притомъ не на одинъ годъ, какъ избирались старосты гильдейскіе по инструкціи 1742 года, а на три года [2]) и притомъ избирались вмѣстѣ съ депутатами со спеціальной цѣлью—составлять обывательскую книгу; между тѣмъ, какъ старосты 1742 года, вмѣстѣ со старшинами и товарищами, играли гораздо болѣе обширную роль административныхъ органовъ даннаго сословія [3]). Такъ что въ этихъ трехъ статьяхъ Грамоты, по моему мнѣнію трудно видѣть доказательства существованія гильдейскихъ старостъ. Остается лишь 31 статья, которая прямо говоритъ о старостахъ, избираемыхъ уже на одинъ годъ (стало быть совершенно иного рода); причемъ ссылается на 72 ст. Учрежденія о губ., гдѣ, какъ мы видѣли, дѣйствительно говорится о старостахъ, но все-таки городовыхъ, а не гильдейскихъ; а рѣшить вопросъ о тождествѣ этихъ двухъ старостъ я не берусь. Однако эта статья (31) Грамоты несомнѣнно указываетъ на существованіе особой городской должности старосты, совершенно особой отъ должности старосты, какъ члена депутатскаго собранія, притомъ должности, избираемой опять-таки «обществомъ градскимъ», а не гильдіями только. Что представляла собою эта должность—Грамота мол-

---

и въ ст. 31, 57, 72 и 294. Но вездѣ идетъ рѣчь о Городскомъ старостѣ. Есть ли это гильдейскій староста?

[1]) Гор. или Сред. состояніи рус. народа. Стр. 267. Онъ ссылается на 31, 54, 58 и 60 ст. Грамоты, въ которыхъ, дѣйствительно рѣчь идетъ о старостахъ, но какъ о членахъ Коммиссіи, составляющей обывательскую книгу.

[2]) Грам. гор. ст. 58.

[3]) П. С. З. № 8504: на нихъ возлагались нѣкоторыя полицейскія обязанности (п. 3); сборы всякаго рода (п. 6—12), на нихъ же—охраненіе интересовъ выборныхъ, приставленныхъ къ казеннымъ службамъ и т. п. (18—20).

читъ. Во всякомъ случаѣ, съ учрежденіемъ Шестигласной Думы, они едва-ли могли быть чѣмъ либо, кромѣ ея исполнительныхъ органовъ.

И такъ, существованіе гильдейскихъ старостъ послѣ изданія Грамоты городамъ приходится допустить лишь на томъ, чисто отрицательномъ основаніи, что послѣ 1742 года мы не встрѣчаемся въ Полномъ Собраніи Законовъ съ указомъ, который отмѣнялъ бы эту сословную должность.

По отношенію къ остальнымъ четыремъ категоріямъ городскихъ обывателей, Грамота не дѣлаетъ уже никакихъ попытокъ къ установленію особыхъ, частныхъ учрежденій.

Нѣсколько словъ въ заключеніе.

Мы видѣли, въ какомъ состояніи завѣщанъ былъ городъ семнадцатымъ вѣкомъ восемнадцатому. Теперь мы видимъ, что сдѣлалъ съ городомъ XVIII вѣкъ, въ какомъ состояніи онъ передаетъ его XIX столѣтію.

Русскій городъ, какъ мы видѣли, представляетъ собою юридическое лицо до конца XIII столѣтія, а Новгородъ и Псковъ даже до XVI. Съ характеромъ юридическаго лица видимъ мы его и наканунѣ XIX вѣка; съ этимъ характеромъ вступаетъ онъ и въ XIX вѣкъ. Но между значеніемъ его, какъ юридическаго лица до XIV вѣка и такимъ же значеніемъ его въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія — громадная разница. Въ четыре вѣка нашъ городъ пережилъ очень много. Изъ города-государства онъ обратился въ простую земскую, мѣстную единицу. И обратился въ эту послѣднюю, переживъ въ теченіи четырехъ вѣковъ, если можно употребить это выраженіе, тяжелое аморфное состояніе.

Типъ русскаго города до развитія московскаго государства—Новгородъ и его младшій братъ, а потомъ такой же «осподинъ» Псковъ—представляетъ собою наиболѣе рельефный примѣръ состоянія русскаго города въ первый періодъ его развитія. Это былъ городъ-государство, носившій характеръ юридическаго лица исключительно почти *политическаго* свойства. Это былъ не городъ, въ смыслѣ простой земской, автономической единицы, это былъ «господинъ» Великій-Новгородъ, владѣвшій огромными «землями» съ немалымъ числомъ пригородовъ. Здѣсь—полное смѣшеніе государственной вла-

сти съ мѣстной, общинной; первая совершенно поглощала вторую. Выдѣленіе этихъ властей одной изъ другой къ XVI ст., времени паденія этихъ городовъ, совершиться не успѣло.

Паденіе города, какъ государственнаго организма, должно было повлечь за собою и паденіе города, какъ земской единицы. Исчезло вѣче, и въ городѣ не стало того элемента, который связывалъ всѣ отдѣльныя городовыя общины; городъ сталъ представлять собою простой конгломератъ ничѣмъ несвязанныхъ между собою мелкихъ общественныхъ единицъ. Въ такомъ состояніи городъ переходитъ въ руки московскихъ князей, въ рукахъ которыхъ ему не суждено было собраться воедино, вылиться въ форму единаго цѣлаго, въ форму мѣстной земской единицы, обладающей характеромъ юридическаго лица.

Въ силу особо сложившихся историческихъ обстоятельствъ, все населеніе московскаго государства организуется въ систему государственно-тяглыхъ сословій. Эта система, вмѣстѣ съ фактическимъ состояніемъ на Руси торговли и промысловъ съ одной стороны и земледѣлія съ другой и ихъ взаимныхъ отношеній, не могла содѣйствовать развитію города ни въ фактическомъ отношеніи — какъ торгово—промышленныхъ пунктовъ населенія, ни въ юридическомъ— какъ единаго организма, представляющаго собою совокупность всего городскаго населенія. Земледѣльческая промышленность въ московской Руси преобладала надъ всѣми остальными видами. Промышленность обработывающая развивалась очень туго: до самаго XVIII столѣтія она нешла дальше состоянія рукомесла. Сколько нибудь выходившія за предѣлы обыденныхъ потребности удовлетворялись «изъ-за рубежа.» Мелкія промысла или, лучше, рукомесла были неменѣе, если еще не болѣе, развиты въ деревняхъ и селахъ, чѣмъ въ городахъ. Ими занималось сельское населеніе, какъ подспорьемъ. Городское населеніе по характеру занятій распадалось на двѣ, рѣзко различающіяся категоріи—категорію торговцевъ-промышленниковъ, въ составъ которыхъ входилъ и земледѣльческій элементъ, и категорію служилыхъ людей. Послѣдняя категорія была наиболѣе важной и значительной, если не количественно, то качественно. Въ средѣ торгово-промышленнаго слоя количественно преобладалъ, разумѣется, слой мелкихъ ремесленниковъ, торговцевъ и земледѣльцевъ. Крупные представители промысла и торговли—гости, го-

стиныя и суконныя сотни, существовали на лицо лишь въ ничтожномъ количествѣ городовъ, да и тамъ, относительно всего городскаго населенія, составляли не болѣе, какъ каплю въ морѣ.

Быстро увеличивавшіяся нужды государства требовали увеличенія податей и налоговъ, государственнаго тягла. Это не могло содѣйствовать развитію торговли и промышленности, а стало быть и развитію городовъ. Интересы государственные поглощали всякіе другіе. Иначе и быть не могло. Огражденіе себя отъ набѣговъ и захвата южныхъ хищниковъ и болѣе цивилизованныхъ, а потому и болѣе опасныхъ, сосѣдей запада требовали напряженія всѣхъ силъ всѣхъ слоевъ населенія. Постепенно всѣ слои населенія были прикрѣплены, такъ сказать, къ этимъ государственнымъ интересамъ, а вмѣстѣ со всѣми и едва зарождавшееся торгово-промышленное населеніе городовъ. Сложились государственно-тяглыя сословія. Они вынесли на своихъ крѣпкихъ плечахъ государство. «Сословныя тягла стянули въ одно цѣлое московское государство», говоритъ изслѣдователь московскаго уѣзда, «всѣ сословія сгруппировались вокругъ одного общаго центра». Но это «московское государство», справедливо замѣчаетъ тотъ же изслѣдователь, «было виновато, что мѣстность не представляла никакого общественнаго единства» [1]. Иными словами, государство, создавая, ради своихъ интересовъ тяглое сословіе, разрушило мѣстную общину. Эта судьба постигла и городъ: создалось въ XVII ст. государственно-тяглое торгово-промышленное сословіе, но не выработалось города въ смыслѣ единаго цѣлаго земскаго организма. Городъ не могъ сложиться въ такой организмъ, благодаря сословно-тяглой политикѣ московскаго правительства, которая разъединяла мѣстное общество, отдѣльные классы котораго тянули разныя тягла и потому не имѣли никакихъ общихъ интересовъ, такъ какъ мѣстныхъ интересовъ вовсе не существовало, а до сознанія общности интересовъ государственныхъ эти различные классы еще не поднялись. Городъ, представляя собою, фактически, совокупность отдѣльныхъ слоевъ населенія, несшихъ различныя тягла, не могъ ни въ какомъ случаѣ быть чѣмъ либо инымъ, кромѣ простаго конгломерата отдѣльныхъ общинъ, не связанныхъ между собою, если можно такъ вы-

[1]) *Градовскій:* Исторія мѣстн. Управл. Россіи. 380.

разиться, химически. Каждое сословіе напрягало всѣ свои силы къ тому, чтобы тѣмъ или инымъ способомъ если не облегчить свое тягло, то покрайней мѣрѣ, помѣшать усиленію его. Вспомнимъ соборъ 1642 года, созванный Михаиломъ Ѳеодоровичемъ по поводу предложенія донскихъ козаковъ о принятіи отъ нихъ города Азова, отнятаго ими у турокъ. Въ отвѣтахъ членовъ этого собора въ высшей степени рельефно выразилось, если можно такъ выразиться, единорозное, сословное, состояніе Руси XVII ст. Кто явился на соборъ? Не представители уѣздовъ или городовъ, какъ земскихъ единицъ, «а всякихъ чиновъ людей: лучшихъ, среднихъ и меньшихъ». Царь обращается «къ стольникамъ, дворянамъ московскимъ и дьякамъ, головамъ, сотникамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ изъ городовъ, гостямъ, гостиныя и суконныя сотни и черныхъ сотень торговымъ и всякихъ чиновъ служилымъ и жилецкимъ людямъ»; отъ представителей этихъ сословныхъ группъ ждетъ Царь отвѣта, имъ предлагаетъ онъ «помыслить на крѣпко» о предложенномъ вопросѣ [1]). Представители всѣхъ этихъ группъ отдѣльно мыслили, отдѣльно и «мысль свою объявили на письмѣ». Въ этихъ ихъ «мысляхъ» сословная рознь, отсутствіе сознанія единства, стремленіе каждаго сословія свалить по возможности больше на другое — выразились въ высшей степени характерно. Въ мысляхъ всѣхъ сословныхъ группъ откликнулось единство: всѣ, какъ одинъ отвѣчали, «что въ томъ его Государева воля». Но соборъ зналъ, что для осуществленія Государевой воли, если она будетъ направлена на занятіе Азова, нужны будутъ средства и что средства эти доставить лежитъ на обязанности сословій. Члены собора не отказываются и отъ этого; они готовы дать и средства. Но представители каждой группы, изъявляя свою готовность, не могутъ удержаться, чтобъ не указать, что они «исхудали» и что слѣдуетъ взять больше съ тѣхъ, которые «понажились». Дворяне не преминули указать, что есть монастыри, пожалованные люди, за которыми помѣстій и вотчинъ много: а «что бѣдность ихъ вѣдома ему Государю и его боярамъ». Кивнули они и на дьяковъ и подьячихъ, что, «обогатѣвъ многимъ богатствомъ неправеднымъ отъ своего мздоимства, покупили многія вотчины и

---

[1]) *Соловьевъ*: Ист. Россіи. IX. 297.

домы свои построили многіе, палаты каменныя такія, что неудобь сказаемыя». Торгово-промышленное населеніе городовъ отвѣчало въ еще болѣе минорномъ тонѣ: «мы, холопи твои, гостишки и гостиной и суконной сотни людишки городовые питаемся на городахъ отъ своихъ промыслишковъ,... службы твои Государевы служимъ на Москвѣ и въ иныхъ городахъ, ежегодно, безпрестанно, и отъ этихъ службъ... многіе изъ насъ оскудѣли и обнищали до конца. А будучи мы на твоихъ службахъ, сбираемъ твою Государеву казну съ великою прибылью: гдѣ сбиралось въ прежніе годы сотъ по пяти и по шести, теперь сбирается съ насъ и со всей земли нами же тысячь по пяти и по шести; а торжишки у насъ стали гораздо худы». Нисшіе слои торгово-промышленнаго населенія городовъ жаловались на свое раззоренье и того больше и заявляли, что «отъ такой великой бѣдности многіе тяглые людишки изъ сотень и изъ слободъ разбрелись розно и дворишки свои мечутъ» [1]). Понятно, на что бьютъ всѣ эти гостишки и людишки, указывая на свое жалкое положеніе. А положеніе, дѣйствительно, было очень жалкое.

Въ этомъ же соборѣ мы видимъ, что не только городское населеніе Руси вообще дробится на отдѣльныя сословія, не имѣющія ничего общаго между собою, но и отдѣльное сословіе торговцевъ-промышленниковъ распадается на нѣсколько группъ, тянущихъ врознь. Гостишки, гостиной и суконной сотень людишки, тяглые, черные людишки сотень и слободъ—подаютъ свои «мысли» отдѣльно другъ отъ друга, отдѣльно просятъ царя сжалиться надъ ними, не обременять ихъ больше. Непрочь каждое изъ нихъ указать на другихъ, на которыхъ можно наложить новыя тяготы. И къ такому дробленію даже отдѣльнаго сословія на группы вело тоже сословно тяглое состояніе населенія Руси XVII вѣка. Внося рознь и дробленіе во внутреннее состояніе города, въ его внутреннюю, общественно-экономическую жизнь, административная политика XVII в. не вноситъ единства в н ѣ ш н я г о. XVII в. не создаетъ ни одной общественно-выборной или правительственной административной должности или учрежденія, которыя вѣдали бы городъ, какъ отдѣльную административную единицу. Всѣ должностныя лица, какъ выборно-обще-

---

[1]) *Ibid.* 298—303.

ственныя, такъ и правительственныя вѣдали или часть города, или больше чѣмъ городъ, городъ съ его округомъ — уѣздъ. Не выдѣливъ города, какъ административную единицу, изъ состава уѣзда, не создавъ для него особаго административнаго органа, XVII столѣтіе не создаетъ такого органа или учрежденія для завѣдыванія всего торгово-промышленнаго населенія Руси, т. е. не создавъ мѣстнаго органа, оно не создаетъ и центральнаго для завѣдыванія городскимъ населеніемъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, населеніемъ, которое это столѣтіе окончательно обратило въ особое государственно-тяглое сословіе. Отсутствіе такого учрежденія тяжело отзывалось на торгово-промышленномъ сословіи и вообще на государствѣ. Вѣдаясь сборами съ нѣсколькихъ центральныхъ московскихъ приказахъ, торгово-промышленное населеніе терпѣло «убытки и раззореніе» не малые, терпѣло ихъ и государство, многочисленные слуги котораго слишкомъ корыстно относились къ проходившимъ чрезъ ихъ руки сборамъ. Къ концу XVII ст. московское правительство (по крайней мѣрѣ лучшіе представители его) сознало, наконецъ, необходимость созданія единаго центральнаго учрежденія, «пристойнаго приказа», который одинъ вѣдалъ бы все торгово-промышленное населеніе государства во всѣхъ его дѣлахъ. Но что вызвало въ людяхъ московскаго правительства такого рода сознаніе? Государственные интересы: правительство видѣло, что вѣдая торгово-промышленное населеніе городовъ въ различныхъ приказахъ, оно несло «истери» въ государственныхъ «сборахъ» вдвойнѣ: эти сборы таяли, проходя черезъ руки безчисленныхъ приказныхъ; а всѣ эти «гостишки, суконныхъ, гостиныхъ и черныхъ сотень и слободъ людишки обнищали и оскудѣли до конца». Ординъ-Нащокинъ проэктировалъ такой, единый для всего торгово-промышленнаго населенія Руси «пристойный приказъ». Но его проэкту не суждено было осуществиться при жизни автора. Онъ осуществился, притомъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, при Петрѣ Великомъ.

Профессоръ Дмитріевъ, говоря объ организаціи областнаго судоустройства Петромъ Великимъ, замѣчаетъ о времени этого великаго преобразователя, что «въ эту эпоху всѣ новыя мѣры (административныя) были въ сущности только улучшеніемъ стараго порядка» [1].

---

[1]) Исторія судебн. инстанцій. 448. Тремя годами раньше ту же самую

Если это замѣчаніе, быть можетъ, нѣсколько преувеличено относительно государственно-административныхъ мѣръ Петра вообще, то по отношенію къ мѣрамъ касающимся городовъ, или лучше торгово-промышленнаго населенія ихъ, оно въ высшей степени справедливо. Петръ вовсе не зналъ города, какъ единаго цѣлаго, какъ юридическаго лица. Всѣ его заботы обращены были на торгово-промышленное населеніе городовъ, на роль и значеніе котораго въ государствѣ онъ смотрѣлъ тѣми же совершенно глазами, что и его предшественники. Онъ видѣлъ въ немъ только служилое, тяглое сословіе, обязанное тянуть свое тягло въ пользу государства. Всѣ его преобразованія, касающіяся этого сословія или такъ называемыхъ городскихъ учрежденій, были результатомъ этого взгляда не представляющаго рѣшительно ничего новаго въ сравненіи со взглядомъ на этотъ предметъ его предшественниковъ. И онъ, какъ его предшественники, имѣлъ въ виду, издавая указъ о Земскихъ Избахъ, и Бурмистерской Палатѣ, не городъ вообще, а только торгово-промышленное населеніе городовъ Россіи. Его Земскія Избы съ Бурмистерской Палатой могутъ быть названы городскими учрежденіями развѣ лишь въ томъ смыслѣ, что они находились въ городахъ; они не могутъ быть названы городскими ни даже по составу своему, такъ какъ мы видѣли, что въ ихъ составъ входили и представители сельскаго (вѣроятно торгово-промышленнаго населенія); тѣмъ менѣе могутъ быть названы они городскими по предметамъ ихъ вѣдомства: ихъ вѣдѣнію подлежали сборы въ цѣломъ государствѣ. Эти учрежденія—ничто иное, какъ сословно-государственныя учрежденія, имѣющія своей исключительной цѣлью устраненіе «большихъ недоборовъ въ пошлинныхъ сборахъ и иныхъ поборахъ», устраненіе «доимки въ окладныхъ многихъ доходахъ» государственныхъ, какъ выражаются сами указы объ учрежденіи Избъ и Палаты. Эти учрежденія замѣняютъ воеводъ съ ихъ Избами и приказы, вѣдавшіе торгово-промышленное населеніе городовъ какъ ради только-что указанной цѣли, такъ и ради того,

---

мысль высказалъ другой, не менѣе авторитетный изслѣдователь—*Чичеринъ*—въ такихъ выраженіяхъ: „Петръ Великій не ввелъ никакихъ новыхъ началъ въ областное управленіе; онъ только привелъ въ порядокъ существующіе“. Областн. учр. 590.

чтобы устранить «большіе убытки и раззоренье», которые «чинились» только-что названными учрежденіями посадскому населенію. Вотъ почему, разъ законодатель убѣдился, что ни «доимка» государственная, ни «раззоренье и убытки» посадскихъ не уменьшились вслѣдствіе того, что «храмина» торгово-промышленнаго сословія собрана — онъ отказывается на время даже какъ будто отъ самой мысли собранія, и во всякомъ случаѣ навсегда отъ Палаты, Ратуши и Земскихъ Избъ. Вопросъ еще остались ли бы новыя учрежденія вполнѣ неприкосновенными даже и въ томъ случаѣ, еслибъ они и принесли государству нѣкоторое облегченіе отъ той язвы, противъ которой боролся великій реформаторъ: тотъ же авторъ указовъ, года четыре спустя послѣ изданія ихъ, начинаетъ приписывать города къ такимъ государственнымъ дѣламъ, какъ «корабельное». Чѣмъ здѣсь руководится законодатель, какъ не исключительно государственными интересами и соображеніями помимо всякихъ другихъ?

Оказавшіяся несостоятельными Земскія Избы и Ратуша замѣняются въ двадцатыхъ годахъ XVIII ст. новыми учрежденіями—Магистратами. Съ перваго взгляда Городовые Магистраты съ Главнымъ во главѣ ихъ, какъ будто представляютъ нѣчто новое не съ одной внѣшней, формальной стороны, но и съ внутренней. Но такъ можетъ показаться только съ перваго взгляда, подъ вліяніемъ тѣхъ мѣстъ и выраженій регламента Главному Магистрату, въ которыхъ идетъ рѣчь о «городѣ», «градскомъ начальствѣ», «фундаментальномъ подпорѣ человѣчества» полиціи и т. п. Сколько нибудь внимательное разсмотрѣніе какъ регламента, такъ и остальныхъ указовъ Петра, касающихся даннаго предмета, должно привести, какъ мы видѣли, къ убѣжденію, что только-что упомянутыя мѣста и выраженія регламента ни мало не вяжутся съ сущностью его. Эти мѣста и выраженія—только результатъ того, что законодатель заимствовалъ форму своихъ Магистратовъ у германскихъ городовъ: подобныя выраженія проскользнули какъ общія выраженія. Великому царю нельзя отказать въ нѣкоторыхъ новыхъ стремленіяхъ, относительно городскаго населенія, которыя онъ высказываетъ въ регламентѣ. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ регламентѣ высказываются заботы о городскомъ населеніи уже нѣсколько съ иной точки зрѣнія, чѣмъ съ какой высказывались они въ указахъ объ учрежденіи

Избъ и Ратуши; правда, законодатель заботится объ этомъ населеніи уже не съ прежней, исключительно финансово-государственной точки зрѣнія, правда, что онъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ по крайней мѣрѣ, какъ будто стремится Магистратъ, это сословное государственное учрежденіе, обратить въ сословно-городское. Но правда и то, что все это осталось pia desideria царя, навѣянными западно-европейскими учрежденіями городовъ. На самомъ же дѣлѣ Городовые Магистраты съ Главнымъ вовсе не представляютъ собою что-либо новое по сущности. Это все тѣ же государственно-сословныя, административныя учрежденія, которыя мѣстными можно назвать развѣ потому лишь, что находятся они не въ Москвѣ или Петербургѣ, какъ центрахъ государственной администраціи, а въ губерніи и уѣздахъ. Отыскивать же въ нихъ мѣстный характеръ по сущности, т. е. видѣть въ нихъ общинно-городскія учрежденія, значило бы отыскивать и видѣть въ нихъ то, чего они не содержали въ себѣ. Если они, съ одной стороны, и не вѣдаютъ уже, какъ Земскія Избы, вмѣстѣ съ городскими торгово-промышленными людьми и уѣздныхъ; если въ ихъ составъ уже и не входятъ представители отъ этихъ уѣздныхъ людей, то съ другой стороны, они все-таки, какъ и Земскія Избы, не вѣдаютъ всего города, какъ совокупности всего городскаго сословія, а лишь одну часть его—торгово-промышленное населеніе — «регулярныхъ гражданъ», къ которымъ ни духовенство, ни дворяне, не «подлые» люди не принадлежали. Такимъ образомъ, не объединивъ городскаго населенія внутренней связью, Городовые Магистраты не объединяли его и внѣшнимъ образомъ.

Преемники Петра разсыпали даже и сословную храмину, собранную имъ. Можно ли было ждать отъ этого времени какихъ-либо мѣръ по отношенію къ городу, какъ земской автономической единицѣ? А между тѣмъ, какъ это не идетъ въ разрѣзъ съ общимъ ходомъ административной организаціи первыхъ трехъ четвертей XVIII столѣтія, въ эту именн) эпоху мы встрѣчаемся, положимъ, съ совершенно единичнымъ, законодательнымъ актомъ, которымъ вновь образуемый на дальнемъ востокѣ городъ Оренбургъ обращается дѣйствительно въ земскую единицу, обладающую уже нѣкоторыми правами общественнаго самоуправленія. Но этотъ фактъ остался единичнымъ фактомъ. Важности его, однако, нельзя отри-

цать: въ этомъ фактѣ выражается въ высшей степени важное явленіе: въ немъ осуществляется новое, сознанное законодателемъ, юридико-политическое понятіе — понятіе о городѣ, какъ объ особомъ, едином, цѣльномъ организмѣ, обладающемъ свойствами юридическаго лица,—организмѣ, имѣющемъ свои особые интересы, отдѣльные отъ интересовъ государственныхъ.

Дочь великаго преобразователя, возстановляя сословно-городскія учрежденія своего отца, какъ будто вовсе не знала о существованіи оренбургскаго городскаго устройства. Но и въ возстановленныхъ магистратскихъ учрежденіяхъ проскальзываетъ, какъ будто нѣчто новое; законодатель все-таки дѣлаетъ шагъ къ объединенію городскаго населенія въ одно цѣлое; шагъ этотъ, однако, едва замѣтенъ. Возстановленные Магистраты все-таки остаются государственно—сословными учрежденіями, вѣдающими интересы и нужды государственные.

Такими такъ называемыя городскія учрежденія оставались до послѣдней четверти XVIII столѣтія [1]). Только въ это время въ законодательствѣ о городскомъ устройствѣ произошелъ переворотъ. Зародившееся пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ умѣ правительства сознаніе о городѣ, какъ особомъ административно-общественномъ организмѣ, слагается уже окончательно и проявляется не въ отдѣльномъ фактѣ, а въ «единственномъ положеніи», общемъ для всѣхъ городовъ Россіи. Жалованная Грамота городамъ 1785 года ложится въ нашемъ законодательствѣ о городахъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ покоилось городское общественное устройство до самаго послѣдняго времени. Она понимаетъ городъ какъ юридическое лицо; понимаетъ его какъ особую, мѣстную общину, имѣющую свои, особые отъ государственныхъ, интересы и нужды. Она создаетъ дѣйствительно городскія учрежденія, учрежденія, образованныя изъ представителей всего городскаго населенія, всѣхъ

---

[1]) Я не забываю о должности Городскаго Головы, учрежденной въ 1766 году „Обрядомъ“ избранія депутатовъ отъ городовъ въ Коммиссію 1767 года. Но эта должность, хотя и является олицетвореніемъ города, какъ совокупности всего городскаго населенія слишкомъ, такъ сказать, случайна, чтобъ останавливаться на ней здѣсь. Она можетъ лишь служить доказательствомъ того, что новое понятіе законодателя о городѣ, появившееся на свѣтъ слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ, не умерло.

слоевъ его. Эти учрежденія являются городскими и не въ этомъ только смыслѣ; они являются таковыми и по объему ихъ компетенціи, которая распространяется на весь городъ, на все его населеніе, а не на одну какую-либо часть его. Дума дѣйствительно — «глава и начальство» города, «всѣхъ гражданъ», хотя глава съ очень ограниченною властью. Но это другой вопросъ—вопросъ практическаго примѣненія теоретически сознанной законодателемъ мысли.

Такимъ образомъ, городъ обратился въ особую мѣстную общину, обладающую, какъ бы они малы не были, извѣстными правами самоуправленія, только въ концѣ XVIII столѣтія. Иначе и быть не могло. Объ общинной автономіи можетъ быть рѣчь лишь съ того момента, когда начинается освобожденіе сословій изъ крѣпостной зависимости тяглу. Какъ московская, старая политика закрѣпленія сословій должна была убить и дѣйствительно убила общину, въ смыслѣ земской автономичной единицы, такъ новая политика петербургскаго періода должна была привести къ воскресенію этой общины, которое совершается только въ наши дни, такъ какъ только въ наши дни завершился второй періодъ общественно-государственнаго развитія Россіи.

Итакъ, то самое государство, въ жертву которому нѣкогда принесена была городская община, снова создаетъ ее. Это и понятно. Всѣ силы общества уходили въ государство, которое одно охватывало «всего человѣка.» Иниціативы въ чемъ бы то ни было можно было ждать только отъ государства: объ общественной иниціативѣ не могло быть рѣчи за весь этотъ періодъ, періодъ, если можно такъ выразиться, безобщественный. Въ XVII и даже XVIII столѣтіи можно говорить о сословіяхъ, пожалуй сословныхъ общинахъ, но не объ обществѣ; его не существовало. Въ чемъ можно было ждать иниціативы отъ этихъ тяглыхъ сословій или ихъ общинъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить знаменитая екатерининская коммиссія 1767 года. Перебирая богатые матеріалы относительно этой коммиссіи (собранныя и издаваемыя г. Полѣновымъ), поражаешься ея внутреннимъ сходствомъ съ соборомъ 1642 года: та же сословная рознь, тѣ же узкіе сословные взгляды каждое; сословіе имѣетъ въ виду исключительно свои сословные интересы,

каждый вопросъ обсуждается именно только съ этой, притомъ государственно-тяглой, точки зрѣнія; въ результатѣ получается нѣчто невообразимо хаотическое. Всѣ наказы депутатскіе, всѣ ихъ рѣчи направлены къ одной цѣли—доказать правительству тяжкое положеніе даннаго сословія, добиться отъ него облегченія для этого сословія; причемъ самый характеръ рѣчей очень сроденъ съ «мыслями» представителей сословій на соборѣ 1642 года: то же стремленіе свалить тяготы съ себя на другихъ. Чего-жъ другаго можно было ждать отъ членовъ коммиссіи? Можно только удивляться, что между ними нашлись такіе головы, которыя подняли вопросъ о крѣпостной зависимости крестьянъ отъ господъ, вопросъ уже не сословный съ точки зрѣнія поднявшаго его. Откуда могли зайдти въ массу населенія мысли о болѣе широкихъ, общихъ интересахъ?

Но чѣмъ же мотивировалась по отношенію къ данному вопросу инціатива правительства, что толкнуло его на тотъ путь, на который оно повертываетъ во второй половинѣ XVIII столѣтія? Вопросъ, отвѣтить на который въ нѣсколькихъ словахъ было бы перешедшей всякіе предѣлы смѣлостью. Здѣсь достаточно ограничиться установленіемъ факта, изслѣдованіе историческихъ причинъ котораго ждетъ болѣе солидныхъ силъ.

А самый фактъ правительственной инціативы, мнѣ кажется, остается фактомъ, противъ справедливости котораго едвали можно что-либо возразить: существованіе этого факта едвали можно отрицать и въ наши дни. Въ немъ — глубокая характеристическая черта историческаго развитія нашей общественно-государственной жизни въ отличіе отъ западно-европейской.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Очеркъ историческаго происхожденія городскаго самоуправленія въ западной Европѣ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Русскій городъ до учрежденія Магистратовъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Бурмистерская Палата и Земскія избы.

КНИГА ВТОРАЯ.

Регламентъ Главному Магистрату.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Новое городское устройство.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Цехи.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Русскіе города послѣ смерти Петра великаго до 1785 года.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Городъ до Екатерины II.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Города при Екатеринѣ II до 1785 года.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Жалованная грамота городамъ 1785 года.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Городское общество, общія городскія учрежденія.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Частныя городскія учрежденія.

